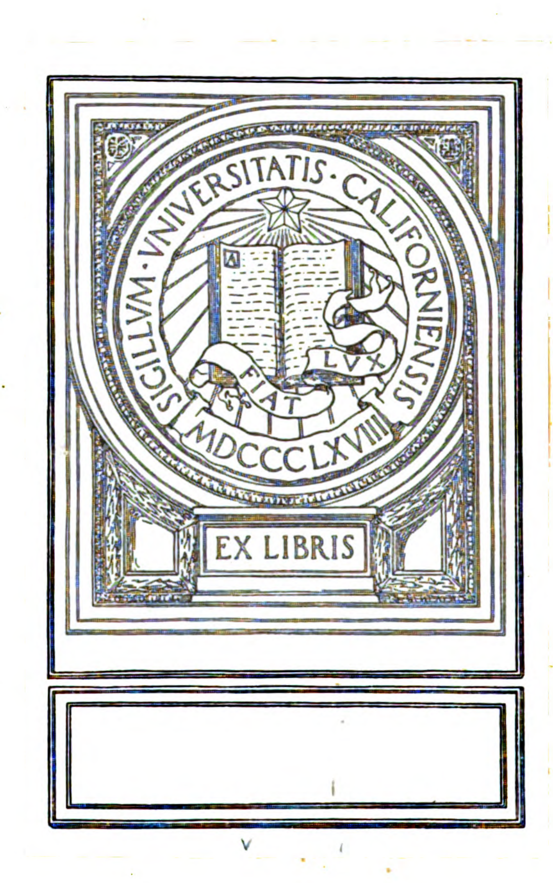

SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XIV-й. № 11-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

НОЯБРЬ.

1905 г.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей великой и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно съ благомъ народнымъ, и печаль народная—Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству Державы Нашей.

Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ Нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

На обязанность Правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2. Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ, засимъ, дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку.

и 3. Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ Нами напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ.

Данъ въ Петергофѣ, въ 17-й день окрября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть Предсѣдателю Комитета Министровъ, статсъ-секретарю графу Витте принять мѣры къ объединенію дѣятельности Министровъ, впредь до утвержденія законопроекта о Совѣтѣ Министровъ.

На подлинномъ Его Императорскому Величеству, въ Петергофѣ, въ 17-й день октября 1905 г., благоугодно было Собственноручно начертать: *„Принять къ руководству“.*

Всеподданнѣйшій докладъ статсъ-секретаря графа Витте.

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было передать мнѣ Высочайшія Вашего Величества указанія относительно направленія, по которому должно слѣдовать Правительство въ связи съ соображеніями о современномъ состояніи Россіи, и приказать соотвѣтственно сему представить всеподданнѣйшій докладъ.

Вслѣдствіе сего пріемлю долгъ всеподданнѣйше представить нижеслѣдующее:

Волненіе, охватившее разнообразные слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устроенія, или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія, несомнѣнно, лежатъ глубже. Они—въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы.

Въ уровень съ одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены и внѣшнія формы русской жизни. Первую задачу Правительства должно составлять стремленіе къ осуществленію теперь же, впредь до законодательной санкціи черезъ Государственную Думу, основныхъ элементовъ правового строя: свободы печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности. Укрѣпленіе этихъ важнѣйшихъ сторонъ политической жизни общества должно послѣдовать путемъ нормальной законодательной разработки, наравнѣ съ вопросами, касающимися уравненія передъ закономъ всѣхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, независимо отъ вѣроисповѣданія и національности. Само собою разумѣется, что предоставленіе населенію правъ гражданской свободы должно сопутствоваться законнымъ ограниченіемъ ея для твердаго огражденія правъ третьихъ лицъ, спокойствія и безопасности государства.

Слѣдующей задачей Правительства является установленіе такихъ учрежденій и такихъ законодательныхъ нормъ, которыя соотвѣтствовали бы выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества и давали положительную гарантію въ неотъемлемости дарованныхъ благъ гражданской свободы. Задача эта сводится къ устроенію правоваго порядка. Соотвѣтственно цѣлямъ водворенія въ государствѣ спокойствія и безопасности, экономическая политика Правительства должна быть направлена ко благу широкихъ народныхъ массъ, разумѣется, съ огражденіемъ имущественныхъ и гражданскихъ правъ, признанныхъ во всѣхъ культурныхъ странахъ.

Намѣченныя здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ основанія правительственной дѣятельности для полнаго осуществленія своего требуютъ значительной законодательной работы и послѣдовательнаго административнаго устроительства. Между выраженнымъ съ наибольшей искренностью принципомъ и осуществленіемъ его въ законодательныхъ нормахъ, а въ особенности проведеніемъ этихъ нормъ въ нравы общества и пріемы правительственныхъ агентовъ, не можетъ не пройти нѣкоторое время. Принципы правового порядка воплощаются лишь постолько, посколько населеніе получаетъ къ нимъ привычку — гражданскій навыкъ. Сразу пріуготовить страну со 135 милліоннымъ разнороднымъ населеніемъ и обширнѣйшей администраціей, воспитанными на иныхъ началахъ, къ воспріятію и усвоенію нормъ правоваго порядка не по силамъ никакому правительству. Вотъ почему далеко недостаточно власти выступить съ лозунгомъ гражданской свободы. Чтобы водворить въ странѣ порядокъ, нужны трудъ, неослабѣвающая твердость и послѣдовательность.

Для осуществленія сего, необходимымъ условіемъ является однородность состава Правительства и единство преслѣдуемой имъ цѣли. Но и Министерство, составленное, по возможности, изъ лицъ одинаковыхъ политическихъ убѣжденій, должно еще приложить всѣ старанія, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей всѣхъ агентовъ власти отъ высшихъ до низшихъ. Заботой Правительства должно быть практическое водвореніе въ жизнь главныхъ стимуловъ гражданской свободы. Положеніе дѣла требуетъ отъ власти пріемовъ, свидѣтельствующихъ объ искренности и прямотѣ ея намѣреній. Съ этой цѣлью

Правительство должно поставить себѣ непоколебимымъ принципомъ полное невмѣшательство въ выборы въ Государственную Думу и, между прочимъ, искренное стремленіе къ осуществленію мѣръ, предрѣшенныхъ Указомъ 12-го декабря.

Въ отношеніи къ будущей Государственной Думѣ заботой Правительства должно быть поддержаніе ея престижа, довѣрія къ ея работамъ и обезпеченіе подобающаго сему учрежденію значенія. Правительство не должно явиться элементомъ противодѣйствія рѣшеніямъ Думы, поскольку эти рѣшенія не будутъ, что невѣроятно, коренныкъ образомъ расходиться съ величіемъ Россіи, достигнутымъ тысячелѣтней ея исторіей. Правительство должно слѣдовать мысли, высказанной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ Манифестѣ объ образованіи Государственной Думы, что Положеніе о Думѣ подлежитъ дальнѣйшему развитію въ зависимости отъ выяснившихся несовершенствъ и запросовъ времени. Правительству надлежитъ выяснить и установить эти запросы, руководствуясь, конечно, господствующей въ большинствѣ общества идеей, а не отголосками, хотя бы и рѣзко выраженныхъ, требованій отдѣльныхъ кружковъ, удовлетвореніе которыхъ невозможно уже потому, что они постоянно мѣняются. Но удовлетвореніе желаній широкихъ слоевъ общества путемъ той или иной формулировки гарантій гражданскаго правопорядка необходимо.

Весьма важно сдѣлать реформу Государственнаго Совѣта на началахъ виднаго участія въ немъ выборнаго элемента, ибо только при этомъ условіи можно ожидать нормальныхъ отношеній между этимъ учрежденіемъ и Государственной Думой.

Не перечисляя дальнѣйшихъ мѣропріятій, которыя должны находиться въ зависимости отъ обстоятельствъ, я полагаю, что дѣятельность власти на всѣхъ ступеняхъ должна быть охвачена слѣдующими руководящими принципами:

1. Прямота и искренность въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и установленіе гарантій сей свободы.

2. Стремленіе къ устраненію исключительныхъ законоположеній.

3. Согласованіе дѣйствій всѣхъ органовъ Правительства.

4. Устраненіе репрессивныхъ мѣръ противъ дѣйствій, явно не угрожающихъ обществу и государству.

и 5. Противодѣйствіе дѣйствіямъ, явно угрожающимъ обществу и государству, опираясь на законѣ и въ духовномъ единеніи съ благоразумнымъ большинствомъ общества.

Само собою разумѣется, что осуществленіе поставленныхъ выше задачъ возможно лишь при широкомъ и дѣятельномъ содѣйствіи общества и при соотвѣтствующемъ спокойствіи, которое позволило бы направить силы къ плодотворной работѣ. Слѣдуетъ вѣрить въ политическій тактъ русскаго общества. Не можетъ быть, чтобы русское общество желало анархіи, угрожающей помимо всѣхъ ужасовъ борьбы, расчлененіемъ государства.

СТРОИТЕЛИ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ.

(Очерки реформъ и соціальныхъ движеній).

I.

«Если не я о себѣ, то кто-же обо мнѣ!»—эта старая истина примѣнима не только къ отдѣльной личности, но и къ цѣлому народу. Конечно, свѣтъ не безъ добрыхъ людей, и случается, что человѣкъ можетъ спастись и сложа руки и возлагая надежды на чужую помощь. И народу можетъ также посчастливиться и имѣть какого-нибудь очень ужъ выдающагося монарха или перваго министра, который самъ, по собственному почину и собственной своей энергіей и настойчивостью, возьметъ да изольетъ на головы своихъ подданыхъ или согражданъ рѣки благъ въ видѣ чудеснѣйшихъ реформъ, улучшеній, нововведеній и пр. Однако, такіе случаи выдаются очень рѣдко...

Говорится это вовсе не въ осужденіе первыхъ министровъ, а тѣмъ паче королей. Они такіе—же смертные, какъ мы съ вами, читатель. У нихъ тоже есть свои личные интересы, свои личныя дѣла, а извѣстно: своя рубашка ближе къ тѣлу. Лично для нихъ никакія реформы и улучшенія не нужны. Имъ и такъ не дурно, между тѣмъ какъ всякія перемѣны, которыя направлены къ улучшенію положенія большинству народа, уже тѣмъ самымъ наносятъ нѣкоторый вредъ меньшинства, ограничиваютъ его права, и уничтожаютъ его привилегіи. Съ какой же стати меньшинство или представители его будутъ распинаться за большинство? Конечно, могутъ возразить, что такія разсужденія очень ужъ принижаютъ человѣческую природу и приписываютъ ей одни лишь эгоистичныя, грубо-матеріальныя свойства, и тутъ же приведутъ множество всѣмъ знакомыхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что люди готовы иногда положить жизнь свою за дѣло, въ которомъ они сами для себя не могли видѣть никакой выгоды. Но здѣсь никто и не думаетъ отрицать идеальную сторону человѣческой души. Несомнѣнно, въ сердцахъ многихъ и многихъ людей глубоко гнѣздится чувство человѣколюбія и справедливости, и всякая неправда, надъ кѣмъ бы она ни была учинена, возмущаетъ ихъ благородную душу и не даетъ ей покоя. Но вѣдь и мать, любовь которой къ сво-

ему ребенку никто не станетъ отрицать, «не разумѣетъ», покуда дитя не заплачетъ. Вотъ именно объ этомъ-то плачѣ, объ этомъ-то крикѣ дитяти—народа и идетъ рѣчь. Чтобы добиться чего-либо, необходимо, чтобы самъ народъ требовалъ. Всегда и вездѣ, что-бы тамъ историки парадныхъ подъѣздовъ ни говорили, инициатива исходитъ отъ самого народа, а не отъ его правителей; и тамъ, гдѣ нѣтъ этой инициативы, нѣтъ никакихъ улучшеній: ни политическихъ, ни общественныхъ...

По существу это вѣрно, для всѣхъ странъ одинаково, но форма, въ которой инициатива проявляется, далеко не одинаковая всюду, и если въ одномъ мѣстѣ народный «крикъ» напоминаетъ дуновеніе мягкаго зефира и выражается какимъ-нибудь идиллическимъ голосованіемъ одного или двухъ кантоновъ, то въ другомъ мѣстѣ онъ раздается, какъ раскаты грома... Между этими двумя полюсами стоитъ цѣлый рядъ разнообразныхъ формъ инициативы, которая то скрывается подъ видомъ партійной политики и министерскихъ программъ, то кажется выходящей изъ нѣдръ редакцій большихъ газетъ, то принимаетъ форму судебныхъ приговоровъ, то выражается коллективными резолюціями конгрессовъ и митинговъ.

Изучить всѣ формы, въ которыхъ выражается народная инициатива, дѣло сложное, хотя въ высшей степени поучительное и интересное. Насколько мнѣ извѣстно, такой работы еще не сдѣлано нигдѣ не только для всѣхъ европейскихъ странъ, но хотя бы для одной изъ нихъ. Въ англійской литературѣ есть лишь одна слабая попытка касающаяся Англіи, это—книга Дормана «The Mind of the Nation» вышедшая въ 1900 г. Въ этой книгѣ, обнимающей лишь XIX вѣкъ, дается характеристика королей, министерствъ, печати и нѣкоторыхъ другихъ факторовъ англійской политики за этотъ періодъ времени, и характеристика эта, подкрѣпленная вездѣ фактами, имѣетъ большое значеніе для сужденія о томъ, кто былъ истиннымъ инициаторомъ той или другой мѣры. Къ сожалѣнію, Дорманъ проанализировалъ лишь двѣ или три главныхъ реформы да событія крымской войны и совершенно оставилъ въ сторонѣ все то богатое рабочее законодательство и все соціальное движеніе, которымъ столь богата Англія XIX вѣка. Его изслѣдованіе поэтому не только не полно, но страдаетъ и односторонностью взглядовъ, хотя его выводъ о необходимости просвѣщать народъ вполнѣ, конечно, правиленъ.

Но и при отсутствіи изслѣдованія сравнительныхъ формъ инициативы въ прогрессивномъ движеніи народовъ, каждому, изучающему англійскіе бытъ и законодательство, должно непремѣнно броситься въ глаза одно явленіе, которое проходитъ яркой нитью черезъ всю общественно-политическую жизнь Англіи на протяженіи всего XIX вѣка. Такой изслѣдователь не можетъ не замѣтить той огромной роли, которую люди практическаго дѣла, такъ называемые «business men», играютъ въ инициативѣ всякихъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію

народнаго быта и къ поднятію его нравственнаго и умственнаго уровня. Не ученые, не адвокаты и писатели, не парламентскіе и профессіонально-политическіе дѣятели, наконецъ, не богатые аристократы и хорошо обезпеченные чиновники, а «простые» люди изъ мастерскихъ, изъ купеческихъ конторъ и банковъ, съ полей, фабрикъ и заводовъ творятъ прогрессъ, созидаютъ и устраиваютъ ту умственно-богатую, свободную и могучую Англію, какою мы ее знаемъ въ наше время. Это они, эти business men, проникнутые общественнымъ инстинктомъ и яснымъ пониманіемъ нуждъ и потребностей своей родины, и являются настоящими строителями англійской жизни, и можно предсказать навѣрное, что въ тотъ день, когда этотъ духъ иниціативы погаснетъ въ широкомъ слоѣ англійскихъ гражданъ, жизнь въ Англіи потухнеть, и никакіе чиновники и профессора, журналисты и проповѣдники не сумѣютъ зажечь ее вновь.

Однако, было бы ошибочно думать, что въ этомъ подчеркиваніи роли людей практическаго дѣла кроется какое то направленіе умалить достоинство и значеніе интеллигенціи въ исторіи Англіи. Наоборотъ, мы глубоко убѣждены, что безъ образованія, безъ серьезныхъ знаній и культуры ничего не дѣлается, и народъ не можетъ двигаться впередъ. Но въ Англіи образованіе и политическое развитіе не составляютъ удѣла лишь одного ограниченнаго и привилегированнаго класса людей, и университетскій дипломъ далеко не является здѣсь единственнымъ доказательствомъ образованности. Не связанные ни съ какими гражданскими правами и привилегіями, дипломы, вообще, не играютъ здѣсь той роли, какую они играютъ въ Россіи. За ними не такъ гоняются. Стремятся лишь къ образованію, а не къ диплому, являющемуся уже не столько дѣломъ необходимости, сколько пустого тщеславія. А такъ какъ широкое образованіе можно получить и дома, читая много и работая, то не удивительно, что и среди англійскихъ рабочихъ, лавочниковъ и пр. представителей труда и капитала можно часто встрѣчать высоко-интеллигентныхъ людей, которые за поясъ заткнутъ не только обладателя диплома, но и иного спеціалиста-профессора.

Но съ другой стороны, хотя несомнѣнно, что для проведенія въ жизнь улучшеній требуются извѣстной степени политическое развитіе и знаніе, все же одного этого мало, и куда важнѣе для успѣха дѣла гражданское мужество, готовность на самоотверженіе, энергія, настойчивость, искренность и преданность. Вотъ, главнымъ образомъ, этимъ-то свойствомъ и отличались тѣ англійскіе дѣятели, которыми двигалась жизнь ихъ родины.

Чтобы показать на живыхъ примѣрахъ характеръ и значеніе иниціативы, проявленной въ Англіи «business men», считаю не лишнимъ дать здѣсь очеркъ нѣкоторыхъ реформъ и движеній, которыми столь богата Англія XIX вѣка.

*

Конечно, въ первомъ ряду стоятъ избирательныя реформы 1832, 1867 и 1884 годовъ, расширившія политическія права англійскихъ гражданъ.

II.

Расширеніе избирательныхъ правъ.

Кто были главными иниціаторами и двигателями реформы въ 1832 г.? На подмосткахъ исторіи, у самой рампы, освѣщенные снопами не меркнущей славы, красуются лорды Грей, Брумъ и Рессель. Ихъ имена прочтете во всѣхъ учебникахъ, во всѣхъ энциклопедіяхъ и во всякихъ другихъ историческихъ трактатахъ, имѣющихъ дѣло съ избирательной реформой 1832 г. И дѣйствительно, многое сдѣлано и этими лордами, и въ проведеніи билля черезъ парламентъ, въ составленіи его и отстаиваніи разныхъ подробностей они выказали всѣ тѣ свойства государственнаго ума, того, что англичане называютъ statesmanship, которыя и могутъ выработаться лишь въ странѣ съ политической свободой. Но когда начинаешь ближе знакомиться съ исторіей избирательной реформы 1832 г., то все болѣе и болѣе приходишь къ заключенію, что эти почтенные лорды являлись лишь простыми исполнителями требованій людей, гораздо болѣе скромныхъ по положенію, и что иниціатива билля исходила не отъ нихъ, а отъ самого народа, насколько послѣдній могъ проявить ее въ своихъ политическихъ союзахъ, собраніяхъ и насильственныхъ дѣйствіяхъ.

Самъ Лордъ Грей, въ своей первой рѣчи, открывшей эту знаменитую парламентскую борьбу XIX вѣка, ничуть не скрылъ истиннаго «зачинщика» ея. «Мы видимъ,—сказалъ онъ,—какъураганъ приближается. На горизонтѣ уже показываются предвѣстники бури. Что же слѣдуетъ предпринять? Нужно привести домъ нашъ въ порядокъ. Нужно закрыть двери въ виду бури. Но какъ? Нужно обезпечить за собою любовь «нашихъ подданныхъ», нужно устранить неудовольствія, исправить ошибки, словомъ, принять реформы. Не знаю, можно ли ожидать отъ министровъ, что они предложатъ такія реформы; но въ одномъ я увѣренъ, а именно: если они своевременно этого не сдѣлаютъ, то ихъ заставятъ это сдѣлать и притомъ при условіяхъ, куда менѣе благопріятныхъ, чѣмъ нынѣшнія».

Лордъ Грей былъ тогда вождемъ оппозиціи. Во главѣ же правительства стоялъ герцогъ Веллингтонъ, заскорузлый консерваторъ, который, какъ побѣдитель при Ватерлоо, все еще возлагалъ большія надежды на сабли и пушки. Ему никакихъ реформъ не надо было. «Я вполнѣ убѣжденъ,—отвѣтилъ онъ,—что страна наша обладаетъ такимъ законодательнымъ учрежденіемъ, которое вполнѣ отвѣчаетъ всѣмъ потребностямъ хорошаго законодательства, и это въ такой степени, какой не достигнуто еще ни въ какой другой странѣ. Я по-

этому не только не имѣю никакого намѣренія внести билль, желательный благородному лорду, но могу сейчасъ же заявить, что до тѣхъ поръ, покуда буду сохранять свое положеніе въ правительствѣ, я всегда буду считать своимъ долгомъ противодѣйствовать принятію такихъ мѣръ».

Это было сказано въ палатѣ лордовъ 2-го ноября 1830 года, а ровно черезъ 14 дней герцогъ Веллингтонъ вынужденъ былъ подать въ отставку и распроститься съ премьерствомъ навсегда. За эти 14 дней народное неудовольствіе настолько увеличилось, что въ Лондонѣ воцарилась паника, и поѣздка короля въ Сити на обѣдъ къ лордъ-меру была отмѣнена. Въ палатѣ общинъ министерство потерпѣло неудачу по вопросу о расходахъ на содержаніе короля и его семьи, и дискредитированное внутри и внѣ парламента, оно сочло необходимымъ уступить свое мѣсто оппозиціи, которая на этотъ разъ поставила своей единственной задачей проведеніе билля объ избирательной реформѣ.

Конечно, въ такомъ крупномъ движеніи, какъ борьба за политическія права, отдѣльнымъ лицамъ изъ народа крайне трудно выдѣлиться. Слишкомъ глубоко заинтересованъ здѣсь каждый отдѣльный гражданинъ, каждое отдѣльное мѣсто, всякая деревушка и всякій городъ. Вождей и выдающихся дѣятелей поэтому тутъ огромное множество, и выдѣлить особо того или другого почти нѣтъ возможности, все одно какъ трудно отличить звукъ того или другого инструмента въ большомъ оркестрѣ, играющемъ полнымъ ансамблемъ. Во время борьбы за реформу вся Англія была въ движеніи; вся она кипѣла, какъ въ котлѣ, и не было города или деревни, гдѣ бы тотъ или другой ремесленникъ или купецъ, рабочій или хозяинъ не сталъ во главѣ учреждавшихся тогда многочисленныхъ обществъ агитаціи.

Но и тогда самая большая и руководящая роль въ движеніи принадлежала человѣку «изъ народа», *бывшему портному*, *Фрэнсису Плэсу*. Онъ не обладалъ ни ораторскимъ искусствомъ, ни талантомъ писателя, хотя и оставилъ послѣ себя 71 томъ рукописей, хранящихся теперь въ Британскомъ музеѣ; онъ также чуждался публичности и избѣгалъ случаевъ создавать шумъ вокругъ своего имени, но зато онъ имѣлъ большой талантъ организатора и агитатора, обладалъ неутомимой настойчивостью, огромной начитанностью и проницательнымъ умомъ, и эти качества сдѣлали его интимнымъ другомъ такихъ «интеллигентовъ», какъ Бентамъ, отецъ и сынъ Милли, Джонъ Тукъ, историкъ Гротъ и другія тогдашнія знаменитости, имена которыхъ сохранились и въ потомствѣ. Но эти-то качества какъ разъ и нужны были тогда въ дѣятеляхъ избирательной реформы. Англія нуждалась тогда не въ томъ, чтобы горячимъ словомъ убѣжденія доказывать народу необходимость реформы. Эта необходимость была очевидна рѣшительно для всѣхъ, кромѣ очень ограниченнаго круга людей, поль-

зовавшихся ничѣмъ не оправдываемыми привилегіями и державшихъ власть въ своихъ рукахъ. Эта кучка людей, пользуясь тѣмъ, что она имѣла въ рукахъ парламентъ, покрывалась знаменемъ конституціонализма и, противясь всякимъ перемѣнамъ и улучшеніямъ, лицемѣрно выступала во имя «права» и «свободы». Однако, это лицемѣріе, прикрывавшее грубый эгоизмъ, никого не могло уже вводить въ заблужденіе. Прорѣхи въ государственномъ строѣ Англіи слишкомъ широко зіяли, чтобы можно было прикрывать ихъ лохмотьями устарѣлой конституціи. И слѣпой могъ видѣть, что парламентъ, огромное число членовъ котораго попадаетъ въ законодатели прямо-таки по назначенію лендлордовъ или по выборамъ маленькихъ группъ населенія, пользующихся какими то старинными правами «гражданъ» (burgess), не можетъ претендовать на то, что онъ представляетъ собою волю народа.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробное объясненіе порядка выборовъ въ англійскую палату общинъ, существовавшаго до 1832 г. Достаточно сказать, что, придерживаясь порядковъ, установленныхъ еще 400 или 500 лѣтъ назадъ, Англія оказалась въ началѣ 19-го вѣка съ палатой общинъ, въ которую, по словамъ петиціи Общества Друзей народа, 157 депутатовъ избирались всего 84 лицами и 150 другихъ депутатовъ избирались 70 лицами, при чемъ, изъ этихъ 154 избирателей не меньше 40 были членами палаты лордовъ. Объяснялось это тѣмъ, что многіе избирательные участки, посылавшіе депутатовъ при Плантагонетахъ или Тюдорахъ, давно обезлюдѣли и потеряли то значеніе, которое они когда-то имѣли, а между тѣми за ними все еще сохранились права и привилегіи, дарованныя имъ когда-то. Такимъ образомъ, какой-нибудь городокъ Old Sarum, уже давно на дѣлѣ не существовавшій, все еще продолжалъ посылать «представителей», а такіе города, какъ Манчестеръ, Бирмингемъ или Лидсъ, выросшіе и получившее большое значеніе лишь къ концу 18-го вѣка, не имѣли въ палатѣ общинъ ни одного представителя. По словамъ той-же петиціи общества друзей народа, семьдесять членовъ палаты «избирались» въ 35 мѣстахъ, въ которыхъ вовсе почти не было избирателей. Въ 46 мѣстахъ въ сложности не было и 50 избирателей, а они посылали въ палату 90 членовъ! Этимъ и пользовались мѣстные лендлорды, которые, какъ собственники этихъ мѣстъ, прямо посылали въ паламентъ, кого хотѣли, или избирали сами себя.

Но, кромѣ этого естественнаго передвиженія избирателей, влекущаго измѣненія въ значеніи того или другого округа, и сами выборы даже тамъ, гдѣ были избиратели, происходили крайне нерегулярно, и подкупъ и устрашенія были обычнымъ акомпаниментомъ избирательной кампаніи.

Никакихъ поэтому разъясненій, чтобы открыть глаза народу, и не требовалось. Все было достаточно ясно само собою. Нужны были—

гражданское мужество, настойчивость, рѣшимость бороться до конца, если возможно—конституціонными... способами.

Фрэнсисъ Плэсъ въ началѣ тоже стоялъ за конституціонныя средства, но, убѣдившись въ упрямствѣ герцога Веллингтона, онъ... въ своей перепискѣ съ друзьями сталъ совѣтовать рѣшительныя мѣры.

...Однако, сторонникамъ реформы не пришлось прибѣгнуть къ крайностямъ, предложеннымъ Плэсомъ, такъ какъ Веллингтонъ благоразумно подалъ въ отставку, и во главѣ правительства сталъ вождь оппозиціи лордъ Грэй, обѣщавшій внести избирательный билль. И въ этой мирной перемѣнѣ правительства сказалась, конечно, вся сила общественнаго мнѣнія, дѣлавшаго и изъ плохой, устарѣлой англійской конституціи и изъ парламента, переполненнаго представителями одного лишь класса лендлордовъ, все-же орудіе мирнаго прогресса. Но всетаки однимъ удаленіемъ Веллингтона реформа не могла быть достигнута. Сначала палата общинъ, а затѣмъ палата лордовъ оказались очень упорными противниками реформы. Билль, внесенный лордомъ Ресселемъ, одинъ разъ провалили въ первой палатѣ и два раза во второй. Въ первый разъ онъ былъ предложенъ въ палатѣ общинъ 1-го марта 1831 года, а получилъ окончательную санкцію короля и сталъ закономъ страны лишь 7-го іюня 1832 года. И въ эти 15 мѣсяцевъ борьбы за билль сторонники его показали, что никакая сила, никакія власти, не могутъ остановить движеніе, въ которомъ заинтересованъ весь народъ.

Когда въ первый разъ билль былъ отвергнутъ въ палатѣ общинъ, большинство которой потребовало измѣненія одной статьи, въ странѣ начались безпорядки, но главнымъ образомъ большія мирныя демонстраціи. Лондонъ и другіе большіе города устроили иллюминацію; толпы народа, сопровождаемыя оркестромъ, носили флаги съ надписями: «Билль, весь билль, какъ есть, и ничего другого кромѣ билля».

Во второй разъ билль былъ отвергнутъ палатой лордовъ. На этотъ разъ возбужденіе публики противъ лордовъ было особенно сильно и нашло себѣ выходъ въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ хорошо извѣстныхъ лицъ. Въ домѣ герцога Веллингтона были выбиты всѣ окна; маркизъ Лондондерри былъ ушибленъ брошеннымъ въ него камнемъ, а герцогъ Кумберлендскій былъ съ трудомъ вырванъ полиціей изъ рукъ разъяренной толпы, стащившей его съ лошади. Въ провинціи буря негодованія, возбужденная лордами, оказалась еще сильнѣе. Въ Нотингемѣ былъ разрушенъ и сожженъ замокъ герцога Ньюкэстльскаго. Замки герцога Рэтлендскаго и другихъ подверглись также нападенію и разрушенію, а въ Бристолѣ, гдѣ толпа особенно была недовольна однимъ изъ членовъ парламента, бросившимъ ей дерзкій вызовъ, произошли кровавые безпорядки, кончившіеся убійствомъ 12 человѣкъ, серьезнымъ пораненіемъ свыше ста человѣкъ и разстройствомъ и сожженіемъ имущества, оцѣненнаго въ полмилліона

фунтовъ стерлинговъ. Въ это время такимъ вождямъ, какъ Плэсъ, пришлось не столько поднимать толпу на борьбу, сколько держать ее въ предѣлахъ порядка и организовать ее въ большія арміи, готовыя употребить силу цѣлесообразно и лишь въ минуту дѣйствительной надобности. Такая организованная сила и была его дѣломъ, какъ и дѣломъ его друзей, когда послѣ второго провала билля въ палатѣ лордовъ возникла опасность, что министерство Грея, работавшаго въ пользу реформы, будетъ опять замѣщено министерствомъ Веллингтона, архи-противника ея. Вся дѣятельность сторонниковъ реформы свелась тогда къ двумъ образамъ дѣйствій: во первыхъ, къ недопущенію Веллингтона къ власти и, во вторыхъ, къ подготовкѣ народно революціонной организаціи на случай, если первое не удастся, и Веллингтонъ, несмотря на всѣ протесты народа, будетъ водворенъ на мѣсто Грея. На тайномъ совѣщаніи представителей политическихъ союзовъ было рѣшено, что знамя организованной и всенародной революціи будетъ впервые выкинуто въ Бирмингемѣ. Многіе офицеры и моряки обѣщались стать во главѣ отрядовъ. Плэсъ сообщаетъ, что лично онъ имѣлъ сношенія съ 13 офицерами, изъ которыхъ самый младшій чинъ былъ маіоръ. И эти офицеры выразили готовность служить дѣлу народа. Изъ мемуаровъ Плэса видно, что во главѣ всего дѣла стоялъ онъ съ двумя друзьями, и они всѣ разсчитывали, что въ два дня вся революція была бы закончена. Въ то же время предполагалось захватить въ плѣнъ семейства главныхъ «враговъ народа» и держать ихъ заложниками въ обезпеченіе отъ жестокаго обращенія со сторонниками реформы, которые могли попасть въ руки правительства.

Къ счастью для Англіи никакихъ... дѣйствій и не понадобилось, такъ какъ мѣры, принятыя къ недопущенію Веллингтона къ власти, оказались вполнѣ успѣшными. Мѣры эти состояли, главнымъ образомъ, въ угрозѣ лишить правительство финансовыхъ рессурсовъ. Во всей странѣ пронесся кличъ: «не платить податей!» Особенно внушительной оказалась демонстрація близъ Бирмингема, гдѣ на митингѣ изъ 200.000 людей, собравшихся въ полѣ, было рѣшено не платить податей, покуда билль реформы не будетъ принятъ, и всѣ собравшіеся, какъ одинъ человѣкъ, съ поднятыми руками, повторяя слово за словомъ за ораторомъ, произнесли слѣдующій обѣтъ: «Съ непоколебимой вѣрой, не смотря на всѣ опасности и лишенія, мы обѣщаемся посвятить себя и дѣтей нашихъ благу нашей страны».

Въ то же время Плэсъ, какъ представитель національнаго политическаго союза, основаннаго имъ въ началѣ борьбы за реформу, выпустилъ плакаты, гласившіе: «ступай за золотомъ если хочешь оставить герцога». То-есть рекомендовалось потребовать обратно свои вклады изъ англійскаго и другихъ банковъ и изъ сберегательныхъ кассъ, чтобы такимъ образомъ не только парализовать правительство, но и всю торговую жизнь. Эта мѣра, повидимому, оказалась самой

дѣйствительной, лучше всякихъ петицій и демонстрацій, и черезъ два дня уже было извѣстно, что Веллингтонъ не будетъ премьеромъ и что при власти останется Грей. Реформа была обезпечена. Чтобы сломить упрямство лордовъ, король вынужденъ былъ согласиться на предложеніе министерства погрозить упрямымъ лордамъ возведеніемъ въ члены палаты лордовъ столько новыхъ лицъ, сколько понадобится, чтобы получилось большинство въ пользу билля. Многіе изъ лордовъ, наконецъ, поняли, что дальнѣйшее ихъ противодѣйствіе безполезно, и что, говоря словами одного тогдашняго оратора, ставшими потомъ общепринятой поговоркой: «Атлантическій океанъ побѣдилъ госпожу Партингтонъ», собиравшуюся выступать противъ него со своей шваброй и ведромъ.

Замѣчательно, что весь планъ своихъ... дѣйствій. Плэсъ не постѣснился изложить въ письмѣ къ своему другу Гобгаузу, бывшему тогда военнымъ министромъ. Послѣдній сообщилъ Плэсу, что министры собираются на совѣщаніе и что было бы полезно имѣть точныя данныя о настроеніи общества, какъ и мнѣніе самого Плэса о положеніи дѣла. Плэсъ и изложилъ откровенно всѣ извѣстные ему факты и свое мнѣніе. Нужно сказать, что онъ написалъ это письмо какъ разъ послѣ удачи съ его прокламаціей требовать обратно денежные вклады. «Никакихъ особыхъ усилій не пришлось дѣлать, а между тѣмъ вы видѣли, какія были послѣдствія,—писалъ онъ.— Ясно, что если придется повторить эту попытку еще разъ, то усилія не будутъ напрасны».

«Мы приготовили списки всѣхъ лицъ, которыя намъ извѣстны, какъ сочувствующія,—писалъ онъ дальше,—и въ случаѣ надобности, имъ всѣмъ будутъ разосланы прокламаціи, уже готовыя въ проектѣ. Приняты всѣ мѣры къ расклеиванію плакатовъ во всѣхъ городахъ и деревняхъ, къ раздачѣ листковъ и къ созыву собраній. Многіе штатскіе и военные, пользующіеся большимъ именемъ, искренно примкнули къ нашему плану. И если герцогъ (Веллингтонъ) опять вступитъ во власть, то мы больше не будемъ въ состояніи повиноваться законамъ; мы вынуждены будемъ ихъ нарушить, каковы бы ни были послѣдствія, и мы знаемъ, что всякій, дорожащій своей собственностью, будетъ съ нами, каковы бы ни были его политическіе взгляды. Города будутъ забаррикадированы; населеніе устроитъ временное городское правительство и банки будутъ закрыты. Говорятъ, что изъятіе изъ обращенія свободнаго золота повлечетъ страшныя бѣдствія. Конечно. Но зато оно предотвратитъ другія бѣдствія, гораздо худшія, а именно возвращеніе герцога къ власти».

Заканчивая въ своихъ мемуарахъ описаніе эпохи борьбы за билль реформы, Плэсъ, между прочимъ, писалъ слѣдующее: «Это было въ первый разъ, когда народъ, по собственному своему почину, организовался для дѣйствительно національной цѣли, и именно это-то отли-

чаетъ эпоху билля реформъ отъ всѣхъ предшествовшихъ и дѣлаетъ ее столь много обѣщающей для дальнѣйшихъ побѣдъ народа. Народъ теперь созналъ себя нравственной силой, контролирующей правительство, и это сознаніе ему дастъ мужество на дальнѣйшую борьбу въ недалекомъ будущемъ, когда реформированная палата общинъ не оправдаетъ всѣхъ его ожиданій. Еще годъ тому назадъ народъ, въ цѣломъ, можно сказать былъ преданъ королю, епископамъ, лордамъ и палатѣ общинъ. Многое изъ этой абсурдной лояльности исчезло и никогда уже не возвратится. Самъ король и лорды своимъ поведеніемъ толкнули народъ въ сторону республиканскихъ убѣжденій и при томъ съ такой силой, о которой раньше никто и думать не могъ».

III.

Предсказанія Плэса, что реформированная палата не оправдаетъ ожиданій и что въ недалекомъ будущемъ народъ потребуетъ дальнѣйшихъ перемѣнъ, вполнѣ оправдались. Билль о реформѣ 1832 г. хотя и внесъ коренную перемѣну въ государственный строй Англіи, все же оставилъ огромную часть гражданъ безъ права голосованія на парламентскихъ выборахъ, установивъ слишкомъ высокій имущественный цензъ, исключавшій всѣхъ, кто не имѣлъ недвижимаго имущества или не снималъ квартиры съ платой въ 10 ф. ст. и выше. Въ большинствѣ провинціальныхъ городовъ и въ деревняхъ, гдѣ квартирная плата была очень низка, цензъ въ 10 фунтовъ, т.-е. въ сто рублей, считался почти недоступнымъ для рабочихъ классовъ.

Остались и другіе недостатки, какъ, напримѣръ, открытое голосованіе, значительно нарушавшее правильное выраженіе народныхъ желаній въ парламентѣ. И за устраненіе этихъ недостатковъ вскорѣ же, послѣ принятія билля 1832 года, выступили новые борцы, новые «строители жизни», среди которыхъ самыми энергичными, вліятельными и преданными явились опять-таки люди изъ народа: рабочіе, купцы, ремесленники, прикащики.

Насколько малоудовлетворительной была реформа 1832 г., видно хотя бы изъ рѣчи Гладстона, произнесенной имъ 22 года спустя. По его разсчетамъ, лишь одинъ человѣкъ изъ 50 рабочихъ пользовался тогда избирательнымъ правомъ, и среди избирателей рабочіе составляли не больше $^1/_{10}$ или $^1/_{20}$ части. Въ началѣ рабочіе разсчитывали, что самъ парламентъ возьметъ на себя иниціативу расширенія избирательныхъ правъ. «Трудно было лишь начало,—думали они,—но разъ первый шагъ сдѣланъ, то дальнѣйшіе сейчасъ же должны послѣдовать за нимъ». И дѣйствительно, несмотря на всѣ недочеты, реформа 1832 г. была настолько глубока, что всякое дальнѣйшее расширеніе избирательныхъ правъ казалось въ сравненіе съ нею дѣломъ легкимъ и маленькимъ. Эта реформа впервые вырвала власть изъ рукъ не-

большой кучки богатыхъ и передала ее въ руки значительной части народа, и хотя избирательное право было предоставлено лишь лицамъ, болѣе или менѣе состоятельнымъ, такъ называемому, среднему классу, все же это право зависѣло не отъ какихъ-либо исключительныхъ привилегій, не отъ наслѣдственнаго владѣнія землей или отъ неопредѣленнаго и отжившаго «гражданства»; а отъ вполнѣ реальнаго, точно опредѣленнаго имущественнаго ценза, который можетъ пріобрѣсть всякій, независимо отъ своего происхожденія или мѣстожительства. Такимъ образомъ, реформа 1832 года, сдѣлавъ палату общинъ дѣйствительно представительнымъ учрежденіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ нанесла палатѣ лордовъ смертельный ударъ. До 1832 г. палата лордовъ была господствующимъ политическимъ факторомъ. Послѣ 1832 г. господство перешло къ палатѣ общинъ. Съ этого времени всѣ важныя мѣры стали раньше всего вноситься въ эту послѣднюю палату, а уже изъ нея передаются въ «верхнюю» палату. Выраженіе недовѣрія въ палатѣ лордовъ болѣе уже не принимается во вниманіе министерствомъ, которое подаетъ въ отставку, лишь потерпѣвъ пораженіе въ палатѣ общинъ. Правда, палата лордовъ беретъ на себя еще иногда смѣлость отвергать билли, принятые въ нижней палатѣ. Но, во-первыхъ, это дѣлается чрезвычайно рѣдко и, во-вторыхъ, палата лордовъ въ такихъ случаяхъ ссылается на то, что данный билль не представляетъ воли народа. Это значитъ, что если слѣдующіе выборы въ палату общинъ подтверждаютъ билль, т.-е. даютъ опять большинство той партіи, которая внесла билль, то послѣдній проходитъ и черезъ палату лордовъ.

Вотъ на это-то страшно возросшее вліяніе палаты общинъ рабочіе классы и возлагали свои надежды въ первые годы послѣ реформы. Но годъ проходилъ за годомъ, а дальнѣйшее расширеніе избирательныхъ правъ и не намѣчалось даже. Средніе классы, достигшіе реформы при помощи рабочихъ, оказались мало благодарными, и какъ виночерпій фараона, «не вспомнили Іосифа, а забыли о немъ». Пришлось самимъ, безъ помощи средняго класса, начать вновь борьбу за политическія права, и въ Англіи возникло знаменитое движеніе чартистовъ. О самомъ движеніи, о разныхъ фазисахъ его, внутренныхъ раздорахъ, встрѣчныхъ теченіяхъ и прочихъ подробностяхъ его было бы здѣсь излишне говорить. Для нашей цѣли вполнѣ достаточно указать лишь на главныхъ дѣятелей его и на общій характеръ борьбы.

Если не считать нѣкоторыхъ слабыхъ попытокъ агитаціи въ пользу расширенія правъ, сдѣланныхъ въ первые три или четыре года послѣ принятія билля 1832 года, то началомъ серьезной борьбы слѣдуетъ признать основаніе «ассоціаціи рабочихъ» въ Лондонѣ, главная цѣль которой состояла въ томъ, чтобы добиться для народа болѣе широкаго представительства. И замѣчательно, что однимъ изъ правилъ этой ассоціаціи было непринятіе въ дѣйствительные члены лицъ среднихъ

и высшихъ классовъ, которыя, однако, могли быть избираемы въ почетные члены. Такимъ образомъ, сами рабочіе вполнѣ сознательно рѣшили вынести все движеніе на собственныхъ плечахъ. Мы не будемъ здѣсь входить въ вопросъ, насколько такое рѣшеніе и вообще такая политика замкнутости и исключительности были благоразумны и цѣлесообразны и насколько такая политика осуществима. Исторія показала, что основатели «ассоціаціи рабочихъ» ошиблись, и въ концѣ концовъ расширеніе правъ было достигнуто именно при участіи, и даже при большомъ участіи, среднихъ и высшихъ классовъ. Важно для насъ то, что первый камень агитаціи, закончившейся биллемъ 1867 года, былъ заложенъ самими рабочими. Посредствомъ митинговъ, банкетовъ и печатной литературы, ассоціація постаралась обратить вниманіе общества на необходимость новой парламентской реформы, и вскорѣ образовался комитетъ изъ маленькой группы членовъ парламента и членовъ ассоціаціи, который и развернулъ знамя движенія, сдѣлавшагося потомъ извѣстнымъ подъ именемъ чартистскаго. Комитетъ резюмировалъ свои требованія въ шести пунктахъ, составившихъ по выраженію одного изъ членовъ комитета, О'Коннеля, «народную хартію (чартеръ)». Пункты эти были:

1) Всеобщее голосованіе.
2) Ежегодные выборы новаго парламента.
3) Тайное голосованіе.
4) Уничтоженіе имущественнаго ценза для членовъ палаты общинъ.
5) Вознагражденіе этихъ членовъ.
6) Раздѣленіе страны на равные избирательные участки.

Съ этой хартіей, какъ знаменемъ движенія, началась борьба, которая, съ нашей точки зрѣнія, особенно замѣчательна личностями своихъ главныхъ дѣятелей. Лондонской Ассоціаціи, стоявшей во главѣ движенія, особенно посчастливилось: въ средѣ ея оказались люди исключительныхъ дарованій, которые, несмотря на свое бѣдное происхожденіе, на жизнь, полную нужды и лишеній, сумѣли развить въ себѣ высокія качества краснорѣчія, ораторскаго и писательскаго таланта и сохранить энергію и огонь души, столь потребныя для общественной дѣятельности.

Первымъ среди нихъ несомнѣнно былъ секретарь Ассоціаціи, Вильямъ Ловеттъ, плотникъ по ремеслу и самоучка по образованію. Онъ первый составилъ проектъ «чартера», принятый потомъ съ нѣкоторыми измѣненіями комитетомъ. Другимъ выдающимся вождемъ движенія былъ Генри Винсентъ, прозванный Демосѳеномъ этого движенія. Сынъ золотыхъ дѣлъ мастера и самъ наборщикъ по ремеслу, онъ сталъ принимать участіе въ политикѣ еще совершенно юнымъ человѣкомъ, чуть-ли не съ 13-лѣтняго возраста, и обладая замѣчательнымъ даромъ слова, быстро выдвинулся въ первые ряды политическихъ борцовъ. Когда чартеръ сдѣлался предметомъ общественной агитаціи, Ассоціація

командировала Винсента въ провинцію для участія во всѣхъ демонстраціяхъ и собраніяхъ въ качествѣ оратора. Историкъ чартистскаго движенія Гаммаджъ, лично знавшій многихъ дѣятелей его, не очень высоко ставитъ содержаніе рѣчей Винсента, который больше бралъ внѣшностью, мимикой, жестами, голосомъ и своей красивой внушительной фигурой, чѣмъ аргументаціей или новизной мыслей и красотой образовъ. Въ чтеніи, по этому, рѣчи Винсента казались скучными, блѣдными и безсодержательными. Но это не мѣшало ему производить огромное впечатлѣніе на слушателей съ ораторской трибуны, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ Уэльсѣ, онъ пользовался большой популярностью. О послѣдней можно судить по тому, что, когда его приговорили къ тюремному заключенію за участіе въ безпорядкахъ и посадили въ Ньюпортѣ (близь Кардифа въ Уэльсѣ) въ тюрьму, на вырычку его собралась толпа углекоповъ, состоявшая, по разнымъ источникамъ, отъ 8 до 20 тысячъ людей. Пришлось вытребовать войска на защиту тюрьмы, и столкновеніе между ними и народомъ кончилось 10 убитыми и свыше 50 ранеными.

По освобожденіи изъ тюрьмы, Винсентъ вскорѣ посвятилъ себя окончательно чтенію публичныхъ лекцій по политической исторіи Англіи и соціальнымъ вопросамъ и, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ его біографовъ, «онъ сдѣлалъ многое для того, чтобы принятіе большихъ реформъ стало возможнымъ».

Одновременно съ Лондонской Ассоціаціей возникали и множество другихъ Ассоціацій во всѣхъ городахъ и деревняхъ Англіи, принявшихъ хартію, какъ цѣль агитаціи. Большимъ вліяніемъ въ странѣ однако, пользовались немногія изъ нихъ. Послѣ Лондона стоялъ Бирмингэмъ съ его «Политическимъ Союзомъ», основаннымъ еще въ 1830 г. и теперь примкнувшимъ къ движенію чартистовъ. И во главѣ этого Союза стояли банкиръ Атвудъ и Джонъ Коллинсъ, рабочій. Послѣдній игралъ въ Бирмингемскомъ «Союзѣ» ту-же роль, какую Винсентъ въ Лондонской Ассоціаціи: на него была возложена агитація въ разныхъ другихъ мѣстахъ Соединеннаго Королевства и, между прочимъ, въ Шотландіи, которую онъ, можно сказать, и обратилъ въ свою вѣру. Въ одной изъ рѣчей его, содержаніе которой приведено въ «Исторіи чартистскаго движенія» Гаммаджа, онъ, между прочимъ, разсказалъ, что, начиная съ восьми лѣтъ, онъ работалъ 15 часовъ въ сутки. «Больше такъ жить невозможно,—заявилъ онъ,—и я пошелъ въ народъ узнать, готовы-ли вы, наконецъ, сами себѣ сочувствовать, или же еще полагаетесь на сочувствіе другихъ».

Коллинсъ вмѣстѣ съ Ловеттомъ были приговорены судомъ присяжныхъ къ годовому заключенію въ тюрьмѣ за безпорядки въ Бирмингемѣ, хотя они оба принадлежали къ партіи «нравственной силы», вопреки другой партіи чартистовъ, вѣрившей въ «физическую силу». Оба они были заключены въ одну тюрьму, въ Орикѣ (Warwick), гдѣ

и составили совмѣстно планъ народнаго образованія, напечатанный ими сейчасъ же по выходѣ изъ тюрьмы. На заглавіи этой книжки между прочимъ обозначено, что она была написана въ тюрьмѣ «столяромъ» Ловеттомъ и «инструментальнымъ мастеромъ» Коллинсомъ.

Упомянувъ объ этой очень интересной книжкѣ, нельзя не преклониться передъ духомъ законности въ Англіи, гдѣ даже во времена бурнаго разлива страстей, народныхъ движеній и грознаго столкновенія общественныхъ классовъ, сохраняется рѣзкая грань между дозволеннымъ и недозволеннымъ. Ловеттъ и Коллинсъ были осуждены, хотя, какъ они увѣряли, неправильно, за противодѣйствіе и оклеветаніе полиціи, т.-е. за проступокъ, караемый закономъ. Но законъ допускаетъ въ Англіи полную свободу агитаціи, ведется ли она устно, письменно или печатно, и поэтому Ловеттъ и Коллинсъ имѣли возможность даже въ стѣнахъ тюрьмы написать книжку, введеніе къ которой составляетъ энергичную и краснорѣчивую защиту чартизма и которая вся, отъ начала до конца, направлена противъ правительственнаго насилія, церковнаго гнета и эксплуатаціи высшими классами низшихъ.

Изъ другихъ выдающихся чартистовъ, принадлежавшихъ по своей профессіи или происхожденію, къ рабочимъ и торговымъ классамъ, слѣдуетъ отмѣтить Томаса Купера и Роберта Лоури. Они оба принадлежатъ вначалѣ къ оконнорцамъ, т.-е. къ партіи, проповѣдовавшей насильственныя дѣйствія. Куперъ, ставшій поэтомъ чартисткаго движенія, чьи гимны распѣвались на всѣхъ собраніяхъ и демонстраціяхъ чартистовъ, былъ до 23 лѣтъ сапожникомъ. Его дѣтство протекло въ страшной бѣдности и нуждѣ, и только неимовѣрная любовь къ чтенію и замѣчательная настойчивость въ самообразованіи сдѣлали изъ него выдающагося писателя. Среди чартистовъ онъ былъ извѣстенъ, какъ «генералъ шекспировской бригады», которую онъ образовалъ изъ безработныхъ и нуждающихся въ Лейчестерѣ. За подстрекательство къ безпорядкамъ, кончившимся разграбленіемъ лавокъ, онъ былъ присужденъ къ двумъ годамъ заключенія, во время котораго написалъ большую поэму, упрочившую его поэтическую славу, «The Purgatory ofsuicides» (чистилище самоубійцъ).

Лоури былъ портной, хромавшій на обѣ ноги. Вобще, физически онъ былъ слабъ и имѣлъ далеко не внушительную фигуру. Но вліяніе его на сѣверѣ Англіи было огромно. Говорилъ онъ медленно и просто, рѣчь его была отдѣлана и сильна. Ясностью аргументаціи и содержательностью своихъ рѣчей онъ стоялъ цѣлой головой выше большинства тогдашнихъ чартистскихъ ораторовъ, особенно партіи О'коннора, старавшейся дѣйствовать, главнымъ образомъ, на чувства слушателей. Онъ былъ делегатомъ отъ Ньюкестля въ національную конвенцію, собравшуюся въ Лондонѣ въ февралѣ 1839 г.

Говоря передъ огромной толпой въ 30000 человѣкъ въ Лондонѣ, Лоури, между прочимъ, сказалъ: «Развѣ положеніе можетъ быть еще

хуже, чѣмъ теперь? На тронъ начинаютъ смотрѣть съ презрѣніемъ; на аристократію смотрятъ съ негодованіемъ и ненавистью; законы считаются лишь орудіемъ, посредствомъ котораго богатые угнетаютъ бѣдныхъ, а церковь стала политической машиной. Тѣ, которые должны проповѣдовать смиренномудріе и миръ, сдѣлались наиболѣе жадными къ богатству и наиболѣе тиранническими, забравши власть. Вездѣ, гдѣ прилагались усилія къ освобожденію народныхъ массъ и къ улучшенію положенія ихъ, попы всегда выступали противъ нихъ».

Какъ извѣстно, движеніе чартистовъ, по разнымъ причинамъ, непосредственно никакихъ результатовъ не дало. Начавшись бурнымъ потокомъ въ 1838 г. и пройдя черезъ разныя фазы борьбы, оно вспыхнуло яркимъ и послѣднимъ пламенемъ въ 1848 г. и затѣмъ исчезло навсегда, хотя ни одинъ изъ выставленныхъ имъ шести пунктовъ еще не былъ тогда осуществленъ на дѣлѣ. Однако, это не значитъ, что чартизмъ ничего не достигъ. Напротивъ, почти всѣ его требованія, въ концѣ-концовъ, были удовлетворены. Посѣянное сѣмя дало богатые плоды. Онъ до очевидности выяснилъ потребность въ парламентской реформѣ; онъ внушилъ народу глубокое сознаніе неполноты своихъ политическихъ правъ и создалъ то общественное мнѣніе, которое привело, наконецъ, Англію къ реформамъ 1867 и 1884 гг., расширившимъ избирательное право, и къ закону 1872 г. о тайномъ голосованіи. Изъ шести пунктовъ «чартера» остались пока неосуществимыми только два, наиболѣе сомнительныхъ и мелкихъ,— вознагражденіе членовъ парламента и ежегодные парламенты. Послѣдній пунктъ признается теперь излишнимъ даже крайними демократами, особенно въ Англіи, гдѣ практика жизни обратила законъ о семилѣтнихъ парламентахъ въ звукъ пустой, и средняя продолжительность жизни парламента, начиная съ 1832 г., не превышаетъ здѣсь $3^1/_2$ лѣтъ. Вознагражденіе же членовъ далеко не такая благодѣтельная мѣра, за которою слѣдовало бы усиленно гнаться. Облегчая путь къ парламенту людямъ бѣднымъ, мѣра эта въ то же время полна опасности для истинной демократіи, создавая профессіональный классъ политикановъ, которые, какъ и чиновники, обращаютъ государственное дѣло въ хлѣбное, въ личное.

Что же касается до остальныхъ четырехъ пунктовъ, то два изъ нихъ: тайное голосованіе и уничтоженіе имущественнаго ценза для членовъ парламента, давно приняты закономъ, а другіе два, хотя въ теоріи англійской конституціей еще не признаны, на самомъ дѣлѣ осуществлены почти уже полностью—и между правомъ всеобщаго голосованія и нынѣшнимъ избирательнымъ правомъ, какъ и между теоретическимъ равенствомъ избирательныхъ участковъ и существующимъ здѣсь на практикѣ распредѣленіемъ ихъ, почти уже нѣтъ никакой разницы.

Благодаря чартизму, дальнѣйшая парламентская реформа изъ во-

проса академическкаго обратилась въ злободневный, въ вопросъ партійной борьбы и партійныхъ программъ. Она перешла, какъ англичане любятъ выражаться, въ область практической политики (practical politics). Но и тутъ, и въ этой области, столь близкой уже къ претворенію въ жизнь давно высказанныхъ народныхъ требованій, все же дѣло реформы продолжало нуждаться въ руководителяхъ, инициаторахъ, двигателяхъ, такъ какъ само собою ничего не дѣлается. И передъ нами выступаютъ опять люди практическаго дѣла, люди «отъ народа», какъ главные и самые преданные борцы расширенія политическихъ правъ.

IV.

Дальнѣйшее расширеніе избирательныхъ правъ, вѣроятно, далеко не требовало бы такого долгаго періода ожиданія, какъ то 35-ти-лѣтіе, которое прошло между первой и второй парламентской реформой въ Англіи, если бы не разныя политическія и экономическія обстоятельства, отвлекавшія вниманіе англійскаго народа отъ вопросовъ справедливаго представительства въ парламентѣ. Если бы не крымская кампанія и не замѣчательное промышленное процвѣтаніе, наступившее вскорѣ послѣ введенія свободы торговли, чартистское движеніе закончилось бы не пустымъ фейерверочнымъ митингомъ на Кеннингтонъ-Коммонѣ и гигантской петиціей съ милліономъ подписей, а дѣйствительнымъ парламентскимъ актомъ, и начало 50-хъ годовъ, вѣроятно, уже увидѣло бы реформу, которая была принята лишь въ 1867 году. О томъ, что путь для реформы былъ расчищенъ, показываетъ уже то, что даже такой неискренній и слабый сторонникъ дальнѣйшихъ парламентскихъ реформъ, какъ лордъ Джонъ Рессель, и тотъ почелъ нужнымъ еще въ 1852 году внести билль о реформѣ. Къ обсужденію этого билля палата не успѣла даже приступить, такъ какъ министерство вскорѣ подало въ отставку, потерпѣвъ пораженіе по другому вопросу. Слѣдующая попытка внести билль о реформѣ была сдѣлана въ 1854 году. Но разразившаяся война съ Россіей отодвинула въ сторону всякія крупныя реформы. Лишь съ 1859 г. начинается серьезная агитація въ пользу дальнѣйшаго расширенія избирательныхъ правъ, и главнымъ дѣятелемъ агитаціи выступаетъ знаменитый ораторъ Джонъ Брайтъ, сподвижникъ Кобдена по борьбѣ въ пользу свободы торговли.

Брайтъ былъ главою прядильной и ковровой фирмы «Джонъ Брайтъ и Братья»; извѣстность его, однако, покоится не на числѣ его фабрикъ, а на его пламенномъ краснорѣчіи и на той огромной услугѣ, которую онъ оказалъ народу, какъ борецъ за свободу торговли и расширеніе избирательныхъ правъ и какъ противникъ войнъ. Въ дальнѣйшихъ нашихъ очеркахъ «строителей жизни» мы еще надѣемся имѣть случай говорить о борьбѣ за свободу торговли и о дѣятельности

друзей международнаго мира. Здѣсь же личность Брайта интересуетъ насъ лишь, какъ двигателя билля реформы.

Брайтъ не былъ крайнимъ или хотя бы наполовину убѣжденнымъ демократомъ. Для него расширеніе избирательнаго права было не столько дѣломъ справедливости, сколько необходимости. У него было нѣсколько принциповъ стараго либерализма, которыми онъ крайне дорожилъ, это были: свобода торговли, международный миръ и бережливость въ государственныхъ расходахъ. Онъ полагалъ, что для оберeганія этихъ принциповъ необходимо дать больше власти народу. Получитъ ли послѣдній всеобщее голосованіе или нѣтъ, для Брайта не было важно. Главное, чтобы власть была въ рукахъ большинства народа, такъ какъ ему казалось, что въ этомъ случаѣ государство уже будетъ обезпечено отъ непроизводительнаго расходованія народныхъ денегъ, отъ протекціонизма и войнъ. Насколько онъ былъ правъ, вопросъ другой, но, проникшись убѣжденіемъ въ необходимости расширенія избирательныхъ правъ именно для охраненія своихъ политическихъ принциповъ, онъ энергично началъ добиваться соотвѣтственной реформы. Къ счастью, какъ мы уже сказали, путь для реформы былъ уже расчищенъ, и обѣ партіи спѣшили другъ передъ другомъ присвоить себѣ честь творцовъ реформы. Вопросъ только шелъ о томъ, какъ далеко должна идти реформа, и въ какомъ видѣ предложить ее, чтобы одна партія не мѣшала другой. Послѣ неудачныхъ попытокъ вождя виговъ, лорда Ресселя, поклонникомъ реформы выступилъ вождь торіевъ Дизраели, внесшій въ 1859 г. свой первый билль реформы, отвергнутый палатой общинъ большинствомъ 39 голосовъ. Затѣмъ, въ въ министерство опять вступили виги съ Пальмерстономъ во главѣ, и лордъ Рессель, бывшій тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, опять внесъ билль, оказавшійся мертворожденнымъ. Послѣ нѣкотораго затишья, объясняемаго многими причинами, между которыми война южныхъ штатовъ съ сѣверными въ Америкѣ занимаетъ не послѣднее мѣсто, билль о реформѣ былъ опять внесенъ и на этотъ разъ уже съ серьезнымъ намѣреніемъ довести дѣло до конца. Авторомъ билля выступилъ Гладстонъ, бывшій тогда лидеромъ палаты общинъ и канцлеромъ казначейства. Обсужденіе его билля, съ нѣкоторыми, конечно, перерывами для другихъ дѣлъ, заняло палату въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и кончилось пораженіемъ министерства по далеко не важному пункту. Во главѣ правительства стала консервативная партія съ Дизраели, какъ вождемъ, и послѣднему-то и удалось въ 1869 году провести билль реформы, обезпечивъ за консервативной партіей честь расширенія народнаго представительства.

Это состязаніе политическихъ партій въ проведеніи реформы, такъ неожиданно кончившееся удачей для консервативной партіи, однако, не обозначаетъ, что Брайту оставалось лишь ломиться въ открытую дверь. Не слѣдуетъ забывать, что среди обѣихъ партій было еще

много сильныхъ противниковъ всякихъ избирательныхъ реформъ. И не только Дизраели въ средѣ консервативной партіи, но даже Гладстонъ въ средѣ либераловъ встрѣчалъ не малый отпоръ и противодѣйствіе биллю реформы. Только одно неумолимое общественное мнѣніе могло заставить вождей дѣйствовать. Общественное-же мнѣніе не вино, которое, когда оно готово, слѣдуетъ закупорить и оставить въ покоѣ. Наоборотъ, оно скорѣе похоже на костеръ, который горитъ лишь до тѣхъ поръ, покуда подбрасываютъ въ него полныя дрова. И этимъ-то горючимъ матеріаломъ, не давшимъ потухнуть общественному мнѣнію, и являлись дивныя рѣчи Брайта, произнесенныя имъ на многочисленныхъ митингахъ въ разныхъ городахъ Англіи.

Брайту не приходилось, какъ дѣятелямъ перваго билля реформы, выступать въ роли организатора и руководителя. Ему не нужно было устраивать демонстраціи, собирать подписи къ петиціямъ, посылать депутаціи, грозить революціей и выпускать прокламаціи. Настолько дѣло реформы уже созрѣло. Но нужно было поддерживать огонь, будить, толкать и двигать общественную совѣсть, и Джонъ Брайтъ исполнилъ это съ такой силой, примѣръ которой трудно найти въ исторіи.

О силѣ ораторскаго искусства Брайта вполнѣ могли судить, конечно, лишь его слушатели. Но и теперь, читая въ печати его рѣчи, произнесенныя 40—50 лѣтъ тому назадъ, чувствуешь очарованіе и силу его вдохновеннаго слова. Что можетъ быть, напримѣръ, трогательнѣе слѣдующихъ заключительныхъ словъ его рѣчи, произнесенной имъ на митингѣ въ Бирмингемѣ, въ 1859 г.: «Я вспоминаю, гдѣ я и кто передо мною. Развѣ я не въ Бирмингемѣ, въ главномъ городѣ центральной Англіи, и развѣ я не вижу передъ собою сыновей тѣхъ, которые меньше чѣмъ тридцать лѣтъ назадъ потрясли до основанія государственный строй, опиравшійся на привилегіи? Многіе изъ борцовъ того времени теперь покрыты сѣдиной. Они приближаются къ рубежу своей земной жизни: но ихъ закатъ освѣщенъ воспоминаніями о великой борьбѣ, и ихъ радуетъ одержанная ими прежде побѣда. И неужели сыновья ихъ окажутся менѣе благородными, чѣмъ они? Неужели огонь, зажженный ими потухнетъ въ васъ? (кто-то крикнулъ: «Никогда!» и ораторъ продолжалъ): Я вижу, вы рѣшили передать своимъ дѣтямъ завѣщанное вамъ наслѣдство съ наросшими богатствами свободы. Что же касается меня, то мой голосъ слабъ. Съ грустью сознаю, что я уже не тотъ, чѣмъ былъ. Въ моей рѣчи нѣтъ прежняго огня; въ моихъ дѣйствіяхъ нѣтъ прежней силы. Но каковъ я есть, мои соотечественники и избиратели, если позволите, я буду бороться въ вашихъ рядахъ».

Или какъ прекрасно, какъ богато образами его слѣдующее уподобленіе общественнаго мнѣнія, существовавшаго въ Англіи въ серединѣ 50-хъ годовъ 19-го вѣка, морскому приливу: «Вамъ, конечно,

приходилось стоять на берегу моря въ часъ затишья и покоя, когда никакія бури не гонятъ волнъ и вѣтеръ скользитъ едва уловимымъ шепотомъ. И все-же вы видите, какъ приливъ наступаетъ, словно толкаемый какой-то тайной силой. Вы видите, какъ наступающія волны гонятъ съ мѣста на мѣсто гуляющихъ по песчаному берегу и мало по малу весь безбрежный сосудъ океана какъ бы наполняется до краевъ. Тутъ нѣтъ насилій; никто даже не угрожается насиліемъ, но мы всѣ знаемъ, что мнѣніе растетъ и что приливъ приближается. Мы чувствуемъ, что тѣ, которые, по невѣжеству-ли или нахальству, выступаютъ противниками, постепенно оттѣсняются, и скоро загражденія будутъ опрокинуты, и привилегіи и монополіи будутъ сметены. Народъ получитъ права, и чаша свободы наполнится до краевъ».

Вліяніе Брайта особенно сказалось въ періоды борьбы, между паденіемъ министерства Рессела-Гладстона въ іюнѣ 1866 г. и внесеніемъ билля министерствомъ Дарби-Дизраели въ февралѣ 1867 г. Въ этотъ періодъ времени агитація была особенно сильна. Въ большихъ городахъ не хватало общественныхъ залъ, чтобы умѣстить всѣхъ желавшихъ участвовать въ митингахъ. Въ Бирмингемѣ, Лидсѣ, Гласго, Эдинбургѣ и др. городахъ устраивались митинги на площадяхъ, при чемъ народъ на эти митинги стекался изъ разныхъ окрестныхъ городовъ и деревень и часто скоплялся въ такихъ массахъ, что публика на митингахъ далеко превышала все мѣстное населеніе города, гдѣ происходилъ митингъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы въ то время Брайтъ вздумалъ провозгласить революцію, то народныя массы ни чуть не задумались бы послѣдовать за нимъ, но этого, какъ мы видѣли, вовсе не надо было. «Приливъ» и безъ того согналъ опонентовъ съ берега и наполнилъ до края океанъ.

V

Реформа 1867 года сразу увеличила число избирателей съ 1.136.000 до 2.448.000, на 1.300.000 слишкомъ человѣка. Она не только понизила имущественный цензъ прежнихъ категорій избирателей, но ввела и новую категорію, а именно «lodgers», т.-е. лицъ, снимающихъ не цѣлую квартиру, а лишь одну или нѣсколько немеблированныхъ комнатъ, съ платой не меньше десяти фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Такимъ образомъ, въ разрядъ избирателей попало огромное число гражданъ, которые сами непосредственно никакихъ налоговъ не платятъ и которые обыкновенно снимаютъ квартиры понедѣльно. При этомъ для такого квартиранта вполнѣ достаточно прожить одинъ годъ въ одномъ избирательномъ участкѣ, чтобы быть внесеннымъ въ списокъ избирателей.

*

Но и реформа 1867 г. явилась лишь полумѣрой. Она коснулась лишь жителей городовъ, и оставила въ прежнемъ видѣ избирательное право жителей деревень и мѣстечекъ, сохранивъ старинное раздѣленіе населенія въ отношеніи голосованія на жителей «counties» и «boroughs», т.-е. на жителей графствъ и городовъ. Благодаря этому, существовала, напримѣръ, такая аномалія, что изъ двухъ гражданъ, жившихъ иногда рядомъ и обладавшихъ равнымъ имуществомъ, пользовавшихся одинаковымъ соціальнымъ положеніемъ и вообще ничѣмъ не отличавшихся другъ отъ друга ни по образованію, ни по способностямъ и прочимъ личнымъ качествамъ, одинъ имѣлъ право голоса, а другой нѣтъ. И эта разница въ правахъ основывалось лишь на томъ, что первый жилъ въ «borough», а другой—въ «county». Если имѣть въ виду, что границы между «borough» и «county» довольно измѣнчивы и вчерашняя «деревня» можетъ стать завтра частью города или даже самостоятельнымъ городомъ, то несправедливость раздѣленія избирателей на двѣ разныя категоріи въ зависимости отъ мѣстожительства дѣлается особенно очевидной. Не удивительно поэтому, что вскорѣ послѣ принятія реформы 1867 г. началась агитація въ пользу распространенія этой реформы и на жителей «counties», т.-е на тотъ огромный классъ мелкихъ ремесленниковъ, рудокоповъ, земледѣльческихъ рабочихъ и другихъ, которые и составляетъ большинство деревенскаго населенія. Несмотря, однако, на всю очевидность правоты агитаціи, дѣло подвигалось сравнительно очень медленно и вяло, и нужно было 17 лѣтъ для достиженія того равноправія избирателей, котораго, казалось, никто не оспаривалъ и не отрицалъ. Всѣ признавали, что дѣйствительно, аномалія существуетъ и что требованія новой реформы справедливы, но многіе считали, что особеннаго вреда отъ этой аномаліи не происходитъ и что можно еще «погодить». Зачѣмъ торопиться? — спрашивалъ, напримѣръ, лордъ Рандольфъ Черчилль, этотъ торій демократъ, на митингѣ въ Эдинбургѣ, въ декабрѣ 1883 г., когда вопросъ о внесеніи Гладстономъ новаго билля реформъ въ парламентъ былъ уже рѣшенъ. «Если бы,— сказалъ онъ,—я видѣлъ, что земледѣльческіе рабочіе Великобританіи очень возбуждены по поводу этого вопроса; если бы я видѣлъ, что они собираются на огромные митинги, бросаютъ работу, жертвуютъ своими грошами на агитацію, идутъ на Лондонъ, разрушаютъ ограду Гайдпарка, вступаютъ въ борьбу съ полиціей и даже съ войсками, тогда я бы подумалъ: «у этихъ людей есть значитъ, такія жалобы, о которыхъ парламентъ не знаетъ или къ которымъ онъ относится пренебрежительно, и если-бы они обладали избирательнымъ правомъ, то на эти жалобы обратили бы вниманіе и парламентъ устранилъ бы ихъ недовольствіе». Но теперь я этого не вижу».

Очень ядовитый и сильный отвѣтъ данъ былъ на это Чемберленомъ, бывшимъ тогда министромъ въ кабинетѣ Гладстона и однимъ

изъ главныхъ сторонниковъ реформы. Чемберленъ, въ рѣчи въ палатѣ общинъ, энергично протестовалъ противъ этой новой доктрины, что только ломаніемъ оградъ и схватками съ полиціей слѣдуетъ добиваться реформы. «Благородный лордъ не удовлетворенъ, покуда не будутъ безпорядки,—сказалъ Чемберленъ:—Но хотя до сихъ поръ дѣло обошлось безъ погромовъ, все-таки было достаточно признаковъ того, что общественное мнѣніе на сторонѣ реформы и общество заинтересовано ею».

И въ этомъ отношеніи Чемберленъ былъ совершенно правъ. Агитація въ пользу третьей реформы хотя и не кипѣла такъ страстно, какъ въ дни первой или хотя бы второй избирательной реформы, и на поверхности жизни не замѣчалось того подъема духа, той напряженности ожиданія, которые отличаютъ народныя движенія, все-таки въ странѣ происходило большое броженіе, и народные дѣятели далеко не сидѣли сложа руки. Конечно, при ослабленіи противодѣйствія, ослабѣлъ и натискъ. Не встрѣчая того упорнаго сопротивленія, которое стояло на пути первой реформы, дѣятели дальнѣйшаго расширенія избирательныхъ правъ и сами оказывались менѣе пламенными, менѣе энергичными, просто потому, что цѣль достигалась и безъ траты лишняго пороха. Уравненіе въ 1884 г. деревенскаго населенія въ правахъ съ городскимъ явилось уже само собою послѣдствіемъ реформъ 1867 г.

И во главѣ той сравнительно легкой борьбы, которая привела къ принятію билля 1884 г., мы видимъ прежде всего дѣятелей изъ народа Мы видимъ Чемберлена, бывшаго одно время главою фирмы «Nettlefold and Chamberlain», и Джозефа Арча, бывшаго земледѣльческаго рабочаго. Въ то время какъ первый дѣйствовалъ въ пользу билля въ концѣ періода агитаціи, послѣдній дѣлалъ большое дѣло въ началѣ періода, когда Чемберленъ еще былъ поглощенъ муниципальными преобразованіями Бирмингема.

Джозефъ Арчъ, какъ основатель и секретарь перваго національнаго союза земледѣльческихъ рабочихъ, первый же послѣ реформы 1867 г. и началъ агитировать въ пользу дальнѣйшаго расширенія правъ. «Это была продолжительная и упорная, агитація,—пишетъ онъ въ своей автобіографіи, изданной въ 1898 г.—Она продолжалась приблизительно съ 1875 г. по 1884 г., по день нашего торжества. Мы посылали петицію за петиціей въ палату общинъ, и одна изъ нихъ, которую я самъ привезъ въ палату, была длиною около 17 ярдовъ». Арчъ говорилъ о необходимости расширенія избирательнаго права на всѣхъ митингахъ, на которыхъ только присутствовалъ, и, по его словамъ, глубокій интересъ народа къ вопросу сказывался особенно тѣмъ, что на митингахъ, особенно въ послѣдніе годы, обычный гимнъ союза земледѣльцевъ замѣнялся разными пѣснями избирательнаго права (franchise songs), среди которыхъ особой популярностью пользовался

гимнъ съ рефреномъ: «Пусть кто можетъ отрицаетъ, но голосовать мы должны: это право честнаго англичанина *).

Въ то время какъ работа Арча происходила на днѣ жизни, на деревенскихъ сходкахъ и среди бѣднаго слоя земледѣльческаго населенія, Чемберленъ дѣйствовалъ наверху широкимъ розмахомъ смѣлаго пловца. Какъ министръ, какъ членъ правительства, задумавшаго осуществить реформу, онъ, конечно, участвовалъ въ защитѣ ея передъ страною и въ отстаиваніи ея передъ палатой лордовъ. Но въ то же время какъ организаторъ «кокуса», какъ тайный руководитель національной федераціи либераловъ, онъ искусно выдвигалъ и общественное мнѣніе, которое должно было оказывать давленіе на правительство, съ одной стороны и на противниковъ реформы—съ другой. Его роль была какъ бы двойная: какъ членъ правительства, онъ выступалъ исполнителемъ воли народа, а какъ организаторъ общественнаго мнѣнія, самъ—же какъ будто и выступалъ выразителемъ этой воли. Конечно, враги реформы не преминули указать тогда на эту двойную роль Чемберлена и назвать всѣ митинги въ пользу реформы дѣломъ механической агитаціи и «твореніями кокуса» (Caucus—названіе политической организаціи, слѣпо послушной главнымъ вождямъ партіи). Народъ, молъ, относится къ реформѣ совершенно равнодушно, и все дѣло лишь игра кокуса. Но Чемберленъ тогда-же отвѣчалъ, что если противники реформы такъ увѣрены въ равнодушіи къ ней страны, то пусть они попробуютъ отвергнуть ее. Въ той-же рѣчи, изъ которой мы выше цитировали, онъ бросилъ вызовъ противникамъ реформы, чтобы тѣ потребовали отъ парламента оставить разговоры объ избирательной реформѣ и заниматься другими дѣлами. Но вызовъ не былъ принятъ. Страна хотя и не волновалась, но всѣ чуяли, что общественное мнѣніе созрѣло и ждетъ расширенія избирательнаго права.

И послѣднее было дано. Число избирателей въ 1884 г. составлялъ около 3,000,000. Послѣ принятія билля о реформѣ, сразу прибавилось лишнихъ два милліона избирателей. Внося свой билль, Гладстонъ между прочимъ сказалъ въ оправданіе этого внезапнаго громаднаго прироста числа избирателей: «Я не стану обсуждать избирательное право въ томъ же духѣ, въ какомъ оно обсуждалось 50 лѣтъ тому назадъ, когда лордъ Ресселъ съ замираніемъ сердца сообщалъ, что его реформа прибавитъ полмилліона избирателей. Теперь это не вопросъ о числахъ. Я смотрю на дѣло съ точки зрѣнія широкаго принципа. По моему, всѣ способные граждане должны имѣть право голоса, много ли ихъ, или мало. Если ихъ много, тѣмъ лучше. Всякое увеличеніе ихъ составляетъ прибавку къ силѣ государства, лежащей въ представи-

*) О дѣятельности Арча см. „Міръ Бож.“ 98 г., окт. „Іосифъ Арчъ, англ. крестьянинъ-депутатъ“. Л. Т. Барановской.

тельной системѣ. Я съ радостью признаю, что въ нашей счастливой странѣ и въ нашей счастливой конституціи есть и другіе источники силы. Но всетаки, въ главномъ, сила современнаго государства и особенно нашего кроется въ представительной системѣ правительства».

Слова эти достойны быть высѣчены золотыми буквами на мраморѣ и изображены на стѣнахъ парламентовъ во всѣхъ странахъ свѣта. И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только сравнить Англію по-реформную съ до-реформной, чтобы увидѣть ту огромную роль, которую играетъ въ жизни народа расширеніе избирательнаго права. Не смотря на то, что свобода совѣсти, свобода слова, печати и митинговъ существовала въ Англіи съ незапамятныхъ временъ, настоящая свобода наступила здѣсь только во второй трети 19-го вѣка, когда правительство сдѣлалось не только номинально, но и фактически зависимымъ отъ народа.

Мы уже не говоримъ о другихъ сторонахъ жизни, безконечно много выигравшихъ отъ расширенія избирательнаго права,—отъ права, которымъ Англія обязана не только своимъ выдающимся государственнымъ людямъ, какъ Ресселль, Дизраели и Гладстонъ, но и тому сонму выдающихся людей изъ народа, имена которыхъ часто недостаточно извѣстны даже на родинѣ ихъ.

Но одно обезпеченіе широкаго народнаго представительства, хотя и составляетъ краеугольный камень для благоустройства современнаго государства, само по себѣ еще никакихъ вопросовъ не разрѣшаетъ и требуются еще могучія усилія для дальнѣйшаго прогресса страны. И объ этихъ то усиліяхъ, насколько въ нихъ проявилась иниціатива и участіе людей «практическаго дѣла», рѣчь пойдетъ въ дальнѣйшихъ моихъ очеркахъ.

С. И. Рапопортъ.

ВЪ УГОЛКѢ.

I.

На одномъ изъ скромныхъ курортовъ Крыма дачи щеголяли одна передъ другой своими татарскими именами—Гюзеле, Карабалчикъ, Араcланбей,—но московскій докторъ Аксеновъ, когда купилъ здѣсь кусокъ земли и устроилъ дачу, назвалъ ее просто «Уголкомъ».

Въ «Уголкѣ» родился Ѳедя, и тогда Аксеновъ бросилъ Москву и практику и поселился здѣсь навсегда.

Нянькой у Ѳеди была старая баба Акулина, тоже московка, и такъ онъ ихъ помнилъ всѣхъ трехъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить: отца—сѣдымъ и лысымъ, въ дымчатомъ пенсне надъ прищуренными глазами, мать—морщинистой, вздрагивающей отъ каждаго шороха, съ тяжелымъ запахомъ изо рта, гдѣ за отвисшей нижней губою желтѣли клыки, и няньку въ вѣчномъ кубовомъ платьѣ, подвязанномъ фартукомъ подъ мышками, приземистой и ворчливой.

Домъ Аксенова уже черезъ годъ послѣ его постройки пріобрѣлъ какой-то пожилой, степенный видъ: облѣзла штукатурка, и полиняла красная крыша. Потомъ около него поднялись молчаливые жуткіе кипарисы, строгіе, какъ часовые, и сквозь нихъ чуть мелькали кругомъ бѣлыми пятнами дальнія дачи, и чуть синѣло впереди море.

Прочно сталъ около высокій сарай изъ сѣрыхъ досокъ, забѣгала между нимъ и домомъ на длинной проволокѣ огромная желтая овчарка—Буянъ.

Цѣлый день былъ слышенъ протяжный лязгъ ея цѣпи, или, улегшись въ тѣни, она жалобно скулила и ляскала зубами, отбиваясь отъ мухъ. А по ночамъ она лаяла громовымъ басомъ, отзываясь на лай сосѣдей, или принималась выть коротко и глухо, точно гдѣ-то внизу обрушивались камни и ползли въ пустоту.

Для воды выложили глубокую цистерну, и по хитро закрученнымъ трубамъ съ крышъ, послѣ каждаго дождя, неизбѣжно

влеклись туда, въ подземелье, снова въ неволю, чистые ручьи воды и наглухо закрывались тяжелой крышкой.

Черезъ два-три года разстелился повсюду кудрявый виноградникъ, за нимъ бордюромъ миндаль, и около ограды ихъ колючей проволоки вызывающе сѣли колючіе кусты держи-дерева и ядовито смотрѣли на дорогу.

Жизнь плотно вошла въ отведенные ей берега, окаймилась и медленно завертѣлась, какъ мельничный жерновъ, дробящій зерна.

Каждый день, въ одно и то-же время, вставали, долго молились, пили горячее молоко, занимались съ Ѳедей, водили его гулять, обѣдали, снова водили гулять, снова пили молоко, и такъ до вечера.

Вечеромъ, передъ сномъ, тоже долго молились, потомъ тщательно осматривали со свѣчами комнаты,—нѣтъ-ли гдѣ сколопендры или москитовъ, пробовали крючки дверей и петли оконъ.

Всего боялись въ «Уголкѣ»:—воровъ, мухъ, раскатовъ грома, и оттого цѣлые дни двери были на крючкахъ и окна не отворялись, и оттого воздухъ въ комнатахъ былъ затхлый, спертый и сырой, и кто-то жилъ въ нихъ рядомъ съ людьми, невидимый, но темный, въ то время, какъ кругомъ горы и море играли другъ съ другомъ, солнцемъ и тучами и весело смѣялись другъ надъ другомъ радужнымъ смѣхомъ цвѣтовъ, а внизу вѣчно пѣлъ бѣлый прибой надъ кудрями широкаго пляжа и обдавалъ его, разметавшагося въ жару, солеными брызгами и лентами пѣны.

II.

Изъ ранняго дѣтства у Ѳеди въ памяти остались какіе-то клочья.

Что-то холодное, зеленое, бездонное, проглотившее его мягкимъ ртомъ, потомъ бѣлыя искры и руки съ толстыми пальцами... Это онъ въ первый разъ купался въ морѣ, когда ему было три года. Купала Акулина; потомъ дома ахали, ругались, растирали его чѣмъ-то вонючимъ... Больше онъ не купался: дома дѣлали теплыя ванны.

Скворцы пѣли весною, чуть стаялъ снѣгъ. Онъ выбѣжалъ,—грязно, весело, солнце въ лужахъ купается. Сидятъ черныя птички, крылья распущены, въ горлышкахъ что то перекатывается, звенитъ... «Скворчики!»—запрыгалъ по грязи, бьетъ въ ладоши... Сарай сбоку мокрый,—плачетъ, слушаетъ, такъ и ползутъ темные разводы, а съ вѣтокъ тоже капельки падаютъ...

«Скворчики!..» И опять чьи-то толстые пальцы. Его тащатъ въ домъ. Онъ плачетъ и бьетъ въ чей-то животъ грязными ногами.

Вѣтеръ дулъ съ горъ зимою холодный и такой плотный, что

подъ его тяжестью, какъ трава, гнулись кипарисы, испуганно трепля мягкими вѣтками, и трещало что-то вверху на крышѣ, и звенѣли окна. Закрыли ставни, чтобы было теплѣе, и сидѣли въ темнотѣ, и онъ спрашивалъ, дрожа отъ испуга:

— Кто это идетъ? Кто это все идетъ?.. Это Боженька ходитъ?

Всѣ пугали Божѐнькой—отецъ, мать, нянька. Боженька жилъ въ черныхъ иконахъ за стеклами, передъ нимъ горѣла лампадка, и видно было, какъ онъ смотрѣлъ съ разныхъ иконъ разными глазами. Жутко было. Когда Ѳедя шелъ мимо одинъ, то закрывалъ глаза; передъ тѣмъ, какъ уснуть, все читалъ: «Отче нашъ, иже еси... хлѣбъ нашъ насущный»...

Было непонятно и страшно: все, чего хотѣлъ онъ, Ѳедя, было запрещено имъ, Боженькой.

Только одинъ разъ, когда въ пять лѣтъ начали учить Ѳедю азбукѣ, онъ хотѣлъ ожить и не ожилъ. Онъ мѣшалъ двѣ буквы: «м» называлъ «д»; отецъ выходилъ изъ себя.

— Буквы это чьи? Божьи?—сквозь слезы спросилъ Ѳедя.

— Нѣтъ, не Божьи; ихъ умные люди придумали, а ты, дуракъ, не усвоилъ.

— Не Божьи? Тогда я не хочу!—Ѳедя подпрыгнулъ.

— Чего ты не хочешь?

— Не хочу, чтобъ это—«мы»; пусть будетъ—«ды!»

И онъ цѣлый день плакалъ и кричалъ:

— Не хочу, чтобы «мы», пусть—«ды!»

Къ вечеру его высѣкли плеткой.

Садъ около дома былъ большой, и когда думали, что Ѳедѣ на берегу холодно, то гуляли съ нимъ по дорожкамъ, между виноградникомъ и грушами, между абрикосами и миндалемъ.

Дорожки эти носили свои названія: была «Опасная» дорожка, потому что шла по откосу, была «Змѣиная», потому что на ней когда-то убили ужа.

Съ террасы видно было все море вплоть до берега, и когда по вечерамъ оно было особенно красиво, залитое розовымъ солнцемъ, Ѳедя возбужденно бѣгалъ по террасѣ и кричалъ:

— Море-то, море-то,—ухъ-ты!

Выныривалъ косой парусъ баркаса, весь красный отъ солнца, и Ѳедя прыгалъ около самой рѣшетки, протягивалъ руки:

— Парусъ-то, парусъ-то, какъ языкъ! Ухъ-ты! Папа, смотри,—прямо, какъ языкъ! Море высунуло и дразнится... Ухъ-ты, здорово какъ!

— Ѳедя, оставь, замолчи! Это все ты глупости говоришь,—тянулъ его за руку отецъ и отводилъ отъ рѣшетки.

На молодой мѣсяцъ крестились и щупали, есть ли въ карманѣ деньги; давали и Ѳедѣ мелочь, чтобы водилась цѣлый мѣсяцъ.

Разъ, гуляя, нашли подкову, взяли домой и прибили на порогѣ для счастья.

Сквозь крѣпкую голову доктора Аксенова побѣдоносно прошла университетская наука безъ потерь для себя и для него. Три дня бился онъ, чтобы вспомнить и показать Ѳедѣ, какъ земля движется вокругъ солнца, и не вспомнилъ, а когда Ѳедѣ случалось заболѣть, то лѣчила его Акулина, а Аксеновъ напряженно писалъ рецепты и рвалъ.

III.

У матери Ѳеди, Марьи Власовны, были совсѣмъ сѣдые волосы. Вслѣдствіе нервныхъ болей головы ихъ стригли, для чего аккуратно разъ въ мѣсяцъ приходилъ единственный здѣшній парикмахеръ, татаринъ Усеинъ Халиловъ.

Заодно съ Марьей Власовной стриглись наголо и Аксеновъ съ Ѳедей, и такъ они ходили всѣ трое голые и робкіе. Потомъ какъ-то сразу Аксеновы испугались, что Усеинъ можетъ ихъ заразить, и купили свою машинку.

Марья Власовна часто лежала въ постели, и когда двигалась то безшумно, какъ ночная тѣнь, страшная—высокая, худая, съ черными слезливыми глазами въ сѣтчатыхъ вѣкахъ и съ отвисшей губою. Она вся была живой заботой о Ѳедѣ и, сама больная, визгливо, съ надрывомъ кричала ему, когда онъ возился на террасѣ:

— Ѳедичка! Ѳедя, голубчикъ! Уйди оттуда, дѣточка! Сквознякомъ продуетъ!

Но Ѳедя не любилъ матери и смотрѣлъ на нее съ такимъ же жуткимъ чувствомъ, какъ на Боженьку въ старыхъ иконахъ.

Она научила его бояться фруктовъ и ягодъ, потому что можно проглотить косточку и умереть; научила бояться парохода, потому что онъ такъ страшно ревѣлъ внизу на пристани, что она вскрикивала, хваталась за голову и замирала; научила бояться другихъ дѣтей, потому что они могли привить ему дурныя мысли и слова.

Она была незамѣтна и мало говорила, но она была вездѣ. Въ ея глазахъ было такъ много молчаливой любви и страданія, что они висѣли надъ «Уголкомъ», какъ тонкая сѣтка изъ лучей какого-то неизвѣстнаго еще металла, и всѣ кругомъ не замѣчали, какъ двигались подъ ней и становились другими—странными и сжатыми.

IV.

Нянька Акулина, когда водила за руку Өедю, гуляя съ нимъ по берегу, передвигалась круглыми волнообразными шагами толстой женщины и голову держала прямо и прочно на двойномъ подбородкѣ и презрительно поджимала губы, когда встрѣчалась съ другими няньками, въ бѣлыхъ передникахъ и бусахъ изъ раковинъ.

— Фуфры какія, подумаешь! Расфуфырились, тоже!—протяжно ворчала она и плевала имъ вслѣдъ.

Все ей не нравилось здѣсь въ Крыму: горы, море, люди, и Аксеновыхъ она держала въ страхѣ тѣмъ, что все грозила уѣхать въ Москву.

— Яхта, яхта! Глянь-ка-сь, няня, яхта-то!—кричалъ Өедя, дергая ее за рукавъ, когда отъ берега въ море, бѣлая на темносинемъ, отплывала, изгибисто чертя воду, чья-то яхта.

— Ну такъ что же? Ну и дуракъ!—ругала въ отвѣтъ Акулина неизвѣстнаго владѣльца яхты.—Всадилъ въ нее деньги-то зрящія... Сдѣлалъ бы спишечный заводъ,—куда бы милѣе!.. Приступа къ спицамъ нѣтъ: у насъ-то семь копѣекъ тыща, а тутъ, поди-ты, вездѣ гривенникъ!.. Кры-нмъ!

И она качала головой и съ ненавистью смотрѣла на море

Возвращаться домой въ гору было мученіемъ для Акулины. Она часто садилась, отдуваясь и вытирая потъ концомъ головного платка, и рѣшительно заявляла:

— Уѣду я отседова, вотъ вамъ крестъ, уѣду! Каторжная я вамъ досталась такія кручи обламывать, Господи!

А дома ея высоко поднятая юбка, открывавшая толстыя голыя ноги, дѣловито трепалась то въ саду, то на кухнѣ, то на террасѣ, и казалось, что на этихъ толстыхъ ногахъ, какъ на столбахъ, стояла тутъ вся жизнь, и что эта широкая юбка прикрывала ее отъ всѣхъ золъ и напастей, какъ желѣзная крыша.

Какъ-то выходило такъ, что изъ всѣхъ обитателей «Уголка» она одна знала что-то неоспоримое о жизни и всѣхъ чему-то учила: Өедю,—что воробьевъ Богъ проклялъ, а голубей благословилъ; Аксенова—что отъ филоксеры нужно отслужить молебенъ св Антипію; Марью Власовну,—что отъ ея болѣзни помогаетъ рѣдичный сокъ.

Какъ-то разъ кухарка купила битаго зайца. Акулина пришла въ ужасъ и убѣдила всѣхъ, что ѣсть его нельзя, потому что у него когти, а не копытца, что онъ проклятый, и отъ него сходятъ съ ума. Зайца бросили Буяну.

Когда надобность въ нянькѣ для Өеди миновала, Акулина осталась кухаркой. Она воцарилась на кухнѣ, оклеила ее бумаж-

ками изъ-подъ конфектъ, картинками изъ журналовъ и просто старыми газетами, поставила на окно горшокъ удушливо пахнущей розовой травки и непрерывно, изо дня въ день, начала капать въ Аксенова:

— Плита! Что-жъ она, плита-то? Ни кулича, ни пирога не спечешь!.. Ку-хня тоже!.. Никакихъ русскихъ удобствъ нѣту... Кры-ымъ!

Наконецъ, Аксеновъ рядомъ съ плитой поставилъ ей широкую русскую печь, и Акулина успокоилась.

На столѣ появился свой бѣлый хлѣбъ, крутой и плотный, какъ дерево, и по стѣнамъ комнатъ начали бродить то здѣсь, то тамъ меланхоличные черные тараканы.

Такъ какъ ходить на базаръ для Акулины было тяжело, то завели гнѣдого мерина Ваську и къ нему рабочаго-татарина Мемета.

Меметъ былъ музыкаленъ, какъ всѣ татары, и по вечерамъ и въ праздники игралъ на гармоникѣ «Разлуку», польку «Итальянку» и «Кекъ-уокъ»,—единственное, что дали здѣсь русскіе татарамъ взамѣнъ навсегда взятыхъ у нихъ зеленыхъ горъ, синяго моря и голубого неба.

V.

Ѳедѣ восемь лѣтъ. Онъ невысокій, худенькій, загорѣлый, съ длинной шеей и узкой головой. Ротъ у него большой, какъ у галчонка, и кажется, что отъ угловъ его къ ушамъ идутъ желтыя полосы, такія же, какъ у галчатъ. Глаза смышленые и лукавые, сѣрые съ зеленью.

Смѣшливъ, но смѣяться ему воспрещено: смѣхъ переходитъ у него въ припадочное кривлянье, тогда онъ дергается всѣмъ тѣломъ и съ трудомъ его можно остановить.

Поэтому при немъ никто не говоритъ ничего смѣшного; говорятъ о погодѣ, о молокѣ, которое каждый день приноситъ старикъ Муратъ, о продажѣ винограда.

Когда Аксеновъ водитъ его гулять, все время держа его за руку, онъ не хочетъ, чтобы даромъ пропадало время; чаще всего онъ повторяетъ съ нимъ священную исторію, какъ самый легкій и интересный предметъ.

И въ жаркіе дни, когда въ саду становится душно, они ходятъ по берегу моря подъ рыжимъ зонтикомъ: большой—сѣдой и грузный, и маленькій—смуглый и вертлявый, оба въ высокихъ сапогахъ, чтобы не запылить ногъ.

— А во сколько дней Богъ сотворилъ міръ?—спрашиваетъ большой.

— Въ шесть дней, а на седьмой отдыхалъ,—скучно отвѣчаетъ маленькій, отмахиваясь отъ мухи.—И такъ онъ все время потомъ—шесть дней поработаетъ, а на седьмой отдохнетъ, шесть дней поработаетъ, а на седьмой отдохнетъ... Папа, а какъ это на лодкѣ по морю плывутъ и не боятся? Вонъ, смотри-ка, лодка!

Море впереди—живое и огромное. Волны зеленыя, глазастыя; подымутся на берегъ, засмѣются и нырнутъ опять вглубь. А далеко, чуть видно, на ихъ головахъ качается бѣлая лодочка и что-то краснѣетъ въ ней маленькимъ пятнышкомъ,—шляпка или турецкая феска.

— Брось, не отвлекайся,—тянетъ его за руку большой.—И это ты очень плохо отвѣтилъ. Богъ творилъ только шесть дней и сотворилъ вся дѣла своя. Это помни

— Папа, а что на лунѣ тоже люди живутъ?

Подъ ногами камешки голыши—синенькіе, желтенькіе, красноватые, съ бѣлыми жилками, всѣ круглые, облизанные морской водой, вымытые чисто на чисто, какъ передъ праздникомъ. Вдоль берега разноцвѣтныя будки для раздѣванья. Купаются; лежатъ голые на берегу подъ зонтами. Голое море, голый берегъ, голые люди.

Маленькому хочется такъ же визжать, кричать, бѣгать по берегу, обсыпаться пескомъ, бросаться въ волны, брызгаться и плавать. а большой тянетъ его за руку и говоритъ, недовольно щурясь:

— Ты все это глупости говоришь. Пойдемъ домой!—Идутъ по крутому подъему въ гору. По склонамъ виноградники. Кусты разсажены зелеными рядами, и около каждаго куста сѣрый шестъ. Ѳедѣ кажется, будто низенькіе растрепанные мужички одинъ за другимъ ползутъ въ гору, опираясь на толстыя палки.

Выше—дачи, еще выше—горы; на нихъ синеватый темный лѣсъ. Оттого, что лѣсъ разлегся на горахъ крупными кудрями, какъ овечья шерсть, сами горы похожи на исполинскихъ овецъ сбившихся въ тѣсное стадо.

По дорогѣ внизъ спускается кормилица съ груднымъ ребенкомъ, глаза у него внимательные, большіе и близкіе.

— Папа, а ребенки думаютъ?—спрашиваетъ вдругъ Ѳедя.

— Гораздо больше, чѣмъ ты,—недовольно говоритъ Аксаковъ.

— Думаютъ? А какъ они думаютъ? Вѣдь они говорить не умѣютъ?

— Они про себя думаютъ... Замѣчаютъ, что и какъ дѣлается.

— Какъ собаки?

— Ну, да, пожалуй, какъ собаки.

— Значитъ, у нихъ души нѣтъ?

— Ну, какъ-же нѣтъ,—что ты глупости болтаешь!

— Тогда, значитъ, и у Буяна душа есть?

— Оставь, не говори этого! У Буяна нѣтъ, а у нихъ есть.

— Буянъ тоже плакать умѣетъ, я видѣлъ... Онъ тоже умный,— добавляетъ Ѳедя.—А зачѣмъ онъ все на цѣпи сидитъ, папа? Вѣдь ему скушно?

— На то онъ и цѣпная собака, чтобы на цѣпи сидѣть, сторожъ дома. За то его и кормятъ.

— А дикія собаки есть? Не такія вотъ, чтобъ онѣ бѣгали, а совсѣмъ, совсѣмъ дикія?

— Есть, кажется, и дикія... кажется, въ Африкѣ есть... Хотя можетъ быть это и не собаки, а волки, только особая порода волковъ... Да, вѣрнѣе всего, что нѣтъ ихъ, совсѣмъ дикихъ-то.

Жарко. Аллея кипарисовъ, по которой они идутъ, задыхается въ собственномъ смолистомъ запахѣ. Они такіе плотные и ровные, эти кипарисы, точно по ошибкѣ стали деревьями на землѣ и теперь изо всѣхъ силъ стремятся вырваться изъ земли и улетѣть куда-то въ другой міръ, гдѣ они больше къ мѣсту.

Гдѣ-то въ сторонѣ, подъ мимозой трещитъ цикада; этотъ трескъ тоже кажется какимъ-то густымъ и смолистымъ, и что-то густое, растопленное льется подъ ногами и сбоку, на срѣзанномъ откосѣ горы, гдѣ желтѣютъ, какъ ребра допотопнаго чудовища, пласты шиферной глины.

Если посмотрѣть назадъ, внизъ, то видно, какъ блеститъ и переливается, точно огромная перламутровая раковина, море, и какъ уходятъ куда-то рядомъ съ нимъ горы на берегу, горы съ точеными синими верхушками и розовыми, желтыми, молочными скатами, такія легкія, точно вышитыя на атласѣ. Если посмотрѣть впередъ, кверху, то виденъ облупившійся красный деревянный заборъ «Уголка», утыканный гвоздями, а за нимъ домъ съ черными закрытыми окошками и облѣзлой штукатуркой стѣнъ.

И Ѳедѣ становится чего-то страшно и тоскливо, и хочется плакать.

Скулитъ на цѣпи Буянъ, не находя отъ жары мѣста, высунувъ длинный языкъ изъ зубатой пасти и скрививъ на бокъ голову. Метнулась гдѣ-то широкимъ пятномъ юбка Акулины надъ голыми толстыми ногами, и слышно, какъ кричитъ она Мемету:

— Тоже туды-же, татарва нехрещеная! Мнѣ говорить! Что мнѣ говорить? Я то на семи сидѣла, девять вывела! За собой гляди!

Марья Власовна—стриженая, старая, подходитъ испуганная къ Ѳедѣ и укоризненно качаетъ головой.

— Вспотѣлъ-то какъ, а! Миша, что-жъ ты смотришь? Видишь, усталъ какъ! Пойдемъ, дѣточка, рубашечку перемѣнимъ.

Она тащитъ его за руку въ домъ, вся тонкая и дрожащая,

и, всходя на террасу, онъ слышитъ, какъ въ конюшнѣ фыркаетъ и бьетъ въ стѣны задними ногами меринъ Васька.

Изъ комнатъ ползетъ затхлая темная тишина, обвиваетъ его, подкравшись, и топитъ.

У матери холодные пальцы, холодные, какъ пять тонкихъ сосулекъ: онъ ихъ чувствуетъ всѣхъ на своей горячей рукѣ.

Вотъ она положила другую руку ему на шею: еще пять холодныхъ сосулекъ.

Онъ дернулся:

— Не нужно!

Она обнимаетъ его, цѣлуетъ въ потную голову, и онъ бьется, какъ въ сѣтяхъ, въ тяжеломъ запахѣ, которымъ пропитана каждая складка ея платья.

Онъ мотаетъ головой, упирается ей въ животъ руками, хочетъ кусаться...

— Не надо! Уйди!

— Только рубашечку!.. Только перемѣнимъ рубашечку,—бормочетъ растерянная Марья Власовна.

— Не надо, уйди! Совсѣмъ уйди! Противная!

Онъ вырвался и упалъ на полъ.

Онъ вспоминаетъ, какъ стучалъ въ стѣну Васька, и болтаетъ въ воздухѣ ногами.

Ротъ его искривился и глаза такіе-же большіе, испуганные чѣмъ-то внутри, какъ у матери.

Маленькое худое дрожащее тѣло на полу, и большое костлявое дрожащее тѣло, изогнувшееся надъ нимъ, скрюченное отъ боли. И такъ нѣсколько секундъ.

Потомъ она срывается съ мѣста, скользитъ къ террасѣ и острой струей выливается въ жаркій садъ ея испугъ.

— Миша, Миша! Скорѣе, ради Бога! Ѳедичкѣ дурно!—Въ глазахъ Ѳеди мелькаетъ перламутровое море и красный заборъ съ гвоздями. Море подскакиваетъ съ разбѣга, все хочетъ переплеснуть черезъ заборъ и не можетъ... Отскочитъ и ухаетъ гдѣ-то вдали, скулитъ, какъ Буянъ на цѣпи... Васька вырвался изъ конюшни, бѣгаетъ распустивъ хвостъ по двору и вотъ-вотъ наступитъ на него копытомъ... Горы стали красныя, какъ кумачъ, и куда-то пропали сразу, точно сгорѣли, и слѣдъ за ними поползло туда все кругомъ быстро-быстро-быстро.

Когда онъ приходитъ въ себя, то первое, что онъ видитъ,— это толстые грязные холодные пальцы передъ самыми его глазами: это Акулина, полузакрывъ его кубовой юбкой, мочитъ ему голову и лицо холодной водой, принесенной изъ цистерны.

Сквозь толстые пальцы видны пыльные сапоги отца и дрожащія оборочки на платьѣ матери, а сбоку торчитъ кривое днище

шкапа, съ нависшей на немъ лохматой сѣрой паутиной, и мѣдныя колесики стараго кресла, изъ котораго лѣзетъ мочала.

VI.

Въ одной скворечницѣ, недалеко отъ дома, поселились сычи. Ихъ не выгоняли, потому что они ловили мышей въ саду, и по вечерамъ, когда виноградники, всѣ черные, уходили, сливаясь въ синюю тьму, слышенъ былъ то здѣсь, то тамъ протяжный жалобный плачъ:

— І-і-у-у!.. А-а-ахъ!

И тогда-же, снизу изъ города, отъ котораго оставались видными только задумчивые красные огоньки и кое-гдѣ дымящіяся передъ ними бѣлыя стѣны, вдругъ взвивался кверху, какъ большая слѣпая птица чей-то страшный подорванный голосъ; онъ метался, точно вырвался изъ глубины и чуялъ погоню, карабкался на скалы и обрывался, онъ былъ острый и пугливый, и слышно было, что его ковали вѣка въ темнотѣ, прежде чѣмъ влили въ эти тѣсныя ноты и отучили отъ запаха, солнца и шепота цвѣтовъ.

Это татарскій мулла пѣлъ на минаретѣ вечернюю молитву.

И еще были жуткіе звуки по вечерамъ, звуки вѣчные и равномѣрные, какъ качанье маятника.

Отъ нихъ Ѳедя укутывался съ головой въ одѣяло, но они пробирались къ нему и туда и ложились рядомъ съ нимъ, душно обнимая его черезъ двѣ секунды въ третью: это судорожно и глубоко вздыхало у береговъ море и чудились гдѣ-то далеко, возлѣ самаго горизонта, скорбные большіе глаза и надъ ними молніевидный изломъ бровей.

Въ пустоты между этими звуками вплеталось то, что онъ видѣлъ: подъ дверью была узкая щель, сквозь которую ползъ тихій и хитрый свѣтъ, какъ старичокъ съ лукавыми липючими глазками, и на этомъ свѣту круглились задумчивыя стулья, шкафы и стѣны.

Онъ зналъ, что тамъ за дверью около лампы сидятъ и молчатъ двое сѣдыхъ и старыхъ.

Отъ лампы лица у нихъ блѣднозеленыя, какъ кусты полыни, и то, что они думаютъ теперь, ползетъ передъ нимъ тоже блѣднозеленое, неясное и потому жуткое, похожее на морскую воду у камней, гдѣ видны липкія спутанныя водоросли, какъ спящіе пауки.

Вотъ зашевелились. Сейчасъ они войдутъ съ лампой въ спальню и будутъ осматривать стѣны и полъ.

На стѣнахъ за ними будутъ плясать ихъ тѣни, и будетъ ка-

заться, что вошло четверо—двое бѣлыхъ и двое черныхъ, и черные кривляются, хохочутъ, подскакиваютъ и дразнятъ бѣлыхъ.

Когда отецъ подойдетъ близко къ его кровати, мать испуганно зашепчетъ, взмахнувъ руками:

— Тише, ради Бога! Вѣдь, Ѳедичка спитъ!

И они уйдутъ отъ него всѣ четверо въ дальній уголъ большой спальни, гдѣ стоятъ еще двѣ кровати. Тамъ отецъ вынетъ изъ конторки, раздѣваясь, и положитъ около себя на стулъ револьверъ отъ воровъ.

Воры для Ѳеди—существа таинственныя и вездѣсущія. Они ходятъ гдѣ-то кругомъ и проникаютъ сквозь запертыя двери и окна, какъ тѣни, и такія-же черные, какъ тѣни, и такъ-же кривляются, когда ползутъ по водосточнымъ трубамъ.

Закрывая глаза, онъ видитъ ихъ ясно.

Почему-то ему кажется, что пальцы ногъ у нихъ въ крови, и тамъ, гдѣ они ползутъ, остаются красные слѣды, какъ отъ зарѣзанной на дворѣ курицы. Глаза у нихъ видятъ въ темнотѣ, какъ у кошекъ, и потому блестятъ такъ-же, какъ кошачьи, или какъ тѣ огоньки на горахъ, гдѣ чабаны пасутъ овецъ, а руки у нихъ крючковатыя, какъ корни.

Ему удивительно, что они такіе смѣлые, но онъ ихъ боится. Чѣмъ больше онъ думаетъ о нихъ одинъ въ большой спальнѣ, тѣмъ яснѣе ему кажется, что они гдѣ-то близко, что на нихъ лаялъ, лязгая цѣпью, Буянъ, но они его убили—и вотъ, уже отворяютъ ставень и прыгаютъ внутрь съ подоконника.

— Папа!—кричитъ онъ, поднявшись:—Папа! Я боюсь!

Въ отворенную дверь врывается съ шумомъ столбъ свѣта. Идутъ съ лампой; впереди мать.

Тревожно осматриваютъ спальню яркими, какъ четыре лампы, глазами, наклоняются надъ нимъ, гладятъ его по головѣ, и, засыпая, онъ слышитъ, какъ поправляетъ его отецъ своимъ растяжнымъ вязкимъ говоромъ:

— Никогда не говори: я боюсь; это не хорошо; говори: я опасаюсь.

VII.

Осенью пріѣхалъ къ Аксенову старый товарищъ его, тоже докторъ, Подгрушный, съ дочерью Еленой, которой прописали крымскій воздухъ отъ малокровія.

Была она тонкая, высокая для своихъ одиннадцати лѣтъ, съ прозрачнымъ лицомъ.

И въ Аксеновскомъ саду въ первый разъ зазвенѣлъ серебристый радостный смѣхъ: Елена бѣгала взапуски съ Ѳедей по «Опас-

ной» дорожкѣ, влѣзала на дикія яблони, пряталась вся со своимъ короткимъ свѣтлымъ платьемъ за темными кипарисами, и Ѳедя, вальковатый и неловкій, едва поспѣвалъ за ней.

А на терасѣ сидѣли старые и говорили о чемъ-то трудномъ и тяжеломъ, какъ камни, которыхъ никакъ нельзя было поднять. Камни эти были дѣти.

У Подгрушнаго было бритое, какъ у ксендза, лицо, сухое и ограниченное, но темныя очки придавали ему таинственный видъ.

Марья Власовна пугалась матоваго блеска темныхъ стеколъ, когда онъ медленно поворачивалъ голову и отводила въ сторону свои выпуклые глаза, а Аксенова коробило, что голосъ гостя былъ рѣзкій и крикливый, и что онъ производилъ шумъ во время паузъ, стуча пальцами по столу, какъ по клавишамъ, и курилъ толстыя сигары. Но они терпѣливо выслушивали все, что онъ говорилъ о вредномъ климатѣ того города, въ которомъ жилъ, и о болѣзни Елены, и потомъ долго, наперерывъ одинъ передъ другимъ, разбирали Ѳедю.

Ѳедя выросталъ въ ихъ словахъ въ темную силу, съ которой они вели неустанную борьбу, и въ томъ, какъ они говорили объ этомъ, чувствовалось сладострастіе подвига, язвы самоотреченія, было ясно, что ихъ двойная жизнь пересѣклась въ тупомъ углѣ, образовавъ Ѳедю, и не пошла дальше.

И теперь, когда они говорили, имъ не сидѣлось на мѣстѣ: то онъ, то она выходили въ садъ, разыскивали Ѳедю, вытирали ему потное лицо платкомъ и льстиво просили Елену съ нимъ не бѣгать, потому что ему вредно.

А въ саду, какъ нарочно, было необыкновенно пестро и весело.

Пахло вянущими золотыми листьями грушъ, и собирались срѣзать тяжелый матово-сизый виноградъ. Сухіе склоны вверху казались розовыми, точно зацвѣли вдругъ чѣмъ-то пушистымъ и легкимъ, какъ цвѣты мимозы, и море мелькало сквозь кипарисы, холодное и яркое, похожее на чьи-то бѣлые глаза.

И какъ нарочно сверкала въ кустахъ пестрая кошка, охотясь за воробьями, и заливались цикады, и не на мѣстѣ лежали вороха разсыпчатой обожженой извести, изъ которой такъ удобно было сдѣлать муку и мѣсить хлѣбы.

Былъ вечеръ, когда дѣти, утомленныя бѣготней и выпачканныя известью, сидѣли на камняхъ надъ обрывомъ за стѣной держидерева и говорили. Городокъ, бѣлый днемъ, теперь лежалъ подъ ними синій, съ охряными полосками черепичатыхъ крышъ, и два минарета и церковка въ разныхъ концахъ его, такіе маленькіе рядомъ съ надвинувшимися кругомъ свинцовыми горами, упрямо и задорно цѣлились въ небо.

— А знаешь, Елена,—тихо, почти шепотомъ, говорилъ Ѳедя,

приближая къ ней лицо съ испуганными глазами: — Богъ, вѣдь, можетъ на нихъ осерчать и все спалить!

— Кого спалить?—лѣниво спросила Елена.

— Всѣхъ! Всѣ дома,—махнулъ на городъ Ѳедя,—какъ Содомъ и Гомору спалилъ.

— Ну, такъ что-жъ?.. Страховое общество заплатитъ.

— Страховое? Это какое—страховое?

— Да есть такое, оно за всякій пожаръ платитъ.

— А-а,—протянулъ Ѳедя, не понимая.—И за нашъ домъ заплатитъ?

— И за вашъ заплатитъ, а то какъ-же.

— А тебѣ не страшно? Тебѣ не страшно? — зашепталъ Ѳедя надъ самымъ ея ухомъ.

— Нѣтъ, мнѣ ничего не страшно. Я чуть не отравилась, сулему выпила, конечно, по ошибкѣ: нужно было другого лекарства, а я сулему. И ничуть не боялась, что умру. Подхожу къ папкѣ и говорю: «я сейчасъ сулему выпила». Папка какъ ахнетъ!

— Это ты своего папу папкой зовешь?—поднялъ брови Ѳедя.

— Ну, да, папкой... Онъ какъ ахнетъ! Ну, потомъ оказалось, что слабый растворъ былъ...

Они помолчали. Мимо нихъ пролетѣла дальше въ горы какая-то пѣсня съ моря, гдѣ катались на баркасахъ дачники, и видны были косые паруса, развернувшіеся одинъ за другимъ, какъ крылья стрекозы.

Ѳедя смотрѣлъ ярко и обволакивающе на эту тонкую дѣвочку, гладко причесанную, съ такими строгими карими глазами и выпуклымъ лбомъ.

Онъ тихо дотянулся до ея плеча рукою и попробовалъ, насколько оно упруго.

— Ты, должно быть, сильная? — спросилъ онъ, виновато щурясь.

Елена долго не отвѣчала, присматриваясь къ его зеленоватымъ глазамъ и неправильно торчащимъ во рту желтымъ щербатымъ зубамъ, настолько частымъ, что ротъ казался набитымъ биткомъ осколками костяшекъ.

— Я и на кладбище ночью одна ходила,—не на вопросъ отвѣтила она.—Тамъ за мной мошенникъ гнался, ограбить хотѣлъ, а я убѣжала.

— Мошенникъ? — фыркнулъ вдругъ Ѳедя. — Это что такое — мошенникъ?

— Ну да, мошенникъ... Ты что смѣешься?

— Мошенникъ! — повторилъ Ѳедя незнакомое смѣшное слово и задергался всѣмъ тѣломъ, заглушая хохотъ.

Въ кустахъ сзади что-то зашуршало и стихло.

— Сколопендра!—вдругъ вскочилъ Ѳедя.

— Фу, какой ты трусъ! Даже противно... Ящерица, должно быть,—дернула его за рукавъ Елена.

— Ты не знаешь, ты вѣдь не знаешь, а мы съ папой одну убили!—оживился и запрыгалъ Ѳедя.—Она вотъ такъ ползаетъ: тукъ-тукъ-тукъ! черная!.. Длинная-длинная, колечками!

Ѳедя пригнулся въ землѣ, выставилъ крючками пальцы и защелкалъ зубами.

— Сядь!—крикнула на него Елена.

— Я боюсь, я пойду!—надулся Ѳедя.

— Ну, пойдемъ виноградъ ѣсть,—встала Елена.

— Виноградъ?.. А тамъ косточки, а что?—хитро подмигнулъ Ѳедя.

— Ну, такъ что-же?

— Косточку проглотить... это... косточку проглотить, и смерть!

— Ну, да-а!—протянула Елена.

— Конечно! Косточку проглотишь,—попадетъ въ желудокъ, потомъ попадетъ въ кишки, зарѣжетъ,—и смерть!—торжествовалъ Ѳедя.

— А ты не глотай! Что ты маленькій?

— Да какъ-же ее не проглотить-то? Она, вѣдь, склизкая?

— А вотъ я тебя научу... Хочешь,—пойдемъ?

И Елена повела его за руку съ обрыва, но только что обогнула кустъ держи-дерева, какъ наткнулась на Марью Власовну.

Она сидѣла на корточкахъ и слушала, длинноголовая, вислогубая, дрожащая, и была похожа на жабу со своими выпуклыми глазами.

Она поднялась не сразу, но, поднявшись, худыми скрюченными руками обхватила Ѳедю какъ-то сразу со всѣхъ сторонъ, точно у нея было восемь рукъ, и замерла.

— Ѳедичка мой! Ангельчикъ мой!—забормотала она надъ нимъ,—ты ея не слушай, ты не слушай!.. А вамъ, Леночка, стыдно, вамъ стыдно, вамъ стыдно его портить, я папѣ скажу!.. Вы, вѣдь, воспитанная дѣвочка, какъ-же вы такъ?.. Вамъ-то ужъ стыдно!

Елена смотрѣла на нее, и что-то въ ней дрожало тамъ гдѣ-то, въ верхней части головы или между плечами, и вспоминался паукъ-сѣнокосецъ съ длинными тонкими, жующими воздухъ, лапами; или высокій комаръ, вѣчно танцующій на паутинныхъ ногахъ, котораго на сѣверѣ зовутъ кикиморой.

Она сдѣлала глубокій реверансъ, звонко захохотала и побѣжала искать отца.

VIII.

На другой день Марья Власовна была больна и не выходила изъ спальни, а Аксеновъ сдѣлался сухъ, остороженъ и все подозрительно смотрѣлъ на Елену.

До обѣда вчетверомъ ходили на «Мышеловку», версты за полторы отъ «Уголка».

Кто и когда набросалъ здѣсь, на берегу моря груды этихъ огромныхъ желтыхъ и синихъ камней, было неизвѣстно, но они лежали здѣсь хаотически красивые, вверху—острореберные и яркіе, внизу—темные и гладко отшлифованные вѣчно-тревожной водой.

Въ трещинахъ ихъ, въ темнотѣ, жили крабы.

Сдавленные, мокрые, они ползали по камнямъ, маленькіе и большіе, цѣпляясь клешнями за неровности; волны поминутно смывали ихъ, но они вновь выползали, нѣмые и упрямые, и когда Елена подкралась къ нимъ, перескакивая черезъ камни, они ковыркомъ летѣли въ море.

Два огромныхъ камня обнялись недалеко отъ берега да такъ и застыли, и въ ворота между ними свободно влетали волны, какъ вспѣненныя ямскія тройки въ постоялый дворъ. А недалеко отъ этихъ двухъ, наискось, въ морѣ, одиноко торчали двѣ другихъ скалы. Видно было, что онѣ когда-то тоже тянулись другъ къ другу, но ихъ отбросило, хохоча, море. Оно и теперь хохотало тамъ угрюмымъ, брызжущимъ хохотомъ, и клокотала пѣна внизу, точно тряслась отъ смѣха чья-то сѣдая борода.

Надъ обрывомъ росли дубы, и ихъ корни ползли по стѣнамъ обрыва, какъ распущенная кѣмъ-то для ловли крѣпкая и хитрая сѣть.

Справа и слѣва въ море шли длинныя косы изъ камней, а впереди клубилось до самаго горизонта море, точно миріады сплетшихся змѣй.

Ѳедя никогда не былъ здѣсь раньше и теперь стоялъ на берегу влажный и широкій. Новыя впечатлѣнія входили въ него, какъ сильные звуки въ тугія струны, и заставляли его дрожать и вспыхивать. Онъ вертѣлся, вытягивалъ длинную шею, похожую на черепашью и, при каждомъ ревѣ волны, смывающей крабовъ, подскакивалъ и вскрикивалъ:

— Ухъ-ты-ы!

Державшая его тонкую руку ладонь отца была мокрая отъ поту, тяжелая и тѣсная, а на другой его рукѣ висѣла теплая кацавейка, которую онъ и въ самый жаркій день носилъ съ собою.

Елена прыгала съ камня на камень, разставляя руки, какъ канатный плясунъ, и Подгрушный пронзительно кричалъ ей, стараясь перекричать море:

— Коза! Носъ расквасишь! Смотри!

— А Елена — смѣлая, папа!.. Посмотри, какая Елена смѣлая,—зашепталъ, какъ заговорщикъ, Ѳедя.

— Это — не смѣлость, а глупость, — буркнулъ Аксеновъ.— Упадетъ, ногу сломаетъ,—только и смѣлости... Это вы напрасно ее пустили,—повернулся онъ къ Подгрушному: упадетъ,—ногу сломаетъ: тутъ вѣдь не паркетъ, а камни.

— Конечно, напрасно, конечно, напрасно,—заспѣшилъ Подгрушный.—Елена! Маршъ назадъ! Живо! Ногу сломаешь!

— Не хочу!—топнула ногой Елена.

Аксеновъ неловко заерзалъ на мѣстѣ, оглянулся на Подгрушнаго и вдругъ засуетился, двинувшись къ подъему:

— Ну, нужно итти... Намъ нужно домой: Ѳедя нервничаетъ, ему здѣсь вредно... А вы, если хотите, оставайтесь, тогда догоните... Мы тяжеловозы, а вы, вѣдь, скакуны, лихачи, вы догоните.

Губы у него искривились, и глаза стали совсѣмъ веселые подъ бѣлыми рѣсницами и маленькіе.

— Нѣтъ, мы тоже, мы тоже... Елена, домой!—крикнулъ Подгрушный.

— Не хочу!—отвѣтила Елена.

— Тогда оставайся одна.

— И останусь.

Они пошли трое, — впереди Аксеновъ съ Ѳедей, сзади Подгрушный,—шли и молчали. Ѳедя смотрѣлъ внизъ на Елену, какъ ангелъ добродѣтельный на ангела падшаго, но Аксеновъ видѣлъ, что добродѣтельному тоже страшно хотѣлось пасть.

Елена скоро догнала ихъ, и тогда пошли всѣ въ рядъ, подымая тонкую пыль ногами.

Ѳедя прижимался глазами къ раскраснѣвшемуся лицу дѣвочки и шепталъ:

— Какая ты красивая! Страсть, какая красивая... какъ ангелъ.

И вдругъ добавлялъ неожиданно и таинственно:

— Я когда на террасѣ молюсь передъ ученіемъ, то на татарскую мечеть смотрю... Ей-Богу!

Елена тихонько дергала его за теплую кацавейку и хохотала, скосивъ глаза, и, глядя на нее, хихикалъ Ѳедя.

Аксеновъ тащилъ его за руку и такъ односложно отвѣчалъ на разспросы Подгрушнаго, желавшаго купить здѣсь дачу, что Подгрушный, наконецъ, замѣтилъ и замолчалъ.

Въ тотъ-же день вечеромъ на маленькомъ пароходикѣ онъ ѣхалъ въ Ялту, и Елена говорила, смотря на скрывавшійся городокъ и дѣлая испуганные глаза:

— Какъ въ гробу лежали!.. Правда, папка,—мы тамъ какъ въ гробу лежали?

А Ѳедя, гуляя съ отцомъ, еще долго все искалъ глазами Елену, и ему казалось, что это ея головка мелькаетъ гдѣ-то среди виноградника, и ея смѣхъ звенитъ гдѣ-то около, совсѣмъ близко.

Тогда онъ говорилъ, оживленно и страстно смотря въ даль и поднимаясь на цыпочки:

— Папа, папа, вонъ Елена!.. Смотри, вонъ, вонъ за тѣми кустами.

Отецъ выходилъ изъ себя, дергалъ его за руку и кричалъ:

— Да отстань ты, отстань ты со своей Еленой! Гдѣ ты ее видишь, несчастный?.. Чтобъ ты не выдумывалъ чепухи, будешь безъ прогулки. Пойдемъ домой.

Ѳедя шелъ, но глаза его по прежнему безпокойно искали по сторонамъ, и, останавливаясь украдкой, онъ подымался и вытягивалъ шею.

Виноградъ срѣзали, сняли миндаль. Вѣтеръ сбивалъ и крутилъ сухіе листья и бороздилъ сѣрыми полосами море.

Кто-то вздыхалъ на горахъ, огромный, и повсюду густо ползли его вздохи.

IX.

Въ концѣ декабря стало холодно, выпалъ снѣгъ.

Ѳедя, окутанный въ тулупчикъ и башлыкъ, гулялъ только въ саду, и въ своемъ дневникѣ, который завелъ съ осени, крупными буквами записывалъ впечатлѣнія дня:

«Сегодня съ утра шелъ маленькій снѣжокъ. Мы съ папой гуляли по Опасной дорожкѣ. Потомъ подулъ вѣтеръ, и мы пришли домой. Можно простудиться и умереть. Часто бываютъ такіе случаи. Нужно беречься».

Аксеновъ читалъ старыя газеты; Марья Власовна вырѣзала изъ отрывныхъ календарей хозяйственные и медицинскіе рецепты и складывала ихъ въ большомъ порядкѣ въ своемъ столѣ. Акулина потихоньку и въ одиночествѣ пила водку на кухнѣ, и часто по вечерамъ слышно было, какъ она тоненькимъ голосомъ пѣла какія-то длинныя и тоскливыя пѣсни и плакала. Иногда на нее нападала жалость къ Ѳедѣ. Она обнимала его, зашедшаго на кухню, корявыми толстыми руками, поила его запрещеннымъ ему чаемъ и причитала надъ нимъ, какъ причитаютъ деревенскія бабы надъ покойникомъ.

— Дитятко мое милое, дитятко мое желанное! И что они, злодѣи, тебя мучаютъ! И что, окаянные, съ тобой дѣлаютъ!..

Ѳедя пугался старухи, начиналъ барахтаться въ ея рукахъ, наконецъ, вырывался и убѣгалъ въ комнаты. А въ комнатахъ

было пусто, темно и жарко, и хмуро молчали у стѣнъ шкапы съ косыми днищами и старыя кресла.

Однажды пьяная, слезливая и упрямая Акулина вошла въ комнаты, чадная отъ кухни, и, увидя Аксенова, грубо и коротко бросила ему:

— Давай расчетъ, поганый!

Потомъ началось что-то нелѣпое, какъ бываетъ въ распутицу и слякоть поздно вечеромъ, когда не видно, куда идти, и хлюпаетъ грязь подъ ногами, и дуетъ вѣтеръ, и сѣчетъ дождь.

Были попреки злобные и тупые, сверканье тусклыхъ глазъ, пьяныя слезы, плакала о загубленной жизни, о сѣрыхъ дняхъ, о томъ, чего не вернешь, и что еще могло бы быть, но чего, навѣрное, никогда не будетъ.

Сумерки наступили, но никто не зажегъ огня, и въ темноту лились горькія и ѣдкія слова.

Вставали и проходили, похожіе на сѣрые призраки, какіе-то мелкіе факты, подмѣнившіе жизнь, такіе мелкіе, что стыдились даже слабаго свѣта сумерокъ и быстро гаснули.

Почему-то стало пустынно, одиноко и грустно, и поклонился Аксеновъ старухѣ въ ноги.

Потомъ вмѣстѣ пили чай и съ удивленіемъ вспоминали трое старыхъ и угрюмыхъ, какіе они были когда-то молодые и веселые.

Съ этого дня Акулина стала обѣдать за общимъ столомъ.

По утрамъ, собираясь, разсказывали другъ другу, какіе кто видѣлъ сны. Самые страшные сны были у Акулины: то за ней гнались и сквернословили черти, то ее пополамъ переѣзжалъ поѣздъ, то она падала въ колодецъ и непремѣнно внизъ головой.

Ѳедя тоже дѣлился своими снами. Чаще всего онъ видѣлъ, что летаетъ въ воздухѣ, даже не летаетъ, а ходитъ гдѣ-то высоко, выше горъ, и все-таки ясно видитъ всѣхъ, кто ходитъ на землѣ, и все зоветъ ихъ, и ему странно, какъ не могутъ идти вмѣстѣ съ нимъ они, когда это такъ легко и просто.

Когда было холодно настолько, что боялись за Ѳедю, то онъ никуда не выходилъ и только смотрѣлъ издали въ окна и видѣлъ бѣлыя горы и черное море.

Обыкновенно холодно было оттого, что дулъ вѣтеръ. Онъ врывался на чердакъ и метался тамъ, воя отъ тоски и досады, и ему коротко подвывалъ Буянъ, лязгая цѣпью.

X.

Меметъ ушелъ въ февралѣ и, вмѣсто него, къ мерину Васькѣ наняли русскаго, пришлаго изъ Орловской губерніи, молодого малаго Прокофія. Прокофій ходилъ въ жилетѣ, въ рыжемъ кар-

тузѣ и длинныхъ брюкахъ, былъ худой, гнутый и косилъ на лѣвый глазъ.

Двѣ-три недѣли онъ присматривался къ «Уголку», старательно чистилъ Ваську, ѣздилъ за морской водой для ваннъ и на базаръ для кухни и былъ неразговорчивъ и суровъ. Потомъ вдругъ запилъ. Обхвативъ голову Васьки руками, въ полутемной конюшнѣ, онъ плакалъ и пѣлъ, то хрипя, то воя.

— У нашего ли хозяина да-ача... Дача у него, быдто колодецъ... А мы то съ Васькой отдыху не знаемъ, все ѣздіимъ... Шесть разовъ на гору, шесть разовъ подъ гору... А кругомъ то Крымъ, сторона незнакомая, злю-ющая... Кругомъ горы да ка-амень...

— Что ты?—спросилъ его Аксеновъ.

— Скушно,—отвѣтилъ Прокофій.

На другой день онъ протрезвился и сталъ снова неразговорчивъ и суровъ.

Въ серединѣ февраля зазеленѣла трава и зацвѣли первые цвѣты. Земля дымилась. Кипарисы стали синіе и волнистые и струями вливались въ небо, такъ что не видно было ихъ верхушекъ. И горы чуть замѣтно двигались вдали: вотъ—вотъ поднимутся, раскачавшись, и пойдутъ въ море. А море стало мягкимъ, точно обросло зыбкимъ пухомъ, и огромные баркасы на немъ казались такими легкими, какъ сотканные изъ паутины.

Звенитъ ведрами Прокофій и скрипятъ колеса дрогъ. У Буяна шерсть за зиму сваляласъ и виситъ клочьями, и онъ лежитъ и смотритъ большими желтыми глазами, какъ живая куча полусгнившей соломы.

Окна дома, если смотрѣть изъ сада, совсѣмъ черныя и тускло блестятъ по краямъ, у стѣнъ еще больше облѣзла штукатурка, и весь домъ сталъ, какъ одно больное тѣло, страшное, потому что безгласное: стоитъ и молчитъ.

И то, что поютъ скворцы около скворешенъ, непонятно, хлопотливо и безрадостно, похоже на тоненькія голыя вѣтки, когда ихъ треплетъ вѣтеръ.

Известь, сложенная въ саду, размокла и отъ нея чуть сочатся и ползутъ синевато бѣлые, какъ снятое молоко, тоскливые ручейки.

Каждый день приходитъ съ молокомъ Муратъ, старый, съ кроткимъ лицомъ. Онъ плохо понимаетъ по-русски и потому всѣмъ улыбается ясно, какъ ребенокъ, и Акулинѣ, и Васькѣ, и Буяну, а когда начинаетъ считать сколько ему за молоко, то вытягиваетъ негибкіе пальцы на правой рукѣ и прибавляетъ къ нимъ одинъ, большой и черный, на лѣвой:

— Шесть, шесть, шесть...—двадцать, два нема.

Въ городѣ грязь: это видно по его кожанымъ чурекамъ. По небу клубятся тучи, а на плечахъ горъ онѣ лежатъ цѣлый день, и видно, какъ отъ нихъ отрываются сѣрые клочья и тяжело ползаютъ по крутымъ голымъ скатамъ, какъ овцы.

Какъ-то въ зеленыя сумерки Марья Власовна, окутанная въ теплый платокъ и похожая на вѣщую птицу, самъ Аксеновъ, въ надвинутой на глаза сѣрой шляпѣ, и Ѳедя—сидѣли на террасѣ.

Виноградники внизу были голые и темные, и на сараѣ ярко чернѣлъ искалѣченный вѣтромъ желѣзный конекъ.

Въ сквозномъ огромномъ свѣтлозеленомъ тонуло широкое и сонное, и мигали гдѣ-то маленькіе красненькіе огоньки, и слышно было, какъ шумѣло море и почему-то было всего жаль—и моря, и неба, и далекихъ горъ, и огоньковъ, и себя.

Ѳедя положилъ голову между колѣнами, обхватилъ ее тонкими руками, какъ взрослый, и началъ всхлипывать влажно и длинно.

— Что? Что ты?

Сѣрыя тѣни тревожно зашевелились около, подняли его, отвели руки.

— Мнѣ скучно,—отвѣтилъ Ѳедя.

Маленькій, онъ стоялъ передъ двумя большими и глядѣлъ на нихъ, какъ судья.

Дня черезъ два Ѳедѣ купили мягкаго воску, и сухая горбатая нѣмка фребеличка пришла заниматься съ нимъ лѣпкой.

Ѳедя смотрѣлъ на ея длинное покорное лицо, на которомъ то складывались, какъ листики, то вытягивались, какъ хоботъ, тонкія губы, смотрѣлъ на ея острый горбъ, прикрытый черной кофтой, и точно въ насмѣшку густые и длинные, пышные волосы, смотрѣлъ на избушки, грибы и зайцевъ, которые она лѣпила тонкими пальцами съ узелками на суставахъ, безучастно слушалъ ея тихій съ перекатами голосъ, и ему становилось еще скучнѣе.

А за его спиной въ окно билась зеленая муха, билась безостановочно и жужжала непонимающе и испуганно, и въ этомъ жужжаніи была мука безсмысленности.

XI.

Ѳедя всталъ ночью и сѣлъ на постели.

Сквозь ставень одного окна, второго съ краю, лилась узкая полоска луннаго свѣта. Отъ противоположной стѣны она отбрасывалась въ разныя стороны и мутно ползала по всей комнатѣ, натыкаясь на мебель, отчего мебель глядѣла обиженно и пугливо.

Большой шкафъ у стѣны, какъ ясно видѣлъ Ѳедя, топорщился и пятился назадъ, въ тѣнь, и туда, гдѣ спряталась его правая часть, тихо, но упорно тащилъ лѣвую. Углы печки, острые днемъ,

теперь круглились, и это казалось умышленнымъ и ехиднымъ. А двѣ кровати по обѣ стороны его были бѣлы и тихи; только видно было, что на нихъ спали: онѣ дыбились по серединѣ, и съ нихъ свисали углы бѣлыхъ одѣялъ, какъ большія уши.

Въ одномъ углу стояла высокая съ рогаткою горная палка, и Ѳедѣ въ полутьмѣ она, вмѣстѣ со своими двумя струистыми тѣнями, казалась чѣмъ-то длиннымъ двурогимъ тихо всползающимъ на стѣну.

Было жутко. Пятна свѣта беззвучно глотали темноту, и, въ свою очередь беззвучно поглощались темнотою. Было душно. Ѳедѣ казалось, что стѣны движутся незамѣтно,—двѣ переднихъ назадъ, двѣ заднихъ впередъ, а за ними движутся горы къ морю и море къ горамъ. И ясно слышно было, какъ двигалось море, гдѣ-то недалеко, гдѣ-то въ сѣромъ туманѣ, какъ оно рычало и стонало у береговъ, съ каждымъ новымъ ревомъ все сильнѣе и ближе.

И Ѳедя почувствовалъ то же, что чувствовалъ иногда раньше: его сплющивалъ кто-то, какъ краба въ камняхъ, самому себѣ онъ казался тоненькимъ, какъ листокъ акаціи и трудно было дышать.

Онъ хотѣлъ было лечь снова, но вспомнилъ Елену, какая она была красивая съ тонкой прядкой волосъ на лбу, веселая и смѣлая. Теперь она гдѣ-то ѣздитъ, поѣхала по морю. Море было зеленое и сморщенное, и пароходикъ нырялъ носомъ, гудѣлъ и дымилъ, и ему за нее было страшно, а она не боялась.

— А она не боялась!—настойчиво повторилъ онъ про себя и тутъ же увидѣлъ, какъ на стулѣ, около кровати отца, маленькой точкой блестѣло дуло револьвера: отецъ боялся.

Можетъ быть, вотъ теперь воръ ползетъ по водосточнымъ трубамъ, перебираетъ руками и ногами, ловко, какъ гимнастъ въ циркѣ, но вдоль трубы гвозди и потому ноги у него въ крови... Возьметъ и отворитъ ставень.

Ѳедя испугался, завозился на кровати,—тихо, никто не слыхалъ,—хотѣлъ—было лечь и вдругъ услышалъ музыку.

Игралъ гдѣ-то духовой оркестръ. Весь оркестръ уходилъ куда-то впередъ, но одна труба, большая и хриплая, подскакивала къ самымъ окнамъ, что-то кричала, задыхаясь какъ базарная торговка, и казалась такою же, какъ торговка, грязной, красной и потной; потомъ, ворча, медленно отходила чтобы снова внезапно наброситься на окна вслѣдъ за другими и кричать, задыхаясь.

Труба была вздорная, и Ѳедѣ стало смѣшно. Онъ посмотрѣлъ кругомъ и тихо хихикнулъ. Потомъ сползъ на полъ и нетвердыми шагами двинулся къ окну. Двигался, какъ бѣлое привидѣніе, съ длинной высматривающей шеей, и качался въ полоскѣ свѣта, какъ лунатикъ. На полдорогѣ остановился и медленно оглянулся

на спящихъ: бѣлыя кровати тихо дыбились посерединѣ, и свисали уши одѣялъ. На бѣлой простынѣ его кровати мутно, сливаясь, чернѣли желѣзные прутья, какъ у клѣтки, пять прутьевъ съ крючками вверху: три крючка въ одну сторону, два въ другую.

И опять вспомнилась Елена, какъ она шла одна на кладбище ночью. Должно быть была такая же свѣтлая ночь, и трещали цикады, а по бокамъ дышали черные кресты, высокіе, тонкорукіе, надъ мертвецами и сами—какъ мертвецы. Кресты и деревья. И вотъ, издали стали выростать шаги: это шелъ мошенникъ. Она побѣжала, онъ за ней. Но она не испугалась.

Ѳедя прислушался. Опять подскочила къ окнамъ труба оркестра и начала кричать что-то вздорное, и опять стало смѣшно.

Онъ вспомнилъ, что ставень отставалъ потому, что испортился желѣзный болтъ; завтра хотѣли найти, кто-бы исправилъ, а пока вечеромъ завязали его бечевкой.

И Ѳедѣ захотѣлось посмотрѣть на ночь. Окна были низкія. Сквозь узкую щель ночь дразнила его тоненькимъ ужинымъ язычкомъ. И была она тамъ за окнами широкая, ясная и ничуть не страшная.

Когда Ѳедя развязывалъ бечевки, то чувствовалъ самъ, какія у него были слабенькія дрожащія руки, точно онъ былъ самъ по себѣ, а руки тоже сами по себѣ, и онъ хотѣлъ, а руки не хотѣли.

И голымъ ногамъ было холодно на полу, и чувствовалось подъ одной что-то острое—маленькій камешекъ или головка булавки.

Когда Ѳедя просовывалъ наружу изъ комнаты желѣзный болтъ, то дѣлалъ это тихо и осторожно, но упрямо. Въ немъ, во всю ширину вставало что-то боязливое, неясное и шамкало беззубымъ ртомъ, но ближе, впереди его, бойко скакала совсѣмъ маленькая, веселая и задорная мысль: «А я хочу!»—и потому становилось красно въ глазахъ, и сердце билось, какъ часы въ столовой.

Болтъ отодвинулъ ставень. Ночь отдернула свой ужиный языкъ и глянула въ спальню широкимъ бѣлымъ глазомъ. Должно быть, было поздно, потому что огоньковъ въ городѣ не было видно, и не видно было звѣздъ на небѣ.

Только надъ самымъ моремъ дрожала какая-то одна большая пушистая звѣзда, и море тянулось къ ней яркимъ столбомъ. Въ сизомъ дыму утонулъ низъ, а изъ него карабкались, двигая головами, горы. И труба оркестра тоже карабкалась куда-то и уже казалась не вздорной, а жалкой. Голосъ у нея былъ хриплый и умоляющій, какъ у стараго верблюда, которому поѣздомъ переѣхало ноги. Представлялись большіе глаза, а изъ нихъ крупныя слезы, не бѣгутъ, а катятся одна за другой, медленныя-медленныя, соленыя-соленыя.

Было противно, что стоялъ передъ окномъ кипарисъ, темный и не спящій, какъ ночной сторожъ, и мѣшалъ смотрѣть; а смотрѣть хотѣлось, и было чего-то страшно: дрожалъ подбородокъ.

Вдругъ сбоку заскрипѣло и зашуршало. Ѳедя слабо вскрикнулъ, дернулъ бечевку съ болтомъ, такъ что опять закрылся ставень, и отскочилъ въ уголъ.

Глаза у него стали широкіе,—весь онъ сталъ—одни глаза,—и въ полутьмѣ онъ видѣлъ твердо, какъ испуганно поднялся на кровати отецъ. Былъ онъ въ бѣлой рубахѣ, бѣлый и страшный. Не вставалъ, смотрѣлъ въ его уголъ, закрылъ одѣяломъ колѣна и откинулся къ стѣнѣ.

— Кто?

Это онъ спрашивалъ его, Ѳедю.

Голосъ былъ придушенный, точно вышелъ не изъ гортани, а прошелъ какъ-то черезъ все тѣло, и испуганное тѣло его сплющило и бросило на полъ, какъ хлѣбный мякишъ.

Ѳедя сидѣлъ холодный отъ испуга и молчалъ.

— Кто?—снова повторилъ тотъ-же голосъ.

Съ другой кровати поднялось другое сухое и старое, тоже бѣлое и тоже дрожащее, и такъ-же закрывало колѣна одѣяломъ.

Вотъ оно вскрикнуло коротко и тихо, потомъ высоко и пронзительно, и на дворѣ за окнами вдругъ залаялъ Буянъ, лязгнувъ цѣпью.

Лай былъ свирѣпый и яркій, и Ѳедѣ показалось, что онъ прыгаетъ здѣсь по спальнѣ, какъ ослѣпительно бѣлый большой резиновый мячъ, и бьетъ его по головѣ съ размаха.

Ему тоже хотѣлось крикнуть, но онъ не могъ. Онъ задвигалъ руками и колѣнами и поползъ куда-то вдоль стѣны, и то, что онъ ползъ, не думая объ этомъ, была только крупная дрожь, искавшая выхода.

— Кто тамъ?

Въ третій разъ.

Что-то застучало, падая на полъ, и новый пронзительный визгъ, и оркестръ, и лай Буяна надъ самымъ ухомъ... точно весь онъ сталъ, какъ мѣдная труба, а въ него отовсюду дуютъ, дуютъ, и руками впихиваютъ въ него какіе-то густые, какъ тѣсто, звуки— въ уши, въ глотку, въ гортань, надуваютъ кожу и втискиваютъ подъ нее на голое мясо, и ему больно, и всюду рѣжетъ, и все дрожитъ въ немъ, а звуковъ еще тамъ много, что отъ нихъ нѣтъ спасенья...

И вдругъ что-то лопнуло сзади, точно рявкнулъ громъ и разорвалъ пополамъ тучи, и въ тотъ-же моментъ его обожгло и бросило въ стѣнку...

Онъ вскрикнулъ, и въ немъ и около него стало тихо.

XII.

Послѣ того, какъ Аксеновъ выстрѣлилъ и убѣдился, что попалъ въ вора, онъ вспомнилъ про Ѳедю и увидалъ, что кровать была пустая.

Мелькнула жгучая догадка, точно чье-то острое, смѣшливое лицо, лисья морда, убѣгающая вдаль... и показалось, что свѣта въ комнату сразу вошло много, ненужно много, и былъ онъ холодный.

Марья Власовна тоже вдругъ поднялась съ постели, на которую упала, когда раздался выстрѣлъ, и первое, что она сказала, было одно тревожное слово:

— Ѳедя!

Это слово подбросило Аксенова: онъ всталъ и пошелъ въ уголъ. На ходу онъ хотѣлъ зажечь спичку, но руки болтались, какъ у резиноваго паяца, и полъ подъ ногами коробился, какъ волны.

Губы машинально, безъ участія мысли, шептали: «Господи, Іисусе!» и два короткихъ слова, какъ двѣ маленькихъ испуганныхъ птички, гонялись одно за другимъ по спальнѣ, ища защиты.

А въ двери уже ломилась Акулина, ломилась со свѣчкой, встрепанная, заспанная, въ одной рубахѣ на жирномъ зыбкомъ тѣлѣ, какъ толстая черта подъ какою-то и безъ того ясной и жесткой правдой.

— Уби-илъ?! — вдругъ страшно взвыла Акулина (вой былъ круглый и рѣжущій, точно бочка съ ножами внутри) и уронила подсвѣчникъ, и при захлебывающемся, узкомъ свѣтѣ свѣчи замелькали три пары одинокихъ глазъ, и были какія-то острыя движенія сведенныхъ судорогой тѣлъ и крики.

Кто-то искалъ оправданія и смысла, строгаго смысла, какъ окрика учителя, а ему отвѣчали воплемъ, и худое длинное тѣло валялось на полу рядомъ съ маленькимъ скрюченнымъ, наполовину бѣлымъ, наполовину краснымъ.

— Доктора, доктора скорѣй!—вдругъ вспомнилъ Аксеновъ.— Карету скорой помощи!.. По телефону сказать, по телефону!..

Онъ бѣгалъ по комнатѣ отъ одной стѣны къ другой, подскакивалъ и проворно искалъ телефона руками, а за нимъ бѣгала Акулина и кричала:

— Съ ума ты сошелъ? Ты съ ума сошелъ? Тутъ Москва тебѣ?.. Тутъ—Кры-ымт!.. Самъ долженъ знать, самъ дохторъ! Зачѣмъ тебѣ дохтора? Тебя учили? Тебя учили?.. Чортъ!..

Глаза ея горѣли, какъ два угля на толстомъ лицѣ, и оно ка-

залось Аксенову не широкимъ а острымъ, и зазубреннымъ, какъ пчелиное жало.

А за окномъ грохоталъ и вылъ Буянъ, и оркестръ издыхалъ гдѣ-то вдали, издыхалъ по нотамъ.

XIII.

Ѳедя остался живъ. Пулю извлекли изъ позвоночника, недалеко отъ шеи, но на этомъ мѣстѣ началъ рости горбъ, а руки и ноги стали совсѣмъ тоненькія, жиденькія, какъ тростинки; поэтому онъ не любитъ двигаться, онъ сидитъ и о чемъ-то думаетъ.

Отъ всего лица остались одни глаза, свѣтлые и спокойные.

Марья Власовна впала въ дѣтство. Она не отходитъ отъ Ѳеди и говоритъ съ нимъ безъ умолку, какъ кокетливая дѣвочка съ красивымъ мальчикомъ. Нервныя боли ея пропали, и сѣдые волосы она заплетаетъ въ косичку съ краснымъ бантикомъ.

Аксеновъ немного тронулся. Онъ заговаривается, когда съ нимъ говорятъ долго.

Пунктъ его помѣшательства—смѣлость.

У него открылся неисчерпаемый родникъ чудовищно смѣлыхъ и простыхъ проектовъ; когда онъ излагаетъ ихъ, лицо его становится величавымъ и властнымъ, какъ у пророка.

Часто они играютъ всѣ трое,—онъ, Марья Власовна и Ѳедя; играютъ въ лошадки, въ прятки, въ кошку и мышку, и всѣмъ бываетъ очень весело, кромѣ Ѳеди.

Хозяйство ведетъ Акулина, и у нея деньги.

Она ходитъ по всему дому и саду и на всѣхъ кричитъ. Ея боятся, а Марья Власовна прячется отъ нея, куда попало.

Иногда на нее нападаетъ тоска, и она пьетъ больше, чѣмъ всегда. Тогда она пляшетъ и остервенѣло бьетъ въ мелкія дребезги кухонную посуду. Обѣда не варитъ, и Аксеновы питаются черствымъ хлѣбомъ.

Потомъ, дня черезъ три, покупается новая посуда, Акулина кается, дикимъ голосомъ поетъ молитвы, нечесанная и грязная, и печетъ пироги.

Прокофій исподтишка крадетъ у нея деньги и пьетъ на конюшнѣ.

С. Сергѣевъ-Ценскій.

Къ очереднымъ вопросамъ избирательнаго права.

22-го октября 1789 года въ учредительное собраніе явилась депутація негровъ-собственниковъ во французскихъ колоніяхъ, требуя—во имя правъ человѣка и гражданина—уравненія своихъ политическихъ правъ съ правами бѣлыхъ.

Мы требуемъ,—заявилъ собранію представитель депутаціи,—правъ человѣка и гражданина, мы требуемъ этихъ неотъемлемыхъ правъ, основанныхъ на природѣ вещей и на общественномъ договорѣ, этихъ правъ, которыя вы такъ торжественно провозгласили и санкціонировали, положивъ въ основу конституціи, что «всѣ люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ, что законъ есть выраженіе общей воли и что всѣ граждане имѣютъ право принимать участіе, лично или черезъ своихъ представителей, въ его образованіи».

На это президентъ собранія отвѣтилъ такъ: «никакая часть націи не будетъ тщетно требовать своихъ правъ у собранія: тѣхъ, которыхъ отдаляютъ отъ взоровъ собранія моря или предразсудки, основанные на различіи происхожденія, оно сумѣетъ приблизить, благодаря тѣмъ чувствамъ гуманности, которыя характеризуютъ всѣ его рѣшенія и воодушевляютъ всѣ его усилія».

А между тѣмъ въ томъ же засѣданіи, гдѣ было произнесено это торжественное заявленіе, что *никакая часть націи* не будетъ тщетно требовать своихъ правъ, полчаса спустя, собраніе не постѣснилось лишить избирательныхъ правъ сотни тысячъ французскихъ гражданъ на томъ только основаніи, что они не обладаютъ извѣстной собственностью!

Такимъ образомъ, *собственность* послужила для французской буржуазіи критеріемъ политической правоспособности, и на этомъ базисѣ имущественнаго ценза всѣ граждане были раздѣлены на *активныхъ*, которые одни только имѣли право участвовать въ избраніи законодателей, и на *пассивныхъ*, лишенныхъ этого права. «Пропасть,—замѣчаетъ по этому поводу Жоресъ въ своей «Исторіи учредительнаго собранія» *),—пропасть, которая въ то время отдѣляла еще буржуазную

---

*) „Histoire socialiste", tome I-er: „La Constituante (1789—1791), par Jean-Jaurès".

революцію отъ несчастнаго пролетаріата, была глубже морской бездны, и національное собраніе стояло дальше отъ французскихъ пролетаріевъ-рабочихъ, чѣмъ отъ колоніальныхъ собственниковъ-негровъ».

Правда, классовая обособленность буржуазіи и пролетаріата не проявлялась тогда еще достаточно рѣзко, чтобы заставить буржуазію воспользоваться цензовымъ представительствомъ для устраненія широкихъ массъ народа отъ всякаго участія въ законодательствѣ (требованіе платы налога, равнаго трехдневной заработной платѣ, не закрывало доступа къ общественной жизни многочисленнымъ ремесленникамъ и даже наемнымъ рабочимъ). Но впослѣдствіи, когда буржуазія стала болѣе сознательно отстаивать имущественный цензъ, какъ основу избирательнаго права и какъ могучее средство защиты своихъ классовыхъ интересовъ отъ притязаній пролетаріата, она сумѣла превратить цензовое представительство въ замкнутую олигархію, такъ что при Людовикѣ-Филиппѣ избирательный корпусъ страны съ 30-ти-милліоннымъ населеніемъ обнималъ не болѣе 200.000 богатыхъ собственниковъ!

Въ свою очередь, однако, расло и развивалось классовое самосознаніе пролетаріата, а параллельно съ этимъ крѣпла и его организація, позволившая ему выступить на борьбу за завоеваніе *всеобщаго* избирательнаго права. Въ настоящее время, даже въ тѣхъ западно-европейскихъ странахъ, гдѣ это право еще не получило своего осуществленія, побѣда уже настолько близка, что запоздалые защитники цензоваго представительства уже не рѣшаются отстаивать юридическую справедливость ценза. Такъ, напримѣръ, въ Италіи даже такой умѣренный политикъ и теоретикъ конституціоннаго права, какъ проф. Орландо, признавая въ теоріи за имущественнымъ цензомъ «прочную юридическую основу, покоющуюсу на исторической причинѣ» (существенная функція представительныхъ собранія далекаго прошлаго состояла въ вотированіи необходимыхъ для государствъ налоговъ, и потому базисомъ избирательной системы должно было быть имущественное состояніе),—тѣмъ не менѣе, вынужденъ согласиться, что «эта историческая причина исчезла, а съ нею вмѣстѣ исчезло и юридическое обоснованіе ценза» *). Это не мѣшаетъ, однако, тому же проф. Орландо утверждать, что имущественный цензъ можетъ имѣть и въ настоящее время вспомогательное значеніе, «когда требуется устранить отъ пользованія избирательнымъ правомъ извѣстные общественные классы, голосованіе которыхъ можетъ представить серьезную опасность для государства».

Такую же предохранительную роль можетъ, по мнѣнію Орландо, играть, наряду съ имущественнымъ, и *образовательный* цензъ. Какъ

---

*) V.-E. Orlando. „Principes de droit public et constitutionnel“ (trad. de l'italien par S. Bonyssy), стр. 124—125. Парижъ, 1902.

извѣстно, еще Джонъ Стюартъ Милль въ своихъ «Размышленіяхъ о представительномъ правленіи» заявлялъ, что онъ считаетъ совершенно невозможнымъ допустить къ участію въ голосованіи человѣка, неумѣющаго ни читать, ни писать и не знающаго первыхъ правилъ ариѳметики: по мнѣнію Милля, всякій, желающій быть внесеннымъ въ списокъ избирателей, долженъ былъ бы предварительно «списать изъ книги какую-нибудь фразу и рѣшить ариѳметическую задачу».

Какъ это ни странно, но въ пользу такого ограниченія избирательнаго права раздаются въ настоящее время нѣкоторые голоса и у насъ, и при томъ даже среди «принципіальныхъ сторонниковъ» всеобщаго избирательнаго права. Такъ, М. М. Ковалевскій, высказываясь въ принципѣ за всеобщую подачу голосовъ, ограничиваетъ ее, однако, въ примѣненіи къ Россіи, требованіемъ отъ городскихъ избирателей двадцатипятилѣтняго возраста, *грамотности* и болѣе или менѣе продолжительной осѣдлости. Говоря объ этихъ ограниченіяхъ, хроникеръ «Вѣстника Европы» (іюнь, 1905 г.) замѣчаетъ: «съ однимъ изъ нихъ мы никакъ не можемъ согласиться: это требованіе грамотности отъ избирателей. Неграмотныхъ крестьянъ у насъ еще такъ много, и грамотность, доведенная до минимума (а только о такой грамотности, т.-е. объ умѣньѣ читать и писать, доказываемомъ при самыхъ выборахъ, и говоритъ М. М. Ковалевскій), такъ мало свидѣтельствуетъ объ умственномъ и нравственномъ развитіи, что возведеніе ея на степень избирательнаго ценза было бы и несправедливо, и безцѣльно. Когда М. М. Ковалевскому было указано, что требованіе грамотности, допустивъ къ участію въ выборахъ крестьянскую молодежь, прошедшую черезъ школу, сдѣлало бы его недоступнымъ для массы пожилыхъ крестьянъ, онъ призналъ, что избирательное право могло бы быть предоставлено, въ виду ихъ житейской опытности, всѣмъ безъ исключенія старикамъ, достигшимъ пятидесятилѣтняго возраста. Намъ кажется, что эта мѣра, нарушивъ цѣльность системы, не устранила бы ея коренного недостатка: лишенными избирательнаго права все-таки остались бы десятки тысячъ домохозяевъ, обладающихъ достаточнымъ житейскимъ опытомъ, а избирателями явились бы, въ то же время, ихъ сыновья, только что вступающіе въ жизнь».

Свою точку зрѣнія М. М. Ковалевскій развивалъ какъ въ печати, такъ и въ читанныхъ недавно лекціяхъ въ русской высшей школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ, гдѣ намъ пришлось, между прочимъ, услышать отъ почтеннаго лектора ссылку на примѣръ Италіи, которая положила въ основу избирательнаго права именно требованіе грамотности.

Эта ссылка кажется намъ весьма мало убѣдительной. Вѣдь недостаточно, въ самомъ дѣлѣ, указать на то, что итальянское правительство сочло умѣстнымъ ограничить избирательное право требованіемъ грамотности отъ избирателей—необходимо прежде всего знать, на-

сколько это ограниченіе оказалось цѣлесообразнымъ на практикѣ, хотя бы въ тѣхъ видахъ, въ какихъ оно обычно рекомендуется, т.-е. для устраненія элементовъ, политически неразвитыхъ и легко поэтому поддающихся давленію, подкупамъ и т. п. А между тѣмъ, результаты примѣненія итальянской избирательной системы далеко не свидѣтельствуютъ о такомъ спасительномъ значеніи «умѣнья читать и писать».

Въ теченіе долгихъ лѣтъ итальянская избирательная система покоилась на старомъ пьемонтскомъ законѣ, опиравшемся почти исключительно на имущественный цензъ. Ревниво охраняемый консерваторами, этотъ законъ держался вплоть до 1882 года, когда представителямъ новыхъ демократическихъ тенденцій удалось, наконецъ, взять верхъ и добиться болѣе широкаго распространенія избирательнаго права, при чемъ на ряду съ имущественнымъ цензомъ было предоставлено весьма значительное мѣсто образовательному цензу.

Такимъ образомъ, по дѣйствующему въ настоящее время въ Италіи закону, существуютъ двѣ категоріи избирателей: 1) избиратели, права которыхъ основываются на *имущественномъ* цензѣ (elettori per censo)—сюда относятся лица, платящія ежегодно, по крайней мѣрѣ, 19.80 лиръ прямыхъ государственныхъ и провинціальныхъ налоговъ, лица, платящія за земельные участки не менѣе 500 лиръ аренды въ годъ, или поземельный налогъ, по крайней мѣрѣ, въ 80 лиръ, и, наконецъ, лица, платящія за наемъ помѣщенія для жилища, торговаго или промышленнаго заведенія отъ 150 до 400 лиръ (смотря по многочисленности населенія данной мѣстности); 2) избиратели, права которыхъ опираются на *образовательный* цензъ (elettori per capacità). Минимальное требованіе, предъявляемое къ этимъ избирателямъ, сводится къ успѣшно пройденнымъ испытаніямъ по программамъ, указаннымъ въ законѣ объ обязательномъ начальномъ образованіи. Избирательный законъ отмѣчаетъ также 11 категорій, считающихся равносильными этимъ испытаніямъ: сюда относятся, между прочимъ, лица, состоявшія въ теченіе двухъ лѣтъ на военной службѣ и съ успѣхомъ посѣщавшія полковую школу, и, кромѣ того, всѣ тѣ граждане, которые въ состояніи собственноручно написать, въ присутствіи нотаріуса, просьбу о внесеніи ихъ въ избирательные списки *).

Изъ общаго числа 2.120.185 законныхъ избирателей, внесенныхъ въ списки передъ выборами 1895 года, 1.635.352, т.-е. 77.13%, были внесены по образовательному цензу и 484.833, т.-е. всего 22.87%, по имущественному.

*) Къ тому же, всѣ избиратели, къ какой бы категоріи они ни принадлежали, должны умѣть читать и писать—требованіе это обусловливается существующимъ порядкомъ голосованія: каждый избиратель получаетъ отъ предсѣдателя бюро голосованія избирательный бюллетень, на которомъ онъ долженъ написать имя выбираемаго имъ кандидата.

Уже изъ этихъ данныхъ нетрудно видѣть, что примѣръ Италіи въ примѣненіи къ Россіи мало убѣдителенъ: какъ ни высокъ процентъ безграмотныхъ на Аппенинскомъ полуостровѣ (несмотря на проведенный еще въ 1877 году законъ объ обязательномъ безплатномъ начальномъ образованіи), Италія въ этомъ отношеніи все-таки далеко оставляетъ за собою наше отечество, гдѣ возведеніе грамотности на степень избирательнаго ценза лишило бы избирательныхъ правъ огромное большинство населенія, тогда какъ въ Италіи, напротивъ, законъ 1882 года, впервые предоставившій широкое мѣсто образовательному цензу, внесъ въ избирательную систему радикальный переворотъ и увеличилъ число избирателей болѣе чѣмъ втрое. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ до введенія закона 1882 года число избирателей не превышало 621.896, въ 1882 году оно сразу же достигаетъ 2.017.829 и затѣмъ постоянно увеличивается вплоть до 1892 года, когда оно доходитъ почти до 3-хъ милліоновъ. Но этотъ быстрый и постоянный ростъ избирательнаго корпуса, совершавшійся, главнымъ образомъ, на счетъ интеллигентныхъ элементовъ населенія и усиливавшій политическое вліяніе оппозиціонныхъ партій, не замедлилъ вызвать серьезныя опасенія со стороны правительства. Не стѣснявшееся прибѣгать къ самымъ грубымъ нарушеніямъ закона, правительство короля Гумберта, съ Криспи во главѣ, сумѣло уменьшить число избирателей почти на цѣлый милліонъ. Подъ предлогомъ допущенныхъ будто бы раньше злоупотребленій по составленію избирательныхъ списковъ, Криспи удалось добиться отъ парламента закона о пересмотрѣ этихъ списковъ. Пересмотръ былъ, разумѣется, главнымъ образомъ направленъ противъ избирателей *per capacità*. О чрезмѣрномъ рвеніи, съ какимъ онъ былъ сдѣланъ, можно судить хотя бы по тому, что изъ числа избирателей оказались исключенными, якобы за отсутствіемъ надлежащаго образовательнаго ценза, нѣкоторые члены судебной магистратуры, журналисты, пользующіеся большой извѣстностью писатели и т. п. Въ результатѣ такой безпощадной травли «опасныхъ» элементовъ оказалось, что въ 1897 году число законныхъ избирателей уже было сведено къ 2.120.909.

Итальянская палата депутатовъ еще весьма далека отъ осуществленія идеи представительства народныхъ интересовъ во всемъ ея объемѣ, не только потому, что процентное отношеніе лицъ, имѣющихъ право голоса, въ сущности еще очень незначительно, но и потому, что далеко не всѣ избиратели пользуются предоставленнымъ имъ правомъ. За періодъ времени отъ 1861 до 1879 года лица, участвовавшія въ законодательныхъ выборахъ, составляли отъ 45.47% до 59.44% общаго числа избирателей. Немедленно по обнародованіи закона 1882 года это отношеніе поднялось до 60.65%, но впослѣдствіи оно снова понизилось и на выборахъ 1900 года не превышало 58.28%. Такимъ об-

разомъ, на болѣе чѣмъ 31-милліонное населеніе фактически участвовали въ выборахъ только 1.310.480 человѣкъ изъ 2.248.509 избирателей.

На первый взглядъ могло бы казаться, что процентъ воздерживающихся отъ участія въ голосованіи долженъ быть особенно значителенъ въ южныхъ провинціяхъ, отсталое населеніе которыхъ, повидимому, мало способно постичь значеніе избирательнаго права. Но въ дѣйствительности оказывается, что эти провинціи даютъ относительно весьма высокій процентъ участія въ выборахъ. Такъ, напримѣръ, въ выборахъ 1897 года, въ которыхъ въ среднемъ участвовали 58.54% записанныхъ избирателей, самое активное участіе принимали избиратели Апуліи, гдѣ процентъ использовавшихъ свое право голоса достигъ 72.62, между тѣмъ, какъ Лигурія дала минимальный процентъ участія въ выборахъ (46.90%).

Этотъ парадоксальный фактъ станетъ, однако, вполнѣ понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что на югѣ Италіи рабочія массы находятся въ гораздо большей экономической зависимости отъ предпринимателей, чѣмъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ классовое самосознаніе пролетаріата достигло уже значительнаго развитія. *Несмотря на умѣніе читать и писать*, избиратели южныхъ провинцій въ силу своей чрезвычайной политической отсталости легко поддаются давленію кандидатовъ, располагающихъ большими денежными средствами и правительственной поддержкой. Владѣльцамъ латифундій, дѣйствующимъ за одно съ агентами правительства, тѣмъ легче путемъ подкупа, угрозъ и обѣщаній привлечь къ избирательнымъ урнамъ многочисленныя толпы сельскихъ избирателей, что у этихъ послѣднихъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій и что на югѣ Италіи принципіальные вопросы общей политики не играютъ, можно сказать, никакой роли въ выборахъ: тутъ, напротивъ, все сводится къ мелкимъ личнымъ интересамъ, къ личному или мѣстному эгоизму.

Итакъ, требованіе отъ избирателей грамотности нисколько не гарантируетъ сознательнаго отношенія этихъ послѣднихъ къ своимъ правамъ и нисколько не обезпечиваетъ за голосованіемъ характеръ дѣйствительно независимаго выраженія опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій. Въ этомъ отношеніи свобода предвыборной агитаціи, способствующей политическому воспитанію народныхъ массъ, представляется гораздо болѣе вѣрнымъ и болѣе раціональнымъ средствомъ, чѣмъ требованіе минимальнаго образовательнаго ценза. Но такая свобода мало вяжется съ тѣми искусными пріемами давленія на законодательные выборы, которые выработали итальянскіе государственные люди: не говоря объ активномъ вмѣшательствѣ правительства въ ходѣ избирательной кампаніи черезъ посредство префектовъ и синдиковъ (мэровъ), министерство помимо этого обыкновенно еще очень ловко пользуется событіями при назначеніи времени выборовъ. Одинъ изъ

обычныхъ пріемовъ состоитъ въ оттягиваніи срока выборовъ съ тѣмъ, чтобы «подготовить» соотвѣтственнымъ образомъ народныя массы, терроризировать администрацію и очистить ее отъ «неблагонадежныхъ» элементовъ, и организовать оффиціальныя кандидатуры. Но не менѣе опасенъ и другой пріемъ, являющійся прямой противоположностью первому: для того, чтобы лишить оппозиціонныя партіи возможности, путемъ устной и печатной пропаганды, привлечь на свою сторону новые элементы, правительство можетъ, напротивъ, устроить выборы почти непосредственно послѣ того, какъ распущена палата. Оно разсчитываетъ тогда, главнымъ образомъ, на неподготовленность общественнаго мнѣнія, благодаря которой избирателямъ трудно будетъ разобраться въ истинномъ положеніи дѣлъ, такъ что при нѣкоторомъ давленіи легко будетъ склонить этихъ избирателей на сторону правительственныхъ кандидатовъ. Такого рода соображенія руководили министерствомъ генерала Пеллу при законодательныхъ выборахъ 1900 года, когда палата была распущена 18-го мая, а выборы назначены на 3-е іюня, т.-е. *черезъ двѣ недѣли*, и когда правительство возлагало самыя широкія надежды на практикуемую имъ политику запугиванія передовыхъ элементовъ населенія. Расчетъ оказался, однако, на этотъ разъ совершенно невѣрнымъ; антиконституціонный образъ дѣйствій правительства только способствовалъ объединенію, при перебаллотировкахъ, крайнихъ оппозиціонныхъ партій—радикаловъ, республиканцевъ и соціалистовъ, которые въ общемъ получили 445.694 голосовъ, что̀ вмѣстѣ съ 303.891 голосомъ, полученнымъ конституціонной оппозиціей, давало 749.585 голосовъ, тогда какъ кандидаты министерства получили всего 611.425 голосовъ. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что изъ 111 избирательныхъ округовъ, обнимающихъ 69 главныхъ городовъ провинцій, только 43 округа послали въ палату министерскихъ кандидатовъ, тогда какъ остальные 68 округовъ избрали оппозиціонныхъ кандидатовъ. Избирательная агитація правительства имѣла, слѣдовательно, успѣхъ, главнымъ образомъ, въ сельскихъ округахъ, что̀ только лишній разъ подтверждаетъ сказанное нами раньше о политической отсталости сельскаго населенія южной Италіи. Напротивъ, наиболѣе чувствительное пораженіе правительство потерпѣло въ промышленныхъ городахъ сѣверной Италіи. Такъ, напримѣръ, Миланъ, состоящій изъ 6 избирательныхъ округовъ, не послалъ въ палату ни одного правительственнаго кандидата, а предоставилъ 3 мѣста соціалистамъ и 3 республиканцамъ; даже Туринъ—колыбель итальянской монархіи и савойской династіи—очутился всецѣло въ рукахъ оппозиціи

Что это распредѣленіе правительственныхъ депутатовъ и депутатовъ оппозиціи представляетъ не случайное явленіе, а стоитъ въ непосредственной связи съ тѣми рѣзкими соціально-экономическими контрастами, которые замѣчаются на каждомъ шагу между сѣверной и

южной Италіей, доказываетъ хотя-бы тотъ фактъ, что, вычисливъ процентное отношеніе правительственныхъ депутатовъ къ общему числу депутатовъ послѣ выборовъ 1895 года, мы опять-таки получимъ слѣдующее поучительное сравненіе: въ сѣверной Италіи министерству удалось обезпечить за своими кандидатами только 57 процентовъ депутатскихъ мѣстъ, въ средней Италіи 60%, тогда какъ въ южной Италіи оно получило 80%.

Эти данныя достаточно краснорѣчиво доказываютъ, что, несмотря на общее для всѣхъ итальянскихъ взбирателей требованіе минимальной грамотности, избиратели земледѣльческихъ южныхъ провинцій далеко не обнаруживаютъ такого сознательнаго пользованія своими правами, какъ болѣе развитые политически жители промышленнаго сѣвера. Дѣло, слѣдовательно, не въ грамотности, а въ политическомъ воспитаніи народныхъ массъ, которое лучше всего осуществляется при свободномъ функціонированіи института всеобщаго избирательнаго права. Сторонникамъ-же образовательнаго ценза не мѣшаетъ вспомнить, что ихъ знаменитый предшественникъ Милль, требовавшій отъ всякаго желающаго быть внесеннымъ въ списки избирателей умѣнія «списать какую-нибудъ фразу и рѣшить задачу», усматривалъ, однако, «главнѣйшее изъ благодѣяній свободнаго правленія въ томъ, что образованіе ума и чувствъ проникаетъ въ самые низшіе классы народа, когда они призываются къ принятію участія въ дѣйствіяхъ, непосредственно касающихся великихъ интересовъ страны». «Если,—прибавлялъ авторъ *Размышленій о представительномъ правленіи*,—дѣйствительное умственное развитіе въ массѣ человѣчества не есть химера, то оно придетъ только этимъ путемъ».

Левъ Шейнисъ.

ЗАТЬМИСЬ МѢСЯЦЪ!

(Изъ жизни Кавказа).

А. Агаронянъ. Пер. съ армянскаго.

Никогда еще деревня Х. не видала подобныхъ ужасовъ. Казалось,—кровавый потопъ наводнилъ деревню, или пронеслась огненная буря.

Крестьяне не могли понять, что съ ними случилось. Но страхъ мало-по-малу стихъ, и они пришли въ себя. Въ деревнѣ не было никого изъ молодежи. Пастухи каждый день приносили печальныя вѣсти. Повсюду—подъ какой-нибудь скалой, въ ущельи, въ пещерѣ, еще валялись непогребенные трупы, и хищные звѣри уже справляли надъ ними тризну.

Никто не смѣлъ отыскивать и хоронить покойниковъ: днемъ вооруженная стража стерегла трупы, а ночью изъ-за каждой горки, изъ каждаго ущелья, изъ-подъ каждаго камня смерть грозила смѣльчаку. И покойники оставались безъ погребенія; имъ было отказано даже въ послѣднемъ убѣжищѣ.

Сколько слезъ проливали матери, и не одна изъ нихъ одѣла черное платье. Хорошо еще тому, кто не имѣлъ никакихъ вѣстей о своихъ близкихъ.

«Кто знаетъ, можетъ быть, онъ убѣжалъ, спасся, можетъ-быть, спрятался, можетъ-быть...» Это «можетъ-быть» было лучемъ надежды—какъ никакъ, а эта жалкая надежда была утѣшеніемъ.

И Цовинаръ тоже надѣялась. Прошла уже недѣля съ того ужаснаго дня, а никто еще не видалъ трупа ея Сэпо. Да пусть она и не увидитъ его никогда, пусть хоть ослѣпнутъ ея старыя очи, только бы знать, что ея дорогое дитя, ея Сэпо, спасенъ, живъ...

Такъ думала мать, а ея руки медленно двигали лопаточку въ маслобойкѣ.

Вдругъ она оставила маслобойку и насторожилась. Въ сосѣднемъ дворѣ нѣжный женскій голосъ тихо пѣлъ печальную, печальную пѣсню:

„Дымъ заволокъ наши вершины;
Въ трауръ одѣлись долины.
Матери, выплачьте ваши глаза,
Чтобы не видѣть имъ Божьяго свѣту!
Плачутъ отъ жалости камни холодные,
Скалы склонились, печалью сраженныя“.

— Ахъ, Сона! опять ты своимъ пѣніемъ терзаешь мое сердце,— прошептала Цовинаръ и, вздохнувъ, закрыла передникомъ лицо.

Сона... одно это имя столько говорило сердцу Цовинаръ! Сона была возлюбленной ея сына. Какъ-то разъ (о, да будетъ благословенъ тотъ день!) Цовинаръ своими собственными глазами увидѣла, какъ Сэпо и Сона шептались вотъ въ этомъ мѣстѣ, у трещины въ стѣнѣ

Только мать такого мужчины, красавица и гиганта, какъ Сэпо, да еще влюбленнаго въ черноокую красавицу, пойметъ, что перечувствовала Цовинаръ въ эти нѣсколько минутъ. Влюбленные увидали мать и, какъ испуганныя серны, разбѣжались. А мать... она только улыбнулась блаженной улыбкой: она была счастлива.

А теперь? Каждый вечеръ Сона выходитъ изъ дому, садится подъ навѣсомъ и заводитъ эту скорбную пѣсню, которую Богъ вѣсть когда и почему сложили армянскія дѣвушки и которая никогда не старѣетъ. Цовинаръ вытерла глаза и тихо подошла къ стѣнѣ. Прильнувъ къ этой трещинѣ, которая стала для нея теперь дорогой, она смотрѣла: Сона сидѣла, низко опустивъ голову, и вязала чулокъ.

Крупныя капли слезъ катились по ея щекамъ на работу. Она пѣла тихо, надрывающимъ душу голосомъ. Казалось, то была не пѣсня, а скорбный ропотъ измученнаго сердца.

„Что за вѣтеръ подулъ внезапно
Съ вершинъ этой мрачной горы?
Не пощадилъ молодца онъ лихого,
    Въ горе насъ всѣхъ погрузилъ.
    Плачутъ отъ жалости камни холодные,
Скалы склонились, тоской удрученныя.
Въ поле-ли выйду, что тамъ найду?
Какъ распознаю цвѣты?
    Лилія, фіалка, трава—мурава
    Въ красный одѣлись нарядъ.
Собралися мы свадьбу справлять:
Черное съ краснымъ платье надѣли
Плакали горько; да ужъ сколько ни плачь,
    Горя не выплачешь ты никогда.
    Плачутъ, ропщутъ горы скалистыя
    И склонились онѣ, тоской удрученныя.

Сердце Цовинаръ разрывалось. Рыданія стали громче. Дѣвушка кинула испуганный взглядъ въ ея сторону и замолчала; она услышала рыданія и поняла, что происходило тамъ, за стѣной.

Съ какой радостью Цовинаръ обняла бы эту милую головку и прижала къ своей материнской груди вмѣсто Сэпо. Въ эту минуту Сона замѣняла ей потеряннаго сына. Она вдосталь наплакалась, и ей стало легче. Ей даже жаль стало Соны, которая такъ оплакивала свою погибшую любовь.

«Не знаю, чье горе больше, бѣдная Сона,—шептали ея уста;—но да

услышитъ Господь твой голосъ, да сжалится надъ твоимъ горемъ— можетъ быть, я грѣшна».

Она тихо отошла отъ стѣны, взяла маслобойку и принялась за работу.

Наступилъ вечеръ. Солнце близилось къ закату.

Нужно поскорѣе сбить масло, скоро Сэропъ вернется со стадомъ. Она стала работать быстрѣе.

Ворота со скрипомъ растворились, и на порогѣ появился мальчикъ лѣтъ 7—8. Это былъ Сэропъ. Онъ плакалъ.

Мать бросила маслобойку и, дрожа, подбѣжала къ сыну.

— Сэропъ, милый, ради Бога, неужели стадо?..

Ребенокъ, не отвѣчая, продолжалъ рыдать.

— Отняли? увели?.. Татары...

— Нѣтъ,—съ трудомъ произнесъ Сэропъ сквозь слезы.

— Но гдѣ же оно?

— Въ полѣ осталось... мама, я прибѣжалъ... я видѣлъ Сэпо... онъ лежалъ подъ скалой...

Онъ не могъ продолжать; слезы душили его. Да больше и не надо было; сердце матери угадало ужасную истину. Ребенокъ увидѣлъ въ полѣ трупъ брата. Чего-же еще тутъ разспрашивать бѣдной матери? Слова замерли у нея на губахъ, только въ груди что-то порвалось, а въ глазахъ не было слезъ.

Она, пятясь, вернулась на свое мѣсто и прислонилась спиной къ стѣнѣ. Но силы оставили ее. Она соскользнула внизъ, сѣла и застыла опустивъ голову на грудь...

Солнце сѣло. Скотъ самъ вернулся домой и разбрелся по двору. Маслобойка съ всбитымъ масломъ стояла на своемъ мѣстѣ. Наступила ночь. Темнота окутала деревню. А Цовинаръ все сидѣла, не двигаясь, не проронивъ ни слова. Задумалась-ли она, или ничего не сознавала? Устремивъ глава въ одну точку, она смотрѣла передъ собой безсмысленномъ взглядомъ. Сколько ужаса и горя скрываетъ такой взглядъ!

Сэропъ прижимался къ матери и молчалъ. То были воплощенные символы отчаянія.

Въ темнотѣ съ трудомъ можно было разобрать ихъ фигуры. Часы шли за часами. Деревня уже спала. Цовинаръ встала и вошла въ домъ и вернулась съ заступомъ и мафрашемъ *) въ рукахъ.

Теперь ея движенія были тверды и рѣшительны. Надо похоронить сына, и она исполнитъ долгъ свой, хотя бы небо и земля соединились противъ нея, хотя бы поле было полно чудовищъ.

И матери-ли раздумывать, когда дикіе звѣри терзаютъ трупъ ея

*) Мафрашъ тюкъ изъ ковровой матеріи для упаковки постелей, ковровъ и т. д.

Сэпо? Но какъ найти его одной, въ непроглядную ночь, когда смерть грозитъ отовсюду? Она призадумалась.

— Сэропъ, милый, ты знаешь мѣсто?

— Да, мама, знаю; далеко отъ деревни, очень далеко.

— Ну, такъ, Бога ради, вставай! идемъ, вставай!

Изумленный ребенокъ вопрошающе посмотрѣлъ на мать.

— Куда, мама?

— Идемъ хоронить Сэпо.

— Мамочка, я боюсь, теперь темно... они тамъ, мамочка...

— Развѣ я не съ тобой, мой милый? Идемъ ради Бога! вѣдь онъ твой братъ, грѣхъ такъ оставлять.

Мать съ нимъ, мать защититъ его; вѣдь всякая мать кажется своему ребенку всемогущей.

Сэропъ пріободрился; они вышли.

Мѣсяца не было. Темнота, ни зги не видать. Мать съ сыномъ тихо выбрались изъ деревни на околицу. Осторожно шли они. Ребенокъ смотрѣлъ то на мать, то на разные предметы, которые вырисовывались изъ мрака и принимали разнообразныя и причудливыя очертанія.

— Мама, боюсь! Смотри, кто-то идетъ за нами.

— Тише, Бога ради, никого нѣтъ,—ободряла мать; однако и ей почудились шаги.

Оба оглянулись, но никого не было.

Деревня все удалялась, а Сэропу казалось, что темнота увеличивается. Но не это пугало его. Надо было пройти мимо сада кривого Зуло. Сэропъ и днемъ неохотно рѣшался проходить тамъ; а ночью!.. Вѣдь чего только ни расказывали ему: говорили, что прежде Кривой Зуло всегда бродитъ по саду, что онъ часто выходилъ оттуда и нападалъ на пастуховъ. Его огненные волосы стояли дыбомъ, глаза были злые—злые; ротъ большой, на губахъ пѣна, страшный голосъ. Говорили, что, въ концѣ концовъ, стѣна обвалилась и придавила Зуло. Но онъ ночью встаетъ изъ развалинъ и рыщетъ по окрестностямъ. Если онъ и теперь тамъ? Вдругъ онъ выйдетъ, побѣжитъ за ними, закричитъ. Вотъ и садъ, вотъ и обвалившаяся стѣна.

— Мама, боюсь... смотри, кто-то идетъ... это Зуло... его волосы, глаза... мамочка...

— Не бойся, милый, возьми меня за руку, вотъ такъ.—Цовинаръ сама дрожала: какъ будто, кто-то стоялъ на томъ мѣстѣ, куда пристально и робко смотрѣлъ ребенокъ. Призракъ скрылся. Мать съ сыномъ крѣпче прижались другъ къ другу и ускорили шаги, чтобы поскорѣй уйти изъ этого страшнаго мѣста.

— Далеко еще, милый Сэропъ?

— Не знаю, мама... Знаешь тотъ большой ручей, что близъ крестоваго камня? Перейдемъ его, а потомъ еще надо идти, идти къ Черному камню. Тамъ «это».

Они не останавливались. Кругомъ царила тишина. Въ небѣ искрились холодныя звѣзды. Природа лѣниво покоилась въ могучихъ объятіяхъ сна, и ласковое сіяніе звѣздъ не нарушало ея спокойствія. Внезапно надъ спящей мѣстностью прозвучалъ зловѣщій крикъ совы.

— Мамочка, сова кричитъ... не къ добру это, вѣдь правда? Боюсь я..

Мать молчала: она сама испугалась.

Вотъ въ темнотѣ раздался крикъ другой птицы, отчаянный, безпомощный крикъ: вѣроятно бѣдная птичка попалась совѣ въ когти и безпомощно билась въ предсмертныхъ судорогахъ. Сердце Цовинаръ болѣзненно сжалось: и ея бѣдное дитя осталось безъ призора въ жертву дикимъ звѣрямъ. Ребенокъ почувствовалъ, какъ двѣ теплыя слезинки упали на его руку. Онъ взглянулъ на мать. Лица ея не видно было за темнотой, но маленькое сердечко болѣзненно сжалось.

То были слезы безысходнаго отчаянія: горе выжало ихъ изъ глазъ Цовинаръ. Ребенокъ вообразилъ, что его жалобы огорчили мать, и пытался дѣтской хитростью загладить свою вину ободрить мать.

— Знаешь, мамочка, я теперь не боюсь, совсѣмъ не боюсь... вѣдь ты со мной. Пусть Зуло придетъ, ты не отдашь меня ему, у тебя есть заступъ. А если придутъ «они», мы спрячемся въ нивѣ, и насъ не увидятъ.

— Да, дорогой, только молчи, а то «они» услышатъ.

Мальчикъ замолчалъ. Дальше, дальше... Вотъ и ручей. Ужъ поздно. Они остановились. Вдругъ послышались шаги. Оба обернулись. Какая-то тѣнь промелькнула (какъ имъ казалось) и торопливо перешла ручей немного повыше. Вдали, по ту сторону ручья, царилъ непроницаемый мракъ; только чуть-чуть, какъ безобразныя чудовища, вырисовывались очертанія холмовъ, окружавшихъ крестьянскія поля. Въ темнотѣ, казалось, картина постоянно мѣняется: холмы то подымаются, то опускаются, гребень ихъ то причудливо изгибается, то вытягивается.

Мать и сынъ дрожали отъ ужаса.

— Вотъ это, мамочка, видишь, вотъ тамъ.

Мальчикъ указывалъ рукой на холмы.

Цовинаръ въ раздумьи остановилась на берегу ручья. Въ ея головѣ толпились роемъ мысли, мрачныя, какъ эта темная ночь, страшныя и безобразныя, какъ эти скалы. Идти или вернуться? Не за себя боялась она: что ей жизнь, когда нѣтъ ея Сэпо? Но Сэропъ... если съ нимъ что-нибудь случится? Ночь безпощадна, темнота непроницаема, а мертвецъ такъ страшенъ... Мать чувствовала, какъ рука ребенка дрожала въ ея рукѣ.

Пока деревня была близко, пока слышенъ былъ лай собакъ, они не такъ боялись этой мертвой картины.

И теперь... Все тутъ дышитъ смертью и ужасомъ, они чувствуютъ

себя одинокими, покинутыми въ глухую ночь въ этой пустынѣ. Хотя бы какой успокоительный звукъ, какой-нибудь ободряющій шорохъ! Цовинаръ взглянула на ручей; ей стало какъ будто легче: вода течетъ, это напоминаетъ жизнь. Волны, тихо журча, плещутся о берегъ и уходятъ съ чуть слышнымъ ропотомъ. Цовинаръ слушаетъ. Ручей протекалъ у подножья холма, гдѣ сиротливо, безъ призора, лежалъ ея Сэпо. Не его ли голосъ слышенъ въ ропотѣ волнъ? Онъ проситъ у матери горсти земли и какую-нибудь ямку, проситъ у нея, потому что во всемъ мірѣ нѣтъ у него близкаго человѣка. Нѣтъ, нѣтъ, мать не оставитъ его!

— Дай, подыму я тебя, мой мальчикъ, мы перейдемъ.

Ребенокъ вскарабкался на плечи матери, она вошла въ воду. Они уже на другомъ берегу. Но, едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, ребенокъ чуть слышно произнесъ: «Мамочка, Цуръ-Зуло! Онъ сейчасъ прошелъ, вотъ тамъ. Мама боюсь!».

Несмотря на мракъ, зоркіе глаза ребенка замѣтили какую-то тѣнь, которой мать не могла видѣть. Та удивилась. Кто ошибается: она или ребенокъ?

— Нѣтъ, дорогой,—успокоивала она:—никакого Зуло нѣтъ. Держись лучше покрѣпче за мою руку; вѣдь ты сказалъ, что не боишься.

Они все шли. Вотъ и холмы. Остановились.

— Вотъ подъ этимъ камнемъ, мама. Ой, боюсь!

— Дорогой мой, вѣдь это твой братъ; да и я съ тобой, не бойся.

Подъ большимъ выступомъ скалы лежалъ Сэпо. Мать опустилась на колѣни, обняла трупъ и нѣсколько минутъ не могла вымолвить ни слова. Потомъ она выпрямилась, ударила себя въ грудь и опять прижалась лицомъ къ холодному лицу сына. Прошло еще нѣсколько минутъ. Цовинаръ встала, взяла въ руки заступъ и поспѣшно принялась за работу. Сэропъ своими маленькими ручками выгребалъ землю.

Яма была уже глубока, а мать и не думала кончать.

— Мама, Зуло!—закричалъ мальчикъ и со всѣхъ ногъ бросился въ яму. Испуганная мать обняла сына и взглянула наверхъ. Надъ ними стоялъ кто-то.

— Это не Зуло, мой милый,—сказало таинственно существо.

Цовинаръ остолбенѣла отъ изумленія—это была Сона.

— Я не могла, матушка, не могла вытерпѣть, прости ты меня! Мои уши давно оглохли отъ рыданій, но я все же слышала, что сказалъ тогда Сэропъ. Я знала, ты идешь хоронить его, и тайно пошла за вами, только бы знать, гдѣ будетъ «его» могила. Сэропъ видѣлъ меня дорогой. Онъ думалъ, что это Зуло. Я притаилась за этимъ камнемъ. Но у меня не хватило силъ терпѣть, прости меня родная! Предъ лицомъ смерти я отбросила мой дѣвичій стыдъ, хоть и сильно трепетало сердце. Позволь, родная, этимъ глазамъ, которые ослѣпли отъ слезъ, взглянуть на него хоть разъ, хоть въ темнотѣ,

позволь мнѣ своими слабыми руками приготовить вмѣстѣ съ тобой могилу для него!..

Слова лились и лились изъ ея воспаленныхъ устъ и, казалось, имъ не будетъ конца. На мгновеніе всѣ забыли, гдѣ они, что здѣсь дѣлаютъ, забыли опасность, темноту, страхъ; все исчезло передъ величьемъ безнадежной дѣвичьей любви. Цовинаръ молча рыдала. Дѣвушка подошла къ трупу, опустилась на колѣни, наклонилась и первый разъ въ жизни поцѣловала его въ холодный лобъ горячимъ, дѣвственнымъ поцѣлуемъ. Казалось, этимъ поцѣлуемъ она хотѣла согрѣть холодный трупъ, какъ Аралэзъ *) лизалъ раны героевъ, павшихъ въ битвѣ, чтобы вернуть ихъ къ жизни.

Напрасно! Смерть приняла отъ дѣвственныхъ устъ этотъ горячій поцѣлуй и отдала его вѣчности и мраку!

Наконецъ, Сона встала, опустилась въ могилу и стала копать. Цовинаръ выгребала землю. Сэропъ смотрѣлъ съ удивленіемъ. Теперь онъ сталъ спокойнѣе: ихъ было трое. Яма понемногу становилась глубже. Никогда еще ночь не видѣла такого великаго дѣла. Два сердца соперничали другъ съ другомъ: мать рыла могилу своему сыну, дѣвушка—милому. И въ этой же могилѣ обѣ схоронили свои сердца. А невинный ребенокъ, какъ ангелъ-хранитель, оберегалъ святое дѣло.

Взошла луна. Ея холодные лучи, скользя по склону холма, упали на блѣдное лицо покойника. Опасность увеличилась. Непріятель могъ издали замѣтить копошившіяся тѣни.

Скоро конецъ, они уйдутъ. Вдругъ до ихъ слуха, вмѣстѣ съ ночнымъ вѣтеркомъ, долетѣлъ звукъ копытъ. Всѣ трое притаили дыханіе и съежились.

— Кто тутъ?—донеслось издали.

Отвѣта не было. Прожужжала пуля. Всадники проѣхали. Вѣроятно, они подумали, что это звѣри гложутъ трупы, и выпустили пулю такъ себѣ, для забавы.

Цовинаръ и Сона вышли изъ ямы. Сэропъ былъ на своемъ мѣстѣ. Онъ странно жался у края могилы и молчалъ. Онѣ вдвоемъ завернули трупъ въ мафрашъ, подтащили къ могилѣ, опустили и стали торопливо забрасывать землей. Онѣ исполнили свой долгъ: трупъ сына и жениха не долженъ былъ остаться безъ погребенія. И съ нимъ вмѣстѣ въ тѣсной могилѣ двое людей оставили свои сердца. Цовинаръ и Сона опустились на колѣни и въ послѣдній разъ поцѣловали дорогую могилу. Вмѣсто заупокойной, дѣвушка запѣла:

Собрались мы свадьбу справлять,
Черное съ краснымъ платье надѣли.
Плачутъ отъ жалости скалы холодныя,
Долу склонились, тоской удрученныя.

---

*) Аралэзъ—миѳическое существо древнихъ армянъ, которое лизало раны убитыхъ въ бою, чтобы оживить ихъ и живыми перенести въ загробное жилище.

Онѣ встали. Мать подошла къ Сэропу.

— Вставай, милый Сэропъ, вставай, идемъ домой!

Ребенокъ не вымолвилъ ни слова, не пошевельнулся, онъ крѣпко спалъ. Мать опять окликнула его. Молчаніе. Она тронула его, шевельнула и... вдругъ въ ужасѣ отдернула руку и поднесла къ лицу. Рука была въ крови.

Не даромъ прожужжала предательская пуля: глубокая рана зіяла въ груди Сэропа, а платье окрасилось кровью. Онъ умеръ, не пикнувъ.

Раздирающій душу крикъ вырвался изъ груди матери. Она обняла окровавленный трупикъ и приподняла его надъ головой. Лучи мѣсяца упали на блѣдный лобъ и щеки ребенка; онъ, казалось, спалъ. Головка безпомощно свѣсилась, какъ завядшій цвѣтокъ...

Отъ горя мать не понимала, что она дѣлаетъ. Она поднимала трупъ все выше и выше, какъ будто показывала его безжалостнымъ небесамъ и требовала суда и справедливости.

— Затьмись, мѣсяцъ!—кричала она.—Будь проклятъ твой свѣтъ! Неужели во всемъ мірѣ ты не нашелъ больше никого, неужели его ты долженъ былъ освѣтить!? Подымайтесь, подымайтесь, волки, гіены, дикіе звѣри, выходите изъ вашихъ берлогъ! Вы милосерднѣе, чѣмъ люди. Приходите, сожрите меня вмѣстѣ съ нимъ. Одного едва успѣла схоронить, ужъ другому надо рыть могилу. Звѣри, растерзайте эту пылающую грудь, вырвите изъ нея огненное сердце, сожрите его, пока еще горячо... Тогда и вы, какъ я, будете горѣть въ огнѣ, вы будете оглашать своимъ воемъ горы и долы, и отъ вашего дыханія загорится этотъ жестокій міръ!..

И Цовинаръ, какъ подкошенная, упала съ ребенкомъ на рукахъ и замолчала. Сона подбѣжала, чтобы помочь, но ея старанія были безполезны: измученное сердце матери не вынесло тяжести страшнаго горя, и она умолкла на вѣки...

На слѣдующее утро крестьяне были поражены. Сона посѣдѣла.

Тамара Меликъ.-Шахназарова *).

---

*) Бывшая курсистка с.-петербугскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Убита 29 авг. въ Тифлисѣ, при столкновеніи въ залѣ городской думы.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ПОРТЪ-АРТУРА *).

(Изъ воспоминаній участника обороны).

*(Окончаніе **).*

II.

Сдача Портъ-Артура.

19 декабря, вернувшись съ работы, дома я нашелъ обычное общество уже собравшимся, но настроеніе публики было весьма понурое.

Весельчакъ шт. кап. Ф. мрачно курилъ нескончаемую толстѣйшую свою папиросу и что-то мычалъ себѣ подъ носъ, ежеминутно крича неистовымъ голосомъ: «Иванъ, чаю». Иванъ, мой вѣстовой, маленькій, плутоватый, бѣлобрысенькій солдатикъ, большой лѣнтяй, испуганно, стремглавъ, летѣлъ на зовъ капитана, чувствуя, что это не обычныя штуки веселаго барина. При каждомъ появленіи Ивана, капитанъ строго вопрошалъ: «ну, что горятъ?». «Такъ точно, в-родіе горятъ», слышался одинъ и тотъ же отвѣтъ.

Освободившись отъ шубы, папахи, мѣховыхъ сапогъ и пр., я заинтересовался—про что это спрашиваетъ онъ, про пожары, что ли? Пожары за послѣднее время были самымъ обычнымъ явленіемъ.

— Да—съ, про пожары,—кричитъ на меня шт. кап. — Вамъ извѣстно, милостивый государь, что на Золотой горѣ жгутъ бездымный порохъ, а въ гавани подрываютъ подъемные краны и подожгли всѣ мелкіе пароходы?

— Ну, такъ что-же?—спрашиваю я.

— Такъ тоже,—передразниваетъ меня капитанъ, — что, если это правда, то значитъ, рѣшили крѣпость сдать!

Мы не придали его словамъ никакого значенія, но на пожаръ посмотрѣть все - таки вышли. Мичманъ П. сообщилъ, что миноносцы «Властный», «Сердитый» и «Скорый» ушли въ Чифу. Повезли что-то важное, кажется, какія-то святыни. Поужинавъ, всѣ разошлись и мы легли спать. Шт. кап. Ф. остался ночевать у насъ. Вдругъ въ 6 ча-

---

*) Въ октябрьской книгѣ, въ статьѣ „Послѣдніе дни Портъ-Артура" на стр. 1-ой, 11-ая строка снизу напечатано—„субалтернъ-офицеровъ",—надо читать „строевыхъ офицеровъ". *Ред.*

**) См. „Міръ Божій", № 10, октябрь 1905 г.

совъ утра къ намъ въ комнату влетѣлъ подполковникъ К., жившій рядомъ во флигелѣ.

— Вставайте! чего вы лежите? крѣпость сдаютъ, а они спятъ!— обращается онъ къ намъ.

— Какъ крѣпость сдаютъ?—вскрикнули мы въ одинъ голосъ, вскакивая съ постели.

— Такъ сдаютъ, я правду говорю, роты моего полка возвратились въ казармы съ праваго фланга, да и канонады нѣтъ, вотъ прислушайтесь.

Одѣвшись наскоро, мы выскочили на дворъ: дѣйствительно, ни одного выстрѣла... Стоялъ чудный, ясный, зимній день. Съ яснаго голубого неба ярко свѣтило солнце; вершины Ляотешана искрились въ прозрачномъ воздухѣ невполнѣ оттаявшимъ еще снѣгомъ.

И ни одного выстрѣла. Лишь надъ бухтой стоялъ густой дымъ, закрывая все, что было аршина на два выше поверхности воды.

Чтобы во всемъ Артурѣ было такъ тихо, это поразительно и невѣроятно... Руки сами тянулись къ уху, ощупать — есть ли ухо, или я оглохъ.

Сѣвъ на коней, мы поскакали въ штабъ. По дорогѣ тянулись стрѣлки, матросы, вольные жители, бабы, китайцы, ни вѣсть откуда выползшіе.

Намъ все казалось, что, вѣроятно, заключено перемиріе для уборки раненыхъ и убитыхъ на правомъ флангѣ.

Но, когда, доѣхавъ, мы вошли въ первую комнату, то одного взгляда на эти понуренныя головы, полные скорби глаза, было достаточно, чтобы понять все.

Горько и обидно было, что дѣло, на которое было положено столько силъ, которое потребовало себѣ въ жертву 30 тысячъ молодыхъ, полныхъ энергіи жизней, закончилось такъ печально.

Хотя мы изъ исторіи и знали, что ни одна крѣпость безъ помощи извнѣ не могла удержаться,—ибо, очевидно, разъ имѣющіяся силы расходуются, а притока извнѣ нѣтъ, то естественно, что когда либо наступитъ конецъ,—но, несмотря на всѣ доводы разума, сердце возмущалось: какъ? сдаться «япошкамъ», этимъ маленькимъ, желтолицымъ косоглазымъ человѣчкамъ, которыхъ мы столько истребили!

Какъ тѣни, бродили офицеры изъ комнаты въ комнату въ убійственномъ уныніи и тоскѣ.

Говорить было тяжело, безсильное бѣшенство посаженнаго въ клѣтку тигра душило насъ. Слезы подступали къ горлу—дышать было нечѣмъ.

На какихъ условіяхъ сдаемся—никто достовѣрно не зналъ.

Спрашивать полковника И. не рѣшались; сердце обливалось кровью, видя, какъ этотъ храбрый, энергичный человѣкъ, столько разъ смотрѣвшій смерти въ глаза безъ страха, сидѣлъ теперь молчаливый, подавленный и, уставившись въ одну точку безумнымъ взоромъ, только изрѣдка тяжело вздыхалъ.

Тяжело было намъ видѣть это безмолвное, жгучее горе человѣка, котораго мы любили, который дѣлу Артура былъ дорогъ, который однимъ своимъ веселымъ видомъ во время боя увлекалъ и бодрилъ самыхъ трусливыхъ и самыхъ слабыхъ...

Офицеръ 13 п-ка находившійся при штабѣ западнаго фронта, на мой вопросъ о сдачѣ, сказалъ, что условія сдачи таковы: весь гарнизонъ съ оружіемъ въ рукахъ (артиллерія съ пушками), съ обозами выйдетъ изъ крѣпости; японскія войска выстроятся шпалерами и отдадутъ намъ воинскую честь, мы отправимся въ армію Куропаткина, и оттуда насъ отправятъ въ Россію

Это было слишкомъ что-то невѣроятно.

Многіе надѣялись, что японцы не примутъ нашихъ условій, и мы будемъ еще драться.

Но уничтоженіе всего, что только могло быть нужнымъ для дальнѣйшей обороны, говорило совсѣмъ другое. Видно было, что возврата назадъ нѣтъ.

Весь этотъ день прошелъ въ какомъ-то ужасномъ оцѣпенѣніи.

Артуръ горѣлъ... Весь городъ заволокло дымомъ... Горѣли суда горѣли зданія...

По временамъ раздавался оглушительный грохотъ, и вспыхивало страшное пламя... это на позиціяхъ уничтожали бомбочки, заряды патроны...

Артиллеристы взрывали *) свои орудія, уничтожали замки, заливали сѣрной кислотой каналы пушекъ.

Моряки взрывали свои суда, уничтожали мины, топили пароходы...

Всюду царилъ хаосъ и разрушеніе... Отъ дыма въ городѣ ничего не было видно... Казалось, наступилъ конецъ міра...

Ночью мнѣ пришлось ѣхать къ генералу Б. «Ретвизанъ» горѣлъ освѣщая заревомъ своего зловѣщаго огня всю подошву Золотой горы и набережную. Рядомъ горѣли «Баянъ», «Полтава», «Побѣда». Огонь пробивался изъ иллюминаторовъ, лизалъ кровавымъ языкомъ вершины еще стоявшихъ трубъ и, разливаясь по палубамъ кроваво-желтыми громадными волнами, шипѣлъ, гудѣлъ, свистѣлъ.

Черные зловѣщіе клубы дыма далеко разносились, осыпая всю мѣстность кругомъ отвратительной копотью.

Оставшіеся въ судахъ снаряды, заряды, мины, котлы, полные водой, взрывались, уничтожая всякія преграды и далеко разбрасывая огромные куски металическихъ частей судовъ **)...

---

*) Къ вечеру генералъ Б. отдалъ строгій приказъ не взрывать ничего, ибо разъ мы уже сдавались, то ничего не должно было быть попорчено, а должны были сдать такъ, какъ было все до момента начала переговоровъ. А если желали уничтожить, то надо было раньше. Но раньше никто ничего не зналъ

**) Около Маріинской общины упалъ кусокъ шпангоута около 2 аршинъ длиной.

Зарево пожара въ бухтѣ горящихъ судовъ далеко освѣщало кругомъ горы...

Суворовская мортирная батарея, при кроваво-красномъ свѣтѣ гибнущей эскадры, при фантастически перебѣгающихъ тѣняхъ, казалась миѳическимъ великаномъ, безмолвно взирающимъ на послѣднія минуты вверженнаго въ прахъ противника.

Суда все болѣе и болѣе опускались въ воду, неестественно переворачиваясь и принимая самыя причудливыя положенія.

На улицахъ всюду попадались солдаты, матросы, вооруженные и безоружные.

Китайцы, пользуясь ночной темнотой и отсутствіемъ хозяевъ многихъ домовъ, безнаказанно накладывали на Богъ вѣсть откуда появившіеся подводы, всякую всячину и увозили, грабили что могли. Всюду на улицахъ валялись мертвецки пьяные люди. Многіе были убиты въ пьяной дракѣ.

III.

Пребываніе въ плѣну.

На слѣдующій день въ 12 ч. дня, у Крематорной Импани сошлись коммиссіи, наша и японская.

Здѣсь были выработаны подробности способа сдачи, и здѣсь же мнѣ удалось прочесть условія капитуляціи. Въ приказѣ ген.-адъютанта Стесселя, за № 985, отданы были нижеслѣдующія распоряженія по сдачѣ крѣпости (напечат. въ «Новомъ Краѣ», 22 декабря 1894 г., № 247).

„Такъ какъ условія капитуляціи заключены, то для передачи фортовъ японцамъ, предписываю исполнить слѣдующее: 1) Завтра къ 9 часамъ утра должны быть выведены гарнизоны всѣхъ фортовъ, батарей и укрѣпленій между Лунхе и укрѣпленіемъ № 5 т.-е. пѣхота, артиллерія скорострѣльная въ запряжкѣ, прислуга крѣпостныхъ и прочихъ орудій. 2) Остается для передачи комендантъ форта съ двумя нижними чинами. 3) По очищеніи указанныхъ фортовъ, морскія команды выдѣлить отъ сухопутныхъ и тотчасъ передать вѣдѣніе ихъ морского начальства по принадлежности. 4) Начальники участковъ и фронтовъ обязываются наблюсти за полнѣйшимъ порядкомъ всего изложеннаго. 5) Казачья сотня, а затѣмъ охотничьи конныя команды подъ общимъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Романовскаго, тотчасъ занимаютъ позади въ Новомъ и Старомъ городахъ заставы для наблюденій за исполненіемъ всѣхъ установленій, за полнымъ порядкомъ и благочиніемъ въ городѣ и въ недопущеніи безобразій, памятуя, что всякій безобразный поступокъ какого-либо негодяя можетъ вызвать рѣзню на улицахъ и истребленіе больныхъ и раненыхъ. 6) Приведеніе всего этого въ исполненіе возлагаю на коменданта крѣпости, въ помощь ему назначается 7-й В.-О. с. дивизіи генералъ-маіоръ Надѣинъ. 7) Прошу гг. адмираловъ и командира экипажа усилить вовсю наблюденіе за морскими командами, назначая для сего офицеровъ съ патрулями; необходимо не допускать производства безпорядковъ. 8) Коменданту города и

полиціймейстеру имѣть за порядкомъ самый строжайшій надзоръ. 9) Гарнизонъ очищенныхъ фортовъ отвести въ казармы и никуда не расходиться.

Начальникъ Квантунскаго Укрѣпленнаго раіона.

Генераль-Адъютантъ Стессель.

Требованіямъ японцевъ не было конца и предѣла, подай имъ и то, подай и это. Словомъ, требовали отчета, какъ будто они были раньше хозяева Артура, а мы приказчики, и теперь, послѣ долгаго отсутствія принимали отъ насъ свое добро.

Японцы требовали даже дѣлопроизводство по разнымъ учрежденіямъ, но конечно, не получили его... Наконецъ, было условлено, что на слѣдующій день въ 9 ч. утра въ каждый условленный пунктъ явятся ихъ пріемщики и наши сдатчики.

Когда коммиссія разсуждала, японскія войска по немногу входили въ Старый городъ *), и когда я возвращался послѣ окончанія переговоровъ, полевой японскій телеграфъ уже наводилъ линію, соединяя Артуръ съ главной квартирой Ноги.

Весь городъ былъ наполненъ японскими и нашими солдатами, съ оружіемъ и безоружными.

На слѣдующій день, какъ было условлено, японцы пріѣхали и приняли все.

Позиціи были заняты японцами.

Намъ было приказано взять съ собой 1 п. 5 ф. вещей (потомъ увеличили до 1 п. 20 ф.) и къ 8 часамъ утра 23-го собраться у V-го укрѣпленія.

За исключеніемъ частныхъ лицъ, не служащихъ нигдѣ, имъ было предоставлено остаться въ Артурѣ или на шаландахъ ѣхать черезъ Чифу куда угодно.

Всю ночь мы съ товарищемъ вѣсили на вѣсахъ сюртуки, шинели, брюки, бѣлье, и проч.—вѣдь, что возьмешь на 60 ф.

Въ Артуръ мы назначены были до войны и должны были на Дальнемъ востокѣ отслужить обязательные три года и потому привезли съ собой все, что имѣли, чѣмъ обзавелись за все время службы.

22-го утромъ весь гарнизонъ собрался на указанное мѣсто.

За проволочной сѣткой японцы разбили палатки и пріемная коммиссія ихъ, съ нашимъ генераломъ Г., по спискамъ принимала людей въ плѣнъ.

Офицерамъ были розданы бланки съ графами: какой части, сколько лѣтъ, женатъ или холостъ, фамилія и имя и т. п. Эти заполненные листки потомъ предъявлялись начальниками частей японскимъ властямъ по ихъ требованію.

---

*) Предусмотрительность японцевъ дошла до того, что у солдатъ погоны были перевернуты на изнанку, чтобы не дать намъ возможности соображать, какія и сколько полковъ заняли Артуръ. Офицеры у нихъ не носятъ погонъ.

Здѣсь офицеры, желавшіе вернуться въ Россію, росписывались на листѣ, съ заголовкомъ, гдѣ давалось обѣщаніе не принимать участія въ текущей войнѣ, и здѣсь же японскіе жандармы осматривали вещи офицеровъ. (Телеграмму Государя съ разрѣшеніемъ желающимъ офицерамъ вернуться въ Россію намъ показывали въ то же утро).

Около 12 часовъ пріѣхалъ комендантъ крѣпости, генералъ Смирновъ, и простился съ нижними чинами.

Японцы въ этотъ день всѣхъ не успѣли принять.

Но, такъ какъ они раньше приказали нижнимъ чинамъ имѣть съ собой запасъ на одинъ день, то солдатамъ пришлось весь день голодать, и пищу съ трудомъ удалось выхлопотать къ 9 час. вечера.

Намъ пришлось для ночевки вернуться въ свою квартиру. Но увы, она была уже разграблена, и кѣмъ же, нашими. И ночевать въ ней нельзя было.

Нашъ боевой товарищъ, Софія Алексѣевна, дала пріютъ въ своей комнатѣ и мы втроемъ кое-какъ провели ночь.

Дамамъ всѣмъ приказано было остаться пока въ Артурѣ, мужья уѣзжали не зная, что будетъ съ женами.

Слѣдующій день весь тоже простояли на мѣстѣ, ожидая своей очереди; но на эту ночь въ городъ никого уже не пустили,—пришлось ночевать тутъ же на полѣ.

Часамъ къ четыремъ, 24-го, насъ приняли въ плѣнъ и подъ конвоемъ повели въ заброшенную деревню подъ Ляотешаномъ. Переночевали здѣсь. На ночь выдали уголь и цыновки для подстилки.

Утромъ японскій маіоръ принесъ 3 бутылки виски и поздравилъ насъ съ праздникомъ.

Да, съ праздникомъ Рождества... Горькая иронія судьбы.

Насъ потащили дальше. Кто шелъ пѣшкомъ, кто верхомъ.

По дорогѣ при проходѣ черезъ деревни, занятыя японскими войсками, солдаты японцы выскакивали и со смѣхомъ и шутками разглядывали насъ, болтая что-то по своему.

Китайцы предлагали купить яйца, пиво, мясо, хлѣбъ и прочее. Намъ какъ-то странно было слышать, что за яйцо берутъ пять копѣекъ, а не 2 рубля, бутылка пива 15 коп., а не 1 рубль и т. д.

У всѣхъ японцевъ на лицахъ было написано торжество и горделивая радость. Каждымъ жестомъ, взглядомъ, словомъ они давали понять, что они побѣдители, а мы... побѣжденные, сдавшіеся... на милость побѣдителя.

Какое было наше настроеніе—предоставляю судить читателю: у меня не хватаетъ нервовъ снова пережить въ умѣ это тяжелое время, и словъ, чтобы передать и описать то душевное состояніе...

Въ этотъ день сдѣлали переходъ верстъ 25 и къ вечеру были у станціи желѣзной дороги. Ночь пришлось провести опять на дворѣ, но въ палаткахъ.

Слѣдующій день, т.-е., 26 декабря, провели здѣсь, только къ ночи перебрались въ баракъ, гдѣ раньше жили японскіе офицеры, прибывавшіе съ войсками изъ Японіи.

Здѣсь въ баракѣ было лучше; во-первыхъ, было тепло, во-вторыхъ, были матрацы, набитые сѣномъ. Предыдущія ночи пришлось лежать на мерзлой землѣ и много народу заболѣло.

Не надо забывать, что на дворѣ была зима и что офицеры, желая спасти свою обмундировку, одѣлись во все новое и скинувъ полушубки надѣли драповыя пальто, спать на землѣ на морозѣ въ драповомъ пальто, удовольствіе изъ среднихъ.

Къ полудню 27-го насъ посадили на платформы и отправили въ Дальній, куда мы пріѣхали около 6 часовъ вечера. (Между Петербургомъ и Артуромъ 6 часовъ съ лишнимъ разницы).

Послѣ того, какъ насъ высадили и отдѣлили отъ нижнихъ чиновъ, вещи наложили на повозки, поставили часового, — насъ повели въ карантинъ, гдѣ врачи смотрѣли намъ десны и опрашивали, не больны ли. Изъ карантина насъ выстроили попарно и повели черезъ весь городъ въ недоконченное зданіе женской гимназіи. Стало совсѣмъ темно. Часовъ въ 8 дошли до мѣста. Здѣсь у входа стоялъ столъ и переводчикъ, еле разумѣющій русскій языкъ, сталъ что-то рыться въ своей книжкѣ и, коверкая фамиліи до неузнаваемости, выкликалъ офицеровъ. У него въ книжкѣ были сдѣланы замѣтки, и офицеровъ, возвращающихся въ Россію, снабжали красными и зелеными лоскутками матеріи для перевязыванія лѣваго рукава.

Фамилію одного офицера перепутали такъ, что никакъ не могли разобраться—что за фамилія и изъ-за этого продержали цѣлыхъ полтора часа. Мы всѣ устали, измучились, извелись страшно. Наконецъ, ввели въ домъ и указали комнату. Въ ней уже помѣщались человѣкъ 12 стрѣлковыхъ офицеровъ, прибывшихъ раньше насъ.

Полъ былъ устланъ грязными цыновками, тамъ и сямъ валялись не менѣе грязные соломенные тюфяки, но зато было тепло! Какъ мы жаждали въ дорогѣ этого тепла!

Вскорѣ прибыли наши деньщики съ вещами и заварили чай.

Офицеры стрѣлки радушно насъ угостили, кто молокомъ (консервированнымъ), кто ромомъ, кто галетами.

Японцы еще разъ пришли и сдѣлали перекличку вновь прибывшимъ.

Въ этой комнатѣ насъ всего было 21 человѣкъ; лежали всѣ вплотную другъ къ другу. Лишь въ серединѣ комнаты противъ двери было небольшое свободное пространство, гдѣ стоялъ столъ и 4 табуретки. На столѣ горѣла свѣча, тускло освѣщая неоштукатуренныя кирпичныя стѣны и висѣвшія въ углу «правила для плѣна», правила изданныя японскимъ бюро, какъ должны себя вести плѣнные. Боже, какой это былъ варварскій русскій языкъ и какіе драконовскіе законы! Къ

сожалѣнію у меня не сохранилось копіи этихъ правилъ. (Въ Нагасаки въ таможнѣ отняли).

Напившись чаю и закусивши сухими галетами, разобрали каждый себѣ по тюфяку и легли спать, благословляя судьбу, что, наконецъ, попали въ теплое мѣсто.

На слѣдующій день утромъ пришелъ японецъ переводчикъ съ какимъ-то еще чиновникомъ и объявилъ, что кто желаетъ вернуться въ Россію, то еще не поздно, можно дать подписку въ конторѣ (въ сосѣднемъ зданіи).

Вообще японцы всѣми силами старались убѣдить офицеровъ, что въ плѣну жизнь будетъ очень тяжелая, лишенная всякихъ удобствъ. Они никакъ не ожидали, что такая масса офицеровъ пойдетъ въ добровольный плѣнъ. Въ первый моментъ они были совсѣмъ ошеломлены и съ сильной жестикуляціей горячо что-то по своему говорили, когда въ Артурѣ передъ палатками, гдѣ возсѣдала коммиссія по пріему въ плѣнъ, цѣлая группа офицеровъ артиллеристовъ, человѣкъ въ 80, отказалась вернуться въ Россію.

Послѣ ухода переводчика, пришелъ къ намъ чиновникъ, приставленный къ нашему зданію, и, освѣдомившись, сколько насъ офицеровъ, сказалъ, что намъ пришлютъ пищу.

Вскорѣ японскіе солдаты притащили громадные куски сырой говядины, навалили по серединѣ комнаты. Сюда же были принесены банки съ маргариномъ, галетами и нѣсколько бѣлаго хлѣба.

Явился снова тотъ же чиновникъ и кое какъ объяснилъ на ломанномъ русскомъ языкѣ, что все это для насъ и сталъ дѣлить. Въ среднемъ на каждаго офицера выходило около 10 ф. сырой говядины, ½ банки маргарину, бѣлаго хлѣба около 1 ф. и галетъ.

И никакихъ приспособленій для варки пищи.

Деньщики наши сейчасъ же устроились. Жестяные ящики изъ подъ галетъ превратились въ кастрюли и сковороды, и часа черезъ два поспѣлъ обѣдъ.

Внизу были японская и китайская маркитантскія лавки, гдѣ все было, отъ спичекъ и пива и до шоколадныхъ конфетъ и шампанскаго включительно.

Въ корридорѣ, гдѣ помѣщались деньщики и гдѣ приготовлялась пища на переносныхъ японскихъ очагахъ, было помѣщеніе и цейхгаузъ этого питающаго насъ чиновника.

Если что нужно было, то обращались къ нему, и онъ охотно доставлялъ изъ города, напр. куръ, яйца, русскую водку—и пр. Но, конечно, пользуясь случаемъ, цѣны ставилъ довольно высокія. Однако, послѣ Артурскихъ цѣнъ, никакія въ мірѣ цѣны насъ не могли удивить.

Внизу въ подъѣздѣ день и ночь стоялъ караулъ. Оба зданія, гдѣ помѣщались офицеры, и площадь, гдѣ въ палаткахъ стояли нижніе

чины, оцѣплены были карауломъ. Въ городъ никому не разрѣшалось. Днемъ можно было выходить гулять передъ домомъ по улицѣ—или у палатокъ нижнихъ чиновъ. А ночью ни въ коемъ случаѣ.

Дни стояли ясные, и мы, съ наслажденіемъ выйдя изъ душнаго и смраднаго помѣщенія, ходили взадъ и впередъ передъ домомъ.

Впереди насъ открывался пространный видъ на городъ, бухту и окружающія горы.

Въ гавани чернѣлъ цѣлый лѣсъ мачтъ. Это были коммерческіе пароходы, доставлявшіе изъ Японіи все необходимое для арміи, не только оперировавшей противъ Артура, но и находившейся въ Манчжуріи.

Доставка войскъ и всего прочаго изъ Дальняго къ Ляояну была имъ удобнѣе, чѣмъ черезъ порты Кореи. Въ Дальнемъ и близъ лежащихъ станціяхъ желѣзной дороги были колоссальные склады всякихъ запасовъ, начиная съ одежды и пищи, кончая даже дровами и углемъ: за японской арміей возятъ дрова и уголь. Колотые $^3/_4$ арш. длиной полѣнья, сложенныя аккуратно, перевязаны въ вязанки около 30 ф. вѣсомъ, а уголь, прекрасный древесный уголь, возится въ двухъ, другъ въ друга положенныхъ, чудной работы циновочныхъ мѣшкахъ. Мѣшокъ закрывается лавровыми, тщательно сплетенными въ родѣ вѣнка покрышками и сверху скрѣпляется бечевками. Цѣлыя горы всякихъ запасовъ скрывали отъ нашихъ взоровъ и городъ, и дома.

Какими жалкими и смѣшными казались мы намъ самимъ съ нашими мизерными запасами въ Артурѣ.

Какъ насъ дурачили японцы, подсылая къ намъ въ послѣднее время перебѣжчиковъ, которые увѣряли насъ, что въ Японской арміи голодъ, что у нихъ солдаты ходятъ не ѣвши по три дня, и что ихъ передъ Артуромъ осталось только 15 тысячъ. А мы то имъ вѣрили! Какъ мы вѣрили тѣмъ письмамъ, которыя, по приказанію начальства, японскіе солдаты и офицеры писали и клали себѣ въ карманъ, въ разсчетѣ на то, что когда они будутъ убиты, эти письма попадутъ къ намъ въ руки, и, прочтя ихъ, мы будемъ введены въ заблужденіе. Имѣя всегда своихъ переодѣтыхъ въ Артурѣ шпіоновъ и будучи прекрасно освѣдомлены о положеніи дѣлъ у насъ, они разными хитростями старались обмануть нашу бдительность и баснями о малочисленности своей и изнуренности заставить насъ быть безпечными (отличительная черта нашего брата) или предпринять какой либо невѣрный шагъ въ родѣ общаго наступленія изъ крѣпости на нихъ.

А то, что доносили намъ наши шпіоны китайцы, которымъ платили большія деньги? Какъ все это далеко было отъ истины! И откуда брались сообщаемыя и въ нашихъ газетахъ извѣстія, что у Японіи средствъ нѣтъ вести войну, что японцы въ іюнѣ же запросятъ мира?..

Горько и обидно было вспоминать все, что говорилось и писалось про Японію и японцевъ въ русскихъ газетахъ. Сколько было хвастовства, лжи и обмана.

Какъ заблуждались наши военные, считая японскую армію въ 392,000 въ военное время *). Когда только передъ Артуромъ, по словамъ японскаго офицера (очень развитой образованный офицеръ генеральнаго штаба) у нихъ было 200 тысячъ, изъ которыхъ 130 т. погибло, и ко дню сдачи было 72 тысячи.

Много, много подобныхъ горькихъ думъ и душу смущающихъ сомнѣній и догадокъ приходило въ голову, глядя на эти гигантскія пирамиды всякой всячины, на дымящіяся трубы заводовъ и мастерскихъ **) и на огромные выгружающіеся пароходы и вспоминая все, что писалось и говорилось раньше.

Въ общемъ ревѣ самомнѣнія, хвастливости, дерзостной самонадѣянности и глупости, вспоминались единичные робкіе предостерегающіе голоса немногихъ разсудительныхъ и честныхъ людей...

На третій день нашего пребыванія въ Дальнемъ къ намъ вошелъ японскій чиновникъ (кажется, интендантскій) и, сдѣлавъ умильную физіономію, объявилъ, что пріѣхали дамы. Офицеры, жены которыхъ остались въ Артурѣ, повскакали съ мѣстъ и засыпали чиновника вопросами, когда пріѣхали, всѣ ли, не осталось ли въ Артурѣ еще женщинъ, гдѣ помѣстили, когда повезутъ, можно ли видѣть и проч.

Несчастный японецъ еле успѣвалъ отвѣчать; многаго онъ не понималъ и отвѣчалъ не впопадъ, вызывая сильное негодованіе разнервничавшихся офицеровъ, бранившихъ японца за плохое знаніе русскаго языка.

Въ этотъ день нѣсколько офицеровъ были подъ конвоемъ отведены къ женамъ на свиданіе и черезъ часъ приведены назадъ.

На слѣдующій день комендантъ г. Дальняго запретилъ свиданія, чѣмъ, конечно, вызвалъ сильное негодованье, которому, однако, нельзя было давать волю, въ виду условій, въ которыхъ мы находились.

Черезъ день тотъ же японскій чиновникъ, объявилъ намъ, что дамы уѣхали, прибавивъ, что дамамъ здѣсь было очень хорошо, но въ Нагасаки еще лучше будетъ.

Чиновникъ этотъ любилъ очень пиво и все свободное время проводилъ у насъ въ компаніи, болтая съ нами и обучаясь русскому языку. Но вскорѣ за что то его смѣнили, и на смѣну ему явился другой, чрезвычайно грубый и непріятный.

Во всемъ мы стали терпѣть недостатокъ, мяса не стали давать, а консервы, вскорѣ прекратили и эти выдачи, а давали протухшую солонину и галеты. Упомянутый японскій чиновникъ не разрѣшилъ покупать провизію черезъ контору, напитки тоже запретилъ, кричалъ

*) Военный календарь 1905 годъ стр. 16.

**) Дальній очистили внезапно, такъ что во многихъ мастерскихъ даже ручные инструменты осталися, когда Японцы заняли городъ.

на насъ, что въ комнатѣ грязно и, наконецъ, сталъ приставать къ офицеру, у котораго была породистая собака, съ явнымъ намѣреньемъ ее отнять. (Въ капитуляціи было сказано, что частное имущество неприкосновенно, но въ позднѣйшихъ правилахъ, японцы объявили, что никто не имѣетъ права собакъ увозить, онѣ должны перейти въ собственность японцевъ, и комендантъ Дальняго охотно бралъ въ даръ собакъ и въ благодарность приказывалъ дарителей отправлять въ Нагасаки на первомъ же пароходѣ).

На 8-ой день нашего пребыванія въ Дальнемъ, утромъ явился какой то мрачный переводчикъ, такой же дерзкій и вызывающій, какъ нашъ чиновникъ, прочиталъ фамиліи нѣкоторыхъ офицеровъ, снабдилъ ихъ билетиками и прибавилъ, что они завтра будутъ отправлены въ Японію.

Остальные офицеры обратились къ нему съ вопросомъ, а скоро ли ихъ отправятъ, но отвѣта не получили (въ Дальній прибыли всѣ вмѣстѣ, а нашъ прежній хорошій чиновникъ говорилъ, что изъ Дальняго будутъ отправлять по очереди прибытія).

На слѣдующій день, на улицѣ передъ домомъ, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга были поставлены столбы съ надписями названій пароходовъ, и офицеры со своими денщиками и вещами должны были стать у того столба, на которомъ была надпись, сходная съ надписью билета, выданнаго вчера.

Когда всѣ собрались, въ десять часовъ, явились китайскія подводы, нагрузили вещи и, въ сопровожденіи конвоя и переводчиковъ отправились на пристань. Каждый переводчикъ велъ свою партію къ извѣстному пароходу и сдавалъ по спискамъ и офицеровъ, и денщиковъ капитану парохода, который и размѣщалъ штабъ-офицеровъ въ I-мъ классѣ, оберъ-офицеровъ, если было мѣсто, тоже тамъ, а если нѣтъ, то во второмъ, а то и трюмѣ.

Прошло еще два дня, а насъ еще не отправляли. Между тѣмъ какимъ то образомъ поѣхали люди, пріѣхавшіе позже насъ. Это было несправедливо. Среди офицеровъ ходили слухи, что надо давать взятку, какъ говорили, наши интенданты такъ и сдѣлали. Дѣйствительно, какимъ то чудомъ они, пріѣхавъ ночью, утромъ же уѣхали (даже въ плѣну интенданты умѣли устраиваться).

Дальнѣйшее наше пребываніе стало сплошь какимъ то мученіемъ. Нашъ церберъ, несносный японскій чиновникъ, старался всякими мелочами намъ досадить и показать, что онъ начальство.

Наконецъ, судьба сжалилась надъ нами, и черезъ три дня вечеромъ снова появился тотъ грубый переводчикъ и роздалъ билетики. Четыре офицера 27-го стр. п., дѣлопроизводитель того же полка и я попали на пароходъ «Сейтонумару». 4 января, въ 12 ч. дня, отдавъ кормовой и носовой концы въ Дальнемъ, взяли курсъ на Нагасаки.

IV.

Жизнь въ Нагасаки.

Признаться, я сильно боялся, что намъ до Нагасаки не доѣхать. Вѣдь все Желтое море кишитъ минами, носимыми волнами изъ конца въ конецъ. Но пароходъ прошелъ благополучно.

На пароходѣ съ нами обращались очень вѣжливо, и старшій механикъ, говорившій сносно по англійски, часто заходилъ въ каютъ-кампанію поболтать съ нами.

Онъ намъ разсказалъ, какъ японцы были удивлены и обрадованы, узнавъ о желаніи нашего начальства сдать крѣпость.

Тогда онъ былъ въ Дальнемъ.

Офицеры, солдаты, чиновники бросались другъ къ другу на шею, цѣловались, поздравляли съ побѣдой.

Въ Японіи всюду были устроены грандіозныя торжества, весь народъ ликовалъ.

— А что у васъ думаютъ о насъ? — спросили мы его.

— Японцы всѣ весьма уважаютъ ваше мужество... вѣдь наши всегда знали, что у васъ дѣлалось въ крѣпости. И когда былъ убитъ генералъ Кондратенко, тоже скоро узнали. Вотъ тогда стали думать, что, можетъ быть, скоро возьмемъ крѣпость. Вашъ генералъ былъ очень умный и храбрый человѣкъ. Онъ былъ голова Артура,—отвѣчалъ онъ, тыкая пальцемъ въ свою коротко остриженную голову.

Первыя двое сутокъ перехода была порядочная качка и туманъ, пока не приблизились къ южнымъ берегамъ Кореи, здѣсь стало легче. Пароходъ нашъ былъ старый, маленькій и въ часъ болѣе 9 узловъ не дѣлалъ. Мы проходили очень близко отъ берега. Послѣ почти цѣлаго года пребыванія въ голомъ Артурѣ, гдѣ нѣтъ никакой растительности, кромѣ огородовъ, глазъ наслаждался красотой покрытыхъ вѣчнозеленымъ лѣсомъ горъ Кореи. Природа ежеминутно попадавшихся островковъ съ парохода казалась такой же, что и на материкѣ.

Глядя на эти зеленыя деревья, красиво нависшія темнокоричневыя скалы, цѣлыя стаи кружащихся чаекъ, изящные маленькіе домики на вершинѣ миніатюрныхъ горъ съ чудной изумрудной зеленью, какъ то на душѣ становилось легче, и зарождалась надежда снова увидать домъ, родину, родныхъ и зажить нормальной жизнью...

6 января, въ 11 ч. утра, мы приближались къ Нагасаки; оставалось 2—3 мили. Слѣва тянутся гористые берега съ прелестными видами; всюду зелень, темнаго цвѣта, какъ у насъ мохъ; горы кажутся сдѣланными искусственно, если бы не довольно порядочная высота. Природа дивная... Ни Кавказъ, ни Крымъ, ни Швейцарія не могутъ дать

представленія о ней... Погода чудная, тепло (около 10°). Море спокойно, но небо покрыто тучами. Вотъ уже открывается входъ въ Нагасакскій заливъ. Въ бухту идетъ какой то катеръ; онъ пошелъ прямо на маякъ, а на нѣкоторомъ разстояніи до отдѣльно стоящаго утеса круто поворачиваетъ направо и, пройдя ½ версты, входитъ въ бухту. Насъ всѣхъ съ палубы гонятъ въ каютъ-кампанію и предлагаютъ завтракъ (хотя еще не время), должно быть, чтобы мы не видѣли входа на рейдъ. Я ухитряюсь не итти въ каюту. Спрятавшись за кормовой покрышкой, наблюдаю: на 1 милю отъ входа, влѣво отъ насъ, стоитъ на якорѣ небольшой пароходъ съ военнымъ флагомъ, должно быть, брандъ-вахта.

Такъ и есть: они начинаютъ семафорить нашему судну; наше отвѣчаетъ и даетъ малый ходъ: они семафорятъ, мы отвѣчаемъ. Остановка... Опять малый ходъ впередъ... Стопъ... Наши, видимо, что-то не понимаютъ требованій брандвахты; вахтенные тамъ сильно заволновались, бѣгаютъ, руками размахиваютъ (я боюсь, какъ бы не наѣхали на мины; мнѣ въ Дальнемъ говорилъ японскій капитанъ генеральнаго штаба, что входъ въ Нагасакскій рейдъ минированъ). Вотъ съ брандвахты что-то кричитъ въ рупоръ. И, о ужасъ, насъ незамѣтно отнесло теченіемъ уже за линію загражденія; вахтенные что-то орутъ въ изступленіи и машутъ руками направо. Наша машина даетъ полный ходъ назадъ... Съ брандвахта, наконецъ, перестаютъ кричать. Мы поворачиваемъ направо, проходимъ ½ мили и останавливаемся. Къ намъ подходятъ два чистенькихъ бѣленькихъ катера. На одномъ жандармскій офицеръ и 2 н. чина, на другомъ 3 штатскихъ. Съ нашего парохода, съ праваго борта, спускаютъ трапъ, а насъ приглашаютъ въ каютъ-кампанію. Въ каютъ-кампаніи одинъ изъ штатскихъ раздаетъ намъ печатные листки съ графами такъ же, какъ въ Артурѣ, и проситъ заполнить бланкъ. Здѣсь есть еще одна графа «присяженъ или нѣтъ и гдѣ», т.-е. давалъ ли подписку или нѣтъ, и надо сюда же вписать и вѣстового. Всѣ листки уже записаны. Жандармъ отбираетъ листки, послѣ провѣрки штатскимъ чиновникомъ написаннаго. Намъ предлагаютъ сойти на бѣленькій катеръ.

Мы приближаемся къ правому берегу, видны какія то бѣленькія деревянныя зданія. Вотъ и пристань. Чистота поразительная. Сходимъ на берегъ. Стоятъ двое жандармовъ и трое какихъ то служащихъ въ морскихъ фуражкахъ, съ позументами на околышкѣ. Видны ворота и заборъ. Намъ предлагаютъ войти въ ограду. Говоритъ одинъ господинъ съ двумя позументами на околышѣ по англійски, довольно сносно. У воротъ лежитъ цыновка для вытиранія ногъ, какъ у насъ бываетъ у дверей прихожей. Насъ вводятъ въ одноэтажное чистенькое, выкрашенное въ бѣлую краску, зданіе. Оказывается это таможня и карантинъ. Изъ опасенія, что мы можемъ занести въ страну болѣзнь,

насъ должны дезинфецировать. Въ первой комнатѣ одинъ изъ чиновниковъ весьма вѣжливо по англійски предлагаетъ по очереди каждому вынуть изъ кармановъ все и положить въ бѣлые холщевые мѣшочки. Каждый мѣшочекъ онъ завязываетъ, а на ниточку навѣшиваетъ металлическій никеллированный кружокъ. На палецъ каждому надѣваетъ кольцо съ выбитымъ на немъ тѣмъ же номеромъ, что и на кружкѣ, и даетъ еще два кольца для одежды. Насъ вводятъ въ длинный корридоръ со множествомъ дверей и приглашаютъ каждаго войти въ одну дверь. Вхожу. Крошечная комнатка. Стоитъ кресло, передъ нимъ коврикъ, у стѣны направо полка съ двумя корзинами. Прислуга въ бѣлой одеждѣ предлагаетъ раздѣться, я раздѣваюсь. Онъ бережно складываетъ мою одежду въ корзину, навязываетъ мой номеръ, а кольцо опять проситъ надѣть на палецъ (на пальцѣ два кольца: одно отъ мѣшочка съ карманными вещами, другое отъ корзины съ одеждой). Вхожу въ слѣдующую комнату: ванная. Чистая мѣдная ванна, съ горячей водой. Слышится запахъ карболки. На низенькомъ столикѣ свѣжій кусокъ дезинфекціоннаго мыла, свѣжая пальмовая мочалка и 3 полотенца, два маленькихъ и одно огромное. Ванна, съ пріятной, ласкающей и нѣжащей тѣло, теплой водой, заставляетъ забыть всѣ перенесенные ужасы, страданія, униженіе и навѣваетъ радостныя мечты о будущей жизни.

Переодѣвшись, мы снова вышли въ залъ. Черезъ минутъ двадцать, когда всѣ были готовы, насъ снова посадили на катеръ и повезли по гавани на самый край города въ кварталъ Инаса. Не буду останавливаться на описаніи красоты расположенія города—я не художникъ и не поэтъ, но скажу только, что хотя мнѣ приходилось много путешествовать въ разныхъ странахъ свѣта, — но такой красоты, гармоничнаго сочетанія красокъ, изобилія зелени и удивительно лазурной воды, — я нигдѣ не видалъ.

Пріѣхавъ на пристань Хирадогойя, мы сошли съ катера и насъ повели въ храмъ. Въ оградѣ, подъ старыми вѣковыми деревьями, былъ сервированъ чай, фрукты, и стояли коробки съ русскими папиросами.

Насъ встрѣтили какіе то господа въ цилиндрахъ, нѣкоторые во фракахъ, нѣкоторые въ черныхъ сюртукахъ и со знакомъ изъ ленточекъ въ петлицахъ (какъ у насъ распорядители на благотворительныхъ вечерахъ).

Тутъ же были и наши артурскія дамы, съ нетерпѣніемъ ожидавшія пріѣзда своихъ мужей. Дамы были всѣ въ изящныхъ нарядахъ. Увидавъ насъ, онѣ набросились съ разспросами про своихъ мужей. Удовлетворивъ любопытство дамъ, какъ могли, мы стали разузнавать, что насъ ожидаетъ? Наши дамы сообщили, что насъ сейчасъ же размѣстятъ по частнымъ квартирамъ, и объяснили, что господа въ цилиндрахъ это домохозяева, у которыхъ мы будемъ

жить. И тутъ же стали разсказывать намъ о Нагасаки, о магазинахъ, блузахъ, кофточкахъ, юбкахъ, шелковыхъ одѣялахъ, и т. п. наперерывъ, захлебываясь, превознося здѣшнюю дешевизну; мои знакомыя барыни рекомендовали мнѣ шелковые капоты, бѣлье и пр. совершенно забывая, что я не женщина и не женатъ даже.

Словомъ, по блестящимъ глазкамъ, оживленному лицу и веселому смѣху, можно было заключить, что, несмотря на легкую тоску по своимъ благовѣрнымъ, еще не пріѣхавшимъ сюда, барыни наши чувствовали себя прекрасно.

Побесѣдовавъ съ дамами, отвѣдавъ какого-то прелестнаго воздушнаго японскаго печенія и напившись чаю (чай былъ довольно скверный, но подававшая японка была очаровательна), мы поднялись. Подошедшій переводчикъ имѣлъ въ рукахъ какой-то списокъ, и сидѣвшій у входа въ ограду за столикомъ чиновникъ сталъ записывать противъ фамиліи каждаго домохозяина одного, двухъ или трехъ нашихъ офицеровъ (смотря по помѣщенію).

Насъ двоихъ офицеровъ взялъ къ себѣ банковый чиновникъ г. Морооко-Токузо. Оказалось, что онъ же былъ подрядчикомъ угля на нашу эскадру, когда она зимовала въ былыя времена въ Нагасаки.

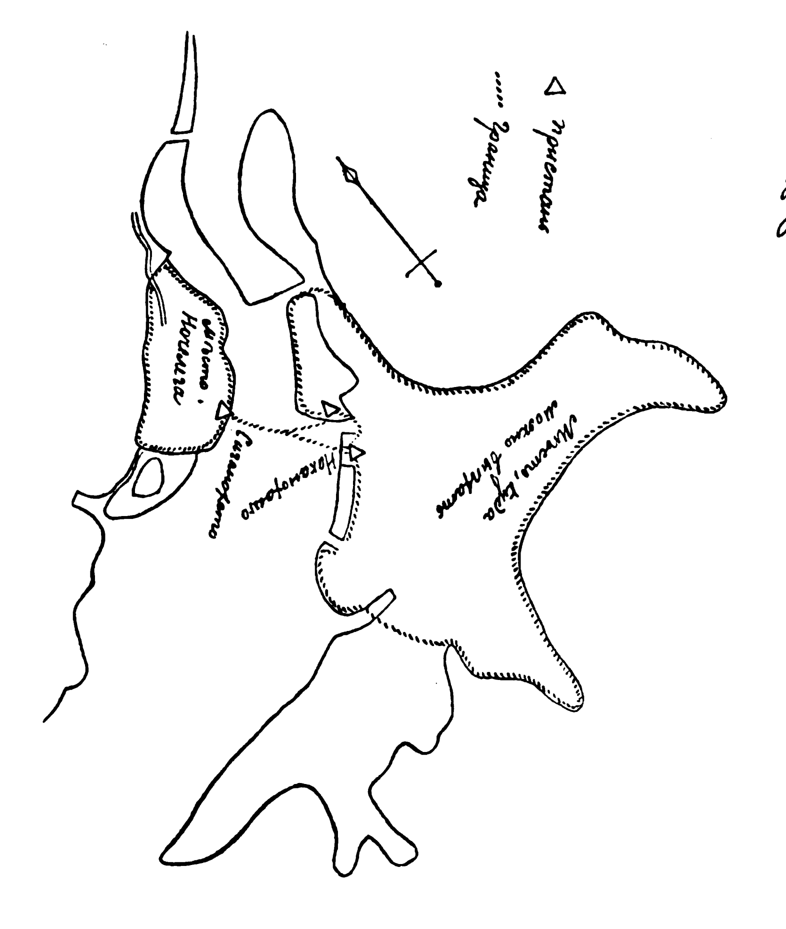
Намъ онъ отвелъ двѣ комнаты во второмъ этажѣ своего дома. Въ одной помѣщались мы, въ другой наши денщики.

Морооко-Токузо принесъ намъ бумажку съ обозначеніемъ границъ кварталовъ, гдѣ мы могли ходить и гдѣ нѣтъ, и затѣмъ объяснилъ намъ, что чай утренній или кофе съ легкимъ завтракомъ мы будемъ имѣть дома, а завтракать въ 1 ч. дня и обѣдать въ 6 ч. вечера надо ходить въ столовую, которая была тутъ же черезъ два дома.

Приводимъ здѣсь и facsimile (въ уменьшенномъ размѣрѣ) самаго документа, свидѣтельствующаго о томъ, какъ японцы довѣряютъ сознательному отношенію каждаго лица ко всякому принимаемому на себя обязательству. И въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть уважительнаго отношенія къ личности, хотя бы даже къ плѣннику, котораго заранѣе предупреждаютъ о томъ, что ему дозволяется, что — нѣтъ, а затѣмъ уже на его собственной отвѣтственности исполненіе указанныхъ требованій. На одной сторонѣ полулиста изображенъ тамъ городъ Нагасаки. Рядомъ стоитъ текстъ, четко и вполнѣ каллиграфично воспроизведенный литографскимъ способомъ, съ немногими лишь погрѣшностями въ орѳографіи.

Прочитавъ бумажку, сдѣлавъ необходимые разспросы, мы разбрелись. Я отправился обозрѣвать улицы и магазины нашего квартала Инаса, гдѣ мы были совершенно свободными гражданами.

Узенькія улицы вымощены камнемъ. Часто попадаются ступеньки. Иногда цѣлая улица — это сплошная нескончаемая лѣстница

Увѣдомляю, что съ цѣлью поддержать порядокъ военнаго положенія и для охраны вѣръ чиновъ установлено слѣдующее:

1, Мѣсто ночлега — Инаса.

2, За границу ночлежнаго мѣста можно выходить свободно, но только въ округахъ, означенныхъ на планѣ.

3, Выѣзжающему и возвращающемуся слѣдуетъ сѣсть на шлюбку только на пристаняхъ, указанныхъ на планѣ.

4, Время выѣзда и пріѣзда съ 9 ч. утра до 4 ч. вечера.

5, Во время выѣзда для охраны вѣръ чиновъ можетъ быть поставленъ полицейскій чиновникъ.

6, Письменное сообщеніе позволяется за исключеніемъ шифрованныхъ.

10 янв. 1905 г. Губернаторъ Аракова Ёситаро.

со ступеньками тщательно обтесаннаго камня. Дома маленькіе, двухэтажные, всюду зелень, зелень и зелень.

На каждомъ шагу попадались разносчицы съ мандаринами, яблоками и какимъ то другимъ мѣстнымъ фруктомъ. Привѣтливо улыбаясь, они кивали намъ головой и говорили: «Аната (Вы, господинъ), покупай». «Покупай, Аната, хороши».

Цѣлая корзина въ 30 прекрасныхъ сладкихъ мандаринъ стоила 15 копѣекъ. (Въ январѣ въ Нагасаки зрѣютъ мандарины).

Весь кварталъ Инаса представлялъ собой нѣчто въ родѣ нижегородской ярмарки. И чего чего тутъ не было. Подъ на скоро сколоченными изъ досокъ навѣсами продавали все,—начиная съ носковъ и кончая дорогими издѣліями изъ слоновой кости, черепахи и серебра.

На ряду съ чемоданами, ботинками и дорожными сумками были выставлены дивныя шелковыя вышивки, ширмы, одѣяла, прекрасныя эмалевыя вазы, кувшинчики и лакированныя издѣлія.

Офицеры, чиновники, солдаты, матросы, дамы, японцы, японки, приказчики, разносчики все это перемѣшалось. Покупали, продавали, добродушно смѣялись, похлопывали другъ друга по плечу, болтали, ссорились. Ничто не нарушало мирной картины торговаго города.

Ничто не напоминало о той бѣшеной ненависти и злобѣ, съ которыми этотъ здоровый красивый офицеръ бросался съ шашкой въ рукахъ на, быть можетъ, мужа или брата или какого-либо родственника той красивой японки, которой теперь онъ такъ прилежно дѣлаетъ глазки.

Куда дѣлась вражда? Отчего мы не чувствуемъ ненависти къ этимъ плутоватымъ косоглазымъ маленькимъ продавцамъ? Почему у насъ нѣтъ ни малѣйшей непріязни къ этимъ мило улыбающимися черноглазымъ японкамъ? Что думаютъ и чувствуютъ эти маленькіе босые въ деревянныхъ башмакахъ и забавныхъ халатахъ люди, такъ привѣтливо предлагающіе намъ свои товары. Вѣдь мы ихъ враги.

Ужасныя картины недавняго прошлаго въ памяти были еще свѣжи. И разумъ, привыкшій къ логичному мышленію, путался въ хаосѣ событій, сопоставляя встрѣчи съ этими желтолицыми людьми на позиціяхъ Артура и на улицахъ Нагасаки. Въ душѣ военнаго медленно выросталъ страшный, грозный вопросъ: зачѣмъ война?... Усвоенныя раньше понятія оказывались несостоятельными передъ лицомъ дѣйствительности... Старые устои рушились, а новыхъ еще не было...

Побродивши часа два, мы вернулись домой. M-mes П. и Р. стали выкладывать разныя шелковыя кофточки, платочки, салфетки и пр., хвалясь своими покупками и превознося до небесъ дешевизну.

Поболтали о разностяхъ разностяхъ, посплетничали, и время прошло незамѣтно до 5½ часовъ. Къ шести часамъ отправились въ столовую обѣдать.

Подъ столовую былъ отведенъ какой-то длинный, шаговъ въ 45 баракъ, во всю длину установленный двумя паралельными столами. Столы были сервированы совершенно по-европейски и прекрасно освѣщены. Послѣ Артурской голодовки и всѣхъ послѣдовавшихъ дрязгъ, обѣдъ многимъ изъ насъ показался лукулловскимъ пиромъ.

Выйдя изъ столовой, мы были удивлены, видя всюду на улицѣ электрическое освѣщеніе.

Весь Нагасаки былъ намъ виденъ (столовая на самомъ высокомъ мѣстѣ Инаса). За темной полосой отдѣлявшаго насъ залива, по ту сторону мы видѣли красивый лунный свѣтъ дуговыхъ фонарей и массу блестящихъ точекъ-лампъ, поднявшихся почти до вершинъ противулежащихъ горъ. Зрѣлище было весьма красивое.

Дамы объяснили намъ, что въ кварталѣ Инасѣ электричества не было, а провели уже при нихъ, для удобства русскихъ офицеровъ.

Попрощавшись съ дамами, мы отправились побродить еще по улицамъ.

Утренняя толпа нисколько не уменьшилась, только, кромѣ публики, можно было еще замѣтить полицейскихъ, изрѣдка попадавшихся со своими зажженными шаровидными бумажными фонарями. (Такіе же бумажные два огромные фонаря съ разрисованными на нихъ драконами освѣщали входъ въ столовую и объявленіе о времени обѣда и завтрака). Потолкавшись у лавокъ и купивши кое-что необходимое, я вернулся домой спать.

Дома хозяйка предложила чаю и стала приготовлять постель.

Она вынула изъ стѣны толстый матрацъ и, разостлавъ на полу, покрыла его бѣлоснѣжной простыней, затѣмъ, взявъ другую простыню, покрыла ею первую, а, наконецъ, вынувъ опять изъ стѣны второй такой же матрацъ, но только чуть тоньше и нѣсколько шире, постлала его сверху простынь и, положивъ подушку, отвернула вторую простыню и второй матрацъ и принеся пульверизаторъ съ какими-то чудными духами, надушила постель и, спросивши, когда утромъ подать чай или кофе, и какъ я люблю яйца: въ смятку или крутую, удалилась. Эта чистота японцевъ, вообще, особенно была намъ пріятна послѣ того, какъ мы провели почти годъ въ грязи, безъ малѣйшихъ признаковъ комфорта. Она представлялась въ рѣзкомъ контрастѣ съ невообразимой грязью и вонью китайскихъ жилищъ.

Чистота всей комнаты и постели удивила меня. Раздѣвшись, я съ наслажденіемъ влѣзъ подъ 20 фунтовое одѣяло и заснулъ, какъ убитый. Но проспать пришлось недолго. Ночью пошелъ дождь, и стало порядочно холодно; одѣяло—матрацъ никакъ нельзя было подвернуть подъ себя, оно было и слишкомъ узко и толсто. Пришлось встать и облачиться въ ватный халатъ хозяйки, тоже вечеромъ вынутый и положенный рядомъ для утренняго пользованія, и затѣмъ уже снова влѣзть подъ одѣяло.

Утромъ проснулся я часовъ въ 10. День былъ дивный. Надѣвъ халатъ и спустившись внизъ, всѣхъ засталъ уже на ногахъ, хозяинъ былъ давно на службѣ, а хозяйка со своей маленькой дочкой сидѣла у маленькаго низенькаго столика на крошечныхъ квадратныхъ тюфячкахъ на полу и, глядя на шипящій самоваръ, ожидала моего пробужденія.

Выйдя въ игрушечный садикъ, умывшись теплой водой (въ Японіи предпочитаютъ умываться теплой водой и, вообще, очень любятъ купаться) и одѣвшись, я пришелъ пить чай.

Тѣмъ временемъ пришелъ домой самъ хозяинъ. Онъ прекрасно говорилъ по русски, а жена съ грѣхомъ пополамъ.

Пока я пилъ чай и ѣлъ хорошо сваренныя свѣжія яйца, онъ мнѣ разсказалъ, что сынъ его, военный переводчикъ, раненный подъ Артуромъ, теперь лежитъ въ госпиталѣ гдѣ-то около Кіото, и говорилъ «Слава Богу, онъ поправляется, у меня онъ одинъ. Я старъ. Больше Богъ сыновей не далъ, вотъ только эта дѣвочка». (Онъ былъ буддистъ *)

На мой вопросъ, почему въ Японіи чай такой скверный, онъ объяснилъ, что ввозъ чаю и табаку въ Японію строго воспрещенъ, въ цѣляхъ поднятія отечественной культуры этихъ продуктовъ.

Напившись чаю, я попросилъ разрѣшить мнѣ осмотрѣть домъ.

Хозяинъ самъ меня повелъ показывать.

Нельзя себѣ представить зданіе болѣе легкое и воздушное, чѣмъ японскій домъ.

Большинство домовъ въ Японіи двухъэтажные, рѣдко трехъ: чайные дома, гостиницы, и пр. Главнымъ матеріаломъ для постройки служатъ дерево и бумага.

Въ японскомъ домѣ одна только стѣна каменная (глухая), остальныя деревянныя и бумажныя. Всѣ три стѣны раздвижныя (какъ дверцы шкафовъ въ магазинахъ. Раздвигаются въ бокъ). При желаніи въ 5 минутъ весь домъ превращается въ большую галлерею-балконъ. Днемъ, обыкновенно въ холодное время года, прозрачные щиты съ внутренней стороны комнаты задвинуты (щиты состоятъ изъ деревянной рамы со вставленными стеклами или оклеенныя прозрачной бумагой). Ночью же задвигаются еще досчатые щиты, ходящіе въ пазахъ по наружному краю стѣны. Полы деревянные, застланные хорошими цыновками. Мебели никакой, кромѣ весьма низенькихъ маленькихъ столиковъ, около которыхъ разбросаны крошечные тюфячки. Внутреннія стѣны дома собой представляютъ шкафы, гдѣ хранится постель, одежда и всякая всячина. Крыша черепичная или деревян-

---

*) Во время его разсказа жена его нѣсколько разъ тяжело вздохнула. Что чувствовала и думала эта бѣдная забитая раба; вѣдь я былъ врагъ, я былъ сынъ того народа, одинъ изъ членовъ котораго ранилъ ея сына. Какія чувства волновали ея материнское сердце?

*

ная. Гвоздей или винтовъ металлическихъ при постройкѣ не употребляютъ.

Мой хозяинъ разсказывалъ, что домъ свой, изъ 4 комнатъ и кухни, онъ построилъ въ 4 мѣсяца за 600 рублей.

Передъ каждымъ домомъ крошечный садикъ съ озерами, гротами, кустиками и цвѣтами.

Осмотрѣвъ домъ, мы съ хозяиномъ пошли въ полицейскій участокъ (и въ Японіи тоже есть участокъ!) и тамъ я заявилъ, что платить за столъ я не имѣю средствъ, и пусть платитъ французскій консулъ. Оттуда мы отправились осматривать самый городъ Нагасаки. У пристани Хирадогойя къ намъ присоединились еще человѣкъ пять офицеровъ. Здѣсь же какой то полисмэнъ записалъ наши фамиліи и, назначивъ двухъ городовыхъ намъ въ конвой, разрѣшилъ сѣсть на яликъ и отплыть на другую сторону залива.

Минутъ черезъ 10 мы были въ центрѣ японской части Нагасаки (въ европейскую часть насъ не пускали. Наши предшественники—русскіе напились и наскандалили. Англичане потребовали у властей запрещенія русскимъ бывать въ ихъ части города).

Тѣ же узенькія улицы, тѣ же переулки, но магазиновъ, лавокъ масса, вся улица сплошь состоитъ изъ магазиновъ.

Офицеры заходили, покупали что нужно. (Все это привозное,—все англійскіе и американскіе товары).

Публика на улицахъ относилась совершенно равнодушно. Никакой особенной непріязни, ни малѣйшаго любопытства (это, вѣроятно, объясняется частымъ пребываніемъ русскаго флота въ Нагасаки).

Когда проходили мимо какого-то училища, была рекреація, и человѣкъ 400 мальчиковъ играли во дворѣ. Увидавъ насъ, они съ крикомъ и визгомъ высыпали на улицу, но одного поднятія пальца городового было достаточно, чтобы вся эта орава стихла и, молча зойдя за ограду, оттуда черезъ рѣшетку таращила свои бойкіе глазенки на бѣлыхъ «варваровъ».

Кончивъ покупки, зашли смотрѣть торговопромышленный музей. Здѣсь были собраны образцы всѣхъ товаровъ, вывозимыхъ изъ Японіи. И чего чего тутъ не было... Изъ за зеркальныхъ стеколъ громадныхъ витринъ шкафовъ и столовъ видны были художественныя, баснословно дорогія издѣлія изъ черепахи, перламутра и слоновой кости.

Прекрасно одѣтыя, хорошенькія японки, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, показывали намъ образцы изумительныхъ шелковыхъ тканей. Артистически исполненныя издѣлія изъ бронзы занимали цѣлую стѣну.

Образцы фарфоровой посуды, фарфора, черезъ который читалась газета, фарфора, росписаннаго фигурами звѣрей и птицъ съ поразительно тонкимъ вкусомъ и художественностью, наполняли шкафы громаднаго зала.

Да, Японія можетъ похвалиться художественностью и чрезвычайной стильностью своихъ произведеній. Любая мелочь, какая либо деревянная кухонная ложка, и та отличается чистотой отдѣлки, пропорціей линій.

И этакую страну называли варварской, а людей обладающихъ такимъ громаднымъ количествомъ художественнаго вкуса, такой колоссальной энергіей и трудолюбіемъ, варварами!

Удивительно!

Въ этомъ музеѣ, музеѣ промышленности и торговли, а не археологическомъ, мы видѣли предметы, надъ которыми неизвѣстный мастеръ коптѣлъ цѣлые три, четыре года... Три года работать надъ какимъ-нибудь шкафомъ!!. Развѣ европейскіе мастера имѣютъ представленіе о такой усидчивости и такомъ терпѣніи? А какая работа! Двѣ одинаковыя вещицы, вышедшія изъ рукъ одного мастера, похожи до малѣйшей черточки, до малѣйшей точки. А вѣдь это ручная работа.

Живя въ Нагасаки, на каждомъ шагу приходилось убѣждаться, что все, что до сихъ поръ приходилось слышать и читать, не отвѣчало дѣйствительности. И если Японія не подходитъ къ шаблону европейской цивилизаціи, то все же это вполнѣ культурная страна, но культурная по своему.

Кончивъ обозрѣніе музея, мы отправились въ японскій ресторанъ, на улицѣ Хокаура-Мачи, обѣдать.

Ресторанъ былъ въ большомъ двухъэтажномъ домѣ, утопающемъ въ зелени, и назывался Чвайко-кутей.

Согласно объявленію, ресторанъ основанъ въ апрѣлѣ 1885 года и содержится японцемъ Кіу-дзиро-Харада (по русски «Николай»), прослужившимъ поваромъ на русскихъ военныхъ судахъ тринадцать лѣтъ.

Намъ на встрѣчу выбѣжали въ щеголеватыхъ кимоно кельнерши.

Весело улыбаясь своими миндалевидными глазками и кивая головками, съ дивными черными гладкими волосами, въ замысловатой прическѣ, онѣ, путая русскія, французскія и англійскія слова, привѣтствовали насъ.

Войдя въ просторный, устланный цыновками, но съ европейской обстановкой залъ, заказали обѣдъ.

Живо забѣгали японки, накрывая столъ. Черезъ минутъ 15, на столѣ стояли: сардины, гигантскіе лангусты, отличная ветчина и хорошій ростбифъ, и невиданной величины рѣдиска съ масломъ. (Это все была закуска).

Первая и вторая бутылки № 21 Петра Смирнова были быстро осушены. Но третью получить не удалось!.. Оказалось, что сопровождавшій насъ городовой, согласно свыше полученныхъ инструкцій, наблюдая нашу пользу, не разрѣшилъ подать намъ болѣе водки.

Пришлось довольствоваться пивомъ. Въ Японіи вина не выдѣлывается. Все привозное. Но есть артистическія по внѣшнему виду под-

дѣлки: и № 24 удѣльнаго, кахетинскаго Мукузань, а всякія шампанскія — Редереръ и пр. Но если откупорить и взять въ ротъ, то это такая мерзость, что не дай Богъ. Есть поддѣлка и Смирновки, но только при внимательномъ разсмотрѣніи этикетки, весьма сходной съ настоящей, можно опредѣлить: на ней, вмѣсто «у Чугуннаго моста въ Москвѣ», написано «у Чугуннаго моста въ Одессѣ».

Скоро подали и обѣдъ: отличный супъ жульенъ сопровождали роскошные слоеные пирожки. Вслѣдъ за рыбой (въ родѣ осетрины) появились почки въ сметанѣ, затѣмъ жареные цыплята съ гарниромъ, чудное пирожное, сыры и, наконецъ, мороженое, фрукты и кофе.

И все это съ водкой и пивомъ обошлось на человѣка около 2-хъ рублей съ чаевыми.

Послѣ обѣда всѣ мы вернулись домой въ Инасу.

Нѣсколько дней спустя, подобравъ компанію и захвативъ съ собой переводчика, мы снова отправились въ городъ, на этотъ разъ съ цѣлью посмотрѣть пресловутыхъ гейшъ.

Заказали обѣдъ въ ресторанѣ и пригласили гейшъ. Въ серединѣ обѣда явились 4 молоденькихъ японки; одной изъ нихъ на видъ было всего лѣтъ 16. Двѣ были довольно хорошенькія, и двѣ сильно накрашены.

Японки потребовали себѣ свои японскія кушанія.

Оказалось, что наши гейши были большія любительницы сладкаго. На столѣ появились омлетъ съ вареньемъ и еще что-то сладкое. Вина онѣ только немного пригубили. Когда обѣдъ былъ конченъ, гейши рѣшили сначала усладить нашъ слухъ, а затѣмъ и плѣнить намъ зрѣніе своими танцами. Выборъ программы всецѣло былъ предоставленъ имъ.

И вотъ начался концертъ.

Двѣ играли на трехъ-струнныхъ инструментахъ въ родѣ гитары, но съ особыми слоновой кости большими въ родѣ шпателя медіаторами. Другія двѣ на какихъ-то замысловатыхъ барабанахъ, при чемъ барабаны настраивались соотвѣтственнымъ натяженіемъ на различные тона и во время игры держали ихъ на плечѣ.

Игра сопровождалась пѣніемъ, прерываемымъ послѣ каждаго куплета. Сюжетомъ пѣсни, какъ объяснилъ переводчикъ, была война. Скорѣе всего, это была какая-либо старинная баллада, какъ можно было заключить изъ неясныхъ пространныхъ объясненій нашего чичеронэ.

Хорошо знакомый съ музыкой всѣхъ народовъ ближняго востока, я думалъ, что и тутъ встрѣчу нѣчто похожее. Но увы, нѣтъ. Кромѣ душу надрывающаго, кошачьяго воя на mi и si, ничего не удалось уловить, никакой мелодіи. Даже музыка арабовъ и турокъ, самая дикая и самая бѣдная звуками, была прекрасной классической музыкой въ сравненіи съ монотоннымъ, носовымъ завываніемъ японокъ. Усла-

дивъ насъ пѣніемъ, онѣ перешли къ танцамъ. Двѣ играли на гитарахъ и пѣли, двѣ танцовали. Онѣ сняли свои деревянные башмаки и остались въ бѣлыхъ, чертовой кожи, noскахъ.

Въ танцѣ фигурировали кастаньеты, разукрашенные лентами жезлы, вѣера особенные, зонтики и, наконецъ, маски (маски были смѣющіяся, горестныя и страшныя).

Танецъ начали тѣмъ, что, ставъ къ намъ спиной и лицомъ къ противостоящей стѣнѣ, онѣ опустились на колѣни и нагибаясь головой къ полу, что-то пѣли монотонно.

Затѣмъ вставъ, начали выдѣлывать разные па и тѣлодвиженія, изрѣдка притоптывая ногой.

Протанцовали танецъ печальный, танецъ воинственный и, наконецъ, веселый.

Всѣ они были очень сходны и такъ же, какъ и музыка, были весьма безцвѣтны и тусклы.

Невольно вспоминались персидскія танцовщицы въ Тегеранѣ... Полныя страсти, огня, нѣги, изящныя и граціозныя движенія персіанокъ производятъ чарующее впечатлѣніе. Не хочется оторвать глаза отъ роскошнаго зрѣлища дивнаго тѣлосложенія и умѣнія пользоваться всѣми своими красотами.

А тутъ—закутанная до пятъ въ кусокъ матеріи женщина, почти въ родѣ муміи, выдѣлывала какія-то угловатыя движенія, сопровождаемыя кошачьимъ пискомъ.

Насколько намъ было скучно, настолько наслаждался нашъ переводчикъ. Упившись слегка непривычными винами, онъ былъ на седьмомъ небѣ и такъ былъ веселъ и доволенъ, что расщедрился и далъ 10 енъ отъ себя танцовщицамъ.

Наконецъ, представленіе кончилось и, расплатившись, мы вышли изъ ресторана.

Шелъ отчаянный дождь. Взяли по рикшѣ *) и вернулись домой.

На слѣдующій день отправились смотрѣть японскій театръ, гдѣ представленіе идетъ съ 9 час. утра до 11 час. ночи.

Взявъ мѣста по 50 коп., сѣли въ 1-ый рядъ. Представленіе шло уже цѣлый часъ. Сюжетъ былъ изъ древней японской исторіи. Изображалась битва, возвращеніе на родину. Смута на родинѣ, борьба двухъ князей, гибель одного и воцареніе другого. Театръ походилъ на наши балаганы. У входа была выставлена громадная фигура въ страшной маскѣ, и сидѣла кассирша.

*) Въ Нагасаки нѣтъ извозчиковъ, а есть только рикши, — двуколесный экипажъ, который тащитъ человѣкъ. Экипажи всѣ на резинкахъ и однообразно лакированные въ черный цвѣтъ. Сзади №. Возница, онъ же и лошадь, одѣтъ въ синіе короткіе до колѣнъ панталоны, коротенькую куртку съ № и фамиліей на спинѣ и японскую соломенную шляпу.

Просидѣвъ актъ, мы страшно утомились. Наступилъ перерывъ. Переводчикъ объяснилъ, что черезъ 1/2 часа начнется снова представленіе. Въ теченіе дня піеса едва кончается.

Выйдя изъ театра, осмотрѣли нѣсколько храмовъ съ идолами и направились къ парку. На дорогѣ встрѣчались маленькія двуколесныя телѣжки въ одну лошадь и навьюченныя лошади. Лошади всѣ были въ соломенныхъ калошахъ. Переводчикъ объяснилъ, что, такъ какъ въ городѣ всѣ улицы вымощены камнемъ, и есть весьма крутые подъемы и спуски, ковать лошадей нельзя, а безъ подковы лошади быстро стираютъ копыта, поэтому надѣваютъ на копыто сплетенные изъ соломы калоши.

Осмотрѣвъ дивные цвѣтники, по гладкимъ, какъ паркетъ, чистенькимъ, усыпаннымъ краснымъ пескомъ дорожкамъ, прошли къ небольшой старинной часовнѣ въ честь Будды, осмотрѣли художественную рѣзьбу орнаментовъ, подивились гармоніи красокъ и тонкому выбору тоновъ и съ сожалѣніемъ уѣхали обѣдать, такъ было хорошо въ Паркѣ.

Такъ было хорошо среди чудной зелени, среди лазурныхъ крошечныхъ озеръ съ разноцвѣтными рыбками, среди деревьевъ, невиданныхъ у насъ породъ *). Какія роскошныя лиліи, хризантемы, левкои, какихъ дивныхъ тоновъ ирисы! А вѣдь на дворѣ былъ январь мѣсяцъ, и мы были не въ оранжереяхъ, а на открытомъ воздухѣ.

Въ ресторанѣ за обѣдомъ мы замѣшкались и незамѣтно наступило уже 5 часовъ, а мы не кончили еще обѣда. Гулять же въ городѣ мы имѣли право только до шести часовъ. Нашъ переводчикъ взялся похлопотать продлить намъ срокъ до 8 часовъ. Хлопоты его состояли въ томъ, что онъ поговорилъ по телефону съ центральнымъ полицейскимъ бюро въ Нагасаки. Итакъ, въ Японіи, въ городахъ,—кромѣ канализаціи, водопровода, электрическаго освѣщенія и трамвая, есть и телефоны. Они рѣшительно не отстаютъ ни въ чемъ отъ послѣднихъ изобрѣтеній цивилизаціи и во многомъ насъ опередили.

Часовъ въ 7 кончили обѣдъ и вернулись домой.

На слѣдующій день я навелъ справки у своего хозяина о банѣ. Оказалось, что въ Инасѣ есть баня—русская съ паромъ въ гостиницѣ «Омацу Санъ» и обыкновенная гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ.

Я отправился въ русскую, но тамъ было холодно и очень грязно. Мнѣ не понравилось, и я отправился въ другую.

Долго плуталъ я по узкимъ переулочкамъ. Наконецъ, при свѣтѣ бумажнаго фонарика, различилъ прибитую къ стѣнѣ бумажку съ надписью: «баня для гг. русскихъ офицеровъ».

Я пошелъ во дворъ. Въ темнотѣ вырисовывался силуэтъ какого-то

*) Въ Японіи есть какая то особенная сосна, которую они культивируютъ такъ, что дерево получаетъ фигуры всевозможныхъ животныхъ и звѣрей.

зданія. Изъ открытой двери черезъ щель между портьерами пробивался яркій свѣтъ.

Подойдя къ двери, я отодвинулъ портьеру взглянулъ внутрь и сейчасъ же отступилъ назадъ.

Все помѣщеніе было полно голыхъ японокъ.

Я сталъ стучать палкой объ дверь. Появился мальчишка, лѣтъ 18.

На мой вопросъ—здѣсь баня?—онъ отвѣтилъ на прекрасномъ русскомъ языкѣ утвердительно и приглашалъ войти внутрь обождать, пока освободится номеръ, занятый кѣмъ-то изъ нашихъ офицеровъ.

Я отказывался войти, объясняя, что тамъ купаются женщины, и просилъ указать другое мѣсто, гдѣ бы я могъ обождать. Дождь лилъ, какъ изъ ведра.

Молодой японецъ отвѣчалъ, что для ихъ женщинъ рѣшительно все равно—буду ли я тамъ сидѣть или нѣтъ, что тамъ же купаются сейчасъ и мужчины, и что нѣтъ другого помѣщенія, гдѣ бы я могъ подождать.

Нечего дѣлать, приходилось покоряться необходимости, не ждать же на улицѣ подъ проливнымъ дождемъ.

Я вошелъ... и сѣлъ лицомъ къ двери, спиной къ публикѣ. Но, видя, что никто и не думаетъ обращать на меня вниманіе, расхрабрился и сталъ разглядывать. Это былъ предбанникъ,—большая комната, съ деревяннымъ, устланнымъ цыновками, поломъ. Вдоль стѣнъ были стелажи, съ квадратными въ $^3/_4$ арш. полочками и вбитыми во всѣ доски для развѣски халатовъ гвоздями. Тутъ же стояли круглыя глубокія корзины, куда каждый посѣтитель клалъ свою одежду и ставилъ на полку.

Человѣкъ тридцать женщинъ съ дѣтьми одѣвались, дѣлали прически, смотрѣлись въ зеркало или курили. Нѣсколько поодаль у другой стѣны одѣвались японцы.

Далѣе была самая баня. Баня и предбанникъ составляли одну большую комнату и ничѣмъ не были разгорожены; только полъ бани былъ асфальтовый и на три ступеньки ниже пола предбанника.

Въ отдѣленіи самой бани были три очень большихъ кафельныхъ ванны, полныхъ чистой воды. Моющіеся брали оттуда деревянными бадьями воду и въ эмалированныхъ тазахъ мылись на полу. Мужчины въ одномъ концѣ, женщины въ другомъ. Двумя низенькими досками баня и предбанникъ были разгорожены пополамъ на мужскую и женскую половины.

Посидѣлъ я полчаса, и номеръ освободился. Тотъ же молодой японецъ провелъ меня туда. На мои разспросы, гдѣ онъ выучился такъ хорошо говорить по-русски, онъ сообщилъ, что его отецъ былъ русскій портовый слесарь во Владивостокѣ, а мать нагасакская японка и была во Владивостокѣ горничной.

Послѣ смерти мужа, она, вмѣстѣ съ сыномъ, лѣтъ пять тому назадъ

переѣхала въ Нагасаки и на скопленные при мужѣ 5.000 р. устроила вотъ эту баню.

— Неужели у васъ японкамъ не стыдно купаться при мужчинахъ?—спросилъ я.

— Что же тутъ стыднаго? Онѣ ничего худого не дѣлаютъ въ банѣ, а мужчины и женщины знаютъ же другъ друга, что же особеннаго, если увидятъ голыми?—отвѣчаетъ онъ. Такова мораль простого и средняго класса Японіи. Понятія о половой стыдливости у нихъ, вообще, довольно своеобразныя: въ театрѣ, на сценѣ, у нихъ допускаются такія зрѣлища, которыя у насъ считаются тайной альковной жизни, при спущенныхъ занавѣскахъ.

Удивляло меня также отсутствіе бѣлья у японцевъ. Мужчины и женщины носятъ обыкновенно халаты «Кимоно» (русскіе переняли это названье въ искаженной формѣ—«кириномъ»); голова остается непокрытой, а только въ пути и при сильномъ солнцѣ японцы носятъ соломенныя шляпы; на босую ногу надѣваются деревянныя сандаліи, которыя, противъ грязи, дѣлаются нѣсколько выше и спереди обшиты кожей. Впрочемъ, простой народъ носитъ почти исключительно *соломенныя сандаліи.*

Цѣны на жизненные продукты въ Японіи поразительно низки. Населенье питается, главнымъ образомъ, растительной пищей, но за послѣднее время, по словамъ моего хозяина, люди съ достаткомъ стали употреблять и масло, яица, молоко и даже мясо. Рисъ замѣняетъ хлѣбъ, при чемъ рисъ только отварной.

— Очень хорошо у насъ жить,—говорилъ мнѣ Моробко-Токузо. Все дешево и даже жениться легко. Вы получаете большое, очень большое жалованье!—добавилъ онъ съ легкимъ вздохомъ. Мое жалованье—100 руб. въ мѣсяцъ,—казалось ему цѣлымъ состояніемъ.

— Такъ что, по вашему, и я могъ бы здѣсь жениться?—отвѣтилъ я вопросомъ на его замѣчаніе, вспоминая всякіе разсказы о Японіи.

— Отчего же? Вотъ оставайтесь у насъ, мы васъ женимъ—вмѣшалась въ разговоръ хозяйка.—У меня есть хорошенькая племянница, молодая, — ей всего 14 лѣтъ; она еще дѣвушка, ни съ кѣмъ не жила.

— Какъ же это устроить?—продолжалъ я любопытствовать.

— О, это очень легко, — засмѣялся хозяинъ, — вотъ бабы вамъ скоро все устроятъ, только надо контрактъ сдѣлать.

— Какой контракъ?

— А какъ же, иначе нельзя безъ контракта.

— А дорого стоить будетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—весело улыбается хозяйка.—Мы возьмемъ съ васъ 60 рублей въ мѣсяцъ, если согласитесь жить два мѣсяца, а если больше, то можно и дешевле.

— Но вы все шутите, вамъ нельзя у насъ оставаться,—говоритъ хозяинъ.

— У васъ газеты есть?—спрашиваю я, желая перемѣнить тему разговора.

— О, много, очень много въ Японіи газетъ,—сообщаетъ онъ съ гордостью.

— А что же въ вашихъ газетахъ, что пишутъ про войну, скоро ли кончится?

— Нѣтъ, въ нашихъ газетахъ про войну много писать нельзя, а то сейчасъ же газету прикроютъ; пишутъ очень коротко, и то когда побѣда, а если пораженіе, то молчатъ. А затѣмъ и то, что пишутъ, очень трудно понять, потому что все равно *имена неизвѣстны* *).

— А сколько погибло вашихъ подъ Артуромъ, вы знаете?—продолжаю я далѣе.

— Нѣтъ, намъ еще ничего неизвѣстно, мы даже не знаемъ, кто убитъ, кто живъ. Да и тотъ, кто у насъ на войну пошелъ,—все равно что умеръ; если вернется, это уже особое счастье, и на это родные никогда не надѣются,—говоритъ онъ, тяжко вздыхая, ибо, повидимому, родительскія чувства не такъ-то легко мирились съ сознаніемъ долга передъ государствомъ.

И долго мы бесѣдовали въ такомъ же духѣ; я старался разузнать хоть что-нибудь о нравахъ и жизни японцевъ отъ человѣка, который раньше бывалъ и въ Артурѣ, и во Владивостокѣ и знакомъ былъ съ нашимъ укладомъ жизни.

Хозяинъ разспрашивалъ меня о многихъ своихъ знакомыхъ офицерахъ въ Артурѣ. И услыша, что такой-то убитъ, такой-то раненъ, качалъ головой и говорилъ: «Жалко, хорошій человѣкъ».

Понемногу наша бесѣда перешла на войну, и мнѣ ужасно хотѣлось проникнуть немного въ чувства и взгляды японскаго народа на эту войну.

— Знаете, — сказалъ мнѣ мой хозяинъ, — я думаю, въ каждой странѣ простой бѣдный народъ всегда противъ войны: отъ войны онъ еще болѣе бѣднѣетъ; такъ и у насъ. У насъ войны мы, простые, не хотѣли, и даже когда наши атаковали русскія суда въ Артурѣ, мы узнали черезъ день. У насъ ходили слухи, что въ Совѣтѣ люди, желавшіе войны, боялись, что если они промедлятъ, то ихъ противники, стоявшіе за миръ, одержатъ перевѣсъ, и тогда войны не будетъ, и поэтому наскоро наши миноносцы пошли къ Артуру и атаковали ваши суда. Но всѣ говорили и даже въ газетахъ писали, что

---

*) Всѣ мои разспросы объ „неизвѣстныхъ именахъ“ не имѣли успѣха; японецъ толкомъ не могъ мнѣ объяснить, что онъ разумѣлъ подъ этимъ выраженіемъ. Я предполагаю, что мѣняютъ названія частей, мѣстностей, командировъ, или даютъ какія-либо двусмысленныя названія, основанныя на игрѣ словъ.

русскіе совсѣмъ не были готовы къ войнѣ. Наши хотя это знали *), но все-таки боялись, что вдругъ у васъ что-нибудь будетъ не такъ, какъ они знаютъ. Да и мы сами еще не были готовы, и потому мы не высадили десанта вскорѣ послѣ первой атаки. Мы потомъ только поняли, что если бы мы не боялись вашего флота, а въ февралѣ же высадили бы въ Дальнемъ или даже въ Артурѣ десантъ, то мы Артуръ взяли бы и скорѣе, и безъ такихъ большихъ жертвъ, какъ теперь выясняется. Вообще, война скверная вещь, и дай Богъ, чтобы скорѣе кончилась. Чтобы опять намъ вмѣстѣ деньги зарабатывать,—закончилъ онъ свое повѣствованіе...

V.

Отъѣздъ на родину.

Въ Нагасаки я провелъ около трехъ недѣль. По причинамъ, о которыхъ я считаю неудобнымъ теперь распространяться, я перемѣнилъ свое первоначальное намѣреніе остаться въ Японіи до окончанія войны и рѣшилъ теперь же вернуться на родину. Разскажу лишь одинъ эпизодъ передъ самымъ выѣздомъ изъ Нагасаки.

Когда пришелъ французскій пароходъ, насъ, принявшихъ извѣстныя условія, чтобы освободиться отъ плѣна, попеченіемъ французскаго консула должны были отправить въ Шанхай и оттуда въ Россію. У многихъ денегъ не было или очень мало. Что насъ ожидало въ Шанхаѣ? Дадутъ ли прогонныя или какія-либо суточныя или нѣтъ? Никто не зналъ, ходили самые невѣроятные слухи.

Японскія власти приказали всѣмъ лицамъ, какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ чинамъ, свыше штабсъ-капитана, выѣхать на этомъ пароходѣ.

И тутъ начались злоупотребленія...

Билеты на выѣздъ надо было получать у комендантскихъ офицеровъ за день до отправленія на пристани Хирадогойя.

Нѣкоторые господа сами себя производили въ чины и, надувая ничего не подозрѣвающихъ японцевъ, уѣзжали. Нѣкій портовой чиновникъ К., не имѣющій чина, назвался дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Вообще, многіе чиновники позорили своимъ поведеніемъ имя русскаго. Нѣкій прапорщикъ носилъ капитанскіе погоны. Словомъ, былъ такой сумбуръ, что самъ чортъ бы ногу сломалъ.

Лица, пріѣхавшія позже насъ, уѣхали, а мы, благодаря своему малому чину, остались.

---

*) Во время сдачи крѣпости многіе старожилы Артура среди японскихъ офицеровъ (всякихъ ранговъ и спеціальностей) узнавали бывшихъ парикмахеровъ, асенизаторовъ, лакеевъ, нянекъ, содержателей публичныхъ домовъ и т. п.

Потянулись тоскливые дни, денегъ не было у многихъ, что ожидало насъ въ будущемъ?

Первыя впечатлѣнія новизны интереса изгладились и расшатанные перенесенными ужасами нервы давали себя знать.

Наконецъ, черезъ недѣлю пришелъ другой пароходъ «Ville de la Siotât» общества Messageries maritimes, совершающій рейсы: Кіото—Марсель. Японцы распорядились всѣхъ насъ отправить на этомъ пароходѣ, чтобы никого не оставалось въ Нагасаки.

Мѣстъ на пароходѣ было мало, офицеровъ сажали въ 3-й классъ даже, чиновники самозванцы ѣхали въ 1-мъ классѣ. Казалось бы, у этихъ людей совѣсть должна была заговорить, продиктовать, что они не вынесли такихъ бѣдствій и мученій, какъ офицеры, что много есть офицеровъ больныхъ, раненыхъ! Но они и въ усъ себѣ не дули. Даже когда полковники пробовали заговорить, то эти упитанные, толстомордые питомцы экономіи порта въ своемъ нахальствѣ доходили до того, что увѣряли, будто они вынесли болѣе невзгодъ, больше ночей не спали (да, надъ картами и виномъ съ разными Лядо, Катеньками и пр.), больше голодали и пр., чѣмъ офицеры на позиціяхъ.

Когда въ назначенный день всѣ къ двумъ часамъ явились въ ограду храма (тамъ же, гдѣ насъ при пріѣздѣ угощали чаемъ) и стали получать именные билеты, то много и много было и разговоровъ и пререканій, много было испорчено крови, много разстроено нервовъ.

Японцы вину этой неурядицы валили на французскаго консула. Консулъ на японцевъ и т. д. Словомъ, нельзя было ничего разобрать и понять.

Зауряд-прапорщики, бывшіе нижніе чины, ѣхали въ первомъ классѣ, а ихъ начальство во второмъ и даже третьемъ.

Было холодно и сыро. Я какъ заболѣлъ въ Артурѣ, такъ и не поправлялся; прождавъ до 6 часовъ съ 2-хъ и не получивъ билета (значитъ, надо ѣхать въ трюмѣ), я возопилъ, и обратившись къ японцамъ, заявилъ, что эти ихъ безобразія такъ имъ даромъ не пройдутъ, что я ихъ поведеніе опубликую въ иностранныхъ газетахъ, хотя они и желаютъ прикинуться европейцами, но имъ еще до европейцевъ далеко.

Японецъ переводчикъ что-то пробормоталъ, и откуда-то появился билетъ 2-го класса.

Наконецъ, часамъ къ 7 кончили раздачу билетовъ.

На слѣдующій день въ 2 часа всѣ со своими денщиками и вещами должны были собраться на пристань Хирадогойя, чтобы на поданныхъ катерахъ отправиться на пароходъ, стоявшій недалеко отъ входа, въ гавани.

На слѣдующій день къ 2-мъ часамъ всѣ собрались со своими денщиками и вещами, чтобы на поданныхъ катерахъ отправиться на пароходъ. У трапа на пристани стояли тѣ же комендантскіе офицеры и тотъ же нахалъ переводчикъ, что вчера раздавалъ билеты. Сегодня прибавилось только еще нѣсколько жандармовъ.

Наша публика проходила мимо нихъ и садилась на катера. Денщики въ сторонѣ грузили вещи на баржи.

Въ числѣ прочихъ пошелъ и я. Но къ удивленію своему былъ задержанъ переводчикомъ, который, указывая на меня, что-то говорилъ по японски стоявшему съ нимъ рядомъ жандармскому офицеру.

Затѣмъ, обратясь ко мнѣ, онъ заявилъ:

— Вы не поѣдете. Вы вчера оскорбили офицеровъ въ присутственномъ мѣстѣ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Вы будете преданы военному суду и судимы при Нагасакскомъ комендатскомъ управленіи.

Я былъ ошеломленъ.

Но, придя нѣсколько въ себя, я попробовалъ вразумить этого господина, растолковывая ему, что я съ того момента, какъ подписалъ листъ объ отказѣ участвовать въ этой войнѣ, уже не военноплѣнный. Я предложилъ офицеру, который считаетъ себя оскорбленнымъ, дать ему удовлетвореніе, какъ принято между военными всѣхъ странъ. Но всѣ мои доводы не привели ни къ чему.

Двое жандармовъ схватили меня подъ руки и хотѣли куда то меня волочить.

Это меня возмутило. Оттолкнувъ энергичнымъ жестомъ обоихъ жандармовъ, я громко заявилъ, что такъ поступать они не имѣютъ права, что я еще ни чѣмъ не подалъ повода держать меня за руки, и чуть ли не связывать.

Мой энергичный протестъ нѣсколько осадилъ ихъ, тѣмъ болѣе, они видѣли, что на мнѣ была моя боевая шашка. И въ душѣ я рѣшилъ, что если надо мной позволятъ насиліе, то я стану рубить. Лучше было быть убитымъ, чѣмъ разстрѣлляннымъ, какъ преступникъ. Освободившись отъ жандармовъ, я велѣлъ своему денщику не нагружать нашихъ вещей на еще не отчалившія шаланды съ вещами, и самъ сталъ тутъ же, слѣдя съ тоской за катерами, уже уносившими моихъ боевыхъ товарищей на свободу. Мимо проходилъ на катеръ лейтенантъ П., я объяснилъ ему происшедшее и просилъ по пріѣздѣ въ Шанхай заявить обо мнѣ нашему военному агенту въ Китаѣ и, написавъ на бумажкѣ, вырванной изъ памятной книжки: «меня арестовали, выручайте», просилъ передать мичману П. На берегу остался только я одинъ съ денщикомъ. Комендантскіе офицеры, поговоривши что-то между собой черезъ переводчика, заявили мнѣ, что сейчасъ донесутъ коменданту, а пока я могу вернуться къ своему хозяину.

Бѣшенство кипѣло въ груди, воздуху не хватало, громадныхъ напряженій воли стоило нѣсколько успокоить себя, смотрѣть на вещи проще.

Катера скрылись изъ виду.

На берегу толпились японцы хозяева и семья капитана Г., собиравшаяся остаться въ Японіи, пока глава ихъ въ плѣну.

Здѣсь на собственномъ рикшѣ сидѣлъ какой-то почтенный старикъ-японецъ въ европейскомъ безукоризненномъ костюмѣ и съ трауромъ на цилиндрѣ.

Ко мнѣ подошелъ мой домохозяинъ и съ удивленіемъ узналъ о происшедшемъ.

Сейчасъ же онъ подошелъ къ старцу и, поговоривъ съ нимъ, подозвалъ меня и представилъ старику.

Этотъ послѣдній, внимательно выслушавъ мой разсказъ, сталъ что то горячо—негодующе говорить офицерамъ, а въ особенности переводчику.

Переводчикъ, видимо, былъ весьма взволнованъ, сконфуженъ и въ чемъ то оправдывался, а офицеры на всѣ доводы старика только подергивали плечомъ и показывали на переводчика.

Старикъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Не безпокойтесь, пока вы не будете на борту парохода, я отсюда не уйду. Мнѣ будетъ крайне непріятно сознаніе, что вы уѣдете изъ Нагасаки, сохраняя дурное воспоминаніе о нашемъ гостепріимствѣ.

Онъ опять подошелъ къ группѣ офицеровъ, сталъ имъ что-то убѣдительно, горячо растолковывать.

Я стоялъ въ сторонѣ и курилъ. Мой домохозяинъ сообщилъ мнѣ на ухо, что это нагасакскій городской голова, лицо весьма уважаемое въ городѣ, и на его обязанности лежитъ пріемъ и отправка русскихъ отправляющихся въ Россію. Въ этихъ переговорахъ прошло почти 2 часа. Какое было у меня душевное состояніе, предоставляю судить читателю... Послѣ всего перенесеннаго остаться въ Японіи, среди чужихъ, не имѣя въ карманѣ денегъ, въ неизвѣстности, что ждетъ впереди, можетъ быть, висѣлица, полная при этомъ безпомощность, и все это въ тотъ моментъ, когда, вотъ-вотъ переступивъ за бортъ парохода, я былъ бы подъ охраной нейтральнаго флага,—какъ хотите, надо быть очень твердымъ человѣкомъ, чтобы не впасть въ отчаяніе.

Но при той расшатанности нервовъ, которая была тогда, да еще будучи физически нездоровымъ, прямо я чуть съ ума не сошелъ.

Страшно въ душѣ я жалѣлъ, что не было въ карманѣ револьвера покончить съ собой въ случаѣ суда и казни.

Прошло мучительныхъ, тяжелыхъ два часа.

По тону разговора я видѣлъ, что городской голова убѣждалъ офицеровъ отпустить меня, тѣ же валили вину на переводчика (дѣйствительно, офицеры не были виноваты, они не понимали ничего по русски, и переводчикъ могъ имъ наговорить чего угодно, за что они по долгу службы обязаны были и задержать меня, и суду предать). А переводчикъ вертѣлся и старался оправдаться.

Наконецъ, изъ города вернулся жандармъ и что-то передалъ офицеру.

Переводчикъ подошелъ ко мнѣ и пригласилъ подойти къ офицерамъ. Я подошелъ. Жандармскій капитанъ черезъ переводчика спросилъ: желаю ли взять свои слова обратно и извиниться передъ ними?

Я попросилъ разъяснить, про какія они мои слова говорятъ, и за что извиниться.

Мнѣ тотъ же переводчикъ путаясь, краснѣя, сталъ намекать, будто-бы я вчера при раздачѣ билетовъ обругалъ ихъ по русски площадными словами.

Моему изумленію не было предѣловъ.

Я сталъ настаивать на томъ, чтобы этотъ переводчикъ привелъ бы дословно мою ругань. Но какъ онъ ни вертѣлся, сколько словъ ни придумывалъ, ничего не могъ опредѣленнаго сказать.

И сталъ говорить о томъ, что съ моей стороны не честно нарушать «присягу», данную Японіи.

Часъ отъ часу было не легче.

Оказалось даже, что я чуть ли не присягалъ японскому Микадо.

Я черезъ своего домохозяина попросилъ жандармскаго офицера разговаривать со мной не черезъ ихъ переводчика, а черезъ моего домохозяина.

Тотъ согласился.

И при разъясненіи дѣла оказалось, что мою угрозу пропечатать въ иностранныхъ газетахъ о безпорядкахъ при размѣщеніи офицеровъ на пароходѣ, безграмотный переводчикъ принялъ за ругань и нарушеніе «присяги».

(Присягой японцы называютъ данное нами слово не принимать участія въ текущей войнѣ).

И вотъ жандармы стали укорять меня въ томъ, что я не сдерживаю даннаго слова.

Я сталъ объяснять имъ, что они слишкомъ наивны, если данному нами слову придаютъ такое широкое толкованіе.

— По вашему разумѣнію,—говорилъ я,—мы не только не должны служить теперь въ Россіи, но даже и жить не имѣемъ права въ предѣлахъ нашего отечества, ибо живя тамъ, мы платимъ налоги, т.-е. усиливаемъ средства государства, а, слѣдовательно, косвенно и помогаемъ веденію съ вами войны.

На это онъ радостно закивалъ головой, утверждая, что такъ и должно быть.

Какъ мое положеніе ни было грустно, но я не могъ не расхохотаться при такомъ странномъ толкованіи нашего честнаго слова.

Японцы съ изумленіемъ смотрѣли на меня.

Я твердо и коротко заявилъ имъ, что давая честное слово мы разумѣемъ буквально то, что написано въ заголовкѣ подписного листа. И исполнять будемъ также буквально, а что касается того, какъ они его толкуютъ—это дѣло ихъ. И затѣмъ спросилъ, что собственно они хотятъ отъ меня.

На это я получилъ отвѣтъ, что они требуютъ, во-первыхъ, извиниться, а во-вторыхъ дать новое честное слово, что я ничего худого ни про японцевъ, ни про Японію не буду ни говорить, ни писать.

Я отвѣтилъ, что на первое я готовъ дать удовлетвореніе, какъ офицеръ офицеру. А что касается до второго, то никакого слова я имъ не дамъ и говорить и писать буду, что мнѣ вздумается, и худое, и хорошее. Что они никакого права не имѣютъ вымогать такое слово, и, наконецъ, если желаютъ судить, то могутъ. Но я предупредилъ, что если будетъ употреблено насиліе противъ моей личности, то пущу въ ходъ оружіе и живымъ въ руки не дамся.

Опять переводчикъ вмѣшался въ разговоръ, который, казалось, никогда не кончится. Все это мнѣ изрядно надоѣло, и я отошелъ въ сторону, закурилъ сигару и сталъ спокойно прогуливаться взадъ впередъ по набережной, оставивъ озадаченныхъ такимъ поведеніемъ японцевъ толковать между собой.

Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ подошелъ тотъ почтенный старикъ и, извинившись за причиняемое безпокойство, спросилъ:

— Съ какими, вообще, воспоминаніями я уѣзжаю изъ Японіи, хорошими или дурными?

Я постарался отвѣтить насколько могъ хладнокровно, что жизнь и отношеніе къ намъ населенія въ Нагасаки я буду вспоминать всегда съ удовольствіемъ и благодарностью, но что касается властей, то поступки ихъ возмутительны.

Старецъ поблагодарилъ меня и сказалъ, что все недоразумѣніе произошло изъ за невѣрно понятыхъ и неправильно переданныхъ переводчикомъ моихъ вчерашнихъ словъ объ пропечатаніи въ газетахъ.

И, снявъ цилиндръ, онъ пожалъ мнѣ руку и пожелалъ благополучно возвратиться на родину и болѣе счастливой жизни, чѣмъ въ Артурѣ.

Тутъ же подошли и офицеры и тоже, весьма любезно предложивши сѣсть на катеръ, пожали мнѣ руку и попрощались съ добрыми пожеланіями. Я распрощался также съ моимъ хозяиномъ, сѣлъ на катеръ и пріѣхалъ въ сопровожденіи двухъ жандармовъ на пароходъ.

Здѣсь уже всѣ узнали кое-что объ инцидентѣ и пароходное начальство съ любопытствомъ разглядывало меня съ возгласами: «Voilà officier! Voilà!» Мои друзья, супруги П., первые съ радостью встрѣтили меня и разсказали, что, получивъ мою записку, они сейчасъ же обратились къ находящемуся на пароходѣ секретарю французскаго консула, который немедленно далъ знать самому консулу въ городѣ, благодаря вмѣшательству котораго меня и освободили.

Вскорѣ затѣмъ пароходъ снялся съ якоря и мы тронулись въ путь, въ Россію...

М—ъ—П—овъ.

РАЗВЯЗКА.

Повѣсть изъ жизни города Пропадинска.

(*Окончаніе* *).

Глава IV.

Пропадинская весна была въ полномъ разгарѣ. Ночная заря уже вторую недѣлю горѣла на сѣверномъ краю горизонта, бросая на холмы зарѣчнаго берега еще покрытые нерастаявшимъ снѣгомъ, розовый отблескъ. Въ этомъ блѣдно аломъ, слегка туманномъ, прозрачномъ и сумеречномъ освѣщеніи, убогія избушки полярнаго города и полоса темныхъ лиственницъ, тянувшаяся почти вплотную отъ послѣдней избы, принимали какой-то фантастическій характеръ, какъ декорація новой еще невиданной фееріи. Впрочемъ и на дорогѣ, приводившей къ городу, еще оставалась полоска дряблаго, насквозь раскисшаго снѣга. Ручьи ледовой воды, весело журчавшіе днемъ на солнечномъ припекѣ по всѣмъ ложбинамъ и склонамъ холмовъ, къ вечеру затихали, какъ будто изсякнувъ отъ холода, и лужи талой воды, собравшейся по тропинкамъ, задергивались тонкимъ ледкомъ, прозрачнымъ, какъ пленка и отливавшимъ радугой.

Эта холодная и алая заря, горѣвшая на горизонтѣ въ такое непоказанное время, нарушала равновѣсіе городской жизни, ибо главная основа его, ежедневная смѣна дня и ночи, видимо исчезала изъ обихода. Въ Пропадинскѣ это нарушеніе равновѣсія повторялось ежегодно и въ общемъ этотъ полярный городокъ, замиравшій на зиму и начинавшій усиленно копошиться съ наступленіемъ апрѣльской оттепели, напоминалъ медвѣдя, вылѣзающаго изъ берлоги.

Жители, натосковавшіеся и наголодавшіеся во время долгой зимней ночи, какъ будто хотѣли наверстать потерянное время и сновали по улицамъ ночью и днемъ, не думая объ отдыхѣ и снѣ. Многіе то и дѣло подходили къ берегу рѣки, жадными глазами наблюдая за *заберегой*, полоской талой воды у края матерого

льда, которая со дня на день выростала и упрямо ползла на берегъ. Отощавшіе люди жадно ждали минуты, когда въ эту прибрежную воду уже можно будетъ спустить мелкую сѣть и добыть такъ называемую «оживу», первую весеннюю рыбу, которою «оживляется» полярный рыбакъ послѣ зимняго голода.

Даже собаки заразились общимъ возбужденіемъ и стаями бѣгали по берегамъ, какъ будто уже собирались къ путешествію на рыбныя заимки, гдѣ ихъ ожидала привольная и обильная пища «промысловъ». Другія копошились подъ угорьемъ, извлекая изъ ямъ, наполовину освободившихся изъ подъ снѣга, заваляввшіяся кости, клочья сгнившихъ шкуръ и даже остатки собачьихъ труповъ, безцеремонно вывезенныхъ подъ откосъ еще съ минувшей осени. Все это была единственная пища, доступная для собакъ поздней весной, наканунѣ оживы.

Но наибольшее оживленіе придавали этой весенней картинѣ перелетныя птицы; онѣ летѣли почти непрерывнымъ рядомъ стай, ночью и днемъ, не обращая вниманія ни на ненастье, ни на кровавые замыслы охотниковъ, которые ожидали ихъ съ ружьями на каждомъ мысу и на любомъ заворотѣ прихотливой рѣки, окаймлявшей городъ.

Весь воздухъ былъ наполненъ разнообразнымъ гамомъ и клекотомъ пернатыхъ странниковъ, торопившихся на свои лѣтнія становища. Мелкія «сухія утки», звеня крыльями, прилетали съ противоположнаго берега, долетали до первыхъ домовъ и вдругъ, какъ будто наткнувшись въ высотѣ на невидимую стѣну, бросались въ сторону и круто взмывали вверхъ, испуганные запахомъ дыма и лаемъ собакъ, которыя бѣгали взадъ и впередъ. Черные турпаны тяжело и чинно тянулись надъ срединой рѣки, время отъ времени оглашая пространство протяжными криками, всѣ вдругъ, какъ по командѣ. Осторожные гуси гоготали на противоположномъ берегу и чета большихъ лебедей съ протяжнымъ киканьемъ плыла въ воздухѣ, и алая заря играла яркимъ отблескомъ на ихъ бѣлоснѣжныхъ крыльяхъ. И первая савка уже купалась въ заберегѣ, проплывая мимо, какъ лоскутъ чернаго мѣха, и выкрикивая свое: а-а-нгы!

Члены колоніи копошились на берегу, не обращая вниманія на собакъ или птицъ, и занимались своей работой. На площадкѣ передъ спускомъ уже возвышалось судно, похожее на недостроенный круглый баракъ или на новый ковчегъ, назначенный для новаго потопа.

Быть можетъ, въ англійскіе разсчеты Ястребова вкралась какая-нибудь ошибка или онъ заразился подражаніемъ извѣстному адмиралу Попову, но только судно, выстроенное колоніей по его чертежу, ближе всего напоминало формой большую овальную

лохань, и его будущія мореходныя свойства внушали теперь недовѣріе даже Калнышевскому, несмотря на его неопытность во всемъ, что не касалось статистики.

Только Ратиновичъ не поколебался духомъ. Съ желѣзной лопаткой и мѣшкомъ мху въ рукахъ онъ съ утра до вечера обходилъ судно, затыкая многочисленныя щели и замазывая ихъ «сѣрой». Это была кропотливая, почти безконечная работа. Доски выпиленныя изъ сырого лѣса растрескались по всѣмъ направленіямъ. На кормѣ даже пришлось положить заплатку. Полярный лѣсъ вообще не проченъ, кромѣ того, мерзлое сырое дерево только теперь таяло и высыхало. Доски коробились, какъ будто подъ вліяніемъ огня. Мѣстами онѣ совсѣмъ разошлись, и когда Ратиновичъ затыкалъ одну щель мхомъ, доска сдвигалась въ сторону и открывала другое отверстіе.

Кое-какъ проконопативъ судно, то мхомъ, то паклей, Ратиновичъ надумалъ, для того чтобы увеличить его непроницаемость для воды, обить его кожей по швамъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ мебельщики надъ мягкими стульями. Это было его собственное оригинальное изобрѣтеніе. Мысль о немъ была внушена ему боченкомъ мелкихъ обойныхъ гвоздей, который онъ случайно нашелъ въ такъ называемой Амурской лавкѣ, т.-е. въ мѣстномъ складѣ Амурскаго товарищества. Амурская лавка имѣла универсальный характеръ и снабжала горожанъ всякаго рода привознымъ товаромъ, отъ ситца до игральныхъ картъ и одеколона. Вмѣстѣ съ ситцемъ и одеколономъ постоянно присылались товары, непригодные для мѣстнаго употребленія. Въ амбарѣ за лавкой можно было найти карманные и стѣнные часы, женскія туфли, даже консервы изъ оленьихъ языковъ по два рубля за коробку, между тѣмъ какъ сырые оленьи языки можно было доставать въ округѣ по гривеннику за штуку.

Какъ бы то ни было, Ратиновичъ купилъ нѣсколько сыромятныхъ кожъ, коровьихъ и оленьихъ, и принялся обивать по всѣмъ направленіямъ причудливые швы и трещины своего судна. Постепенно судно приняло странный видъ, особенно на нѣкоторомъ разстояніи. Казалось, какъ будто это—тѣло, съ котораго содрали кожу, и сѣть шкурныхъ полосокъ выступала, какъ обнаженное сплетаніе нервовъ и жилъ.

Полозовъ молча работалъ на берегу, недалеко отъ судна, вытесывая какія-то доски, блоки и рычаги, при помощи которыхъ судно должно было быть спущено на воду съ угорья. Это должно было случиться только по вскрытіи рѣки, по меньшей мѣрѣ—черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ вольная вода половодья размоетъ и унесетъ груды льдинъ, оставляемыхъ на берегу ледоходомъ. Работа Полозова была немудрая, а времени было довольно,

но Полозовъ попрежнему проводилъ на берегу ежедневно нѣсколько часовъ и все постукивалъ топоромъ или шуршалъ пилою.

Полозовъ былъ старожиломъ полярныхъ береговъ; онъ провелъ въ этихъ гостепріимныхъ палестинахъ девять лѣтъ, съ трехлѣтнимъ промежуткомъ, употребленнымъ для побывки на родину. Впрочемъ, первые семь лѣтъ онъ проживалъ не на Пропадѣ, а на Канѣ, сосѣдней рѣкѣ, выпадавшей въ то же холодное море и унизанной цѣпью столь же уединенныхъ поселковъ. Полозовъ былъ по природѣ очень дѣятеленъ, но дѣятельность его имѣла нѣсколько фантастическій характеръ. Въ теченіе своей девятилѣтней жизни на сѣверѣ, онъ занимался всевозможными промыслами, доступными человѣку въ этихъ первобытныхъ условіяхъ. Онъ былъ содержателемъ почтовой гоньбы, владѣлъ стадами упряжныхъ оленей и повелѣвалъ нѣсколькими десятками ямщиковъ. Потомъ вдругъ все бросилъ, ликвидировалъ за безцѣнокъ свое имущество, снарядилъ караванъ съ товаромъ и отправился за тысячу верстъ къ самымъ далекимъ инородческимъ стойбищамъ; потомъ вернулся отъ инородцевъ, уѣхалъ на южный предѣлъ округа и попытался водворить среди горныхъ якутовъ той мѣстности культуру ячменя, но не успѣлъ въ этомъ, прежде всего за недостаткомъ годныхъ сѣмянъ.

Всѣ его предпріятія оканчивались по тѣмъ или инымъ причинамъ неудачей и разореніемъ, но онъ не унывалъ и принимался за что нибудь новое. Ему не сидѣлось на мѣстѣ, и даже его вторичное путешествіе изъ Европейской Россіи въ пустыню было отчасти вызвано той же непосѣдливостью его природы. Вернувшись изъ-за Урала, вмѣсто того, чтобы смирненько сидѣть въ своемъ родномъ Малмыжѣ, онъ принялся такъ много и часто ѣздить во всѣ концы Россіи, хотя и безъ всякаго злого умысла, что карающая Немезида насупилась и, недолго думая, уступила искушенію удлиннить одно изъ путешествій Полозова и продолжить его до Пропады.

Полозовъ, однако, не упалъ духомъ. Въ прошломъ его, среди различныхъ экспедицій по Канскимъ пустынямъ, были двѣ попытки превратить мѣстную поѣздку въ начало кругосвѣтнаго путешествія. Попытки были затѣяны съ негодными средствами и окончились неудачей раньше начала осуществленія, такъ что въ сущности, хотя онѣ стоили Полозову много времени и труда, потраченныхъ на изысканія и приготовленія, все-таки это было только мысленное грѣхопаденіе. Обѣ онѣ были сухопутнаго характера. Поэтому здѣсь, на Пропадѣ, при предложеніи о судостроительствѣ, онъ явился самымъ ревностнымъ сторонникомъ его, ибо надѣялся, быть можетъ, что мореплаваніе окажется удачнѣе, чѣмъ сухопутная попытка.

Онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ Бронскаго въ исполненіи самыхъ тяжелыхъ работъ, жилъ въ лѣсу зимою и лѣтомъ, рубилъ и плавилъ плоты. Съ другой стороны, его окончательное внутреннее отношеніе къ предстоявшему плаванію осталось загадочнымъ. Когда неуклюжее судно стало выростать на берегу, и выяснялась его непригодность для сѣвернаго океана, онъ принялъ это, какъ нѣчто должное. Быть можетъ, это говорила долголѣтняя привычка къ такимъ неизмѣннымъ результатамъ.

Въ тоже время и Полововъ и Ратиновичъ помогали Калнышевскому заниматься приготовленіемъ дорожныхъ запасовъ, т.-е. преимущественно сушеніемъ сухарей изъ хлѣба, испеченнаго еще зимою и замороженнаго впрокъ. Хлѣбъ былъ скверный, изъ черной муки, вязкій, какъ замазка, и сухари выходили съ закаломъ и всѣ въ блесткахъ, какъ будто усыпанные толченымъ стекломъ.

Ястребовъ уединился въ свою избушку на другомъ концѣ города для того, чтобы заняться сушеніемъ мяса, на первобытной сушильнѣ, помѣщавшейся на плоской крышѣ передъ трубой. Въ сущности, мясо сохло и провяливалось подъ солнцемъ и вѣтромъ полудня безъ всякой помощи Ястребова, но старый судостроитель сталъ ежедневно отправляться въ лѣсъ на охоту за куропатками, разсчитывая пополнить ими скудные запасы судна. Въ это время года куропатокъ было мало, и онѣ были такъ сухи, что едва ли годились для ѣды даже въ свѣжемъ видѣ, но Ястребовъ не обращалъ на это вниманія и только увеличивалъ районы своихъ скитаній въ тайгѣ.

Бронскій медленно шелъ по узкой дорожкѣ, выводившей мимо церкви и кладбища на берегъ рѣки Пропады. Было около двухъ часовъ утра. Сѣверный край небесъ ярко пылалъ, какъ будто кто-то поджегъ невидимымъ факеломъ темные лѣса, окаймлявшіе линію горизонта. Рѣка уходила прямо на сѣверъ, какъ исполинская лента. Ея ледяная грудь совершенно очистилась отъ снѣга и простиралась, какъ огромное зеркало, блистая яркимъ, немного жесткимъ голубымъ блескомъ «хабура» *). Огромный и красный край солнца показался какъ разъ надъ срединой, и оно выкатилось надъ горизонтомъ, широкое и круглое, какъ будто раскаленное до-бѣла и обжигавшее землю подъ собою нестерпимымъ блескомъ своего огня. Въ этомъ блескѣ и въ его отраженіи во льду рѣки было что-то жестокое. Цѣлое море ослѣпительно рѣжущаго пламени пролилось надъ землей. Все сверкало, солнце и небо, и воздухъ и поверхность льда, и даже прозрачная глубина, мерцавшая изъ-подъ этой зеркальной поверхности, была вся наполнена сіяніемъ.

---

*) „Хабуръ“—поверхность ледяныхъ полей, обнаженная поздней весной.

Несмотря на поздній часъ, никто не спалъ въ городѣ. Не говоря уже о туземцахъ, товарищи Бронскаго еще копошились на берегу у своего судна. Впрочемъ, они заражались возбужденіемъ этой яркой весны еще больше жителей, и подъ конецъ, когда сумерки исчезали, и теченіе времени превращалось въ сплошной день, они совершенно теряли представленіе о распредѣленіи часовъ, обѣдали въ полночь, ложились спать утромъ, бодрствовали по 48 часовъ сразу и потомъ спали столько же. Иногда они теряли подъ конецъ недѣли одинъ день, и тогда суббота приходилась у нихъ въ воскресенье. Въ половинѣ мая они уже теряли всякое представленіе о календарѣ, и вмѣсто того, чтобы сказать; позавчера, говорили: въ тотъ день, когда мы ѣли кашу.

Бронскій подчинялся магнетизму полярной весны меньше другихъ, но два дня тому назадъ, когда судно, наконецъ, воздвиглось на берегу въ своей окончательной формѣ, онъ внезапно очутился безъ всякаго дѣла. При сборкѣ судна онъ работалъ дни и ночи напролетъ и исколотилъ всѣ свои пальцы, загоняя въ гнѣзда деревянные нагели и ржавые гвозди, добытые изъ ящиковъ. Теперь главная часть работы была кончена. Копаться надъ блоками и рычагами, подобно Половову, было не въ его характерѣ. Онъ подумалъ было поискать себѣ другой работы, но черезъ двѣ недѣли долженъ былъ состояться спускъ судна, и не стоило начинать никакихъ новыхъ работъ. Въ этотъ вечеръ онъ посѣтилъ судно, посмотрѣлъ на странную дѣятельность Ратиновича, зашелъ въ избу и, взглянувъ на сушившіеся сухари, скоро ушелъ обратно къ своей юртѣ.

Дорожка мимо церкви была узкая, чуть натоптанная пѣшеходами и окаймленная съ обѣихъ сторонъ корявыми кустами, ямами, забитыми снѣгомъ, и лужами талой воды. Склонъ къ рѣкѣ заросъ лиственничнымъ лѣсомъ, доходившимъ мѣстами вплоть до береговой воды, уже затопившей полосу прибрежнаго песку.

Между деревьями стоялъ человѣкъ въ курткѣ сѣраго сукна и съ ружьемъ въ рукѣ.

На шумъ шаговъ Бронскаго онъ обернулся и даже сдѣлалъ шагъ по направленію къ дорожкѣ.

— Здравствуй, баринъ!—окликнулъ онъ первый подходящаго юношу.

— Здравствуй, Иванъ!—отозвался Бронскій.

Иванъ Заверни-въ-кустъ былъ приземистъ и широкоплечъ, съ косматой головой, кривыми ногами и несоразмѣрно длинными руками. Лицо у него было маленькое, острое, какъ у ежа; глаза его играли и бѣгали, и свѣтились откровенной насмѣшкой. Насмѣшливость взгляда была для Ивана причиной многихъ непріятностей, и при участіи Тупоносова, смотрителя Т—ской тюрьмы,

довела его до Пропадинска.—«Какъ смотришь, подлецъ?»—спросилъ Тупоносовъ Ивана при первой же встрѣчѣ.—Арестантъ долженъ ѣсть начальника глазами.»—«Я не умѣю ѣсть глазами,—возразилъ Иванъ съ тѣмъ же откровеннымъ видомъ.—Я ѣмъ зубами!..»—Такой зубастый отвѣтъ прежде всего послужилъ къ заточенію Ивана въ карцеръ, а потомъ вслѣдствіе Тупоносовскаго представленія о нераскаянномъ нравѣ ссыльно-поселенца изъ бродягъ, Ивана Заверни-въ-кустъ, послѣдовало опредѣленіе на высылку его въ отдаленнѣйшія мѣста Восточной Сибири, въ числѣ которыхъ Пропадинскъ является послѣднимъ звеномъ цѣпи.

Въ отличіе отъ большинства ссыльно-поселенцевъ, Иванъ жилъ въ ладу съ коренными пропадинскими жителями. Несмотря на свои кривыя ноги, онъ считался однимъ изъ лучшихъ пѣшеходовъ округа, даже среди туземцевъ, которые привыкли съ дѣтства рыскать по лѣсу въ поискахъ за охотничьей добычей. Впрочемъ, Иванъ тоже постоянно скитался въ пропадинской тайгѣ. Въ городѣ его звали: лѣсовикъ. Сложился даже разсказъ, что онъ находится въ сношеніяхъ съ настоящимъ лѣшимъ и, между прочимъ, играетъ съ нимъ въ карты, не хуже солдата изъ сказки, и выигрываетъ пушныхъ звѣрей и удачу въ охотничьемъ промыслѣ. Въ основаніи разсказа было то, что Иванъ Заверни-въ-кустъ сторожилъ въ окрестныхъ лѣсахъ ловушки для лисицъ и деревянные капканы для горностаевъ и добывалъ звѣря, не хуже заправскаго якута.

— Я не баринъ!—возразилъ Бронскій въ отвѣтъ на окликъ Ивана.

— О,—весело отозвался Иванъ,—А пошто не баринъ?..

— Бары—бѣлоручки,—сказалъ Бронскій угрюмо,—а я работаю.

— Оно конечно! — согласился Иванъ тѣмъ же тономъ. — Ѣсть каждому надо. Здѣсь, не работавши, помрешь!..

— А ты здоровый,—прибавилъ онъ вдругъ, обводя глазами фигуру Бронскаго,—ровно медвѣдь.

— Если медвѣдь, такъ давай поборемся!—предложилъ неожиданно Бронскій.

Онъ ощущалъ какое то непривычное напряженіе, какъ будто ему предстояло выдержать неожиданное испытаніе при встрѣчѣ съ этимъ человѣкомъ.

— А пошто бороться?—разсмѣялся Иванъ.—За дѣвку? — прибавилъ онъ просто,—ну ее къ ляду, я ей не перечу.

Волна крови хлынула Бронскому въ лицо и залила ему щеки, какъ у молодой дѣвушки.

— Здѣшняя дѣвка вольная,—сказалъ Иванъ,—какъ летучая птица.

Бронскій ощущалъ мучительное смущеніе предъ этимъ фило-

софомъ въ сѣрой курткѣ, который относился къ самымъ щекотливымъ предметамъ не менѣе безцеремонно, чѣмъ туземцы.

— А ты птицу стрѣляешь?—сказалъ онъ, схватившись за послѣднее слово Ивана и пользуясь имъ, чтобы перевести разговоръ на другую тему.

— Пошто ее стрѣлять?—возразилъ Иванъ въ своей неизмѣнной вопросительной формѣ.—Она мимо летитъ.

Стая маленькихъ сѣрыхъ птичекъ, какъ будто въ подтвержденіе его словъ, налетѣла на собесѣдниковъ и, слабо звеня крыльями, промчалась дальше.

Иванъ проводилъ ихъ глазами. Онѣ улетали на сѣверъ и теперь, на яркомъ фонѣ полночной зари, казались маленькими точками, какъ черныя мушки.

— Эка благодать!—сказалъ вдругъ Иванъ.—Подъ самымъ городомъ тайга, воля!..

Онъ повелъ рукой, какъ бы указывая вокругъ себя эту широкую таежную волю.

— То и птица сюда летитъ!—сказалъ Иванъ,—всякой живущей твари здѣсь вольная жизнь.

— А людямъ?—невольно спросилъ Бронскій.

— И людямъ вольная жизнь!—возражалъ Иванъ.—Хочешь, живи, хочешь, съ голоду помри! Никто не потронетъ!..

Глаза его по обыкновенію блестѣли и смѣялись. Трудно было рѣшить, шутитъ ли онъ, или говоритъ серьезно.

— Главное дѣло, начальства нѣтъ... Тьфу, тьфу, тьфу!..— прервалъ онъ самъ себя.—Гляди, парень, вонъ здѣшнее начальство на снѣгу водку пьетъ.

Слѣдуя указанію его руки, Бронскій увидѣлъ впереди на другомъ концѣ дорожки большую группу людей, хлопотавшихъ у костра. Межъ ними можно было отличить форменную тужурку исправника и нѣсколько странныхъ сѣрыхъ мундировъ мѣстнаго казацкаго покроя, кургузыхъ, какъ куртка, съ короткими рукавами и тремя свѣтлыми пуговицами на груди.

— Водку пьютъ люди,—продолжалъ Иванъ,—а я безъ водки пьянъ, тайгой пьянъ, весной пьянъ.

Онъ какъ будто дѣйствительно былъ опьяненъ заразительнымъ возбужденіемъ этой сверкающей весны.

— Го-го-го!—протянулъ онъ громкимъ и высокимъ голосомъ, вспугивая куропатокъ, присѣвшихъ въ сосѣднемъ кустѣ.—Прощай, парень!

Возлѣ рѣчки, на мыску,
И на желтенькомъ песку,
Припадаючи къ ручью,
Манилъ парень дѣвку чью...

— Прощай, парень, прощай баринъ!..—Иванъ Заверни-въ-кустъ послалъ Бронскому привѣтствіе рукой, потомъ вскинулъ ружье вверхъ и сталъ пробираться по дорожкѣ между деревьями, направляясь къ водѣ.

Бронскій хмуро посмотрѣлъ вслѣдъ уходившему охотнику, потомъ перевелъ взглядъ въ противоположную сторону. Онъ не хотѣлъ идти вмѣстѣ съ Иваномъ, но и пировавшая компанія не внушала ему особой симпатіи. Онъ не раздѣлялъ терпимости многихъ своихъ товарищей къ филистимлянамъ и его отношенія къ мѣстнымъ чиновникамъ носили строго дѣловой характеръ. Онъ охотно обошелъ бы стороной, но къ его жилищу не было другой дороги. Даже эта единственная тропа мѣстами была такъ узка, что на ней можно было лишь съ трудомъ разминуться и неосторожный шагъ въ сторону часто грозилъ проваломъ въ мокрую снѣжную зажору.

Общество у костра расположилось на небольшой и круглой площадкѣ, совершенно обнажившейся отъ снѣга, благодаря своему болѣе высокому положенію. Это было городское начальство, которое тоже лишилось сна въ эти яркія ночи и, чтобы сократить время, затѣяла пикникъ на вольномъ воздухѣ. Прямо передъ костромъ, въ центрѣ группы, сидѣлъ исправникъ Шпарзинъ. Сидѣньемъ ему служила опрокинутая фляга, плоскій трехведерный боченокъ изъ числа тѣхъ, въ которыхъ доставляется въ Пропаду спиртъ изъ болѣе южныхъ широтъ. Другой боченокъ стоялъ передъ Шпарзинымъ въ видѣ стола, третій помѣщался рядомъ, поставленный на ребро. Маленькая деревянная втулка, заботливо воткнутая въ его боку, указывала, что этотъ боченокъ не былъ еще опорожненъ, какъ другіе. Въ сущности, именно этотъ боченокъ являлся настоящимъ центромъ группы. Всѣ взоры направлялись къ нему, и даже орбита движенія присутствующихъ видимо обращалась вокругъ него, подчиняясь неодолимому притяженію.

Рядомъ съ исправникомъ на обрубкѣ дерева сидѣлъ его помощникъ Микусовъ. Несмотря на свое административное единеніе, они представляли между собою почти полную противоположность. Шпарзинъ, бывшій петербургскій околодочный, пріѣхавшій на Пропаду прямо съ береговъ Невы, былъ человѣкъ средняго роста, мягкій, округлый, съ сѣрыми волосами и землистымъ лицомъ, на которомъ только носъ былъ окрашенъ нѣсколько болѣе яркимъ цвѣтомъ. Шпарзинъ звѣрски скучалъ на Пропадѣ, непривычный къ ея уединенію, и старался убить время всѣми возможными способами. Случалось, онъ цѣлыми недѣлями не отрываясь занимался чтеніемъ, потомъ переходилъ на карты, проигрывалъ мѣстнымъ купцамъ полугодовое жалованье, давалъ

вечера для «набольшихъ людей» и вечерки для «черняди», пьянствовалъ, погружался въ море женскихъ интригъ, словомъ чертилъ во всю, сколько хватало пороху и здоровья.

Два года тому назадъ его хватилъ легкій ударъ въ видѣ предостереженія, но Шпарвинъ не обратилъ на это вниманія и не бросилъ прежнихъ развлеченій. По природѣ это былъ человѣкъ не глупый и не злой. Кромѣ того отъ постояннаго чтенія книгъ изъ библіотеки ссыльныхъ въ его міровоззрѣніе понемногу просочился рядъ идей, не совсѣмъ обычныхъ для исправника, и эти идеи заняли въ его сознаніи свое мѣсто рядомъ съ отрывками изъ военнаго артикула и изъ краткой инструкціи чинамъ полиціи.

Микусовъ былъ родомъ изъ Саханска, наполовину туземной крови и говорилъ по якутски такъ же хорошо, какъ и по русски. Онъ былъ высокъ и нескладенъ тѣломъ; лицо у него было широкое, безбородое, обтянутое коричневой кожей и украшенное широкимъ ртомъ, похожимъ на отверстіе копилки. Онъ поглощалъ спиртные напитки въ такомъ же неограниченномъ количествѣ, какъ и Шпарвинъ, но они не производили на него никакого видимаго дѣйствія и какъ будто переливались изъ одного боченка въ другой. Въ городѣ его окрестили прозвищемъ: Чортова кочерга.

Кешка (Инокентій) Явловскій сидѣлъ по другую сторону исправника, прямо на охапкѣ хворосту, брошенной небрежно поверхъ земли. Кешка считался самымъ удалымъ казакомъ въ городѣ. Впрочемъ удаль его выражалась преимущественно въ томъ, что онъ предпринималъ поѣздки въ наиболѣе глухія стойбища туземцевъ, вооруженный дешевымъ товаромъ и вонючимъ спиртомъ и возвращался съ такой добычей мѣховъ и шкуръ, которая на оскудѣвшемъ пропадинскомъ рынкѣ давала тройные и пятерные барыши.

Помимо этой торговли, Кешка былъ шулеръ по профессіи; онъ содержалъ игорный притонъ, наиболѣе посѣщаемый въ городѣ, и безъ зазрѣнія совѣсти обыгрывалъ всѣхъ и каждаго, отъ нищаго поселенца до исправника и до отца протопопа. Онъ завѣдомо передергивалъ карты, но поймать его было трудно. Случалось, что исправникъ, проигравшійся въ пухъ и прахъ, посылалъ его прямо съ вечера въ каталажку подъ замокъ за предполагаемую нечистую игру. Кешка однако не унывалъ и даже не ложился спать, увѣренный, что черезъ часъ или два исправникъ вызоветъ его обратно изъ узилища для того, чтобы попробовать отыграться.

Маленькій старикъ въ короткомъ мундирѣ съ прорванными локтями, безъ шапки, съ небритой бородой и большими волосатыми ушами, топтался на снѣгу передъ сидѣвшими. Онъ былъ видимо навеселѣ.

— Ходи, мертвые!—выкрикивалъ онъ тонкимъ голосомъ, притопывая ногою по мерзлой землѣ.

— Дѣлай!

Это былъ отставной казакъ съ неприличной фамиліей Домошонкинъ. Въ городѣ его больше звали Гагарой, по его визгливому голосу.

Пиршество было въ полномъ разгарѣ, ибо на боченкѣ, изображавшемъ столъ, стояло нѣсколько разнокалиберныхъ стакановъ и мѣдный чайникъ, очевидно наполненный спиртомъ. Закуски впрочемъ было мало, ибо это было время голода даже для пропадинскаго начальства, съ исправникомъ во главѣ. Закуска была представлена кусками ржаной лепешки, сырой, какъ земля и посыпанной крупной солью, и нѣсколькими обрывками сушеной рыбы, болѣе всего похожей на змѣиную кожу. У костра на большой сковородкѣ жарились двѣ небольшія рыбки, случайно выловленныя на удочку изъ забережной воды. Пирующіе однако не роптали и даже находили извѣстнаго рода преимущество въ этомъ голодномъ пиршествѣ. Крѣпкая сивуха забирала сильно на тощій желудокъ и у слабыхъ людей даже отъ запаха шумѣло въ головѣ и глаза разбѣгались въ стороны.

— А, Борисъ Димитричъ!—привѣтствовалъ Шпарзинъ подходящаго юношу.

— А мы гуляемъ понемножку.

— Не хотите ли выпить стаканчикъ?—прибавилъ онъ не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ.

Суровый взглядъ Бронскаго производилъ на него расхолаживающее впечатлѣніе.

— Ну, не хотите, Богъ съ вами!..

Увидѣвъ новаго человѣка, Гагара пересталъ плясать и остановился.

— А, Борисъ, милая душа!—привѣтствовалъ онъ съ своей стороны Бронскаго.

— Стой, стой! Застава!—прибавилъ онъ, видя, что молодой человѣкъ собирается обойти кругомъ кружка пирующихъ.

— Штрахъ съ тебя!—и онъ разставилъ руки, преграждая дорогу Бронскому.

— Полно дурить!—возразилъ Бронскій, однако, безъ всякой суровости.

— Дай пройти.

Гагара былъ житель Голоднаго Конца, обремененный семьей и не имѣвшій ни одного работника себѣ на подмогу. Несмотря на свою старость, ему приходилось работать круглый годъ, и Бронскій неоднократно встрѣчалъ его, то съ тяжело нагруженнымъ возомъ дровъ, то въ утломъ рыбацкомъ челнокѣ, наполненномъ мокрыми сѣтями или ивовыми вершами. Старикъ никогда не жаловался на судьбу и даже въ голодное время сохранялъ веселое настроеніе духа.

— Дай пройти,—повторилъ Бронскій, дѣлая шагъ въ сторону.

— Что, испугался?—воскликнулъ Гагара со смѣхомъ.

— Какой штрахъ!.. Выпей рюмочку, вотъ и штрахъ съ тебя.— Онъ взялъ съ боченка стаканъ и поднесъ Бронскому.

— Вре!..—прибавилъ онъ удивленно на отрицательный жестъ Бронскаго.—Ай вправду не любишь? — Туземцы Пропадинска не были способны повѣрить ничьей трезвости и считали ее притворствомъ.

— А я люблю,—сказалъ Гагара,—и выпью!—прибавилъ онъ, немедленно приводя въ исполненіе свои слова и даже прищурился отъ наслажденія.

— Люблю водочку!—началъ онъ опять довѣрчивымъ тономъ.— Кажется, скажи мнѣ: дай-ка, Гагара, кусокъ тѣла вырѣзать за рюмочку,—я и то дамъ.

— Дай пройти, Гагара!—повторилъ Бронскій, дѣлая движеніе рукой, чтобы отстранить старика.

— А ты кто таковъ—возразилъ немедленно Гагара,—что дѣлалъ, корабли строилъ, въ море напуститься думаешь?

Вопреки безпечному отношенію начальства, среди жителей ходили самые преувеличенные слухи о намѣреніяхъ русскихъ людей и о свойствахъ ихъ будущаго корабля. Говорилось даже, что они дѣлаютъ на свой «мореходъ» жестяной котелъ, съ которымъ можно ходить безъ парусовъ и веселъ, какъ по разсказамъ приморскихъ чукчей, ходятъ американскіе китоловы.

— У нихъ флагъ есть, — продолжалъ Гагара, обращаясь къ пирующей компаніи.—Ей Богу, красный... Я утромъ мимо шелъ, видѣлъ. Еще его этотъ, какъ его, очкастый, на мачту вздергивать пробовалъ...—*Очкастый,* относилось къ Ратиновичу, который носилъ очки. Онъ дѣйствительно прикроилъ флагъ изъ кумачевой рубахи и въ это утро приспособлялъ его къ мачтѣ, но потомъ спряталъ впредь до открытія навигаціи.

— А зачѣмъ красный флагъ?—равнодушно спросилъ Микусовъ.

Политическая невинность «помощника» изъ якутовъ была совсѣмъ райскаго свойства. И въ этомъ отношеніи онъ отсталъ даже отъ индюковъ и дикихъ быковъ, которые питаютъ къ красному цвѣту опредѣленную вражду.

— А правда, что вы въ море напуститься хотите?—продолжалъ Микусовъ съ равнодушнымъ любопытствомъ, не получивъ отвѣта на свой вопросъ. Въ качествѣ человѣка рожденнаго дальше къ югу, въ глубинѣ якутской тайги, онъ повидимому даже не представлялъ себѣ, куда ведутъ дороги полярнаго моря, окаймлявшаго пропадинскій край съ сѣверной стороны.

Бронскій повернулся къ Микусову и посмотрѣлъ ему въ лицо обозленнымъ и настороживщимся взглядомъ. Нервы его напряглись предъ этимъ простымъ вопросомъ, брошеннымъ такъ прямо и без-

церемонно. Онъ обвелъ глазами группу казаковъ, какъ бы сосчитывая ее и механически соображая, какую степень дѣйствительнаго

— Полно пустое молоть! — съ неудовольствіемъ возразилъ Шпарзинъ, еще раньше чѣмъ юноша могъ сказать что либо. —Какія моря; куда имъ ѣхать, кромѣ какъ на устье казенную муку везти.

Въ Пропадинскѣ дѣйствительно были самые законные поводы для того, чтобы завести на рѣкѣ судно или хотя бы большую крѣпкую лодку. На пятьсотъ верстъ пониже города на рѣкѣ Пропадѣ, вплоть до устья, лежала группа поселковъ, которые получали соль, муку и порохъ изъ казенныхъ запасовъ. Рѣка Пропада была слишкомъ бурна для того, чтобы сплавлять грузъ на плотахъ внизъ по теченію, сопротивленія могли бы они оказать предстоящей «навигаціи», фарватеръ былъ малоизвѣстенъ и измѣнчивъ, и теченіе на перекатахъ слишкомъ быстрое. Приходилось вывозить провіантъ зимою на собакахъ, съ платою по три рубля за каждый перевезенный пудъ. Попытка кораблестроительства опиралась именно на эти условія. Товарищи дѣйствительно имѣли въ виду прежде всего вывезти на устье нѣсколько сотъ пудовъ казеннаго провіанта съ платою по рублю за пудъ, и только потомъ продолжить свое плаваніе въ открытое море. Казенный задатокъ былъ полученъ впередъ и употребленъ на покупку различныхъ матеріаловъ.

Примирительное настроеніе Шпарзина не было плодомъ дипломатіи. Онъ дѣйствительно былъ увѣренъ, что энергіи и строительныхъ средствъ колоніи хватитъ именно на то, чтобы построить расшиву и сплавить ее внизъ до устья, но ни на что болѣе. Планъ морской навигаціи былъ ему небезызвѣстенъ, но онъ считалъ его настолько фантастическимъ, что не хотѣлъ о немъ ни говорить, ни думать. Онъ до такой степени былъ увѣренъ въ справедливости своего взгляда, что даже содѣйствовалъ строителямъ доставать по городу различные припасы, необходимые для лучшаго оснащенія строющагося судна.

— А ну васъ!—сказалъ Бронскій, съ необъяснимымъ для него самого разочарованіемъ, и, окончательно отстранивъ Гагару съ дороги, пошелъ далѣе.

Подобныя вспышки недовѣрія были свойственны колонистамъ и во время судостроенія загорались въ нихъ неоднократно при какомъ-нибудь наивномъ и неожиданномъ вопросѣ, но каждый разъ имъ приходилось убѣждаться въ неосновательности своихъ подозрѣній. Бронскій былъ возбудимѣе всѣхъ и, можно сказать, исполнялъ роль часового вокругъ великаго предпріятія колонистовъ, и каждый разъ, когда ему воочію приходилось убѣждаться въ невинности пропадинскаго начальства, онъ испытывалъ невольное разочарованіе, какъ будто ему было бы

пріятно, если бы воображаемая туча, которая какъ будто начинала хмуриться на пропадинскихъ небесахъ, дѣйствительно спустилась и разразилась грозою.

Помимо того, сужденіе Шпарзина задѣло его именно своей опредѣленностью, какъ будто кто ткнулъ его въ больное мѣсто. Съ тѣхъ поръ, какъ судно, сбитое вмѣстѣ, стало красоваться на пригоркѣ передъ школой, его собственное довѣріе къ нему исчезло, и, не отдавая себѣ яснаго отчета, онъ, быть можетъ, былъ настроенъ болѣе скептически, чѣмъ другіе товарищи.

Теперь замѣчаніе Шпарзина нашло отзвукъ въ его собственномъ умѣ, и ему казалось достовѣрнымъ, что это судно не сможетъ плыть дальше устья и, въ концѣ концовъ, исполнитъ только предначертанія мѣстнаго начальства о лучшей перевозкѣ муки.

Глава V.

Тотчасъ же за городомъ начинались густые тальники. Берегъ рѣки здѣсь былъ пологій и песчаный. Начиная съ мая послѣ того, какъ снѣгъ сойдетъ съ земли, это было лучшимъ мѣстомъ для прогулокъ въ окрестностяхъ, ибо песокъ не держалъ воды и скоро отвердѣвалъ настолько, чтобы выдерживать человѣческіе шаги. Бронскій, однако, не пошелъ по берегу и усѣлся на рогатое бревно, которое лежало на пескѣ противъ начала тальниковъ и служило во время пропадинскихъ прогулокъ естественной скамьей для желающихъ отдохнуть.

Рѣка имѣла теперь какой-то странный, безпокойный видъ. Ей было какъ будто тѣсно въ своей ледяной одеждѣ. Она надувалась и напрягалась все сильнѣе и сильнѣе и упираясь хребтомъ въ ледяную кровлю, силилась сорвать ее прочь. Солнце поднималось все выше и выше и замѣтно пригрѣвало на припекѣ. Ручьи талой воды, примолкшіе за ночь, сорвали свои печати и зазвенѣли снова.

За эти немногіе часы, протекшіе съ ранняго утра, внѣшній видъ рѣки поразительно измѣнился. Водныя забереги выросли почти внезапно и занимали уже третью часть рѣчной ширины. Широкая ледяная полоса, покрывавшая рѣку, посѣрѣла и осѣла внизъ. Прежніе слѣды дорожныхъ колей на полотнѣ рѣки превратились въ рытвины, наполненныя водой. Припай, соединявшій съ начала осени матерой рѣчной ледъ съ прибережной почвой, оттаялъ и исчезъ; ледъ теперь не былъ прикрѣпленъ къ берегу и плавалъ на свободѣ, готовый съ минуты на минуты треснуть и отойти къ морю.

Наблюдая за рѣкой, Бронскій перевелъ свой взглядъ вдоль пологаго берега и уже не отводилъ его въ сторону. Вдалекѣ, по песчаной дорогѣ, двигалась точка, которая постепенно приближалась и обратилась въ женскую фигуру. Бронскій угадалъ въ ней Машу не силой зрѣнія, а скорѣе дѣйствіемъ какого то внутренняго чутья. Онъ не отводилъ отъ нея глазъ и понемногу она выростала на горизонтѣ и приближалась къ нему, ярко выдѣляясь на освѣщенномъ солнцемъ склонѣ восточнаго неба. Подъ конецъ ему показалось, будто фигура Маши покрываетъ полнеба и будто она испускаетъ эти яркіе ослѣпляющіе глаза лучи.

Дѣвушка подошла къ бревну и тяжело опустилась рядомъ съ Бронскимъ.

— Ты, Борисъ?—сказала она, не обнаруживая никакого изумленія по поводу неожиданной встрѣчи.—Ухъ, я устала. На Шатунино ходила за рыбой. Иванъ зимусь положилъ.

Она принесла съ собой кожаную котомку, наполненную чѣмъ-то мягкимъ и трепетнымъ и издававшую рѣзкій запахъ. Это была рыба, которую поселенецъ Иванъ закупилъ на шатунинской заимкѣ еще осенью, и которую она переносила теперь на своихъ плечахъ, чтобы сохранить свою семью отъ голода. Рыба была старая, испорченная, замерзшая зимой и снова оттаявшая весной, но это была все же ѣда, и въ этомъ отношеніи семья Арины Ховриной была самая удачливая на всемъ Голодномъ Концѣ.

— Сказывай, Борисъ,—сказала Маша своимъ обычнымъ голосомъ,—гдѣ бывалъ, чего видалъ?..

Отношенія Маши и Бронскаго за минувшіе нѣсколько мѣсяцевъ имѣли странный характеръ. Маша пробовала продолжать свое наивное, беззастѣнчивое ухаживаніе, но, къ ея великому удивленію, Бронскій поддавался меньше, чѣмъ въ первый разъ, и не хотѣлъ отвѣчать на ея откровенные вызовы. Въ то же время онъ не уклонялся отъ общества Маши, повидимому, даже искалъ его, для чего тѣсные предѣлы полярнаго городка давали столько случаевъ. Онъ любилъ также разговаривать съ нею, распрашивалъ ее объ ея семьѣ и объ оригинальныхъ нравахъ и нищетѣ Голоднаго Конца въ зимнее время. Онъ старался разсказывать ей о Россіи и другихъ земныхъ государствахъ и, въ концѣ концовъ, внушилъ ей охоту выучиться грамотѣ. При помощи Ратиновича ученье пошло быстро, и теперь Маша уже довольно бѣгло могла прочесть такія произведенія школьной музы, какъ «Птичка и дѣти» или «Сиротка».

Съ пассивностью, свойственной сѣвернымъ женщинамъ, Маша кончила тѣмъ, что покорилась Бронскому, и въ виду того, что ея собственный пріемъ любви оказался неудачнымъ, рѣшила ожидать

и предоставить инціативу Борису, который, впрочемъ, до сихъ поръ не дѣлалъ рѣшительнаго шага къ сближенію.

Наступило продолжительное молчаніе. Оба они сидѣли совершенно тихо, такъ тихо, что стайки хохлатыхъ турухтанчиковъ, уже занятыхъ первыми битвами любви, перепархивали черезъ ихъ головы такъ непринужденно, какъ будто они составляли часть рогатаго древеснаго ствола, служившаго имъ сидѣньемъ.

Изъ-за небольшой песчаной косы выплыла группа лебедей, штукъ восемь или девять, и, медленно проплывъ по забережью, выбралась на закраину льда, который въ этомъ мѣстѣ сохранилъ прежнюю гладкость. Большія бѣлыя птицы нѣсколько разъ прошлись по ледяной поверхности, какъ бы разминая ноги. Быстрота ихъ шага постепенно увеличивалась, онѣ бѣгали взадъ и впередъ, описывали круги, присѣдали, опять поднимались; другія останавливались на мѣстѣ и застывали въ неподвижной позѣ, поджавъ одну ногу и вытянувъ шею, потомъ опять пускались въ свою своеобразную пляску и гонялись другъ за другомъ тяжело и граціозно, не обращая вниманія на то, что ледъ подъ ихъ ногами дрожитъ и готовъ отколоться и пуститься внизъ по рѣкѣ.

Въ ихъ густыхъ бѣлыхъ перьяхъ пробѣгали волны какъ бы отъ скрытаго желанья, которое разгарается и стремится вырваться наружу. Они соединялись вмѣстѣ и обвивали другъ друга длинными бѣлыми шеями и распускали крылья и какъ бы обнимались ими.

Вся стая пѣла, испуская громкіе разнообразные звуки, похожіе на игру духовыхъ инструментовъ и по временамъ соединявшіеся вмѣстѣ въ странную своеобычную гармонію. Лебедь трубачъ производитъ такіе звуки въ началѣ весенней любви, хотя общепринятая традиція приписываетъ это минутамъ его смерти.

Эта пляска и пѣніе большихъ птицъ, тяжелыхъ, какъ овцы, и гибкихъ, какъ бѣлыя змѣи, представляли необычайное зрѣлище. Въ ней было какое то томленье сладкое и вольное, сильное и безпокойное, какъ въ каждомъ проявленіи природы, откровенной въ своихъ стремленіяхъ и прекрасной въ каждомъ сокращеніи своихъ живыхъ членовъ.

И вдругъ Маша почувствовала, что рука юноши поднимается и ищетъ ея руки. Она отвѣтила на пожатіе такъ же быстро и непринужденно, какъ молодая самка лебедя отвѣчаетъ своему другу на объятіе крыла...

— Машенька,—сказалъ Бронскій негромко,—а, Машенька!— Дѣвушка не отвѣчала и ожидала.

— Пойдешь за меня замужъ, Машенька?

Наступила пауза еще болѣе продолжительная.

Бронскому показалось, что онъ можетъ просидѣть такъ до полуночи, не получая отвѣта на поставленный вопросъ.

— Не пойду!—тихо сказала Маша, но рука ея осталась въ рукѣ молодого человѣка и сохранила нервную теплоту, готовая снова отвѣтить на пожатіе юноши.

— Отчего?—скорѣе подумалъ, чѣмъ сказалъ Бронскій.

— Куда поселенца дѣну?—объяснила дѣвушка самымъ простымъ тономъ.—Если собака ластится, такъ ее грѣхъ отогнать, не то человѣка.

— Поселенца?..—молнія гнѣва пробѣжала по лицу Бронскаго, зажглась румянцемъ на щекахъ, мелькнула въ его глазахъ и оттуда, какъ будто перекинулась въ спокойные голубые глаза молодой дѣвушки и отразилась въ нихъ легкимъ упрекомъ.

— Всѣ вы, мужики, ласые на здоровыхъ,—заговорила она,—а поселенецъ меня больную призрѣлъ. Я въ боли три мѣсяца лежала, вся ранами изокрылась. На, посмотри-ка!

Она засучила рукавъ и показала два широкіе бѣлые шрама на сгибѣ руки, пониже локтя.

— Я на голой землѣ валялась, — продолжала Маша, — никто мнѣ крохи не бросилъ, подстилки подъ меня не подкинулъ. Кабы не поселенецъ, я бы голодомъ пропала. Онъ меня изъ своихъ рукъ кормилъ. Самъ раны мои перевязывалъ, поселенецъ Иванъ...

Бронскій ничего не сказалъ, но только поднялъ руки и крѣпко скрестилъ ихъ на груди, какъ будто удерживая что то, грозившее вырваться наружу.

Раздраженіе дѣвушки тотчасъ же утихло.

— Ты сердишься, Боря?—сказала она своимъ обыкновеннымъ, ласковымъ, немного легкомысленнымъ тономъ.

Бронскій покачалъ головой и не сказалъ ни слова.

Эти странные переговоры разрушали всякое представленіе о возможныхъ отношеніяхъ мужской и женской любви, и въ эту минуту онъ даже не зналъ, какъ относиться къ словамъ и поведенію Маши.

— Боря! — снова сказала Маша, въ свою очередь касаясь руки Бронскаго.—Хочешь *такъ*?—Она произнесла эти слова тихо, но такъ прямо и свободно, какъ будто предлагала ему переломить кусокъ хлѣба на общей трапезѣ.

Бронскій пережилъ короткое, но мучительное колебаніе, потомъ чувство его полилось въ прежнее русло.

— Опять ты?..—выговорилъ онъ съ усиліемъ.—Уйди!

Онъ ощущалъ мучительный стыдъ, именно потому, что эта дѣвушка была чужда стыдливости, по крайней мѣрѣ, той, къ которой пріучили его тетки и сестры, а еще болѣе книги съ ихъ преувеличеніемъ всякаго благородства и щепетильности. Роли его и дѣвушки были извращены, она смотрѣла на вещи и отношенія снисходительнымъ взглядомъ, который въ цивилизованныхъ

странахъ извѣстенъ только мужчинамъ, а онъ отказывался и отбивался отъ предложенія, которое девять десятыхъ его сверстниковъ приняли бы безъ всякаго раздумья.

Избѣгая лица дѣвушки, онъ посмотрѣлъ передъ собою и вдругъ замѣтилъ, какъ широкая ледяная площадь раскололась передъ его глазами поперекъ, какъ разъ по дорожной колеѣ, потомъ передняя часть еще разъ раскололась уже вдоль, и большой кусокъ выдвинулся на прибрежную воду и тихо поплылъ внизъ. Пропадинская рѣка разорвала ледъ, и этимъ разрывомъ какъ будто подчеркнула пропасть, существовавшую между его душой и сердцемъ этой странной полутуземной дѣвушки.

Облако печали, смѣшанное съ досадой, проступило въ лицѣ дѣвушки при этомъ прямомъ отказѣ.

— Жадный ты, скупой!—заговорила она горячо и съ упрекомъ въ голосѣ и даже встала съ мѣста и остановилась передъ Бронскимъ. Всѣ вы русскіе такіе! Чего ты хочешь? Жениться хочешь, завладѣть меня хочешь, какъ вещь свою? Я не вещь твоя, я своя собственная...

— Оставь меня!—сказалъ Бронскій глухимъ голосомъ.

Онъ ощущалъ грубую элементарную боль, какъ будто его рѣзали или прижигали раскаленнымъ желѣзомъ, и еле удерживался, чтобы не крикнуть во весь голосъ.

— Охъ ты, страшной!—сказала дѣвушка, глядя на его измѣнившееся лицо.—Я бы за тебя пошла, ты бы убилъ меня отъ злости твоей... Я не могу по вашему жить. Мы не можемъ по вашему жить, мы пропадинскія дѣвки, мы добрыя, какъ наша матушка рѣка... Охъ, грѣхъ какой!—прибавила она немедленно, въ свою очередь переводя глаза на рѣку и видя начало ледохода,— и изломилась матушка, а я и не увидала за тобой...

Изъ дверей крайняго городского дома, опрометью выбѣжалъ казакъ и сбѣжавъ къ рѣкѣ, поспѣшно бросилъ въ воду щепотку соли и муки въ видѣ умилостивительной жертвы. Жители палили изъ ружей, празднуя вскрытіе. А рѣка тихо катилась впередъ и несла свой ледъ, постепенно вздуваясь и забивая берега осколками.

— Ухъ ты!—повторила Маша съ упрекомъ,—мучится наша матушка, кормилица наша родная,—прибавила она опять съ глубокой жалостью, переводя взглядъ къ рѣкѣ.

Пропадинскіе жители относились къ рѣкѣ, какъ къ живому существу, и жалѣли о ней, какъ о женщинѣ. Вскрытіе льдовъ приравнивалось къ родовымъ мукамъ, беременныя женщины даже избѣгали смотрѣть на рѣку, чтобы не увеличить ея страданій. Въ душѣ Машѣ какой-то необъяснимой связью соединялись вмѣстѣ укоръ этому чужому юношѣ и жалость къ рѣкѣ, мучимой ледо-

ходомъ, какъ будто Бронскій одинаково жестоко относился и къ дѣвушкѣ и къ ея широкой покровительницѣ Пропадѣ.

— Россійскій ты,—сказала Маша, глядя на Бронскаго враждебными глазами,— чужакъ, чуженинъ. Небось, увезъ бы меня отъ матушки рѣки на вашу сухую землю. Чтобы я засохла вся, голодомъ извелась, безъ рыбки святой, на сухомъ хлѣбѣ вашемъ...

Она рѣшительно повернулась и пошла, направляясь къ городу, и отойдя нѣсколько шаговъ, тихонько запѣла старинную пѣсню:

«Сговорила меня мать
За чуженина отдать.
Нейду, нейду, матушка,
Нейду и не слушаю».

Она, видимо, желала подчеркнуть, что разрывъ между нею и Бронскимъ совершился окончательно и отнынѣ никакія попытки къ сближенію невозможны.

Бронскій остался на берегу и продолжалъ сидѣть и разсѣянно смотрѣть на движеніе льда на рѣкѣ. Онъ чувствовалъ въ душѣ странное непривычное раздвоеніе, какъ будто онъ раздѣлился на два отдѣльныхъ человѣка, и оба они были одинаково чужды его дѣятельной и цѣльной природѣ.

Одинъ человѣкъ былъ грубаго первобытнаго типа, какъ пещерный троглодитъ. Онъ имѣлъ крѣпкое тѣло, любилъ тучную ѣду, тяжелую работу. Теперь онъ требовалъ отъ жизни всю сумму грубыхъ наслажденій, которыя она даетъ, какъ острую приправу къ физическому утомленію и лишеніямъ ежедневнаго труда.

Душа этого человѣка была такая же простая, грубая. Его влекло къ этой туземной дѣвушкѣ, главнымъ украшеніемъ которой была свѣжесть, молодая и нечистая, какъ у годовалой телки, выбѣжавшей изъ зимняго хлѣва на весенній просторъ,—отъ которой шелъ острый и опьяняющій запахъ, какъ отъ дикой черемухи, внезапно расцвѣтающей на берегу. И какъ полярная черемуха, она была испачкана землей, забросана сѣрыми брызгами весенняго половодья, и бѣлые шрамы на ея кожѣ свидѣтельствовали, что даже корни ея получали изъ скалистой почвы скудную и нездоровую пищу и, быть можетъ, были заражены одною изъ ужасныхъ болѣзней хирѣющаго сѣвера.

Грубому зоологическому человѣку до всего этого не было никакого дѣла. И онъ жаждалъ ея, былъ готовъ взять ее и унести въ свою первобытную пещеру, какъ неотъемлемую добычу, съ тѣмъ, чтобы владѣть ею и не дѣлиться ни съ какимъ сосѣдомъ или соперникомъ.

Однако, эта дѣвушка съ бѣлыми шрамами на рукахъ не доросла даже до единобрачія. Любовь ея была, какъ любовь въ оленьемъ стадѣ, стихійнаго общеродового типа, и не осложнялась

индивидуальными надстройками, и ея прихотливое влеченіе скользило отъ искателя къ искателю съ вѣтреннымъ любопытствомъ горлицы, перепархивающей съ вѣтки на вѣтку среди тоскующаго призыва разбросанныхъ самцовъ.

Но даже пещерный троглодитъ не могъ согласиться на этотъ общинный бракъ, который нормируетъ нѣсколькими вольными поговорками почти стихійное смѣшеніе половъ и потомства. Поэтому онъ далъ дѣвушкѣ уйти и остался не при чемъ, но теперь его жгло мучительное сожалѣніе, и онъ былъ готовъ желать и требовать, чтобы переговоры возобновились сначала, и чтобы онъ могъ перемѣнить рѣшеніе и принять то, что ему давали.

Такъ чувствовалъ и страдалъ тотъ грубый человѣкъ, пропадинскій троглодитъ изъ юрты на краю города.

Другой человѣкъ, холодный, замкнутый въ себѣ, отмѣчалъ всѣ эти чувства на свои мысленныя таблицы, и обливалъ ихъ незримымъ ядомъ своего безмолвнаго сарказма. Этотъ злой сатанинскій типъ былъ до такой степени чуждъ всему существу Бронскаго, что онъ ощущалъ его, какъ навожденіе со стороны, какъ что-то постороннее, что внѣдрилось въ его умъ и обезсилило волю обыкновенно склонную не къ рефлексамъ, а къ дѣйствіямъ.

Оба эти человѣка стояли другъ противъ друга, какъ два вооруженные врага. Грубый человѣкъ бунтовалъ и не хотѣлъ подчиниться даже уже совершившемуся факту разрыва. Другой молчаливый Бронскій, какъ бы подстерегалъ своего соперника, онъ какъ будто ждалъ минуты, чтобы броситься на него, душить его и топтать ногами, чтобы разрушить грубое иго, которое онъ хотѣлъ наложить на соединявшее ихъ цѣлое.

Бронскій сидѣлъ на берегу и наблюдалъ за ледоходомъ. Рѣка пріобрѣла грозный видъ. Вода быстро прибывала и покрывала прибрежный скатъ. Внизу у острова сдѣлался заторъ. Ледъ пошелъ тѣснѣе и сталъ запруживать рѣку. Новыя и новыя льдины, набивавшіяся въ заторъ, напирали на старыя и выталкивали ихъ на берегъ и заставляли ихъ ползти вверхъ, взрывая передъ собой цѣлые земляные валы.

На срединѣ рѣки шла ожесточенная борьба льдинъ. Огромныя глыбы, ища прохода, взбирались другъ на друга, подлѣзали снизу, дрались, толкались, врѣзывались одна въ другую своими острыми ребрами. Иногда стопудовая масса невидимой силой поднималась вверхъ, выскакивала на сосѣднее ледяное поле и тамъ становилась на бокъ, какъ обломокъ невѣдомаго памятника.

Наконецъ большія льдины перестали проходить, только мелкія съ оглушительнымъ шумомъ перетирались другъ о друга, какъ на чудовищной мельницѣ. Потомъ и это движеніе остановилось. Вода прибывала все быстрѣе и поднималась выше. Устье рѣчки

Сосновки набилось льдомъ изъ рѣки Пропады и утлый мостъ, брошенный на произволъ судьбы строителями, былъ снесенъ прочь и обѣ части города стали совершенно разобщены. Въ одномъ низкомъ мѣстѣ льдины уже добрались до верху косогора, и вода, хлынувъ въ рытвину ручья, затопила прудокъ на болотѣ и даже низкую площадь передъ церковью.

Жители съ безпокойствомъ ходили по берегу и посматривали на воду. Многіе ставили вѣшки для измѣренія ея уровня. Имъ было хорошо памятно ледяное наводненіе 1886 года, когда глыбы льда внезапно хлынули на городъ и снесли безъ слѣда три четверти домовъ. Люди, жившіе на набережной, уносили свои пожитки въ мѣста болѣе безопасныя. Женщины потрусливѣе прятались, чтобы не видѣть грознаго лица рѣки. Другіе переносили свое имущество на крыши, или складывали его въ лодки, собираясь отсиживаться въ нихъ отъ ледохода и отъ слѣдующаго за нимъ половодья, которое заливаетъ Пропадинскъ отъ края до края и черезъ два года въ третій превращаетъ его на нѣсколько дней въ собраніе полуподводныхъ построекъ, напоминающихъ свайную эпоху.

Бронскій сидѣлъ на берегу и смотрѣлъ на ледоходъ. Его душа тоже была наполнена хаосомъ противорѣчивыхъ, сталкивающихся между собою чувствъ, холодныхъ, какъ льдины. Они сперлись вмѣстѣ и стояли нестройной массой, не имѣя выхода и разрѣшенія. Онъ ощущалъ ихъ, какъ униженіе, какъ грубый наростъ, выросшій на его душѣ, въ холодныхъ тискахъ изгнанія, какъ извращеніе своихъ молодыхъ и сильныхъ страстей, требовавшихъ пріобщиться къ потоку жизни и осужденныхъ безплодно сгорать среди этой дикой и отупляющей среды.

Онъ потерялъ ощущеніе времени и не могъ бы сказать, провелъ ли онъ на этомъ мѣстѣ нѣсколько минутъ, часовъ или даже дней. Наконецъ заторъ прорвался, льдины съ шумомъ и трескомъ устремились въ освободившійся проходъ, вода схлынула внизъ съ берега, оставляя за собой груды изломанныхъ и перетертыхъ осколковъ.

И вдругъ Бронскій почувствовалъ, что и въ его груди что-то прорвалось и какъ бы освободилось. Двѣ раздѣленныя половины его души сшиблись другъ съ другомъ и соединились въ одно. Пещерныя чувства его души, какъ будто вырвались наружу и отдѣлились отъ его существа. Сатанинскій рефлексъ исчезъ, смытый прочь стремительной волною. Онъ ощущалъ себя прежнимъ, мрачнымъ, рѣшительнымъ и ненавидящимъ. Теперь онъ не могъ болѣе сидѣть на мѣстѣ, онъ вскочилъ на ноги и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ рѣкѣ. Онъ былъ страшенъ въ эту минуту. Его большіе голубые глаза горѣли. Лицо его

было красно и покрылось пòтомъ, на шеѣ и на вискахъ вздулись толстыя жилы. Короткіе рыжіе волосы слиплись на лбу и большія грубыя руки крѣпко сжались въ кулаки. Онъ ощущалъ приливъ гнѣва, готовность убить, ломать все, что станетъ на дорогѣ, впиться зубами въ барьеръ, броситься грудью на острую сталь. Но предъ нимъ не было ни барьера, ни стали, ничего, кромѣ пустыни и рѣки, наполненной льдомъ.

— Будьте вы прокляты!—сказалъ Бронскій, стискивая зубы и обращаясь въ пространство.

— Будьте вы прокляты!..

Онъ объединилъ въ одномъ общемъ чувствѣ всѣ препоны и враждебныя силы своей жизни, отъ перваго фабричнаго надсмотрщика до послѣдняго тюремнаго сторожа и теперь жаждалъ чуда, чтобы они могли слитьси воедино и превратиться въ одно живое цѣлое, въ чудовищнаго дракона или дьявола, злого, косматаго и грубо тѣлеснаго, для того чтобы онъ могъ вцѣпиться ему въ глотку и погибнуть въ одномъ нечеловѣчески напряженномъ усиліи.

VI.

Ледоходъ кончился благополучно, но половодье въ эту весну было очень низко и на берегу Пропады остался валъ ледяныхъ обломковъ, толстый, какъ крѣпостная стѣна, и мѣстами достигавшій до уже зеленаго угорья.

Жители прочищали въ этой стѣнѣ узкіе проходы, стаскивали лодки къ водѣ, нагружали въ нихъ свое имущество и собакъ и уплывали на рыболовныя заимки, не обращая вниманія на послѣднія глыбы, которыя тянулись узкой вереницей, на самой срединѣ широкой рѣки.

Судостроители подождали день или два, надѣясь, что новый подъемъ воды придетъ и очиститъ берегъ; потомъ они также стали прочищать себѣ дорогу среди ледяныхъ глыбъ и устилать ее досками, приготовленными для спуска. Въ концѣ недѣли грузная ладья уже плавала на вольной водѣ, укрѣпленная на большомъ камнѣ вмѣсто якоря. При этомъ она обнаружила самыя предательскія и немореходныя свойства. Щели, заклеенныя кожей, пропускали воду, какъ рѣшето, и съ первыхъ же минутъ вода набралась до половины корпуса.

Ратиновичъ залѣзъ въ трюмъ съ жестянымъ ковшомъ и со своей желѣзной лопаткой конопатчика. Около двухъ дней онъ велъ ожесточенную борьбу съ всепроникающей стихіей, вычерпывалъ ее вонъ, затыкалъ и замазывалъ каждую щель, поддававшуюся

наблюденію. Иногда онъ дѣйствовалъ, какъ водолазъ, и, погружаясь головой и руками въ эту холодную воду, ощупью искалъ на днѣ судна какую-нибудь особенно зловредную дыру. Наконецъ уровень воды понизился. Судно постепенно поднялось надъ поверхностью рѣки, Ратиновичъ удвоилъ усилія и въ концѣ концовъ достигъ того, что въ трюмѣ оставалось воды по щиколотку. Дальше этого усилія его не пошли. Для полной непроницаемости, въ лодкѣ было слишкомъ много щелей.

Все таки, устлавъ дно трюма досками, можно было даже складывать на нихъ грузъ безъ опасенія подмочки, впредь до перваго новаго разстройства. Хуже было то, что судно оказалось очень тихоходнымъ. Оно было слишкомъ коротко и широко и носъ его плохо рѣзалъ воду. На веслахъ или на шестахъ оно, конечно, могло двигаться, какъ каждая барка. Съ поднятыми парусами оно страннымъ образомъ оборачивалось поперегъ воды и обнаруживало непреодолимое стремленіе двигаться полубортомъ впередъ. Кромѣ того, приставая къ берегу оно имѣло несчастную особенность зарываться носомъ въ песокъ и присасываться такъ плотно, что нужны были самыя отчаянныя усилія, чтобы освободить его отъ плѣна.

— Пьевра, а не судно!—опредѣлилъ даже неунывающій Ратиновичъ, послѣ того, какъ ему пришлось три раза подрядъ раздѣваться и спускаться въ холодную воду для того, чтобы изслѣдовать подводное положеніе киля въ рѣчномъ пескѣ. На вольной водѣ носъ зарывался въ воду и обнаруживалъ самое ослиное непослушаніе рулю; послѣ нѣсколькихъ пробныхъ эволюцій стало очевидно, что въ этой круглой баркѣ нельзя рѣшиться на выходъ въ открытое море.

Послѣ перваго же опыта Ястребовъ ушелъ домой и явился только на слѣдующій день уже съ новымъ чертежомъ. Теперь онъ проектировалъ судно совсѣмъ другого типа, узкое, какъ гоночная гичка, съ прямыми бортами и двумя мачтами, поставленными продольно, для того чтобы не давать судну поворачиваться въ полборта.

Какъ бы то ни было, эволюціи съ судномъ продолжались. Послѣ первой поѣздки на ближайшую заимку, выяснилось, что даже предсказаніе Шпарзина было слишкомъ оптимистично, и что новый корабль не можетъ рѣшиться на плаваніе до устья, за пятьсотъ верстъ, по широкому и бурному руслу Пропады. На первый разъ рѣшено было ограничиться поѣздкой до села Крестовъ за 250 верстъ, на полдорогѣ къ устью Пропады. Грузъ все-таки нашелся и до Крестовъ. Условія передвиженія въ этомъ краѣ были такъ ужасны, что каждый новый способъ, даже самый нелѣпый и фантастическій, находилъ себѣ поприще для примѣненія.

Такимъ образомъ, новые аргонавты спустили въ свой трюмъ партію казенной муки, назначенной для Крестовъ и ближе лежавшихъ поселковъ. Часть этой муки, впрочемъ, назначалась для Нижне-Пропадинска и имѣла быть вывезена съ Крестовъ по дальнѣйшему назначенію на собачьихъ нартахъ и уже по зимней дорогѣ.

Весь наличный составъ судостроителей принялъ участіе въ плаваніи. Ястребовъ сидѣлъ на рулѣ въ полномъ мѣховомъ снаряженіи, несмотря на лѣтнее тепло, и съ ружьемъ за плечами. Онъ какъ будто заранѣе приготовился къ кораблекрушенію и зимовкѣ въ необитаемой мѣстности. Къ общему удивленію, онъ захватилъ съ собой даже лыжи, хотя на вопросъ Ратиновича по этому поводу, онъ не сказалъ ничего и отвѣтилъ только презрительнымъ взглядомъ. Полозовъ стоялъ у парусовъ и тщетно оттягивалъ вправо всѣ шкоты, стараясь удержать судно отъ поперечнаго уклоненія. Калнышевскій, Ратиновичъ и Бронскій работали веслами и шестами.

Бронскій былъ еще замкнутѣе обыкновеннаго, онъ пришелъ только въ самую послѣднюю минуту, когда судно готовилось къ отплытію, и молча прошелъ по сходнѣ на переднее мѣсто въ носу. Съ тѣхъ поръ онъ проявлялъ совершенно необычайную дѣятельность, ворочалъ весломъ даже безъ всякой особой нужды, перекладывалъ грузъ въ трюмѣ, на остановкахъ безъ всякой надобности лазилъ въ воду и часто, не выждавъ товарищей, пытался передвигать судно собственной силой, не обращая вниманія на ея несоотвѣтствіе предпринятой задачѣ. На вопросы по этому поводу, онъ отвѣчалъ молчаніемъ, не лучше Ястребова. Иногда казалось, что онъ даже не слышитъ ихъ и не сознаетъ присутствія товарищей кругомъ себя. Дума или чувство, поглощавшія его, какъ будто облекали его плотнымъ флеромъ и уединяли его отъ другихъ людей, сидѣвшихъ съ нимъ рядомъ на неуклюжемъ кораблѣ.

Путешествіе шло медленно, не больше десяти верстъ въ день. На первой же стоянкѣ судно сильно обсохло, благодаря убыли воды за ночь, и для того, чтобы столкнуть его на воду, пришлось выгрузить часть клади и потомъ переносить ее обратно бродомъ по поясъ въ водѣ. Отплыли только къ вечеру и, пройдя верстъ пять, должны были снова остановиться, ибо судно, потертое во время нагрузки, дало течь по лѣвому борту. Но на этотъ разъ для стоянки выбрали глубокую и очень удобную бухточку.

Къ общему удивленію, какъ только бортъ судна всталъ параллельно берегу, Ястребовъ прямо со своего мѣста прыгнулъ на угорье и ушелъ въ лѣсъ. Другіе укрѣпили судно и осмотрѣли течь, которая оказалась, къ счастью, легко исправимой, но на слѣдую-

щее утро, когда нужно было отправляться въ дальнѣйшій путь, Ястребовъ не явился. Поневолѣ пришлось сидѣть на берегу и ждать его возвращенія.

Болѣе экспансивный Ратиновичъ пробовалъ окликать его изъ лѣсу, потомъ пустился на розыскъ, но заблудился въ тальникѣ и вышелъ на берегъ только послѣ шестичасовыхъ скитаній и на три версты ниже стоянки. Кромѣ того, чтобы вернуться назадъ, ему пришлось перебрести по поясъ черезъ устье ручья, верховья котораго онъ незамѣтно обошелъ въ тальникѣ. Ястребовъ, повидимому, не отходилъ далеко отъ стоянки. Раза два они слышали выстрѣлъ, когда онъ вернулся поздно вечеромъ, съ нимъ не было никакой добычи. Впрочемъ, онъ могъ оставить ее въ лѣсу, ибо результаты охоты его мало интересовали. Съ тѣхъ поръ онъ исчезалъ еще два раза такъ же скоропостижно и не предупреждая никого и одинъ разъ вернулся только черезъ двое сутокъ.

Это было какое-то инстинктивное, совершенно неудержимое стремленіе къ лѣсу, къ скитанію въ таежной глуши. Среди упряжныхъ собакъ бываютъ псы съ такими же инстинктами. Они цѣлый день упорно тянутъ лямку, а на ночлегѣ перегрызаютъ привязь и уходятъ въ лѣсъ. Къ утру, или къ слѣдующему вечеру, они возвращаются обратно и снова подставляютъ спину упряжи, и никакое наказаніе не можетъ отучить ихъ отъ этой цыганской привычки.

На пятнадцатый день пути, подъ урочищемъ Быстроватымъ, произошла первая серьэная непріятность. Рѣка Пропада въ этомъ мѣстѣ раздѣляется на два русла, изъ которыхъ одно очень широкое и мелкое, а другое, узкое и глубокое, представляетъ настоящій фарватеръ. Входъ въ оба русла замаскированъ островами и протоками, гдѣ очень легко потерять настоящее направленіе.

У путешественниковъ, разумѣется, не было карты даже приблизительной, ибо на Пропадѣ еще никогда не производилось съемокъ. Указанія жителей почти всегда были настолько невразумительны, что Полозовъ, бывшій обыкновенно лоцманомъ, предпочиталъ руководствоваться собственными глазами, не полагаясь на распросы, хотя онъ добросовѣстно производилъ ихъ во всѣхъ жилыхъ мѣстахъ. У Ястребова на этотъ счетъ были иные взгляды. Онъ постоянно присутствовалъ при распросахъ, выслушивалъ ихъ молча, не сдѣлавъ ни одного замѣчанія, и потомъ что-то вычерчивалъ въ своей записной книжкѣ, составляя, повидимому, предположительную карту Пропады. Управляя рулемъ, онъ придерживался этой карты, даже несмотря на то, что изъ-за парусовъ ему часто не было видно направленія, и онъ долженъ былъ ожидать указаній Полозова. Иногда, когда Полозовъ кричалъ: вправо, Ястребовъ медленно поворачивалъ руль въ противоположную сторону и за-

ставлялъ ладью переходить на лѣвый берегъ рѣки, потому что, по его предположенію, главная струя рѣки била не вправо, а влѣво.

Именно это произошло у раздвоенія протоковъ. Ястребовъ направилъ лодку въ мелкое русло и, видя его ширину, онъ съ увѣреннымъ видомъ пустилъ судно по самой срединѣ и продолжалъ направлять его такимъ образомъ, пока киль черпнулъ по мелкому мѣсту, и лодка должна была остановиться.

Произошло смятеніе, аргонавты попытались проталкиваться шестами, отыскивая болѣе глубокое мѣсто, но прохода не было во всю ширину протока былъ мелкій перекатъ, и теченіе било черезъ него быстро и бурливо, затаскивая несчастное судно все дальше на мель. Аргонавты спрыгнули въ воду и попытались протолкнуть лодку обратно, но быстрина сбивала ихъ съ ногъ и не давала дѣлать напряженія. Пришлось лѣзть обратно въ лодку и проталкиваться назадъ шестами. Болѣе сутокъ пришлось потратить, чтобы сойти съ мели и потомъ вернуться къ мѣсту раздвоенія протоковъ. Аргонавты толкались на шестахъ, а на мелкихъ мѣстахъ слѣзали въ воду и проводили лодку на рукахъ къ новой глубинѣ. Все это время они не спали и не приставали къ берегу.

Когда, наконецъ, они обогнули роковой пунктъ и снова пошли внизъ по теченію вдоль истиннаго русла, Ратиновичъ упалъ на скамью и заплакалъ отъ злости. На немъ не было сухой нитки, и зубы его стучали отъ холода и усталости. Даже Калнышевскій ругался. Только Бронскій относился къ этому такъ, какъ будто именно для этого онъ отправился въ плаваніе. Онъ два раза ломалъ свой шестъ силой упора и переходилъ къ другому запасному. Большую часть всего этого времени онъ провелъ въ водѣ и безъ его равнодушнаго упорства, они, быть можетъ, такъ и не выбрались бы изъ этого труднаго мѣста. Черезъ три дня послѣ этого промедленія, они достигли села Крестовъ и сгрузили на берегъ муку.

Обратный путь противъ теченія былъ еще труднѣе. Лодка даже безъ груза была очень тяжела. Плохо выкрашенное дерево втягивало воду и разбухало, а вытаскивать лодку на берегъ для сушки требовало слишкомъ много труда и возни. Хуже всего было то, что парусность лодки оказалась такъ слаба, что даже при среднемъ вѣтрѣ не преодолѣвала силы теченія. Большую часть пути поэтому пришлось тащить лодку бичевой, идя пѣшкомъ по отлогому берегу, перебредая ручьи и по временамъ перегребая на веслахъ на противоположный берегъ. Это путешествіе заняло три недѣли. Аргонавты измѣнились за это время, загорѣли съ лица и отощали въ тѣлѣ.

Когда, наконецъ, ладья въ послѣдній разъ перегребала къ городу отъ нагорнаго берега къ луговому, ей попалась лодка,

которая отправлялась за рѣку на рыбацкую тоню. Лодка была завалена звеньями большого невода. Иванъ сидѣлъ на веслахъ, а Маша на рулѣ. Братъ Маши, Пронька, сидѣлъ на заднихъ короткихъ веслахъ. Они привѣтствовали лодку криками «ура», а Маша даже стала махать платкомъ. Со времени отъѣзда ко Крестамъ лодка внезапно пріобрѣла большую популярность въ Пропадинскѣ и теперь считалась одной изъ городскихъ достопримѣчательностей, и потому жители были искренно рады ея появленію. Маша и Иванъ раздѣляли общее увлеченіе. При видѣ крѣпкой фигуры Бронскаго, Маша даже простила невѣжливость, которую онъ оказалъ ей полтора мѣсяца тому назадъ, но Бронскій посмотрѣлъ на нее равнодушнымъ взглядомъ и даже не отвернулся въ сторону.

Голова его была наполнена совершенно другими мыслями и предъ ними его несчастная любовь блѣднѣла и умалялась. Онъ продолжалъ ощущать тотъ же самый странный феноменъ раздвоенія личности.

Одинъ Бронскій бунтовалъ противъ окружавшей жизни и жаждалъ разбить ея цѣпь, сломать что нибудь тяжелое и крѣпкое, но подъ рукой не было ничего, кромѣ деревянныхъ веселъ или лодочныхъ шестовъ. Другой молчаливо насмѣхался надъ этимъ безуміемъ и доказывалъ мысленно, что нѣтъ выхода, нѣтъ даже врага и объекта для проклятій и неожиданно для самого Бронскаго этотъ другой переходилъ отъ пропадинскихъ условій къ устройству всей міровой жизни и доказывалъ, что все это одно и то же, и что вся вселенная есть обширная тюрьма, а Пропадинскъ составляетъ въ ней маленькій, чуть замѣтный, уголъ.

Быть можетъ, первый разъ въ своей жизни Бронскій философствовалъ, заглядывалъ, такъ сказать, мірозданію въ лицо, спрашивалъ, въ чемъ его смыслъ. Взглядъ его, окрыленный ненавистью, расширялъ свой кругозоръ, проникалъ за горизонтъ пропадинской пустыни, облеталъ землю, потомъ взвивался въ высоту и пронзалъ ея нѣмую бездну и вездѣ находилъ ту же тьму, безсмысленную злобу, ненужное и безпричинное мучительство. Въ этой безднѣ было что-то ужасное, сатанинское. У него кружилась голова, какъ на краю обрыва и онъ мысленно закрывалъ глаза, чувствуя, что бездна привлекаетъ его, и какъ будто готовый сдѣлать прыжокъ въ пространство.

Это было чувство ужаса передъ жизнью, передъ ея безпредметной механической жестокостью, острая тоска, которая посѣщаетъ людей предъ смертью и напередъ подрѣзываетъ духовную нить жизни, убиваетъ ея энергію и дѣлаетъ ее готовою для послѣдняго предательскаго удара. Она въѣлась въ сердце Борису Бронскому и разсылала въ его жилы свои отравленные соки въ

то самое время, когда ноги его брели въ холодной водѣ и руки его изо всѣхъ силъ напрягались, чтобы повернуть весло или передвинуть неуклюжую корму грузной ладьи.

Эти непривычныя и тяжелыя мысли вращались въ его головѣ, какъ чугунныя колеса, и тянули съ неуклонной правильностью ту же холодную и безотрадную цѣпь сужденій. Въ тѣ четыре или пять дней, которые онъ провелъ вдали отъ товарищей въ своей юртѣ, онъ пробовалъ заносить ихъ на бумагу и первый разъ въ жизни велъ нѣчто въ родѣ дневника. Вернувшись изъ плаванія, онъ опять возобновилъ свои записи.

VII.

Отрывки изъ дневника Бронскаго.

1. Сколько времени прошло съ тѣхъ, какъ я умеръ? Сколько лѣтъ минуло, послѣ того, какъ я былъ внезапно вырванъ изъ жизни и дѣйствительности и перенесенъ въ это смутное царство холодныхъ призраковъ и мрака? Это было такъ давно и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ недавно.

Теперь воспоминаніе потускнѣло, но я все еще живо помню сладкій восторгъ моей семнадцатилѣтней поры, душевный трепетъ, благоговѣйный экстазъ, съ которымъ я принималъ новое слово. Мы всѣ какъ будто были заранѣе приготовлены къ его благовѣстію, оно пришло, покорило насъ и увело съ собою на свѣтлый и широкій путь, который открылся такъ пышно и плодотворно, потомъ ушелъ вдаль и дошелъ до этой ледяной пустыни. Есть же страны, въ которыхъ можно жить, дышать, говорить, работать по человѣчески! Я готовъ жалѣть о томъ, что я не родился французомъ или англичаниномъ, или о томъ, что разъ выбравшись на просторъ, вернулся въ тѣ плѣнные предѣлы, гдѣ дороги уставлены капканами и волчьими ямами, и гдѣ шайка хищныхъ людей строитъ свое служебное повышеніе а гибели невинныхъ, неопытныхъ и великодушныхъ юношей.

Я помню тяжелую черную дверь, запахнувшуяся за мной въ первый разъ съ унылымъ грохотомъ. Я помню утро. На дворѣ сіяло солнце и лучи его проникали въ камеру, рисуя на полу густой переплетъ рамы, прорѣзанный темными и свѣтлыми чертами. Я лежалъ на грубой деревянной кровати, одинъ безъ друзей, безъ надежды на помощь, и плакалъ, закрывая глаза, чтобы удержать лившіяся слезы, и солнце весело играло въ свѣтлыхъ слезинкахъ, стекавшихъ съ моихъ рѣсницъ. Тогда, я помню, я далъ себѣ клятву, что никогда больше не буду плакать передъ

ударами враговъ, и что во всю жизнь мою ничѣмъ не отступлю ни на шагъ съ дороги чести и труда.

— Я Борисъ,—сказалъ я себѣ,—для того, чтобы бороться,—и мнѣ казалось, что имя мое выбрано таинственнымъ предопредѣленіемъ и указываетъ мнѣ дорогу въ будущемъ.

Что было потомъ? Чѣмъ были наполнены эти долгіе годы? Трудъ грубый и безцѣльный, ничѣмъ не связанный съ человѣчествомъ, направленный на удовлетвореніе элементарныхъ потребностей жизни. Тоска, наполнявшая это время, была такъ интенсивна и плотна, что получила характеръ реальнаго содержанія, ежедневнаго обычнаго занятія и работы. Помню, я долгое время роптадъ и, выражаясь высокимъ слогомъ, бился въ стѣны своей клѣтки.

— Я хочу жизни, хочу простора!—неустанно повторялъ я плотнымъ и высокимъ льдамъ, окружавшимъ нашъ пріютъ, и ледяныя горы только повторяли мой крикъ и не давали отвѣта...

---

2. Ненависть моя, ненависть. Она точитъ мнѣ сердце, капля за каплей, какъ ѣдкая кислота. Ночью и днемъ, она всегда со мною. Я слышу ея горькую примѣсь въ каждомъ кускѣ хлѣба, въ каждомъ глоткѣ воды. Когда я сплю, она лежитъ подъ моей подушкой и ночью взбирается на мою грудь и душитъ меня, какъ оборотень. Въ часы безсонницы она подсказываетъ мнѣ ужасныя сказки, которыя слишкомъ страшно было бы передать другому человѣческому существу.

Она унижаетъ меня, она превращаетъ меня въ хищнаго звѣря, забитаго въ клѣтку и сгорающаго алчной жаждой крови и терзанія.

Но безъ нея я не могъ бы ни жить, ни дышать, ни ходить по землѣ, ни смотрѣть на солнце. Дай же мнѣ, судьба, когда нибудь насытить ее сразу, полной мѣрой, красной и кровавой, тяжелой и ядовитой, какъ чаша ртути, нагрѣтой до кипѣнія. Потомъ мракъ, черная завѣса, пустота...

---

3. Кто возложилъ на меня иго этого Вавилонскаго плѣна? Если бы какой нибудь досужій сердцевѣдъ не написалъ обо мнѣ своего легкомысленнаго рапорта, я проскочилъ бы сквозь петли черной сѣти, и жизнь моя могла бы получить совсѣмъ иное направленіе... Неужели это правда? Допустить это было бы слишкомъ унизительно. Я думалъ объ условіяхъ русской жизни, но и они преходящи. Есть ли иныя причины, болѣе постоянныя и глубокія, обусловившія несчастье моей жизни?

Всмотрѣвшись внимательнѣе, я нахожу цѣлый рядъ такихъ причинъ.

Первымъ несчастьемъ моей жизни является ея краткость. Что значили бы для меня эти пять или восемь лѣтъ, лучшіе годы моей молодости, если бы жизнь продолжалась для меня вѣкъ, два вѣка, тысячелѣтіе, вѣчность?

Но смерть стоитъ у порога и сторожитъ свои жертвы, какъ хищникъ добычу.

Что скрывается за ея завѣсой? Небытіе или мука? Неизвѣстность страшитъ меня не менѣе ожиданія самыхъ страшныхъ мукъ, ибо высшая творческая сила вложила въ меня непреодолимую привязанность къ этому эфемерному существованію, которое зовется жизнью.

Чѣмъ же оправдывается эта привязанность для меня, а не для цѣлей власти творчества?

Есть ли что нибудь въ содержаніи этихъ немногихъ лѣтъ, что дѣлаетъ ихъ столь привлекательными для меня?

Я брошенъ въ безднѣ пространства, среди безчисленныхъ міровъ, на маленькомъ осколкѣ сгустившейся матеріи, называемой землею.

Мнѣ доступна только поверхность этого осколка, мнѣ извѣстна только ничтожная часть этой поверхности. Остальное я знаю по наслышкѣ или вовсе не знаю. Я окруженъ тайнами извнѣ и изнутри, одинаково великими и безконечными, и въ атомѣ вещества, и въ движеніяхъ небесныхъ звѣздъ.

Высшія силы вложили въ меня, неизвѣстно зачѣмъ, страстное стремленіе къ ихъ познанію, но средствъ къ его удовлетворенію у меня нѣтъ. Ограниченному моему уму доступны только призраки, мнимыя тѣни мнимой истины. Вѣку, въ которомъ я живу, извѣстны лишь жалкія крохи знанія, мнѣ же знакомы лишь немногія ничтожныя пылинки этихъ жалкихъ крохъ. Невѣжество, затоптанное во прахѣ, есть удѣлъ, въ которомъ я родился и въ которомъ я умру.

Въ чемъ состоитъ повседневное проявленіе моей жизни? Высшая сила дала мнѣ плоть и вложила въ нее нѣсколько потребностей, низменныхъ и элементарныхъ, равняющихъ меня съ самыми грубыми скотами, къ чьей семьѣ я принадлежу.

Для того, чтобы я слѣпо слѣдовалъ указаннымъ мнѣ путямъ, въ началѣ каждой потребности поставлено алчущее желаніе, а въ концѣ простая и сильная приманка. Удовлетвореніе потребности угашаетъ соблазнъ и оставляетъ по себѣ пресыщеніе и тупую тоску. Въ непрерывныхъ желаніяхъ и удовлетвореніяхъ этихъ грубыхъ потребностей состоитъ моя жизнь.

Мало того. Внѣшній міръ устроенъ совсѣмъ не такъ, чтобы эти первобытныя желанія удовлетворялись легко. Для того, чтобы достигать своихъ грубыхъ цѣлей, я долженъ бороться, истощать

свою тѣлесную силу, напрягать изворотливость моего ума для того, чтобы вырвать у скупой природы средства для погашенія своихъ желаній. Жизнь моя состоитъ изъ истощающихъ усилій этой борьбы, а также изъ мучительной жажды тѣхъ желаній, которыя осуждены оставаться безъ удовлетворенія. На стезѣ этой борьбы, я встрѣчаюсь каждый день съ опасностями, и на днѣ каждой таится худшій врагъ,—уничтоженіе, которое можетъ наступить непредвидѣнно, каждую минуту, и урѣзать даже жалкую мѣру времени, удѣленную высшей силой мнѣ или моимъ товарищамъ.

Я сказалъ: моимъ товарищамъ, ибо я созданъ не одинъ. Рядомъ со мною высшая сила создала неисчислимую и многообразную толпу тварей, подобныхъ мнѣ и чувствующихъ и страдающихъ, какъ я. Несмотря на братство скорби и униженія, соединяющее ихъ, всѣ они, собравшись на аренѣ слишкомъ тѣсной, ведутъ между собой непрерывную и ожесточенную войну, терзаютъ, убиваютъ и поѣдаютъ другъ друга, равные истребляютъ равныхъ и сильные слабыхъ. Война эта ярче и ужаснѣе всего, ибо въ ней уже не мертвая природа, а сама жизнь погубляетъ жизнь. Все пространство земли, наполненное жизнью, наполнено войной; по мнѣнію многихъ, война составляетъ сущность добра и прогресса, она обусловливаетъ всѣ высшіе процессы жизни, даже вырабатываетъ наиболѣе тонкія и дѣйствительныя орудія для успѣха. Я тоже участвую въ этой войнѣ, истребляю ежедневно для своего существованія другія живыя существа, питаю кровь свою чужой кровью и плоть свою чужой плотью, стараюсь преуспѣвать въ этой войнѣ и горжусь своими успѣхами, какъ доблестью.

Съ существами, болѣе другихъ подобными мнѣ, т.-е. съ людьми, мои отношенія основаны на той же безжалостной и необходимой войнѣ, съ той разницей, что я не стремлюсь превратить ихъ непосредственно въ трупы, ибо я не питаюсь ихъ плотью, какъ это дѣлаютъ многія племена подобныхъ мнѣ людей. Я предпочитаю тѣмъ или инымъ путемъ, обманомъ или обмѣномъ, порабощать ихъ своей волѣ, для того, чтобы они дѣлились со мной плодами своихъ преступленій надъ другими тварями. Если они при этомъ будутъ страдать отъ неудовлетворенія своихъ тѣлесныхъ желаній, тѣмъ хуже для нихъ.

Таковы мои отношенія ко всѣмъ инымъ живымъ существамъ, однако, такъ какъ я сознаю, что ихъ желанія и страданія въ главныхъ чертахъ подобны моимъ, то я, до извѣстной степени, способенъ проникаться этими страданіями, такъ что видъ ихъ или мысленное представленіе можетъ рождать во мнѣ слабый отзвукъ страданія, какъ бы принадлежащаго мнѣ самому. Обыкновенно, это бываетъ

послѣ того, какъ мои личныя желанія удовлетворены, какъ будто для того, чтобы дать новое занятіе великой способности общаго страданія, на минуту задремавшаго въ моей душѣ.

Далѣе высшая сила вложила въ меня способность различенія добра и зла, благородства и низости, добродѣтели и грѣха.

При свѣтѣ этой способности, всѣ дѣйствія, наполняющія и созидающія мою жизнь, являются черными и нечистыми. Поэтому она находится въ противорѣчіи со всѣмъ строемъ жизни, какъ моей, такъ и всемірной. Она рисуетъ мнѣ зато идеалъ такого мірового устройства, при которомъ всеобщая война была бы уничтожена, и страданіе сдѣлалось несуществующимъ, или значительно уменьшеннымъ. Идеалъ этотъ такъ широкъ, что мой слабый умъ не можетъ возсоздать даже главныя черты его, но и то смутное представленіе, которое живетъ во мнѣ, наполняетъ мое сердце мечтательнымъ восторгомъ и заставляетъ его биться сильнѣе.

Но способность, создающая идеалъ, не показываетъ никакихъ путей къ его осуществленію, и всѣ пути, которые пытается изобрѣсти мой умъ и подставить на мѣсто неизвѣстности, являются ухищреніемъ схоластики, покушеніемъ съ негодными средствами, а человѣчество идетъ своимъ кривымъ и жестокимъ путемъ.

И чтобы остановить кровавую войну, есть только одно средство: война противъ войны, кровь противъ крови, сила противъ силы, пока не изойдетъ духъ и не разорвется грудь отъ напряженія...

Боже, Боже, зачѣмъ я заточенъ въ этой холодной темницѣ? Зачѣмъ не было дано мнѣ погибнуть въ яркой битвѣ, со знаменемъ въ рукѣ и съ призывомъ на устахъ, чтобы сразу вылилась изъ сердца моя горячая кровь и угасъ мой духъ въ страсти и гнѣвѣ, какъ факелъ, возженный въ высотѣ и догорѣвшій до рукоятки?..

Когда же осуществится на землѣ золотая идиллія грядущаго золотого вѣка? Далеко, безконечно долго ждать. Мое низшее *я*, отрицаемое и попираемое идеаломъ и его надеждами, возмущается въ свою очередь и заявляетъ свой протестъ. Оно заявляетъ, что ему нѣтъ дѣла до грядущаго, что къ тому времени отъ него не останется даже слѣда, что оно несогласно безропотно переносить столько страданій и жертвовать своими немногими радостями, для того, чтобы другія существа въ отдаленномъ будущемъ не знали этихъ страданій, и заявляетъ, на ряду со всѣми будущими поколѣніями, притязаніе на участіе въ радостяхъ золотого вѣка, какъ свое прирожденное неотъемлемое право.

Когда мое высшее *я*, по своему обыкновенію, съ презрѣніемъ отбрасываетъ притязаніе моего эгоизма за предѣлы своего поля зрѣнія, мой разумъ не успокоивается и продолжаетъ протестъ. Помимо моего существа, онъ указываетъ на толпы другихъ существъ, которыя жили и живутъ, страдая, ничего не зная о грядущемъ царствѣ добра и не имѣя даже способности помыслить о немъ. Отъ мошки, обожженной на свѣчѣ, до воина, погибшаго въ бою, всѣ они имѣютъ такое же право на счастье, какъ ихъ будущіе собратья. Какъ бы ни былъ прекрасенъ грядущій золотой вѣкъ, онъ не искупитъ этихъ страданій, не оправдаетъ мгновенной боли жалкаго червяка, случайно растоптаннаго въ грязи, ибо самая мысль объ искупленіи невозможна; прошлое исчезло навсегда, и самый прахъ погибшихъ тварей служитъ матеріаломъ для образованія новаго и новаго потомства.

Грядущее добро и красота есть вопіющая несправедливость предъ лицомъ прошлаго. Идеалъ блѣднѣетъ, и надежда рушится. Міръ предстаетъ предо мной въ своей грубой наготѣ, какъ чаша переполненная страданіемъ, безъ просвѣта въ прошломъ, безъ обѣщаній въ будущемъ; является какимъ то безконечнымъ адомъ, даже хуже ада, ибо въ аду есть владѣющіе имъ демоны, которые услаждаются муками грѣшниковъ, но которымъ можно отвѣчать ненавистью за ихъ злобу, а міромъ правитъ слѣпая сила, неизвѣстность никому недоступная, которую даже ненавидѣть нельзя и которой приходится подчиняться безъ протеста и сопротивленія. И если душа чувствуетъ гдѣ то за покровомъ девяти безднъ небесныхъ, присутствіе страшнаго врага, со злобой сто кратъ большей, чѣмъ злоба сатанинская, то образъ его настолько смутенъ, что даже страхъ раба предъ властелиномъ не можетъ найти опредѣленной формы и остается въ видѣ смутнаго, но тѣмъ болѣе мучительнаго чувства.

Умъ не можетъ выносить такого ужаснаго зрѣлища и пытается инстинктивно отвернуться, погрузиться хоть въ хаосъ ежедневныхъ заботъ и будничныхъ бѣдствій. Когда же жизнь насильно заставитъ его возвести свой взоръ къ этому адскому водовороту страданія, разрисованному, словно въ насмѣшку, самыми яркими и радужными красками, онъ съ ожесточеннымъ отчаяніемъ, начинаетъ искать выхода.

---

4. Пора мнѣ бросить игру въ прятки съ самимъ собою. Какой выходъ возможенъ изъ этого плѣна и какой желателенъ? На этотъ вопросъ есть три разные отвѣта.

— Борьба!—говорятъ одни, — борись съ торжествующимъ

зломъ, оспаривай его побѣду, сколько хватитъ силъ и если придется погибнуть, пади съ призывомъ на устахъ и негодованіемъ въ сердцѣ.

Я боролся, пока вѣрилъ въ грядущее. Безъ вѣры нѣтъ силъ для борьбы. Даже Прометей на скалѣ могъ выносить терзанія коршуна, только поддерживаемый надеждой на грядущее торжество. А у меня нѣтъ даже коршуна, есть только время, медленное, тусклое, тихо плывущее впередъ и уплывающее въ пустоту. Мнѣ не съ кѣмъ бороться, а ждать во мглѣ я больше не въ силахъ...

— Замкнись въ самого себя!—говорятъ другіе,—твоя свобода внутри тебя. Сѣть, которая улавливаетъ твою душу, есть смѣшеніе соблазновъ, грубыхъ приманокъ и страстныхъ желаній;—сбрось ее съ себя, отрекись отъ требованій тѣла и страстей души, отъ любви и ненависти, отъ сожалѣнія и надежды, будь выше всего этого, создай въ своей душѣ скалу и съ высоты ея смотри на водоворотъ, кипящій у ногъ твоихъ, и пусть волны его лижутъ твое подножіе и будутъ для тебя также, какъ мимолетныя облака, проходящія у ногъ утеса. Отрекись отъ жизни, и тогда казнь и кара отрекутся отъ тебя и ты будешь чистъ, холоденъ и свободенъ, какъ горный снѣгъ, уединенно лежащій въ лощинѣ скалистаго ущелья!..

Отрекись!.. легче сказать вѣтру, чтобы онъ перестаіъ завывать въ пустынѣ, велѣть огню, чтобы онъ не жегъ и не металъ въ вышину раскаленныхъ искръ, заставить море, чтобы оно не вело на скалистый берегъ безплодный прибой своихъ растрепанныхъ валовъ, чѣмъ приказать бурному сердцу отречься отъ своихъ страстей.

Даже отшельники въ пещерахъ и столпники на своихъ каменныхъ столбахъ не могли приказать умолкнуть искушенію своей души и проводили долгіе дни и безсонныя ночи въ борьбѣ съ соблазномъ, имѣвшей столько же паденій, сколько и дѣйствительная борьба жизни. Если я отрекусь отъ соблазна жизни, къ чему мнѣ самая жизнь? На что мнѣ утесъ, стоящій въ вышинѣ, чтобы я застылъ тамъ, какъ безчувственный камень, мрачнѣе и тоскливѣе даже облаковъ, бѣгущихъ мимо? Лучше конецъ полный и безусловный, съ одного размаха, однимъ прыжкомъ...

Третьи даютъ именно этотъ совѣтъ:—Бѣги!—говорятъ они,—оставь это царство злобы и муки, тому, кто создалъ его, а самъ уйди прочь въ область невѣдомаго. Если сѣть жизни опутала тебя со всѣхъ сторонъ веревками соблазна и желанія, ты не пытайся, какъ факиръ, изсушить свое тѣло, чтобы выскользнуть изъ ея связей, но разруби ихъ, какъ воинъ, мечомъ. Твоя жизнь есть

казнь, отбрось ее, какъ ненужное бремя, и устремись за грань той бездны, гдѣ царствуютъ покой и забвеніе. И когда смерть, всесильная владычица, придетъ искать тебя, какъ обреченную жертву, она не найдетъ тебя въ этихъ тлѣнныхъ предѣлахъ...

Но развѣ я хочу покоя и забвенія? Въ моемъ сердцѣ слишкомъ много гнѣва и негодованія для того, чтобы стремиться къ покою, а нераздѣльная самодовлѣющая сила, проникающая мое существо и дающая ему жизнь, утверждаетъ свою неуничтожаемость и возмущается противъ забвенія.

Мнѣ такъ трудно разобрать, чего же я, наконецъ, хочу,—ни борьбы, ни покоя, ни ненависти, ни покорности, ни протеста, ни отреченія. Въ сердцѣ моемъ столько голосовъ, сколько откликовъ въ темныхъ извилинахъ пещеры, и я не могу разрѣшить, который изъ нихъ есть голосъ истины.

---

5. Такъ вотъ каковы мои земныя связи, якоря, на которыхъ я хотѣлъ укрѣпить свою земную жизнь!.. Низкія страсти, призывы животной природы, похоть, обжорство, грубый и тяжелый трудъ. Вотъ жизнь, которую судьба предлагаетъ мнѣ въ послѣдній разъ, какъ бы въ насмѣшку надъ тѣми радостями и дарами, отъ которыхъ я нѣкогда отрекся.

Жить до поздняго гроба бокъ о бокъ съ толпой дикарей, заложить первый корень новой семьи полярныхъ троглодитовъ, думать весь вѣкъ только о пищѣ, объ элементарной защитѣ жизни. Голодать каждую весну, излишествовать лѣтомъ, одичать до потери человѣческаго образа и до забвенія всѣхъ прежнихъ волненій и дѣлъ... Такъ нѣтъ же, не будетъ этого! Какъ приростить мое отвердѣлое сердце къ свѣжему корню первобытной человѣческой жизни? Ржавое желѣзо не прирастаетъ къ живой плоти, но отравляетъ ее своей ржавчиной и, смоченное живой кровью, разсыпается во прахъ. Мнѣ не нужно семьи, не нужно подруги, ни дома, ни дѣтей, ни имѣнія. Я свободенъ, какъ зимній вѣтеръ, я властелинъ своей судьбы. Захочу, останусь и буду смотрѣть въ лицо самому губительному гнету, захочу, уйду, куда мнѣ угодно и какъ мнѣ угодно.

Боже мой, Боже мой! Какая боль, какая тоска! Какъ будто что-то вырвано изъ сердца съ грубымъ и кровавымъ насиліемъ, и оно трепещетъ отъ муки, рана зіяетъ, кровь сочится. Что мнѣ дѣлать, куда мнѣ дѣться?

---

6. Наконецъ, я пережилъ самые жестокіе часы моей жизни, наиболѣе тяжелую борьбу, какая только дается человѣку на землѣ. Я знаю, что мнѣ дѣлать, я нашелъ исходъ, единственно возможный и безвозвратный, тотъ выходъ изъ неволи, который находили до меня многіе мужественные люди. Я перешелъ Рубиконъ и теперь стою на другомъ берегу, я остановился на нѣсколько мгновеній, чтобы собраться съ мыслями. Потомъ я пойду впередъ и исчезну во тьмѣ.

Сзади себя я оставляю несчетную тьму существъ, подобныхъ мнѣ, которыхъ я раньше называлъ братьями и сожалѣлъ объ ихъ судьбѣ. Теперь я уже не жалѣю ихъ такъ, какъ прежде, ибо я знаю, что они будутъ съ той же страстью и страхомъ цѣпляться за связи этой жалкой и ничтожной жизни. Пускай же они остаются влачить свои позорныя цѣпи! Я отправляюсь искать свободы; кто хочетъ, пусть слѣдуетъ за мной!

Послѣднее проявленіе моей братской любви, есть призывъ ко всѣмъ, кто думаетъ и страдаетъ въ этомъ ужасномъ мірѣ.— отречься отъ него и пробить себѣ дорогу сквозь его заколдованную ограду. Это легче, чѣмъ можно думать. Остальные пускай остаются. Если они не желаютъ свободы, то они заслуживаютъ носить свое рабское иго.

О себѣ я знаю, что мнѣ нѣтъ мѣста на этомъ свѣтѣ. Идти мнѣ некуда. Въ душѣ моей нѣтъ живой силы. Я могъ бы только умереть въ больницѣ, или издохнуть подъ заборомъ, какъ ненужная собака. Пусть же лучше я умру здѣсь.

Боже, Боже, вотъ она послѣдняя казнь изгнанія! Проклятая, трижды проклятая, Богомъ забытая, полярная страна!.. Почему мнѣ суждено умереть въ ея мертвыхъ предѣлахъ? Въ этой почвѣ застывшей навѣки, даже безжизненныя кости мои не найдутъ избавленія и не смогутъ раствориться въ земномъ прахѣ, чтобы исчезъ всякій слѣдъ, всякая память о моихъ мукахъ. Тѣло мое будетъ вѣчно лежать въ ея ледяныхъ объятіяхъ, такое же твердое и несокрушимое, какъ она сама, искушая сатанинскую силу, уже давшую ему однажды жизнь, оживить его снова.

Родина, милая родина! Какая радость была бы умереть на твоей груди, какой покой былъ бы въ твоихъ объятіяхъ для моихъ измученныхъ костей. Любовь къ тебѣ какимъ то необъяснимымъ чудомъ сохранилась во мнѣ дольше всякой земной любви, даже самой близкой сердцу человѣка. Я ненавижу жизнь, я проклинаю часъ, въ которой она была мнѣ дана, но земля, зеленая, мирная, родная земля, на груди которой я родился и игралъ въ годы моего дѣтства, наполняетъ меня еще и теперь жгучимъ сожалѣніемъ невозвратимой потери. Преступникъ передъ

казнью, неизлѣчимый больной въ минуту смерти вспоминаютъ годы своего дѣтства, взываютъ къ матери, къ роднымъ. У меня нѣтъ ни родныхъ, ни матери, но моему дѣтству была матерью ты, захолустная улица, зеленое поле, по которому я бѣгалъ съ утра до вечера, тихая рѣчка, въ которой я купался по нѣскольку разъ въ день, даже камни, которые впервые стали рѣзать мои необутыя ноги.

Ахъ, если бы еще разъ я могъ увидѣть это поле, песчаный берегъ этой рѣки! Я растянулся бы, какъ ребенокъ, на сухомъ и тепломъ пескѣ, залитомъ солнцемъ, и заснулъ бы, какъ засыпалъ въ былые годы столько разъ, безъ думы о прошедшемъ, безъ боязни будущаго... Эта холодная, далекая, полярная страна!.. Мнѣ кажется, что тѣнь моя не найдетъ здѣсь успокоенія, не захочетъ спать въ этихъ чуждыхъ и безотрадныхъ степяхъ и будетъ вѣчно носиться подъ вѣчными сугробами на крыльяхъ косматой метели, оглашая тундру своими строптивыми криками, неустанно пробуждая мое мертвое тѣло, скованное чарами мороза, возстать и отправиться домой въ область тепла, зелени и весны изъ мрачной обители изгнанія...

Ложь, ложь! Вся земля есть изгнаніе. Земля слишкомъ мала и ничтожна, чтобы выбирать на ней мѣста.

Любовь къ родинѣ, послѣдняя обманчивая мечта, рожденная нашимъ ничтожествомъ.

Червяку родина сукъ, на которомъ онъ родился. Будь я червякомъ, сталъ ли бы я оплакивать сукъ? Мнѣ не нужно ни жизни, ни земли, ни неба. Я рѣшился, и мое рѣшеніе неизмѣнно. Самъ на себя я смотрю, какъ на призракъ. Ждать больше нечего, я избралъ и время, и способъ смерти. Я нашелъ его, дописывая эти строки и глядя въ окно на широкую рѣку. Всѣ эти дни было тихо, но теперь поднимается низовый вѣтеръ. Ему не долго раскачать спокойную воду широкими и бурными волнами. Уже я вижу, какъ волненіе растетъ. Вотъ, мѣстами уже пробѣгаютъ бѣлые гребни. Я дождусь, когда они станутъ шире и пѣнистѣе. Потомъ спущу въ воду свой маленькій долбленый челнокъ и поѣду внизъ по теченію.

Я не буду стараться ускорить развязку. Напротивъ я буду бороться съ волнами. Я хочу бороться. Навсегда отрекаясь отъ жизненной борьбы, я хочу въ послѣдній разъ проявить всю силу сопротивленія, какая еще живетъ во мнѣ. Пусть каждое новое мгновеніе моей жизни, каждое новое дыханіе моей груди зависитъ отъ крѣпости моихъ рукъ, отъ умѣнья владѣть двойнымъ весломъ и направлять ходъ неустойчиваго челнока. Такъ бывало уже много разъ во время прежнихъ поѣздокъ, такъ будетъ и те-

перь на пять, на десять верстъ. Потомъ я стану уставать, вниманіе мое на минуту угаснетъ, челнокъ повернется бортомъ, волна набѣжитъ и будетъ развязка. Вода въ рѣкѣ холодная, какъ ледъ. У меня захватитъ духъ, и настанетъ конецъ. Вѣроятно, онъ будетъ скоръ и безболѣзненъ. Прощай, земля, прощай, жизнь, прощайте, люди! Ухожу отъ васъ навсегда искать вѣчнаго покоя...

Индивидуальная сила, живущая во мнѣ не перестаетъ протестовать и по прежнему заявляетъ о своей неуничтожаемости.

Неужели голосъ ея говоритъ правду? Не знаю. Вся сущность бытія неуничтожаема и мѣняется только форма. Быть можетъ, личность цѣльная и нераздѣльная есть тоже сущность.

Но если такъ, если за порогомъ этой жизни мнѣ не суждено найти уничтоженія, да будетъ! Я не страшусь въ безднѣ тьмы встрѣтить новое бытіе. Преходящее въ моемъ существѣ уничтожится и смѣшается съ прахомъ, разсѣется по четыремъ вѣтрамъ земли. Вѣчное останется, но это вѣчное будетъ заключать въ себѣ всю горечь, всю злобу, строптивое недоумѣніе и тревожные вопросы, наполнявшіе мою земную душу. Она не позволитъ одѣть себя снова преходящей и обманчивой плотью, но откинетъ тлѣнныя оболочки и земныя одежды, поднимется въ недосягаемую высь, гдѣ властвуетъ непонятная и всемогущая Сила, построившая міръ, и будетъ вѣчно носиться рядомъ съ нею, изливаясь неумолкаемымъ воплемъ протеста и отрицанія, столь же вѣчнымъ и безплотнымъ, какъ и ея непреодолимая власть...

Танъ.

КОНЕЦЪ.

Пойду, пойду!

Такъ жадно, мучительно хочется ласки,
И сердце тоскуетъ въ удушливомъ снѣ.
Всѣ прежнія грезы, всѣ прежнія краски
Потухли, забыты—какъ дѣтскія сказки;
И новой любви въ наступающемъ днѣ
Я жду, я жду...

...А міръ, громадный и суровый,
Измученный въ борьбѣ за право жить свѣтлѣй,
Напрасно рветъ съ себя желѣзныя оковы
Подъ плачъ дѣтей своихъ, подъ вопль ихъ матерей.

Я жду... Я нашелъ... Тихо вздрогнувъ плечами,
Я замеръ... Я шлю ей привѣтъ. Я молю:
«Скажи мнѣ улыбкой, какъ солнце лучами,—
«Безсонною ночью, безъ звуковъ, очами
«Не ты ли мнѣ страстное шепчешь «люблю»?
«Скажи, скажи...

...А міръ передъ глухой стѣною
Въ безумной судорогѣ бьется подъ бичомъ;
Тысячелѣтнихъ мукъ кровавою цѣною
Купилъ онъ право жить... но нищимъ и рабомъ.

Прильнула цѣлуя, дрожа, замирая...
Потомъ: «Ты застылъ, ты какъ будто не мой!»
Я всталъ, за собою ее увлекая:
«Ты слышишь сквозь ласки, какъ глухо рыдая
«Зовутъ насъ?.. Скажи мнѣ, пойдешь ты со мной?..»
«Пойду, пойду!..»

Билитъ.

ЧААДАЕВЪ и НАДЕЖДИНЪ.

(По неизданннымъ матеріаламъ).

(*Продолженіе* *).

1.

Какъ только Надеждинъ и Болдыревъ прибыли въ С.-Петербургъ, Николай приказалъ составить особую комиссію для разсмотрѣнія всего этого дѣла и для представленія ему заключенія.

Коммиссія составилась изъ: Бенкендорфа, Уварова, оберъ-прокурора св. синода, гр. Протасова, и помощника перваго изъ нихъ—А. Н. Мордвинова. Что же далъ допросъ Надеждина, Чаадаева и Болдырева? Насколько и какъ удалось вскрыть обстоятельства помѣщенія «Философическаго письма»?. Почему рискнулъ на такой шагъ всегда услужливый по отношенію къ правительству Надеждинъ?

Всѣ эти и многіе другіе вопросы разрѣшаются довольно полно жандармскимъ слѣдствіемъ, веденнымъ очень непродолжительно, но подробно.

5-го ноября Болдыревъ и Надеждинъ прибыли въ С.-Петербургъ и въ этотъ же день были подвергнуты допросу. Болдырева допрашивалъ Уваровъ, у себя на дому, а затѣмъ въ канцеляріи министерства, Надеждина—въ III Отдѣленіи, въ извѣстномъ «зданіи у Цѣпного моста». Вопросные пункты для Надеждина III Отдѣленіе получило отъ Уварова. Когда были спрошены издатель и цензоръ, III Отдѣленіе просило чрезъ Д. В. Голицына опросить Чаадаева. 17-го ноября онъ отвѣчалъ на всѣ предъявленные ему вопросы.

Прослѣдимъ послѣдовательно всѣ эти отвѣты.

На вопросъ: «Кто сочинитель статьи, помѣщенной въ 15 № Телескопа, подъ заглавіемъ: *Философическія письма къ Г-жѣ ***. Письмо первое.* На какомъ языкѣ она первоначально составлена и если не на русскомъ, то дѣйствительно ли вы сами перевели ее и въ томъ ли видѣ, какъ она нынѣ отпечатана, или съ измѣненіями и исправле-

---

*) См. „Міръ Божій", № 10, октябрь 1905 г.

ніями, и въ такомъ случаѣ, чьими и какими?»—Надеждинъ отвѣчалъ, что сочинитель—«г. Чадаевъ, живущій въ Москвѣ», что статья «написана первоначально на французскомъ языкѣ» и что «самъ сочинитель доставилъ ко мнѣ русскій переводъ, тотъ самый, который напечатанъ. Нѣсколько самыхъ невинныхъ перемѣнъ сдѣлано потомъ мною въ этомъ переводѣ; не припомню, какія именно эти перемѣны; но всѣ онѣ были чисто литературныя, и я сдѣлалъ ихъ сколько по обязанности издателя, на которомъ въ нѣкоторой степени лежитъ отвѣтственность за слогъ печатаемыхъ статей, столько и по просьбѣ сочинителя, который, жалуясь на недостаточность перевода, просилъ меня обратить на него особенное вниманіе въ отношеніи къ языку и поправить погрѣшности, которыя я въ немъ замѣчу *).

«Когда вы именно познакомились съ сочинителемъ этой статьи, по какому случаю и въ какихъ находились съ нимъ отношеніяхъ?»

Показавъ въ началѣ то, что я уже цитировалъ выше, Надеждинъ продолжалъ:

«Нынѣшній годъ я рѣдко выѣзжалъ изъ дома и потому до іюня или іюля мѣсяца вовсе не видалъ г. Чадаева. Въ одномъ же изъ мѣсяцевъ, въ которомъ именно не вспомню, онъ, г. Чадаевъ, встрѣтивъ меня опять въ клубѣ же, подошелъ ко мнѣ самъ, началъ разговоръ и наговорилъ мнѣ очень много лестнаго о моемъ журналѣ. Меня удивила такая перемѣна въ человѣкѣ, котораго я считалъ къ себѣ нерасположеннымъ. Натурально, я продолжалъ съ нимъ разговоръ; и тутъ онъ снова предложилъ мнѣ свое желаніе участвовать въ моемъ журналѣ помѣщеніемъ своихъ сочиненій. На этотъ разъ, съ одной стороны, крайній недостатокъ въ сотрудникахъ **), съ другой же, радушный и пріятный тонъ г. Чадаева заставилъ меня изъявить готовность воспользоваться его предложеніемъ. Вслѣдствіе чего я получилъ отъ него переводъ *двухъ философическихъ писемъ*, именно *третьяго* и *четвертаго* ***), которыя показались мнѣ написанными очень умно, достойными замѣчанія по содержанію. Тогда я самъ поѣхалъ къ г. Чадаеву, чтобы сказать ему мое мнѣніе объ этихъ письмахъ. И въ это посѣщеніе имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ, въ которомъ онъ убѣждалъ меня принять для моего журнала нравственно религіозное направленіе, какъ единственное основаніе общественнаго благоденствія и личнаго совершенствованія каждаго человѣка. Признаюсь, это меня совершенно расположило въ его пользу и загладило прежнія

---

*) „Опечатки" въ концѣ 15-й книжки—поправки самого Чаадаева по чистымъ листамъ.

**) Совершенный вздоръ: въ 1836 г. *Телескопъ* ими былъ обезпеченъ гораздо болѣе, чѣмъ въ 1832 г.

***) Подлинникъ французскій Чаадаевъ Надеждину показывалъ только у себя на квартирѣ. Впослѣдствіи переводъ „третьяго" письма остался въ бумагахъ А. В. Болдырева, а „четвертаго" возвращенъ для поправокъ Чаадаеву.

противъ него предубѣжденія. Разговоръ его былъ весь проникнутъ любовью къ общественному порядку и непріязнью къ потрясеніямъ, волнующимъ западную Европу. Главною причиною этихъ волненій онъ полагалъ отсутствіе вѣры, упадокъ религіи, въ чемъ и я совершенно съ нимъ соглашался. Тутъ онъ далъ мнѣ нѣсколько книгъ, рекомендуя сдѣлать изъ нихъ переводы для журнала; книги эти были: брошюрка барона д-Экштейна *О вѣрѣ*, полученная имъ отъ самого сочинителя въ нынѣшнемъ году, *Исторія среднихъ вѣковъ* Шарпантье, нѣсколько книжекъ журнала «*L'Universite'—Catholique*» и *Письма объ Англіи* Раумера. Я точно воспользовался изъ нихъ нѣкоторыми статьями, которыхъ переводы помѣщены въ послѣднихъ книжкахъ моего журнала. Одно только замѣтилъ я страннаго при этомъ случаѣ въ г. Чадаевѣ, именно пристрастіе къ католицизму, о чемъ отъ другихъ, слышалъ еще и прежде. Въ то же самое свиданіе разсказалъ онъ мнѣ, что у него цѣлый рядъ писемъ, написанныхъ въ томъ же духѣ какъ и тѣ, которыя уже у меня. Я изъявилъ ему готовность помѣстить всѣ ихъ, если они имѣютъ то же содержаніе и тотъ же духъ. Онъ просилъ меня подождать, пока онъ пересмотритъ переводъ перваго письма, которое, по его словамъ, должно служить введеніемъ ко всѣмъ прочимъ; и черезъ нѣсколько дней, прислалъ ко мнѣ этотъ переводъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда началось уже печатаніе писемъ, я былъ опасно боленъ, вслѣдствіе простуды. Въ это время г. Чадаевъ посѣтилъ меня; и это былъ первый и послѣдній разъ, что онъ былъ въ моей квартирѣ. Въ это посѣщеніе я спрашивалъ его о *второмъ* письмѣ, которое слѣдовало бы помѣстить за *первымъ* для порядка, но онъ сказалъ, что этого второго письма онъ печатать не намѣренъ и что это, впрочемъ, не нарушитъ связи писемъ.

«Наконецъ, когда книжка журнала вышла, и въ Москвѣ стали уже говорить о статьѣ, я полубольной ѣздилъ еще разъ къ г. Чадаеву, чтобы разсказать ему о произведенномъ непріятномъ впечатлѣніи и о моемъ крайнемъ безпокойствѣ. Въ этотъ разъ онъ успокоивалъ меня всячески, увѣряя въ чистотѣ и благонамѣренности своихъ идей; при чемъ прибавилъ, что образъ его мыслей давно извѣстенъ правительству и совсѣмъ не съ дурной стороны, что даже всѣ эти письма давно уже извѣстны не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ, что онъ еще недавно послалъ ихъ въ подлинникъ чрезъ кого-то къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія и съ тѣмъ вмѣстѣ просилъ предувѣдомить г. Министра объ ихъ напечатаніи въ моемъ журналѣ. Это было мое послѣднее съ нимъ свиданіе; оно было 8 или 9 октября, въ точности не припомню; знаю только, что прежде, чѣмъ началось слѣдствіе по этой статьѣ со стороны г. Попечителя Московскаго Университета. Въ томъ, что я имѣю честь разсказать здѣсь, заключаются всѣ мельчайшія подробности моихъ сношеній съ г. Чадаевымъ. Присовокупляю еще къ вышеуказанному показапію, что я слышалъ отъ

самого г. Чадаева, что письма его извѣстны Его Сіятельству, Графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу».

На послѣдній абзацъ Чаадаевъ возражалъ: «Я сказалъ Графу Строганову и господину оберъ-полиціймейстеру, что никогда никакого не имѣлъ намѣренія, ни желанія печатать извѣстную статью, а что узналъ о печатаніи оной тогда только, когда уже получила она одобреніе цензора и находилась въ корректурѣ. Это и теперь подтверждаю. Вѣроятно, я могъ бы и тогда еще остановить печатанье, еслибы только того потребовалось; но этого я не сдѣлалъ, къ крайнему моему сожалѣнію... Никто, конечно, болѣе меня не жалѣетъ объ томъ, что эта статья напечатана, и никто менѣе меня не желалъ видѣть ее напечатанною». *).

Между тѣмъ, въ дополнительныхъ показаніяхъ Надеждина находимъ такое: «Я никогда самъ не просилъ статей у г. Чадаева, и ѣздилъ къ нему въ первый разъ уже благодарить за ихъ присылку. Г. Чаадаевъ также никогда не говорилъ мнѣ о своихъ опасеніяхъ на счетъ цензуры, если онъ ихъ имѣлъ, тѣмъ болѣе не просилъ меня о непомѣщеніи перваго письма. Что онъ самъ желалъ видѣть свои статьи напечатанными гдѣ бы то ни было, на что я имѣю свидѣтельство г. *Андросова*, издателя Московскаго Наблюдателя, который, послѣ уже напечатанія перваго письма, говорилъ самому мнѣ, что письма эти были въ редакціи его журнала, но онъ не рѣшился помѣстить ихъ и тѣмъ крайне огорчилъ г. Чадаева. Самъ же г. Чадаевъ говорилъ, что напротивъ редакція Наблюдателя просила у него эти письма и вызывалась напечатать первое съ тѣмъ только, чтобы вездѣ, гдѣ говорится о Россіи, не говорить: «*мы*» а выражаться неопредѣленно: «*нѣкоторые народы*», на что онъ г. Чадаевъ не согласился. Всѣ эти слова, которыя теперь пришли мнѣ на память, я могу подтвердить свидѣтелями».

---

*) А брату Чаадаевъ писалъ: „Издателю *Телескопа* попался *какъ-то* въ руки переводъ одного моего письма, шесть лѣтъ тому назадъ написаннаго и давно уже всѣмъ извѣстнаго; онъ отдалъ его въ цензуру; цензора не знаю какъ уговорилъ пропустить; потомъ отдалъ въ печать и тогда только, увѣдомилъ меня, что печатаетъ. Я сначала не хотѣлъ вѣрить, но, получивъ отпечатанный листъ и видя въ самой чрезвычайности этого случая какъ-бы намекъ провидѣнія, *далъ свое согласіе*“ („В. Европы“, 1871 г.. XI. 326). Повидимому, здѣсь нѣтъ серьезныхъ противорѣчій, но какъ тогда согласить „показанія“ и приведенное мѣсто письма съ другимъ мѣстомъ въ томъ же письмѣ и со свидѣтельствомъ Тургенева. Далѣе въ письмѣ къ брату есть такое мѣсто: „наконецъ, дѣло все принадлежитъ издателю, а не сочинителю, *которому конечно не могло прійти въ голову явиться передъ публикою въ дурномъ переводѣ*, въ то время какъ онъ давнымъ давно пользовался на другомъ языкѣ, и даже не въ одномъ своемъ отечествѣ, именемъ хорошаго писателя“. Тургеневъ же пишетъ Вяземскому: „Я совершенно согласенъ съ тобой во мнѣніи о Ч. и, узнавъ по пріѣздѣ изъ Симбирска, что *онъ отдалъ въ печать* (и уже было напечатано) письмо его“... („Остафьевскій архивъ“, III. 345).

Въ связи съ только что сдѣланной выноской это показаніе можетъ давать очень большую вѣроятность разсказу Надеждина о полученіи «письма» и очень маленькую—показанію Чаадаева. Психологически это и понятно: Надеждину не надо было скрывать путей, которыми «письмо» попало въ печать—фактъ напечатанія его въ *Телескопѣ* былъ уже обвиненіемъ противъ него. Иначе стоялъ Чаадаевъ: доказавъ полное свое неучастіе въ передачѣ «письма», случайность его появленія именно для него самого, онъ значительно устранялъ себя отъ отвѣтственности за самое участіе въ широкомъ, печатномъ опубликованіи... У него не хватило силы удержаться на пути правды... Ниже мы встрѣтимся еще съ однимъ фактомъ въ жизни Чаадаева, который, какъ и эту ложь, хотѣлось бы вычеркнуть, если бы то было возможно и добросовѣстно, изъ біографіи этого замѣчательнаго человѣка...

Возвратимся къ его возраженіямъ Надеждину.

«Справедливо то, что когда Надеждинъ пришелъ ко мнѣ и говорилъ о впечатлѣніи, произведенномъ статьею, и о своемъ безпокойствѣ, то я въ утѣшеніе ему сказалъ, что князь Ѳеимъ Петровичъ Мещерскій, человѣкъ, извѣстный своимъ благомысліемъ и служащій при министрѣ просвѣщенія, взялъ у меня подлинникъ извѣстнаго письма, чего, вѣроятно, онъ бы не сдѣлалъ, если бы оно было вовсе непозволительнаго содержанія, и что г. кн. Мещерскому сказалъ я, съ нимъ прощаясь, что онъ можетъ съ этимъ письмомъ дѣлать, что ему угодно. Показывать же это письмо г. министру просвѣщенія, а еще менѣе увѣдомить г. министра о предполагаемомъ напечатаніи онаго въ «Телескопѣ», князя Мещерскаго я никогда не думалъ просить и г. Надеждину объ этомъ ни слова не говорилъ».

«Какимъ образомъ г. Надеждину вздумалось, что я будто бы сказалъ ему, что графу Бенкендорфу извѣстны мои письма, этого я не понимаю. Вѣроятно, имя графа Бенкендорфа въ разговорѣ было мною произнесено, и такъ какъ я лично зналъ графа, то съ похвалою, но конечно больше ничего» *). Трудно сказать, насколько все это безусловно вѣрно.

Въ дополнительныхъ показаніяхъ Надеждинъ еще говоритъ по тому же поводу:

«Г. Чадаевъ, при послѣднемъ свиданіи моемъ съ нимъ, бывшемъ послѣ выхода статьи, говорилъ мнѣ, что онъ крайне будетъ сожалѣть, если это происшествіе сдѣлаетъ вредъ мнѣ и цензору, но что онъ на этотъ разъ спокоенъ, проситъ успокоиться меня и успокоить г. Болдырева, что есть люди, которые имѣютъ голосъ и будутъ писать объ этомъ дѣлѣ въ Петербургѣ. Изъ числа такихъ людей, онъ

---

*) Эти показанія Чаадаева напечатаны, но очень неисправно, съ копіи, въ „Вѣстникѣ Европы" 1871 г. XI, 329—330.

наименовалъ мнѣ, если не ошибаюсь, г. Тургенева, о которомъ я послѣ слышалъ, что онъ точно весьма жалѣетъ обо мнѣ и о цензорѣ, бранитъ Чаадаева, что онъ ввелъ насъ въ такую бѣду; что, признаюсь, меня очень удивило, потому что я г. Тургенева лично никогда не видывалъ, а о статьяхъ его, напечатанныхъ въ журналѣ «Современникъ», въ моемъ журналѣ недавно былъ самый неблагопріятный отзывъ.

«Г. Чадаевъ никогда не просилъ меня о напечатаніи письма. Даже, бывши у меня, говорилъ, что онъ имѣетъ вѣрныя свѣдѣнія, что начальство рѣшилось, въ цензурномъ отношеніи, давать писателямъ болѣе возможности высказывать себя, дабы чрезъ то составить вѣрное понятіе о настоещемъ духѣ и образѣ мыслей».

Вотъ что отвѣчалъ на это Чаадаевъ: «Ни прежде, ни во время печатанія, я не видался съ г. Надеждинымъ, потому что онъ былъ боленъ; а видѣлся съ нимъ тогда, какъ статья была уже напечатана. Если я говорилъ о снисходительномъ расположеніи правительства въ отношеніи цензурномъ, то не основывался ни на какихъ вѣрныхъ свѣдѣніяхъ, а на статьяхъ журнальныхъ; а объ намѣреніи правительства дать высказать писателямъ свои мнѣнія, конечно, ничего не говорилъ.

«Очень вѣроятно, что я сказалъ г. Надеждину, что добрые люди за меня заступятся, потому что былъ въ этомъ тогда увѣренъ, и теперь еще увѣренъ; но при этомъ никого не имѣлъ въ виду; а о людяхъ съ голосомъ вовсе не говорилъ. О Тургеневѣ, который, какъ извѣстно, никакого голоса не имѣетъ, сказалъ я г. Надеждину одно то, что онъ въ перепискѣ со многими въ Петербургѣ, что его, вѣроятно, извѣстятъ, какое эта статья тамъ произведетъ дѣйствіе, и что я ему сообщу, что отъ Тургенева узнаю. Все это г. Надеждинъ страннымъ образомъ перепуталъ.

«Можетъ быть, говорилъ, что будутъ писать въ Петербургъ, и что поэтому узнаемъ, что тамъ говорятъ, но изъ этого никакого другого заключенія не выводилъ, и никакихъ надеждъ на это не имѣлъ, потому что совершенно зналъ, что никто мнѣній, изложенныхъ въ этой статьѣ, не раздѣляетъ».

И здѣсь, какъ видимъ, Чаадаевъ не отрицаетъ фактовъ...

На вопросъ, «что побудило васъ написать замѣчаніе, на первой страницѣ помѣщенное? Полагали ли вы дѣйствительно, издать въ журналѣ рядъ сихъ писемъ безъ затрудненія со стороны цензуры и какое имѣли на сей конецъ удостовѣреніе?» Надеждинъ отвѣчалъ: «Примѣчаніе, напечатанное подъ *первымъ* письмомъ, было написано мною первоначально для *третьяго*, которымъ, не имѣя еще въ рукахъ *перваго* письма, я хотѣлъ начать печатаніе. Впослѣдствіи, когда первое письмо было прислано въ печатаніе, началось съ него, это примѣчаніе безъ всякихъ перемѣнъ помѣщено было подъ нимъ, по виновному съ моей стороны небреженію, но которое происходило отъ ослѣпленія...

По несчастію, примѣчаніе это, попавшись подъ *первое* письмо, бросаетъ теперь на меня самый невыгодный свѣтъ. Я не могу ничего сказать противъ этого; умоляю только обратить вниманіе на то, что самое простодушіе, съ какимъ оно написано, есть уже очевидное нравственное доказательство, что я не ожидалъ отъ письма г. Чадаева того ужаснаго впечатлѣнія, которое произведено имъ».

Теперь мы выслушаемъ Надеждина по самому для насъ кардинальному вопросу: «какимъ образомъ могло укрыться отъ васъ вредное содержаніе означенной статьи; а если не могло, то какія причины побудили васъ къ напечатанію оной?» Несомнѣнно, отвѣтъ на этотъ упоръ поставленный вопросъ особенно интересенъ прежде всего для характеристики Надеждина. Это такой вопросъ, гдѣ ему, при отсутствіи міровоззрѣнія сходнаго съ «письмомъ» Чаадаева, я даже при убѣжденіяхъ, во многомъ діаметрально противоположныхъ, необходимо было ясно высказать свое политическое credo... И онъ его высказалъ.

«Вопросъ этотъ приводитъ меня въ крайнее затрудненіе; ибо теперь, смотря съ другой стороны на означенную статью, я чувствую, какъ странно и даже невѣроятно должно казаться мое тогдашнее ослѣпленіе. Но Богомъ свидѣтельствуюсь, что до печатанія и во время печатанія, однимъ словомъ пока другіе не открыли мнѣ глазъ, я видѣлъ эту статью совершенно въ другомъ свѣтѣ. Сколько могу теперь разобрать и опредѣлить тогдашнее мое положеніе, причины предрасположившія меня къ такому странному ослѣпленію, были слѣдующія:

«1. Совершенная довѣренность, которую сочинитель статьи, г. Чадаевъ, умѣлъ внушить мнѣ относительно чистоты и благонамѣренности своего образа мыслей. Въ предыдущихъ отвѣтахъ я уже имѣлъ честь объяснить, что первыя письма г. Чадаева, которыя я читалъ, были третье и четвертое, произведшія на меня самое благопріятное впечатлѣніе своимъ нравственно-религіознымъ направленіямъ. Особенно увлекло меня *третье* письмо, которое все говоритъ о *покорности*, объ *уничтоженіи личной воли человѣка*, о *безусловной преданности закону*, не нашимъ произволомъ выдуманному, а *внѣ насъ* находящемуся *). Въ этой покорности, въ этомъ самоуничтоженіи, въ этой безусловной преданности, авторъ письма полагаетъ послѣднюю степень совершенства человѣческаго и говоритъ, что человѣкъ, совершенно уничтожившій въ себѣ порывы личнаго своеволія, убившій свое *я* на землѣ еще, создаетъ для себя *небо*. Такія мысли, совершенно согласныя съ моими убѣжденіями, совершенно расположили меня въ пользу означенныхъ писемъ и ихъ сочинителя. Но всю мою довѣренность г. Чадаевъ выигралъ обольстительно-умнымъ и благонамѣреннымъ разговоромъ при свиданіи, которое я имѣлъ съ нимъ по прочтеніи этихъ

---

*) Сбоку этой фразы рукой Уварова написано: „это все находится въ катехизисѣ".

двухъ писемъ. Съ такимъ одушевленіемъ говорилъ онъ противъ нынѣшняго состоянія западной Европы, которой, вмѣсто обольстительнаго призрака совершенства, угрожаетъ конечное разрушеніе; и все это приписывалъ охлажденію вѣры Христовой и нарушенію проповѣдуемой въ Евангеліи покорности. Съ восторгомъ переносился онъ въ тѣ времена, когда западная Европа была вполнѣ христіанскою и безусловно преданною Евангельскимъ идеямъ дѣтскаго смиренія, дѣтскаго повиновенія, и называлъ эти времена золотыми вѣками Европейской исторіи, особенно эпоху Крестовыхъ походовъ. Этотъ разговоръ, признаюсь, очаровалъ меня, сколько по тому что согласовался съ моими собственными мыслями, столько и по тому что мнѣ крайне пріятно было встрѣтить неожиданно человѣка, до такой степени проникнутаго христіанскими чувствами долга и покорности, не смотря на его иноземное, или какъ говорятъ *европейское* образованіе. Объ Россіи г. Чадаевъ при этомъ случаѣ говорилъ съ сожалѣніемъ, что особенно въ такъ называемомъ образованномъ нашемъ классѣ вѣра не имѣетъ той силы, какая необходима для истиннаго просвѣщенія. И въ этомъ отношеніи я также соглашался съ нимъ до нѣкоторой степени; ибо зналъ по опыту, какое малое участіе принимаетъ еще религія въ нашемъ образованіи... *Подъ державою нынѣ благополучно царствующаго Монарха, при новомъ образованіи училищъ, религія поставлена во главу и основаніе просвѣщенію* *). Но четырехлѣтняя служба моя при Московскомъ Университетѣ въ званіи профессора, сопровождавшаяся визитаціею училищъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, показала мнѣ, какъ слабы еще у насъ самые наставники Закона Божія понимаютъ всю важность своего высокаго служенія. Въ свое время я доносилъ объ этомъ университету, съ предложеніемъ мѣръ, которыя, по моему мнѣнію, слѣвало бы внушить для дальняго преподаванія Закона Божія; и эти мѣры удостоились одобренія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, были потомъ введены какъ правила во всемъ Московскомъ Учебномъ Округѣ. Я беру смѣлость упомянуть здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ для того, чтобъ показать причины, по которымъ я соглашался съ г. Чадаевымъ въ бывшей недостаточности нашего религіознаго образованія. Что касается до гражданскаго устройства въ нашемъ отечествѣ, въ томъ же разговорѣ г. Чадаевъ изъявлялъ крайнее негодованіе противъ тѣхъ *мнимо-просвѣщенныхъ* людей, которыя осмѣливаются мечтать о какихъ то *европейскихъ* формахъ гражданскаго быта. Здѣсь онъ говорилъ съ большою силою и отчетливостію, что эти мнимыя *европейскія* формы совсѣмъ не суть европейскія, а искаженіе, передразниваніе Англійскаго порядка вещей, который въ Англіи былъ слѣдствіемъ обстоятельствъ, принадлежавшихъ собственно одной этой странѣ, почему и не можетъ быть свойственъ никакимъ другимъ го-

---

*) Курсивъ мой.

сударствамъ. Это доказывалъ онъ безпрестанными волненіями нынѣшней Франціи, устроившейся по Англійскому образцу, и еще болѣе плачевнымъ примѣромъ Испаніи, которой единственнымъ спасеніемъ, по его словамъ, должно быть самодержавіе Дон-Карлоса. Что касается собственно до Россіи, то онъ съ торжествомъ показалъ мнѣ мѣсто въ новомъ сочиненіи Раумера объ Англіи, гдѣ этотъ просвѣщенный германецъ такъ возвышенно говоритъ о священной особѣ Государя Императора; далъ мнѣ книгу и совѣтовалъ перевести это мѣсто для журнала, что я и сдѣлалъ. *Переводъ этотъ напечатанъ въ той же 15 книгѣ, гдѣ и первое письмо* *).

«2) Признаюсь съ перваго прочтенія письма отъ меня не укрылся рѣзкій тонъ, которымъ авторъ его унижаетъ народъ Русскій, отрицаетъ у него прошедшее, говоритъ, что мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами, и пр. Я очень понимаю, что такіе отзывы должны оскорбить нашу *народную гордость* **). Но я имѣлъ, можетъ быть, странное, но тѣмъ не менѣе чистое и самое благонамѣренное убѣжденіе, что для блага нашего отечества не только полезно, но даже необходимо противодѣйствовать гордости въ собственномъ смыслѣ *народной*. Осмѣливаюсь испрашивать благосклоннаго и снисходительнаго вниманія на рядъ мыслей, породившихъ во мнѣ такое убѣжденіе. Я долженъ изложить ихъ съ нѣкоторою подробностью; потому что здѣсь дѣло идетъ о тайнахъ моей души, *потому что это будетъ моя торжественная исповѣдь, какъ передъ судомъ Божіимъ* ***). Если я ошибался, то ошибка моя была заблуженіе ума, а не сердца. Начинаю съ исторіи моего образованія. Я посвятилъ съ дѣтскихъ лѣтъ жизнь мою наукамъ. Мое первое воспитаніе было духовное, богословское, классическое. Кончивъ курсъ наукъ въ высшемъ духовномъ училищѣ, я получилъ твердый, логическій установленный образъ мыслей, состоявшій въ чистомъ религіозномъ воззрѣніи на вещи, въ безусловной преданности отеческимъ нравамъ, вѣрѣ, державной власти, и въ совершеннѣйшей увѣренности, что нѣтъ и не можетъ быть другого просвѣщенія, кромѣ сознательнаго благоговѣнія къ Богу, Престолу, Отечеству. Какъ же я былъ изумленъ, когда, принужденный обстоятельствами вступить въ такъ называемый свѣтъ, съ которымъ дотолѣ не имѣлъ никакого сообщенія, я увидѣлъ, что есть другой образъ мыслей о просвѣщеніи, о благѣ, объ усовершенствованіи? До тѣхъ поръ я весьма неопредѣленно зналъ послѣднія событія, впродоженіе сорока лѣтъ случившіяся въ Западной Европѣ, не читалъ никакихъ новыхъ книгъ, даже худо зналъ французскій языкъ; почему все, идеи и даже языкъ такъ называемаго *европеизма* былъ для меня совер-

---

*) Курсивъ мой.

**) Рукою Уварова: „только?"

***) Курсивъ мой.

шенною новостью. Чувствуя въ себѣ силы, я рѣшился изучить все это. Но основныя идеи мои были уже такъ тверды, что *европеизмъ* не могъ поколебать ихъ. Въ 1829 году, послѣ трехъ лѣтъ непрерывнаго, уединеннаго занятія, я нашелъ себя столько сильнымъ, что явился на литературное поле. Мои первыя статьи были печатаны въ издававшемся тогда *Вѣстникъ Европы*. Я возсталъ въ нихъ съ жаромъ противъ вреднаго направленія, обуявшаго нашу словесность подъ именемъ романтизма, и съ особеннымъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ *Московскій Телеграфъ*, бывшій тогда главнымъ органомъ новой европейско-романтической школы. И меня встрѣтили съ непріязнію, съ ругательствомъ; въ тогдашнихъ Московскихъ и Петербургскихъ журналахъ всѣ называли меня *вандаломъ*, *семинаристомъ*, *старовѣромъ*. Когда *Вѣстникъ Европы*, вслѣдствіе недостатка средствъ, принужденъ былъ прекратиться, я не хотѣлъ сходить съ поприща и испросилъ себѣ дозволеніе издавать свой журналъ *). *Направленіе мое было: противодѣйствовать ложнымъ, вреднымъ идеямъ, заносимымъ къ намъ съ Запада* **), и я былъ столько счастливъ, что въ концѣ 1831 года, Его Императорское Величество Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ повелѣть объявить мнѣ чрезъ тогдашняго г. попечителя Московскаго университета князя Сергія Михайловича Голицына, чтобы я считалъ Его Величество въ числѣ подписчиковъ моего журнала. Такая неоцѣненная монаршая милость влила мнѣ новую бодрость. Смѣю указать на всѣ *мои* статьи, помѣщавшіяся въ *Телескопѣ* и *Молвѣ* въ 1831 и 1832 годахъ: *онѣ исполнены чистѣйшей преданности къ великому Государю и Отечеству, проникнуты глубочайшимъ негодованіемъ противъ такъ называемаго европейскаго, губительнаго просвѣщенія* ***). Я велъ тогда газетную полемику съ *Московскимъ Телеграфомъ*; и *квасной патріотизмъ*, любимое выраженіе этого журнала, былъ особеннымъ предметомъ моихъ нападеній ****). Не имѣя подъ руками ни одного изъ моихъ журналовъ, я не могу указать здѣсь этихъ статей, но осмѣливаюсь просить обратить на нихъ благосклонное вниманіе.

«Съ 1833 года *****) ревность моя въ изданіи журнала ослабѣла. Я вступилъ въ Московскій Университетъ профессоромъ; на меня возложено было множество должностей, кромѣ чтенія лекцій, такъ что я

*) Рукою Уварова: „съ симъ не могу согласиться (не могу), ибо г. Надеждинъ долженъ помнить мои словесныя съ нимъ объясненія въ 1833 году, о чемъ и доложено было тогда же Государю Императору“.

**) Курсивъ мой.

***) Курсивъ мой.

****) Неясно. Надеждинъ нападалъ не на „квасной патріотизмъ“, котораго самъ былъ представителемъ, а на Полевого, заклеймившаго опредѣленный циклъ понятій этимъ терминомъ.

*****) Рукою Уварова: „съ 1832“.

не имѣлъ возможности заняться журналомъ, какъ прежде. Отъ того впродолженіе 1833 и 1834 годовъ журналъ мой наполнялся больше статьями переводными. Въ 1835 году занятія университетскія до того разстроили мое здоровье, что я долженъ былъ оставить службу и, по предписанію врачей, ѣхать за границу, чтобы укрѣпить себя отдыхомъ и путешествіемъ. Въ это время журналъ мой издавался особою редакціею съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія. Путешествіе мое продолжалось семь мѣсяцевъ, до начала послѣдняго года, оно возвратило мнѣ здоровье и силы.

«Я рѣшился возстановить мой журналъ, пришедшій въ отсутствіе мое въ совершенный упадокъ *), сколько потому, чтобы обезпечить себѣ возможность существовать, столько и по желанію быть полезнымъ, трудиться для истиннаго блага и истиннаго просвѣщенія. *На этотъ разъ я рѣшился измѣнить нѣсколько способъ дѣйствованія, вслѣдствіе обдуманнаго убѣжденія* **). Прежде я возставалъ преимущественно противъ непатріотическаго уничиженія Россіи предъ, такъ называемою, Европою и старался доказывать, что мы русскіе во всемъ можемъ равняться съ европейцами, даже гордитсся предъ ними. Но опытъ убѣдилъ меня, что этой мѣры недостаточно. Такъ называемые, просвѣщенные люди съ жалкой улыбкой называли меня *кваснымъ патріотомъ*, говорили: «да что онъ знаетъ? гдѣ онъ былъ? что видѣлъ?». Другіе могли обратить противъ меня мое оружіе, могли сказать: «мы согласны, что русскій народъ великъ, что онъ уже созрѣлъ; значитъ, онъ имѣлъ всѣ права на участіе въ плодахъ европейской цивилизаціи!» И, признаюсь, это послѣднее мнѣніе казалось мнѣ въ тысячу разъ гибельнѣе перваго; *потому что первое безпрестанно разрушается благодѣтельными попеченіями правительства, совершенствующаго Россію, а послѣднее въ плодахъ этихъ попеченій находитъ себѣ новое лишь питаніе* *).

«Вотъ почему я рѣшился, призналъ полезнымъ возставать противъ этой ложной *народной гордости* и убивать ея вредныя послѣдствія. Съ этой новой цѣлью я началъ нынѣшній годъ «*Телескопа*» своею собственною статьею, подъ заглавіемъ: «*Европеизмъ и народность въ отношеніи къ русской словесности*». Статья эта вылилась у меня въ первыя минуты возвращенія въ отечество. Я старался въ ней убить нашу литературную гордость, которая почитаетъ себя столько созрѣвшею, что нарочно усиливается поддѣлаться подъ болѣзненную

---

*) Это, пожалуй, ближе выражаетъ убѣжденія Надеждина о редакціи Бѣлинскаго, помирившагося, напримѣръ, съ Полевымъ, чѣмъ его печатное заявленіе, что онъ „ласкаетъ себя надеждою, что и сами читатели по вышедшимъ книжкамъ и листамъ отдадутъ справедливость“ его добросовѣстной заботливости объ ихъ интересахъ въ свое заграничное путешествіе („Телескопъ“ 1835 г., декабрь).

**) Курсивъ мой.

***) Курсивъ мой.

*

дряхлость нынѣшней французской литературы. Въ этой статьѣ я утверждалъ, что мы даже не имѣемъ языка литературнаго, и потому, вмѣсто подражанія французамъ и вообще европейцамъ, должны смиренно заняться обработкою, созданіемъ чистаго русскаго языка, достойнаго великой державы, которая говоритъ имъ. Не имѣя подъ руками книжекъ, я не могу припомнить ничего опредѣленно изъ этой статьи; *но умоляю обратить благосклонное вниманіе особенно на ея заключеніе, которое вполнѣ обнаруживаетъ мои истинныя чувства, чувства, которыми я считаю себя въ правѣ гордиться, какъ истинный сынъ Россіи, какъ преданный слуга Русскаго Царя* *). Въ этой статьѣ я говорилъ о *народности*, противополагая ея ложному европеизму. Но самое имя *народность*, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, показалось мнѣ опаснымъ, способнымъ къ перетолкованію и выводу ложныхъ идей. Европейская атмосфера такъ внѣдряется во все, что заразила даже самый языкъ, исказила смыслъ слова. Извѣстно, какъ понимаютъ *народность* на Западѣ, въ какомъ духѣ произносятъ, проповѣдуютъ это слово. Тамъ народность означаетъ какую-то отдѣльную самобытность народа; и не во имя этой *народности*, этой безумной гордости, мечтающей о какой то самобытности народа, совершаются тамъ безпрестанныя волненія? Вотъ почему я положилъ идти гораздо далѣе: убивать чувство всякой отдѣльной *народности* въ нашемъ отечествѣ, которое до сихъ поръ не иначе жило и сознавало себя, какъ въ своей самодержавной Главѣ, для котораго *народность* состояла всегда въ чадолюбивой покорности, которое, и впослѣдствіи, должно на перекоръ Европѣ, явить въ себѣ, блистательный урокъ, какъ изъ святого единства самодержавія должно возникнуть образцовое, высочайшее *народное* просвѣщеніе, блаженство и слава **). Начало этому я сдѣлалъ уже и въ той вышепомянутой статьѣ, гдѣ между прочимъ старался развить ту мысль, что Россія не *Европа* и не должна быть Европой, что эта великая держава, обнимая седьмую часть земного шара, есть *особая часть свѣта*, которая должна и предназначена промысломъ развить изъ себя свою русскую цивилизацію, которая также обновитъ дряхлую Европу, какъ за нѣсколько вѣковъ Европа въ лицѣ Греціи и Рима обновила дряхлую Азію. *Потомъ я составилъ себѣ слѣдующій идеалъ русской самобытной цивилизаціи* ***). Мы, Рус-

---

*) Курсивъ мой.

**) Могу себѣ представить удивленіе всѣхъ тѣхъ, кто до сихъ поръ считалъ Надеждина „поборникомъ народности“, конечно, разумѣя въ понятіи послѣдней далеко не то, что такъ откровенно высказалъ здѣсь онъ самъ. См. напримѣръ, замѣтку г. Каллаша въ декабрьской книжкѣ „Русской Мысли“ 1904 года. Подивился бы и покойный Пыпинъ. И въ самомъ дѣлѣ, при свѣтѣ этого откровенія видишь, какъ не понимали надеждинскія статьи 1836 г., особенно, господа „народники“.

***) Курсивъ мой.

скіе, до сихъ поръ, благодаря просвѣщенію, не принимали никакого участія въ ходѣ и волненіяхъ Западной Европы; мы составляемъ еще великое патріархальное семейство, въ тѣхъ частяхъ, первобытныхъ формахъ, какія самъ Господь изрекъ для перваго рода человѣческаго. Мы дѣти одного Отца Отечества, который печется о насъ и правитъ нами съ отеческою любовію и съ отеческимъ самодержавіемъ. Всѣ народы начали свою исторію съ того же самаго состоянія, которое есть единственно свойственное человѣческой природѣ: семья разумныхъ существъ людей, есть по натурѣ своей монархія; только безсмысленныя животныя бродятъ непокорными, непослушными никому стадами. Но прочіе народы вышли изъ этого состоянія, растеряли свои силы въ буйномъ своеволіи и погибли въ болѣзненныхъ судорогахъ преждевременной старости. Такъ погибла Греція; такъ погибъ Римъ; такъ безъ сомнѣнія, погибаетъ и всякій народъ, свергнувшій съ себя патріархальную власть отеческаго самодержавія, задумавшій жить само собой, безъ послушанія, въ состояніи звѣрей. Въ нашемъ любезномъ отечествѣ эта благодатная семейность сохраняется цѣлою и дѣвственною; но *европеизмъ* угрожаетъ ей своими тлетворными внушеніями. Чѣмъ же поддержать, упрочить это спасительное состояніе? Убѣжденіемъ, что *народъ* самъ по себѣ ничего не значитъ, что онъ имѣетъ смыслъ и значеніе только въ своей Главѣ, что всякое чувство отдѣльной самобытности есть для него гибель, что только въ дѣтскомъ смиреніи, въ дѣтскомъ самоуничиженіи, въ дѣтскомъ отреченіи отъ всѣхъ притязаній произвола, въ дѣтскомъ повиновеніи мудрому, попечительному промыслу родителя заключается его спасеніе, блаженство, сила. И какой другой народъ ближе къ этому высокому идеалу семейной цивилизаціи, какъ не русскій, который до сихъ поръ не переставалъ быть согласной, единодушной, безусловно покорной семьей, семьей дѣтей, конечно со свойственными дѣтямъ недостатками, но за то съ какими же надеждами? Съ такими, какихъ не имѣть ввѣкъ дряхлымъ европейскимъ народамъ, прожившимъ свои силы въ исканіи мнимой самобытности, въ желаніи пожить своимъ умомъ, своей волей!—«Но, говорятъ, мы ужъ не дѣти; мы давно выросли, созрѣли!»—Когда-жъ? — «Мы имѣемъ тысячу лѣтъ исторіи!»—Пусть европейцы хвалятся своими тысячелѣтними исторіями; онѣ имъ стоили и будутъ еще стоить много. Наша исторія не есть исторія *народа*, а исторія добрыхъ, мудрыхъ *царей*, въ которыхъ мы жили и должны жить всегда. Эта исторія не длинна: введеніе сдѣлалъ въ ней Іоаннъ; началъ ее вполнѣ Петръ, продолжаютъ его августѣйшіе преемники. Исторію нашу мы должны дѣлить не по періодамъ *народной* жизни, а по *царствованіямъ*, представляющимъ со временъ Петра непрерывную лѣствицу благодѣяній царей и блаженства подданныхъ. Европейцы въ своей исторіи ищутъ и находятъ разнородныя стихіи, изъ боренія которыхъ составилась общественная жизнь ихъ. У насъ не было этихъ стихій, у насъ нѣтъ

ихъ, и дай Богъ, чтобъ никогда не было! У насъ одна вѣчная неизмѣнная стихія: Царь! Народъ русскій существуетъ только въ своемъ царѣ; безъ него это рядъ нулей; съ этой державной единицей, нули превращаются въ билліонъ. *Вотъ мой символъ вѣры*! *). Если я ошибался, если это мечта, то, по крайней мѣрѣ, источникъ ихъ чистъ и святъ. Словомъ: я объявилъ себя врагомъ собственно *народной гордости*, потому, что считалъ и теперь считаю ее несовмѣстною съ истиннымъ назначеніемъ народа русскаго, который долженъ гордиться собой только въ державной главѣ своей. При этомъ расположеніи духа и образѣ мыслей, я читалъ письмо г. Чадаева. Я уже имѣлъ честь объяснить всѣ обстоятельства, предрасположившія меня въ пользу автора. И, признаюсь, въ моемъ ослѣпленіи, рѣзкій, унизительный тонъ, которымъ онъ говоритъ о *народѣ* русскомъ, показался мнѣ согласнымъ съ моею цѣлію...

«И мое ослѣпленіе было тѣмъ естественнѣе, что г. Чадаевъ, говоря унизительно о *народѣ* Русскомъ, явно отдѣляетъ отъ народа *державную власть царей*, видя въ ней напротивъ единственное начало свершенства для народа, который самъ по себѣ ни къ чему не способенъ **). Такъ какъ я предполагалъ вслѣдъ за этимъ письмомъ немедленно помѣстить слѣдующее, гдѣ авторъ говоритъ о *покорности*, какъ о единственномъ условіи *существованія на землѣ царства Божія*, то я имѣлъ безразсудство думать, что оскорбленіе нанесенное гордости *народа*, разсматриваемаго въ отдѣльности, будетъ имѣть полезное слѣдствіе, приведя къ тому неизбѣжному результату, что ничтожество наше должно получать значеніе, силу и достоинство не чрезъ сознаніе своего равенства съ Европою, а чрезъ нравственное религіозное образованіе, котораго первое основаніе есть христіанская покорность ***).

«3. Наконецъ, при всемъ этомъ, я предчувствовалъ, что статья, написанная такимъ рѣзкимъ тономъ должна непремѣнно возбудить во многихъ неудовольствіе и родить горячія опроверженія. Я ожидалъ этихъ опроверженій; и у меня уже были готовы въ мысли отвѣты которые бы повели меня прямо къ цѣли. Я знаю, что могли сказать: «Но развѣ народъ Русскій не стоитъ уже на блистательной степени совершенства и въ отношеніи къ тому, что есть лучшаго въ западной Европѣ? Развѣ у насъ не процвѣтаютъ науки, искусства, торговля, промышленность? Развѣ съ каждымъ днемъ не умножаются школы, фабрики, полезныя и благотворительныя заведенія?»—Я готовъ былъ на это отвѣчать: «Такъ! все это правда. Но кто далъ намъ это? Сами

*) Сбоку всего этого, отъ предыдущаго курсива, Уваровъ написалъ: „какъ согласить это съ письмомъ Чаадаева?“ Курсивъ мой.

**) Рукою Уварова: „коварно“.

***) Мнѣ кажется, что все, сказанное Надеждинымъ въ этомъ 2-мъ пунктѣ, сказано съ полною почти чистосердечностью. Онъ, дѣйствительно, думалъ такъ.

ли мы? У насъ процвѣтаютъ науки, искусства, торговля, промышленность нашихъ самодержавныхъ Монарховъ! Всему этому насильно, противъ нашей воли, положилъ основаніе великій Петръ, который, чтобы принудить насъ учиться и работать, самъ своими державными руками строилъ корабли, ковалъ желѣзо! Петръ создалъ наше бытіе; Екатерина украсила его; Александръ возвеличилъ; Николай ведетъ далѣе къ совершенству!» Я бы развилъ еще сильнѣе, еще ярче ту мысль, которая была уже высказана въ одной изъ послѣднихъ книжекъ моего журнала, по поводу посѣщенія Нижегородской ярмарки Его Величествомъ Государемъ Императоромъ: ту мысль, что если мы богатѣемъ съ часу на часъ, если промышленность наша идетъ исполинскими шагами, капиталы растутъ, торговля проникаетъ въ отдаленнѣйшія глубины Азіи, такъ это по тому, что мудрый, великій Государь самъ зоветъ насъ, прокладываетъ пути къ обогащенію, и потомъ опять самъ же насъ изволитъ награждать, если мы обогащаемся согласно съ его намѣреніями. Я бы повторилъ еще громче превосходныя слова Раумера, помѣщенныя въ той же самой книжкѣ, гдѣ и письмо г. Чадаева, что у насъ въ Россіи «*одинъ центръ всего*, и этотъ центръ есть нашъ Императоръ, въ священной особѣ котораго соединены всѣ великія государственныя способности» (стр. 386). И потомъ я бы высказалъ съ новою силою мою задушевную мысль: что *народъ* Русскій самъ по себѣ *ни что*, что онъ ничего для себя не сдѣлалъ и сдѣлать не можетъ, что онъ не долженъ гордиться собой и надѣяться на себя; но что у него есть другая высшая надежда, благороднѣйшая гордость: она заключается въ его Царѣ, который въ себѣ соединяетъ всю Россію, носитъ ея просвѣщеніе, силу, блаженство *)!

«Этѣмъ рядомъ мыслей и чувствованій, въ соединеніи съ вышеизложенными обстоятельствами, я увлеченъ былъ къ напечатанію статьи г. Чадаева и введенъ въ совершенное ослѣпленіе на счетъ ея содержанія, такъ что не ожидалъ отъ ней никакихъ другихъ впечатлѣній, кромѣ изъясненныхъ выше. Но теперь съ глубочайшею горестію вижу, какъ жалко я ошибся. Взятая отдѣльно, безъ связи съ другими письмами, статья эта можетъ только возмущать, оскорблять, производить справедливое негодованіе безъ заключенія, которое я предполагалъ изъ ней вывесть, она осталась отвратительнымъ чудовищемъ, котораго я самъ содрагаюсь; и я отдалъ бы жизнь свою, чтобъ не видѣть ее никогда, не только связать съ ней мое до сихъ поръ чистое безукоризненное имя **).

---

*) Этому тоже, зная образъ мыслей Надеждина, врядъ ли можно повѣрить.

**) Въ другомъ мѣстѣ показаній Надеждинъ разсказываетъ, что „письмо *третье*, которое предполагалось къ помѣщенію въ 17 книжкѣ журнала, г. Болдыревъ, уже узнавшій непріятное впечатлѣніе, произведенное *первымъ*, не рѣшился пропустить самъ, а представилъ предварительно въ корректурныхъ листахъ къ г. Попечителю Московскаго Университета, который, по прочтеніи.

«Беру смѣлость присовокупить здѣсь еще нѣсколько словъ о томъ мѣстѣ письма, гдѣ авторъ говоритъ, что мы заимствовали первыя сѣмена умственнаго и нравственнаго просвѣщенія у растлѣнной, презираемой всѣми народами Византіи. Эту выходку я имѣлъ несчастіе понимать не относительно православнаго Греко-Россійскаго вѣроисповѣданія *), въ которомъ я родился и къ которому не переставалъ изъявлять глубочайшаго уваженія въ самомъ моемъ журналѣ, даже, кажется, въ 14 книжкѣ нынѣшняго года, по поводу *Письмъ о Богослуженіи Восточной Церкви* г. Муравьева. Понималъ же я эти слова въ отношеніи къ умственнымъ понятіямъ и нравственнымъ обычаямъ, которые мы также заимствовали у Византіи, и въ самое жалкое время ея существованія **). Дѣйствительно въ тѣ вѣка, когда мы послѣ принятія христіанства, находились въ тѣснѣйшихъ, исключительныхъ сношеніяхъ съ Византіею, Греческая Имперія находилась въ крайнемъ невѣжествѣ и варварствѣ, которыя потомъ и довели ее до конечной гибели. Что мы заняли у Византіи многіе варварскіе обычаи, свидѣтельствуетъ исторія; Карамзинъ утвердительно говоритъ, что обычай выжигать глаза занятъ былъ нашими предками у Грековъ; фанатическая ненависть, возродившаяся между Востокомъ и Западомъ вслѣдствіе раздѣленія церквей, также намъ передана Византійцами. Греки до того ненавидѣли западныхъ христіанъ, что предпочитали лучше отдаться Туркамъ, чѣмъ прибѣгнуть къ ихъ помощи. И у насъ до времени великаго преобразователя Россіи Паписты и Лютеране считались хуже Жидовъ и Татаръ. Петръ, чтобы побѣдить эту вредную ненависть, неоднократно упрекалъ Русскихъ своихъ подданныхъ, что они коснѣютъ въ фанатизмѣ, который довелъ Грековъ до конечнаго разрушенія. Этотъ то фанатизмъ, мнѣ казалось, имѣлъ въ виду авторъ письма, говоря, что мы приняли отъ Византіи «идею, искаженную человѣческою страстью», и вслѣдствіе того были «оторваны отъ всемірнаго христіанскаго братства», которое должно существовать несмотря на различіе вѣроисповѣданій и нынѣ дѣйствительно существуетъ. Касательно же тѣхъ словъ, что «мы не тронулись съ мѣста, когда за-

---

сказалъ, что статьи этой нельзя пропустить безъ позволенія духовной цензуры. Чувствуя, какъ важно для меня скорѣйшее помѣщеніе этого письма, объясняющаго духъ и направленіе автора, я самъ лично просилъ г. Попечителя о дозволеніи напечатать его безъ духовной цензуры, по той причинѣ, что содержаніе его не имѣло въ себѣ ничего богословскаго и церковнаго, а есть философически-религіозное; почему представленіе его въ духовную цензуру нисколько не нужно... Г. Попечитель, хотя и соглашался со мной, что это *третье* письмо должно убить впечатлѣніе *перваго*, но остался при своемъ рѣшеніи".

*) Рукою Уварова: „Семинаристъ и Профессоръ!"

**) Тому, что Надеждинъ не понялъ мѣста, гдѣ собственно похвалялся католицизмъ, можно охотно вѣрить: пусть читатель вчитается въ него (оно было приведено выше).

падное христіанство величественно шло по пути начертанному его божественнымъ основателемъ» и что не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства, то весь предыдущій рядъ мыслей показываетъ, что онъ разумѣетъ здѣсь возрожденіе наукъ и искусствъ въ Европѣ, совершившееся, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ духовенства. *) Вообще, хотя я и зналъ пристрастіе г. Чадаева къ католицизму, но никакъ не предполагалъ въ немъ нелѣпаго желанія унижать предъ нимъ Греко-Россійское вѣроисповѣданіе, тѣмъ болѣе, что онъ самъ въ началѣ своего письма положилъ за основаніе, что «ученіе, основанное на высшемъ началѣ единства и на прямой передачѣ истины священнослужителями безусловно слѣдующими одинъ за другимъ, совершенно согласно съ истиннымъ духомъ религіи» (стр. 277). А таково именно ученіе православной Греко-Россійской Церкви».

На другой вопросъ Надеждинъ отвѣчалъ по тому же поводу: «Оправдываться въ напечатаніи означенной статьи теперь я не смѣю и помыслить, зная впечатлѣніе, произведенное ею, впечатлѣніе, котораго я уже не могу изгладить, какъ прежде имѣлъ безразсудство предполагать, я сознаю вполнѣ всю виновность моей неосторожности. Но окончательно убиваетъ меня та мысль, что напечатаніе этой статьи огорчило отеческое сердце Государя Императора; это, передъ моею совѣстью, обращаетъ сдѣланную мной неосторожность въ самое тяжкое преступленіе, такое преступленіе, для заглаженія котораго я считаю всю жизнь мою недостаточною. Если я могу еще что позволить себѣ, такъ увѣреніе въ отсутствіи всякой злонамѣренности при помѣщеніи этой статьи. Призываю сердцевѣдца Бога въ свидѣтели чистоты души моей, которая вся исполнена любви къ Отечеству и безусловной преданности великому Государю. Я не могу представить другихъ доказательствъ этой чистоты, кромѣ моей прежней безпорочной жизни и службы, равно какъ и всѣхъ моихъ собственныхъ сочиненій, печатанныхъ какъ въ моемъ журналѣ, такъ и въ другихъ изданіяхъ. **) Но это доказательства нравственныя: они не рождаютъ довѣренности; имъ даетъ силу довѣренность, которой я имѣлъ несчастіе лишиться. Итакъ всю надежду моего оправданія возлагаю только на Бога и на милосердіе Монарха».

Наконецъ, въ дополнительныхъ показаніяхъ, данныхъ спустя нѣсколько дней послѣ вышеприведенныхъ, находимъ еще объясненія:

«Внѣшнихъ побужденій къ напечатанію статьи я не имѣлъ никакихъ другихъ, кромѣ желанія заинтересовать вниманіе публики *и тѣмъ дать ходъ журналу* ***). Зная извѣстность и вѣсъ автора въ высшемъ обществѣ, я ожидалъ впечатлѣнія отъ самаго имени его, котораго онъ

---

*) Рукою Уварова: „неправда".

**) Рукою Уварова: „противъ этого могъ бы я сказать многое".

***) Курсивъ мой.

нисколько не думалъ скрывать, хотя и не подписалъ подъ статьею. Отъ того же г. Андросова слышалъ я, что г. Чадаевъ, еще до напечатанія статьи, разглашалъ вездѣ, что онъ участвуетъ въ моемъ журналѣ и будетъ помѣщать въ немъ свои сочиненія. Такой авторитетъ для извѣстности и хода журнала, конечно, могъ быть выгоденъ. Что же касается до вредныхъ послѣдствій, то я никакъ не ожидалъ ихъ, предоставляя себѣ немедленно сдѣлать на эту статью возраженіе и тѣмъ, изгладивъ дурныя впечатлѣнія, *поддержать вмѣстѣ занимательность журнала* *). Но этому воспрепятствовало рѣшеніе г. попечителя графа Строганова, который приказалъ, чтобы объ этой статьѣ ничего нигдѣ помѣщаемо не было **). Почему я ограничился приготовленіемъ особой статьи «*о народной гордости*», которая написана въ томъ же духѣ, какъ и послѣднее мое возраженіе ***), только безъ всякаго отношенія къ письму. Статья эта, по причинѣ запрещенія журнала, не вышла въ свѣтъ. Кромѣ внѣшнихъ разсчетовъ журналиста, чтобы дать ходъ журналу, имѣлось въ виду еще и то, что растрогавъ вниманіе публики, обращу и тѣмъ съ живѣйшимъ участіемъ и на собственныя мои мысли, состоящія въ рѣшительномъ противорѣчіи съ статьею г. Чадаева. Въ этомъ послѣднемъ я чувствовалъ тѣмъ большую нужду, что до сихъ поръ всѣ патріотическія мои мысли, которыми я имѣю полное право гордиться и которыя уже осчастливлены лестнымъ одобреніемъ начальства: *или вовсе не обращали на себя вниманія, или въ нѣкоторыхъ возбуждали презрительные отзывы въ посмѣяніе мнѣ* ****). А что я не скрывалъ этихъ мыслей, тому доказательствомъ могутъ служить всѣ мои собственныя статьи: нѣтъ строчки въ послѣднемъ моемъ возраженіи, которое удостоилось такого благосклоннаго вниманія, гдѣ бы содержалась мысль, не высказанная уже мной, иногда нѣсколько разъ, въ журналѣ.

«Однимъ словомъ: я считаю себя непростительно виноватымъ въ напечатаніи *статьи дикой, нелѣпой, чудовищной, наполненной грубыми клеветами и оскорбительными дерзостями* *****); но увѣряю по сущей правдѣ и совѣсти, какъ передъ судомъ Божіимъ, что это сдѣлано было безъ всякой обдуманной злонамѣренности, вслѣдствіе непостижимаго для самого меня ослѣпленія. Это Божій гнѣвъ, небесное наказаніе! Вся прошедшая моя жизнь свидѣтельствуетъ чистоту моего образа мыслей и благонамѣренность чувствъ; будущее докажетъ всю глубину моего раскаянія въ этомъ гибельномъ ослѣпленіи, на заглажденіе котораго посвящу я всю мою жизнь, всѣ способности, данныя мнѣ Богомъ, и всѣ средства, полученныя отъ образованія».

---

*) Курсивъ мой.

**) Раньше приказанія Уварова.

***) Т.-е. приведенное выше показаніе.

****) Курсивъ мой.

*****) Курсивъ мой.

2.

Изъ всего этого очень пространнаго и весьма и весьма интереснаго «показанія» намъ теперь совершенно ясно, почему Надеждинъ,— тотъ самый Надеждинъ, котораго мы узнали на страницахъ этой работы, а не изъ дифирамбовъ ему нѣкоторыхъ другихъ историковъ литературы, рѣшился помѣстить «письмо» Чадаева. Во-первыхъ, для этого не надо было вовсе никакой сколько-нибудь значительной рѣшимости: издатель *«Телескопа» не понявъ* настоящаго смысла статьи, думалъ подчеркнуть ею еще разъ свою приверженность существовавшему въ его время порядку вещей. Во-вторыхъ, онъ былъ увѣренъ, что цензурное вѣдомство, зная его за человѣка безусловно благонамѣреннаго, дастъ ему возможность отвѣтить такъ Чаадаеву, чтобы уже не было никакихъ сомнѣній въ его собственномъ «усердіи» славословить николаевскую систему. Въ-третьихъ, при убѣжденіи во всемъ только что сказанномъ, онъ, какъ ловкій человѣкъ, намѣревался привлечь къ журналу вниманіе и враговъ и друзей этой системы...

Вотъ почему приходится вполнѣ согласиться съ заявленіемъ И. И. Иванова:—«во всякомъ случаѣ, редакторъ *Телескопа* пострадалъ не за либерализмъ. «Письмо» обѣщало шумъ, и шуму, дѣйствительно, произошло даже больше, чѣмъ можно было ожидать. Журналъ, конечно, выигрывалъ, и, естественно, редакторъ подвергся сильному соблазну» *). Это вполнѣ правильное пониманіе факта, доказанное теперь, какъ видѣлъ читатель, документами.

Не вполнѣ правъ г. Венгеровъ, но и онъ стоитъ на болѣе правдоподобной почвѣ, чѣмъ Пыпинъ. Послѣдній говоритъ, что Надеждинъ «хотѣлъ какъ-нибудь поправить дѣло и употребилъ чаадаевскую статью, какъ героическое средство: онъ хотѣлъ или «оживить свой дремлющій журналъ, или похоронить его съ честью» **).

На это г. Венгеровъ возражаетъ: «Это глухое, ничѣмъ документальнымъ не подтвержденное, указаніе не только мало достовѣрно, оно даже не правдоподобно ***). Въ тѣ времена всегда *намѣренное* дерзновеніе наказывалось безконечно строго, и если Надеждинъ отдѣлался сравнительно легко, то именно потому, что всѣмъ было ясно, что тутъ умысла не было ****). Кромѣ того, нужно совсѣмъ забыть о реальномъ Надеждинѣ, чтобы даже на одну минутку допустить, что

---

*) „Исторія русской критики", ч. I—II, Спб. 1898 г., 361—362.

**) „Бѣлинской etc". I. 154.

***) Слова, взятыя Пыпинымъ въ ковычки, въ точно такомъ же видѣ, въ видѣ буквально сказанныхъ Надеждинымъ, помѣщены въ письмѣ Чаадаева къ брату („В. Европы", 1871 г. XI, 327).

****) Умыселъ, какъ мы видѣли, былъ, но не злостный, съ точки зрѣнія цензуры.

этотъ разсчетливѣйшій и осторожнѣйшій практикъ и карьеристъ былъ способенъ на такой безумный планъ. Да при томъ тутъ даже и разсчета никакого не было, потому что въ тѣ годы, когда волна декабризма совершенно замерла, а настроеніе 40-хъ годовъ еще не начиналось, даже и спроса никакого не было въ обществѣ на оппозиціонное и запретное *). Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что «философическое письмо» первоначально взволновало и возмутило не административныя сферы, а общество, и сыръ-боръ разгорѣлся только тогда, когда изъ среды московскаго общества послѣдовалъ доносъ извѣстнаго Вигеля **). Если, наконецъ, ознакомиться съ самымъ «письмомъ», то станетъ тоже вполнѣ яснымъ, что Надеждину эта очень умная и блестящая, хотя и не глубоко задуманная статья могла, конечно, показаться пикантной и способной оживить въ публикѣ интересъ къ журналу, но никакъ не чреватой такими послѣдствіями, какія она повлекла за собою» ***).

Несмотря на массу ошибокъ, выводъ все-таки правиленъ.

Теперь намъ необходимо остановиться на результатахъ показаній Надеждина и Болдырева о томъ, какъ «письмо» миновало цензурную заставу.

По этому поводу намъ предстоитъ тоже опровергать лживую легенду, разсказанную Буслаевымъ, о томъ, что будто бы цензура «письма» держалась во время карточной игры Болдырева съ университетскими дамами; что Надеждинъ устроилъ цѣлый походъ на разсѣянность заигравшагося цензора и т. д., и т. д. ****).

Все это совершенный вздоръ. Самъ Болдыревъ вовсе не обвиняетъ Надеждина въ какихъ бы то ни было недобросовѣстныхъ поступкахъ и единственно что ставитъ ему въ вину, это присылку статьи въ корректурѣ какъ разъ въ тѣ дни, когда онъ былъ особенно занятъ и по должности ректора университета и по обязанности профессора. Правда, онъ еще очень недоволенъ, что, когда, дней черезъ 10—14 послѣ выпуска 15-й книжки, онъ кинулся къ Надеждину съ просьбой пріостановить ея разсылку и перепечатать «письмо» или замѣнить его чѣмъ нибудь, то Надеждинъ сказалъ, что уже поздно. Но это и понятно. Если бы Надеждинъ могъ что-нибудь сдѣлать, то,

---

*) Разъ самъ Надеждинъ заявляетъ о разсчетѣ, то ужъ, несомнѣнно, онъ былъ. Напрасно думаютъ, что Сибирь и Кавказъ впитали въ себя всю оппозицію, родившую событія декабря 1825 года. Ужъ очень бы тогда проста была и человѣческая психологія и сама оппозиція... Взглядъ этотъ, впрочемъ, высказывался не однимъ г. Венгеровымъ... Почему же Герценъ такъ „сумасшествовалъ" послѣ статьи Чаадаева?..

**) Мы уже знаетъ, что все это не такъ.

***) „Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго", Спб., I., 1900 г., 404—405.

****) „Воспоминанія", „Вѣст. Европы", 1891. X. Такія же басни разсказаны и Бодянскимъ („Рус. Стар." 1889 г. X. 137).

конечно, сдѣлалъ бы, потому что самъ уже слышалъ такой шумъ и гвалтъ, на который никакъ не разсчитывалъ. Наконецъ, если бы Надеждинъ и, дѣйствительно, употребилъ какую-нибудь хитрость для пропуска «письма», то врядъ ли можно было ставить ему это въ вину: гнетъ цензуры самъ рождаетъ хитрость и ловкость писателей...

3.

Когда коммиссія закончила разсмотрѣніе показаній, Уваровъ представилъ ей «Выписки изъ «Телескопа» 1835 и 1836 годовъ», доказывающія, по его утвержденію, что «духъ сего изданія былъ *всегда дуренъ*, а редакторъ всегда подозрителенъ».

Я не буду приводить здѣсь этотъ весьма пространный документъ, неизвѣстно—чьей услужливой рукой написанный: это заняло бы слишкомъ много мѣста и ужъ очень отвлекло бы читателя въ мелочи. Скажу о немъ лишь нѣсколько словъ.

Выписки подраздѣляются на отдѣлы: первый—«Отзывы о русскихъ», второй—«О Парижѣ», третій—«Замѣчательное по прикосновенности къ религіи», четвертый—«Замѣчательное по прикосновенности къ политическому вольнодумству», пятый — «Образецъ сужденій объ юной словесности. Одобреніе безнравственности и безстыдства», шестой—«Къ соображенію о безнравственныхъ статьяхъ и отмѣтки безнравственныхъ мѣстъ», седьмой — «Личности», восьмой — «Образцы выраженій, вводимыхъ въ словесность и допускаемыхъ въ литературномъ журналѣ». А заканчивается документъ сей словами: «Изъ четырехъ лѣтъ *Телескопа* до 1835 г. и изъ *Молвы* до 1836 г. преимущественно наполнявшейся дерзкими сужденіями и статьями можно сдѣлать еще много выписокъ сего рода».

Я внимательно проштудировалъ всѣ «Выписки» и долженъ сказать, что не нашелъ въ нихъ ничего, что бы соотвѣтствовало грознымъ заглавіямъ отдѣловъ. Все это измышленія господъ, гнавшихъ всякую мысль, всякое чувство, не допускавшихъ ничего, чтобы задушить всякую интеллектуальную жизнь общества ..

Разумѣется, коммиссія, была вполнѣ солидарна съ Уваровымъ...

28 ноября она представила за своими подписями обширный всеподданнѣйшій докладъ.

Разсказавъ вкратцѣ ходъ дѣла, коммиссія продолжаетъ:

«Не утруждая Вашего Величества изложеніемъ обстоятельствъ вполнѣ вамъ извѣстныхъ, мы считаемъ обязанностью обратиться прямо къ главнымъ видамъ, которые представились намъ по выслушаніи вышесказанныхъ лицъ и по соображеніи данныхъ ими письменныхъ объясненій.

«*Касательно бывшаго цензора Болдырева.*

«Изъ отвѣтовъ на вопросные пункты, равно какъ изъ словесныхъ

его объясненій явствуетъ, что сей чиновникъ, озабоченный сверхъ должности цензорской, многотрудными обязанностями ректора московскаго университета, не обратилъ никакого вниманія на принятую имъ въ рукописи *) статью. Хотя по собственному показанію и сдѣлалъ онъ въ ней нѣсколько поправокъ и перемѣнъ, но сомнѣнію не подлежитъ, что въ этомъ случаѣ Болдыревъ увлеченъ былъ слѣпымъ довѣріемъ къ издателю «Телескопа» Надеждину, который, по замѣчанію министра народнаго просвѣщенія, будучи за нѣсколько лѣтъ передъ симъ секретаремъ университетскаго совѣта, имѣлъ на Болдырева вліяніе столь сильное, что министръ нашелъ себя тогда уже въ обязанности принять нѣсколько мѣръ въ кругу университетскаго управленія на тотъ конецъ, чтобъ устранить возникшія въ совѣтѣ неудовольствія. Вообще Болдыревъ, въ продолженіе всего производства настоящаго дѣла, оказалъ столь мало проницательности и такой недостатокъ въ самостоятельномъ соображеніи предметовъ, что не трудно было намъ убѣдиться, какъ легко онъ дѣйствительно могъ сдѣлаться жертвою своей безпечности и неограниченной довѣренности къ Надеждину, котораго и называетъ виновникомъ своего несчастія. Представленные имъ отзывы, равно и весь ходъ сего дѣла показываютъ, что Болдыревъ былъ слѣпымъ орудіемъ Надеждина, и кромѣ сего послѣдняго, не зналъ ни сочинителя, ни переводчика статьи и не былъ ни въ какомъ отношеніи сопричастенъ понятіямъ, какими могли руководствоваться тѣ лица, которыя непосредственно участвовали въ переводѣ и обнародованіи вышесказанной статьи. Сіе обстоятельство подтвердилось при очной ставкѣ Болдырева съ Надеждинымъ.

«Касательно *Надеждина* открывается, что несмотря на всѣ извороты, употребленные имъ въ письменныхъ и словесныхъ отвѣтахъ, на умышленно-преувеличенный монархическій образъ мыслей, изложенный въ его здѣшнихъ объясненіяхъ, на притворное простодушіе, съ какимъ онъ показываетъ себя *не понявшимъ до напечатанія смысла статьи и цѣли автора*, можно безошибочно вывесть заключеніе, что статья, написанная Чедаевымъ, перешедши отъ сочинителя въ руки журналиста, сдѣлалась предметомъ совокупнаго ихъ желанія издать оную въ свѣтъ чрезъ журналъ Надеждина. Можно прибавить, что безъ усерднаго содѣйствія сего послѣдняго, Чедаевъ не нашелъ бы средства напечатать въ Россіи эту статью: сіе доказывается уже и тѣмъ, что Болдыревъ не зналъ Чедаева и что переговоры съ цензоромъ шли единственно чрезъ Надеждина. Главная цѣль сихъ переговоровъ состояла въ томъ, чтобъ воспользоваться простодушіемъ цензора; ибо, если бы сей послѣдній хотя малѣйше усомнился въ содержаніи статьи, всякое совѣщаніе съ товарищами (не говоря уже о начальствѣ), было

*) Безусловная ошибка: статья была дана въ корректурныхъ листахъ.

бы достаточно, чтобы огласить дѣло и тѣмъ самымъ пресѣчь всякую возможность издать въ Россіи статью Чедаева.

«Хотя дальнѣйшія показанія Надеждина противорѣчатъ показаніямъ Чедаева, хотя сей послѣдній говоритъ, будто никто менѣе его не желалъ напечатанія этой статьи, а Надеждинъ, напротивъ, утверждаетъ, что Чедаевъ до послѣдняго дня самъ держалъ корректуру и озабочивался поправками въ слогѣ,—но всѣ обстоятельства ведутъ прямо къ заключенію, что мысль перевести и напечатать на русскомъ языкѣ статью Чедаева принадлежитъ равно сочинителю и журналисту, и что только отъ ихъ совокупнаго дѣйствія могло это предпріятіе имѣть успѣхъ безъ согласія и участія Чедаева, Надеждинъ не могъ располагать статьею, а Чедаевъ не могъ издать оную, если бы журналистъ не имѣлъ вѣрнаго средства усыпить цензора, издавна ему извѣстнаго, и на котораго, какъ выше сказано, онъ и во время служенія при московскомъ университетѣ имѣлъ особое вліяніе.

«Очная ставка Надеждина съ Болдыревымъ вполнѣ утвердила коммиссію въ сихъ заключеніяхъ.

«Не лишнимъ считаемъ присовокупить, что кромѣ употребленія во зло довѣрчивости цензора, Надеждинъ нарушилъ данную имъ, вмѣстѣ съ прочими издателями журналовъ и газетъ, 9 января 1835 года, по требованію Министерства Народнаго Просвѣщенія подписку въ томъ, что «какъ лицо, коему правительство довѣряетъ, и которому въ видѣ привилегіи предоставляетъ выгоды, сопряженныя съ его изданіемъ, оно обязано усердно и неусыпно содѣйствовать цензурѣ въ такихъ ея обязанностяхъ, допуская въ число своихъ сотрудниковъ только такихъ, кои руководствуются симъ же понятіямъ».

«Разсмотрѣніе бумагъ и показаній Чедаева не представляетъ никакихъ обстоятельствъ, могущихъ измѣнить предыдущее изложеніе сего дѣла. Отвѣтные его пункты не подтверждаютъ во всемъ содержанія словеснаго объясненія, даннаго имъ гр. Строганову и московскому оберъ-полицеймейстеру, но и не опровергаютъ онаго. Тонъ этихъ письменныхъ отвѣтовъ не такъ твердъ и не такъ чистосердеченъ, какъ слова, гр. Строганову говоренныя, вообще замѣтно стараніе сложить на Надеждина вину въ изданіи извѣстной статьи.

«Обозрѣвъ такимъ образомъ весь ходъ всего дѣла, коммиссія почитаетъ обязанностію повергнуть на Высочайшее В. И. В. благоуваженіе общіе выводы, какъ представлялись ей по тщательномъ и обдуманномъ соображеніи всѣхъ случайностей, сопровождавшихъ появленіе извѣстной статьи въ Телескопѣ, и потомъ перейти къ изложенію своего заключенія по сему дѣлу.

«Здѣсь слѣдуетъ, по мнѣнію коммиссіи, различить *двѣ стороны два факта*: первый изъ нихъ есть: существо этого сочиненія, носящаго на себѣ отпечатокъ умственнаго разврата, господствующаго въ Европѣ, и коимъ заразилось, къ сожалѣнію, и у насъ небольшое число

людей слабоумныхъ и безпокойныхъ. Другой фактъ, несравненно важнѣйшій или лучше сказать, единственно важный въ семъ явленіи, есть обнародованіе подобной статьи въ то время, когда высшее правительство употребляетъ всѣ старанія къ оживленію духа народнаго, къ возвышенію всего отечественнаго. Мы не рѣшаемся выписывать отвратительныя и безумныя строки, въ коихъ авторъ статьи заноситъ руку на животворящее начало нашей самобытности; мы ограничиваемся объясненіемъ, что такая первая, почти открытыя попытка противъ Грекороссійской церкви, жизнь коей столь тѣсно сопряжена съ жизнію государства, даетъ сему произведенію новую, отличительную между либеральными пасквилями, черту обнаруживающую какой-то отголосокъ, какую-то связь съ *новѣйшимъ католицизмомъ*, поднявшимъ недавно свою хоругвь во Франціи подъ предводительствомъ *Ламене* съ его школой въ то самое время, когда *О'Коннель* въ Англіи, *Потнеръ* между бельгійцами, наконецъ нѣсколько истинно-радикальныхъ сектъ въ Германіи и Швейцаріи, не отдѣлившихся подобно Ламене отъ власти Римской церкви, вмѣстѣ съ нимъ, ищутъ точку соединенія ея ученія съ революціонными началами, охватившими большую часть Европы *).

«По всѣмъ симъ уваженіямъ, къ какимъ была приведена коммиссія по подробномъ размышленіи о семъ дѣлѣ, осмѣливается она изложить слѣдующее мнѣніе свое о лицахъ къ сему дѣлу прикосновенныхъ:

«1) Комиссія считаетъ обязанностію всеподданнѣйше донести, что направленіе какъ напечатанной статьи *Чедаева*, такъ и рукописныхъ его бумагъ, указываетъ ясно, что при нѣкоторомъ религіозномъ расположеніи, онъ не только открыто и видимо пренебрегалъ ученіемъ Православной церкви, но еще отдѣлился духомъ и мыслію отъ оной; каковое заблужденіе коммиссія не можетъ не отнести къ незнанію догматовъ и исторіи Православной церкви и затѣмъ признаетъ въ Чедаевѣ одну изъ тѣхъ печальныхъ жертвъ ложнаго, иноземнаго просвѣщенія всегда готовыхъ къ принятію всѣхъ впечатлѣній, клонящихся къ отчужденію отъ Россіи и къ презрѣнію всякой святыни въ нѣдрахъ отечества. Къ сему комиссія не можетъ однако, не прибавить, что мѣра наказанія повелѣннаго В. В. Чедаеву, постигнувшая его въ раздражительномъ самолюбіи, и сколько мы знаемъ, имѣвшая послѣдствіемъ общее одобреніе здѣшней и московской публики, соотвѣтствуетъ уже нѣкоторымъ образомъ учиненному Чедаевымъ проступку въ томъ, что онъ обнаружилъ образъ мыслей, отъ коего долженъ былъ бы искать изцѣленія или о которомъ по крайней мѣрѣ, обязанъ былъ молчать, дабы не соблазнять неопытныхъ и слабоумныхъ.

«2) Издателя Телескопа *Надеждина*, вслѣдствіе его несомнѣнныхъ

---

*) Обращаю особенное вниманіе читателей на весь этотъ абзацъ — онъ очень важенъ для уясненія взгляда правительства на „письмо" Чаадаева.

дѣйствій къ обнародованію статьи Чедаева, вопреки данной имъ подписки, коммиссія признаетъ главнымъ виновникомъ всего дѣла; почему и полагаетъ отправить Надеждина на жительство въ одинъ изъ губернскихъ городовъ Россіи, подъ надзоромъ полиціи, съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы.

«3) Касательно бывшаго цензора *Болдырева*, отрѣшеннаго уже отъ сей должности, почитая его вполнѣ, но не умышленно виновнымъ и находя сверхъ того, что дальнѣйшее его служеніе при Московскомъ университетѣ не только не принесло бы никакой пользы, но служило бы еще нѣкоторымъ соблазномъ для прочихъ лицъ, коммиссія осмѣливается представить всеподданнѣйшее В. И. В. объ увольненіи Болдырева вовсе отъ службы. Между тѣмъ принимая въ уваженіе прежнюю его беспорочную службу и даже самыя обстоятельства сего дѣла, коммиссія считаетъ долгомъ всеподданнѣйше ходатайствовать, чтобъ при увольненіи Болдырева отъ службы, онъ не былъ лишенъ права на полученіе по званію ординарнаго профессора, выслуженнаго имъ пенсіона, на основаніи существующаго узаконенія.

«4) Наконецъ, комиссія думаетъ, что слѣдуетъ предписать Московскому военному генералъ-губернатору потребовать отъ содержателя типографіи Селивановскаго объясненіе, почему онъ выпустилъ въ свѣтъ и разослалъ 15 № Телескопа до полученія билета изъ Цензурнаго комитета, и буде не представитъ достаточнаго оправданія, предоставить военному генералъ-губернатору поступить съ содержателемъ типографіи на основаніи свода законовъ Устава Благочинія, приложенія къ IV части, статьи: 141, 143 и 145 *).

«Всѣ таковыя предположенія свои комиссія осмѣливается повергнуть на благоуваженіе В. И. В.».

Государь 30 ноября положилъ резолюцію: «Чедаева продолжать считать умалишеннымъ и какъ за таковымъ имѣть медико-полицейскій надзоръ; Надеждина выслать на житье въ Усть-Сысольскъ **) подъ присмотръ полиціи, а Болдырева отставить за нераденіе отъ службы; въ прочемъ согласенъ съ мнѣніемъ коммиссіи. Г. Строганову велѣть на его строгой отвѣтственности избрать надежнаго цензора» ***).

Однако, только 4 декабря Надеждинъ былъ освобожденъ изъ подъ ареста, который отбывалъ въ домѣ III отдѣленія, и 5 декабря получилъ обратно свои бумаги и Бѣлинскаго ****). Черезъ три дня На-

---

*) Дѣйствія Селивановскаго найдены потомъ не подлежащими наказанія.

**) Надеждинъ наказанъ строже, чѣмъ предлагала комиссія: она говорила о губернскомъ городѣ.

***) Архивъ III отдѣленія Соб. Е. И. В. канцеляріи, собраніе всепод. докладовъ № 82., кар. 2., стр. 121, и др.

****) Въ этомъ есть его собственноручная росписка. Интересно бы знать, гдѣ теперь бумаги Бѣлинскаго?. Судя по замѣчанію Пыпина, въ архивѣ его ихъ не оказалось.

деждинъ уѣхалъ въ Москву, куда его сопровождала бумага Бенкендорфа, въ которой онъ просилъ кн. Голицына дать ему остаться тамъ недѣли на двѣ для устройства своихъ дѣлъ. Недаромъ Надеждинъ, по словамъ Никитенка, съ благодарностью отзывался о Бенкендорфѣ и особенно о Дубельтѣ, тогда еще полковникѣ, который въ качествѣ начальника штаба корпуса жандармовъ, вѣдалъ Надеждинымъ во время мѣсячнаго ареста. «Когда ему объявили о ссылкѣ, онъ просилъ Бенкендорфа исходатайствовать ему вмѣсто того заключеніе въ крѣпость, потому что тамъ, по крайней мѣрѣ, можетъ не умереть съ голоду. Бенкендорфъ исходатайствовалъ ему вмѣсто того позволеніе писать и печатать сочиненія подъ своимъ именемъ» *). Надо думать, что такъ категорически сообщаемый фактъ вѣренъ и слѣдовательно ходатайство было словесное. Бенкендорфъ лучше Уварова понималъ, что Надеждинъ переживаетъ ужасное потрясеніе: быть сторонникомъ существующаго порядка и оказаться въ числѣ его враговъ,—и потому былъ съ нимъ гораздо мягче. Вѣроятно, этому не мало способствовалъ и разговоръ съ Надеждинымъ Дубельта...

Въ концѣ декабря генералъ Перфильевъ доносилъ опять о «мнѣніяхъ публики», съ которыми, какъ видимъ, III отдѣленіе постоянно знакомилось по каждому случаю. Болдырева жалѣли и находили наказаніе излишне строгимъ, потому что незаконнымъ **); о Надеждинѣ «не разсуждали», а о Чаадаевѣ говорили, «что есть ли отобранныя у него бумаги, не заключаютъ въ себѣ новыхъ предметовъ къ обвиненію, то находятъ, что онъ уже довольно наказанъ».

М. Лемке.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) *Никитенко*, "Записки и Дневникъ", изд. I, Т. 280.

**) Гр. Строгановъ писалъ государю о необходимости чѣмъ нибудь обезпечить существованіе Болдырева. Бенкендорфъ отвѣчалъ ему (28 декабря 1836 г.), что на это нужно нѣкоторое время. Строгановъ тогда просилъ Бенкендорфа поддержать его просьбу. 7 февраля Болдыреву была пожалована 1.000 руб. Въ мартѣ 1838 г. Болдыревъ былъ прощенъ и награжденъ пенсіей.

ВЪ СМЕРТНЫЙ ЧАСЪ.

Джероламо Роветта.

Съ итальянскаго **К. Ж.**

I.

Глядя на громадный садъ, полный тишины, свѣжести и прохлады, забывалось, что находишься въ самомъ центрѣ Милана, въ ста шагахъ отъ Собора и кишащаго муравейника Галлереи. Вѣковыя деревья, заросшія травой дорожки, старыя, позеленѣвшія статуи напоминали скорѣе паркъ какой нибудь заброшенный, необитаемой виллы.

Сонливая грусть висѣла въ воздухѣ вмѣстѣ съ острымъ, разслабляющимъ запахомъ магнолій, отцвѣтавшихъ на гигантскомъ деревѣ, возлѣ фонтана. По временамъ, съ дерева падали, то съ глухимъ, то съ звенящимъ шорохомъ, блестящіе металлическіе листья, уже свернувшіеся и пожелтѣвшіе.

Лишь эти слабые звуки, да неясное эхо отдаленныхъ голосовъ нарушали неподвижную, монастырскую тишину.

Маркизъ Пьеръ Луиджи, едва окончивъ кофе, поднялся и вышелъ на балконъ, заложивъ руки въ карманы свѣтлой жакетки, и крупными затяжками впивалъ дымъ великолѣпной гаванны.

Утренняя прогулка—отъ десяти до одиннадцати—по нѣкоторымъ кварталамъ города, вызвала у него за завтракомъ «нервныя ощущенія» въ желудкѣ.

Стоялъ прекрасный іюньскій день, сверкало горячее, ликующее солнце, дивное воскресное солнце, которое не однимъ только маленькимъ людямъ кажется не похожимъ на солнце прочихъ дней.

Покачиваясь въ темпѣ вальса на телѣжкѣ, правя самъ,—грумъ сидѣлъ рядомъ, скрестивъ на груди руки, на подобіе маленькаго Наполеона въ цилиндрѣ—онъ забрался въ самыя отдаленныя улицы стариннаго предмѣстья, въ простонародные и самые населенные кварталы, гдѣ возвышаются многочисленныя фабрики, мастерскія и огромные рабочіе дома, квадратные, изрѣшеченные частыми окнами и похожіе на казармы или на клѣтки мастодонтовъ. Здѣсь, въ дверяхъ, въ воротахъ, въ харчевняхъ и кафе, частыхъ до отвращенія и почти до ужаса, среди шума и гама оживленныхъ и спѣшащихъ, не смотря на праздничный день, людей, онъ увидѣлъ народъ, народъ весьма от-

личный отъ того, который онъ съ риторическимъ—не импровизированнымъ—жаромъ описывалъ своимъ коллегамъ въ Парламентѣ; новый народъ большихъ городовъ, которому работа и промышленность придаютъ такую типичную физіономію.

Маркизъ Пьеръ Луиджи, все покачиваясь, въ желтой, блестящей телѣжкѣ, среди этихъ группъ рабочихъ, вмѣсто восхищеннаго и завистливаго подобострастія, выражаемаго ему крестьянами въ его владѣніяхъ, встрѣчалъ насмѣшливые злобные взгляды, понималъ, что соприкасается съ реальнымъ и страшнымъ міромъ, существованіе котораго онъ и его друзья, болѣе изъ приличія, нежели по убѣжденію, упорно продолжали отрицать.

Но послѣднее, самое непріятное впечатлѣніе ожидало его на обратномъ пути, на улицахъ квартала Porta garibaldi, гдѣ чаще попадались на углахъ огромныя, объявленія, ярко краснаго цвѣта сами по себѣ представлявшія уже вызовъ. Объявленія эти приглашали «гражданъ», въ два часа того же дня, на большое общественное собраніе въ Альгамбрѣ. «Народныя партіи» должны были обсуждать «политическій моментъ», и ораторомъ комитета выступитъ докторъ Джіусто Аллори.

Онъ съ досадой подхлестывалъ бичомъ своего гнѣдого и ядовито улыбался.

— А! А! Докторъ Джіусто Аллори!

Ударомъ бича онъ хотѣлъ бы сорвать и афиши!

— Паяцъ! Шутъ! Ораторъ народныхъ собраній!.. Шутъ! Паяцъ! И неблагодарный. Мало ему было газетъ, брошюръ, всей этой его двухъ или трехлѣтней работы...—подстрекательства! Теперь еще въ театры, на площади!

И Пьеръ Луиджи снова искоса поглядывалъ на афиши.

— «Политическій моментъ»! Еще бы! Воображаю, какъ изучили, поняли и представятъ имъ «политическій моментъ» эти несчастные, едва способные по складамъ разобрать *Борьбу классовъ*!

Маркизъ Пьеръ Луиджи пережилъ его въ Римѣ и переживалъ теперь въ Миланѣ, этотъ «политическій моментъ»! Но, къ сожалѣнію, эта толпа черни, которая сбѣжится въ деревянный баракъ болтать вздоръ, орать и рукоплескать этому экзальтированному честолюбцу Аллори, является судьей... въ случаѣ выборовъ.

Маркизъ Пьеръ Луиджи заторопился во дворецъ, рѣшивъ не выходить цѣлый день изъ дома. Онъ вернулся раньше одиннадцати, разсердился, что донна Марія опаздываетъ, рискуя не попасть къ обѣднѣ и проповѣди въ полдень въ Санъ-Феделе, потомъ рѣшился—рѣдкая смѣлость—послать горничную поторопить ее и, въ концѣ концовъ, сѣлъ завтракать одинъ.

Донна Марія вошла почти сейчасъ же: она, повидимому, была въ такомъ же настроеніи, какъ и мужъ. Настроеніи, удивительно гармонировавшемъ съ колоритомъ комнаты, съ унылымъ полумракомъ, съ

строгой мебелью, темными обоями, тяжелыми вазами, большими картинами nature morte, со всей роскошной и гнетущей обстановкой столовой.

Сейчасъ же послѣ завтрака маркизъ Пьеръ Луиджи вышелъ курить на балконъ. Онъ опасался взрыва со стороны жены по случаю слишкомъ нерѣшительнаго поведенія ломбдарской группы въ Палатѣ. Донна Марія сидѣла, выпрямившись и вооружившись черепаховомъ моноклемъ, придававшимъ ея красивому лицу старинной камеи еще болѣе строгое, почти суровое выраженіе, внимательно читала утренній номеръ «Neo Guelfo»: не слѣдовало отвлекать ее или мѣшать.

Въ саду, по мѣрѣ приближенія полуденнаго часа, миръ и тишина, казалось, увеличивались. Чуть слышалось металлическое тиканье падавшихъ на землю листьевъ магноліи, едва доносился слабый отзвукъ уличныхъ шумовъ. Кто бы могъ сказать, что за этой стѣной, покрытой мхомъ и плющомъ, волнуется шумная жизнь голосовъ и умовъ?

Волны великаго бурнаго моря народнаго гнѣва разбивались у подножія этихъ массивныхъ стѣнъ, въ теченіе вѣковъ безстрастно и непоколебимо противостоявшихъ ихъ напору. О! Онѣ видѣли и выносили бури... и гораздо болѣе страшныя!

— Однимъ народнымъ собраніемъ больше или меньше? Народное собраніе въ Альгамбрѣ еще не свѣтопреставленіе, не революція!. «Политическій моментъ»? Шуты!

Вдругъ, онъ почувствовалъ, что маркиза стоитъ позади его и, обернувшись, сейчасъ же понялъ, что чтеніе «Neo-Guelfo» не принесло ей такого утѣшительнаго спокойствія, которое проникло его отъ созерцанія мирнаго сада.

— Посмотри.—Маркиза указала ему розовымъ ногтемъ на газетную статью.

— Докторъ Джусто Аллори выступаетъ ужъ въ качествѣ трибуна.

— Да.

Пьеръ Луиджи отвѣтилъ съ насмѣшливой улыбкой, но маркиза вспыхнула отъ гнѣва.

— И все это въ значительной мѣрѣ твоя вина.

— Моя вина?

— Да. Своей слабостью по отношенію къ отцу, ты содѣйствовалъ моральной гибели сына.

Пьеръ Луиджи вошелъ въ залу и началъ шагать взадъ и впередъ, хмурясь все больше съ каждымъ шагомъ.

Его жена была права: вина была также и на его сторонѣ. Онъ не придавалъ значенія чрезмѣрной снисходительности стараго Лоренцо къ сыну. Даже, если говорить правду, онъ самъ иногда чувствовалъ себя побѣжденнымъ живостью этого, такъ много мнившаго о себѣ, мальчишки. Онъ самъ позволилъ, самъ читалъ первые стишки, первые разсказики юнаго студента, когда они появились въ литературныхъ газеткахъ.

Жена же наоборотъ. Она сразу почувствовала, что въ этомъ плутишкѣ, кое-какъ наряженномъ въ поношенныя платья, которыя хозяинъ дарилъ Лоренцо, зрѣетъ духъ нетерпимости, мятежникъ, честолюбецъ, декламаторъ, и предостерегала его не разъ, но тщетно.

Хозяинъ былъ слабъ, отецъ безуменъ.

Однажды вечеромъ даже Монсиньоръ говорилъ ему о скандалѣ, который производитъ этотъ революціонеръ, росшій въ самомъ его дворцѣ, ѣвшій его хлѣбъ, спящій подъ его крышей, но и тогда онъ не пожелалъ вмѣшаться, приказать. Жена была права. У коршуна начали выростать крылья и когти!.. Но пусть, по крайней мѣрѣ, онъ гнѣздится въ другомъ мѣстѣ, подальше отъ его дома!

— Лоренцо дома?—спросилъ маркизъ лакея.

— Должно быть. Онъ вернулся въ одиннадцать отъ обѣдни.

— Что ты хочешь сказать ему?—Маркиза, съежившись на низенькомъ креслѣ у окна, сорвала бандероль съ журнала «Les dames du bien», и улыбнулась, покачавъ головой:—Теперь слишкомъ поздно! Сынъ таковъ, каковъ онъ есть, и отецъ первый кается и ужасается.

— Никогда не поздно. Оставь.

Пьеръ Луиджи сново обратился кн слугѣ.

— Позовите Лоренцо.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ Лоренцо и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по гостинной, попросилъ позволенія сѣсть, такъ какъ въ это утро боль въ сердцѣ мучила его сильнѣе, и даже немногія ступени уже вызвали у него припадокъ астмы.

Дворецкій, болѣзнями вынуждннный къ абсолютному покою, дѣйствительно, имѣлъ ужасающій видъ. Мутные глаза были окружены синевой и ввалились, свѣже выбритая кожа на щекахъ сморщилась и обвисла, а бѣлые губы безпокойно шевелились, какъ будто больной постоянно старался маленькими глотками пить недостающій воздухъ.

— Мнѣ очень жаль говорить вамъ... непріятныя вещи, тѣмъ болѣе, что вы дурно себя чувствуете, но такъ дальше не можетъ продолжаться. Вамъ извѣстно новое паясничество? Сегодняшнее?

Лоренцо, сидящій на краю стула, положивъ худыя руки на колѣна, задрожалъ всѣмъ тѣломъ, но дрожь эта была не отъ страха и не отъ стѣсненія: бѣдняга сильно страдалъ.

— Синьоръ Джусто Аллори желаетъ проповѣдовать народу!

Лоренцо подтвердилъ, съ сокрушеніемъ качнувъ головой. Потомъ съ усиліемъ воскликнулъ:

— Знаю, знаю, синьоръ маркизъ. Собраніе въ Альгамбрѣ! Я умолялъ Джустино еще вчера вечеромъ со слезами на глазахъ; по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ не выступалъ такъ публично, ради хоть васъ! Напоминалъ ему всѣ полученныя благодѣянія... Заклиналъ его сжалиться надо мной, такимъ старымъ и больнымъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ то же, что отвѣчаетъ всегда, вотъ уже годъ.—«Безполезно, папа!

Ты не понимаешь, не можешь понимать нѣкоторыхъ вещей. То, что я дѣлаю, мой долгъ!»

— Его долгъ! Его долгъ!—воскликнула маркиза Марія, съ выраженіемъ негодованія и ненависти въ голосѣ.—Его долгъ чтить имя семьи, въ которой отецъ его работалъ всю жизнь, не якшаться съ самыми заклятыми врагами нашей крови и нашей религіи. Вотъ это его долгъ! Это его настоящій долгъ.

Старикъ взглянулъ на хозяйку, пораженный и смущенный волной отвращенія, срывавшейся съ ея губъ, и не отвѣтилъ. Онъ все поддакивалъ, качая сѣдой головой, дыша съ трудомъ. Онъ никогда не воображалъ, что сына его такъ ненавидятъ!

Маркиза продолжала безпощадно, не глядя на него:

— Лично я ни въ чемъ не могу упрекнуть себя. Я старалась быть полезной вашему сыну морально и матеріально, какъ мнѣ подсказывала религія и сердце. Да, и сердце, потому что этотъ мальчикъ обѣщалъ совсѣмъ иное: онъ былъ бойекъ, шаловливъ, но послушенъ, разсудителенъ. Я не говорю, что его нужно было отдать въ семинарію... но, по крайней мѣрѣ, не слѣдовало позволять набивать ему голову всякой ересью, всякими гнусностями, выдуманными врагами добра.

— Именно, — вмѣшался Пьеръ Луиджи, находившій правильной вспышку жены, которая, хотя и будучи нѣсколько чрезмѣрной, все же приводила къ нѣкоторому заключенію.—Что вы хотѣли достигнуть, слѣдуя вашему тщеславію и его честолюбію? Всякія жертвы, въ теченіе семи или восьми лѣтъ, чтобы онъ сдѣлался докторомъ! Докторомъ экономическихъ наукъ! Прекрасныя... науки! Несправедливость капитала, уничтоженіе собственности!

Почтенный маркизъ возбуждался отъ звука собственнаго голоса, какъ старый породистый конь при звукѣ трубы. Уже давно ему не приходилось высказывать дома, особенно женѣ, насколько группа неогвельфовъ глубоко постигла и соціальный вопросъ. И онъ разразился противъ недостойнаго обмана марксистовъ, поддерживающихъ возможность соціализаціи орудій производства, противъ болѣзненнаго и общаго самовнушенія массъ, стремящихся къ революціонной утопіи къ которой онѣ приходили, поддавшись на приманку «смертоносной» иллюзіи эволюціонной тактики, со стороны подстрекателей, способныхъ на все, лишь бы удовлетворить свои личныя необузданныя притязанія. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину, смотря въ полъ, точно осторожно ощупывая слова и пользуясь случаемъ собрать и расположить нѣкоторые матеріалы, пригодные для его ближайшей конференціи по поводу папской энциклики, поощряющей католиковъ «истинной демократіи». Но вдругъ, бросивъ мелькомъ взглядъ на Лоренцо, увидѣлъ его такимъ удрученнымъ, такимъ разстроеннымъ, согнувшимся въ три погибели на кончикѣ стула, что сжалился надъ

старымъ вѣрнымъ слугой и подумалъ, что пора избавить его отъ этой пытки.

— Ну, теперь слова ужъ излишни! Помню, когда у васъ родился этотъ единственный сынъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружества! Можно было подумать, что на васъ свалилось съ неба какое-то особое благословеніе! И выборъ имени, помните? Положимъ, мы совсѣмъ этого не одобряли назвать его Джусто!

— Джустино...

— Джусто! Какъ будто и безъ того уже голова не шумитъ отъ всѣхъ этихъ справедливостей, нѣтъ, надо еще навязывать ее и въ именахъ! У васъ и такъ была уже довольно... странная фамилія: Аллори! Еще и Джусто! Вотъ и вышелъ Джусто Аллори. Все вмѣстѣ... необычайно, точно нарочно придумано, что заставлять говорить, бить въ барабанъ трибуна и мученика!

— Но объ этихъ вещахъ, синьоръ маркизъ, кто же думаетъ!— осмѣлился пробормотать Лоренцо, складывая дрожащія руки.

Донна Марія вмѣшалась, вставая и давая бѣдному старику знакъ что аудіенція окончена.

— Дѣло идетъ не о словахъ, ни объ именахъ, а о фактахъ. А фактъ... серьезный, невыносимый, то, что онъ живетъ еще въ нашемъ домѣ, этотъ самый субъектъ, который вездѣ, въ газетахъ, въ собраніяхъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, извините синьора маркиза, не безпокойтесь,—умолялъ Лоренцо, вставъ, и съ нѣкоторой настойчивостью.

— Я думалъ, что вы уже знаете. Джустино уже скоро два мѣсяца не живетъ здѣсь, со мной. Онъ приходитъ изрѣдка навѣстить меня; здѣсь еще нѣкоторыя его книги, но и онъ тоже понялъ, что такъ больше не годится!.. Да, синьора маркиза, и это горе не миновало меня. Я наканунѣ того, чтобы отойти въ вѣчность, и сынъ мой не со мною. И вы правы! Вы были всегда такъ добры къ этому мальчику, столько оказывали ему благодѣяній... Ахъ! Я понимаю, понимаю, и не забылъ ничего... Но что дѣлать? Это мое несчастье! Воля Господня. Недостаточно было болѣзни, этой астмы, которая перехватываетъ мнѣ дыханіе... извините, извините, ради Бога! Джустино больше не появится въ домѣ, повѣрьте! Я буду ходить къ нему, покуда смогу... А когда я умру... вы простите его ради меня... только ради меня!

Старикъ поднялъ руки, чтобы разстегнуть воротникъ, волненіе, горе, слезы усилили его астму. Онъ вышелъ пятясь, кланяясь шатаясь, и махая руками. Онъ потратилъ не менѣе десяти минутъ на то, чтобы подняться на третій этажъ по черной лѣстницѣ, и очутиться въ своихъ комнаткахъ, гдѣ по крайней мѣрѣ онъ могъ остаться одинъ съ своимъ мученіемъ, съ своимъ отчаяніемъ. Онъ не хотѣлъ выходить даже и ко всенощной. У него не хватило бы силъ снова подниматься по

лѣстницѣ. И потомъ, онъ можетъ молиться и сосредоточиться здѣсь совершенно такъ же, какъ въ церкви. Онъ прочтетъ всю всенощную и повечеріе и нѣсколько псалмовъ, смотря изъ окна на свой прекрасный Соборъ, настолько близкій, что ему казалось, онъ можетъ дотронуться до него, протянувъ руку, весь бѣлый, розовый и лазурный, съ его террасами, балюстрадами, обелисками, статуями, святыми, ангелами, мадоннами! Лоренцо смотрѣлъ на нихъ, привѣтствовалъ ихъ нѣсколько разъ въ день въ теченіе сорока съ лишнимъ лѣтъ, и зналъ ихъ всѣхъ, говорилъ съ каждой, къ каждой обращался съ какой нибудь особой молитвой въ жизненныхъ невзгодахъ, когда остался одинъ съ мальчикомъ, потомъ когда Джустино подросталъ, всегда полубольной, и теперь въ послѣдніе годы, когда Джустино обнаружилъ эти идеи, и бросился какъ безумный въ проклятую политику, а у него, бѣднаго старика, отъ страха, непріятностей и упрековъ господъ, ухудшилась болѣзнь сердца.

Послѣ долгой остановки, прижимая обѣ руки къ груди, потому что ему казалось, что сердце хочетъ выскочить наружу, онъ поднялся по послѣдней лѣстницѣ, самой короткой, но и самой крутой, и наконецъ очутился на площадкѣ, полной воздуха и свѣта, какъ и его комнатки. Передъ тѣмъ, какъ сойти внизъ, онъ заперъ дверь; почему же она теперь отперта и ключъ торчитъ въ замкѣ? По легкому, хорошо знакомому покашливанію внутри, онъ понялъ сейчасъ же.

— Дома, въ этотъ часъ? Зачѣмъ?—подумалъ старикъ, все болѣе безпокоясь, при мысли о встрѣчѣ съ сыномъ въ то время, какъ чувствовалъ себя такъ скверно.

— Смѣлѣе!—Онъ открылъ дверь и, едва войдя, повалился на кресло, разбитый, со вздохомъ, закончившимся стономъ.

— Зачѣмъ ты поднимался по лѣстницѣ, чувствуя себя такъ плохо? Ты обѣщалъ мнѣ оставаться спокойно дома или на балконѣ.

— Меня позвали господа.

Молодой человѣкъ, при словѣ «господа», слегка покраснѣлъ.

— Что имъ понадобилось? Они вѣдь знаютъ, что ты боленъ!

— Нужно было поговорить со мной!

Молодой человѣкъ нашелъ наконецъ пыльную связку брошюръ, въ которой началъ лихорадочно рыться, теряя терпѣніе, сердясь, боясь опоздать.

— Если не найду изложенія *Капитала* Габріэля Девилля, то я сегодня все равно, что безъ рукъ. А вѣдь оно было здѣсь, въ этой пачкѣ. Куда оно запропастилось?

— Я вѣдь никогда ничего не трогаю... ты знаешь!—пробормоталъ старикъ.

Джусто поднялъ глаза и взглянулъ на него, взволнованный, смущенный этимъ страдальческимъ голосомъ въ столь важный для него моментъ. Затѣмъ улыбнулся ему, говоря:

— Знаю, знаю, папа, моихъ книгъ ты не трогаешь; но мнѣ нужно найти этого Девилля. Я хочу закончить Собраніе...

— Оставь Собраніе!—прервалъ Лоренцо, складывая ладони, съ покорной, но горячей просьбой.—Не ходи на это Собраніе! Не вызывай хоть скандала, изъ уваженія къ твоему отцу, къ семьѣ, которой твой отецъ всегда служилъ вѣрно, съ честью...

— Служилъ? А! Вѣрность, преданность, съ которой ты служилъ своимъ господамъ, должна помѣшать мнѣ служить моимъ идеямъ? И за этимъ они тебя позвали? И кто знаетъ, какъ они озлоблены противъ меня, особенно маркизъ!.. Ну, довольно, однако! Мнѣ некогда терять время! Скажешь тамъ, господамъ, что у меня тоже есть свои господа, и мои господа—мои обязанности, которыя гораздо важнѣе синьора маркиза, и синьоры маркизы.

— Нѣтъ, нѣтъ, Джустино! Не дѣлай, не говори такъ, и ты тоже! Не сердись и ты! Не причиняй мнѣ еще горя. Міръ не измѣнится отъ твоихъ разговоровъ, потому что онъ всегда шелъ и всегда будетъ идти тѣмъ же порядкомъ. Та воля милосердаго Бога, единственнаго господина великихъ и малыхъ!

Юноша прервалъ его, интеллигентное лицо его было озарено свѣтомъ снисхожденія и жалости.

— Довольно, довольно, папа, бѣдный мой старичекъ! Не сегодня, не сегодня, не повторяй мнѣ этихъ словъ сегодня. Сейчасъ собираются три, четыре тысячи человѣкъ, рабочихъ, мастеровыхъ, и я скажу имъ всѣмъ то, что цѣлый мѣсяцъ зрѣетъ въ моей груди... Но потерпи немного, сядь спокойно и возьми, почитай свой молитвенникъ... Ты не можешь понять меня. Вотъ, вотъ мой Девилль! Слава Богу! Нашелъ.

Молодой человѣкъ взглянулъ на часы, какъ бы для того, чтобы имѣть мужество покончить и уйти.—Безъ четверти два. Скорѣе на конку и въ Альгамбру! Я не могу опоздать! А ты думай, что я порядочный человѣкъ, что-бы тебѣ про меня ни говорили изъ за моихъ идей!

Джусто, согнувъ высокую, костлявую и угловатую, худую фигуру, чтобы пройти сквозь маленькую, немного низкую дверь, сдѣлалъ еще разъ прощальный жестъ бѣдному Лоренцо, быстро спустился съ лѣстницы и направился еще поспѣшнѣе къ конкѣ Порта Гарибальди, перелистывая и отмѣчая на поляхъ толстыми штрихами синяго карандаша, томикъ Девилля. Въ матерчатой шляпѣ, съ золотыми очками, въ неряшливомъ платьѣ, съ большимъ полуразвязаннымъ чернымъ галстукомъ, съ полными газетъ карманами, съ быстрыми, нервными, взволнованными жестами, бормоча сквозь зубы отрывокъ какой нибудь ораторской фразы, онъ шелъ среди людей, не видя никого, замѣчаемый всѣми, извѣстный многимъ, и его сопровождали любопытные, восторженные, сочувственные, но и насмѣшливые, презрительные и сострадательные взгляды.

II.

Въ окрестностяхъ Альгамбры толпы спѣшащихъ людей оживленно разговаривали. Театръ былъ уже набитъ биткомъ, вплоть до самаго вестибюля, и Аллори пришлось энергично пробиваться сквозь толпу, чтобы не опоздать на эстраду, гдѣ его ожидали.

Яркій свѣтъ лѣтняго дня волнами вливался въ широкія распахнутыя окна и придавалъ рѣзкій и наглый блескъ краскамъ, обнаруживая неряшливую и крикливую вульгарность грубымъ украшеніямъ этого огромнаго деревяннаго барака въ псевдомавританскомъ стилѣ. И обширный залъ весь гремѣлъ отъ нетерпѣнія безпокойной толпы; звучалъ тысячами голосовъ, тысячами различныхъ шумовъ, сливавшихся въ одинъ оглушительный рокотъ, похожій на ревъ моря, съ его пониженіями, повышеніями и промежутками покоя.

Простой народъ, по инстинкту, по привычкѣ, пришедшій за полчаса до начала, приступомъ взялъ галлерею и теперь тѣснился въ ней, представляя одну трепещущую массу, въ которой сливались темные и яркіе цвѣта. Другая толпа, въ партерѣ, все увеличивалась медленнымъ, постояннымъ притокомъ новыхъ группъ, точно проглатываемыхъ массой. А послѣдняя походила на первый взглядъ на обычную толпу, болтливую и дерзкую, которая въ ожиданіи обыкновеннаго зрѣлища, забавляется на собственный счетъ, сама себѣ служитъ зрѣлищемъ, предается всѣмъ вольностямъ грубаго народнаго юмора.

Дѣйствительно, въ воздухѣ носились крики, свистки, восклицанія, хрюканья, ревъ, здѣсь и тамъ, какъ во время карнавала, развѣвались газеты, афишки, маленькіе вѣера; въ одномъ углу, наверху, группа шалуновъ сняла пиджаки подъ предлогомъ жары, а напротивъ, съ противоположной стороны, другіе парни, сомнительнаго вида, колотили палками, съ кривыми роговыми ручками, о желѣзныя перила, производя адскій грохотъ. Аллори, быстро узнанный и встрѣченный съ чувствомъ и любопытства и удовлетвореннаго нетерпѣнія, пробирался по среднему проходу, подъ ложами перваго яруса.

Вдругъ послѣднія, уже частью занятыя, наполнились другими людьми, грубыми и наглыми, которые не имѣли никакого права войти въ нихъ. На минуту поднялся ужасающій гамъ, рѣзкіе побѣдные крики перекрещивались съ озлобленными протестующими, видно было, какъ красные султаны и голубыя кисточки, разсѣянные понемногу всюду, заволновались и поспѣшили къ ложамъ. Но это продолжалось одно мгновеніе.

На эстрадѣ свѣтъ былъ мягче, спокойнѣе и отливалъ золотомъ, какъ отблескъ заката въ церкви. Здѣсь была другая толпа, состоящая изъ людей, лучше одѣтыхъ, нѣкоторые даже въ черномъ, съ цилиндрами, другіе въ шляпахъ съ перьями и съ болтающимися на груди

медалями. Дальше, въ глубинѣ, съ одной стороны, группа флаговъ, съ другой, группы старыхъ и болѣе или менѣе подлинныхъ, оставшихся въ живыхъ гарибальдійцевъ, въ огненныхъ рубашкахъ изъ новой красной фланели и въ биретахъ. Разставленные на эстрадѣ стулья были предложены старикамъ, и среди нихъ нѣкоторые, почти всѣ дѣйствительные ветераны отечественныхъ войнъ, съ ребяческимъ тщеславіемъ выставляли свои ордена и крутили сѣдые усы съ безвреднымъ, стариковскимъ нахальствомъ. Были тутъ и женщины, мѣщанки и изъ простонародія, первыя разряженныя въ шелковыя платья для парадныхъ случаевъ, но безъ золотыхъ украшеній, потому что въ толпѣ «никогда нельзя знать», вторыя, большейчастью молодыя дѣвушки, красотки съ улыбающимися губами и сверкающими зубками, довольныя днемъ отдыха и даровымъ зрѣлищемъ; потныя и растрепанныя, онѣ, съ громкими раскатами смѣха, разсказывали другъ другу свои приключенія, пока проталкивались сквозь толпу, чтобы добраться до эстрады, гдѣ можно было лучше слышать и находиться поближе къ брату или возлюбленному. Газетные репортеры стиснутые, въ самомъ странномъ смѣшеніи политическихъ оттѣнковъ, за двумя столиками на авансценѣ, яростно писали карандашемъ на маленькихъ клочкахъ бумаги, сосредоточенно оглядываясь вокругъ, чтобы потомъ «описать обстановку», въ различномъ тонѣ, сообразно съ окраской ихъ газеты.

Наиболѣе извѣстныя и выдающіяся лица народныхъ партій, представителя распорядительныхъ комитетовъ, товарищи, прибывшіе изъ сосѣднихъ, родственныхъ городовъ, чтобы заявить о своей «солидарности», имѣли довольно декоративный видъ и смотрѣли съ яснымъ спокойствіемъ на инциденты въ партерѣ, какъ люди, привыкшіе къ извѣстнымъ вещамъ и видавшіе кое-что поважнѣе, и знающіе, что на нихъ устремлены взгляды народа, всего Милана, а, слѣдовательно, и всей Италіи.

И въ то время, какъ внизу, въ партерѣ народъ шумѣлъ, беря приступомъ ложи, въ этихъ группахъ, на эстрадѣ, произошло короткое замѣшательство, потомъ, взрывъ бурныхъ аплодисментовъ, покрывшихъ всѣ остальные шумы. Флаги заколебались, группы раскрылись, и красивый старикъ, съ мягкой и симпатичной наружностью, увѣреннымъ шагомъ, приблизился вмѣстѣ съ тремя или четырьмя другими лицами, среди которыхъ былъ Джусто Аллори, къ столу, передъ закрытой суфлерской будкой. Въ театрѣ все вдругъ стихло. Потомъ, сейчасъ же, какъ ударъ грома, короткіе и сухіе аплодисменты. Секунда перерыва и снова тѣ же аплодисменты, столь-же сильныя, но на этотъ разъ настойчивые, продолжительные, безконечные, и разрѣшившіеся наконецъ криками, «ура», «долой», сначала однообразными и смутными, потомъ опредѣленными возгласами отдѣльныхъ головъ, звонкихъ и сильныхъ.

Джусто Аллори съ нескрываемой радостью впивалъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ это зрѣлище, переводя живой взглядъ за стеклами очковъ по всѣмъ мѣстамъ театра, сверха до низа, какъ бы для того, чтобы удостовѣриться, что вездѣ трепещущія души и открытыя сердца. Затѣмъ поднялъ руку широкимъ и вызывающимъ спокойствіе жестомъ и тотчасъ же дѣйствительно стало тише, среди новыхъ восклицаній, рукоплесканій, снова возникавшихъ тутъ и тамъ и обращенныхъ къ нему наиболѣе нетерпѣливыми изъ его слушателей: И онъ заговорилъ сейчасъ же, но только для того, чтобы предложить собранію выбрать предсѣдателя; это подняло новый ураганъ криковъ, среди которыхъ, однако, скоро ясно начала преобладать одна фамилія.

Тогда красивый старикъ, съ мягкимъ и симпатичнымъ лицомъ, стоящій около стола, побуждаемый, а затѣмъ и подтолкнутый силой Джусто Аллори и другими сосѣдями, вышелъ на средину, вторично призвалъ толпу успокоиться, и наконецъ, взявъ большой колокольчикъ, энергично зазвонилъ, и водворилъ нѣкоторую тишину: послѣ этого, еще сильнымъ голосомъ, поблагодарилъ за оказанную ему честь. Онъ прибавилъ еще нѣсколько фразъ видимо приготовленныхъ и объяснилъ цѣль собранія: но довольно скоро запутался, повторялъ нѣсколько разъ одно и тоже, пока не расхрабрился сдѣлать заключеніе, тоже приготовленное, рекомендуя тишину, уваженіе ко всѣмъ мнѣніямъ и краткость рѣчей.

Но первыя рѣчи были отнюдь не кратки. Сначала говорилъ старый ех-депутатъ напыщенный и тягучій, каждая фраза котораго отзывалась скрытымъ раздраженіемъ. Потомъ представитель иностранной конференціи, многоглаголивый говорунъ, страннымъ видомъ, рѣзко мѣстнымъ акцентомъ и нѣкоторыми новыми образами, онъ сначала привлекъ было вниманіе, но, немного спустя, оно смѣнилось скукой и досадой.

Публика теряла терпѣніе, раздражалась.

Предсѣдателю удалось убѣдить уже измѣнившагося въ лицѣ оратора замолчать, не досказавъ своихъ доводовъ, и Джусто Аллори выступилъ впередъ, на авансцену, остановилъ аплодисменты, возобновившіеся по его адресу, и началъ говорить, сжимая въ правой рукѣ связку брошюрокъ, а лѣвой поправляя привычнымъ жестомъ золотые очки, обращаясь то въ одну сторону, то въ другую, устремляя взглядъ то внизъ, то поднимая его на толпу, тѣснящуюся вверху на галлереѣ.

III.

Все, что до того было сказано другими, въ болѣе безсвязной и безпорядочной формѣ, потекло изъ его устъ съ ясностью, непрерывностью

и быстротой, похожей на свѣжую струю водоносной жилы, передъ которой внезапно уничтожилось всякое препятствіе. Но Джусто Аллори видимо не намѣревался останавливаться долго на политическихъ превратностяхъ дѣйствительности.

Онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ многолюднымъ собраніемъ для того, чтобы сказать много другихъ вещей, интересовавшихъ его гораздо болѣе, и дѣйствительно, слова его освѣтили вдругъ другія идеи, совершенно отличныя отъ злобной критики группъ, лицъ, и политики. Съ пылкой горячностью убѣжденности и истымъ краснорѣчіемъ, дышащимъ неподдѣльнымъ вдохновеніемъ, молодой ораторъ пѣлъ гимнъ солидарности бѣдныхъ, ихъ восторженному отношенію къ добротѣ, къ уму, и его рѣчь опьяняла толпу, разражавшуюся взрывами рукоплесканій, тотчасъ же подавляемыхъ изъ боязни не разслышать хорошенько, что онъ скажетъ еще.

И опьяненіе росло до конца, въ то время, какъ ораторъ предавался лирическому паѳосу; руки его дрожали, виски стучали, а театръ точно рушился отъ бури безумныхъ криковъ и рукоплесканій. Мокрый, разбитый, онъ долженъ былъ на минуту опереться рукой о столъ прежде, чѣмъ уйти.

Въ это время кто-то, пробравшись между группами, подошелъ къ нему и прошепталъ нѣсколько словъ на ухо. Джусто Аллори вздрогнулъ, обернулся, очнулся, оттолкнулъ окружавшихъ его и спрашивавшихъ, что случилось, и быстро сошелъ съ эстрады, торопясь поскорѣе выбраться на улицу.

Повсюду стѣна народа.

Какъ пройти? Какъ пробиться именно ему, котораго всѣ заталкивали въ средину?

Старый полицейскій, стоящій на эстрадѣ у порога служебнаго выхода пристальнымъ взглядомъ слѣдилъ за внезапными, тревожными попытками Аллори уйти; и когда молодой человѣкъ поравнялся съ нимъ, сказалъ вѣжливымъ, почти дружескимъ тономъ:

— Я думаю, г. докторъ, здѣсь можно пройти.

Джусто остановился, какъ во снѣ, посмотрѣлъ, понялъ, и во взглядѣ старика, говорившаго съ нимъ такъ въ эту минуту, ему почудилась глубокая симпатія къ его призыву любви между малыми.

— Спасибо, спасибо,—пробормоталъ онъ протягивая руку и крѣпко сжимая руку полицейскаго, которую тотъ нерѣшительно далъ.—Спасибо... Да, мнѣ нужно быть дома сейчасъ же...

И этому человѣку, шедшему впереди него по лѣстницамъ и коррридорамъ, этому полицейскому чиновнику раньше, чѣмъ кому либо другому, Джусто Аллори сообщилъ о горѣ внезапно стѣснившемъ его сердце.

— Пришли сказать, что отцу моему плохо, очень плохо... Скорѣе... Спасибо... Хочетъ меня видѣть!.. Благодарю, еще разъ спасибо!

IV.

Комнатки были залиты точно золотомъ. Солнце, уже низкое, казалось, горѣло пламенемъ пожара позади обелисковъ статуй и ажуровъ Собора. Больной старикъ, который уже часъ назадъ, при ухудшеніи болѣзни, отчаянно взывалъ, схватившись руками за воротъ: воздуху, воздуху, воздуху, даже и теперь, когда припадокъ кончился, каждую минуту пытался приподняться на подушкахъ кресла, точно для того чтобы выброситься изъ маленькихъ раскрытыхъ оконъ въ огромное море воздуха и пространства. И отъ времени до времени усталые и умиленные глаза принимали обычное выраженіе набожной почтительности, когда различали прекрасныя далекія статуи на небѣ, которыя онъ всѣ зналъ по именамъ; и безпокойно шевелящіяся руки складывались въ привычный молитвенный жестъ и поднимались къ пылающей золотомъ, какъ факелъ, Мадоннѣ самаго большого обелиска.

Но когда Джустино очутился возлѣ него, на колѣняхъ около кресла, исхудалые и дрожащіе пальцы старика захватили волосы сына судорожнымъ движеніемъ съ нетерпѣніемъ и почти съ досадой, и на блѣдномъ и испещренномъ лиловатыми пятнами лицѣ не проскользнуло ни отблеска успокоенія или радости.

— Какъ они извѣстили тебя... что... я ухожу? Тамъ... въ этомъ адскомъ пеклѣ. Что ты говорилъ этимъ людямъ, когда я здѣсь дожидался тебя—чтобъ умереть? О, знаю, знаю—что ты хочешь мнѣ отвѣтить!.. Ты говорилъ мнѣ это мильоны разъ, всегда!.. Я не могу понять этихъ вещей!.. И такъ я ухожу туда, гдѣ твоя бѣдная мать меня ждетъ, такъ и не понявъ тебя! То есть... да: понявъ, что мы больше не увидимся... даже тамъ, потому что ты не хотѣлъ... не хочешь. Это... я понялъ... понялъ... А ты вѣдь мой Джустино, добрый, любящій, прилежный. Что ты говорилъ сегодня, еще сегодня, всѣмъ этимъ людямъ?

Джустино понялъ.

Въ этой изстрадавшейся душѣ царило отчаяніе, и онъ былъ его причиной.

Только его слова могли дать миръ измученному духу его отца, въ столь страшный часъ. И молодой человѣкъ присѣлъ въ ногахъ кресла и началъ гладить дрожащія руки и колѣна старика.

Лоренцо жилъ въ этотъ часъ духовной жизнью, совершенно отличной отъ всей его жизни, болѣе интенсивной, болѣе возвышенной, чѣмъ та, которую допускала его робкая и кроткая натура и весьма скромное развитіе.

Джусто почувствовалъ это съ мудрой проникновенностью,—которую даютъ сильныя страданія, съ нѣжной и глубокой привязанностью, связывавшей его молодую, полную волненій жизнь, съ этой простодушной, потухающей жизнью.

И онъ заговорилъ.

Незадолго до этого онъ былъ служителемъ новой религіи, зажегшей страсть въ толпѣ: теперь онъ былъ служителемъ той же религіи, ободряющей совѣсть любовью.

— Знаешь, что я говорилъ сейчасъ всѣмъ этимъ людямъ? Слушай меня хорошенько, папа, слушай хорошенько! Я говорилъ что люди должны жить, какъ братья, и всякій долженъ поступать съ другими такъ, какъ онъ хотѣлъ бы, чтобъ поступали съ нимъ.

— Но... это говоритъ Евангеліе!

— И каждый долженъ работать по своимъ силамъ, потому что никому не подобаетъ жить въ праздности... Не правда ли? Это говоритъ твой сынъ, который никогда не лгалъ... Развѣ Іисусъ Христосъ не говорилъ, что легче верблюду пройти сквозь игольное ухо, нежели богатому войти въ Царствіе Небесное?

— Да, но Евангеліе повелѣваетъ бѣднымъ повиновеніе...

— Именно; потому что Евангеліе написано не для однихъ богатыхъ, или однихъ бѣдныхъ, но для всѣхъ людей, которые равны между собою. Развѣ тебѣ кажется справедливымъ, что рядомъ со столькими, безумно расточающими свои богатства, есть несчастные, которымъ не хватаетъ хлѣба? И развѣ тебѣ кажется справедливымъ, что тотъ, кто жилъ всегда, всегда, съ дѣтства до старости, страдая и мучаясь, долженъ умереть на дорогѣ, изнеможенный, покинутый, одинокій, какъ будто бы и онъ не чадо Божіе?

— Но есть милосердіе, есть благотворительность...

— Да; но насколько прекраснѣе сталъ бы міръ, еслибъ въ этомъ милосердіи не было надобности.

— Правда... правда...

— Мы не проповѣдуемъ ненависти ни къ кому: мы хотимъ, чтобы добрые, тѣ, которые страдаютъ, соединились, помогали другъ другу, чтобы совершенствоваться постепенно и становиться лучше.

Лоренцо смотрѣлъ на сына изумленными и восхищенными глазами, и прежняя смутная тревога смѣнялась мягкимъ свѣтомъ успокоенія и радости.

— И Іисусъ говорилъ это,—прошепталъ онъ.

— Да, да, папа, и тѣ, кто говорятъ, что твой Джустино учитъ ненавидѣть и разрушать, не знаютъ, или не хотятъ знать истины. Ты мнѣ говорилъ сейчасъ о милосердіи. Такъ, развѣ милосердіе, которое проповѣдывалъ Сынъ Божій, не прекрасное, святое братское милосердіе?

— Такъ, да, въ Евангеліи...

— И развѣ мы не говоримъ, какъ написано въ этой книгѣ мудрости и любви, что наступитъ день мира и справедливости для всѣхъ людей съ доброй волей?

— Да, да, да...

Старый дворецкій, который никогда не представлялъ себѣ другого міра, кромѣ того, смиренной и вѣрной частицей коего былъ онъ самъ, и полагавшій его вмѣстилищемъ всяческаго добра, всякой справедливости, видѣлъ теперь, что, внѣ этого міра, добро и справедливость пріобрѣтали новый видъ. Не ему надлежало быть судьей; но онъ былъ счастливъ въ эту минуту, что могъ вспомнить благодѣянія господъ, могъ слушать обожаемаго сына, и его простая, добросовѣстная душа не находила непримиримаго противорѣчія между преданностью и почтеніемъ къ первымъ и любовью ко второму—и ему казалось, что съ этой минуты, ненависть, зложелательство, вѣроломство навсегда исчезли изъ жизни. Онъ не могъ уловить смыслъ различій и противоположныхъ принциповъ, но чувствовалъ, что подъ жестокой внѣшностью, суровыми традиціями и горячими надеждами, бьется одна великая сила любовь. Любовь къ своимъ старымъ господамъ сдѣлала его жизнь спокойной, ясной, честной и мирной, любовь, согрѣвающая благородными порывами юношескую душу сына, просвѣтляла его смертный часъ. Вѣра его, въ этотъ послѣдній часъ, сдѣлавшаяся точно болѣе проницательной и снисходительной, улыбалась одинаково богатымъ и бѣднымъ и безсознательно познавала, что истина, при всякомъ столкновеніи душъ и умовъ—въ доброй волѣ людей.

Старикъ медленно гладилъ дрожащими руками голову сына, и губы его шептали слова благословенія.

...Глубокіе глаза смотрѣли въ пространство, улыбкой встрѣчая Смерть.

У Гисбахскаго водопада.

(Въ Швейцаріи).

Съ утесистыхъ высотъ, то мирно величавый,
То грозно бѣшеный, несется водопадъ
Съ немолчнымъ грохотомъ, средь каменныхъ громадъ,
Съ уступа на уступъ, серебряною лавой.
Несется день и ночь, ничѣмъ неудержимъ,
Побѣдоносно гордъ могуществомъ своимъ.

Но, глядя на него, я думаю: Природой
Ты созданъ, кажется, чтобъ властно сокрушать
Все, что̀ въ пути твоемъ дерзаетъ возставать
Преградой злобною передъ твоей свободой—
И, выйдя изъ борьбы въ сіяньѣ торжества,
Быть доблестнымъ бойцомъ за вольныя права.

А ты—ты, изъ оковъ исторгнувшись на волю,
Иную, скромную предпочитаешь долю:
Въ спокойномъ озерѣ, лежащемъ предъ тобой
Въ недвижной красотѣ одежды голубой,
Спѣшишь похоронить ты свой потокъ побѣдный,
Всю мощь своей души, весь свой мятежный пылъ...

Какая жалкая растрата чудныхъ силъ!
Какой гигантскій трудъ—безцѣльный и безслѣдный!

Петръ Вейнбергъ.

Общественно-историческіе взгляды Грановскаго.

(Къ пятидесятилѣтію смерти).

Въ полуторавѣковой жизни нашего университета нѣтъ имени, которое-бы было окружено болѣе свѣтлой памятью, чѣмъ имя Тимоѳея Николаевича Грановскаго. Въ послѣднее время много сдѣлано, чтобы выяснить значеніе его въ общественномъ движеніи середины XIX в.; нѣкоторые отрывки записанныхъ за нимъ лекцій, опубликованные въ послѣднее время, начинаютъ намъ открывать то, что можно было лишь подозрѣвать, читая простой и благородный языкъ его напечатанныхъ статей, именно, удивительную покоряющую силу его живой рѣчи, соединявшей поэтическія картины съ единствомъ идеи, рѣчи, все время державшей слушателя на высотѣ борьбы за великія человѣческія начала. Но не въ одной художественности слова, силѣ убѣжденія, единствѣ міровоззрѣнія заключалась тайна вліянія Грановскаго.

Скоро послѣ смерти Грановскаго по поводу перваго изданія его сочиненій и какъ бы въ отвѣтъ на обвиненіе, почему Грановскій такъ мало писалъ, Чернышевскій далъ замѣчательную оцѣнку его дѣятельности, къ которой и въ данную минуту нечего прибавить. Русскій ученый, по мнѣнію Чернышевскаго, служитель не столько своей частной науки, сколько просвѣщенія вообще, Грановскій писалъ мало, но въ то же время употреблялъ свои силы сообразно требованіямъ занимаемаго имъ положенія въ русскомъ обществѣ, эти требованія общества и науки выполнялись живымъ словомъ. Грановскій писалъ мало, потому что имѣлъ передъ собою кругъ дѣятельности, не менѣе обширный, чѣмъ литература—московскій университетъ. И Чернышевскій заключаетъ: «Грановскій былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ у насъ посредниковъ между наукою и нашимъ обществомъ; очень немногія лица въ нашей исторіи имѣли такое могущественное вліяніе на пробужденіе у насъ сочувствія къ высшимъ человѣческимъ интересамъ». То же самое писалъ одинъ изъ людей, близкихъ къ Грановскому, въ частномъ письмѣ: «Грановскій былъ не только профессоръ, не только ученый—онъ былъ и однимъ изъ малочисленныхъ у насъ общественныхъ людей... онъ былъ историкомъ не одного прошедшаго, но и настоящаго... помянемъ его, какъ общественнаго русскаго человѣка».

*

И для насъ на первое мѣсто выдвигается вопросъ, какова была общественная программа Грановскаго и какими способами онъ проводилъ ее. Все значеніе Грановскаго можно оцѣнить только въ связи съ крупными теченіями современной ему общественно-исторической мысли.

Какъ ни различны были внѣшнія условія въ XIX в. у насъ и на Западѣ, однако, наше образованное общество съ первыхъ десятилѣтій вѣка, тѣсное и немногочисленное сначала, жило умственной жизнью, параллельной съ Западомъ. По временамъ, въ 1825 г., въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, въ 1881 г. сближались и внѣшнія обстоятельства, пульсъ общественной жизни дорасталъ до настоящаго политическаго біенія, тогда параллелизмъ умственныхъ интересовъ получалъ особенно яркое выраженіе. Его труднѣе уловить въ долгіе промежутки внѣшняго застоя, не только потому, что направленія преслѣдуемыя должны прибѣгать къ иносказаніямъ; эти направленія, силою вещей оторванныя отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью, лишенныя практическаго приложенія, уходили вынужденно на отвлеченныя высоты и бились тамъ изъ-за метафизическихъ сущностей, когда имъ хотѣлось говорить о реальныхъ отношеніяхъ своего времени. Нѣмецкій народъ эпохи Гёте и Шиллера, когда у общества не было политической жизни, называли народомъ философовъ; имя это исчезло, потому что оно вовсе не обозначало особой народной черты, особаго національнаго свойства Германіи; оно покрывало ступень развитія, черту эпохи. Съ такимъ же правомъ и насъ можно было бы назвать до послѣдняго времени народомъ философовъ; мы были таковы, потому что это была наша горькая судьба, наши затянувшіеся годы ученія и странствованія. Но при оцѣнкѣ прожитого времени, при истолкованіи его желаній и мыслей историкъ долженъ освободиться отъ условныхъ отвлеченныхъ и маскирующихъ формъ, въ которыхъ они выражены, онъ долженъ перевести ихъ на болѣе намъ привычный реальный языкъ.

Съ такого истолкованія надо начать и характеристику идей Грановскаго.

Поколѣніе, которому въ серединѣ 30-хъ годовъ было отъ 20 до 25 лѣтъ, должно было чувствовать себя въ періодѣ повсемѣстной глухой и безнадежной реакціи. За 10—12 лѣтъ передъ тѣмъ по всей Европѣ во второй разъ прошла волна освободительнаго политическаго движенія и вездѣ была разбита, и у насъ, можетъ быть, съ наиболѣе трагическимъ результатомъ. Опять поднималась философія страха и покорности, философія безсилія личности и всемогущества слѣпой внѣчеловѣческой тайны; эти идеи, съ торжествомъ указывая на совершившіеся факты, опустошали умы, разстраивали логику, закрадывались во всякую форму человѣческаго общенія, во всякую попытку объясненія соціальныхъ явленій. Посмотрите, какъ культъ безсознательнаго своей отравой одолѣлъ, замутилъ многія передовыя группы мысли

на Западѣ и у насъ: онъ проникъ въ ранній соціализмъ, придавши ему патріархально-религіозный оттѣнокъ, навязалъ себя широкимъ массамъ народа въ видѣ демократическаго католицизма; та же религія самоотреченія личности растворила народничество нашихъ славянофиловъ въ какую-то безформенную массу и сближала ихъ по временамъ съ такъ называемой оффиціальной народностью, съ такими людьми и направленіями, отъ которыхъ при бѣломъ дневномъ свѣтѣ наши демократы—мистики съ ужасомъ должны были бы отшатнуться.

Даже большая научная система возникающаго позитивизма жила наполовину идеями соціальной реакціи: Контъ завидовалъ католической іерархіи и инквизиціи и копировалъ ихъ въ своей организаціи умственной и соціальной работы: его умомъ завладѣла идея порядка, въ которомъ люди—послушные колеса и винты предустановленной машины, онъ испытывалъ удовлетвореніе отъ мысли, что человѣчество вступило въ финальное состояніе, своего рода тысячелѣтнее царство Христово, въ которомъ не нуженъ болѣе разъѣдающій анализъ, а будетъ только творчество, только устроеніе и все по системѣ, все по указаннымъ линіямъ, въ стройномъ подчиненіи принципу умственной экономіи и дисциплинѣ.

Для русскаго общества реакція николаевскихъ временъ имѣла еще одинъ ощутительный результатъ: она повела къ паденію культурнаго уровня, къ приниженію, измельчанію интересовъ. Университетская жизнь 30-хъ гг. въ Москвѣ и Петербургѣ представляла полное разрушеніе. Объ одномъ изъ лучшихъ сравнительно профессоровъ того времени въ Петербургѣ Грановскій говорилъ въ письмѣ изъ Берлина: «Я не зналъ, что такое философія, пока не пріѣхалъ сюда. Фишеръ читалъ намъ какую-то другую науку, пользы которой я теперь рѣшительно не понимаю». Видимо, связь съ научнымъ движеніемъ на Западѣ ослабѣла, преподаваніе стало ничтожно и безпринципно.

Наши сороковые годы вмѣстѣ съ сороковыми на западѣ открыли выходъ изъ темнаго лѣса реакціоннаго наслѣдія. Вмѣстѣ съ лѣвымъ гегеліанствомъ въ Германіи, вмѣстѣ съ боевымъ философскимъ и научнымъ матеріализмомъ, вмѣстѣ съ демократическими историками во Франціи и Англіи наше западничество освободилось отъ досаднаго круга мрачныхъ, обидныхъ для человѣческаго достоинства мыслей о слѣпомъ соціальномъ фатализмѣ. Грановскій, уѣхавшій за границу въ 1836 году, сразу сталъ учиться новому соціально-историческому языку; онъ примкнулъ безъ колебаній, безъ промежутка къ новому движенію и сдѣлался однимъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ и убѣжденныхъ его выразителей. Возвращеніе его изъ за границы и одновременное появленіе съ нимъ нѣсколькихъ молодыхъ преподавателей въ Московскомъ университетѣ было настоящимъ событіемъ въ тогдашней русской общественной жизни: они непосредственно привезли съ собою новую соціальную философію.

Есть нѣсколько рѣзкій отзывъ Герцена о группировкѣ общественныхъ взглядовъ въ началѣ 40-хъ годовъ. Герценъ засталъ въ Москвѣ какія-то «непонятныя» партіи: всѣхъ нелѣпѣе показались ему католики, затѣмъ православные, потомъ диллетанты религіи, среди нихъ славянофилы и руссофилы. Странно на первый взглядъ какъ будто самое обозначеніе общественныхъ направленій по религіознымъ и даже церковнымъ принципамъ. Но оно объясняется весьма легко: главный, горячій и основной споръ вращался около вопроса, искать-ли правды въ преданіи, въ святыхъ неподвижныхъ косныхъ массахъ или въ анализѣ, въ дерзаніи личности. Всѣ сторонники перваго взгляда выставляли какое-нибудь религіозное знамя. Сила Грановскаго и друзей, примкнувшихъ къ нему, состояла въ томъ, что они могли на этотъ вопросъ отвѣтить ясно и интегрально, цѣликомъ и во всей чистотѣ.

Новая соціальная философія была тѣсно связана съ однимъ именемъ, которое въ качествѣ магическаго символа сразу служило къ распознанію своихъ и чужихъ, объединяло передовую группу и вызывало страхъ на противоположной сторонѣ. Это было имя Гегеля, звучавшее для поколѣній 40-хъ годовъ почти какъ имя Маркса въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка. Строгановъ, самъ отправлявшій молодыхъ ученыхъ за новой наукой, за границу, говорилъ потомъ Герцену: «Я буду всѣми силами противодѣйствовать гегелизму и нѣмецкой философіи; она противорѣчитъ нашему богословію». По поводу публичнаго курса Грановскаго въ 1843 г. «Москвитянинъ» спрашивалъ съ наивно ядовитымъ видомъ: «отчего Грановскій ничего не сказалъ о Россіи? стоитъ со стороны западной науки и слышно, что намѣренъ держаться Гегеля?»

Знакомство съ курсами лекцій, которые читалъ Грановскій въ первые 8—9 лѣтъ своей университетской дѣятельности, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ вполнѣ подчинялъ историческій матеріалъ гегелевской схемѣ. Но гегеліанскіе термины въ это время подвергались уже настолько различнымъ толкованіямъ, что надо знать, какое именно изъ нихъ принималъ Грановскій. Гегеліанство уже въ эпоху пребыванія Грановскаго за границей стало раскалываться на двѣ партіи, консервативную и радикальную, и все болѣе перевѣса получала вторая. Правое гегеліянство не имѣло выдающихся представителей, и имъ нечего было сказать, послѣ того какъ они вмѣстѣ съ учителемъ признали, что человѣческій духъ вступилъ въ свою окончательную стадію. Лѣвые, напротивъ, обращали діалектическій методъ въ дѣятельное сокрушительное орудіе, требовали дальнѣйшаго анализа и разложенія традиціонныхъ формъ мысли. Лѣвое гегеліанство стояло на томъ, что время синтеза еще не наступило; надо продолжать отрицательную работу, чтобы довести личность до полнаго освобожденія. У насъ будущіе радикальные дѣятели, Бѣлинскій и Бакунинъ, еще мучились въ поискахъ выхода изъ консервативнаго праваго гегеліан-

ства, когда въ лицѣ Грановскаго появилось другое направленіе этой философіи. Это новое для русскихъ круговъ истолкованіе Гегеля дало поводъ Герцену написать слѣдующія слова: «когда я привыкъ къ языку Гегеля и овладѣлъ его методой, я сталъ разглядывать, что Гегель гораздо ближе къ нашему воззрѣнію, чѣмъ къ воззрѣнію своихъ послѣдователей (Герценъ разумѣетъ правыхъ). Философія Гегеля—алгебра революціи, она необыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ міра преданій, переживших себя».

Хорошо извѣстно, что у Грановскаго не было въ натурѣ воинственности: гегеліанскія схемы никогда не обращались въ его рукахъ въ рѣжущее орудіе: но, тѣмъ не менѣе, всюду у него звучала основная мысль «лѣвыхъ»: пришелъ конецъ преклоненію передъ слѣпымъ наслѣдіемъ прошлаго, сковывающемъ личность. Среди напечатанныхъ статей, представляющихъ лишь небольшую часть его общественной «пропаганды исторіей», какъ выражался Герценъ, есть одно мѣсто необычайно опредѣленное и горячее для Грановскаго: «Многочисленная партія подняла въ наше время знамя народныхъ преданій и величаетъ ихъ выраженіемъ общаго непогрѣшимаго разума. Такое уваженіе къ массѣ неубыточно. Довольствуясь созерцаніемъ собственной красоты, эта теорія не требуетъ подвига. Но въ основаніи своемъ она враждебна всякому развитію и общественному успѣху». (Въ статьѣ о книгѣ Мишеля, Исторія проклятыхъ породъ, 1847 г.). Здѣсь Грановскій ясно обозначаетъ главнаго противника; не называя прямо славянофиловъ, онъ однако еще опредѣленнѣе осуждаетъ «мистическія толкованія, пущенныя въ ходъ нѣмецкими романтиками и принятыя на слово многими у насъ въ Россіи».

Но осужденіе направлено еще гораздо дальше. Грановскій разумѣетъ все умственное наслѣдіе европейской реакціи, которое заполонило возникающее народничество и загородило въ немъ здоровое зерно; онъ произноситъ слова еще болѣе характерныя: «массы, какъ природа, или какъ Скандинавскій Торъ, безсмысленно жестоки или безсмысленно добродушны. Онѣ коснѣютъ подъ тяжестью историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслью только отдѣльная личность. *Въ этомъ разложеніи массъ мыслью заключается процессъ исторіи*». Приговоръ массамъ здѣсь звучитъ очень сурово, почти какъ Базаровское сужденіе о мужикѣ. Но вся его сила направляется не противъ самого народа, а противъ злоупотребленія именемъ народа, противъ возведенія невѣжества въ законъ жизни, только потому, что оно велико количественно. Массы здѣсь только синонимъ некультурности, Грановскій говоритъ дальше въ той же статьѣ: «у каждаго народа есть много прекрасныхъ глубоко поэтическихъ преданій; но есть нѣчто выше ихъ; это—*разумъ*, устраняющій ихъ положительное вліяніе на жизнь и бережно-слагающій ихъ въ великія со-

кровищницы человѣка—науку и поэзію». Изъ разсказовъ о спорахъ, которые происходили въ интимныхъ кружкахъ, мы знаемъ еще больше; Грановскій защищалъ противъ непримиримыхъ западниковъ, противъ фанатиковъ высшей культуры необходимость бережно относиться къ молчаливой безотвѣтной народной массѣ: «мы должны себя вести прилично по отношенію къ низшимъ сословіямъ, которыя работаютъ, но не отвѣчаютъ намъ. Всякая выходка противъ нихъ, вольная или невольная, похожа на оскорбленіе ребенка. Кто же будетъ за нихъ говорить если не мы же сами? Оффиціальныхъ адвокатовъ у нихъ нѣтъ—понимаешь ...что всѣ тогда должны сдѣлаться ихъ адвокатами». (Аненковъ, Десятилѣтіе) стр. 122.

Тотъ же смыслъ, какой лежитъ у Грановскаго въ противоположеніи «мысли» и «массы», заключается и въ другомъ противоположеніи, «личности» и «общества». Въ той же статьѣ читаемъ:.. «Задача (исторіи)—нравственная, просвѣщенная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій личность и сообразное требованіямъ этой личности общество». Здѣсь опять насъ способно задѣть это возвеличеніе личности на счетъ общества. Грановскій какъ будто приближается къ взгляду, что крупные люди составляютъ цвѣтъ исторіи, опредѣляютъ ея смыслъ и направленіе; намъ странно читать въ одномъ изъ его писемъ почти религіозное преклоненіе передъ портретомъ Петра I. Но я думаю, что всѣ эти выраженія опять-таки станутъ намъ понятны, если мы обратимъ вниманіе на ихъ боевое значеніе, на то, противъ чего они были направлены. Общество въ данномъ случаѣ, какъ масса, означало для Грановскаго только элементы неподвижности, пассивнаго сопротивленія слабой сознательности; личность означала все активное, безпокойно толкающее впередъ, ставящее запросы; первой задачей ея въ данную минуту была критика, отрицаніе устарѣлаго, «разложеніе массъ мыслью».

Та же опредѣленная идея приводитъ Грановскаго къ постоянному противоположенію природы и исторіи; въ области первой—господствуетъ тѣсная необходимость, область второй—свобода, но тотчасъ же выступаетъ и ограниченіе, изъ котораго видно, что личность въ пониманіи Грановскаго—не произволъ, не случай, не капризная игра, а именно правильная сила, разрубающая узлы, когда это нужно, но дѣйствующая такъ во имя сознательной, свободно усвоенной идеи.

«Наше время перестало вѣрить въ безсмысленное владычество случая. Новая наука, философія исторіи, поставила на его мѣсто законъ, или лучше сказать необходимость. Вмѣстѣ со случаемъ утратила бóльшую часть своего значенія въ исторіи отдѣльная личность. Наука предоставила ей только честь или позоръ быть орудіемъ стоящихъ на очереди къ исполненію историческихъ идей». Это воззрѣніе кажется, однако, Грановскому сухимъ, близкимъ къ фатализму, и онъ умѣряетъ его такъ: «жизнь человѣчества подчинена тѣмъ же зако-

намъ, какимъ подчинена жизнь всей природы, но законъ не одинаково осуществляется въ этихъ двухъ сферахъ. Явленія природы совершаются гораздо однообразнѣе, чѣмъ явленія исторіи... Такого правильнаго опредѣленнаго развитія нѣтъ въ исторіи. Ей данъ законъ, котораго исполненіе неизбѣжно, но срокъ исполненія не сказанъ—десять лѣтъ или десять вѣковъ, все равно. Законъ стоитъ, какъ цѣль, къ которой идетъ человѣчество: но ему нѣтъ дѣла до того, какою дорогою оно идетъ и много-ли потратитъ времени на пути. Здѣсь-то вступаетъ во всѣ права свои отдѣльная личность. Здѣсь лицо выступаетъ не какъ орудіе, а самостоятельно, поборникомъ или противникомъ историческаго закона и принимаетъ на себя по праву отвѣтственность за цѣлые ряды имъ вызванныхъ или задержанныхъ событій».

Намъ вполнѣ ясно, почему Грановскій протестуетъ противъ примѣненія началъ строгаго детерминизма въ исторіи, и зачѣмъ ему нужна творческая личность; если-бы онъ принялъ неумолимую закономѣрностя вплоть до всѣхъ частностей, то это опять было бы все то же преклоненіе передъ дѣйствительностью, культъ массы, т.-е. застоя; личность нужна была, какъ проповѣдь свободнаго начала для выхода изъ тѣхъ русскихъ условій, которыя даже въ отрывкѣ учебника едва прикрыты символическимъ именемъ Китая, съ горькой прибавкой: «историческое значеніе государствъ опредѣляется не столько цифрами населенія и квадратныхъ миль, сколько духовными силами. Незнакомые съ просвѣщеніемъ другихъ народовъ, исполненные раболѣпнаго уваженія къ старинѣ китайскіе ученые... не выходятъ изъ тѣснаго круга исключительно національныхъ идей... у народа... до сихъ поръ почти не просыпалась жажда высшей духовной истины». Тутъ, кажется, надо просто подставить вмѣсто Китай—Россія. Умный учитель, конечно, понялъ бы, что ему слѣдуетъ говорить, проходя этотъ отдѣлъ.

Намъ понятенъ энтузіазмъ, вызывавшійся Грановскимъ. Подъ впечатлѣніемъ его мягкой, терпимой натуры большинство тѣхъ, кто о немъ писалъ впослѣдствіи, были склонны видѣть въ его «общественной пропагандѣ исторіей» лишь общую неопредѣленную проповѣдь гуманности. Не то видѣли въ немъ современники: молодые слушатели привѣтствовали въ немъ, какъ выразился Герценъ, «рвущуюся къ свободѣ мысль запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее».

Вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ о личности, ея критической роли Грановскій заодно съ радикальными индивидуалистами своего времени. Его смѣлость и опредѣленность въ этомъ отношеніи замѣчательны тѣмъ болѣе, что былъ одинъ вопросъ, въ которомъ онъ не могъ за ними послѣдовать. Изъ воспоминаній о спорахъ въ кружкѣ мы знаемъ, что Грановскій держался традиціонныхъ религіозныхъ понятій и послѣ ряда ожесточенныхъ столкновеній, во время которыхъ его друзья требовали отъ него послѣдовательности, онъ съ болью въ сердцѣ дол-

женъ былъ разойтись съ ними. Когда Грановскій еще учился въ Берлинѣ, вышла книга Штрауса, безжалостно объявившая исторію ранняго христіанства миѳологіей, она, повидимому, сильно встревожила Грановскаго: онъ рѣшилъ прежде, чѣмъ читать это страшное разрушительное сочиненіе, изучить возраженія противниковъ, чтобы имѣть противъ него щитъ.

Но все это остается совершенно интимнымъ дѣломъ; въ публичной дѣятельности Грановскаго нигдѣ нѣтъ ни одного намека на опасность анализа и критики, нигдѣ нѣтъ ни малѣйшей попытки объявить религію неприкосновенностью; всѣ личныя чувства у него отступаютъ тамъ, гдѣ надо было признать неумолимое дѣйствіе исторически необходимаго принципа.

Если для насъ несомнѣнны литературные и научные вдохновители и единомышленники Грановскаго на Западѣ, то гораздо труднѣе опредѣлить отношеніе его къ движеніямъ современной жизни, къ политическимъ и соціальнымъ событіямъ Европы. Онъ долженъ былъ отказаться въ университетѣ отъ чтенія исторіи революціи, т.-е. всей ближайшей къ современности части новой исторіи. Едва отстоялъ Грановскій реформацію, которую ему предлагали читать въ католическомъ духѣ. Изъ разсказа Соловьева видно, что даже отвѣчать на тему изъ эпохи реформаціи на магистерскомъ экзаменѣ, который происходилъ въ присутствіи попечителя, было дѣломъ «щекотливымъ» и рискованнымъ. Задвинутый насильственно въ изложенія старины, средневѣковья и древности, Грановскій все время, однако, говорилъ своимъ слушателямъ о современности, постоянно возвращался къ ней, непрерывно имѣлъ ее въ виду. Я беру на удачу примѣръ изъ ненапечатаннаго курса исторіи реформаціи. По поводу біографіи Кальвина, говоря о происхожденіи его изъ Пикардіи, Грановскій напоминаетъ, что оттуда же были родомъ видные представители партіи горы въ Конвентѣ и отмѣчаетъ сходство ихъ характера и склада мысли съ суровымъ реформаторомъ XVI вѣка.

Но все, что прошло горячей полосой въ бесѣдахъ Грановскаго, Герцена и ихъ друзей, исчезло для насъ за исключеніемъ небольшихъ случайныхъ отрывковъ. То въ перепискѣ мелькнетъ совѣтъ Грановскаго Бѣлинскому читать Пьера Леру—Петра Рыжаго, какъ его переводили, въ качествѣ представителя запретной литературы: эта рекомендація Леру должна была служить для того, чтобы предохранить Бѣлинскаго реализмомъ демократа-соціалиста противъ созерцательной консервативной философіи Шеллинга, привезенной въ Россію Катковымъ. То мы узнаемъ, что въ средѣ петербургскихъ и московскихъ западниковъ увлекаются дѣятельностью Арнольда Руге, пытавшагося сблизить нѣмецкіе и французскіе радикальные круги, соединить критицизмъ лѣваго гегеліонства съ французскимъ соціализмомъ. Я не думаю, чтобы можно было въ этомъ отношеніи выдѣлять Грановскаго отъ Герцена и Бѣлинскаго, видѣть въ Грановскомъ скорѣе сторонника

идей буржуазной демократіи, а въ его друзьяхъ признавать больше сочувствія къ соціализму. Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ не упоминаетъ ни о какомъ различіи подобнаго рода; разногласія между ними касались религіознаго вопроса. Есть только одно указаніе Анненкова въ этомъ смыслѣ: Грановскій, по его словамъ, осуждалъ соціализмъ за то, что «онъ пріучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ и себя и ее подрываетъ». Если мнѣніе Грановскаго вѣрно передано, то оно относится лишь къ тактикѣ нѣкоторыхъ соціалистическихъ группъ на западѣ, но не къ существу ихъ общественныхъ программъ. Повидимому, въ кругу Грановскаго всѣ болѣе или менѣе одинаково придерживались того неопредѣленнаго оттѣнка «коммунизма», который отличалъ современную французскую демократію до большого кризиса 1848 г., который принудительно размежевалъ классы и классовыя понятія.

Даже по немногимъ печатнымъ статьямъ Грановскаго можно судить о томъ, какъ его занимали всѣ новыя движенія на западѣ; въ нихъ часто прорываются аналогіи и сравненія съ современностью, и читатель долженъ былъ непосредственно чувствовать ближайшій мотивъ, который внушилъ эти сравненія. Особенно поразительна въ этомъ отношеніи статья 1847 г., о нибуровскихъ лекціяхъ и о только что вышедшей книгѣ Нитча «исторія Гракховъ». Дѣло не въ томъ, конечно, что Грановскій сравниваетъ хлѣбный законъ Кая Гракха съ новымъ англійскимъ законодательствомъ о бѣдныхъ, а Катона съ Робертомъ Пилемъ, важна основная мысль статьи: римскій аграрный вопросъ въ его глазахъ имѣетъ общечеловѣческое значеніе; онъ возобновился въ новой Европѣ и Америкѣ во всемъ страшномъ значеніи своемъ, программа Гракховъ—спасти и возсоздать крестьянское землевладѣніе—получила снова всю силу непосредственнаго примѣненія. И здѣсь нужно отдать всю справедливость соціально-исторической чуткости Грановскаго. Въ старой Европѣ онъ не видѣлъ условій для широкой творческой аграрной политики; послѣднія крестьянскія освободительныя реформы въ средней Европѣ, въ Германіи и Австріи, совершались по принципамъ фритрэда, съ разрушеніемъ самостоятельныхъ мелкихъ хозяйствъ, съ вычеркиваніемъ крестьянства изъ числа живыхъ. Таковы же были первыя реформы въ этомъ смыслѣ въ предѣлахъ русскаго государства. Политическая власть выступала только маклеромъ при ликвидаціи отношеній владѣльцевъ и рабочихъ, сидѣвшихъ на землѣ; государство только разрѣшало имъ разсчитаться и давало окончательный толчокъ начавшемуся уже обезземеленію крестьянства. Сознавая это, Грановскій находитъ болѣе благопріятныя условія для спасенія крестьянства въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ государство еще осталось въ обладаніи огромной казенной земли, подобной римскимъ «общественнымъ полямъ», гдѣ оно могло активно вмѣшаться въ процессъ распредѣленія земель и закрѣпить формы, выгодныя для

самостоятельнаго аграрнаго труда. Знакомя русскую публику все въ той же статьѣ о Нибурѣ и Нитчѣ съ современной аграрной борьбой въ Соединенныхъ Штатахъ, Грановскій отдаетъ всѣ свои симпатіи «новымъ Гракхамъ» и ихъ программѣ, ограничить ростъ крупнаго землевладѣнія и охранить крестьянство, программѣ, которую въ сущности можно было бы назвать тогдашней идеей націонализаціи земли.

Все значеніе этихъ сравненій и этихъ взглядовъ Грановскаго мы можемъ оцѣнить, если мы вспомнимъ, какъ смутны были тогда виды на крестьянскую реформу въ Россіи, какъ близко къ западнымъ образцамъ, разрушительнымъ для крестьянства, прошли ея первыя начинанія на почвѣ русскаго государства при Александрѣ I. Между нами и временемъ Грановскаго стоитъ актъ 1861 года; при всѣхъ своихъ большихъ недостаткахъ онъ все-таки составляетъ первую европейскую реформу, которая сознательно ставила цѣль сохраненія крестьянскаго землевладѣнія и создавала опять-таки единственную въ Европѣ юридическую и фактическую основу для возможной націонализаціи земли. Реформа 1861 года—дѣло частью учениковъ, частью современниковъ и единомышленниковъ Грановскаго. Для насъ нѣтъ сомнѣнія, что́ поэтому поводу думалъ и чему училъ самъ Грановскій въ смутное, глухое время, послѣ котораго, однако, сразу, безъ особой подготовки, приходилось приступать къ дѣлу, и приступать съ тѣмъ запасомъ понятій, какія кто сумѣлъ пріобрѣсти въ тяжелый досугъ невольнаго политическаго заключенія общества.

Грановскій жилъ не долго, но въ его общественно-историческихъ взглядахъ тѣмъ не менѣе можно замѣтить извѣстную смѣну. Она стоитъ въ связи съ поворотами политической и соціальной жизни въ западной Европѣ и у насъ. Кризисъ 1848 года создаетъ здѣсь замѣтную грань въ настроеніи. Пока демократическія направленія и критическая философія издали готовили нападеніе на консервативныя твердыни Европы, западникамъ рисовались благопріятныя перспективы: казалось, что «скорбное развитіе Запада», какъ они выражались, есть въ то же время его великое счастье: непрерывная борьба силъ указывала на жизненность Запада: ее надо было привѣтствовать и по ея ходу, и по ея результатамъ. Западники, соглашаясь со славянофилами въ томъ, что русская исторія не имѣла до сихъ поръ аналогій съ западно-европейской, крѣпко вѣрили, что оба эти отдѣльные ряда сомкнутся въ современности, и Россія возьметъ готовыя завоеванныя политическія формы, какъ она уже взяла пріобрѣтенныя чужими усиліями культурныя. Они склонны были вообще очень высоко оцѣнивать значеніе политическихъ формъ; эти формы казались созданіемъ свободныхъ нравственныхъ усилій лучшихъ представителей общества. Эта вѣра и составляла главный смыслъ ученія о разумности прогресса; она и давала основаніе противополагать природу и исторію, царство необходимости и царство свободы.

Это настроеніе сильно поколебалось послѣ 1848 года. Возвратив-

шіяся реакціонныя силы грубо утверждались какъ разъ въ недавнихъ очагахъ свободной мысли, во Франціи, въ Германіи. Въ Россіи разыгралась глухая трагедія даже не въ видѣ отвѣта на какое-либо движеніе; тутъ точно впередъ были усчитаны возможные проблески свободной мысли, и дикая буря свирѣпствовала надъ просвѣщеніемъ вообще. «Есть съ чего сойти съума. Благо Бѣлинскому, умершему во время. Много порядочныхъ людей впали въ отчаяніе»... писалъ въ это время Грановскій, для котораго 1848 годъ былъ также кризисомъ личной жизни: со смертью и уходомъ заграницу самыхъ энергичныхъ и послѣдовательныхъ друзей своихъ онъ остался почти одинокимъ.

Ошеломляющіе факты европейской реакціи дѣйствовали не только непосредственно на сознаніе; и для болѣе спокойной позднѣйшей мысли, стоявшей на извѣстномъ разстояніи отъ событій, они оставались все же жестокимъ опытомъ. Политическая реформа не далась въ результатѣ моральнаго порыва лучшихъ людей. Еще менѣе податливымъ, чѣмъ политическій порядокъ, оказалось общественное строеніе. Очень трудно было удержаться на прежней мысли, что человѣческій духъ, т.-е. культурные идеалы передовыхъ людей, въ своемъ стремленіи къ свободѣ, создаетъ и перестраиваетъ формы общежитія. Поднималось сомнѣніе, правда ли, что въ нихъ имѣется творческая сила, не даютъ ли они ровно столько, что способно дать общество, гдѣ они возникли; не образуютъ-ли они всего только игру свѣта, манифестацію на его поверхности? Во всякомъ случаѣ, не хватало достаточно основаній, чтобы признать моральные или соціальные идеалы факторами общественныхъ состояній: осторожнѣе было видѣть въ нихъ лишь продукты и формулы тѣхъ же состояній. Но отсюда получался также и другой взглядъ на главнаго носителя культурныхъ желаній и мечтаній, личность, вѣрнѣе говоря, крупную личность: она должна смириться передъ медленнымъ движеніемъ скрытыхъ силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ; общественное развитіе можетъ идти вовсе не въ ту сторону, гдѣ личность видитъ цѣль, а главное, можетъ быть, къ нему и не приложимо понятіе о цѣли. Вѣрнѣе, что въ общественномъ развитіи нѣтъ планомѣрности, нѣтъ замысловъ и осуществленій такъ же, какъ нѣтъ его въ царствѣ природы. Въ немъ нѣтъ логики эволюціи, логики органическаго роста.

Въ краткихъ чертахъ я старался набросать то настроеніе 50-хъ годовъ, слѣдовавшихъ за второй большой европейской революціей, которое отразилось въ позитивизмѣ. Мы знаемъ его лучше всего въ такихъ историкахъ и соціологахъ, какъ Тэнъ, Бокль, Спенсеръ. Ихъ цѣль—сдѣлать исторію одною изъ естественныхъ наукъ; дѣло исторіи—вычисленіе, наблюденіе и опытъ при полной объективности, если можно такъ сказать, отрѣшенности отъ предмета.

Сильный наклонъ въ сторону позитивизма можно указать и у Грановскаго въ послѣднихъ 4—5 лѣтъ его жизни. Правда, въ публичныхъ лекціяхъ 1851 года онъ далъ какъ разъ знаменитыя свои четыре

характеристики великихъ людей, но уже самый выборъ показываетъ, что у Грановскаго не было прежней теоріи героевъ—творцовъ исторіи. Разрушитель—Тимуръ, пассивный рыцарь печальнаго образа Людовикъ IX, фантастическій конквистадоръ Александръ и Бэконъ, великій умъ въ соединеніи съ моральнымъ ничтожествомъ,—въ этомъ пестромъ сопоставленіи всѣ совершенно чужды другъ другу; духовнаго единства дѣятели, выбранные Грановскимъ, не образуютъ. Онъ взялъ своихъ героевъ лишь въ качествѣ показателей эпохъ и моментовъ, въ видѣ яркихъ и характерныхъ свидѣтелей исторіи.

Въ теоретическихъ замѣчаніяхъ, которыми Грановскій началъ лекціи, не видно ясности; въ нихъ есть недосказанность и колебанье. Ему не нравится скептическій взглядъ, онъ осуждаетъ «голоса, отрицавшіе необходимость великихъ людей въ исторіи, утверждавшіе, что роль ихъ кончена, что народы сами, безъ ихъ посредства, могутъ исполнять свое историческое назначеніе». Но самъ Грановскій не даетъ рѣшительной поправки; онъ только говоритъ о томъ, что великіе люди «одаренные особенно чуткимъ нравственнымъ слухомъ, особенно зоркимъ умственнымъ взглядомъ» «облекаютъ въ живое слово то, что до нихъ таилось въ народной думѣ». Онъ допускаетъ далѣе, что не всегда ясна задача дѣятельности такихъ людей и мѣсто, которое они занимаютъ въ цѣпи явленій; въ такомъ случаѣ, надо помириться на томъ, что передъ нами загадка, и надо терпѣливо ждать, чтобы послѣ вѣковъ и, можетъ быть, тысячелѣтій разрѣшился смыслъ отдѣльныхъ явленій.

Мнѣ кажется, судя по этимъ словамъ, что теперь у Грановскаго мало осталось отъ прежняго взгляда на свободное творчество нравственныхъ силъ, истиннымъ полемъ которыхъ признавалась потеря человѣчества. Мы далеки отъ бурнаго натиска лѣваго гегеліанства и идеалистическаго соціализма, того, чѣмъ полно было наше западничество въ 40-хъ годахъ.

Но настоящимъ выраженьемъ перехода Грановскаго къ позитивизму служитъ рѣчь «о современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи», сказанная на университетскомъ актѣ 1852 года. Грановскій выражаетъ весьма пессимистическій взглядъ на результаты, достигнутые до сихъ поръ исторической наукой. Она чрезмѣрно была занята художественнымъ описаніемъ, констатированіемъ фактовъ и регистраціей ихъ; но въ ней не было строгаго метода, и она неясно сознавала свою цѣль. Чтобы стать наукой, она должна пойти въ школу естествовѣдѣнія. Исторія должна прежде всего заимствовать у естественныхъ наукъ знакомство съ той группой незыблемыхъ явленій, въ которую вростаютъ всѣ корни человѣческаго общежитія. Но этого мало: историки должны признать, что культурное развитіе человѣчества есть само по себѣ продолженіе органической жизни природы; то, что дано физическими условіями, составляетъ не просто обстановку общественныхъ движеній: это—ихъ первоначальный и основной направитель.

Съ большимъ удареніемъ приводитъ Грановскій слова натуралиста Бэра: «...когда земная ось получила свое наклоненіе, вода отдѣлилась отъ суши, поднялись хребты горъ и отдѣлили другъ отъ друга страны, судьба человѣческаго рода была опредѣлена уже напередъ и... всемірная исторія есть ничто иное, какъ осуществленіе этой предопредѣленной участи».

Грановскій послѣ этого, правда, предостерегаетъ противъ фатализма, въ который впали нѣкоторые новые историки, но предостереженіе слабо, и онъ, напротивъ, съ силою обрушивается на философію исторіи, которая вывела законы развитья духа a priori, и приложила къ исторической жезни логическіе законы, въ тоже время игнорируя законы естественные.

Исторія должна заимствовать у естествовѣдѣнія «свойственный ему способъ изслѣдованія». «Начало уже сдѣлано», и Грановскій видитъ его «въ открытыхъ законахъ исторической аналогіи». Надо идти дальше по этому пути, раздвигать тѣсные предѣлы, въ которые до сихъ поръ была заключена историческая наука, новый методъ долженъ возникнуть изъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодѣйствіи. Тогда можно достигнуть «яснаго знанія законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій». Грановскому кажется, что исторія можетъ и должна сдѣлаться «опытной наукой». Хотя въ ней и проявляется «свободное творчество человѣческаго духа» (этотъ старый гегеліанскій терминъ Грановскій еще допускаетъ), но свобода существуетъ только въ поступкахъ отдѣльныхъ людей; въ цѣломъ, въ ихъ соединеніи сказываются повторенія, обнаруживается строгая закономѣрность. «Въ фактахъ общественныхъ, говоритъ Грановскій словами Кетле—больше правильности, чѣмъ въ фактахъ, которые подлежатъ простому дѣйствію физическихъ причинъ». Но пока лишь статистика овладѣла опытнымъ методомъ; статистика отмѣчаетъ правильный пульсъ общественныхъ организмовъ; въ этомъ отношеніи она опередила исторію, говоритъ Грановскій. Исторія должна вступить на тотъ же путь; «пока она не усвоитъ себѣ надлежащаго метода, ее нельзя будетъ назвать опытной наукой».

Само это сближеніе исторіи со статистикой невольно напоминаетъ знаменитыя страницы введенья Бокля, гдѣ приведенъ примѣръ неуклонно повторяющагося процента неоплаченныхъ писемъ и при помощи этого статистическаго факта доказывается механическое дѣйствіе соціальныхъ законовъ, которые могутъ работать, между прочимъ, черезъ посредство самой индивидуальной и капризной черты человѣка, его разсѣянности. Книга Бокля вышла черезъ шесть лѣтъ послѣ рѣчи Грановскаго. Нашъ историкъ со своей необыкновенной чуткостью уже успѣлъ указать тотъ поворотъ, который едва намѣчался въ исторической наукѣ. Если бы ему суждено было дольше жить, онъ, конечно, повелъ бы по этой новой дорогѣ преподаваніе въ университетѣ, построилъ бы по новому принципу свои курсы, сталъ бы руководите-

лемъ слѣдующихъ поколѣній въ этомъ новомъ истолкованіи исторіи. Безъ этого продолженья его рѣчь 1852 года остается только краснорѣчивымъ манифестомъ.

Однимъ изъ толчковъ къ позитивному направленію въ исторической наукѣ на Западѣ и у насъ была неудача революціи 1848 года. Но это не значитъ, чтобы позитивизмъ совпадалъ съ настроеніемъ подавленности, которое было вызвано этимъ кризисомъ. Въ позитивизмѣ выразилась новая соціальная философія, прошедшая сквозь горькій опытъ: смыслъ испытанья былъ тотъ, что моментальный натискъ надо замѣнить сложной организаціей силъ.

Пережившій Грановскаго на 15 лѣтъ Герценъ писалъ въ 1869 году: «народное сознаніе такъ, какъ оно выработалось, представляетъ естественное само собой сложившееся, безотвѣтственное, сырое произведеніе разныхъ усилій, попытокъ, событій, удачъ и неудачъ людского сознанья, разныхъ инстинктовъ и столкновеній; его надобно принимать за *естественный фактъ* и бороться съ тѣмъ, какъ мы боремся со всѣмъ безсознательнымъ, овладѣвая имъ и направляя его же средства сообразно нашей цѣли». Эти слова довольно вѣрно отражаютъ господствующее настроеніе нашихъ шестидесятыхъ годовъ, соединявшихъ реформаторскій пылъ съ соціальной философіей позитивизма.

Между людьми и направленіями сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ обыкновенно проводятъ довольно рѣзкую черту различія. О Грановскомъ говорили въ частности, что онъ едва-ли присоединился бы къ умственнымъ теченіямъ, которыя были неизбѣжными спутниками эпохи реформъ, что онъ долженъ былъ бы вступить въ противорѣчіе съ самыми характерными и сильными идеями шестидесятыхъ годовъ. У новѣйшаго біографа Грановскаго нахожу даже такую фразу: «къ концу пятидесятыхъ годовъ общественное значеніе Грановскаго представляется уже до извѣстной степени исчерпаннымъ: онъ умеръ въ дни лучшей своей славы...» Я совершенно не могу присоединиться къ этимъ словамъ. Грановскій умеръ слишкомъ рано, умеръ отъ физическаго недуга, не только не исчерпавъ моральной и умственной силы своей, но въ моментъ, когда ей открывался широкій просторъ. Послѣдніе мѣсяцы жизни Грановскаго съ ихъ одушевленіемъ, обширными планами основанія журнала, реформы преподаванія, участія въ возможной политической жизни страны—яркое тому доказательство. Грановскій могъ бы быть руководителемъ поколѣнія шестидесятыхъ годовъ: онъ же высказывалъ раздѣлявшуюся этимъ поколѣніемъ соціальную философію.

Не даромъ безспорно первый по чуткости, таланту и силѣ вліянія дѣятель этой эпохи далъ Грановскому ту оцѣнку, которая составляла высшую похвалу въ его устахъ: «онъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ у насъ посредниковъ между наукой и нашимъ обществомъ».

Р. Випперъ.

ПОБѢДИТЕЛЬ.

Романъ Эдуарда Рода.

Переводъ съ французскаго **З. Журавской**.

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Слѣдующій день, воскресенье, прошелъ очень пріятно для Валентина; Алиса, уже совершенно завладѣвшая его довѣріемъ, весь день ласкала и баловала его, и мальчикъ съ гибкостью ощущеній, свойственной его возрасту, охотно отдавался сладости этихъ ласкъ и обезпеченной сытой жизни. Но въ понедѣльникъ, чуть свѣтъ, дядя вошелъ въ его комнату и безъ церемоній разбудилъ его.

— Эй ты, мальчуганъ, вставай! Живѣй, братъ. Идемъ со мной— я покажу тебѣ фабрику.

Мальчикъ, съ трудомъ просыпавшійся, еще протиралъ заспанные глаза, а Делемонъ уже отворилъ настежь окна и ставни:—Если работа тебѣ придется по душѣ, мы сейчасъ же начнемъ. Но ты не бойся— принуждать тебя не станутъ... Ну, шевелись-же!..

Погода была какая-то неопредѣленная; сѣрый цвѣтъ неба, медленно свѣтлѣвшаго, гармонировалъ съ бурой окраской зданій, кровель, почвы. Одѣваясь, Валентинъ видѣлъ въ окно на первомъ планѣ заводъ и заводскія постройки, огромнымъ темнымъ пятномъ выступавшія изъ рамки зелени. Все остальное—луга, рѣка, холмы, лѣсъ—улыбалось вдали солнечному свѣту, который пока еще прятался за легкимъ пологомъ тучъ, готовый разсѣять ихъ, но уже угадывался теплымъ, благодѣтельнымъ, радостнымъ;—почему только *Это* было такъ уныло и безобразно? Между фабричныхъ зданій сновали рабочіе, таская тяжести. Нагружали телѣгу. Вѣтеръ пригнулъ книзу дымъ отъ высокихъ трубъ, и онъ на минуту повисъ надъ крышами. Дальше, въ рабочемъ городкѣ, въ окнахъ показывались порою женщины въ ночныхъ кофтахъ; на подоконникахъ сушилось развѣшенное бѣлье. Это

---

*) См. „Міръ Божій“, № 10, октябрь 1905 г.

было печальное, уже утомленное пробужденіе, послѣ ночи, не давшэй настоящаго отдыха скученной на небольшомъ пространствѣ человѣческой массѣ,—столь отличное отъ радостнаго пробужденія полей, гдѣ свѣжесть росы и птичій щебетъ призываютъ къ труду. Дверь снова отворилась, когда Валентинъ уже зашнуровывалъ свои ботинки.

— Ага, ты не очень копаешься? Это хорошо!.. Хочешь перекусить? Можешь получить кофе съ молокомъ; у насъ, братъ, поднимаются рано. Раньше встанешь—раньше на мѣсто придешь. Такъ то!

Въ столовой на столѣ, между маслянкой и корзиной съ хлѣбомъ, уже дымился кофе.

— Кушай, не стѣсняйся!

Валентинъ повиновался. Но кусокъ не шелъ ему въ горло. Онъ рѣзалъ хлѣбъ на квадратные кусочки, бросалъ ихъ въ чашку, время отъ времени съ усиліемъ проглатывая кусочекъ, дулъ на кофе, раздувая щеки. Лицо Делемона постепенно омрачалось; наконецъ онъ не выдержалъ и нетерпѣливо крикнулъ:—Поторопись же! Можно-ли такъ копаться!

Мальчикъ отодвинулъ чашку, говоря:—Я не голоденъ...

-- Что жъ ты сразу не сказалъ? Не голоденъ, такъ и нечего глазѣть на ѣду; была охота тратить время!

Они вышли. Бульдогъ, прикованный на цѣпь у будки, слѣдилъ за ними налитыми кровью глазами, сопя и отфыркиваясь. Делемонъ, проходя мимо различныхъ зданій, вкратцѣ объяснялъ ихъ назначеніе.

— Я не стану тебѣ показывать всего по порядку—незачѣмъ. Потомъ самъ увидишь. Вотъ здѣсь сортируютъ битое стекло—оно опять идетъ въ плавильную. Это легкая работа, для женщинъ.—Вонъ тамъ кузница, тамъ выправляютъ мѣрки, формы... А здѣсь вывѣряютъ бутылки, понимаешь, чтобы мѣра была настоящая,—иной разъ вѣдь бываетъ недохватъ... Что это за груда бутылокъ? Это, братъ, запасъ. Ты гляди: во всѣхъ углахъ такія же груды. Четыре милліона! Понимаешь, че-ты-ре мил-лі-она! Это чего-нибудь да стоитъ! *Они* съ своими дьявольскими синдикатами все пугаютъ забастовкой. Ладно, ребята, бастуй! Только-бы вы продержались, а я то продержусь. На шесть мѣсяцевъ хватитъ. А имъ, шалишь, не вытянуть столько. Они и сами это знаютъ. То-то они и слушаютъ только краемъ уха соціалистовъ, анархистовъ и всякихъ смутьяновъ... А вотъ это ужъ настоящая работа. Гляди!

Подъ большимъ открытымъ навѣсомъ Валентинъ увидѣлъ раскаленную массу, отъ которой исходили какъ-бы горячіе и яркіе лучи. Вокругъ этого солнца въ плѣну, на подмосткахъ, сновали люди, полуодѣтые, одни въ рубашкахъ, другіе въ фуфайкахъ и панталонахъ, худощавые юноши и внизу, подъ эстрадой, совсѣмъ дѣти—тощіе, кожа да кости, пугливые, смуглые, съ кудрявыми черными волосами, съ огромными жгучими глазами, полными скорби. Всѣ различными инструмен-

тами вытаскивали изъ горна огненные шары, которые тотчасъ же блѣднѣли и гасли. Ихъ движенія были такъ быстры, что Валентинъ не могъ уловить ни ихъ цѣли, ни смысла, но Делемонъ хозяйскимъ опытнымъ глазомъ съ видимымъ удовольствіемъ слѣдилъ за этими плавными размѣренными движеніями.

— Ну—что скажешь?

— Но... что они дѣлаютъ?

— Ты не видишь? Да что у тебя глаза-то въ карманѣ?.. Бутылки дѣлаютъ—желтыя—съ круглымъ горлышкомъ,—для пива,—«нѣмецкія», какъ ихъ у насъ называютъ.

Приглядѣвшись, мальчикъ сталъ различать отдѣльныя фазы работы.

Расплавленный стеклянный шаръ, огненный цвѣтокъ, выхваченный изъ горна, втеченіе нѣсколькихъ секундъ перекатывался на концѣ желѣзной трубки, которую то и дѣло сбрызгивали водой; потомъ, уже наполовину остуженный, вытянутый въ красивую грушу, возвращался въ горнъ, попадалъ въ руки другого рабочаго, еще вытягивался и уже стройный, съ тонкимъ горлышкомъ, снова летѣлъ въ печь, потомъ въ третьи руки, исчезалъ въ вертящейся формѣ, которую приводилъ въ движеніе новый рабочій, дуя въ желѣзную трубку, причемъ у него страшно оттопыривались щеки, и, превращенный въ бутылку, сходилъ съ эстрады, подхваченный длинными щипцами одного изъ тщедушныхъ подростковъ съ большими грустными глазами. Все это шло одно за другимъ съ такой размѣренностью, что, казалось, работали не люди, а машины, еслибъ не выраженіе глазъ, не потъ на лбу, не непредвидѣнные жесты этихъ автоматовъ. Валентинъ не могъ оторвать глазъ отъ этой работы и все его худенькое тѣло трепетало отъ напряженнаго вниманія.

— Тебѣ интересно смотрѣть?—спрашивалъ Делемонъ.—Тѣмъ лучше. Это добрый знакъ! Посмотри-ка на этихъ мальчугановъ, которые уносятъ бутылки. Съ этого начинаютъ. Ничего не подѣлаешь, братъ, во всемъ надо начинать сначала... Сколько я перетаскалъ этихъ бутылокъ, и бордосскихъ и бургиньонскихъ—тысячи, сотни тысячъ!.. Въ то время начинали раньше, не было еще законовъ, которые запрещаютъ бѣднякамъ посылать на работу своихъ дѣтей, а насъ дома было десять человѣкъ... Въ твои годы я ужъ давно работалъ, вмѣстѣ съ отцомъ—онъ находилъ, что я проворнѣй другихъ.

Валентинъ сжималъ губы, не отвѣчая. Онъ любилъ школу, книги, любилъ учиться, размышлять... Отъ этой адской жары у него разбаливалась голова; насильно выпитый кофе давилъ желудокъ; огонь печи манилъ къ себѣ и жегъ глаза. Эти полуодѣтые мужчины и тщедушные подростки въ лохмотьяхъ въ яркомъ свѣтѣ горна казались ему чертями и чертенятами, занятыми какой-то гнусной работой. Мысль быть однимъ изъ нихъ, всю жизнь бѣгать вокругъ этого страшнаго пламени внушала ему непреодолимое отвращеніе; ему хо-

тѣлось вырвать свою руку изъ руки дяди и убѣжать—невѣсть куда. И въ то-же время онъ чувствовалъ себя такимъ маленькимъ, слабымъ, жалкимъ, былинкой, вырванной съ корнемъ изъ земли и унесенной бурей. Эта большая сильная рука была его единственной опорой. Что станется съ нимъ, если онъ оттолкнетъ ее? И, не смѣя ничего сказать, онъ продолжалъ смотрѣть въ огонь.

Эта пассивность обманула Делемона; да и могъ ли онъ предполагать, что работа на *его* заводѣ способна внушить отвращеніе? Работа, какъ работа, не труднѣе другихъ, и много доходнѣе...

— Такъ тебѣ нравится?—спросилъ онъ, наклоняясь къ ребенку.— И, какъ въ первый разъ, едва разслышавъ голосъ Валентина, принялъ молчаніе за согласіе и знакомъ подозвалъ человѣка въ курткѣ, ходившаго вокругъ горна.

— Люстро, вотъ вамъ новенькій. Это мой племянникъ. Когда я выправлю его бумаги, онъ будетъ работать съ Данзиномъ. Смотри— вонъ онъ, Данзинъ, толстый, большой, который выдуваетъ бутылки!

Онъ указывалъ на мужчину лѣтъ сорока, бѣлаго, съ могучими мускулами, съ открытой грудью. Съ нимъ работали двое другихъ: «старшій подручный»—изсѣра блѣдный, съ вялыми, будто выпотрошенными руками, на которыхъ мышцы казались обвисшими шнурочками, и младшимъ, «мальчишкой», бѣлокурымъ, миніатюрнымъ, съ подвижной, умненькой мордочкой, любопытной и порочной.

— Здоровъ, какъ быкъ, этотъ Данзинъ. А почему? Потому что не пьетъ. Это, братъ, самое главное! Есть такіе умники, что увѣряютъ, будто они болѣютъ отъ работы, отъ жары, отъ микробовъ и ужъ не знаю отъ чего еще. Все это вздоръ! Отъ абсента они болѣютъ, а не отъ работы. Взять хоть Крезо—вотъ онъ, смотри! Этотъ ужъ безъ зелененькаго не живетъ—ну и пропалъ человѣкъ... Ужъ кто этакъ вотъ локоть поднимаетъ—конченъ балъ, пиши пропало! Надѣюсь, ты не станешь подражать ему. Учись у Данзина; это славный малый, ты съ нимъ поладишь. Кстати, тебѣ навѣрное тринадцать лѣтъ?

— Да, мнѣ исполнилось тринадцать 4 го апрѣля.

— Это хорошо! А то вѣдь я и дядя твой, и хозяинъ; мнѣ надо считаться съ этимъ чортовымъ закономъ, который вѣчно стоитъ поперекъ дороги... По правдѣ, говоря, какъ хозяину, мнѣ на это плевать, но на мнѣ лежитъ отвѣтственность, какъ на родственникѣ; я не хочу, чтобы кто-нибудь могъ упрекнуть меня... Ну, теперь бѣги, мальчуганъ, смотри, что приглядится; мнѣ надо потолковать съ Люстро.

Мальчикъ долго бродилъ въ глубокомъ унынія по сѣрому гравію дорожекъ, между фабричныхъ зданій, потомъ попалъ въ рощу, прошелъ дальше къ рѣкѣ, сталъ смотрѣть на деревья, на вѣчно бѣгущую темную воду и забылся. Дѣтская душа, въ которой впечатлѣнія рождались и умирали, мѣняясь, какъ небо весеннимъ утромъ, слилась съ природой, потонула въ ней, вся отдавшись счастью минуты.

Лай собаки вывелъ его изъ задумчивости. Весь дрожа отъ испуга, онъ вскочилъ на ноги. Передъ нимъ стояла Алиса, въ бѣломъ платьѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ, и съ нею его мучитель, Степъ.

— Это ты, мальчуганъ! Ты очень испугался?

— Немножко.

— Гдѣ ты пропадалъ все утро? Что ты тутъ дѣлаешь?

— Смотрю.

— На что?

Онъ широко развелъ руками.—На рѣку, на облака, на деревья—на все!

— И это «все» тебѣ нравится?

— О, да!

Алиса подошла ближе. Бульдогъ, поворчавъ, свернулся клубкомъ на травѣ и задремалъ.

— Какъ ты попалъ сюда?

Лицо мальчика омрачилось.—Дядя меня привелъ.

— Мой отецъ привелъ тебя на берегъ рѣки? Не можетъ быть!

Валентинъ испугался, что его не такъ поняли, и еще больше сконфузился.—Нѣтъ, онъ меня повелъ... туда!—Онъ пальцемъ показалъ въ сторону фабрики...—показывалъ мнѣ огонь, который горитъ день и ночь... и рабочихъ...—И почти шепотомъ онъ добавилъ:—А потомъ я пришелъ сюда.

— Ага, понимаю! Отецъ хвастался передъ тобою заводомъ.

— Да, онъ мнѣ все показывалъ... какъ дѣлаются бутылки... и сказалъ, что я тоже буду ихъ дѣлать.

— Онъ хочетъ поставить тебя на работу—теперь же?

— Нѣтъ... онъ меня спрашивалъ... хочу ли я?

— И ты сказалъ: да?

Мальчикъ уныло потупился. Алиса повторила вопросъ.

— Я ничего не сказалъ,—выговорилъ онъ едва слышно.

— Почему? Ты не посмѣлъ?.. Но мнѣ ты скажешь? Глаза мальчика наполнились слезами.—Я понимаю: у тебя нѣтъ ни малѣйшаго желанія поступить на фабрику? Она тебя пугаетъ, не нравится тебѣ, ты не хочешь сдѣлаться рабочимъ? Ну, конечно, да! Ты такой хрупкій—тебѣ не можетъ нравиться тяжелая работа. Само собой! Я была въ этомъ увѣрена... Ну, говори же, что ты хочешь дѣлать?

Онъ еще колебался, робкій, застѣнчивый, боящійся самъ не зная чего. Но ему некому было довѣриться—а Алиса смотрѣла на него такъ ласково. И сердце его раскрылось.

— Я хочу учиться!—молвилъ онъ и весь затрепеталъ отъ волненія; куда и робость дѣвалась.—Я хочу учиться по книгамъ,—продолжалъ онъ, смѣло глядя въ глаза своей защитницѣ,—всему... всему!.. Мама всегда говорила: «Да, ты будешь учиться, потому что ты это любишь»! Она была бѣдна, моя мама, но это ничего не значитъ. Она говорила:

«Я хочу, чтобы у тебя все было, что ты любишь, и чтобъ ты все зналъ»! Въ школѣ я всегда былъ первымъ. О, какъ бы я хотѣлъ вернуться въ школу!

Дѣвушка слушала внимательно, и опять ей стало жаль его, какъ въ моментъ ихъ первой встрѣчи, словно она предугадывала его судьбу.

— Бѣдный мальчикъ!.. Ты хочешь учиться; твоя бѣдная мама исполнила бы твое желаніе; захочетъ ли этого твой богатый дядя?.. Слушай, я поговорю съ нимъ, попытаюсь. Тамъ видно будетъ... А теперь идемъ со мною. Пора домой... Степъ, старая соня! Гопъ!

II.

Всѣ просьбы и возраженія Алисы не привели ни къ чему. Участь Валентина, казалось, была рѣшена. А пока онъ гулялъ, мечталъ, любовался рѣкой, читалъ книги, которыя давала ему Алиса, и весь отдавался очарованію этой безпечной жизни, забывая, что она не продлится вѣчно. Делемонъ сразу разсѣялъ чары. Однажды утромъ, встрѣтивъ мальчика въ саду, онъ сказалъ ему добродушнымъ тономъ, какой всегда принималъ, когда бывалъ въ хорошемъ настроеніи, или когда выражалъ свою волю, разбивавшую чужія желанія:—Что, братъ, гуляешь? Любишь бродить по полямъ? Жалко, что это не ремесло! Ну-съ, бумаги твои получены, скоро и съ лавкой покончимъ. Опекуномъ твоимъ будетъ твой дядя Максимильянъ. Онъ вполнѣ согласенъ со мной: ты поступаешь на фабрику. Съ понедѣльника берись за работу.

Какое отчаяніе охватило бѣднаго мальчика, когда онъ очутился, полунагой, какъ и другіе, худенькій, костлявый, съ выступавшими ключицами, съ тонкими, какъ у кузнечика руками и ногами, передъ огромнымъ жерломъ печи, разверзшей пасть свою, словно геенна огненная! Онъ замѣнилъ одного изъ маленькихъ итальянцевъ; тотъ заболѣлъ, и Сутръ, не предупредивъ *padrone*, велѣлъ свезти его въ дѣтскую больницу. Какимъ одинокимъ, маленькимъ и слабымъ чувствовалъ себя Валентинъ среди этихъ незнакомыхъ людей, повторявшихъ, словно автоматъ, все однѣ и тѣ-же размѣренныя движенія. Данзинъ объяснилъ ему, что нужно дѣлать.

— Какъ видишь, работа не хитрая. И пошевеливайся. Мы вѣдь работаемъ сдѣльно. Если будешь копаться, это намъ невыгодно,— понялъ?

Онъ выразительнымъ жестомъ указалъ на сосѣда носильщика, съ ловкостью обезьяны на лету подхватившаго горячую бутылку, которую швырнулъ ему поддувало. Валентинъ, увалень отъ природы, медлилъ и колебался подъ недобрыми взглядами пьянчуги Крезо. Одинъ разъ форма выскользнула изъ его рукъ, и бутылка разбилась. Онъ

машинально нагнулся подобрать куски, обжегъ себѣ палецъ, геройски сдержалъ крикъ боли...

— Ты думаешь, тебѣ поможетъ, что ты хозяйскій племянничекъ?— крикнулъ Крезо.—Дудки! Въ мастерской всѣ равны.

— Всѣ равны!—какъ эхо, повторилъ Данзинъ.

Валентинъ понялъ, что на него злобствуютъ или недовѣрчиво косятся именно за это родство, благодаря которому онъ попалъ сюда. Начиналось одиночество, худшій видъ изолированности среди существъ, съ виду такихъ-же, какъ вы, но въ то-же время болѣе чужихъ вамъ, чѣмъ животныя враждебной породы: одиночество, обволакивающее васъ гнетущей атмосферой, гдѣ вы задыхаетесь и не можете вырваться, слѣдующее за вами, какъ тѣнь—одиночество, которымъ вы дышете, которое въ васъ, около васъ, всюду, куда бы вы ни пришли... Онъ тоскующимъ взглядомъ обвелъ мастерскую, ища сочувствія, но встрѣчая только равнодушныя лица. «Мальчишки» были уже почти взрослыми людьми; ни одному не пришло въ голову заговорить съ нимъ. Съ маленькими итальянцами онъ самъ не могъ заговорить, не зная ихъ языка; они сновали взадъ и впередъ, словно черныя мухи, жужжанья которыхъ онъ не понималъ... Такъ шли минуты, часы, дни. Когда онъ подходилъ къ дому, на него яростно лаялъ Степъ; проклятый бульдогъ, злой и глупый, до сихъ поръ не зналъ, куда его причислить—къ буржуа или къ рабочимъ, и можетъ быть, подъ новымъ платьемъ, подареннымъ Алисой, чутьемъ угадывалъ въ немъ бѣдняка, одного изъ своихъ естественныхъ враговъ. Такъ же инстинктивно убѣгала отъ него Дотти, презрительно вздергивая верхнюю губку. Дядя, казалось, не отличалъ его отъ другихъ носильщиковъ. Одна Алиса улыбалась ему, не смѣя заговорить, нарушить приказъ. О, это было настоящее, полное одиночество!.. И безумные планы бѣгства или смерти роились въ его головѣ, когда онъ, въ часы досуга, садился на берегу рѣки и смотрѣлъ на воду, которая все бѣжала и струилась, такая свѣжая, свободная...

Однажды утромъ Валентинъ увидѣлъ въ мастерской, рядомъ съ дядей, незнакомаго высокаго, молодого блондина съ ясными глазами, который смотрѣлъ и вправо, и влѣво и, видимо, чувствовалъ себя, какъ дома. Рабочіе, съ своей стороны, наблюдали за нимъ исподтишка, даже рискуя промѣшкать въ работѣ и, пересмѣиваясь, косились на хозяина. У Делемона застыла на лицѣ дѣланная улыбка, и движенія его были нервныя, угловатыя; ему, видимо, было не по себѣ. Они напоминали пару лошадей, которыя не любятъ ходить въ одной упряжкѣ; когда одинъ ускорялъ шаги, другой инстинктивно замедлялъ; одинъ хотѣлъ взять вправо, другой бралъ влѣво; Делемонъ жестомъ хотѣлъ что-то показать—его спутникъ смотрѣлъ въ другую сторону. Они говорили между собою вполголоса, словно друзья, но у заводчика брови упрямо топорщились кверху, словно опрокинутыя запятыя.

Незнакомецъ остановился передъ Валентиномъ, посмотрѣлъ на него и спросилъ:—Вы увѣрены, г. Делемонъ, что онъ достигъ надлежащаго возраста?

— Вполнѣ увѣренъ, господинъ инспекторъ.

— Его бумаги у васъ?

— Къ вашимъ услугамъ, господинъ инспекторъ. Къ тому-же, если хотите знать, этой мой племянникъ.

— А!..

Тонъ этого возгласа какъ будто говорилъ:—«Въ такомъ случаѣ, я не имѣю ничего возразить».—И оба продолжали обходъ.

Валентинъ слѣдилъ за ними взглядомъ. Ясный взоръ незнакомца пробудилъ въ немъ искру надежды. Это молодое энергичное и тонкое лицо въ рамкѣ вьющихся бѣлокурыхъ волосъ, такое свѣтлое, словно лучистое, показалось ему лицомъ ангела-избавителя. И вотъ, оно отдалялось, исчезло!..

Посѣтитель, не торопясь, какъ человѣкъ, который ничего не хочетъ потерять изъ интереснаго зрѣлища, обходилъ эстраду. Онъ подозвалъ къ себѣ нѣсколько маленькихъ итальянцевъ и знаками допрашивалъ ихъ; чертенята, притворяясь непонимающими, то придавали своему лицу деревянное выраженіе, которое имъ трудно давалось, то жестикулировали, вращая зрачками, поводя плечами и прикладывая руки къ сердцу, въ такой краснорѣчивой пантомимѣ, что можно было угадать малѣйшіе оттѣнки ихъ мысли, между тѣмъ какъ *padrone*, стоя позади инспектора, гипнотизировалъ ихъ взглядомъ. Поддувалы сердито косились на нихъ, такъ какъ отъ этого страдала работа. Но незванный гость не обращалъ на это вниманія, равно какъ и на нетерпѣливые жесты Делемона... Потомъ онъ еще разъ обошелъ эстраду, словно провѣряя видѣнное. Встрѣтилъ-ли онъ печальный взглядъ Валентина, призывавшій его на помощь, угадалъ-ли нѣмую мольбу, которая неслась къ нему изъ глубины бѣднаго маленькаго сердечка, но только онъ еще разъ остановился передъ мальчикомъ, посмотрѣлъ на худенькую бѣлую, покрытую испариной грудь, тяжело поднимавшуюся подъ разстегнутой рубашкой, на острыя лопатки, выступавшія при каждомъ движеніи худенькихъ рукъ, на напряженность кистей, съ усиліемъ сжимавшихъ ручку *sabot*. Посмотрѣлъ, подумалъ и, указывая на него пальцемъ, спросилъ у стеклозаводчика:

— Показали-ли вы его доктору, прежде чѣмъ поставить его на эту работу?

Делемонъ вскричалъ, изумленный и негодующій: — Показалъ-ли я—доктору? Да что вы въ самомъ дѣлѣ? Неужто мнѣ еще устраивать консультаціи при выборѣ моихъ служащихъ?

Кровь прилила ему къ вискамъ; покраснѣли даже большія мохнатыя уши, губы дрожали. Но инспекторъ, не обращая вниманія на эти

угрожающіе симптомы, отвѣтилъ спокойнымъ тономъ человѣка, увѣреннаго въ своей правотѣ:

— Вы знаете, что законъ уполномочиваетъ меня требовать этой предосторожности.

— Говорятъ вамъ, это мой племянникъ. Должны же вы понять, что я хочу ему только добра. И опекунъ его вполнѣ согласенъ со мной.

Онъ возвысилъ голосъ. Валентинъ услыхалъ и насторожился, чтобы поймать отвѣтъ инспектора.

— Я увѣренъ въ этомъ. Но и при самыхъ благихъ намѣреніяхъ можно ошибаться. Этотъ ребенокъ кажется мнѣ слишкомъ слабымъ для такой работы; посмотрите на него: онъ совершенно обезсилѣлъ, едва на ногахъ стоитъ!

Заводчикъ пожалъ плечами:—Это со всѣми бываетъ — въ первое время. А потомъ привыкаютъ,—и усталость проходитъ.

— Этотъ совсѣмъ тщедушный! Посмотрите, какіе хрупкіе члены, какая впалая грудь!

— Онъ велъ очень сидячую жизнь; упражненіе мышцъ укрѣпитъ его.

— Это не упражненіе, а систематическій непосильный трудъ. Запаситесь медицинскимъ свидѣтельствомъ, г. Делемонъ; въ слѣдующій разъ я потребую его.—И, словно оправдываясь, онъ прибавилъ:—У каждаго своя отвѣтственность, сударь, и каждый понимаетъ ее по своему...

И они вышли вмѣстѣ.

Но это еще не все. Въ конторѣ Делемона ждало послѣднее униженіе. Инспекторъ расположился, какъ у себя дома, и началъ пересматривать бумаги маленькихъ итальянцевъ. Онъ бралъ метрическія свидѣтельства, одно за другимъ и тщательно вглядывался въ числа, подписи, печати, штемпеля. Делемонъ, наконецъ, потерялъ терпѣніе, нервно оттолкнулъ бумаги, которыми притворялся, что занятъ, и воскликнулъ:

— Мало вамъ контроля надъ нашими отношеніями къ рабочимъ, что вы еще начинаете мѣшаться и въ семейныя дѣла? Ну, хорошо, государство лучше хозяевъ блюдетъ интересы промышленности,—пусть такъ; но неужто же оно лучше понимаетъ интересы дѣтей, чѣмъ отцы, дяди, опекуны?

Антуанъ Бюрье поднялъ на него свои ясные, спокойные глаза:—Государство естественный защитникъ слабыхъ и малолѣтнихъ. Я же лично только слѣжу за точнымъ исполненіемъ закона.—И съ едва замѣтной, но обидной ироніей, онъ добавилъ: — Смѣю васъ увѣрить, и съ этимъ работы у меня довольно!

Онъ опять принялся за бумаги. Заводчикъ сердито шагалъ изъ угла въ уголъ, швыряя все, что попадалось ему подъ руку.

— Довольно!—Еще бы не довольно! Вполнѣ достаточно для того, чтобы подготовить крахъ нашей промышленности, — разореніе страны!.. Вашъ *законъ*—онъ злобно подчеркнулъ это слово—перевернулъ вверхъ дномъ всѣ условія производства. Дѣти намъ необходимы: развѣ можемъ мы выдержать конкурренцію бельгійцевъ и американцевъ, если у насъ въ носильщикахъ и подручныхъ будутъ взрослые, которымъ и платить надо, какъ взрослымъ? А дѣтей нѣтъ!—Нѣтъ, и взять негдѣ! Просишь въ Бюро три десятка, а пришлютъ четверыхъ. Какъ хочешь, такъ и устраивайся!..—И такъ какъ инспекторъ промолчалъ, Делемонъ прибавилъ, уже обращаясь непосредственно къ нему:—Ну, скажите же, откуда намъ взять ребятъ?

— Ну, ужъ это не мое дѣло,—спокойно возразилъ Бюрье.—И потомъ, дѣло у васъ все-таки не стоитъ. Каждый разъ, какъ я прихожу, — вы, конечно, находите, что это бываетъ слишкомъ часто— ваши печи всѣ въ полномъ ходу, и комплектъ рабочихъ полный.—Онъ наклонился надъ однимъ изъ свидѣтельствъ, что-то соображая.—Да и развѣ вамъ не хватаетъ дѣтей? А маленькіе итальянцы? Этихъ у васъ сколько угодно. А вѣдь ихъ-то уже никакъ нельзя назвать взрослыми; это дѣти, сущія дѣти!..

Заводчикъ остановился посрединѣ комнаты, заложивъ руки за спину.—Что вы хотите сказать этимъ, г. инспекторъ? Что они моложе законнаго возраста? Ихъ книжки у васъ въ рукахъ—будьте любезны, взгляните!

— Да, книжки-то въ порядкѣ, и числа, и подписи... Но...

— Ужъ не думаете ли вы, что я ихъ поддѣлалъ?

— Нѣтъ, конечно, не вы. Но тѣ, кто поставляетъ вамъ этихъ дѣтей—кто знаетъ!

— Это надо еще доказать!

— Можетъ быть, это и не невозможно.—Смотрите, вотъ—этотъ Гаспардо Кремона—пари держу, что ему нѣтъ и двѣнадцати. А здѣсь стоитъ: 15. Вы понимаете, не можемъ же мы позволить водить себя за носъ.—Тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время по этой части столько злоупотребленій...

Делемонъ нѣсколько смутился, но ради бравады отвѣтилъ:—Ищите, господинъ, инспекторъ, ищите—разъ это ваша обязанность!.. А пока что, у насъ все правильно, все въ порядкѣ.

— Все *кажется* правильнымъ, *повидимому*, въ порядкѣ.

— Мнѣ бóльшаго и не надо. Я вѣдь тоже изучилъ ваши законы. Я знаю, что § 3 ст. 26 за меня.

— Вы ссылаетесь на эту статью и довольствуетесь видимостью. Ладно! Предупреждаю васъ, что наша администрація вмѣняетъ себѣ въ долгъ быть болѣе требовательной.

— Какого чорта ваша администрація суетъ носъ не въ свое дѣло? Вы скажете, что республика обязана слѣдить за гигіеническими усло-

віями жизни и образованіемъ своихъ будущихъ гражданъ? Но вѣдь это не будущіе граждане. Они явились сюда изъ убогихъ провинцій, гдѣ товарищи ихъ мрутъ отъ лихорадокъ и проказы, если не дохнутъ съ голоду, и рады-радехоньки, что нашли здѣсь легкую и прибыльную работу.

Бюрье опять поправилъ:—Прибыльную—для того, кто торгуетъ ими.

— Вольно же ихъ родителямъ подписывать такіе контракты. Я плачу хорошо, а остальное меня не касается. Ихъ родители, не будучи подданными французской республики, еще сохранили за собой нѣкоторыя привиллегіи: напримѣръ, располагать своими малолѣтними дѣтьми...

— И злоупотребляютъ этимъ, продавая ихъ, какъ невольниковъ, негодяямъ, которые снабжаютъ ихъ фальшивыми паспортами... а вы принимаете ихъ за настоящіе... Но вѣдь и итальянскій король можетъ вступиться: скоро раздадутся голоса въ защиту гуманности, и будьте увѣрены, я, хоть и маленькій человѣкъ, сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобъ они раздались не напрасно!

Съ этими словами Бюрье сложилъ столбикомъ книжки, выровнялъ ихъ и началъ прощаться.

— Если всѣ ваши коллеги похожи на васъ,—проворчалъ Делемонъ,— намъ остается закрыть всѣ фабрики.

Уже съ порога, съ портфелемъ подъ мышкой и шляпой въ рукѣ, Бюрье съ невозмутимымъ спокойствіемъ теоретика откликнулся:

— И пусть закрываются, если онѣ могутъ оставаться открытыми, только нарушая законъ! Послѣдствія меня не касаются. Я обязанъ слѣдить только за исполненіемъ закона. И потому, прошу васъ послать вашего племянника къ доктору. И потомъ, совѣтую вамъ остерегаться мошенниковъ, которые поставляютъ вамъ этихъ несчастныхъ дѣтей; смотрите, какъ бы вамъ не пришлось каяться, что вы смотрѣли сквозь пальцы на всѣ ихъ обманы и плутни.

Онъ ушелъ, а Делемонъ съ досадой швырнулъ въ зеленую папку злополучныя книжки, изъ-за которыхъ онъ получилъ такой репримандъ.

— И подумать, что такіе взгляды распространяются все больше и больше—разсуждалъ онъ самъ съ собой,—находятъ доступъ во всѣ классы общества, вносятъ заразу въ мастерскія, что даже многіе хозяева держатся ихъ. Я чувствую ихъ повсюду вокругъ себя и даже у себя дома. Надъ моими рабочими я больше не властенъ. Они во всемъ уповаютъ на государство и знаютъ, что всего могутъ требовать, ибо государство,—т.-е. правительство нуждается въ ихъ голосахъ. Только государству они и повинуются—и даже не ему, а своимъ инстинктамъ, страстямъ, аппетитамъ. А государство, будто-бы руководя ими, на самомъ дѣлѣ льститъ имъ и дѣлаетъ, какъ они велятъ. Это чистая анархія! Я энергиченъ, за мной традиція, за мной авторитетъ; я еще борюсь. А потомъ, послѣ меня? Мой сынъ будетъ, какъ

въ плѣну, на своемъ заводѣ, скованный придирчивыми законами, ежеминутно предаваемый своими служащими, подъ надзоромъ цѣлой бригады инспекторовъ, которые будутъ тираннизировать его, душить и грабить, какъ на проѣзжей дорогѣ, и все это на точномъ основаніи закона!..

Онъ съ досадой вспомнилъ, что Бернаръ, отнюдь не раздѣляя его возмущенія, охотно готовъ былъ подчиниться этой тиранніи, безъ злобы глоталъ униженія и принималъ въ серьезъ чиновничье лицемѣріе.

— И Сутръ туда-же — Сутръ, которому я довѣрялъ, считая его слишкомъ тупымъ для подобныхъ фантазій, ибо какъ онѣ ни нелѣпы, все же онъ требуютъ нѣкотораго усилія ума.

Какъ разъ въ эту минуту вошелъ Сутръ своей мѣшковатой поступью человѣка слишкомъ большого, слишкомъ мускулистаго и сильнаго, который не знаетъ, куда ему дѣвать свою силу.

— А, Сутръ! Жалко, что вы не были здѣсь давеча! Послушали бы вы вашего друга Бюрье!..

Гигантъ запротестовалъ: каковы бы ни были его политическіе взгляды вообще, онъ не могъ быть другомъ человѣка, который вредитъ заводу.

— Ну, вашего единовѣрца по соціализму, или солидарности, какъ это у васъ говорится... Онъ только что вышелъ отсюда. Послушали-бы вы, что онъ проповѣдуетъ!.. Неужто вы не понимаете, куда они клонятъ? Разоренія нашего, банкротства—вотъ чего они добиваются! Увѣряю васъ, еще немного, и я закрою заводъ!.. Ужъ лучше это... Въ наше время лучше камни бить на большой дорогѣ, чѣмъ быть фабрикантомъ; тѣ — каменьщики—чиновники; за нихъ государство, законъ, жандармы, суды... А бѣдняга патронъ рабочаго не можетъ нанять, чтобъ не дрожать, словно онъ совершилъ преступленіе. За нимъ слѣдятъ, какъ за каторжникомъ, отбывшимъ свой срокъ... Недурное ремесло, чортъ побери! Жалѣю о тѣхъ, кто идетъ вслѣдъ за нами!

Сутръ слушалъ, качая своей доброй, большой, туго соображавшей головой гладіатора.

Жалобы хозяина казались ему справедливыми,—но и требованія рабочихъ также; онъ не хотѣлъ никого лишать честно нажитыхъ капиталовъ,—но онъ хотѣлъ, чтобы всякій имѣлъ возможность пріобрѣсти ихъ; вмѣшательство Бюрье въ дѣла завода возмущало его—но законъ 1892 года требовалъ лишь справедливыхъ реформъ; эти реформы промышленники не хотѣли вводить добровольно,—а между тѣмъ они были необходимы для здоровья расы... Какъ разрѣшить всѣ эти затрудненія?

— Ну, отвѣчайте-же, если вы думаете что я неправъ! Защищайте вашъ законъ, вашихъ инспекторовъ, ваши взгляды, наконецъ!

— Да, конечно,—вздыхая говорилъ гигантъ своимъ смѣшнымъ

высокимъ фальцетомъ,—конечно, лучше, чтобы не было ни законовъ, ни инспекторовъ... Но...

Онъ запнулся, все время покачивая изъ стороны въ сторону своей огромной головой на толстой шеѣ, выступавшей желваками надъ крахмальнымъ воротничкомъ. Ничего онъ такъ не боялся, какъ споровъ, ибо ему никогда не удавалось въ точности выразить свою мысль.

— Но... что-же, мой другъ?

— А то, что... для этого надо, чтобъ... люди были совершенны.

— Э! что вы мнѣ толкуете?—Прежде вѣдь не было рабочихъ законовъ. Что же люди были лучше теперешняго, что-ли? А вѣдь заводы и прежде были. И дѣло дѣлали,—и еще какъ!

Сутръ съ усиліемъ нашелъ слабое мѣсто въ этой аргументаціи и ткнулъ въ него пальцемъ.

— Да... оно конечно... Заводамъ ничего, что не было законовъ... И хозяева были довольны... Еще бы! они могли дѣлать все, что хотѣли... Ну, а только... рабочіе—они-то какъ! Вотъ для нихъ-то—для защиты ихъ и выдумали законы...

— Для защиты!.. Отъ кого защищать? отъ насъ?.. И вы смѣете утверждать, что это было необходимо?.. Да за примѣромъ недалеко ходить—здѣсь то къ нимъ худо относятся—что-ли? Я имъ построилъ цѣлый городъ—что же вы скажете, у нихъ не гигіеничныя квартиры? Воздухъ, видъ, просторъ—чего хочешь, того просишь! А ихъ потребительскія общества—развѣ не я ихъ организовалъ? И вѣдь какъ дѣйствуютъ—превосходно! Кормятся они дешево, одѣваются тоже врачъ даровой, лекціи, читальня... Будьте же справедливы, Сутръ, что еще можетъ дать имъ государство?

Сутръ молчалъ, усиленно соображая; его добрые собачьи глаза смотрѣли печально; жилы на лбу вздулись отъ умственнаго напряженія. Какъ отвѣтить? Надо бы сказать, что постройка рабочаго городка была очень выгодной спекуляціей, ибо она приносила хозяину 7% годовыхъ и отдавала рабочимъ въ его руки. Тоже самое и потребительскія лавки. Делемонъ, будучи почетнымъ предсѣдателемъ правленія, всѣ дѣла вершилъ самъ и нерѣдко съ выгодой для себя. Такъ, напримѣръ, Делемонъ сбывалъ рабочимъ все вино изъ виноградниковъ своей супруги, въ Гардѣ,—а вино было совсѣмъ неважное. И еще надо бы сказать, что такъ и всегда и во всемъ, гдѣ только вмѣшивается патронъ, онъ хлопочетъ для себя. Но гдѣ же было Сутру высказать такія сложныя мысли, и еще человѣку, котораго онъ такъ боялся!

— Оно конечно,—пробормоталъ онъ,—если бы всѣ поступали, какъ должно, законы были бы ни къ чему. Но развѣ такъ оно бываетъ?.. Вы сами знаете, г. Делемонъ... даже здѣсь...—Онъ запнулся, испугавшись и собственной смѣлости, и грознаго взгляда хозяина.

— Здѣсь?.. Что такое?.. О чемъ вы говорите? Что у насъ здѣсь не ладно? Да говорите же, чтобъ васъ! объясните толкомъ.

— О! я знаю, что рабочимъ здѣсь живется лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Зарабатываютъ они достаточно, обращаются съ ними хорошо, словомъ, живутъ, дай Богъ всякому. Противъ этого никто слова не скажетъ, только вотъ ребятишки... Оно, конечно, въ нашемъ дѣлѣ безъ нихъ нельзя, я знаю... А все таки, дѣти... въ особенности, эти маленькіе итальянцы.

— Да оставьте вы меня въ покоѣ!.. Развѣ я виноватъ, что они привозятъ съ собой изъ дому кучу болѣзней? Что ихъ *padrone* мошенникъ, который ихъ эксплоатируетъ?.. Неужто мнѣ еще вступаться въ ихъ отношенія съ нимъ? Что я имъ отецъ, что ли, или отвѣтственъ за нихъ?.. Дѣти намъ нужны, вы это знаете не хуже меня. Я беру ихъ, гдѣ могу, плачу хорошо—въ чемъ еще можно меня упрекнуть? Не прикажете ли закрыть заводъ, какъ тотъ вашъ пріятель? Нѣтъ ужъ дудки!.. Пока я живъ, онъ будетъ дѣйствовать, несмотря на ваши законы и на инспекторовъ, наперекоръ всему!.. Когда меня не станетъ, вы съ вашими идеями, конечно, погубите дѣло и вы, и сынъ мой, и дочь моя. Но пока во мнѣ есть хоть искра жизни, я буду его отстаивать!.. И пока я здѣсь хозяинъ, вы у меня по стрункѣ будете ходить, и вы, и Бернаръ, и всѣ!..

Онъ вышелъ, гнѣвный, багровый, съ налитыми кровью глазами, оставивъ своего великана помощника совершенно подавленнымъ тяжестью столькихъ неразрѣшимыхъ проблемъ, какъ Атласъ подъ тяжестью міра.

III.

Все утро у заводчика ушло на безплодныя пререканія, не удивительно, что онъ сѣлъ за столъ въ прескверномъ расположеніи духа. Онъ сердито развернулъ свою салфетку и сейчасъ же принялся ворчать, зачѣмъ не несутъ яичницы, потомъ, что въ ней мало соли. Ѣли молча. Только Алиса, Эстелла и маленькая Дотти изрѣдка обмѣнивались замѣчаніями вполголоса. Г-жа Делемонъ, не поднимая глазъ отъ тарелки, катала между пальцами хлѣбные шарики. Въ ея позѣ было что-то такое страдальческое, что Алиса спросила ее, здорова ли она. Мачиха подняла на нее мутные тревожные глаза и провела рукой по лбу:—Голова болитъ немножко...

Мужъ не взглянулъ на нее; онъ думалъ о своемъ и не считалъ нужнымъ дѣлиться мыслями съ другими. Но все же вдругъ выпалилъ, неожиданно для всѣхъ:—Положительно, Сутръ слишкомъ глупъ!

Никто не поддержалъ этого разговора, только Эстелла вздрогнула. Когда подали кофе, который пили обыкновенно сейчасъ послѣ дессерта, Жеромъ доложилъ:—Тамъ священникъ васъ дожидается, баринъ.

— Священникъ!.. Навѣрное со сборомъ. Поди, прими его Алиса. И, пожалуйста, особенно не расщедривайся. Сто су—за глаза довольно!

Алиса вышла, вслѣдъ за ней Эстелла и Доротея. Минуту спустя

поднялась и ушла и г-жа Делемонъ, не дотронувшись до своей чашки кофе, словно ее призывалъ голосъ, слышный только ей одной. Делемонъ пожалъ плечами, какъ бы протестуя противъ такого страннаго поведенія, и развернулъ газету. Ему бросились въ глаза подробности стачки на металлургическихъ заводахъ. Только что выпустили вожаковъ, арестованныхъ во время драки, но, вмѣсто того, чтобы успокоится, они снова начинали сѣять смуту. Делемонъ хмурилъ брови, читая, сжималъ губы, стучалъ кулакомъ по колѣну. Вотъ этимъ молодцамъ, думалъ онъ, все позволено, а попробуй несчастный патронъ пренебречь какой-нибудь глупой формальностью... Въ эту минуту дверь отворилась, вошла Алиса, очень взволнованная, ведя за собой священника.

— Папа, это не за сборомъ. Г. аббатъ Медаль хочетъ говорить съ тобой лично; ты долженъ выслушать его!

На порогѣ стоялъ невзрачный священникъ неопредѣленнаго возраста, въ поношенной рясѣ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Делемонъ и всталъ.

Опять эти маленькіе итальянцы! Онъ понялъ это съ первыхъ словъ посѣтителя, который съ легкимъ южнымъ акцентомъ разсказывалъ о своемъ посѣщеніи дѣтской больницы, куда онъ ходилъ третьяго дня навѣстить чахоточнаго мальчика изъ своего прихода. И тамъ его вниманіе привлекъ сосѣдъ по койкѣ его маленькаго протежэ.—Вы только подумайте, сударь, никто въ больницѣ не понимаетъ его языка, и бѣдный ребенокъ лежитъ одинъ, не имѣя возможности объясняться иначе, какъ жестами. Правда, глаза у него достаточно краснорѣчивы, такіе огромные, черные, полные отчаянія... Я догадался, что онъ итальянецъ, подошелъ, началъ разспрашивать...

— И онъ вамъ пожаловался!—съ недовѣрчивымъ смѣшкомъ прервалъ Делемонъ.

Аббатъ посмотрѣлъ на него, удивленный его тономъ. — Нѣтъ, сударь, онъ не жалуется, это-то и есть самое худшее. Въ больницѣ онъ всего нѣсколько дней, но болѣетъ должно быть уже давно. Онъ страшно истощенъ, худъ до невозможности и, должно быть, не только отъ лишеній, но и отъ дурного обращенія. А между тѣмъ увѣряетъ, что счастливъ, что за нимъ хорошо смотрятъ и хорошо платятъ, а если боленъ, такъ на то Божья воля. Мнѣ едва-едва удалось выпытать у него, что онъ пріѣхалъ изъ Базиликато вмѣстѣ съ другими мальчиками, что его привезъ нѣкій Готто и что онъ работаетъ у васъ... Я знаю обычаи его компатріотовъ и понялъ, что онъ лжетъ изъ страха передъ своимъ *padrone* и потому, что у него на родинѣ никогда не выдаютъ. Выйдя изъ больницы, я произвелъ маленькую анкету, розыскалъ вертепъ, гдѣ Готто держитъ вашихъ маленькихъ рабочихъ, въ Билланкурѣ, проникъ туда... Ахъ сударь!.. Я не предлагалъ имъ никакихъ вопросовъ—они бы всѣ отвѣтили мнѣ, какъ тотъ больной. Но я разспросилъ сосѣдей...

Делемонъ нетерпѣливо прервалъ его:—Вы разспрашивали сосѣдей, какъ живется моимъ служащимъ! Но, по какому праву—позвольте васъ спросить?

Священникъ остановилъ на немъ свои прозрачные глаза:—Я не задавалъ себѣ этого вопроса, сударь; я думалъ, что вы не знаете въ какой ужасной нуждѣ живутъ эти бѣдныя дѣти, попавшія въ руки безчестныхъ людей; я хотѣлъ вамъ открыть глаза.

И онъ, волнуясь, описывалъ видѣнное и слышанное: грязной сырой погребъ безъ всякой вентиляціи, темный, какъ тюрьма; грязная рѣдкая солома на полу, остатки испорченныхъ овощей, подобранныхъ на рынкѣ возлѣ лотковъ торговокъ—единственная пища бѣдныхъ дѣтей, худенькія тѣла, исполосованныя ударами.

— Вы этого не знали,—продолжалъ аббатъ,—вы не входите въ такія мелочи... Но теперь, сударь, я вамъ сказалъ: вы знаете!..

Делемонъ развелъ руками, потомъ опустилъ ихъ на колѣни и возразилъ вкрадчивымъ тономъ адвоката, который приводитъ смягчающія обстоятельства.

— Вы преувеличиваете, господинъ аббатъ, даю вамъ слово, преувеличиваете! Вамъ насплетничали. Знаете, люди всегда дѣлаютъ изъ мухи слона... Да и, наконецъ, вѣдь все это происходитъ не у меня. На заводѣ никто не обращается дурно съ дѣтьми, смѣю васъ увѣрить. О, этого я бы не потерпѣлъ! Вы знаете положеніе: этихъ маленькихъ итальянцевъ поставляетъ мнѣ подрядчикъ, съ которымъ я и веду всѣ счеты и разговоры. Если онъ ихъ не кормитъ, значитъ, онъ мошенникъ, потому что онъ обязанъ ихъ содержать... Но что же я то могу подѣлать? Вамъ надо обратиться къ нему.

При этихъ словахъ подвижное лицо аббата, до сихъ поръ выражавшее только удивленіе, выразило негодованіе:

— Это все равно, что сказать, воскликнулъ онъ съ немного театральнымъ жестомъ:—Обратитесь къ убійцѣ, чтобы онъ вступился за жертву! просите волка защитить ягненка! Къ такому человѣку! Да онъ способенъ былъ бы истолочь въ ступкѣ этихъ дѣтей, еслибъ могъ превратить въ деньги ихъ кости! И можете быть увѣрены, что онъ еще и въ другомъ отношеніи обманываетъ васъ: онъ, конечно, увѣряетъ васъ, что они достигли надлежащаго возраста, не правда ли? Да вы посмотрите на нихъ хорошенько. Я васъ объ одномъ прошу: приглядитесь къ нимъ—только!

Вслѣдъ за государствомъ церковь, за чиновникомъ священникъ—точно по уговору! Этотъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ пригрозить ни полиціей, ни судомъ, ни оштрафовать; онъ безоруженъ, безсиленъ; на его слова можно не обращать вниманія. Чувствуя, что его позиція сильнѣе, Делемонъ сухо возразилъ:

— Простите, господинъ аббатъ, я беру ихъ не иначе, какъ по представленіи всѣхъ законныхъ документовъ, засвидѣтельствован-

ныхъ въ мэріи; всѣ требованія закона мной соблюдены, придраться не къ чему.

— Рѣчь идетъ не о васъ, милостивый государь, а о нихъ! А если документы фальшивые?

— А ужъ это меня не касается; съ правосудіемъ пусть вѣдается Готто.

— Сказали бы ужъ прямо, что вы не хотите видѣть. Но кто умышленно закрываетъ глаза...

— Господинъ аббатъ!

— Простите! Я былъ такъ увѣренъ, что васъ надо только извѣстить, и вы сами поспѣшите положить конецъ этому безобразію, что вы сами будете мучиться мыслью, какъ вы до сихъ поръ терпѣли это! Простите, если я ошибся! Мнѣ трудно себѣ представить, чтобы человѣкъ счастливый, богатый, отецъ семейства, не трепеталъ отъ ужаса при видѣ такихъ бѣдствій въ особенности, когда они ютятся подъ его собственнымъ кровомъ, способствуя его богатству!

Онъ словно выросъ, этотъ вѣстникъ истины, и голосъ его окрѣпъ. Делемонъ, потупившись, кусалъ усы. Алиса, стоявшая за его кресломъ, дотронулась до его плеча и произнесла:

— Отецъ! отецъ, возможно ли?

Онъ обернулся, увидѣлъ ея взволнованное лицо. И въ первый разъ, быть можетъ, за всѣ эти годы накопленія, тронулся страданіями, которыя все время видѣлъ вокругъ, но считалъ ихъ неизбѣжнымъ зломъ, и не посмѣлъ отвѣтить дочери, какъ отвѣчалъ себѣ, когда ему случалось думать объ этихъ вопросахъ.

— Я вамъ кажусь жестокимъ, господинъ аббатъ? Это оттого, что вы не знаете, какъ стѣснена теперь наша промышленность. Подумайте: на родинѣ намъ негдѣ взять дѣтей—а они нужны. Поневолѣ берешь, какихъ даютъ. Такъ вѣдь не я же виноватъ... Въ прежнее время, вѣрно, патронъ отвѣчалъ за всѣхъ своихъ служащихъ. Такъ вѣдь зато онъ былъ полнымъ хозяиномъ. А теперь насъ связали по рукамъ и по ногамъ аконами, взяли подъ опеку, лишили всякой инициативы. Хорошъ, или плохъ законъ, правъ или неправъ—исполняй. Ну мы и исполняемъ—буквально! Вотъ когда патроны свалятъ на нихъ всѣ свои обязанности и всю свою отвѣтственность, тогда и увидятъ всѣ, какіе это безполезные, придирчивые, путанные, никуда не годные законы!..

Аббатъ слушалъ его съ нѣсколько презрительнымъ вниманіемъ.

— Воздайте кесарево Кесарю; у Кесаря столько способовъ отстоять свои права! Но вѣдь еще есть Богъ, сударь, который не пишетъ законовъ и не имѣетъ въ своемъ распоряженіи принудительныхъ мѣръ.

Заводчикъ какъ то неопредѣленно повелъ рукой и съ тонкой усмѣшкой отвѣтилъ:

— Ахъ, господинъ аббатъ, еслибъ еще и Богъ былъ такъ же

требователенъ, какъ Цезарь, то мнѣ оставалось бы только закрыть заводъ!

— Хорошо, я не буду говорить съ вами отъ Его имени, если вы изъ тѣхъ, которые не считаются съ Нимъ. Но вѣдь остается еще гуманность, обязывающая всѣхъ насъ щадить слабыхъ. Допустимъ, что я взываю къ вашей добротѣ, къ чувству справедливости, что я ничего не преувеличилъ, что разсказанное мною чистая правда.— Неужели вы не будете сожалѣть, что не знали этого раньше?

Делемонъ отвѣтилъ тономъ министра, которому доносятъ о злоупотребленіи.

— Я произведу разслѣдованіе, г. аббатъ.

Священникъ всталъ, не слишкомъ успокоенный, но сознавая, что большаго онъ не добьется.

— Просвѣти васъ, Боже!—И, послѣ минутной нерѣшительности, добавилъ:—Послѣднее слово! Я не могу проникнуть въ погребъ, гдѣ помѣщаются наши бѣдныя дѣти; меня не пустятъ. Разрѣшите мнѣ навѣщать ихъ на заводѣ, конечно, въ свободные часы, въ промежуткахъ между работой?..

Делемона словно подбросило, и на этотъ разъ отвѣтъ былъ категориченъ:

— О нѣтъ, нѣтъ! это ни въ какомъ случаѣ! Довольно съ меня фабричнаго инспектора, который распоряжается тамъ, какъ у себя дома. Мой заводъ—это мой домъ—я не могу пускать къ себѣ перваго встрѣчнаго!

Алиса хотѣла было вступиться, но отецъ осадилъ ее раньше, чѣмъ она успѣла заговорить:—Нѣтъ, нѣтъ! Я обѣщалъ все, что могъ, и сдѣлаю, что могу... Напрасно разжалобилась—совершенно ни къ чему!.. Мнѣ съ утра сегодня трубятъ въ уши про этихъ итальянцевъ. И слушать больше не хочу!

И онъ ушелъ, какъ всегда это дѣлалъ въ затруднительныхъ случаяхъ, оставивъ священника съ дочерью.

Делемонъ въ важныхъ дѣлахъ не обращалъ вниманія на мелочи. Для того, чтобы заводъ дѣйствовалъ, нуженъ песокъ, поташъ, уголь, орудія, машины, взрослые люди, дѣти. Въ фабричномъ дѣлѣ безъ усышки, безъ утечки не обходится: битыя бутылки, просыпанный песокъ, погибшая человѣческая жизнь — все это неизбѣжныя случайности. Жаль, конечно, но безъ этого ничего и не выйдетъ; и Делемонъ такъ же мало сокрушался объ этомъ, какъ полководецъ о гибели своихъ солдатъ въ побѣдоносной аттакѣ. Онъ обходилъ мастерскія, придумывая, какъ исполнить свое обѣщаніе, не жертвуя помощью Готто. Маленькіе кудрявые итальянцы съ огненными глазами и смуглой кожей, которую золотили отблески огня, работали, какъ негры невольники. Такая быстрота, подвижность, увлеченіе—развѣ могли бы они такъ

работать, еслибъ съ ними дурно обращались и держали ихъ впроголодь? Онъ сразу успокоился. Однако «разслѣдованіе»-то все таки надо произвести—вѣдь онъ обѣщалъ. Кстати подвернулся Готто. Онъ подозвалъ его. Это былъ красивый мужчина, цвѣтущій, упитанный, гладко выбритый, съ закрученными кверху кончиками усовъ, съ жестокими и ласковыми глазами, съ брильянтовой булавкой въ красномъ галстухѣ; руки у него были жирныя и грязныя, но всѣ пальцы унизаны кольцами. Онъ подошелъ съ улыбкой на губахъ, раскачиваясь торсомъ и бедрами.

— Эй, Готто, послушайте-ка! Правда-ли, что вы колотите вашихъ мальчишекъ, что вы держите ихъ въ подвалѣ и забываете кормить? Мнѣ это одинъ священникъ разсказывалъ.

Подрядчикъ закатилъ глаза и всплеснулъ руками, изобразивъ собой олицетворенный протестъ.—Санта Катерина! Санта Барбара! какъ не грѣшно!.. Вы же ихъ спросите, Муссю, вы только ихъ спросите Я ничего вамъ не скажу, ни одно слово. Пускай же малютки сами скажутъ!

— Какъ же я ихъ спрошу, когда я не знаю по итальянски.

Готто указалъ на двухъ мальчиковъ:—Вотъ онъ знаетъ по французки, Муссю Делемонъ, и вотъ этотъ тоже... Вы ихъ спросите, что хотите. Я не слушаю, я ушолъ, я не хочу, чтобы говорили, что я ихъ научилъ!

Онъ удалился со спокойствіемъ истаго *camorriste*, увѣренный, что его жертвы скорѣй позволятъ вырвать себѣ языкъ, чѣмъ измѣнятъ своеобразному *point d'honneur*, странной добродѣтели *omertá*, дѣлающей жертвы союзниками своихъ палачей, противъ общаго врага—Правосудія.

— Подойдите сюда, мальчики! скажите-ка, хотѣлось бы вамъ вернуться на родину?

Онъ спрашивалъ сердито, рѣзко, словно вырывая признаніе въ преступномъ чувствѣ; оба мальчика приложили руки къ груди и разомъ отвѣтили:—Нѣтъ, нѣтъ, Италія очень бѣдная... Тамъ голодъ... Парижъ красивый городъ!

— Такъ это не правда, что васъ обижаютъ, плохо кормятъ?

Повторилась та же пантомима, только еще выразительнѣе.

— Неправда?—хмуря брови, допытывался Делемонъ.

— Оцень хорошо здѣсь,—увѣрялъ одинъ,—хорошо кусать—никогда голодный.—Другой поддакивалъ:—Синьора Готто оцень добрая... ангелъ... ангелъ бозій А синьоръ!.. О! синьоръ!..

Скрещенныя на груди руки и закатившіеся глаза выражали экстазъ. Делемонъ не замѣтилъ ни поразительной худобы, ни синяковъ на плечахъ, ни общаго истощенія. То, что говорили мальчики, отвѣчало его желаніямъ. Анкета была произведена. Онъ удалился.—Но крикъ—страшный крикъ, прозвенѣвшій въ воздухѣ, заставилъ его обернуться.

Одинъ изъ маленькихъ итальянцевъ, снова принявшихся за работу,

самый ловкій и проворный, не успѣлъ подхватить на лету щипцами бутылку, брошенную ему поддувалой, и раскаленная бутылка угодила ему въ плечо, оставивъ огромную рану. Весь извиваясь отъ боли, онъ, однако, вскрикнулъ только разъ и смолкъ; лицо его, страшно поблѣднѣвшее, все исказилось отъ усилія сдержать стоны; по щекамъ катились крупныя слезы; въ напряженныхъ чертахъ, въ безумномъ выраженіи глазъ звучалъ трагическій крикъ страданья и боли, удержанный страхомъ въ дѣтской груди. Огорченный и растерявшійся поддувала хотѣлъ увести его къ себѣ, говоря, что жена его умѣетъ лѣчить обжоги, Люстро предлагалъ больницу. Но Готто не далъ. Въ больницу? нѣтъ, нѣтъ! Бѣдняжка, онъ не хочетъ въ больницу.—Онъ же пойдетъ со мной.—Синьора помажетъ ему маслицемъ... приложитъ бальзаму... и ничего не будетъ.

И онъ увелъ, почти унесъ мальчика, какъ добычу.

Делемонъ, хмурый и сердитый, запретилъ впередъ бросать бутылки.— Что за нелѣпость! Нельзя же по неосторожности калѣчить мальчишекъ... Вотъ увидите, мы наживемъ съ ними хлопотъ...

Тѣмъ временемъ Алиса и аббатъ отправились въ дѣтскую больницу. Они застали тамъ Бюрье. Стоя передъ узенькой желѣзной койкой, терявшейся въ ряду другихъ такихъ-же коекъ, инспекторъ вглядывался въ темную кудрявую голову съ блѣднымъ лицомъ, которое могло быть прекраснымъ, но теперь было только маской страданія, на которой блестѣли лихорадочно расширенные зрачки. Его вопросовъ ребенокъ не понималъ. Онъ только назвалъ себя: Беппо Трина—потомъ, наудачу, назвалъ городокъ, гдѣ онъ родился—Роккасекка, и смолкъ, лишь время отъ времени бормоча: *Italiano... italiano*!..

Лицо его просіяло при видѣ аббата—Бюрье сухо поклонился, подозрительно и надменно покосившись на рясу. Аббатъ обошелъ кругомъ, сталъ съ другой стороны койки, и тотчасъ же у нихъ съ Беппо завязался разговоръ. Алиса съ минуту прислушивалась, ловя красивые звуки незнакомаго языка, потомъ спросила, что говоритъ больной.

— Говоритъ, что ему хорошо здѣсь,—пояснилъ аббатъ, но не съ кѣмъ поговорить, и онъ скучаетъ... въ особенности по ночамъ, когда не спится... Проситъ написать его родителямъ; я обѣщалъ.

— Что же онъ проситъ имъ написать?—спросилъ Бюрье.

Прежде, чѣмъ отвѣтить, священникъ опять немного поговорилъ съ ребенкомъ.—Что онъ ихъ не забываетъ; чтобъ они не безпокоились о немъ и не пріѣзжали, что *padrone* всегда былъ добръ къ нему,— что если онъ боленъ, такъ на то Божья воля,—что онъ скоро поправится.—На лицѣ инспектора выразилось недовѣріе, почти злоба. Онъ, очевидно, не вѣрилъ тому, что говорилъ священникъ, считалъ его естественнымъ союзникомъ Готто, подозрѣвалъ, что онъ невѣрно пере-

даетъ отвѣты маленькаго Трина, чтобъ отвести отъ него спасительную руку администраціи.

— Онъ это сказалъ? Правда? Можетъ ли быть?

Склонившись надъ больнымъ, Алиса гладила его волосы—прелестные вьющіеся волосы, влажные отъ пота и жалобно прилипавшіе къ вискамъ. И ребенокъ видимо былъ счастливъ этой непривычной лаской, смягчавшей его страданія.

— Какой онъ блѣдный!.. Какой худенькій! Пожалуйста, аббатъ, спросите его, нѣтъ ли у него какого нибудь желанія. Мнѣ бы такъ хотѣлось доставить ему маленькое удовольствіе!

Священникъ спросилъ. Большіе черные глаза побродили немножко по комнатѣ, словно ища чего то вдали отъ этой юдоли страданія, за бѣлыми стѣнами, на волѣ, въ мірѣ блеска и красоты. Но ничего не нашли, чего бы стоило пожелать, и съ непередаваемымъ выраженіемъ оторванности отъ всего земного вновь остановились на лицѣ священника. Тотъ перевелъ взглядъ и слова:—Ему ничего не нужно, мадмуазель... Онъ увѣряетъ, что съ нимъ всегда хорошо обращались...

Беппо, повернувшись, обнажилъ плечо, худое и смуглое, прорѣзанное длиннымъ рубцомъ.

— Смотрите!—вскричала молодая дѣвушка.—Смотрите! Это слѣдъ отъ удара! Это рана!

Мальчикъ торопливо натягивалъ на себя рубашку, чтобы закрыть плечо, бормоча:—*Niente*!—*niente*!

— Надо однако добиться правды,—сказалъ Бюрье.—Случай серьезный; надо все это выяснить.

Лицо его выражало почти угрозу, какъ будто аббатъ Медаль былъ отвѣтственъ на лживыя слова Беппо. Священникъ понялъ этотъ взглядъ.

— Онъ всѣмъ будетъ говорить то-же, что мнѣ—и на судѣ, и подъ пыткой... Если только его не убѣдятъ, что онъ никому не повредитъ, сказавъ правду,—ни себѣ, ни своимъ; что ему нечего бояться его палачей.—И то, пожалуй, ничего не скажетъ, изъ совѣстливости.

Бюрье все еще сомнѣвался, не умѣя понять такихъ странныхъ чувствъ.

— Еслибъ я могъ съ нимъ поговорить! Еслибъ я могъ самъ разспросить его!

— Спрашивайте, сударь; я буду переводить.

Бюрье колебался, все еще не вѣря, стѣсняясь принять такую помощь. Но желаніе знать взяло верхъ надъ предразсудкомъ.

— Скажите ему, что я фабричный инспекторъ... Онъ не пойметъ, все равно! Объясните ему, что я принадлежу къ администраціи—ну, къ правительству, если это ему понятнѣе. Скажите, что ему нечего бояться, что мы могущественнѣе его мучителей и хотимъ наказать ихъ. Объясните ему, что онъ обязанъ сказать правду, въ интересахъ

своихъ товарищей... что онъ находится подъ покровительствомъ государства, правосудія!..

Но все это видимо, не успокаивало Беппо; напротивъ, по мѣрѣ того, какъ священникъ переводилъ ему слова инспектора, лицо его выражало все возраставшій испугъ и наконецъ, при словѣ «правосудіе»—полный ужасъ. Онъ замахалъ руками, словно что то отталкивая отъ себя, потомъ сложилъ ихъ на груди.—Нѣтъ, нѣтъ!—твердилъ онъ на своемъ родномъ нарѣчіи.—Намъ хорошо, намъ очень хорошо!.. Насъ никто не обижаетъ! Если я боленъ, на то Божья воля.

Алиса выпрямилась, блѣдная отъ волненія: Эта ложь была тѣмъ мучительнѣй, что это бѣдное изнеможенное тѣло все въ синякахъ и кровоподтекахъ, этотъ ужасъ въ глазахъ вопіяли правду.

— Скажите ему, что мнѣ все извѣстно,—продолжалъ Бюрье, начиная горячиться.—Скажите, что нѣтъ смысла меня обманывать, что все равно его *padrone* и *синьору* арестуютъ, посадятъ въ тюрьму...

Невыразимый ужасъ смотрѣлъ изъ глазъ Беппо; въ лихорадочномъ жару ему уже чуялось осуществленіе жестокихъ угрозъ *padrone*:—А кто вздумаетъ жаловаться, тому я вырву языкъ, разорву печень его отца, задушу его кишками его матери!..

Онъ протянулъ руку, лепеча:

— Намъ хорошо!.. Клянусь! Намъ хорошо, муссю! Синьоръ Готто—отличный человѣкъ... А синьора—о! синьора! Святая! Мадонна!

Мучимый страхомъ, онъ напрягалъ всю энергію, защищая своихъ палачей. Инспекторъ вышелъ изъ себя, повысилъ голосъ:—Скажите ему, что, если онъ будетъ такъ лгать, и его накажутъ вмѣстѣ съ другими, какъ только онъ выздоровѣетъ—что его тоже посадятъ въ тюрьму.

На этотъ разъ аббатъ покачалъ головой:

— Нѣтъ, сударь, этого я ему не скажу; онъ и такъ слишкомъ напуганъ, этотъ ребенокъ; дайте ему умереть спокойно!.. Позвольте, я самъ поговорю съ нимъ, по своему; можетъ быть, я добьюсь большаго.

Онъ наклонился надъ больнымъ съ улыбкой на губахъ и въ глазахъ. Красивыя, звучныя слова падали съ его устъ. Онъ говорилъ Беппо о его родинѣ, о семьѣ, которая думаетъ о немъ и ждетъ его возвращенія, о Богѣ, защитникѣ слабыхъ, болѣе могущественномъ, чѣмъ злые люди. Приподнявшись на подушкахъ, ребенокъ долго хранилъ свой упрямый видъ; губы его были крѣпко стиснуты, глаза смотрѣли въ одну точку; онъ словно замкнулся въ своей лжи. А слова священника звучали все нѣжнѣе, почти какъ рѣчи матери надъ любимымъ ребенкомъ, когда у изголовья его уже витаетъ смерть. Беппо нашелъ руку священника и поцѣловалъ ее; страхъ его таялъ; глаза наполнились слезами; и вдругъ, въ порывѣ отчаянія затравленнаго существа, которое ищетъ убѣжища, онъ съ плачемъ кинулся на шею аббату:

— Да, да, уѣхать... Уѣхать!.. Сейчасъ! *Padrone*—дьяволъ! А синьора... О, Санта Лючія, избавь меня отъ нихъ!

Страшный приступъ кашля вырвалъ его изъ рукъ аббата и бросилъ впередъ на постель. Алиса поспѣшила поддержать его, потомъ, когда кашель успокоился, уложила его опять на подушки.

— Вы хотѣли правды, г. инспекторъ,—сказалъ аббатъ,—вотъ она!

— Ахъ, мерзавецъ!—воскликнулъ молодой человѣкъ и тотчасъ понизилъ голосъ.—Но какъ ихъ уличить? Я чувствую, что они насъ надуваютъ, и не могу ихъ поймать!.. И есть другіе, ихъ сообщники, честные люди, которые наживаются на страданіяхъ и смерти!— Онъ не видѣлъ предостерегающаго взгляда священника, который, приложивъ палецъ къ губамъ, указывалъ ему на Алису.—Повѣрите ли? Не далѣе, какъ сегодня утромъ я видѣлъ такого же несчастнаго ребенка: хилый, тщедушный, жалкій—и изъ него во что бы то ни стало хотятъ сдѣлать рабочаго на стеклянномъ заводѣ.—Это все равно, что убійство! И примите во вниманіе, г. аббатъ, что это не чужой—родной племянникъ самого патрона...

Аббатъ сжалъ его руку, шепча:

— Мадемуазель Делемонъ!

Молодая дѣвушка слышала. Она проглотила слезы и выпрямилась съ красивымъ, гордымъ жестомъ вызова.

— Повѣрьте, милостивый государь, если бъ только отецъ мой зналъ...

И запнулась, чувствуя, что и она готова солгать, какъ этотъ бѣдный, больной мальчикъ, чтобы спасти своего господина. Недоконченная фраза застряла у нея въ горлѣ. Она сконфуженно, какъ виноватая, закрыла лицо руками. И мужчины, смущенные видомъ этой непритворной и благородной скорби, слышали, какъ она шептала:

— О, это ужасно! Ужасно! *).

ЧАСТЬ III.

I.

Всегда корректный, уравновѣшенный, не слишкомъ чувствительный Антуанъ Бюрье строго выполнялъ свои обязанности, но больше изъ преданности закону, чѣмъ изъ любви къ людямъ. И все же видъ

*) Идея и нѣкоторыя подробности этого эпизода взяты мной изъ дѣйствительности. См. между прочимъ, статьи маркиза Паулуччи ди Камболи въ „Riforma Sociale“ (15 іюня 1897) и въ „Revue des Revues“ (1 сентября 1897 г. и 15 апрѣля 1898 г.); статьи Джузеппе Прато и Луиджи Эйнауди въ „Rif. Sociale“ (*разс.* 11, годъ 8-й, т. XI) и Дж. Прато въ „Rassegna nazionale“ (1901 и 1903); а также доклады, напечатанные въ бюллетеняхъ „Общества помощи итальянскимъ эмигрантамъ въ Европѣ и на Востокѣ“ (1-е іюня и іюль, октябрь 1901 г.) любезно переданные мнѣ г. Прато).

агоніи умирающаго ребенка взволновалъ его такъ, какъ онъ не считалъ себя способнымъ волноваться: жалость, гнѣвъ, негодованіе, горячее желаніе вступиться за слабыхъ, отстоять ихъ отъ тираніи сильныхъ, поднялись въ его душѣ. Ему мерещилось блѣдное личико Беппо, тоскующіе черные глаза и рядомъ—кроткое, серьезное лицо Алисы Делемонъ, красивый вызывающій жестъ и оборванная фраза, которой совѣсть не позволила докончить, и эта смѣна выраженій въ не умѣющихъ лгать чертахъ. И онъ мысленно любовался этимъ образомъ, который скоро вытѣснилъ собою другой. Онъ сопровождалъ его и на службу,—гдѣ директоръ снова говорилъ съ нимъ о маленькихъ итальянцахъ, о жалобахъ посольства на то, что мэріи слишкомъ легко выдаютъ имъ свидѣтельства, и о томъ, что администрація не можетъ собрать уликъ—и въ студенческій ресторанъ, гдѣ онъ обѣдалъ. Жуя ростбифъ и придумывая разные хитроумные способы раскрыть истину, Бюрье въ то же время представлялъ себѣ отчаяніе молодой дѣвушки, когда она узнаетъ, что отецъ ея привлеченъ къ суду по обвиненію въ сообщничествѣ съ мошенниками. И странно, какъ отъ этой мысли вдругъ остыло его служебное рвеніе. Въ ресторанѣ было шумно и душно, а вечеръ свѣжій, прелестный; онъ поспѣшилъ уйти, прошелся по бульварамъ, потомъ по Елисейскимъ полямъ. Тамъ сновали экипажи, мелькали свѣтлыя платья, шляпы съ цвѣтами; въ воздухѣ носились ароматы духовъ, звуки музыки, разливалась радость жизни. Бюрье невольно поддавался ей. Потомъ онъ сталъ думать о неравенствѣ общественныхъ положеній, лишающихъ столькихъ людей этой радости жизни. Рядомъ со счастливыми сколько здѣсь нищихъ, примиренныхъ бѣдняковъ, подбирающихъ окурки сигаръ... Алиса и Беппо Тирина, съ такими путаными мыслями въ головѣ онъ шелъ домой.

Жилъ онъ въ небольшой холостой квартиркѣ, въ улицѣ Виноградниковъ. Въ окно, выходившее на Сену, ночью виднѣлись тысячи звѣздочекъ, дрожавшихъ въ пространствѣ, то передвигавшихся, то неподвижныхъ; а днемъ—высокія трубы Гренелля, выбрасывавшія клубы дыма всевозможныхъ оттѣнковъ, отъ чуть сѣроватаго до чернаго, густого, какъ сажа. Въ эти часы дыма уже не было, или онъ сливался съ сумракомъ. И пока онъ искалъ во мракѣ обычной картины, образъ Алисы снова всталъ передъ нимъ, какъ милый дружественный призракъ, тихо выдѣлившійся изъ пейзажа. И молодой человѣкъ на мигъ отдался сладости чувствовать ее вблизи себя, лишь немного болѣе туманной и менѣе реальной, чѣмъ смутныя очертанія предметовъ вдали. Но прошла минута—онъ улыбнулся и пожалъ плечами, словно передъ нимъ промелькнуло невѣроятное видѣнье на экранѣ волшебнаго фонаря. Дѣйствительно, невѣроятно: онъ видѣлъ себя, Антуана Бюрье, фабричнаго инспектора, прирожденнаго врага всѣхъ фабрикантовъ, просящимъ у Альсида Делемона руки его дочери! Онъ такъ отчетливо видѣлъ, какъ вытяну-

лось лицо заводчика, слышалъ унизительный отказъ, видѣлъ себя уходящимъ, понуривъ голову, сгорбившись, какъ побѣжденный... Онъ былъ хоть молодъ, но практиченъ, и не стремился къ невозможному. Являлись и у него неосуществимыя желанія—съ кѣмъ не бываетъ!—но онъ отгонялъ ихъ, заставляя себя думать о другомъ. Вѣдь не пришло же ему въ голову въ Елисейскихъ поляхъ зайти въ дорогой ресторанъ, заказать тонкій обѣдъ, выпить шампанскаго въ обществѣ какой-нибудь шикарной дѣвицы, сверкающей драгоцѣнностями. Всѣ эти роскоши не для него и не соблазняли его, хотя порой онъ не прочь былъ замѣнить свою копѣечную сигару настоящей *londrès* и выпить полбутылки *масонъ* или *божалэ*, вмѣсто кисленькаго столоваго. И здѣсь онъ разсуждалъ аналогично: дѣвица Делемонъ, конечно, выйдетъ замужъ за какого-нибудь крупнаго фабриканта, дѣльца и афериста, вродѣ ея папаши, и сама станетъ потомъ такой же, какъ всѣ въ ея кастѣ,—эгоисткой, равнодушной, безсознательно жестокой. У него невольно вырвалось: «Жаль!» И тотчасъ-же онъ сказалъ себѣ: «А мнѣ какое дѣло?»

Тѣмъ временемъ Алиса тоже сидѣла у окна въ своей комнатѣ, переживая впечатлѣнія дня. Передъ нею вырисовывались во мракѣ зданія фабрики; рабочій городокъ, освѣщенный изнутри, отбрасывалъ отъ себя длинныя тѣни; отблески ближней доменной печи красноватымъ свѣтомъ врѣзывались во тьму. Она думала обо всѣхъ тяжелыхъ и мрачныхъ сторонахъ жизни, которыя знала до сихъ поръ только по наслышкѣ и весь трагизмъ которыхъ впервые ощутила сегодня, у постели маленькаго Беппо,—думала и о Бюрье.

Молодой человѣкъ понравился ей, хотя въ этой внезапной симпатіи вовсе не было сентиментальнаго оттѣнка; его дѣятельность была ей не менѣе симпатична, чѣмъ его личность. Алиса Делемонъ была изъ тѣхъ, кто въ конфликтахъ нашего времени идетъ противъ своего класса. Въ своемъ кругу она видѣла только пороки—алчность, эгоизмъ, жестокость—не разбираясь, насколько все это обусловливается самымъ фактомъ владѣнія. Ея сочувствіе было безраздѣльно отдано случайнымъ жертвамъ этихъ вѣчныхъ пороковъ, которые бережно хранятъ и только шлифуютъ ихъ, поднимаясь по общественной лѣстницѣ, вчерашніе обездоленные, завтрашніе эксплоататоры. Она не хотѣла принимать въ расчетъ условій конкуренціи, запрещающей побѣдителямъ разнѣживаться и, почивъ на лаврахъ, складывать оружіе и щиты. Женщина прежде всего, она больше дорожила жалостью, чѣмъ силой, идеалистка, она мечтала не о побѣдѣ, о справедливости; никакія кастовыя, семейныя расовыя соображенія не смущали ея юной прямолинейности. Великая и опасная формула *Pereat myndus* опьяняла ее своимъ призрачнымъ благородствомъ, и подобно многимъ другимъ, также великодушно трудившимся на пользу систематическаго распада,

думая, что они создаютъ новый міръ, гдѣ, наконецъ, осуществятся ихъ великія мечты, она трудилась надъ созданіемъ новыхъ формъ тираніи и несправедливости.

Надо сказать, что весь ея жизненный опытъ толкалъ ее на этотъ путь; видя, сколько жертвъ приноситъ ея отецъ культу наживы, она начинала ненавидѣть этого Молоха, губящаго естественныя чувства, семейныя привязанности, доброту, благожелательства, радости жизни. До сихъ поръ она встрѣчала только рабочихъ, надсмотрщиковъ, купцовъ и фабрикантовъ—все разновидности одного и того же типа, поглощенные работой, которой она не любила, заботами, которыя она считала корыстными или мелкими. Бюрье у постели больного мальчика предсталъ предъ нею, какъ избавитель. Онъ воевалъ съ ея врагами. Онъ жилъ не для наживы. Онъ боролся съ эгоизмомъ патроновъ. Онъ отстаивалъ интересы слабыхъ. Онъ былъ какъ бы представителемъ новаго божества, государства, которому поклонялись всѣ ея любимые авторы. Онъ былъ облеченъ благодѣтельной властью, которой пользовался серьезно и съ вѣрой въ свое призваніе. Бѣлокурый, какъ рыцарь свѣта, онъ казался ей окруженнымъ ореоломъ миссіонеровъ, которымъ женщины поклоняются за тѣ истины, которыя они проповѣдуютъ, раньше чѣмъ отдать имъ слабость своего сердца и плоти.

Впрочемъ, сильныя волненія, переживаемыя ею, не способствовали сентиментальнымъ грезамъ; любовь не прививается въ тревожной душѣ, а ея душа была глубоко взволнована. До сихъ поръ она считала своего отца человѣкомъ суровымъ, властнымъ, непреклоннымъ выше всего ставящимъ свой интересъ, но въ то же время безупречно прямымъ и порядочнымъ, неспособнымъ на безчестный поступокъ. Она уважала его: честность возмѣщала въ ея глазахъ недостатки, присущіе его кастѣ, и вдругъ она увидѣла его безсознательнымъ сообщникомъ какого-то пирата, эксплоататора, мошенника, паразита, убійцы. Эту страшную заразу онъ внесъ даже въ свой собственный домъ: одно слово инспектора освѣтило Алисѣ его поведеніе относительно Валентина. Здѣсь онъ уже нарушалъ не законъ, несовершенный и спорный, но священную солидарность семьи, солидарность самой расы, заставляющую каждаго взрослаго человѣка, достойнаго этого имени, оказывать покровительство и защиту ребенку. Сколько разъ она защищала отца отъ нападокъ суроваго доктринера—Бернара, а теперь и она не могла быть снисходительной. Чистая совѣсть, не знающая компромиссовъ, мало-по-малу ожесточающихъ сердце, она осуждала.

Делемона не было дома. Дочь еще не спала, когда онъ вернулся. Она слышала, какъ онъ заперъ дверь, поднялся по лѣстницѣ, прошелъ по корридору, хотѣла окликнуть его и не рѣшилась. На другое утро, когда она встала, онъ уже давно ушелъ на фабрику; она видѣла, какъ онъ ходилъ по двору, распоряжался, отдавалъ приказанія, какъ всегда, озабоченный и дѣловитый. Къ завтраку онъ привелъ съ собою Сутра.

Завтракъ прошелъ еще менѣе оживленно, чѣмъ всегда; Делемонъ думалъ о чемъ-то своемъ; Сутръ пытался было вести разговоръ, но ему отвѣчали коротко, и онъ скоро истощилъ всѣ свои темы. Когда подали кофе, Алиса сказала:—Папа, я была вчера у больного итальянскаго мальчика.

Мачеха подняла на нее равнодушный, ничего не выражающій взглядъ. Сутръ раскрылъ глаза:—Какъ такъ, одна?

Алиса дорожила своею независимостью.

— Да, одна. Въ госпиталѣ меня встрѣтилъ аббатъ Медаль.

— Ну что, какъ его здоровье?—разсѣянно спросилъ Делемонъ.

— Очень худо. Нѣтъ никакой надежды спасти его.

— А! Бѣдняжка.

— Тамъ у него сидѣлъ фабричный инспекторъ,—продолжала Алиса.

— Бюрье? Что ему тамъ нужно было, этому животному?—Лицо его омрачилось, какъ будто одного упоминанія объ этомъ человѣкѣ было достаточно, чтобы привести его въ дурное расположеніе духа. Обернувшись къ Сутру, онъ прибавилъ:—Держу пари, что онъ искалъ уликъ противъ насъ.

Его помощникъ держалъ въ своей огромной лапищѣ маленькую, тонкую чашку и размѣшивалъ сахаръ; не переставая поворачивать ложечку, онъ отвѣтилъ:—Что же онъ можетъ сдѣлать? На заводѣ съ дѣтьми обращаются превосходно, остальное насъ не касается.—Само собой,—задумчиво выговорилъ Делемонъ, — но не забывайте, что они все время къ намъ придираются; они рады будутъ первому попавшемуся предлогу.—Вице-директоръ отвѣдалъ кофе, нашелъ, что онъ достаточно сладокъ, разомъ осушилъ свою чашечку и со вздохомъ выговорилъ:—Когда же, наконецъ, они оставятъ насъ въ покоѣ?..

Алиса посмотрѣла на него: глаза ея какъ будто въ первый разъ проникли дальше этого лба и внутри нашли только пустоту. И въ первый разъ она почувствовала нѣчто вродѣ отвращенія къ этой животной силѣ, и тотчасъ же передъ нею промелькнулъ болѣе утонченный образъ Бюрье.

Всѣ молчали. Эстелла налила рюмку анисовки Сутру, тотъ не глядя поблагодарилъ.

— А, Валентинъ? — продолжала Алиса. Ей показалось что мужчины переглянулись при этихъ словахъ какимъ то особымъ знакомъ. Отецъ ея поднялся и подозвалъ къ себѣ своего помощника говоря:— Онъ здоровъ. Кажется, Данціенъ имъ доволенъ; идемте Сутръ.

Гигантъ тоже поднялся не безъ усилія надъ собой. Ему было хорошо въ кругу этой семьи, которую онъ уже считалъ своею, среди этого комфорта, который онъ принималъ за роскошь. Онъ охотно выпилъ бы еще другую и третью чашку кофе послаще, но Делемонъ сказалъ, надо было повиноваться. Алиса словно не замѣтила его добраго преданнаго взгляда и простилась съ нимъ очень сухо. Но

онъ не смутился этимъ. Ему и въ голову не приходило, чтобы кто-либо или что-либо осмѣлилось противиться волѣ его патрона: разъ патронъ обѣщалъ ему свою дочь, чего же бояться? За то Эстелла удержала его руку въ своей, говоря:

— Вы скоро придете къ намъ обѣдать, мосье Сутръ, неправда-ли?

Онъ не чувствовалъ, какъ дрожала маленькая ручка въ его рукахъ, не угадалъ, почему такъ вздрагивалъ голосъ, и разсѣянно отвѣтилъ:

— Да, мадмуазель!

Эстелла думала, что поѣздка въ больницу подняла престижъ ея сестры въ глазахъ жениха, и на другой день сама поѣхала вмѣстѣ съ нею съ конфектами, цвѣтами, съ готовыми милыми фразами сострадания. Но онѣ опоздали: неизбѣжное уже совершилось. Дѣвушки роздали свои подарки другимъ маленькимъ больнымъ, съ удивленнымъ равнодушіемъ разглядывавшимъ нежданные подарки. Дѣвушки вернулись домой взволнованныя и, не найдя отца на заводѣ, вернулись въ контору.

— Папа, маленькій Беппо умеръ.

Имъ казалось, что отъ этой новости погаснутъ всѣ печи, и встанетъ работа. Делемонъ, отправлявшій почту, сказалъ:

— А, чертъ... и продолжалъ дописывать начатое письмо.

— Мы видѣли его,—разсказывала Эстелла,—ты не можешь себѣ представить, какъ онъ былъ красивъ со своими прелестными черными волосами, и такое спокойное лицо.

Алиса прибавила вздрогнувъ:—Видѣть, какъ умираетъ ребенокъ, одинъ, вдали отъ семьи, отъ родины, на больничной койкѣ... какой ужасъ!..

Делемонъ вложилъ оконченное письмо въ желтый конвертъ, запечаталъ, надписалъ адресъ и сказалъ:—Да, это дѣйствительно очень печально.

— О, папа!—вскричала Алиса, съ мольбою сжавъ руки.

Онъ не почувствовалъ укора и понялъ только, что дочери его растроганы:—Лучше бы вы не ходили туда второй разъ, все равно не поможешь, къ чему гоняться за такими впечатлѣніями!—И такъ какъ онѣ не уходили, онъ продолжалъ по ассоціаціи идей, которая не ускользнула отъ нихъ: — Кстати, маленькій Валентинъ не вернется на заводъ, онъ положительно слишкомъ слабъ для этой работы; *мнѣ пришло въ голову* послать его къ врачу. Вонъ лежитъ отзывъ, можешь прочесть, Алиса, ты вѣдь интересуешься этимъ ребенкомъ. Не особенно утѣшительно.

Пробѣгая листки, испещренныя медицинскими терминами, молодая дѣвушка думала только о томъ, что отецъ ея сейчасъ при ней солгалъ, говоря, что ему самому пришла мысль показать Валентина врачу, когда на самомъ дѣлѣ этого потребовалъ инспекторъ. Она посмотрѣла ему прямо въ глаза и сказала:

— Тѣмъ лучше! Изъ-за чужихъ мальчиковъ и то обидно имѣть непріятности съ администраціей, а ужъ изъ-за родственника и подавно.

Не зная, какой разговоръ имѣла въ больницѣ его старшая дочь съ инспекторомъ стеклозаводчикъ по привычкѣ, безсознательно или изъ гордости еще усилилъ свою ложь, возразивъ: — Администрація здѣсь не при чемъ.

Алиса покраснѣла за него, но онъ продолжалъ: — Я сдѣлалъ, что могъ, и вотъ теперь и не вышло ничего изъ нашего плана, ну тамъ видно будетъ, что дальше; потолкуемъ съ Романешемъ, вѣдь опекунъ-то въ концѣ концовъ онъ, а не я. — И онъ снова принялся за письма.

На дворѣ молодыя дѣвушки встрѣтили Сутра и подозвали, чтобы сообщить ему грустную новость.

— О, мосье Сутръ, еслибы вы его видѣли, — съ жаромъ говорила Эстелла,—еслибы вы видѣли, какой онъ блѣдный! И какіе прелестные черные волосы! Ангелъ, настоящій ангелъ, какъ на старинныхъ картинахъ.

Сутръ, повидимому, принялъ это больше къ сердцу, чѣмъ его патронъ. Лицо его опечалилось, но, отвѣчая, онъ смотрѣлъ только на Алису.—Да, все это такъ печально и такъ ужасно!.. Дѣлаешь, что можешь, чтобы облегчить, но ничего не можешь сдѣлать — вотъ бѣда.

На глазахъ Эстеллы выступили слезы, но не слезы жалости къ маленькому Беппо; она плакала о томъ, что *онъ* никогда не смотритъ на нее, не отвѣчаетъ на ея вопросы, что она для него какое-то маленькое незначительное существо, теряющееся въ счастливой тѣни своей сестры.

Въ началѣ слѣдующей недѣли Бюрье снова появился на заводѣ. Онъ нарочно оттянулъ свой визитъ, чтобы дать время Делемону исправить все необходимое, самъ себѣ не сознаваясь въ томъ, что побуждало его къ такой снисходительности. Онъ не ошибся; дѣтей уже не было; ихъ замѣнили юноши, болѣе здоровые, лучшіе на видъ, болѣе упитанные.—«А?—подумалъ онъ,—испугался негроторговецъ»!—Онъ былъ увѣренъ, что Готто разослалъ дѣтей по другимъ департаментамъ, гдѣ слабѣе надзоръ, и сюда поставилъ свой лучшій товаръ; это доказывало, что дѣло его хорошо организовано и ведется на широкую ногу. Несмотря на успокоительную внѣшность новыхъ «мальчишекъ», онъ все-таки потребовалъ книжки и былъ пораженъ, встрѣтивъ тамъ фамилію *Трина* и просилъ показать ему, кто носитъ эту фамилію. Вышелъ подростокъ лѣтъ 15-ти, статный, красивый. На всѣ вопросы объ его умершемъ маленькомъ братѣ, онъ только улыбался и скалилъ бѣлые зубы. Готто, вихлявшійся тутъ же, предложилъ было свое посредничество, но инспекторъ презрительно усмѣхнулся, и «негроторговецъ» съ папиросой въ губахъ пошелъ дальше, раскачиваясь всѣмъ корпусомъ, сдвинувъ на бокъ свою шляпу съ двумя козырьками, по-

шелъ навстрѣчу хозяину съ видомъ человѣка, который очень доволенъ собой и ждетъ себѣ только похвалъ.

Делемонъ самъ остановилъ инспектора и разыгралъ съ нимъ маленькую комедію добродушной любезности, которую онъ умѣлъ разыгрывать по нуждѣ, или смотря просто по настроенію. Въ такія минуты онъ казался другимъ человѣкомъ; рѣзкія морщины на его лицѣ исчезали, онъ улыбался; взглядъ его постоянно мѣнялъ выраженіе, онъ говорилъ отрывистыми короткими фразами по немножку обо всемъ.

— А вы и не подозрѣваете, что оказали мнѣ услугу, г-нъ инспекторъ? Докторъ-то отсовѣтывалъ мнѣ держать здѣсь моего племяша, вы помните? Грудь, говоритъ, слабая... Вотъ ужъ не думалъ, у насъ и въ роду-то никто не болѣлъ грудью... Откровенно говоря, я не слишкомъ-то вѣрю врачамъ, они всегда ужъ все этакое выдумываютъ... Но все-таки предположите что мальчуганъ расхворался бы у меня на заводѣ... При этомъ у меня еще зять есть въ родѣ васъ. Да, да, соціалистъ, коллективистъ, государственникъ,—все, что хотите, и приэтомъ его опекунъ. Воображаю, чтобы онъ сталъ говорить.

«Однако здорово онъ должно быть набрался страху, что сталъ такъ любезенъ»,—думалъ Бюрье, но вслухъ сказалъ только. Вы видите что и наши придирки имѣютъ свои хорошія стороны.

Делемонъ не простеръ свою любезность до того, чтобы согласиться съ этимъ:—Нда, не часто, не часто. Видѣли вы моихъ новыхъ носильщиковъ? Про этихъ вы ужъ не скажете, что они смотрятъ моложе своихъ лѣтъ.

— Дѣйствительно, тринадцать имъ смѣло можно дать.

— И пятнадцать и шестнадцать, дорогой мой! Вы какъ будто недовольны? Сознайтесь что вы спрашиваете это нарочно, чтобы подразнить меня.

Бюрье энергично запротестовалъ:—Вовсе нѣтъ! Увѣряю васъ, напротивъ, я въ восторгѣ, что мнѣ не къ чему придраться, я только желалъ бы, чтобы всегда было такъ.

— Я тоже! Вѣдь ужъ кажется, какъ я стараюсь исполнять вашъ проклятый законъ, но что подѣлаешь, что нельзя, то нельзя. Надо вѣдь знать наше дѣло. У него свои требованія, а у меня вовсе нѣтъ охоты гасить печи.

— Ну, вы скорѣй прибавите новыхъ, г-нъ Делемонъ. Стоитъ побывать на вашемъ заводѣ, чтобы убѣдиться, что онъ работаетъ превосходно и что дѣло на немъ ведется умѣло, какъ рѣдко гдѣ.

Эта похвала изъ устъ человѣка понимающаго была пріятна заводчику.—Дѣлаешь, что можешь,—сказалъ онъ,—выходило бы и лучше, если бы никто не бросалъ намъ палокъ въ колеса... Но теоретики такъ затрудняютъ жизнь людямъ дѣла... До свиданья, г-нъ инспекторъ.

Ободренный почти дружескимъ тономъ разговора, Бюрье закончилъ

шуткой:—Вы бы предпочли сказать прощайте, не правда ли?—засмѣялся онъ.

Делемонъ тоже засмѣялся:—нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ, я ничего противъ васъ не имѣю, напротивъ, я люблю людей, которые хорошо дѣлаютъ свое дѣло... Честное слово,—и онъ пожалъ ему руку.

Бюрье ушелъ, удивленный такой любезностью; въ душѣ его роились смутныя надежды: «Въ сущности этотъ заводчикъ не такъ ужъ свирѣпъ, въ жизни бываютъ и болѣе невѣроятные романы»!.. На мостикѣ онъ встрѣтилъ Алису съ Эстеллой, Сутромъ и Валентиномъ. Валентинъ первый узналъ его, сжалъ руку Алисѣ и воскликнулъ: «Онъ!» Въ этомъ возгласѣ вылилась вся его благодарность своему избавителю. Молодая дѣвушка слегка повернула голову въ сторону Бюрье, тотъ поклонился ей. Послѣ минутной нерѣшимости маленькая группа остановилась.

— Здравствуйте, г-нъ инспекторъ.

— Здравствуйте, мадемуазель.

Они стояли не зная что сказать другъ другу подъ удивленными взглядами Эстеллы и Сутра, тоже остановившихся. Сутръ почувствовалъ, что его антипатія къ инспектору удвоилась, самъ не зная почему.

— Вы узнали о смерти этого бѣдняжки Трины,—спросила Алиса.

— Да мадмуазелль, вы видѣли его?

— Нѣтъ. Когда мы на другой день пришли въ больницу съ сестрой, онъ уже умеръ.—Она посмотрѣла на Эстеллу, та повторила—«онъ былъ очень красивъ!»

И опять всѣ смолкли, словно единственная тема разговора, возможная между ними, уже истощилась. Сутръ дѣлалъ видъ, что любуется пейзажемъ.

— Сколько страданій,—пробормоталъ Бюрье.

— Хотѣлось бы отдать жизнь, чтобы облегчить ихъ,—сказала Алиса.

Валентинъ не выдержалъ, схватилъ руку Бюрье, глядя на него съ пылкимъ обожаніемъ.

— Ахъ, это тотъ мальчуганъ,—сказалъ инспекторъ.—Я было не узналъ его въ этомъ красивомъ нарядѣ. Такъ ты не будешь работать на стеклянномъ заводѣ? Ты радъ, а? Что же ты будешь дѣлать?

— Я буду учиться!

— Да,—подтвердила Алиса.—Онъ поступаетъ въ лицей. Мой отецъ рѣшилъ не перечить его врожденнымъ наклонностямъ.

Она была счастлива разсказать о хорошемъ поступкѣ отца. Бюрье поспѣшилъ сказать:—Это очень великодушно съ его стороны. Вообще, г. Делемонъ гораздо лучше, чѣмъ кажется

Эстелла и Сутръ, словно сговорившись, упорно молчали. Продолжать разговоръ становилось невозможнымъ.

— Прощайте, инспекторъ.

— Прощайте, мадемуазель.

Бюрье потрепалъ по щекѣ Валентина, поклонился другимъ. Сутра дотронулся до края шляпы; Эстелла слегка наклонила голову. И разошлись—трое въ одну сторону, четвертый въ другую. Но каждый унесъ съ собой какое-то новое неопредѣленное ощущеніе: словно предчувствіе, что онъ еще не знаетъ, какъ слѣдуетъ, ни себя, ни другихъ, когда-нибудь, можетъ быть узнаетъ.

II.

Въ началѣ апрѣля Романеши обыкновенно всей семьей переѣзжали въ деревню Кошрель, гдѣ они были единственными «буржуа», нанимали небольшую дачку съ садикомъ, и здѣсь начиналась настоящая жизнь. Клара устраивалась подъ деревомъ на лужайкѣ, давъ волѣ своей природной добродушной и веселой лѣни, отдыхая отъ хозяйственныхъ заботъ, удручавшихъ ее остальное время года. Мальчики бѣгали, карабкались на холмы, купались или катались на наемной лодкѣ. У Романеша весь день былъ распредѣленъ между садовничаньемъ, прогулкой, чтеніемъ и рыбной ловлей. Онъ наслаждался природой методически, зная, въ какое время дня лучше всего любоваться такимъ-то видомъ, какимъ шагомъ здорово ходить, насколько глубоки должны были быть вдыханія, чтобъ обновлять весь воздухъ въ легкихъ и что для полнаго умственнаго отдыха надо думать о томъ, что видишь. Неизмѣннымъ спутникомъ его былъ Валентинъ, котораго пугала бурная шаловливость его кузеновъ. Мальчикъ терпѣть не могъ садовничества и былъ такъ разсѣянъ, что рыбы постоянно срывали у него приманку; зато на урокахъ латинскаго языка, которыя давалъ ему дядя, онъ весь обращался въ слухъ и въ благодарность съ восторгомъ слушалъ его разглагольствованія.

А Романешъ разглагольствовалъ всегда—и съ удочкой, и съ заступомъ въ рукѣ, и на ходу, и даже читая,—вялымъ, ровнымъ сдобнымъ голосомъ, производившимъ впечатлѣніе какой-то тепленькой влаги съ приторнымъ запахомъ. Рѣчь его лилась плавно, изукрашенная классическими образами, безъ красокъ, безъ интонацій, не требовавшая и не вызывавшая репликъ. Жена никогда его не слушала, дѣти тоже; зато Валентина онъ съ утра до ночи поучалъ исторіи и политикѣ, при чемъ и о людяхъ, и о вещахъ судилъ всегда категорически. Въ этомъ году онъ особенно нервничалъ, вслѣдствіе агитаціи передъ общими выборамя, обостряемой послѣдними расказами панамской грозы, и радовался пріѣзду шурина, предвкушая обычные горячіе споры.

Разъ въ годъ, лѣтомъ на дачѣ Романеши принимали у себя своихъ богатыхъ родственниковъ. Обыкновенно это бывало въ первое сентябрьское воскресенье. Делемонъ, не любитель сельскихъ удоволь-

ствій, снисходилъ къ желаніямъ своихъ домашнихъ; Романешъ по мѣрѣ средствъ, старался, чтобы все было, какъ слѣдуетъ. Въ гостинницѣ брали напрокатъ большой столъ и ставили его въ саду гдѣ милліонеръ доступенъ былъ взорамъ сосѣдей. Эта доставляла рыбу, мельничиха свѣжіе яйца и птицу, ферма—сливочный сыръ; саладъ срывали въ саду передъ тѣмъ; какъ садиться за столъ. Все это вмѣстѣ составляло весьма приличное меню, а хорошій аппетитъ послѣ поѣздки служилъ приправой. Романешъ неизмѣнно въ буколическихъ фразахъ восхвалялъ простыя блюда, свѣжіе плоды, пѣнистый сидръ. Но Делемонъ, не умѣвшій наслаждаться радостями жизни, предпочиталъ сидру воду и не умѣлъ отличить щуки отъ окуня, ни свѣжихъ яицъ отъ лежалыхъ.

Въ этомъ году маленькій праздникъ былъ отложенъ, на цѣлую недѣлю, потому что Романешъ ѣздилъ на избирательныя собранія и въ своемъ собственномъ округѣ дважды принималъ участіе въ подачѣ голосовъ. Жена его жалѣла потраченныхъ денегъ, находя такой расходъ непроизводительнымъ, но Романешъ и слушать не хотѣлъ:—Ты знаешь, я сторонникъ обязательной подачи голосовъ—долженъ же я подавать примѣръ. А что касается собраній, то это—чудесная школа. Самъ я не говорю, но дѣлаю тамъ наблюденія, которыя могутъ пригодиться! Кто знаетъ, быть можетъ скоро...

Онъ не договаривалъ и не доводилъ до конца своей мечты, а Клара урѣзывала себя на необходимомъ, съ обычнымъ добродушіемъ говоря:—Ну что-жъ, если тебѣ охота играть роль, не удивляйся, что я замѣняю мясо макаронами.

Захваченный выборной горячкой, Романешъ горѣлъ желаніемъ сразиться съ шуриномъ, и какъ ни уклонялся Делемонъ, за обѣдомъ споръ возгорѣлся. Хозяинъ дома восхвалялъ благодѣтельный панамскій скандалъ, который долженъ былъ ускорить переходъ власти къ партіи реформъ, партіи честныхъ людей.—Послѣ блестящаго воскреснаго успѣха наша программа предначертана заранѣе. Народъ ясно выразилъ свою волю; его избранники должны повиноваться.—И, вытащивъ изъ кармана послѣдній нумеръ «Petite République», онъ началъ читать характерныя выдержки изъ передовой статьи «*Необходимое орудіе*» Поля Брусса.

«*Конституція 1875 года никуда негодное политическое орудіе*, *отъ котораго настоятельно необходимо избавиться. Всякое другое будетъ лучше...*» Вотъ вамъ первый пунктъ программы. Двадцать лѣтъ мы работаемъ плохимъ орудіемъ. Пусть намъ дадутъ лучшее; съ этого надо начать.

Онъ подчеркнулъ эти слова особымъ характернымъ наклоненіемъ головы, придававшимъ категорическій характеръ его утвержденіямъ, и обвелъ взглядомъ присутствующихъ. Бернаръ сочувственно кивнулъ головой; Делемонъ усмѣхнулся свысока:—Я не слѣжу за избирательной кампаніей и не подавалъ голоса. Мнѣ время слишкомъ дорого, чтобы тратить его на политику! Но я не согласенъ съ вами: пересмотръ вещь опасная. Подумайте, какая это будетъ сумятица! Ужъ разъ имѣешь

конституцію, надо беречь ее, даже если она не изъ лучшихъ. Дѣла и такъ идутъ неважно; нуженъ покой.

— Ну, да, конечно, «тишина Имперіи» — знаемъ мы эту пѣсню! Вотъ при Имперіи жилось спокойно, и дѣла процвѣтали, и деньгамъ не было счета. Знаемъ мы, куда это насъ привело—прямо къ Седану... Въ томъ-то и штука, что «дѣла» еще не все въ жизни народа. Конечно, правительство должно заботиться о нормальномъ ихъ развитіи...

— О, такъ много мы не требуемъ! Только бы оно не мѣшало!

— Правительство, достойное этого имени, покровительствуетъ промышленности, но не подчиняясь требованіямъ тѣхъ, кто ищетъ только наживы... Мы не хотимъ цивилизаціи, направленной только къ пріобрѣтенію богатства... Мы требуемъ больше справедливости въ распредѣленіи...

И пошелъ, и пошелъ... Делемонъ, съ своей стороны, доказывалъ, что онъ и ему подобные только разжигаютъ классовую ненависть, эксплоатируютъ почву, спекулируютъ на зависти и т. д. и т. д. Споръ былъ прерванъ необходимостью для хозяина разрѣзать поданную утку. Это оказалось потруднѣе соціальной реформы. Миролюбивая Клара поспѣшила перемѣнить разговоръ, и конецъ обѣда прошелъ мирно.

Но споръ возобновился во время послѣ - обѣденной прогулки по историческимъ мѣловымъ холмамъ, мѣстами оголеннымъ, поросшимъ низкой травой, папоротниками и рѣдкими сосенками, надъ которыми витали тѣни великаго прошлаго, властнаго даже надъ тѣми, кому не внятенъ языкъ вещей. Делемонъ посмотрѣлъ на вершину холма, исторію котораго неоднократно разсказывалъ ему зять, и какое-то смутное воспоминаніе зашевелилось въ его душѣ; онъ пробормоталъ: — Побѣдитель англичанъ!..

Этого было достаточно, чтобы Романешъ разразился готовой лекціей.

— Да, безъ этого чернаго курносаго бретонца, у котораго, быть можетъ, текла въ жилахъ кровь мавровъ и безъ мистической Лотарингіи, исторія, быть можетъ, пошла бы совсѣмъ инымъ путемъ, англичане водворились бы во Франціи, какъ норманны съ Вильгельмомъ Завоевателемъ на островѣ англо-саксовъ. Возникла бы новая раса, по всей вѣроятности, очень энергичная, бодрая, сильная, во всякомъ случаѣ, болѣе положительная, чѣмъ наша, похожая, быть можетъ, на сѣверныхъ американцевъ. И вся участь этой страны была бы иная—другія религіозныя вѣрованія, другая исторія, другіе герои... Кто знаетъ, быть можетъ, надо оплакивать, эту побѣду дворянчика изъ Динана!

При этихъ словахъ, произнесенныхъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ, разматывавшимъ идеи, словно клубокъ нитокъ, что-то неопредѣленное дрогнуло въ душѣ Бернара, шедшаго сзади съ Алисой и Валентиномъ. Онъ ускорилъ шагъ, чтобы нагнать переднихъ и воскликнулъ: — О нѣтъ, дядя! Это нѣтъ!

Романешъ обернулся съ видомъ человѣка, увѣреннаго въ превосходствѣ своей логики, которой не могутъ поколебать никакіе доводы.

— Почему же нѣтъ, милый племянникъ? Сохранить хотя бы одинъ

предразсудокъ значитъ возстановить ихъ всѣ. Наши идеи—цѣпь, всѣ звенья которой держатся одно другимъ, или она крѣпка, или распадается. Чтобы итти впередъ, нужно прежде всего предать забвенію мнимыхъ героевъ, которые своими подвигами могли только замедлить естественный ходъ исторіи, и отдѣлаться отъ ложныхъ чувствъ, только затрудняющихъ человѣческій прогрессъ.

И онъ широко размахнулся тростью—простой палкой, выдернутой изъ забора, словно кося головы, вѣнчанныя признательностью народовъ, легендарныя головы героевъ, побѣдившихъ или побѣжденныхъ въ битвахъ прошлаго, израненныхъ, окровавленныхъ узниковъ, торжествующихъ—символы того невидимаго, что составляетъ кровь и душу націй.

— Ну, если вы это внушаете своимъ ученикамъ...—пробормоталъ Делемонъ.

Романешъ остановился посрединѣ дороги, чтобы придать больше вѣсу своимъ словамъ, широко разставивъ коротенькія, но крѣпкія ножки, выставилъ впередъ бороду, положилъ руку на плечо шурина и торжественно молвилъ:—Да, мы трудимся—къ сожалѣнію, насъ слишкомъ мало, мы трудимся надъ преобразованіемъ французскаго ума!

Делемонъ освободилъ плечо и пошелъ дальше:—Преобразованіемъ! вы *это* называете преобразованіемъ? Я бы сказалъ уничтоженіемъ.

— Насъ высмѣиваютъ, насъ порицаютъ—пусть! Разумъ за насъ и послѣднее слово будетъ за нами.

Когда отъ стараго зданія не останется и слѣдовъ, возникнетъ новое, краше и прочнѣе прежняго...

— Есть однако устои, которыхъ нельзя ломать... По крайней мѣрѣ, я привыкъ такъ думать... Отечество, семья...

— И, главное, собственность!

— Само собой! Затроньте одно или другое—рушится все: не останется ни уваженія къ пріобрѣтеннымъ правамъ, ни соціальнаго порядка, ни традицій, соревнованія, поддерживающаго людей въ трудѣ, ни промышленности, ни торговли...

Романешъ со свистомъ разрѣзалъ воздухъ своей палкой и сардонически докончилъ:—Словомъ никакихъ способовъ нажить деньги.

Теперь остановился заводчикъ и развелъ руками, красивымъ жестомъ человѣка, который беретъ міръ такимъ, каковъ онъ есть и не хотѣлъ бы измѣнить его.—Это правда, дорогой мой. Деньги мѣрило всему!

При этихъ словахъ Алиса и Бернаръ въ свою очередь остановились и пропустили мимо себя старшихъ, но уже не слушали ихъ разговора.

— Какъ мы далеки отъ нихъ!—сказалъ Бернаръ сестрѣ.

— Такъ далеки!

Они не пытались формулировать смутное чувство, охватившее обоихъ, убивая въ душѣ ея лучшія иллюзіи. Имъ были одинаково чужды оба вида эгоизма: и лицемѣрный, долго вводившій ихъ въ заблужденіе, готовый пожертвовать медленно пріобрѣтаемымъ наслѣ-

діемъ вѣковъ, и другой, циничный и менѣе замаскированный, искавшій въ соціальномъ строѣ лишь пріютъ своимъ вожделѣніямъ. Ихъ пылкая юность внимала другимъ голосамъ...

На обратномъ пути Романешъ пошелъ рядомъ съ невѣсткой. При случаѣ онъ охотно выказывалъ ей вниманіе—потому ли, что самъ ввелъ ее въ семью, или потому, что отецъ ея написалъ философское сочиненіе и сама она не утратила потребности въ умственной жизни, а можетъ быть и потому, что въ ихъ плохой семейной жизни онъ винилъ мужа и жалѣлъ ее. Наши чувства всего чаще сложны къ извѣстной долѣ великодушія Романеша примѣшивалось довольно низменное удовольствіе осязательно коснуться домашнихъ невзгодъ такого баловня судьбы. Грустная гостья остановила на немъ блуждающій взоръ и съ глубокой тоской прошептала теребя въ рукахъ стебель цвѣтка:

— Зачѣмъ я... поѣхала съ ними... Дома, по крайней мѣрѣ...

Она не докончила. Романешъ хотѣлъ ободрить ее.—Нѣтъ, отчего-же? Маленькая перемѣна время отъ времени необходима... Смотрите, какой чудный день! Не жарко, а на небѣ ни облачка!..—И онъ съ отеческой заботливостью продолжалъ:—А что, развѣ что-нибудь не ладно?.. Вы знаете, мнѣ можно довѣриться... Дѣти?.. Мужъ?..

Она качала головой, не подымая глаза. Онъ настаивалъ. Она замедлила шагъ, потомъ совсѣмъ остановилась и, глядя ему въ глаза, призналась:

— Вы никому не скажете? Это изъ-за денегъ...

Онъ даже не понялъ.—Какъ, изъ-за денегъ? Что вы хотите сказать? Я думалъ, вы купаетесь въ золотѣ? Развѣ заводъ?..

— Ну да, заводъ! Онъ говоритъ, что все идетъ отлично. Но я знаю!.. Я увѣрена, никакихъ законовъ!—И долги!.. Ахъ, вы сами знаете, вы сами знаете!

Онъ клялся всѣми богами, что ничего не знаетъ. Она продолжала свое, съ увѣренностью одержимаго навязчивой мыслью:—Рабочіе становятся все требовательнѣе. Это кризисъ—вы понимаете! Никакихъ доходовъ, начинается дефицитъ... Что же я то буду дѣлать? Вѣдь все мое состояніе вложено въ этотъ заводъ. Все—понимаете—я все ему отдала!.. Какъ мнѣ взять назадъ свои деньги? Вотъ о чемъ я хотѣла васъ спросить...

Романешъ уклонился; онъ былъ не юристъ, при томъ же ему вовсе не хотѣлось очутиться между двухъ огней. Но послѣ этого разговора онъ все время ходилъ озабоченный и, когда Делемоны уѣхали, увезя съ собой Валентина, онъ открылся женѣ. Клара тотчасъ успокоила его.

— Можешь быть увѣренъ, что дѣла Альсида идутъ превосходно. Всегда знаешь то, что посѣялъ, а онъ человѣкъ осторожный... Нѣтъ, я, этого не думаю. А вотъ семья его, дѣйствительно, заботитъ меня иногда. Дѣти его не любятъ; жена какая-то странная—мнѣ прямо жутко съ ней. Боюсь, что его ждутъ большія огорченія...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Армянскій вопросъ въ Россіи и кавказская смута.

Если армяне обращаютъ на себя вниманіе культурнаго міра, это значитъ, что надъ ними стряслась какая-нибудь бѣда, всего чаще это значитъ, что ихъ гдѣ-нибудь бьютъ. Армянскій вопросъ, собственно говоря, и сводится къ тому, что армяне отказываются цѣловать руку, которая наноситъ имъ удары, а отъ нихъ этого требуютъ во имя высшихъ государственныхъ соображеній. Такъ было всегда въ Турціи, такъ обстоитъ дѣло теперь и въ Россіи.

Еще не такъ давно въ Россіи никакого армянскаго вопроса не было. Армяне жили себѣ тамъ, гдѣ ихъ поселило русское правительство, занимались своимъ дѣломъ, старались какъ можно рѣже безпокоить начальство и привлекать на себя его тревожное вниманіе, учились, своей дѣятельностью поднимали производительныя силы края, несли на себѣ государственныя тяготы, которыхъ было не мало. И центральное правительство, и кавказская администрація поведеніемъ армянъ были какъ нельзя болѣе довольны. Мало того, армяне пользовались даже покровительствомъ администраціи, ими дорожили, передъ ними—вѣрится съ трудомъ—заискивали. И вдругъ все это такъ круто перемѣнилось. Внезапность этого поворота придаетъ ему большой интересъ и заставляетъ нѣсколько внимательнѣе приглядѣться къ его причинамъ.

I.

Въ концѣ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка Россіи пришлось вести войны съ Персіей и Турціей. И въ той, и въ другой армяне были самыми дѣятельными союзниками русскихъ войскъ, и русскіе генералы сами не скрывали того, чѣмъ они были обязаны армянамъ. Послѣ заключенія туркманчайскаго и адріанопольскаго договоровъ, десятки тысячъ армянъ переселились въ «христіанскую» землю, къ Россіи перешелъ Эчміадзинъ съ престоломъ католикоса, и русское правительство не знало, чѣмъ ему отблагодарить своихъ новыхъ подданныхъ, оказавшихъ ему столь цѣнныя услуги. Въ ближайшіе годы было выработано положеніе объ армянской церкви (Св. Зак. т. XI), на армянъ была возложена охрана турецкой границы, армянамъ даютъ всевозможныя

льготы въ хозяйственной дѣятельности, облегчаютъ желающимъ прохожденіе военной службы, не жалѣютъ стипендій для армянскихъ дѣтей въ гимназіяхъ и военныхъ училищахъ, словомъ осыпаютъ всякими «милостями», на которыя бываютъ такъ щедры правительства, нуждающіяся въ поддержкѣ той или другой группы населенія.

Но мы очень хорошо знаемъ, что въ политикѣ нѣтъ мѣста сантиментальностямъ, «милость», понятіе чуждое суровой игрѣ государственнаго разсчета. Do ut des—вотъ принципъ, который одинъ завѣдуетъ распредѣленіемъ гнѣва и милости, и смотря потому, что диктуетъ въ данный моментъ соображеніе политической выгоды, на подданныхъ изливается то гнѣвъ, то милость. Въ 30-хъ, 40-хъ, 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годахъ русскому правительству несомнѣнно было гораздо выгоднѣе расшаркиваться передъ армянами и задобривать ихъ потому, что въ теченіе всего этого времени оно нуждалось если не въ активной поддержкѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ сочувственномъ нейтралитетѣ съ ихъ стороны. Шла упорная, ожесточенная борьба въ горахъ Кавказа; шагъ за шагомъ защищали горцы Чечни и Дагестана свои родные аулы. Не хватало войска, ибо нужно было тщательно слѣдить за южной границею Кавказа, держать достаточное количество войска въ Крыму и въ западныхъ областяхъ, гдѣ дважды поднималась Польша и гдѣ за рубежомъ не разъ начинала свирѣпствовать революція—жупелъ русской бюрократіи. На Кавказѣ положеніе русскихъ отрядовъ тѣмъ и было благопріятно, что вокругъ театра борьбы правительство имѣло совершенно надежную опору въ грузинскихъ и армянскихъ областяхъ. Только благодаря преданности армянскихъ народныхъ массъ, правительство могло не бояться возстанія во вновь завоеванныхъ у Персіи и Турціи областяхъ, только благодаря ихъ поддержкѣ военныя дѣйствія въ 1854—1855 годахъ на Кавказѣ окончились такъ удачно, только благодаря популярности борьбы съ горцами среди армянскаго населенія русскіе отряды могли не бояться опасныхъ диверсій. Ставропольская губернія, сѣверные уѣзды Тифлисской и Елизаветпольской губерній могли охраняться крошечными сторожевыми отрядами и служили неодолимой плотиною даже въ такіе моменты, когда священные призывы газавата разливали повсюду волны горскихъ полчищъ. Ясное дѣло, что если бы кругомъ кавказскаго хребта не было сочувственныхъ массъ христіанскаго, армянскаго и грузинскаго населенія, сдерживавшихъ своихъ мусульманскихъ сосѣдей, то картина войны была бы совершенно иная, и покореніе Кавказа могло затянуться на долгіе годы. Послѣ того, какъ въ Дагестанѣ пали послѣдніе оплоты Шамиля, прошло еще немало лѣтъ, пока миръ и спокойствіе воцарились въ сердцѣ Кавказа, пока выѣхали наиболѣе горячіе патріоты и оставшіеся свыклись съ патріархальной опекою русскаго бюрократизма. И въ этотъ промежуточный періодъ необыкновенна цѣнна была роль армянъ; они проникали въ качествѣ пред-

пріимчивыхъ купцовъ въ аулы, вносили туда культуру и примиряли гордыхъ горныхъ рыцарей съ русскимъ владычествомъ.

Потомъ разразилась война 1877—1878 гг. Русскія войска вступали на турецкую территорію не какъ на непріятельскую землю, гдѣ каждую пядь земли приходится занимать цѣною тяжелыхъ потерь, а какъ въ родную страну. Ихъ встрѣчали съ колокольнымъ звономъ, съ хлѣбомъ солью, съ церковными процессіями, отъ нихъ охотно принимали бумажныя деньги, довѣряя «бѣлому», христіанскому царю не въ примѣръ болгарамъ, гребовавшимъ золота. Армяне были убѣждены, что турецкое владычество кончилось, что они становятся русскими подданными. Но они разсчитывали безъ Бисмарка и безъ Биконсфильда. Значительная часть турецкой территоріи въ Малой Азіи, занятой русскими войсками, по берлинскому трактату была возвращена Турціи.

Тутъ собственно и начинается армянскій вопросъ вообще. Родиною этого злополучнаго дѣтища международныхъ странъ и внутреннихъ опасеній была Турція. Султанъ сталъ мстить армянамъ за поддержку, оказанную русскимъ войскамъ, и не только забылъ о реформахъ, ввести которыя онъ дважды обязался передъ Россіей и передъ Европою, но сталъ принимать мѣры къ тому, чтобы реформы вообще сдѣлались лишними. Въ больномъ мозгу этого фанатика постепенно сложился чудовищный планъ истребленія армянъ въ Турціи,—планъ, отчасти осуществленный въ 1894—1895 годахъ, когда 300.000 армянъ въ ужасающихъ мученіяхъ погибли отъ рукъ вѣрныхъ сыновъ султана. Изъ-за одного этого, конечно, армянскаго вопроса не возникло бы, но онъ явился на политическомъ горизонтѣ Европы, когда армяне возстали на султана, избивавшаго ихъ. Выхода для нихъ не оставалось. Выборъ былъ легокъ: лучше было умирать съ оружіемъ въ рукахъ на трупѣ сраженнаго врага, чѣмъ покорно подставлять шею подъ ножъ убійцы. И начиная съ 80-хъ годовъ возстанія въ разныхъ частяхъ Турціи становятся все чаще и регулярнѣе. Въ свободныхъ странахъ Европы образуются армянскіе революціонные комитеты, которые помогаютъ своимъ братьямъ въ Турціи оружіемъ и людьми. Возстаніями удается обратить вниманіе Европы на тяжелую участь турецкихъ армянъ—французская и британская дипломатія подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія накладываетъ узду на расходившихся палачей...

Но мы не будемъ вдаваться въ подробности исторіи турецкихъ армянъ. Мы привели эту маленькую справку потому, что безъ нея не будетъ понятна эволюція отношеній русскаго правительства къ армянамъ.

Послѣ того, какъ была окончена война съ Турціей и были устроены вновь присоединенныя области, на Кавказѣ воцарился миръ. Напряженное состояніе прошло, исчезла необходимость сосредоточивать на Кавказѣ большія массы войскъ. Наставалъ моментъ для выполненія

той задачи, которую русскіе правители всегда считали самой важной на окраинахъ—нужно было приниматься за руссификацію края. Руссификація признавалась у насъ всегда единствнннымъ средствомъ, способнымъ прочно привязать окраину къ центру. Нѣкоторымъ оправданіемъ совѣтникамъ Александра III можетъ служить то, что въ началѣ 80-хъ годовъ политика руссификаціи еще не успѣла принести всѣхъ плодовъ, но если бы они обладали хотя бы нѣкоторой политической дальновидностью и знали исторію запада, они не рѣшились бы сдѣлать того, что они сдѣлали. Внѣшнимъ признакомъ окончанія напряженнаго военнаго состоянія и перехода къ «мирной» политикѣ было уничтоженіе намѣстничества и учрежденіе должности главноначальствующаго гражданской частью Кавказа въ 1882 году.

II.

Устраненіе военной опасности съ одной стороны, признаніе необходимости руссификаціи—съ другой совершенно измѣнили отношеніе къ армянамъ. Ихъ значеніе на вѣсахъ политической выгоды сразу сдѣлалось очень невелико. Непосредственной, ощутительной въ каждый данный моментъ пользы они болѣе не приносили, а съ точки зрѣнія руссификаціи были даже неудобны. Какъ же могло сохраняться старое отношеніе къ нимъ?

Неудобство армянъ, какъ матеріала для руссификаторскихъ экспериментовъ, вытекало изъ всего ихъ національнаго склада. Армяне одни изъ самыхъ старыхъ культурныхъ народовъ востока. Судьба бросила ихъ на перепутьи, по крайней мѣрѣ, двухъ большихъ дорогъ исторіи. Маленькая нація, рано принявшая хріанство и пріобщившаяся къ византійской образованности, долго съ честью несла обязанности сторожевого пикета европейской культуры, долго сопротивлялась натиску восточныхъ народовъ, двигавшихся на западъ. Въ концѣ концовъ сила одолѣла, армянское царство пало, но не погибла армянская культура. У армянъ рано выросло сознаніе того, что нація безъ государства можетъ сохраниться въ водоворотѣ исторіи только благодаря культурнымъ узамъ, и они свято берегли завѣщанныя имъ ихъ славнымъ прошломъ культурныя традиція: языкъ, литературу, школу, церковь. Этимъ путемъ они удержали до нашихъ дней цѣлый рядъ національныхъ особенностей, трудно поддающихся внѣшнимъ воздѣйствіямъ и способныхъ устоять противъ какихъ-угодно посягательствъ, дѣлаемыхъ съ нечистыми цѣлями. Въ этомъ отношеніи судьба армянъ напоминаетъ судьбу другой многострадальной культурной націи евреевъ, принужденной точно также вести борьбу за право быть тѣмъ, чѣмъ ее сдѣлали вѣка историческаго развитія.

Но русскимъ администраторамъ, въ родѣ кн. Дондукова-Корсакова, было очень мало дѣла до историческихъ традицій. Онъ не любилъ

вообще, какъ и большинство русскихъ администраторовъ, смотрѣть въ корень вещей и доискиваться до причинъ. Онъ только видѣлъ, что армяне встрѣчаютъ новыя мѣропріятія правительства очень сдержанно и вовсе не обнаруживаютъ прежняго энтузіазма къ начальственнымъ попеченіямъ о нихъ, за который такъ хвалили армянъ при Воронцовѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ.

Эта перемѣна въ армянахъ была результатомъ не утраты патріотическихъ чувствъ, а просто нѣкотораго недоразумѣнія. Мы упоминули объ этомъ не потому, конечно, чтобы оправдать армянъ въ глазахъ начальства. Наоборотъ, мы считали слѣпую преданность правительственной власти всюду, куда забрасывала армянъ прихоть исторіи, однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ недостатковъ армянскаго національнаго характера, недостаткомъ, отъ котораго армяне стали излѣчиваться только въ послѣдніе 10—20 лѣтъ. Онъ явился къ армянамъ вмѣстѣ съ другими политическими нравами изъ Византіи, а у русскихъ армянъ нашелъ очень подходящую питающую почву, благодаря условіямъ перехода въ подданство къ «христіанскому царю». Если Дондукову и его преемникамъ казалось, что армяне утрачиваютъ преданность правительству, то это происходило потому, что армяне никакъ не могли въ началѣ понять, почему само правительство такъ измѣнилось къ нимъ. А кавказская администрація находила, что у армянъ нѣтъ причинъ для ослабленія вѣрноподданническихъ чувствъ. Искренно или неискренно, но она считала новый руссификаторскій курсъ благодѣтельнымъ для армянъ и думала, что чувства у нихъ должны быть тѣ же, что и при прежней политикѣ заискиванія. Словомъ, прекратилось согласіе и исчезли сердечныя отношенія между кавказскимъ начальствомъ и армянскимъ населеніемъ края. Начальство стало подозрѣвать, что армяне вообще утратили патріотическія чувства. А разъ закралось такое подозрѣніе, то ему недолго было перейти въ другое: армянъ мало-по-малу стали считать крамольниками.

Отсутствіе патріотизма — одно, крамола — другое, нѣчто гораздо болѣе серьезное и для сердца «приказнаго» невыносимое. И для того, чтобы совершилась такая перемѣна, очевидно, нужны были основанія, ибо безъ основаній не совершается перемѣна даже въ бюрократическихъ чувствахъ. Эти основанія имѣлись, хотя человѣкъ, не искусившійся въ тайнахъ управленія окраинами, призналъ бы ихъ по меньшей мѣрѣ весьма своеобразными.

Кавказскіе армяне имѣли наивность думать, что никакія высшія политическія соображенія русскаго правительства не пострадаютъ отъ того, если они будутъ сочувствовать своимъ турецкимъ братьямъ и если, не ограничиваясь простымъ сочувствіемъ, они будутъ активно помогать имъ. И они довольно часто собирали для турецкихъ армянъ деньги, посылали имъ оружіе, чтобы дать имъ возможность хотя бы нѣкоторое время защищать жизнь и честь семьи, которой постоянно

грозили то курдъ, то солдатъ, то чиновникъ. Сначала это дѣлалось довольно открыто, черезъ границу проходило оружіе, перебирались и вооруженные отряды. Но оказалось, что русскіе подданные не смѣютъ содѣйствовать оппозиціи даже въ Турціи. Русское правительство стало преслѣдовать эту «вредную» дѣятельность. Тогда она сдѣлалась тайной и усилилась несмотря на строгую пограничную слѣжку. Этого было достаточно. Фактъ былъ установленъ. Кавказскіе чиновники нашли поводъ для огульнаго обвиненія цѣлой націи въ «крамолѣ». Но вѣдь «крамола», хотя и очень опредѣленное, но въ то же время и очень неуловимое понятіе. Ее невозможно подвести ни подъ какой законъ. И вотъ, мало-по-малу выплыло наружу обвиненіе армянъ въ сепаратизмѣ. Была сочинена басня, что будто бы передъ началомъ русско-турецкой войны кавказскіе армяне предлагали корону автономной Арменіи одному высокопоставленному лицу въ Россіи, и рядъ подобныхъ же измышленій. Кн. Дондуковъ уже въ 1883 году доносилъ въ Петербургъ, что среди кавказскихъ армянъ замѣчаются сепаритическія стремленія и что необходимо «принять мѣры». Въ Петербургѣ въ эту эпоху поощрялось всякое уловленіе «крамолы», Дондуковъ получилъ полномочія и—въ 1885 году было закрыто на Кавказѣ около 500 армянскихъ церковно-приходскихъ школъ. Около 30.000, тамъ воспитывавшихся, дѣтей было лишено образованія. Ихъ выгоняла на улицу полиція...

Спрашивается, какимъ образомъ была установлена связь между сепаратизмомъ и школами? Почему, если въ странѣ имѣется сепаратизмъ, нужно закрывать школы, т.-е. первый источникъ культуры? Логика здѣсь есть, но не обычная, а особенная, бюрократическая. Преслѣдованіе школъ, при Голицынѣ ставшее систематическимъ и распространившееся также на церковь, указываетъ, что дѣло шло вовсе не о сепаратизмѣ, т.-е. явленіи по своему существу политическомъ, а о противодѣйствіи руссификаціи, т.-е. о комплексѣ фактовъ культурнаго порядка. Разсказы же о сепаратизмѣ выдуманы были заблаговременно, ибо по первымъ попыткамъ насажденія руссификаціи искушенные въ такихъ экспериментахъ чиновники рѣшили, что дѣло должно кончиться сепаратизмомъ. Но, какъ всегда, чиновники ошиблись. Армянскаго сепаратизма на Кавказѣ никогда не было, потому что у него нѣтъ почвы. Противодѣйствіе руссификаціи, наоборотъ, явилось сейчасъ же, какъ только начались соотвѣтствующія поползновенія со стороны начальства, и мы не рискуемъ ошибиться, если будемъ утверждать, что оно будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не кончится культуртрегерская политика русскихъ чиновниковъ на Кавказѣ. Чтобы прійти къ такому выводу, не нужно быть пророкомъ—нужно только немного знать исторію.

Такая культурная оппозиція можетъ даже не быть вполнѣ сознательной и не выражаться ни въ чемъ активномъ. Просто навязываемыя

идеи, нравы, и чувства не могутъ быть усвоены народомъ, ибо онѣ противорѣчатъ тѣмъ идеямъ, нравамъ и чувствамъ, которыя у нихъ сложились въ процессѣ вѣкового развитія. Чтобы расчистить мѣсто для «истинно-русскаго» міровоззрѣнія въ армянахъ, нужно было вытравить изъ нихъ міровоззрѣніе армянское. Когда эта операція будетъ благополучно доведена до конца, тогда можно надѣяться, что противодѣйствіе руссификаторскимъ замысламъ прекратится. Такимъ образомъ, административное чутье помогло понять кавказскимъ обрусителямъ ту истину, что для успѣшности ихъ миссіи нужно прежде всего разрушить у армянскаго народа его культурныя традиціи. Разговоры о сепаратизмѣ и ссылка на дипломатическія ноты со стороны Турціи были лишь предлогами, при помощи которыхъ хотѣли придать нѣкотурую естественность и благовидность гоненіямъ на основанія армянской культуры—на школу, на печать, на церковь.

Первое закрытіе школъ, впрочемъ, длилось недолго. По какимъ-то соображеніямъ, оставшимся не вполнѣ ясными, быть можетъ, чтобы не очень возбуждать общественное мнѣніе, раздраженное неутвержденіемъ выбраннаго обществомъ католикоса, ихъ частью вновь открыли въ 1886 году, еще при Дондуковѣ. Лѣтъ десять армянскія дѣти могли учиться безъ особенныхъ помѣхъ. Преемникъ Дондукова генералъ Шереметевъ (1890—1897) самъ, повидимому, не чувствовалъ особенной склонности къ обрусительнымъ мѣрамъ, но его все время настраивали на соотвѣтствующій ладъ изъ Петербурга, и онъ былъ вынужденъ подчиниться. Среди его совѣтниковъ, наоборотъ, было довольно много «истинно-русскихъ» чиновниковъ, которые весьма охотно предавались дѣлу разрушенія армянской культуры. Личность К. П. Яновскаго, бывшаго попечителя Кавказскаго учебнаго округа съ 1878 по 1900 годъ, особенно въ этомъ отношеніи замѣчательна. О немъ довольно прочно составилось представленіе, какъ о необыкновенно гуманномъ человѣкѣ, какъ о разносторонне образованномъ педагогѣ, какъ объ администраторѣ, идущемъ вровень съ наиболѣе культурными идеями своего вѣка *). Такая репутація доказываетъ только двѣ вещи: что Яновскій въ своихъ писаніяхъ проводилъ взгляды діаметрально-противоположныя тѣмъ, которымъ онъ слѣдовалъ въ своей политикѣ, и что передъ взоромъ общественнаго мнѣнія онъ умѣлъ не обнаруживать своей прикосновенности къ реакціоннымъ мѣрамъ Кавказской администраціи. На самомъ дѣлѣ фактъ говоритъ, что этотъ хитрый старый чиновникъ былъ настоящимъ злымъ духомъ кавказскихъ инородцевъ вообще и армянъ въ особенности. Армянская школа имѣла въ немъ врага неумолимаго, не останавливающагося ни передъ какими мѣрами. Открытіе школъ

---

*) Даже „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза-Ефрона, стоящій выше всякихъ подозрѣній въ прислужничествѣ, считаетъ Яновскаго „замѣчательнымъ педагогомъ-администраторомъ“.

казалось ему крупной ошибкой, и онъ ждалъ случая, чтобы ее исправить. Когда умеръ католикосъ Макарій, непопулярный среди армянъ и поэтому пользовавшійся благосклонностью правительства, учебное начальство стало подъ предлогомъ неимѣнія ценза удалять учителей и учительницъ изъ армянскихъ школъ. Новому католикосу Мкртичу удалось оттянуть окончательное рѣшеніе вопроса до 1896 года, когда высшая администрація вновь его обострила подъ вліяніемъ событій въ Турціи.

Живущіе за границею армяне обратились къ британскому правительству съ мольбою оказать давленіе на краснаго султана и остановить преступную руку, истребившую уже сотни тысячъ армянъ. Кромѣ какъ къ Англіи прибѣгнуть было и не къ кому. Тогдашній русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, кн. Лобановъ-Ростовскій, имѣвшій, какъ говорятъ, особенныя причины быть снисходительнымъ къ кровавымъ развлеченіямъ Абдулъ Гамида, рѣшительно отказался прибѣгнуть къ дипломатическому воздѣйствію на Порту и успѣлъ привлечь на свою сторону Германію, Австро-Венгрію и даже Францію. Оставалась одна Англія. Но русская бюрократія не только сама не желала помочь истекавшему кровью народу, она считала признакомъ опаснаго сепаратизма, когда этотъ народъ сталъ взывать о помощи къ другимъ державамъ. Съ дипломатической точки зрѣнія это, должно быть, было неприлично, а въ нѣкоторый моментъ нашей государственной жизни дипломатическая точка зрѣнія очень сильно вліяла и на внутреннюю политику. Представителю католикоса въ Петербургѣ довольно ясно дали понять, что за обращеніе къ Англіи армяне понесутъ наказаніе и будутъ лишены школъ. Мѣра наказанія очевидно была подсказана изъ канцеляріи попечителя кавказскаго учебнаго округа, гдѣ воспользовались неожиданно представившимся предлогомъ, чтобы удовлетворить давнишнему «praeterea censeo» Яновскаго.

Почему за обращеніе заграничныхъ армянъ къ Англіи должны были расплачиваться школы, единственный источникъ образованности для большинства русскихъ армянъ, понять очень трудно. Но гдѣ-то, въ тайникахъ канцеляріи, было рѣшено, что церковно-приходскія школы— гнѣзда противоправительственной пропаганды и главная причина недоступности армянъ для руссификаторской пропаганды. И школы были закрыты *).

---

*) Для всего предыдущаго періода см. „Братская помощь“ Джаншіева, 2-ое изд. и книгу Aknuni, „Kowkasean werker“ (на арм. яз.). Эта же книга вмѣстѣ съ позднѣйшимъ трудомъ Э. Акнуни „Debi kriw“ доставила главный матеріалъ для послѣдующаго изложенія. Авторъ книги пользовался тоже періодическими изданіями: (Pro Armenia), (Couier Europen), (Droschak), Новое Обозрѣніе, Русскія Вѣдомости, Разсвѣтъ. Въ распоряженіи автора имѣется кромѣ того большой рукописный матеріалъ, который можетъ быть использованъ въ небольшой журнальной статьи лишь отчасти.

III.

Итакъ, причиною закрытія школъ было то, что онѣ, по мнѣнію петербургской и кавказской бюрократіи, служили очагами противоправительственной пропаганды. Передъ тѣмъ, какъ закрыть ихъ, канцелярія ген. Шереметева запросила канцелярію попечителя учебнаго округа, въ состояніи ли будетъ она взамѣнъ закрываемыхъ армянскихъ церковно-приходскихъ школъ открыть министерскія въ достаточномъ количествѣ. Канцелярія попечителя должна была признаться, что очень мало надежды на полученіе ассигновки на это изъ министерства народнаго просвѣщенія. Но Яновскому пришла въ голову геніальная мысль. Въ докладѣ главноначальствующему онъ предлагалъ отобрать въ казну кавказскаго округа имущество закрытыхъ школъ и на добытыя такимъ путемъ деньги открыть русскія правительственныя школы; въ нихъ можно, пожалуй, пускать и армянскихъ дѣтей, но преподаваніе будетъ тамъ исключительно русское. Такимъ образомъ, руссификація получитъ могучее орудіе, не будетъ стоить правительству ни гроша, а армяне будутъ на собственныя деньги пріобщаться къ благамъ русской оффиціальной культуры. Этотъ блестящій планъ встрѣтилъ полное сочувствіе и въ кавказскихъ, и въ петербургскихъ канцеляріяхъ. Яновскій приготовилъ все, что нужно, и тогда католикосъ получилъ предложеніе передать въ вѣдѣніе кавказскаго учебнаго округа 168 изъ 203 имѣющихся на Кавказѣ церковно-приходскихъ армянскихъ школъ на томъ основаніи, что источники содержанія школъ якобы не соотвѣтствуютъ указаннымъ въ законѣ. Къ требованію была приложена и вѣдомость, которая была составлена съ очень опредѣленной тенденціей. Въ основу распредѣленія школъ на двѣ категоріи легло совсѣмъ не то соображеніе, на которое опиралось учебное начальство. Изъ 168 школъ, отбираемыхъ у армянъ, не было почти ни одной бѣдной, изъ 35, великодушно оставленныхъ имъ—всѣ были бѣдныя. Таковъ былъ единственный принципъ распредѣленія. Ссылка на законъ была просто канцелярскимъ украшеніемъ. Ни протесты, ни просьбы католикоса, доказывавшаго, что вѣдомость составлена невѣрно, не помогли. Большинство школъ было закрыто, какъ уже сказано въ январѣ 1896 года.

Въ Петербургѣ вся эта исторія, раздутая кавказскими властями, произвела нѣкоторое впечатлѣніе. Слухи о распространеніи крамолы среди армянъ послужили поводомъ для отправки на Кавказъ спеціальной миссіи, состоящей изъ директора департамента иностранныхъ вѣроисповѣданій г. Мосолова и кн. Ухтомскаго, тогдашняго редактора «Петербургскихъ Вѣдомостей». Миссія должна была дать отвѣтъ на вопросы: правда ли, что армянскія школы служатъ гнѣздами противоправительственной пропоганды, и правда ли, что среди кавказскихъ армянъ распространена привязанность къ Англіи и англійской консти-

туціи. Миссія пріѣхала на Кавказъ, побывала всюду, въ Тифлисѣ, въ Эриванѣ, въ Эчміадзинѣ, искала довольно долго и очень добросовѣстно, но армянской крамолы не нашла. Съ этимъ она и пріѣхала въ Петербургъ, но пока она была на Кавказѣ, мѣстныя власти, узнавъ, въ какомъ духѣ она предполагаетъ составить свой докладъ, позаботились о составленіи собственнаго доклада, который и отправили заблаговременно. Въ этомъ докладѣ фигурировала сочиненная «Новымъ Временемъ» басня объ «армянскомъ царствѣ до Ростова». Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ «факты», сообщенныя кавказскимъ управленіемъ, произвели настолько сильное впечатлѣніе, что когда Мосоловъ и Ухтомскій представили туда свою записку, имъ довольно холодно было отвѣчено, что взглядъ министерства внутреннихъ дѣлъ уже составленъ и что ихъ записка, этому взгляду противорѣчащая, не можетъ получить дальнѣйшаго движенія. Это было весною 1896 года.

Результатомъ было то, что въ Тифлисѣ получили полномочія на дальнѣйшія репрессіи. Но въ бюрократическомъ мірѣ даже дѣла о репрессіяхъ подвигаются туго. Пока въ канцеляріи попечителя скрипѣли перья, Шереметевъ умеръ. Начальникомъ края въ 1897 г. сдѣлался кн. Голицынъ.

Почуявъ въ новомъ главноначальствующемъ энергичнаго покровителя всѣхъ своихъ плановъ, Яновскій сталъ работать быстрѣе. У армянской церкви потребовали, чтобы она передала кавказскому учебному начальству ту часть своего имущества, которое принадлежало школамъ, какъ юридическимъ лицамъ. Церковь запротестовала. Ея представители очень рѣзко отвѣчали, что если даже предположить вмѣстѣ съ Яновскимъ, что школы дѣйствительно гнѣзды революціи, то даже тогда нѣтъ никакихъ основаній отбирать ихъ имущество. Для обезвреженія крамолы достаточно уничтожить ея очаги, но конфискація имущества—актъ совершенно самостоятельный, никакими законными поводами не оправдываемый и очень похожій на грабежъ. При томъ же, большая часть школьнаго имущества образовалась изъ денежныхъ суммъ и недвижимостей, отказанныхъ по завѣщаніямъ и дарственнымъ записямъ со спеціальной цѣлью служить армянскому школьному дѣлу. Отнимая это имущество, администрація грубо нарушаетъ волю жертвователей. Словомъ, церковь отказалась добровольно уступить въ вопросѣ, который и по принципіальнымъ, и по матеріальнымъ причинамъ близко затрогивалъ ея наиболѣе жизненные интересы. Тогда, кавказская администрація прибѣгла къ помощи центральной власти. Она безъ труда выхлопатала правительственное распоряженіе 26-го марта 1898 года, которое предписывало армянской церкви вручить администраціи учебнаго округа принадлежащее школамъ имущество. Но въ этомъ же распоряженіи было сказано, что если церкви и монастыри несогласны съ произведеннымъ администраціей раз-

дѣленіемъ церковныхъ имуществъ на школьныя и нешкольныя, то имъ предоставляется возстанавливать свои права судомъ. Этой неосторожной оговоркой церкви пришлось воспользоваться немедленно, потому что подъ видомъ школьнаго имущества ретивые чиновники отбирали и много такого, которое къ школамъ никакого отношенія не имѣло. Суды, куда повѣренные церкви являлись съ купчими крѣпостями и дарственными записями въ рукахъ, при всемъ желаніи услужить начальству, не могли ничего сдѣлать и рѣшили всѣ дѣла въ пользу церкви. Учебному округу пришлось довольствоваться ничтожными сравнительно суммами и уплатить довольно крупныя судебныя издержки.

Кавказское начальство, конечно, было недовольно. Въ законномъ исканіи своихъ правъ со стороны церкви, дѣйствовавшей вдобавокъ съ нарочитаго разрѣшенія правительства, Яновскій съ Голицынымъ усмотрѣли чуть не революцію, и въ Петербургъ полетѣли соотвѣтствующія представленія. Въ этихъ представленіяхъ кн. Голицынъ доказывалъ, что церковь утаила школьныя имущества; что принудитъ ее къ уступкѣ нѣтъ никакихъ законныхъ средствъ, ибо всѣ дѣла въ синодѣ вершитъ кучка крамольниковъ, и что для возстановленія порядка на Кавказѣ необходимо взять въ управленіе казны всѣ имущества армянской церкви. Въ Петербургѣ на это пошли не сразу. Очевидно, даже среди тамошней бюрократіи нашлись люди, которые понимали рискованность этой мѣры. Началась длинная переписка, нѣкоторыя изъ заинтересованыхъ вѣдомствъ, какъ министерство государственныхъ имуществъ, высказывались рѣшительно противъ. Голицынъ понялъ, что это дѣло у него не пройдетъ, рѣшилъ ждать и преслѣдовать армянъ тѣми средствами, которыя были въ его распоряженіи. Тутъ уже имѣлись протореные пути, къ услугамъ его были хорошо натасканные чиновники, и все должно было идти гладко.

Еще до Голицына, при Дондуковѣ намѣчалась очень опредѣленная тенденція—препятствовать армянамъ занимать какія бы то ни было должности на Кавказѣ. Голицынъ довелъ эту тенденцію до крайней возможной степени. Армянъ старались всѣми возможными способами вырвать изъ казенныхъ учрежденій. Достаточно было малѣйшаго повода, чтобы армянинъ, если онъ былъ преподавателемъ въ гимназіи, служащимъ въ казенной палатѣ, въ государственномъ банкѣ, въ административныхъ учрежденіяхъ и проч.—былъ исключенъ со службы. Мало того, люди неармянскаго происхожденія, если они имѣли неосторожность выразить сочувствіе къ армянамъ старательно вытѣснялись, а на ихъ мѣсто выписывались изъ петербургскихъ канцелярій опытные, безудушные рыцари «государственной идеи», готовые исполнять всякія приказанія. Край постепенно наполнялся сыщиками и шпіонами, которые выслѣживали крамолу и сепаратизмъ среди армянъ, а если не находили ни того, ни другого, не долго думая сочиняли

факты. Провокаторы втирались повсюду, дѣлая свое темное дѣло и доставляя администраціи матеріалъ для ея предпріятій.

Съ помощью своихъ явныхъ и тайныхъ агентовъ Голицынъ провелъ мало-по-малу двѣ мѣры, служившія переходомъ между закрытіемъ школъ и отобраніемъ церковныхъ имуществъ. Онъ закрылъ армянскія благотворительныя учрежденія и почти уничтожилъ армянскую печать.

Армянскихъ благотворительныхъ обществъ на Кавказѣ было нѣсколько. Главнымъ изъ нихъ было Кавказское армянское благотворительное общество въ Тифлисѣ, основанное въ 1881 году. Оно поддерживало просвѣщеніе среди армянъ, давало стипендіи учащимся въ низшей, средней и отчасти въ высшей школѣ, насаждало ремесла, издавало книги. Въ различныхъ городахъ у него было 18 отдѣленій. Армянское человѣколюбивое общество въ Баку, основанное въ 1863 г. и Армянское Женское благотворительное Общество въ Тифлисѣ, возникшее въ 1881 году, занимались, главнымъ образомъ, тѣмъ, что поддерживали учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. «Благонадежность» всѣхъ этихъ обществъ была засвидѣтельствована спеціальной ревизіей въ 1894 г. Голицынъ закрылъ ихъ въ 1898 году. Съ его точки зрѣнія они дѣлали черезъ чуръ большое культурное дѣло. За благотворительными обществами послѣдовали армянскія библіотеки-читальни. Онѣ были признаны лишними и вредными. Для армянъ, лишенныхъ возможности покупать книги, чтеніе ихъ было признано опасной для государства роскошью. Но этого было мало; армянскія книги все же читались. Это тоже было «вредно». Въ 1900 г. было закрыто убогое армянское издательское общество, годовой бюджетъ котораго не превышалъ 5000 и которое за свое двадцатилѣтнее слишкомъ существованіе не выпустило и 200 названій. Изъ изданныхъ имъ вещей при томъ большинство были мелкія брошюры беллетрическаго характера: главная часть ихъ была—переводы иностранные и особенно русскихъ классиковъ.

Тогда дѣло дошло до періодической печати. На Кавказѣ при вступленіи Голицына было три армянскихъ газеты «Мшакъ», «Ардзаганк» и «Норъ-Даръ», и три армянскихъ журнала: церковный «Араратъ», общелитературный «Мургъ» и дѣтскій «Агпюръ», съ приложеніемъ «Тароза». Уже при Дондуковѣ и Шереметевѣ армянская печать изнывала подъ цензурнымъ перомъ. При Голицынѣ гнетъ увеличился *). Армянская печать лишилась возможности затрогивать

*) Приведу нѣсколько примѣровъ. Одинъ фельетонистъ подписалъ статью, псевдонимомъ „Независимый". Утромъ онъ читаетъ газету и съ ужасомъ видитъ, что приставка *не* исчезла, и псевдонимъ его волею цензора получилъ совершенно противоположный смыслъ. Взбѣшенный, бѣжитъ онъ къ цензору ругаться. Тотъ спокойно отвѣчаетъ, что въ Россіи вообще нѣтъ *независимыхъ*,

сколько-нибудь важные вопросы мѣстной и общегосударственной жизни. Перепечатки изъ столичныхъ газетъ—и тѣ не всегда разрѣшались *). Разрѣшеніе цензора не избавляло отъ самыхъ тяжелыхъ каръ. Газета «Ардзаганкъ» въ 1898 году была сначала по распоряженію Голицына пріостановлена на 8 мѣсяцевъ, а потомъ совсѣмъ прекращена совѣщаніемъ 4 министровъ въ силу примѣч. къ ст. 148 Уст. Ценз. Вслѣдъ за тѣмъ былъ прекращенъ дѣтскій журналъ «Тарозъ», временно пріостановленъ «Норъ-Даръ», «Мшакъ» былъ тоже одно время пріостановленъ, а потомъ сталъ подъ постояннымъ дамокловымъ мечемъ и совершенно обезцвѣтился. Періодическая печать была уничтожена.

Этого было мало. Какъ ни покоренъ былъ народъ, но эта политика издѣвательства не могла не вызывать протестовъ. То студентъ, то ученикъ, то литераторъ, выведенные изъ терпѣнія, устраивали демонстрацію, занимались распространеніемъ нелегальныхъ листковъ, словомъ, по немножку протестовали. Голицынская полиція была безпощадна къ нимъ. Впрочемъ, она преслѣдовала крамолу не только въ Россіи, но и въ Турціи. Стоило попасться хоть съ корпіей для раненныхъ армянъ, гніющихъ въ госпиталяхъ Муша, и кара постигала немедленно. Любимыми средствами борьбы съ крамолою у Голицына была высылка въ Россію. Арестуютъ, подержутъ въ тюрьмѣ и пошлютъ административнымъ порядкомъ куда-нибудь въ Тамбовъ, или Тулу, или Вологду. Тамъ изгнанный, часто незнающій русскаго языка, могъ заниматься чѣмъ угодно подъ гласнымъ надзоромъ полиціи. Кавказъ же освобождался отъ вреднаго «революціонера».

IV.

Такимъ образомъ, мало-по-малу Голицынъ расчистилъ себѣ поле дѣйствія и могъ приняться за главную цѣль своей политики — обезси-

---

всѣ *зависимы* отъ Государя Императора, который можетъ кого угодно *повѣсить*. „И насъ съ вами въ томъ числѣ“, закончилъ цензоръ, очень довольный своимъ каламбуромъ. Другой разъ была сдана замѣтка о томъ, что въ одной деревнѣ подъ Тифлисомъ на курахъ появилась какая-то болѣзнь. Обыватели предостерегались отъ употребленія въ пищу куръ изъ этой деревни. Цензоръ зачеркнулъ всю замѣтку, предполагая, что тутъ есть задняя мысль. Вообще задней мысли цензоры очень боялись. Однажды сдается замѣтка о вывозѣ сушеныхъ фруктовъ. Дѣло было въ іюлѣ. Цензоръ замѣтку зачеркиваетъ. „Сушеные фрукты вывозятся въ сентябрѣ, сообразилъ онъ; если бы тутъ не было задней мысли, не стали бы печатать“. Систематически вычеркивались слова „армянская нація“, „армянскій народъ“. Дозволялось писать „армянское общество“. „Какой мы народъ!“ съ притворнымъ простодушіемъ говорилъ цензоръ, который самъ былъ армяниномъ и въ качествѣ ренегата особенно усердствовалъ.

*) Пишущему эти строки приходилось получать отъ кавказскихъ собратьевъ— тутъ, впрочемъ, были и люди работающіе въ русской прессѣ, просьбы писать почаще въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ замѣтки о турецкихъ армянахъ. Кое-что они могли перепечатать. Оригинальныя замѣтки рѣшительно не пропускались.

леніе армянской церкви. Ему неожиданно повезло. Весною 1902 года, послѣ смерти Сипягина, министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Плеве, все пошло, какъ по маслу. Плеве сразу почуялъ въ въ Голицынѣ родственную душу, проникся къ нему необыкновеннымъ довѣріемъ и соглашался на всѣ его предложенія. Голицынъ въ свою очередь очень скоро понялъ, какое дѣйствіе оказываютъ на министра такіе жупелы, какъ «крамола, сепаратизмъ, противоправительственная пропаганда, революціонные происки», и щедро сыпалъ этими словечками въ своихъ донесеніяхъ. Результатомъ взаимнаго пониманія двухъ великихъ государственныхъ умовъ и было отобраніе имуществъ у армянской церкви. Плеве безъ труда провелъ эту мѣру черезъ комитетъ министровъ, и 12-го іюня 1903 года явилось Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ, коимъ у армянской церкви отнималось право свободнаго распоряженія ея имуществомъ, и передавалось администраціи; министерству народнаго просвѣщенія по соглашенію съ министерствами внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія и государственныхъ имуществъ предоставлялось безпрепятственно принимать въ свое вѣдѣніе изъ принадлежащихъ церкви имуществъ и доходовъ столько, сколько ими же будетъ найдено нужнымъ на содержаніе переданныхъ министерству армяно-григоріанскихъ церковныхъ школъ. Правда, то же Положеніе признаетъ за армянской церковью право собственности на ея имущество, но вѣдь послѣ столькихъ ограниченій этого права отъ него остается голый трупъ, никому не нужный. Существованіе этой, повидимому, столь великодушной оговорки дѣла не мѣняло. Армянская церковь фактически была лишена своихъ законныхъ правъ на принадлежащее ей имущество.

Для выясненія юридической стороны дѣла обратимся къ закону, регулирующему управленіе имуществами армянской церкви. Ст. 1213, т. XI, св. зак. (изд. 1896 г.) гласитъ, что «всякое движимое и недвижимое имущество, предназначенное на содержаніе какого-либо монастыря или церкви или принадлежащихъ къ нимъ богоугодныхъ заведеній, считается общей собственностью всей армяно - григоріанской церкви». Другими словами, русское правительство, лишивъ армянскую церковь права свободнаго распоряженія ее имуществомъ, наноситъ тѣмъ самымъ ущербъ армянской церкви, находящейся и внѣ предѣловъ Россіи. Далѣе, все положеніе объ армянской церкви, «О управленіи духовныхъ дѣлъ христіанъ армяно-григоріанскаго вѣроисповѣданія», пополняющее рядъ статей т. XI, св. зак. и получившее свой окончательный видъ почти цѣликомъ въ 1836 году, явилось фактически результатомъ соглашенія между правительствомъ и армянской церковью, ибо при составленіи этихъ законоположеній были опрошены также католикосъ и его синодъ. Слѣдовало бы ожидать, что, по крайней мѣрѣ до измѣненія соотвѣтствующихъ узаконеній въ законодательномъ порядкѣ, положеніе объ армянской церкви должно оставаться въ силѣ.

Плеве съ Голицынымъ не только не сдѣлали этого. Въ сознаніи своей силы и безпомощности армянской церкви, они издѣвались надъ нею и ее главою католикосомъ. Дальнѣйшая незаконность положенія 12 іюня 1903 года заключается въ томъ, что цѣлый рядъ законовъ отмѣняется Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, т.-е. актомъ не равнозначущимъ, ибо для сохраненія формальной законности необходимо было, чтобы новое положеніе прошло черезъ Государственный Совѣтъ. Наконецъ, положеніе 12 іюня 1903 года находится въ противорѣчіи съ положеніемъ того же комитета министровъ 2 іюня 1897 г. и 26 марта 1898 г. Оба эти положенія считали армянскія церковно-приходскія школы за немногими исключеніями упраздненными; открытіе новыхъ съ тѣхъ поръ не было разрѣшено. Слѣдовательно, тѣ школы, на содержаніе которыхъ насильственно отнимаютъ деньги у армянской церкви, не церковныя не только по имени, но и по существу. Армянскую церковь заставляютъ одну нести расходы по содержанію школы не церковныхъ и даже не чисто армянскихъ, ибо ихъ посѣщаютъ дѣти другихъ національностей.

Искать логики во всемъ этомъ сцѣпленіи произвольныхъ распоряженій совершенно безполезно. Положеніе 12 іюня 1903 года было продиктовано однимъ только соображеніямъ: недовѣріемъ къ армянамъ, боязнью роста культурности и самодѣятельности у армянскаго народа. Ни школъ, ни церкви не тронула бы чиновничья рука, если бы администрація не знала, что эти два учрежденія поддерживаютъ національное самознаніе въ армянахъ. Дѣло въ томъ, что армянская церковь занимаетъ своеобразное положеніе въ армянскомъ общественномъ быту, мало похожее на положеніе церкви у другихъ націй. Благодаря ряду историческихъ причинъ, она сохранила отъ первыхъ временъ христіанства самыя тѣсныя связи со всѣми слоями общества. Она не является замкнутой корпораціей, въ которой дѣла вершатся духовенствомъ ad majorem dei gloriam. Совѣтъ прихожанъ имѣетъ очень сильное, часто рѣшающее вліяніе на церковныя дѣла. Съ другой стороны тотъ же совѣтъ прихожанъ занимается и чисто свѣтскими дѣлами. Такова двоякая связь церкви съ обществомъ. И, конечно, имѣетъ серьезныя историческія основанія тотъ фактъ, что глава церкви, католикосъ, избирается соборомъ, состоящимъ какъ изъ духовныхъ, такъ и изъ свѣтскихъ делегатовъ. Вотъ почему церковь у армянъ является символомъ націи, единственнымъ, который остался у нихъ, кромѣ языка. Какъ символъ, она сохраняетъ значеніе одинаково какъ для глубоко-религіознаго захолустнаго крестьянина, такъ и для тѣхъ, кто стоитъ внѣ церковныхъ традицій. Какъ символъ, она главнымъ образомъ и мозолила глаза Голицыну и его приснымъ. Чтобы ее обезсилить, ее лишили имущества.

Католикосъ перепробовалъ всѣ средства, чтобы убѣдить правительство пересмотрѣть вопросъ, но тщетно. Ни телеграммы, ни мотивиро-

ванныя донесенія, ничего не помогало. Плеве отвѣчалъ, что рѣшеніе безповоротно. Кавказское начальство приступило къ фактическому отобранію церковныхъ имуществъ.

Задача оказалась не изъ легкихъ. Ни одна церковь, ни одинъ монастырь не отдали своихъ имуществъ добровольно. Пришлось взламывать двери, сундуки, несгораемые ящики. Разыгрывались потрясающія сцены: плакали священники, плакалъ собравшійся народъ, глядя на тупыя казачьи физіономіи, дѣловито ломавшія запоры. Въ Эчміадзинѣ ни санъ, ни сѣдины католикоса не остановили чиновниковъ. Все было разломано и отнято.

Чаша переполнилась. Народъ не выдержалъ. Онъ поднялся на защиту своей церкви. Мирные люди, никогда раньше не представлявшіе себѣ возможности возстанія, шли къ своей церкви, осаждаемой казаками и чиновниками. Ихъ били нагайками, въ нихъ стрѣляли, но это ихъ не остановило. Ни въ одномъ городѣ, ни въ одномъ селѣ отобраніе имуществъ не прошло гладко. Во многихъ мѣстахъ лилась кровь. Особенно крупное кровопролитіе было въ Елизаветполѣ и Тифлисѣ.

V.

Теперь Голицынъ могъ торжествовать. Армяне дѣйствительно были охвачены очень опаснымъ броженіемъ. Но это броженіе было вызвано самой кавказской администраціей, которая и вступила съ нимъ въ борьбу, поощряемая Плеве. Борьба оказалась не подъ силу администраціи. Слишкомъ поздно понялъ Голицынъ, что не за непосильное дѣло онъ принимается. Могучая волна народнаго движенія снесла его, и онъ долженъ былъ благодарить судьбу, что живымъ выбрался съ Кавказа, гдѣ погибли столькіе изъ его соратниковъ.

Чтобы понять, какимъ образомъ мирный народъ такъ быстро организовался и оказался способнымъ выдержать борьбу съ кавказской администраціей, нужно имѣть въ виду дѣятельность армянскаго національнаго комитета (Daschnakzutjün) Дрошакистовъ. До отобранія имуществъ комитетъ имѣлъ своей исключительной цѣлью поддержку турецкихъ армянъ въ ихъ борьбѣ противъ султана. Онъ доставлялъ туда оружіе, организовалъ инсургентскія четы, собиралъ деньги и проч. Россія совершенно не входила въ кругъ ихъ дѣятельности. Но, по мѣрѣ того, какъ сгущалась надъ Кавказомъ туча голицынскаго режима, комитетъ сталъ обращать вниманіе и на положеніе русскихъ армянъ. Когда администрація довела страну до вооруженнаго столкновенія съ войсками, комитетъ взялся организовать ее. И онъ выполнилъ эту задачу. Своими многочисленными развѣтвленіями, своей желѣзной дисциплиной онъ сковалъ все армянское общество безъ раз-

личія классовъ *). Главнымъ его дѣломъ была организація бойкота кавказскому правительству.

Началось съ того, что отобранныя церковныя имущества, разумѣется кромѣ наличныхъ денегъ, превратились немедленно въ мертвый капиталъ. Если это былъ домъ, его не нанимали, если это была земля, ее не арендовали. Не армянъ, пытающихся воспользоваться тѣмъ или другимъ, предостерегали, и это дѣйствовало. Духовенство съ католикосомъ во главѣ отказалось принимать проценты съ управляемыхъ суммъ, предпочитало голодать и жить на крохи, собираемыя въ его пользу прихожанами, чѣмъ прикоснуться къ деньгамъ, предлагаемымъ русскими чиновниками. Въ церквахъ людямъ объясняли происходящее и подъ конецъ проповѣди прихожане обыкновенно хоромъ подхватывали анаѳему Голицыну, провозглашаемую съ амвона. Съ этимъ бороться было трудно, потому что невозможно было установить виновниковъ.

Этого мало, бойкотировались правительственныя учрежденія. Сельскіе и уѣздные суды перестали функціонировать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили армяне. Общество пользовалось своими судами, которые были организованы комитетомъ. Въ короткое время эти общественные суды пріобрѣли такой авторитетъ, что къ нимъ стали обращаться также мусульмане, живущіе по сосѣдству. И тѣ случаи, разрѣшить которые оказывался безсильнымъ правительственный судъ, разрѣшалъ судъ армянскій. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Дѣла, которыя приходится разбирать сельскому суду—это больше мелкіе имущественные споры, жалобы на пропажу скота или другого имущества, и проч., т. е. такіе казусы, которые очень легко разрѣшаются самими же сельчанами, знакомыми хорошо съ мѣстными условіями. Словомъ, это суррогатъ народнаго суда, суда присяжныхъ, для котораго Кавказъ по мнѣнію мѣстныхъ чиновниковъ еще не созрѣлъ.

Другимъ предметомъ бойкота сдѣлалась русская начальная школа, та, которая, по плану Яновскаго, должна была содержаться на отобранныя у армянской церкви деньги. Армяне не посылали своихъ дѣтей въ такія школы. Взамѣнъ закрытыхъ правительствомъ комитетъ устроилъ новыя; о существованіи ихъ начальство не знало ничего, но они отъ этого дѣло свое дѣлали не хуже. Въ нихъ обучались и мальчики, и дѣвочки. Программа преподаванія Яновскимъ не разсматривалась и была ярко-національная; окружной инспекторъ школъ этихъ не посѣщалъ, поэтому никто къ нимъ не придирался. Школъ было много; въ одной Карсской области ихъ насчитывалось около 60.

Въ періодической печати общество тоже не чувствовало недостатка, но эта печать не проходила черезъ руки кавказскихъ цензоровъ и противодѣйствовать этому не было возможности.

*) О классовыхъ отношеніяхъ скажемъ ниже.

Таковъ былъ результатъ политики Голицына. Онъ думалъ, что ему удастся искоренить армянскую культуру, уничтоживъ ея оффиціально существующія проявленія и питомники: печать, школу, обезпеченную церковь, благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія. Но армянская культура создала для себя новыя учрежденія, которыя съ точки зрѣнія Голицына были тѣмъ опаснѣе, что ускользали отъ всякаго контроля. Такъ что въ сущности усилія его ни къ чему не привели. Все то, что онъ преслѣдовалъ и что готовъ былъ считать уничтоженнымъ, возродилось съ новой силой, а преслѣдованія принесли съ собою почти открытую революцію.

Бороться съ проявленіями мятежнаго духа было почти невозможно. Врагъ былъ неуловимъ и на репрессіи отвѣчалъ терроромъ. Одной изъ жертвъ его сдѣлался самъ Голицынъ 14-го октября 1903 года. Еще до покушенія на Голицына погибъ въ Аджикентѣ елизаветпольскій вице-губернаторъ Андреевъ, распоряжавшійся бойней въ Елизаветполѣ. Въ слѣдующемъ году, 25-го іюля, палъ одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ Эриванской губерніи, Богуславскій, который изображалъ изъ себя маленькаго Голицына въ своемъ уѣздѣ. Въ концѣ августа 1904 года палъ полковникъ Быковъ, устроившій облаву на армянскую чету, перешедшую черезъ турецкую границу, и перебившій около 50 человѣкъ *). Послѣдовалъ рядъ актовъ мщенія противъ шпіоновъ и доносчиковъ, при чемъ въ промежутокъ между лѣтомъ 1903 года и началомъ 1905 года убито было человѣкъ десять-двадцать. Въ Тифлисѣ начали постигать, что тѣми мѣрами, которыя примѣнялись до тѣхъ поръ, ничего сдѣлать нельзя. Тогда-то явился на сцену злополучнаго Кавказа новый элементъ: татары. Чтобы понять всю дальнѣйшую исторію, необходимо бросить взглядъ на соціальный укладъ Закавказья.

VI.

Населеніе Закавказья распадается на три главныхъ группы: грузинъ, армянъ и мусульманъ. Съ этнографической точки зрѣнія такая

*) Подробности этого дѣла ужасны. Пограничники выслѣдили чету въ 61 человѣкъ и увѣдомили турецкую стражу. Послѣдняя напала на армянъ. Въ то время, какъ чета уже одолѣвала турокъ, ее сзади атаковали казаки Быкова. Два парламентера, посланные къ Быкову съ просьбой прекратить огонь, не вернулись, старикъ священникъ, который вызвался исполнить то же порученіе, былъ убитъ, наконецъ, самъ вождь съ двумя товарищами подъ бѣлыми флагами пошли къ русскому отряду и тоже были убиты Чета полегла вся. Съ убитыхъ казаки сорвали одежду и оружіе, и около труповъ русскіе и турки расположились праздновать побѣду. У турокъ оказалось вино. Напившись Быковъ имѣлъ неосторожность дать себя сфотографировать. Фотографія эта была воспроизведена въ одномъ изъ осеннихъ нумеровъ 1904 года журнала „Pro Armenia“.

классификація, конечно, крайне неудовлетворительна, но она достаточна для пониманія политики мѣстной администраціи.

Грузины еще не такъ давно рѣзко дѣлились на два класса: дворянъ и крестьянъ. Первыхъ было немного, имъ принадлежали огромныя земли; крестьяне находились въ полной крѣпостной зависимости отъ нихъ. Положеніе крестьянъ было крайне тяжелое; крошечные земельные участки были совершенно не въ состояніи прокармливать семью; задолженность быстро возрастала, все крестьянское населеніе было въ когтяхъ мелкихъ сельскихъ ростовщиковъ. Съ развитіемъ промышленности на Кавказѣ въ этомъ положеніи произошло два измѣненія: земли грузинскаго дворянства стали отходить къ армянской буржуазіи, а крестьяне массами начали отливать въ города, въ промышленныя предпріятія. Это было въ 90-хъ годахъ. Такъ какъ въ то время грузинская интеллигенція и грузинская печать цѣликомъ были проникнуты дворянскими идеями, то стала замѣтно обнаруживаться вражда къ армянамъ. Кавказская администрація воспользовалась этимъ фактомъ, чтобы раздуть вражду, возникшую на экономической почвѣ, въ національную. Сѣять смуту принялась газета *Кавказъ*, и когда редакторомъ ея сдѣлался Величко, на армянъ посыпался градъ инсинуацій, разсчитанныхъ на то, чтобы раздуть ненависть къ нимъ среди грузинъ и русскихъ. Не было той клеветы, до которой газета не договорилась бы. На страшную армянскую рѣзню въ Турціи, которая повергла въ ужасъ всю Европу, Величко откликнулся коротенькой тупо жестокой замѣткой; въ ней говорилось, что армяне заслужили свою участь, что это ихъ наказываетъ Богъ, что такъ имъ эксплоататорамъ и крамольникамъ и нужно. На дворянскую часть грузинскаго общества эти кликушескія выходки производили впечатлѣніе, ибо они были склонны отожествлять всю націю съ той горстью капиталистовъ, которая скупала ихъ земли. Но большого распространенія вражда грузинъ къ армянамъ не получила, несмотря на все усердіе Велички. Въ январѣ 1900 года его отстранили, такъ какъ большія гадости, которыя онъ писалъ, приводили лишь къ очень маленькимъ результататамъ. Отношенія съ грузинами все улучшались, а послѣ отобранія церковныхъ имуществъ въ 1903 году исчезли всякіе слѣды былыхъ недоразумѣній.

Водворенію согласія между обѣими націями не мало способствовало второе изъ означенныхъ нами обстоятельствъ—жизнь въ городѣ грузинскихъ крестьянъ и превращеніе ихъ въ рабочихъ. На фабрикахъ и на промыслахъ они встрѣчались съ рабочими—армянами. Одинаковые классовые интересы сглаживали національныя различія; грузины научались сочувствовать горькой долѣ армянъ, преслѣдуемыхъ администраціей; армяне—чѣмъ могли помогали грузинамъ рабочимъ поддерживать ихъ братьевъ—крестьянъ, оставшихся въ селѣ.

На промыслахъ и на фабрикахъ какъ грузины, такъ и армяне

легко поддавались соціалдемократической пропагандѣ. Въ нѣсколько лѣтъ *), къ концу 90-хъ годовъ пропаганда сдѣлала большіе успѣхи. Сначала былъ завоеванъ Батумъ, къ началу 1900-хъ годовъ—бакинскіе промысла. Агитаторы приходили какъ изъ Россіи, такъ и изъ-за границы. Послѣднихъ было впрочемъ меньше. Пропаганда сосредоточивалась сначала исключительно въ крупныхъ городскихъ центрахъ да по желѣзнодорожной линіи. Администрація помогла ей распространиться и на сельскіе округа. Въ Батумѣ въ 1903 году была большая забастовка. Администрація вмѣшалась; рабочіе, въ огромномъ большинствѣ грузины, были арестованы и—высланы на родину. Рабочіе явились такимъ образомъ орудіемъ пропаганды въ селахъ. Здѣсь она встрѣтила общее сочувствіе. Почти вся Кутаисская губернія, особенно уѣзды Озургетскій (Гурія) и Кутаисскій, часть Тифлисской губерніи и Батумской области мало-по-малу сдѣлались ареною крестьянскихъ волненій, а къ веснѣ 1905 года тамъ,—рѣзче всего въ Гуріи—обозначилось вполнѣ сознательное аграрное движеніе. Программы крестьянъ, проникшія въ печать, не оставляютъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Крестьянское движеніе, конечно, преслѣдуется обычными репрессивными мѣрами, старались остановить его силой. Отъ этого движеніе, сначала вполнѣ мирное, обострилось и кое-гдѣ приняло характеръ пугачевщины, не утрачивая, однако, ярко выраженнаго сознательнаго характера.

Такимъ образомъ грузинская масса оказалась совершенно неподходящимъ элементомъ для организаціи черной сотни. Оставалась масса мусульманская.

VII.

Тѣ мусульмане, о которыхъ идетъ рѣчь, и въ этническомъ, и въ религіозномъ отношеніи отличаются отъ мусульманъ, живущихъ въ центральныхъ частяхъ Кавказа. Это—такъ называемые адербеджанскіе татары. Это потомки тамерлановыхъ полчищъ, позднѣе сдѣлавшіеся шіитами подъ вліяніемъ сосѣднихъ персовъ. Издавна это была самая безправная, самая некультурная, самая забитая часть кавказскаго населенія. Съ ними стѣснялись еще меньше, чѣмъ съ армянами и грузинами; у нихъ отбирали какъ частныя, такъ и общественныя (принадлежавшія мечетямъ) имущества. Только приниженность, инертность и некультурность массы помогла мусульманамъ выносить весь этотъ гнетъ; это и создало имъ репутацію преданныхъ правительству людей. Администрація разсуждала, что если мусульмане способны выносить все, что они выносятъ, такъ на нихъ можно полагаться. Един-

*) См. опубликованную записку нефтепромышленниковъ, составленную статистикомъ Гуковскимъ и представленную петербургскому съѣзду нефтепромышленниковъ.

ственнымъ открытымъ проявленіемъ протеста со стороны мусульманъ, проявленіемъ при томъ совершенно безсознательнымъ, были разбои, участившіеся во время голицинскаго управленія. Но въ тайникахъ народной массы назрѣвалъ другой видъ протеста, о которомъ администрація совершенно не подозрѣвала. Это—панисламизмъ. Онъ долго не обнаруживался и, быть можетъ, никогда не пріобрѣлъ бы значенія, если бы администрація, не понявшая смысла фактовъ, не попробовала утилизировать его противъ армянъ.

Отношенія между мусульманами и армянами были самыя дружественныя. Никакой вражды, ни экономической, ни религіозной, въ народныхъ массахъ не было. Даже въ крупныхъ центрахъ, какъ Баку, капиталисты и мелкая буржуазія имѣли мало основанія конкурировать между собою. Крупные капиталисты мусульмане въ Баку—главнымъ образомъ—домовладѣльцы. Среди нефтяныхъ промысловъ въ Баку только два мусульманскихъ. Армяне-капиталисты вложили свои капиталы главнымъ образомъ въ промысла. Мелкая городская буржуазія—заводчики въ Баку, Эривани, Нахичеванѣ, Шушѣ тоже не имѣетъ причины враждовать между собою, ибо или армяне и татары обслуживаютъ обыкновенно особые районы, или мелкая торговля на рынкѣ (мясо, овощи, фрукты и проч.) находится всецѣло въ рукахъ мусульманъ. Рабочіе — мусульмане по своей некультурности годятся только на должность чернорабочихъ, квалифицированными рабочими они быть не въ состояніи; наоборотъ—армяне, если и начинаютъ чернорабочими, то уже черезъ полгода переходятъ въ разрядъ квалифицированныхъ. Что касается крестьянъ, то у нихъ отношенія были самыя дружественныя.

Религіозная вражда, какъ единогласно утверждаютъ всѣ внимательные наблюдатели кавказской жизни, явленіе совершенно тамъ незнакомое. Вѣковая жизнь бокъ-о-бокъ пріучила и армянъ, и татаръ относиться другъ къ другу съ полной терпимостью.

Разрушить дружбу между двумя народностями, существовавшую такъ долго и пустившую такіе глубокіе корни, было нелегко. Голицынъ при первыхъ попыткахъ, вѣроятно, натолкнулся на большія затрудненія, иначе непонятно, почему ему пришлось выбрать такой долгій путь, который привелъ къ цѣли лишь въ февралѣ 1905 г. Путь этотъ заключается въ томъ, чтобы отдать полицейскія функціи въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ татарскимъ населеніемъ въ руки мусульманъ и черезъ полицейскихъ чиновъ вести въ мусульманской массѣ агитацію противъ армянъ. Къ исполненію этого плана было приступлено немедленно. Еще въ бытность Голицына на Кавказѣ послѣдовалъ рядъ назначеній мусульманъ на полицейскія должности. На нѣкоторые высшіе административные посты были назначены люди, которые были посвящены въ планы Голицина и были готовы всячески ихъ поддерживать.

У насъ есть очень вѣское подтвержденіе этого факта, исходящее отъ теперешняго завѣдующаго полиціей на Кавказѣ, генерала Ширинкина. Въ одномъ изъ донесеній намѣстнику, перечисляя кровавыя дѣянія татаръ въ концѣ августа, онъ прибавляетъ: «Наряду съ этими данными, устраняющими мнѣніе о случайности и стихійности этихъ прискорбныхъ явленій и скорѣе заставляющими думать, что въ данномъ случаѣ мы имѣли дѣло съ заранѣе организованнымъ движеніемъ, наличность того факта, что контингентъ полицейскихъ чиновъ въ охваченныхъ мусульманскимъ движеніемъ губерніяхъ въ большинствѣ состоитъ изъ татаръ, какъ печальное наслѣдіе политики управленія краемъ предмѣстника вашего сіятельства, усугубляя опасность, не даетъ возможности знать правду, какъ она есть въ дѣйствительности и едва ли способствуетъ Высочайшей волѣ о принятіи самыхъ энергичныхъ мѣръ къ подавленію движенія». Затѣмъ, предлагая свой планъ борьбы съ движеніемъ, генералъ Ширинкинъ говоритъ: «Предлагаемая на усмотрѣніе вашего сіятельства мѣра... несомнѣнно будетъ имѣть самые благопріятные результаты въ смыслѣ успокоенія возбужденнаго нынѣ населенія Закавказья, не говоря уже о томъ значеніи, какое будетъ имѣть эта мѣра для выясненія истинной доли полицейскихъ чиновъ-мусульманъ въ послѣднихъ событіяхъ, такъ какъ трудно допустить, даже въ теоріи, чтобы эта роль могла быть строго корректной при настоящихъ обстоятельствахъ» *).

Теперь, когда факты налицо, мусульмане, служащіе въ полиціи и агитировавшіе противъ армянъ, извѣстны по именамъ. Извѣстны и мотивы, которыми увлекали они темную массу. «Армяне злоумышляютъ противъ царя и хотятъ его извести, за это ихъ нужно бить»—вотъ основной мотивъ, безконечныя варіаціи котораго слышались передъ погромами въ Баку, Нахичевани и его уѣздѣ, въ Эриванѣ, въ Шушѣ, Елизаветполѣ и вообще всюду, гдѣ потомъ разыгрались погромы. Иногда онъ осложнялся мотивами экономическими. Вспоминались случаи съ истекшей давностью, застарѣлыя обиды, измышлялись всякаго рода небылицы. Однимъ изъ типичныхъ фактовъ этой категоріи, использованнымъ очень основательно, является судьба Балаханско-Сабунчанскаго нефтепромышленнаго раіона. Лѣтъ 25 тому назадъ вся площадь теперешнихъ промысловъ была покрыта цвѣтущими садами, принадлежащими мусульманами четырехъ смежныхъ деревень. Они распродали ее по участкамъ, на которыхъ стоятъ теперь промыслы, при-

---

*) На совѣщаніи нефтепромышленниковъ въ Петербургѣ въ концѣ сентября было высказано, какъ необходимое условіе возможности возобновить работы на промыслахъ,—удаленіе полицейскихъ чиновъ-мусульманъ. Съ этимъ вполнѣ согласился и генералъ Ширинкинъ, какъ сообщалось въ телеграммахъ его отъ 28, 29 и 30 сентября (см. „Русь“), согласно которымъ полицейскіе чины въ Баку и на промыслахъ замѣщены русскими.

носящіе огромные доходы. Покупателями были главнымъ образомъ армяне. И вотъ теперь агитаторы увѣряли легковѣрныхъ сельчанъ, что если они поднимутся на армянъ и начнутъ ихъ бить, то промыслы перейдутъ въ ихъ руки.

VIII.

Бакинскій губернаторъ Накашидзе, одинъ изъ ставленниковъ Голицына, принужденъ былъ форсировать событія еще потому, что, вызвавъ армянскій погромъ, онъ думалъ перешибить сильно развившееся рабочее движеніе въ Баку и на сосѣднихъ промыслахъ. Съ 1901 года тамъ начинается соціалъ-демократическая агитація. Успѣхи были очень быстрые. Послѣ двухъ попытокъ устроить политическія демонстраціи, лѣтомъ 1903 года была объявлена грандіозная забастовка, въ которой приняли участіе почти всѣ мѣстные рабочіе *). Мусульмане также примкнули къ ней, хотя они не причисляли себя къ соціалъ-демократамъ, къ которымъ принадлежали русскіе, грузины и армяне. Но примкнувъ къ забастовкѣ безсознательно, мусульмане же ее и провалили. Работы были возобновлены, хотя нефтепромышленники не сдѣлали серьезныхъ уступокъ. Убѣдившись въ неустойчивости мусульманскихъ массъ, администрація еще дѣятельнѣе стала вести среди нихъ пропаганду, разсчитывая съ ея помощью бороться также и съ сознательнымъ пролетаріатомъ. На первыхъ порахъ, однако, надежды, возлагавшіяся на татаръ-рабочихъ, не оправдались. Всеобщая забастовка, начавшаяся 13 декабря 1904 года и продолжавшаяся три недѣли, вырвала у нефтепромышленниковъ нѣкоторыя уступки. Едва она кончилась, пришла въ Баку страшная вѣсть о событіяхъ 9 января въ Петербургѣ. Волненія возобновились, и администрація, чтобы помѣшать новой вспышкѣ и отвлечь армянъ отъ совмѣстныхъ дѣйствій съ русскими и грузинскими рабочими, ускорила погромъ. Онъ начался съ февраля текущаго года. Роль губернатора Накашидзе, вице-губернатора Лилѣева, полицеймейстера и приставовъ въ настоящее время совершенно выяснилась. Они отбирали у защищавшихся армянъ оружіе, рѣшительно запрещали войскамъ спасать армянъ и останавливать татаръ, не посылали помощи горѣвшимъ и падавшимъ подъ выстрѣлами армянамъ. Татары дѣйствовали сначала очень робко, какъ бы не вѣря въ безнаказанность своихъ дѣйствій; ихъ приходилось подбадривать. Но пока они разошлись, армяне успѣли организовать самооборону, мусульмане стали нести потери, и властямъ не осталось ничего другого, какъ выступить въ роли примирителей.

По своимъ размѣрамъ даже первый бакинскій погромъ далеко

*) Ихъ насчитывалось до 35.000 чел., въ томъ числѣ мусульманъ 40%, русскихъ—25%, армянъ—20% и другихъ національностей—15%. См. № 259 „Русск. Вѣд.“.

оставилъ за собою Кишиневъ, Гомель и подвиги черной сотни въ коренной Россіи. Что же сдѣлала администрація, чтобы найти виновныхъ? Накашидзе остался губернаторомъ, Лилѣевъ не былъ смѣненъ, о большихъ перемѣщеніяхъ въ полиціи не было слышно. Зато въ Баку изъ Петербурга послали сенатора Кузьминскаго для ревизіи. Почтенный сановникъ привезъ съ собою цѣлую бюрократическую канцелярію, степенно собирая свѣдѣнія, не спѣшилъ уѣхать, не очень торопился обрабатывать свои матеріалы. Такъ что въ августѣ, когда въ Баку разразился второй погромъ, страшнѣе перваго, у него ничего не было готово, и даже изъ министерства, гдѣ привыкли къ неторопящимся чиновникамъ, его просили ускорить работы. Кромѣ Кузьминскаго, въ Баку прислали еще съ большими полномочіями одного изъ самыхъ старыхъ кавказскихъ генераловъ, князя Амилахвари. Онъ былъ очень строгъ, сильно всѣхъ распекалъ, но города не умиротворилъ. За то бакинскій фольклоръ обогатился безчисленнымъ количествомъ анекдотовъ. За время его пребыванія въ городѣ панисламизмъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Амилахвари, повидимому, имѣлъ причины не очень ему противодѣйствовать.

Безнаказанность главарей бакинскаго погрома усилила агитацію во всѣхъ армяно-татарскихъ уѣздахъ Закавказья. Армяне объ этомъ знали. Послѣ бакинскихъ дней комитетъ Дрошакистовъ обнаружилъ кипучую дѣятельность по снабженію оружіемъ армянъ. Но ему приходилось бороться съ большими затрудненіями, ибо полиція вмѣстѣ съ добровольцами изъ татаръ организовала слѣжку и всюду, гдѣ могла, отбирала у армянъ оружіе. Въ Нахичеванскомъ уѣздѣ Эриванской губерніи, гдѣ дѣйствовало много полицейскихъ чиновъ-мусульманъ, отобранное у армянъ оружіе раздавалось татарамъ. На персидской границѣ въ городѣ Ордубашѣ былъ штабъ погромщиковъ Эриванской губерніи. Губернаторъ Тизенгаузенъ не зналъ ни о чемъ и не принималъ никакихъ мѣръ. Его помощникъ Тарановскій, подобно Накашидзе въ Баку, зналъ обо всемъ и все одобрялъ. 12-го мая онъ вмѣстѣ съ татарскими ханами убѣждалъ нахичеванскихъ армянъ открыть лавки, не боясь ничего. Лавки были открыты, и люди, повѣрившіе честному слову вице-губернатора, убиты или сожжены чуть не на его глазахъ. Потомъ, когда армяне стали защищаться, по приказанію Тарановскаго полиція отбирала у нихъ оружіе, но отбирать оружіе и награбленное добро у татаръ было запрещено. Въ Нахичеванскомъ и смежныхъ уѣздахъ было разрушено и разграблено около 20 селеній, при чемъ тамъ повторились тѣ же сцены, что и въ Нахичеванѣ. Погромъ продолжался, когда, какъ будто въ насмѣшку надъ армянами, въ уѣздъ былъ присланъ изъ Тифлиса генералъ Алихановъ, мусульманинъ и близкій родственникъ организаторовъ погрома, хановъ нахичеванскихъ. У нихъ же онъ и остановился. Можно себѣ представить, какую защиту находили въ немъ армяне. Для нихъ у него были только

ругательства; у нихъ продолжали отбирать оружіе и раздавать его мусульманамъ. Въ деревняхъ солдаты иногда не выдерживали и вопреки приказанію Алиханова и его подручныхъ стали защищать армянъ. Тутъ панисламизмъ ужъ сталъ проявляться въ очень замѣтной формѣ; изъ-за границы, благодаря таинственнымъ сношеніямъ хановъ нахичеванскихъ съ персидскими властями, приходили курды, помогавшіе грабить, кое-гдѣ мелькали символы газавата (священной войны) — знамя пророка и зеленыя чалмы; муллы не стѣсняясь сулили гибель всѣмъ христіанамъ, пророчили конецъ русскому господству въ краю и близкое наступленіе царства Халифа, т.-е. турецкаго султана; обнаглѣвшіе отъ подстрекательства татары уже нападали на войска. Только въ Эривани, гдѣ армяне были хорошо организованы и татаръ въ полиціи было мало, погромъ былъ остановленъ сильнымъ отпоромъ въ самомъ началѣ. Татары сразу потеряли много убитыхъ и униженно запросили о мирѣ.

Въ іюнѣ Алиханова убрали, былъ командированъ на мѣсто принцъ Луи Наполеонъ, и сразу утихла рѣзня въ Эриванской губерніи, совершенно разорившая Нахичеванскихъ и окрестныхъ армянъ.

Въ это время уже было возстановлено намѣстничество, и кн. Воронцовъ-Дашковъ успѣлъ уже прибыть на Кавказъ. На первыхъ же порахъ ему пришлось столкнуться съ армянскимъ вопросомъ. Тутъ онъ убѣдился, какое «печальное наслѣдіе» оставилъ ему Голицынъ. «Управленіе» армянскими имуществами ничего кромѣ хлопотъ администраціи не приносило; доходы поступали благодаря бойкоту крайне туго; духовенство жило впроголодь; погромы довели до высшей степени возбужденія общество, которое открыто съ фактами въ рукахъ обвиняло администрацію; всюду шли сборы на оружіе, которое перевозилось подъ носомъ полиціи; въ Кутаисской губерніи не прекращалось аграрное движеніе; въ мусульманскихъ округахъ продолжалась пропаганда панисламизма. Царилъ хаосъ, въ которомъ ясно было одно: если не принять мѣръ, если во время не открыть хоть какой-нибудь клапанъ, неизбѣженъ страшный взрывъ. И клапанъ былъ открытъ: армянамъ Высочайшимъ указомъ 1-го августа были возвращены ихъ школы и церковныя имущества *).

---

*) Возвращеніе имуществъ сопровождается нѣкоторыми странными подробностями. Правда, на нихъ начислены „всѣ доходы, полученные во время казеннаго управленія", но почему-то вычтены „суммы, израсходованныя на пріемъ ихъ въ казну". Почему на армянскую церковь возложили эти расходы, остается непонятнымъ. Они были произведены не въ ея интересахъ, производить ихъ она не просила, вся исторія съ отобраніемъ имуществъ оффиціально признана основанной на „недоразумѣніи, возникшемъ вслѣдствіе неполноты дѣйствующаго законодательства". Иначе говоря, съ 12-го іюня 1903 года по 1-е августа 1905 года, между армянской церковью и администраціей шла тяжба; армянская церковь эту тяжбу выиграла, но на нее, вопреки всякой

Это была несомнѣнная, хотя крайне запоздалая капитуляція передъ общественными требованіями. Это былъ minimum тѣхъ уступокъ, которыя нужно было сдѣлать для того, чтобы положить начало умиротворенію «благодарной окраины»—Кавказа. Но сознаніе сдѣланныхъ политическихъ ошибокъ и попытка ихъ загладить пришли слишкомъ поздно. Къ тому же не успѣло армянское духовенство кончить своихъ молебновъ, какъ опять пришлось служить панихиды.

Съ новой небывалой силой разыгрались погромы въ Елизаветпольской и Бакинской губерніяхъ.

IX.

Погромъ начался съ города Шуши, 15-го августа и необыкновенно быстро распространился на окрестныя села. Тамъ, повидимому, все было подготовлено, и нѣсколько деревень были разгромлены въ первые же дни. Полиція усердно помогала этому дѣлу. Въ Шушѣ полицеймейстеръ-мусульманинъ лично застрѣлилъ двухъ армянъ, и если бы не быстрота организаціи самообороны со стороны армянъ, имъ грозили бы еще болѣе тяжелыя потери. Губернаторъ, пріѣхавшій въ городъ, запретилъ казакамъ стрѣлять въ татаръ. Въ шушинскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ, куда перекинулась рѣзня уже съ первыхъ дней, беки мобилизовали своихъ крѣпостныхъ, стали получать помощь изъ-за персидской границы, и священная пѣснь газавата стала раздаваться во всѣхъ углахъ. На этотъ разъ панисламизмъ принялъ сразу свои настоящія формы. Мусульмане нападали на русскія войска такъ же, какъ и на армянъ, и только жажда грабежа дѣлала во второмъ случаѣ ихъ нападенія болѣе ожесточенными. Джеваншірскій, Зангерурскій, Шушинскій и Елизаветпольскій уѣзды, города Шуша и Елизаветполь сдѣлались театромъ страшнаго погрома. Въ городахъ, а отчасти въ селахъ татары несли большія потери людьми; армянъ повидимому, убито меньше, ибо на ихъ сторонѣ кое-гдѣ бились войска, но, какъ и въ Эриванской губерніи, ихъ матеріальные убытки были огромны.

Въ Баку перестрѣлка началась 21 августа, но чтобы понять особенности второго бакинскаго погрома, нужно припомнить исторію весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Февральскія событія, которыя, благодаря энергіи рабочихъ не распространились на промыслы, послужили прекраснымъ мотивомъ про-

---

справедливости, возложены издержки, обусловленныя неправильными дѣйствіями противной стороны. И потомъ, что понимается подъ этими „суммами, израсходованными на пріемъ имуществъ въ казну“? Вѣдь эти „суммы“ очень трудно поддаются контролю, а вѣдомость составляли чиновники, считавшіе себя вправѣ не церемониться.

паганды въ рукахъ соціалдемократовъ, но изъ-за нихъ же организація лишилась нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ. Армяне, которые уже послѣ отобранія церковныхъ имуществъ стали покидать ее, теперь ушли почти всѣ въ члены комитета дрошакистовъ. Комитетъ представляетъ собою внѣклассовую національную организацію, въ которой находятъ мѣсто одинаково и буржуа, и крестьянинъ, и рабочій. Такая организація имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ средства самообороны, обильно снабжая оружіемъ, и люди, которымъ угрожала смерть на каждомъ шагу, предпочли сначала принять мѣры для защиты своей жизни, отложивъ борьбу за экономическіе интересы до болѣе благопріятнаго момента.

Съ другой стороны, мусульмане также сильно измѣнились послѣ февральскихъ дней. Прежде всего, ободряемые администраціей, они набрались смѣлости, а панисламизмъ сдѣлалъ ихъ еще болѣе фанатичными. Далѣе, раньше въ Баку было почти неизвѣстно шпіонство. Теперь, когда между мусульманами, служащими въ полиціи, и массою образовались тѣсныя связи, шпіонство сдѣлалось обычнымъ. Вслѣдствіе этого митинги, раньше проходившіе безпрепятственно и въ городѣ, и на промыслахъ, очень часто стали разгоняться.

Забастовка, объявленная 1 мая при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, не удалась. Русскіе и грузины стали на работу уже черезъ два дня, чернорабочіе же, амшары, бастовали недѣлю. Тогда Амилахвари, бывшій генералъ-губернаторъ, черезъ посредство мѣстныхъ татарскихъ нотаблей, попытался прекратить ее. Татарамъ позволили собрать сходку, которая, быстро рѣшивъ вопросъ о стачкѣ, очень долго говорила о томъ, что пора изгнать изъ промысловъ армянъ. Рѣшеніе ихъ не осталось втайнѣ, но такъ такъ послѣ сходки татары насильственными мѣрами быстро прекратили забастовку, то нефтепромышленники, а между ними и армяне, съ близорукостью, свойственной капиталистамъ, не только очень обрадовались помощи, но вдобавокъ устроили себѣ стражу изъ татаръ. Эта стража и дала новый контингентъ погромщиковъ.

Словомъ, перемѣна въ положеніи свелась къ тому, что культурныя организаціи сильно ослабѣли, а татары усилились, сдѣлались смѣлѣе и занимали положеніе очень удобное для производства погрома.

Соціалдемократы объявили новую (четвертую по счету) забастовку 17 августа, но армянамъ, которые знали, что дѣлается въ Шушѣ, и съ часа на часъ ждали того же въ Баку, было не до забастовки; они убѣдили часть рабочихъ примкнуть къ нимъ, и на промыслахъ забастовка не удалась. Въ городѣ же она началась. Забастовали трамвайные служащіе, а генералъ-губернаторъ Фаддѣевъ поставилъ на ихъ мѣсто солдатъ. Streikbrecher'ство на Кавказѣ—Фаддѣеву это должно было быть извѣстно—всегда вызывало репрессіи, а тутъ въ дѣло замѣшались еще солдаты. 20-го въ солдатъ, обслуживавшихъ конку, стрѣ-

ляли, и это послужило сигналомъ. Въ городѣ татары были отбиты съ большимъ урономъ соединенными усиліями войска и армянъ, на промыслахъ же разгорѣлся огромный погромъ.

Во всѣхъ августовскихъ событіяхъ особенно интересно положеніе, занятое администраціей по отношенію къ армянамъ и татарамъ. Еще до погрома бакинскіе нефтепромышленники всѣхъ національностей просили о разрѣшеніи учредить вооруженную охрану промысловъ. Намѣстникъ отказалъ. Когда началась рѣзня въ Шушѣ и окрестностяхъ, и появились тревожные симптоми въ Баку, армяне вновь просили дозволить имъ организацію сельской стражи изъ армянъ подъ командою русскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Просьба была поддержана начальникомъ кавказской полиціи генераломъ Ширинкинымъ. Намѣстникъ отказалъ. На бакинскихъ промыслахъ татары творили ужасы, а вотъ что гласятъ телеграммы съ мѣста:

«Отъ 28 августа. Въ Баку продолжается ужаснѣйшее кровопролитіе. Всѣ промыслы, вышки сожжены. Армяне нѣкоторыхъ промысловъ, свыше 2 тысячъ душъ, 4 дня выдерживали осаду, будучи осаждены 6 тысячами татаръ. 29 августа подошли войска съ артиллеріей и выручили осажденныхъ. Мусульмане стрѣляли въ домъ генералъ-губернатора. Армяне обезоруживаются полиціей.

«Отъ 3 сентября. Татары покушаются поджечь и разорить Черный Городъ, который охраняется только 60 солдатами и 14 казаками. Неоднократныя просьбы черногородцевъ объ усиленіи охраны оставлены безъ послѣдствій. Ждутъ новыхъ погромовъ. Тревожно. Армянъ разоружаютъ».

Это не опечатка. Татаръ приходилось разгонять артиллеріей, а разоружаютъ не татаръ, а армянъ. Когда люди, надъ которыми нависла смерть, просятъ о присылки помощи, имъ отвѣчаютъ, какъ Фаддѣевъ въ Баку: «Успокойте свои нервы, мѣры приняты», а когда погромъ разрастается, помощи не оказывается. Въ Шушѣ и ея окрестностяхъ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней татары купались въ армянской крови, не могли добиться сильной помощи: приходила то полсотня, то сотня казаковъ. Потомъ начальство увѣряло, что у него нѣтъ достаточнаго количества войска. Между тѣмъ не успѣли прійти изъ Кутаисской губерніи вѣсти о новыхъ крестьянскихъ волненіяхъ, какъ туда отправили цѣлую маленькую армію (5 баталіоновъ и терская казачья дивизія). Въ Озургетскій уѣздъ изъ самаго Кутаиса посланъ баталіонъ Кутаисскаго полка. Въ Тифлисѣ 29 августа на безоружную мирную толпу въ думѣ генералъ Яцкевичъ напустилъ сотню казаковъ, которые такъ усердно стрѣляли въ безоружныхъ гражданъ, какъ не стрѣляли въ вооруженныхъ татаръ въ Елисаветпольской губ. У администраціи не бываетъ недостатка въ войскахъ, когда приходится уничтожать «крамолу», а когда приходится укрощать черную сотню какой-бы то ни было національности, у администраціи вдругъ является кротость

ягненка и не поднимаются руки. Было бы впрочемъ невѣрно, если бы мы стали отрицать, что въ татаръ иногда стрѣляли и довольно энергично, но это случалось лишь только тогда, когда опьяненные видомъ зеленаго знамени пророка и пѣснею газавата, они нападали на войска. Администрація поняла, что панисламизмъ, который усилился только благодаря подстрекательству ея агентовъ, представляетъ опасность и для государства—и, разстрѣливая въ нѣкоторыхъ случаяхъ татаръ, хочетъ ввести движеніе въ надлежащія рамки. Армянъ бить можно, но на войска нападать или русскихъ убивать не дозволяется—вотъ смыслъ этихъ отеческихъ репрессій.

Что армяне все еще находятся подъ дамокловомъ мечомъ новыхъ погромовъ, видно изъ того, что генералъ-губернаторъ Елизаветпольской губерніи Такайшвили и елизаветпольскій губернаторъ продолжаетъ назначать татаръ на полицейскія должности. Среди вновь назначенныхъ есть не только люди, скомпрометированные въ послѣднихъ событіяхъ, но и настоящіе разбойники, какъ Мемади-Кизири-оглу, скрывавшійся до сихъ поръ отъ полиціи. Помощникъ намѣстника Султанъ Крымъ Гирей, мусульманинъ, перешедшій въ лютеранство, циркулярно приказалъ губернаторамъ не принимать энергичныхъ административныхъ мѣръ и не раздражать татаръ *).

Такимъ образомъ, у армянъ отнимаютъ оружіе и запрещаютъ имъ устраивать милицію, а татары вооружаются и количество провокаторовъ въ видѣ полицейскихъ чиновъ-мусульманъ постоянно возростаетъ попеченіями высшаго начальства. Армяне перенесли цѣлую серію погромовъ, въ теченіе которыхъ убито нѣсколько сотъ человѣкъ и матеріальнаго убытка имъ нанесено на сотни милліоновъ. И до сихъ поръ ни одинъ преступникъ ни крупный, ни мелкій, не попалъ на скамью подсудимыхъ.

Администрація вмѣстѣ съ черносотенной прессою на русскомъ и татарскомъ языкахъ пытается обмануть общественное мнѣніе. Они обвиняютъ во всемъ томъ, что произошло, армянъ или соціалдемократовъ. Это обвиненіе падаетъ, если припомнить, что армяне ниразу не напали на татаръ первые и что рѣзни не было въ тѣхъ уѣздахъ (напр. Ахалкалакскій, Ново-Баязетскій и др.), гдѣ армяне составляютъ большинство. Что касается соціалдемократіи, то вся ея исторія громко протестуетъ противъ приписыванія ей черносотенныхъ пріемовъ.

X.

И въ сотый и тысячный разъ неотвязно встаетъ вопросъ: Что же дальше? Вѣдь Кавказъ весь въ огнѣ. Гурія, Карталинія, Кахетія,

*) О послѣднихъ фактахъ см. *Сынъ Отечества*, №№ 74 и 75 маленькаго изданія.

Арменія, Тифлисъ, желѣзная дорога, промышленные центры—все волнуется, всюду льется кровь. Военное положеніе ничего не помогаетъ и ни отъ чего не предохраняетъ, спеціальные губернаторы необыкновенно быстро проникаются идеями начальства и начинаютъ преслѣдовать культурный слой людей и культурное движеніе *). При этихъ условіяхъ анархія не исчезнетъ никогда.

Нужно привить культуру Кавказу, а не насаждать въ немъ человѣконенавистничество. А это можно сдѣлать только однимъ путемъ—нужно дать полную свободу культурной дѣятельность. Передъ ней не устоитъ ничто. Началомъ такой политики можетъ послужить введеніе суда присяжныхъ и земства. Коренной пересмотръ рабочаго и аграрнаго законодательства долженъ совершенно перестроить экономическую структуру края. Аппетиты нефтепромышленниковъ и феодаловъ легко могутъ быть сокращены для того, чтобы рабочимъ и крестьянамъ дышалось полегче. Національности должны быть уравнены въ правахъ, и каждой изъ нихъ предоставлена такая роль въ общественныхъ дѣлахъ края, на какую ей даетъ права ея культурное развитіе. Это подниметъ соревнованіе и подниметъ общій культурный уровень **). Только тогда замолкнутъ выстрѣлы и стоны, только тогда надолго потухнутъ пожары, и «благодарная окраина» быстрыми шагами пойдетъ по пути экономическаго и культурнаго процвѣтанія. Для этого у нея есть данныя, но нѣтъ надлежащаго простора...

А. Дживелеговъ.

---

*) Справедливость требуетъ сказать, что принцъ Луи Наполеонъ, умиротворявшій Эриванскую губернію и нынѣ смѣненный, не принадлежалъ къ ихъ числу.

**) Я не касаюсь здѣсь вопросовъ объ отношеніи Кавказа и Россіи и о его мѣстномъ самоуправленіи, по которымъ у мѣстныхъ жителей еще не состоялось соглашенія.

МАРСЕЛЬЕЗА *).

Національный французскій гимнъ.

Руже де Лиль.

Переводъ съ французскаго.

Впередъ сыны родного края!
Пришелъ день славы. Страшный врагъ,
Насильемъ право попирая,
На насъ поднялъ кровавый стягъ.
Въ селеньяхъ горе и тревога,
Смятенье, дикій крикъ солдатъ,
Зарѣзанъ сынъ, зарѣзанъ братъ
У оскверненнаго порога.

Къ оружію, граждане! На землю
Пусть кровь безчестная падетъ,
Строй батальоны,—и впередъ
Впередъ, впередъ, впередъ!

Цари, отвергнутые нами,
Толпы измѣнниковъ, рабовъ,
Вы намъ готовили годами
Желѣзо тяжкое оковъ.
Для насъ, для насъ! Какое горе!
Французовъ смѣютъ оскорблять,
Задумавъ насъ въ безчестномъ спорѣ
Въ рабовъ старинныхъ обращать.

Къ оружію, граждане...

Какъ? Намъ грозятъ войска чужбины
Сковать закономъ нашъ очагъ,
И наши гордыя дружины
Въ пыли растопчетъ наглый врагъ!
О Боже, рабскими руками
Нашъ лобъ наклонятъ подъ ярмо...
Тиранамъ дерзкимъ суждено
Судьбы родной быть господами.

Къ оружію, граждане...

---

*) Въ виду того, что въ русской литературѣ нѣтъ стихотворнаго перевода „Марсельезы", помѣщаемъ эту первую попытку. *Ред.*

Дрожи, тиранъ, рѣшенье смѣло:
Измѣнѣ сгинуть суждено,
Братоубійственное дѣло
Уже разгадано давно.
Мы всѣ на бой пойдемъ рядами
И если юный строй падетъ,
Сама земля произведетъ
Иныхъ бойцевъ на битву съ вами.

Къ оружію, граждане...

Пусть лягутъ старшіе въ могилу,
Тогда настанетъ нашъ чередъ,
Ихъ прахъ святой вдохнетъ въ насъ силу
И смѣлость новую вдохнетъ.
Идя на путь, покрытый славой,
Мы не хотимъ ихъ пережить,
Мы страстно жаждемъ отомстить
И раздѣлить ихъ гробъ кровавый.

Къ оружію, граждане...

На бой! Но милость и прощенье—
Несчастнымъ жертвамъ и рабамъ,
Кого толкаетъ принужденье
На помощь жалкую врагамъ.
Мы оказать имъ милость рады,
Но смерть тиранамъ! Какъ? Прощать
Тигренка, душащаго мать?!
Тиранамъ смерть,—и нѣтъ пощады!

Къ оружію, граждане...

Любовь къ отечеству святая,
Пошли намъ въ помощь месть свою,
И ты, свобода дорогая,
Храни защитниковъ въ бою,
Чтобъ, истомясь въ борьбѣ кровавой,
Подъ сѣнью вольности знаменъ
Врагъ былъ разбитъ и пораженъ
Твоей побѣдой—нашей славой.

Къ оружію, граждане...

Вл. Ладыженскій.

ЖИЗНЬ—МГНОВЕНЬЕ.

(Изъ серіи «Война»).

I.

Капитану Шелонскому весь день было какъ-то не по себѣ. Такъ бываетъ передъ грозой, когда немилосердно паритъ, недвижный воздухъ насыщенъ электричествомъ, а въ головѣ—свинцовая тяжесть. Такъ бываетъ послѣ тяжелаго, яркаго видѣнія во снѣ, когда никакъ не можешь отвлечься отъ выстраданнаго и видѣннаго въ немъ.

Утромъ пріѣхалъ на позиціи изъ деревни Санлинцзы съ полутранспортомъ Краснаго Креста инокъ Михаилъ. Невысокаго роста, въ порыжѣвшей монашеской рясѣ и черной шапочкѣ клинышкомъ, изъ-подъ которой спливали на острыя отъ худобы плечи черныя кольца волосъ, обрамлявшихъ удлиненное на подобіе груши и словно вылѣпленное изъ прочнаго бѣлаго воска лицо, онъ долго сидѣлъ въ землянкѣ у Шелонскаго. Не сводя съ капитана своихъ бѣлесоватыхъ, странно мерцавшихъ глазъ, инокъ разсказываетъ тихимъ, глухимъ голосомъ про то, какъ позапрошлой ночью онъ сопровождалъ охотничью команду въ развѣдки въ долину смерти *). Таинственна и темна была ночь, какъ огромная пустая церковь, и солдатъ, шедшій рядомъ съ инокомъ, все шепталъ: «Господи, помилуй и сохрани насъ грѣшныхъ... «Господи, господи...» Долго шли они такъ, крадучись и въ скрытомъ страхѣ, вдоль сурово молчавшаго гаоляна, пока не обошли какую-то темную деревню и не наткнулись совершенно неожиданно на какія-то вновь возведенныя укрѣпленія. Сторожевое охраненіе японцевъ открыло бѣглый огонь, а иноку казалось, что это духи тьмы высовываютъ свои смертоносныя, огненныя жала. Охотничья команда благополучно отступила, но было глухо и темно всюду, и команда потеряла дорогу, и попала подъ огонь изъ нашихъ око-

---

*) Такъ называется мѣсто между Двухгорбой японской и Новгородской сопками.

повъ. Пока выяснилась ошибка, рясу инока Михаила прострѣлили въ двухъ мѣстахъ, и былъ убитъ наповалъ тотъ солдатъ, что шепталъ всю дорогу: «Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ...»

— Все въ рукахъ Божіихъ...—продолжалъ послѣ передышки блѣдный инокъ.

— Не погибъ отъ вражескихъ пуль, скончался отъ своей. Жизнь наша, господинъ капитанъ, коротка и бренна, не вѣдаемъ ни дня, ни часа. Сказано въ икосѣ: «земніе убо отъ земли создахомся, и въ землю туюжде пойдемъ, якоже повелѣлъ еси, создавый мя...»

Еще долго говорилъ онъ про то, что скоротечно и суетно все земное, что вѣченъ одинъ Богъ. И теперь болѣе, чѣмъ когда либо нужно думать о спасеніи души, ибо народъ возсталъ на народъ, и грядетъ въ ливнѣ огня и въ трепетѣ воздуха Антихристъ. Снился нѣкоему благочестивому схимнику вѣщій сонъ. Видѣлъ схимникъ на небѣ черепъ оскаленный и на лбу было написано: «се есть я—грѣхъ и кончина міра!»

Лицо инока блѣднѣло и становилось прозрачнѣе, грустные бѣлесоватые глаза мерцали страннымъ свѣтомъ, словно монахъ былъ освѣщенъ извнутри тихимъ бѣлымъ сіяніемъ. Онъ пытливо вглядывался въ самые зрачки богатаго, именитаго гвардейца, будто стараясь и на немъ найти и прочесть тѣ-же слова: «се есмь я—грѣхъ и кончина міра!» и все говорилъ тихимъ, глухимъ голосомъ.

А Шелонскій дѣлалъ четыре шага впередъ, круто поворачивался и снова дѣлалъ четыре шага впередъ, ходилъ, какъ маятникъ, между стѣнъ низкой землянки, обитой пыльными цыновками, касаясь почти потолка и задѣвая то столъ, то койку. Онъ ходилъ и слушалъ инока и ему становилось все болѣе тяжело, все болѣе не по себѣ. Безысходной тоской и грустью несло отъ рѣчей инока, и словно невидимая птица вѣяла вороновыми крылами надъ и безъ того печальной душой Шелонскаго. Наконецъ, онъ не выдержалъ и перебилъ монаха:

— Что это вы, отче, сегодня будто отпѣваете меня? Погодили бы, живучъ, какъ кошка! Лучше бы вчера зашли, пожалуй, нашли бы надъ кѣмъ звонить похоронную...

— Али что приключилося?—осторожно освѣдомился монахъ.

— И весьма даже. Съ поручикомъ Ахтаровымъ такъ залили за галстухъ, что превратились къ вечеру въ трупы.

— Нехорошо, нехорошо, господинъ капитанъ! О спасеніи души нисколько не думаете, нехорошо. Извѣстно: кому много дано, съ того много и взыщется!

— Это на томъ свѣтѣ, отче. А пока что, пока видишь свѣтъ солнца и пьешь душистое вино, пока что—«жизнью пользуйся

живущій!» Вѣдь вы сами сказали: жизнь коротка, и мы не вѣдаемъ ни дня, ни часа?!

— Да, господинъ капитанъ, не вѣдаемъ!—торжественно проговорилъ монахъ, опустилъ голову и задумался.

Наконецъ, инокъ Михаилъ ушелъ, обѣщавъ капитану зайти передъ отъѣздомъ въ Санлинцзы попрощаться. Шелонскій чувствовалъ къ этому простому, черному человѣку хорошее, ласковое чувство. Этотъ монахъ былъ очень добръ и безстрашенъ, а такихъ людей цѣнятъ на войнѣ и охотно водятся съ ними. И потому приглашеніе инока Шелонскимъ исходило отъ чистаго сердца.

Капитанъ бросился на койку, и та какъ-то болѣзненно ухнула подъ его вѣскимъ, плотнымъ тѣломъ. Нѣкоторое время онъ лежалъ неподвижно и съ закрытыми глазами, стараясь забыться, заснуть, будто уйти отъ самого себя, отъ той тяжести, что словно надгробная плита легла и придавила его душу. Но ни сна, ни дремы не было, а была все та же тяжесть, и печаль, и необъяснимое безпокойство. Не впервые эти чувства посѣщали Шелонскаго, они незамѣтно, медленно, тихо наростали въ немъ, какъ туча, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ сидѣнія на передовыхъ позиціяхъ, сидѣнія малопонятнаго, безсмысленнаго, подъ вѣчной угрозой смерти, среди ночныхъ тревогъ и бдѣній, среди лишеній, которыя возможно было устранить, и однихъ и тѣхъ же видовъ, порядковъ и лицъ, повидимому, не устранимыхъ. Много перевидалъ Шелонскій за годъ войны... видѣлъ какъ отступали тогда, когда нужно было бить и преслѣдовать, и какъ наступали, когда нужно было спѣшно уходить. Какъ мерзли люди въ холодѣ безъ валенокъ и полушубковъ, какъ изнемогали въ тяжелой и неудобной аммуниціи—въ страшную жару. Какъ посылали сотни людей на вѣрную смерть по недомыслію, и какъ лилось рѣкою шампанское тогда, когда неподобранные раненые корчились въ мукахъ на поляхъ сраженій. Люди покорно и молчаливо умирали, сами не зная, за что и почему; деньги народа горѣли въ дыму пожаровъ и таяли въ чаду попоекъ и въ грязныхъ вертепахъ. Мошенники и самохвалы кричали о любви къ отечеству и продавали и размѣнивали чистое золото этой любви на грязную, затасканную мѣдь. А надъ всѣмъ, какъ труба архангела, какъ угрюмый звонъ расколыхавшагося колокола, звучалъ неустанный зовъ грозной и безпощадной смерти, высматривавшей себѣ добычу. И Шелонскій зналъ, что никуда не убѣжишь отъ нея, не скроешься, да и стоитъ ли укрываться, разъ твоя собственная жизнь—ничтожная капля въ морѣ другихъ, нужныхъ, но, однако, гибнущихъ жизней, и разъ весь этотъ хаосъ, эта безсмыслица и воплощенная нелѣпость обречены на гибель — раньше или позже. Это убѣжденіе росло въ немъ, и подъ его давленіемъ Шелонскій

какъ и множество другихъ, рѣшилъ отдаться теченію, махнулъ на все рукой, старался заглушить въ себѣ чувство вѣчной тревоги и неувѣренности, старался не видѣть надъ собой вѣчной угрозы. Но вотъ, третьяго дня на глазахъ у Шелонскаго страшно изуродовало красавца-юношу, только что надѣвшаго офицерскіе погоны и радостно вступавшаго въ жизнь, словно на блестящій, шумный пиръ, изувѣчило и сдѣлало юношу жалкимъ, хворымъ калѣкой. Въ Шелонскомъ все встрепенулось, зажглось всюду проникающимъ свѣтомъ, забурлило. Потомъ какъ будто притихло, превратилось въ гнетущую тяжесть, въ безпокойство. Онъ попробовалъ залить *это* виномъ и водкой, да только на время помогли они ему... А потомъ было все то же.

И вотъ, теперь лежалъ на койкѣ въ полутемной, душной и холодной землянкѣ не блестящій, одаренный всѣми благами міра, именитый гвардеецъ, а измученный, усталый, съ разбитымъ тѣломъ и больной ноющей душой человѣкъ и невольно ждалъ, не придетъ ли кто-либо къ нему и не раздѣлитъ ли съ нимъ одиночество... Но никто не приходилъ, а время шло, и Шелонскій услыхавъ возню вѣстового въ темныхъ, узкихъ сѣнцахъ, позвалъ:

— Григорій!..

— Чего извольте?—высунулась изъ-за цыновки курчавая голова денщика и съ плоскаго, изрытаго оспой, будто истыканнаго гвоздями лица глянули на капитана плутовскіе, сильно косящіе глаза.—Чего извольте? — повторилъ онъ, видя, что баринъ надъ чѣмъ-то задумался.

— Ахъ, да... Послушай, хочешь отъ меня уйти, а?

Вѣстовой выпучилъ глаза, еще больше скосилъ ихъ и молчалъ.

— Я тебя спрашиваю: хочешь уйти отъ меня въ роту и быть настоящимъ, понимаешь, солдатомъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе! — что-то ужъ очень быстро выпалилъ Григорій, видимо, слегка испугавшись и недоумѣвая въ одно и то-же время.

— Почему? Развѣ весело сапоги чистить весь день или пустыя бутылки таскать?

— Ни-ка... Тошно такъ! — плутовскіе глаза улыбнулись.—Въ ротѣ, ваше выбродіе, чижяло, того и гляди тюкнутъ. Здѣся спокойнѣе...

— Коли тюкнуть должны, такъ и здѣсь достанутъ. Боишься смерти?

— Боюся!—совершенно искренно откликнулся вѣстовой. — У меня, вашбродіе, хозяйство, семья осталась.

— Ступай!

«У всѣхъ гвоздемъ засѣла мысль о смерти, всѣ боятся...» —

пронеслось въ головѣ у Шелонскаго, а въ душѣ сильнѣй заныла точно незажившая рана и было грустно и молчаливо, какъ въ опустѣвшемъ домѣ, а мысли текли тусклыя и скучныя будто осеннее небо.

Капитанъ потянулся къ грубо сколоченному изъ неотесанныхъ досокъ и покрытому пожелтѣвшимъ газетнымъ листомъ столу и вытащилъ изъ-подъ бинокля розовый листокъ бумаги, весь исписанный мелкимъ, какъ бисеръ, почеркомъ и пропитанный нѣжнымъ, слабымъ ароматомъ фіалокъ.

«...Дорогой, милый вы, мой!—упалъ его взглядъ на середину листка. — Въ Женевѣ мы получаемъ ежедневно газеты и ежедневно читаемъ про тѣ ужасы, среди которыхъ вы живете... Какъ много страдаете вы тамъ, въ противной Маньчжуріи, среди какихъ лишеній и картинъ проводите дни и ночи! Стыдно становится за себя, за всѣхъ насъ, праздныхъ, сытыхъ, мирно спящихъ... Такъ и улетѣла бы къ вамъ, героямъ, да, вотъ, мама и докторъ не пускаютъ! Неужели я такъ больна?! Но нѣтъ, нѣтъ... просто мнѣ нужно, нужно видѣть васъ, говорить съ вами...»

— Охъ, если бы она только знала!., Милая... Герои...

Шелонскій почувствовалъ, что у него дрожатъ губы, и на глаза навертываются слезы. И сквозь туманъ непрошенныхъ гостей онъ словно увидѣлъ дачу въ Павловскѣ... Бѣлая, призрачная ночь... Чутко дремлютъ березы... За ними, въ темной колыбелѣ сосенъ, тихо спитъ заря... Ни шороха, ни звука... Свѣтъ отъ краснаго, словно кровь, абажура лампы падаетъ на воздушную, тонкую фигуру княжны Ирины... Чахоточный румянецъ играетъ на ея щекахъ, лучистый свѣтъ въ ея глазахъ... Княжна, волнуясь, читаетъ, ужасное стихотвореніе страннаго поэта Эдгара По и странно-звучныя рифмы плывутъ, звеня какъ струны, на крыльяхъ бѣлой ночи:

Во тьмѣ безутѣшной—блистающій праздникъ,
Огнями волшебный театръ озаренъ.
Сидятъ серафимы, въ покровахъ, и плачутъ,
И каждый печалью глубокой смущенъ.
Трепещутъ крылами и смотрятъ на сцену,
Надежды и ужасъ проходятъ, какъ сонъ,
И звуки оркестра въ тревогѣ вздыхаютъ,
Заоблачной музыки слышится стонъ...

Потомъ проползетъ на сцену жизни, какъ червь, смерть-побѣдительница... Чутко дремлютъ березы... Пахнетъ фіалками... Княжна, словно она уже видитъ этого отвратительнаго червя, словно онъ ползетъ именно къ ней, все сильнѣй волнуется... Шелонскій останавливаетъ ее и тихо говоритъ:

— Княжна... Нельзя такъ... Погодите...

Красный, какъ кровь, свѣтъ лампы... Бѣлая призрачная ночь...

Въ воздухѣ проносится точно вихрь тяжелый, гулкій ударъ орудія. Грубый голосъ денщика говоритъ:

— Ваше высокоблагородіе... Пора, четвертый часъ.

Ага... Это начала пробную стрѣльбу по японскимъ позиціямъ осадная артиллерія изъ-за Шахэ, только что уставленная тамъ. Командиръ дивизіона, гвардейскій-артиллеристъ, хорошо знакомый Шелонскому по Петербургу, звалъ капитана наблюдать за стрѣльбой на Новгородскую сопку... Надобно идти...

II.

Шелонскій натянулъ романовскій полушубокъ, нахлобучилъ енотовую папаху и, перекинувъ черезъ плечо бинокль, вышелъ изъ землянки, похожій въ такомъ костюмѣ больше на сибирскаго купца, чѣмъ на офицера.

Передъ нимъ, со склона сопки, открылась во всю свою ширь, какъ на ладони, скованная морозомъ, огромная подмукденская равнина, терявшаяся въ полоскѣ не то мглы, не то дыма. Ровная, какъ билліардное поле, безъ единаго веселаго пятна, сѣровато-желтая, съ темно-сѣрыми пятнами рѣдкихъ китайскихъ фанзъ—она вѣяла скукой и безотрадностью пустыни. Такъ-же унылъ и пустыненъ былъ опрокинувшійся надъ ней блѣдно-голубой куполъ неба, покрытый какимъ-то прозрачнымъ налетомъ. И на этомъ тоскливомъ фонѣ угрюмо вырисовывались—шагахъ этакъ въ тридцати, некрашенные деревянные кресты надъ могилами тѣхъ, кто былъ убитъ наповалъ на позиціяхъ, и кому не суждено было больше увидѣть родины. Бывало, прежде Шелонскій, по привычкѣ, какъ всѣ, не замѣчалъ этой грустной, молчаливой семьи крестовъ, но послѣдніе дни онъ не могъ пройти мимо нихъ безъ внутренней дрожи. Такъ было и сейчасъ, и капитанъ быстро отвернулся и сталъ подниматься вверхъ по сопкѣ.

Сопка до половины шла, какъ лѣстница великановъ, правильными искусственными уступами и въ каждомъ уступѣ были вырыты рядами землянки. Кое-гдѣ входъ въ нихъ защищался дверью изъ почернѣвшихъ досокъ, чаще—плетенками изъ толстаго гаоляна или старымъ, потерявшимъ всякій опредѣленный цвѣтъ, одѣяломъ. Тамъ и сямъ курились синеватые дымки небольшихъ костровъ, и свѣтло-желтые языки пламени лѣниво лизали казанки съ водой и какимъ-либо, отдававшимъ запахомъ жира, варевомъ. Тамъ и сямъ, то по одиночкѣ, за чисткой ружей и рубкой дровъ, то кучками, безъ дѣла—виднѣлись солдаты, кто въ шинеляхъ, кто въ короткихъ дубленыхъ полушубкахъ, всѣ въ низкихъ косматыхъ папахахъ, лежавшихъ на головѣ словно

кона густыхъ, черныхъ волосъ. Черты ихъ лицъ, обвѣянныхъ морознымъ вѣтромъ и обожженныхъ солнцемъ, темныхъ, истрескавшихся, загрубѣлыхъ, казались суровыми и высѣченными изъ камня. Взоры, привыкшіе долго и напряженно всматриваться въ темноту ночи, были тяжелы и неподвижны. Въ кучкахъ шелъ степенно-спокойный и равнодушный разговоръ, словно эти бородачи разсуждали о томъ, нужно ли имъ завтра выходить на косьбу или нѣтъ, и какова будетъ погода. На офицера почти не обращали вниманія: здѣсь былъ не Невскій проспектъ, а бивачная спина о спину жизнь, здѣсь передъ лицомъ опасности и смерти, на виду у врага — были всѣ равны. На одной изъ площадокъ неуклюжій солдатъ въ коричневой теплой рубахѣ на выпускъ и коричневыхъ валенкахъ гонялся съ свирѣпымъ видомъ за бѣленькимъ теленкомъ, что ускользалъ отъ солдата, смѣшно прыгая и задравши хвостъ. За бѣгавшими тупо-внимательно наблюдалъ изъ-подъ навѣса вислоухій «маньчжурскій соловей» *) и отчаянно ревѣлъ, вкладывая въ ревъ всю свою непонятную ослиную душу.

Шелонскій поднимался все выше. Въ одномъ мѣстѣ, у землянки, входъ въ которую былъ завѣшанъ пыльнымъ одѣяломъ съ дырой по серединѣ, слуха капитана коснулся выходившій изъ-подъ земли громкій, задыхавшійся голосъ, что-то читавшій нараспѣвъ и съ удареніемъ на «о». Шелонскій заглянулъ въ дыру и увидѣлъ на днѣ темной ямы полулежавшаго человѣка съ истрепаннымъ молитвенникомъ въ рукахъ, который онъ приблизилъ къ самому лицу.

— Никифоровъ!

— «Помощь моя отъ Господа, сотворившаго небо и землю. Не даждь въ смятеніе ночи Твоея, ниже воздремлетъ хранятъ тя»...

— Никифоровъ, что это ты?

— Въ развѣдку, ваше высокоблагородіе, назначенъ...—очнулся читавшій и по его торжественному лицу прошлась словно тѣнь.—Такъ что... готовлюсь...—не сумѣлъ онъ иначе объяснить и невольно высказалъ голую, суровую правду.

На слѣдующемъ уступѣ Шелонскій наткнулся на группу солдатъ, неестественно громко хохотавшихъ надъ чѣмъ-то и окружавшихъ тѣснымъ кольцомъ двухъ охотниковъ въ черныхъ мундирахъ съ зелеными нашивками. Одинъ изъ нихъ отчаянно-визгливо пиликалъ на самодѣльной скрипкѣ, другой изображалъ какой-то мудреный, разухабистый танецъ, и частый стукъ каблуковъ о мерзлую землю мѣшался съ поощряющими окриками «э-ха!» толпы и рвущимся пискомъ скрипки. Но странно: и у

---

*) Оселъ.

танцора, и у музыканта осѣло на лицахъ серьезное, озабоченное выраженіе, точно они исполняли тяжелый долгъ и были далеки душой отъ пляски и музыки. На позиціяхъ ничто не происходитъ безъ причины, и Шелонскій поспѣшилъ окликнуть толпу:

— Здорово, ребята! По какому случаю?

— Здравія желаемъ, ваше выс-бро-дье... Въ дальнюю развѣдку.

— А... Ну, Богъ въ помощь, ребята!

— Па-а-корно бла-о-даримъ...—возбужденно гаркнули изъ толпы

Передъ дальней, страшной дорогой, передъ невѣдомой опасностью и неизвѣстнымъ концомъ одинъ брался за молитвенникъ и молился, другой хватался за скрипку и безшумно плясалъ. Но въ душѣ у обоихъ было одно и то-же мутное, жуткое чувство.

Уступы кончились. Шелонскій вошелъ въ глубокій ровъ, потомъ поднялся въ окопы, окружавшіе вершину сопки, и, пробираясь все выше, изъ яруса въ ярусъ, достигъ наконецъ, мѣста, гдѣ стояла кучка артиллерійскихъ офицеровъ.

III.

Дородный, румяный подполковникъ протянулъ, не глядя, руку Шелонскому и продолжалъ громко говорить въ трубку полевого телефона:—...да, да, на градусъ сѣвернѣе... Перелетъ триста саженъ... Передайте командиру батареи, чтобы руководился квадрантомъ. Огонь!—и, опуская трубку телефона, пояснилъ капитану:—Пристрѣливаемся по Двухгорбой сопкѣ. Воображаю, какъ переполошились макаки, получивъ нежданный привѣтъ осаднаго... ха-ха-ха!.. Какъ настроеніе, Шелонскій?

— Ни шатко, ни валко...

— То-есть, мерехлюндія? Ха-ха... Знаете, что: васъ бы сейчасъ куда-нибудь этакъ къ Кюба, а затѣмъ... затѣмъ, помните, на эту дачу въ греческомъ вкусѣ у Стрѣлки, къ ma chère'очкѣ, ха-ха... Встряхнулись бы въ одно мгновеніе!

— «Чортъ бы взялъ тебя, вмѣстѣ съ твоей шерочкой»...—злобно подумалъ Шелонскій,—а вслухъ сказалъ:—Сомнѣваюсь.

— Bon Dieu, какъ они тамъ копошатся! Почему медлятъ?—закричалъ онъ снова въ телефонъ.—Огонь! А я хлопочу о командировкѣ въ Питеръ, скучновато у васъ здѣсь, Шелонскій!

— Да, не весело. Это не Баденъ-Баденъ...—невольно усмѣхнулся капитанъ.

Изъ-за синевато-снѣжной ленты Шахэ блеснулъ снопъ огня и дыма; затѣмъ словно ударили желѣзнымъ молотомъ и страшно зазвенѣло въ ушахъ; по самой серединѣ пустыннаго неба, казалось—чуть не задѣвъ солнца, ринулся огромный, не знающій преградъ, невидимый снарядъ, полетъ котораго могло уловить

лишь ухо; всѣ закинули высоко, кверху головы и, затаивъ дыханіе, жадными глазами слѣдили за медленно удалявшимся жуткимъ звукомъ. А онъ точно разрѣзалъ блѣдно-голубыя высоты на двѣ, дрожавшихъ отъ страха, половины, провелъ длинную, глубокую борозду, полную трепетнаго гула и угрюмаго завыванія, и расколыхалъ самыя нѣдры воздуха... Вотъ, гулъ сталъ стихать, вдали за сопкой слабо бацнуло и показался дымокъ.

— Однако, япошки и въ усъ себѣ не дуютъ...—гнѣвно заявилъ блѣдный и бритый, какъ актеръ, молодой артиллерійскій офицеръ, глядѣвшій все время въ бинокль.—Черти!

— Погодите, всему свое время. Направленіе вѣрное, перелетъ, взять ближе на триста саженъ. Огонь! Не мѣшкайте только!—проговорилъ въ трубку подполковникъ и повернулся къ Шелонскому:—Слыхали, какой скандалъ произошелъ въ третьемъ корпусѣ съ сестрицей милосердной? Нѣтъ? Ха-ха... Слушайте...

Плотоядно блестя красивыми, но какими-то бараньими глазами, артиллеристъ началъ разсказывать сальную исторію. Шелонскій разсѣянно слушалъ его, осматривая по привычкѣ окрестность.

Справа высилась Путиловская сопка, вся исчерченная укрѣпленіями и уступами землянокъ; небольшой холмъ, похожій на гигантскій муравейникъ и кишѣвшій карликами-людьми, былъ соединенъ съ Новгородской сопкой, гдѣ находился Шелонскій, пологимъ кряжемъ, покрытымъ густой сѣтью телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ, проволочныхъ загражденій и вырытыхъ въ шахматномъ порядкѣ волчьихъ ямъ. Слѣва, вдали туманилась печальная горная цѣпь, будто сторожившая равнину, и на далекихъ вершинахъ тускло-холодно блестѣли снѣга. Весь горизонтъ замыкала изломанная линія японскихъ фортовъ, окаймленная мрѣющей воздушной каймой, и въ центрѣ ихъ громоздилась такъ похожая на верблюжью спину Двухгорбая сопка. А все видимое пространство между нашими и японскими сопками, вся долина, вогнутая какъ чаша, была точно взрыта плугомъ, пробуравлена и изрѣзана могучими горными потоками. Низкіе столбики проволочныхъ загражденій, обвитые словно стальными угрями; зіявшія пасти воронкообразныхъ волчьихъ ямъ съ торчавшими внутри ихъ острыми колами, что ждали добычи; слабо взрыхленныя полосы фугасовъ; извилистые темные ходы, поднявшіе земляные сѣрые хребты, окопы, траншеи—все это чередовалось въ страшной послѣдовательности между собою, все это было создано усиліями хитраго, жестокаго ума и каменнаго сердца. Кое-гдѣ вились пепельные дымки. Рвами шли игрушечные люди въ черныхъ папахахъ и мерещилось, будто это ползли длинные черви о многихъ черныхъ звеньяхъ. Холодные, косые лучи солнца освѣщали эту жуть, эту долину смерти и та какъ-то странно мерцала подъ по-

токами пыльнаго, полнаго острыми, морозными, алмазными иглами свѣта.

Опять изъ-за Шахэ блеснулъ свѣтъ огня и дыма; снова ударилъ желѣзный молотъ, и небо раскололось на двѣ дрожавшихъ половины, и былъ трепетный гулъ и вой въ воздухѣ. Потомъ передъ Двухгорбой сопкой взвился громадный столбъ бѣлаго дыма и что-то гулко бацнуло.

— Зашевелились-таки, господинъ полковникъ... Вонъ, справа гдѣ работаютъ кирками...—доложилъ бритый офицеръ.

— Великолѣпно! Направленіе вѣрное, недолетъ, взять на сто пятьдесятъ саженъ... Огонь! Мы имъ покажемъ...

Въ бинокль было видно, что снарядъ разорвался среди цѣпи крошечныхъ, точно вырѣзанныхъ изъ картона, японскихъ саперъ, долбившихъ землю, какъ дятлы, игрушечными кирками. Саперы бросились въ разсыпную, а потомъ кинулись обратно и столпились вокругъ мѣста взрыва, можетъ быть, подбирая убитыхъ и раненыхъ.

Все чаще гремѣли удары молота, въ небѣ колыхался воющій гулъ, все ближе и ближе къ горбамъ японской сопки рвались тяжелые снаряды и вспыхивали облака густого, сизо-бѣлаго дыма. Артиллерійскій подполковникъ то и дѣло покрикивалъ въ трубку телефона: «недолетъ, сто... недолетъ, пятьдесятъ... направленіе вѣрное... огонь!» и, видимо, начиналъ сердиться на то, что японцы сидятъ смирно и не отвѣчаютъ огнемъ на огонь.

А капитанъ смотрѣлъ на его румяное, выхоленное лицо, съ старательно напомаженными усами и влажно блестѣвшими синими глазами, на надменно-спокойнаго, бритаго, какъ актеръ, молодого офицера; на равнодушныя, скучныя лица солдатъ, унизавшихъ, какъ привычные зрители ярусы окоповъ; на какого то смѣльчака въ дубленомъ полушубкѣ, хладнокровно развѣшивавшаго мокрыя, красныя и синія, рубахи на проволокахъ загражденій, смотрѣлъ и думалъ, что въ жизни этихъ людей таится тихій и холодный ужасъ, что надъ ними нависла, какъ грозный мечъ, ежеминутная опасность, а они, какъ глухіе и слѣпые, не сознаютъ этого и равнодушно, спокойно шлютъ тѣмъ далекимъ, другимъ людямъ страшное зло, угрозу смерти...

Шелонскій невольно прислушался. За нимъ въ полъ-голоса говорили про деревню два стрѣлка.

— Всѣ кланяются, живы и здоровы... Только, вотъ, дѣдъ Михѣй подъ самое Рождество померъ, да Анютка малость прихворнула...

— Про хлѣба ничаво не пишутъ тебѣ?

— Урожай пло-о-хенькій, самъ-три. Градомъ, вишь, прибило... Бѣда... Да еще село-то съ краю выгорѣло: баютъ, поджогъ.

— Вишь, ты-ы...

— А мы вчера съ поручикомъ, — заговорилъ артиллеристъ, указывая биноклемъ на бритаго офицера,—ужинали у графа Олесова, уполномоченнаго, и ѣли чудныя почки-сотэ... То-есть, одинъ восторгъ, а не почки.

— А Chiaux, — господинъ полковникъ? Вы забыли про него. И какая дешевизна въ этомъ Мукденѣ: бутылка итальянскаго—рубль. Не было лишь... дамъ.

Капитанъ поймалъ въ рядахъ солдатъ чей-то укоризненный, горящій подавленнымъ гнѣвомъ и насмѣшкой взглядъ. Въ то же время на японской сопкѣ, между двухъ горбовъ, всталъ во весь ростъ огромный столбъ пыли и дыма и громко бацнуло надъ всей, странно мерцавшей въ потокахъ; сверкавшаго тысячами алмазныхъ иглъ свѣта—долиной.

— Очень хорошо, ха-ха!—крикнулъ полковникъ въ трубку.—Продолжайте, продолжайте... Огонь!

Шелонскому стало невыносимо. Онъ круто повернулся и, не попрощавшись, началъ обходить ярусы окоповъ и спускаться съ сопки.

Гдѣ-то слѣва, въ воздухѣ вспыхнулъ шрапнельный дымокъ и лопнулъ съ сухимъ трескомъ первый снарядъ

Японцы отвѣтили.

IV.

На первомъ уступѣ, за сопкой, навстрѣчу капитану попался старый генералъ въ сильно полинявшемъ и позеленѣвшемъ сюртукѣ на бараньемъ мѣху, въ порыжѣвшихъ сапогахъ и старенькомъ картузѣ блиномъ, но зато съ новенькими, сіявшими позолотой генеральскими погонами на покатыхъ плечахъ. Мѣсяца четыре тому назадъ онъ доживалъ свой вѣкъ въ одномъ изъ окружныхъ управленій въ чинѣ полковника, составлялъ и подписывалъ отношенія и рапорты, исправно пилъ по утрамъ кофе со сливками, помногу спалъ, любилъ перекинуться въ картишки и послушать игривый «анекдотикъ». Но стряслась «бѣда», понадобились генералы, полковнику дали чинъ и назначили начальникомъ важнаго участка въ центрѣ передовыхъ расположеній. Здѣсь онъ попрежнему отписывался по всякому случаю въ штабъ, пилъ кофе, но безъ сливокъ, игралъ уже не въ преферансъ, а въ банчекъ. Но спать помногу не удавалось и было совсѣмъ ужъ не безопасно, а поэтому генералъ втихомолку ругалъ общіе порядки и рѣдко показывался на сопкѣ. Какъ армеецъ, онъ чувствовалъ невольное уваженіе къ богатой и вліятельной гвардіи и восхищался Шелонскимъ.

На перерѣзъ къ генералу шелъ франтоватый офицеръ генеральнаго штаба въ куцей, австрійскаго образца фуражкѣ съ бархатнымъ околышемъ. Всѣ трое встрѣтились на перекресткѣ и

пожали другъ другу руки. Штабный офицеръ звякнулъ шпорами и съ неуловимой ироніей въ голосѣ сказалъ:

— Имѣю честь доложить вашему превосходительству, что батарея не можетъ открыть огонь по непріятелю.

— Какъ?—не разслышалъ генералъ и приложилъ ладонь къ уху.—Какъ?

— Не можетъ открыть огонь по непріятелю.

— Почему?

Офицеръ разставилъ по кавалерійски ноги и насмѣшливо искривилъ губы.

— Командиръ батареи заявилъ, что у него осталось всего на всего по десяти гранатъ на каждое орудіе; съ летучаго парка ужъ два дня не подвозятъ снарядовъ и онъ боится остаться совсѣмъ безъ нихъ.

— Вотъ, видите, милый,—обратился генералъ къ Шелонскому,—какъ мнѣ здѣсь тяжело живется и какіе у васъ порядки! Мнѣ доносятъ съ наблюдательнаго поста, что съ востока на западъ передвигаются пять японскихъ батарей и что есть возможность ихъ обстрѣлять. Я приказываю полевой батареѣ открыть огонь, а мнѣ говорятъ: «извините, не могу!» Почему онъ «не можетъ?» Потому, что тылъ ничего не дѣлаетъ, бьетъ баклуши! Вотъ, и воюйте... Нужно будетъ немедленно написать о семъ въ штабъ арміи, какъ такъ.

— Не лучше ли будетъ, ваше-ство, сказать по телефону? Съ бумагой долго... прокопаются,—заявилъ штабный офицеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, напишите бумагу. На бумагѣ какъ-то крѣпче, солиднѣе.

— Слушаю-съ! Ваше-ству извѣстно, что сегодня утромъ на батареѣ убитъ одинъ номеръ, раненъ тоже одинъ?

— Очень жаль. Что-же, надо похоронить, да, именно похоронить...

Сердце у Шелонскаго сильно сжалось, въ груди больно заныла словно на минуту притихшая невидимая рана. А генералъ сдѣлалъ «ручкой» капитану и прибавилъ:

— Такъ-съ... Заходите какъ - нибудь ко мнѣ вечеркомъ на чашку чая, разскажу вамъ презабавный анекдотикъ... Ну, Вячеславъ Ивановичъ, пойдемте писать въ штабъ, въ нашъ знаменитый штабъ!

— Слушаю-съ, ваше-ство.

Они разошлись. Сопка была ужъ вся въ тѣни. Изъ-за сѣрой остроконечной верхушки раскинулось вѣеромъ холодное золотистое сіяніе. Ледкомъ тянуло съ далекой снѣжной цѣпи горъ, и въ воздухѣ чаще сверкали острыя иглы. На горизонтѣ, тамъ, гдѣ безрадостная равнина сливалась съ небомъ, сгущался сизый туманъ. Надъ сопкой вспыхнула вторая шрапнель.

Солдаты поспѣшно убирали казанки и скрывались въ землянкахъ.

Шелонскій прибавилъ шагу и черезъ нѣсколько секундъ очутился въ своемъ уступѣ.

Мимо капитана прошелъ подъ командой невозможно худого и загорѣлаго зауряд-прапорщика взводъ пѣхоты, ощетинившійся штыками, прошелъ молча, угрюмо, нестройно. Эти люди шли держать ночные караулы впереди сопки и на нихъ словно лежала какая-то особая, зловѣщая печаль.

— Смир-р но... Рравненіе-на-право!—раздалась команда.

Никто не повернулъ головы. Шелонскій поспѣшилъ войти къ себѣ.

Тамъ, расположившись на табуреткахъ, горячо спорили о чемъ-то два собесѣдника, похожихъ другъ на друга такъ-же мало, какъ ель на осину. Одинъ изъ нихъ, военный врачъ, былъ высокъ и тонокъ, какъ жердь, былъ неряшливо одѣтъ, весь кипѣлъ и двигался, точно на иголкахъ, говорилъ быстро и нервно и обликомъ напоминалъ загорѣвшаго на полевыхъ работахъ и достаточно отощавшаго рязанскаго мужичка. Другой, интендантскій офицеръ со значкомъ на щегольскомъ, какъ съ иголочки, сюртукѣ, былъ тученъ словно фараонова корова, волоокъ и узколобъ, цѣдилъ слова сквозь зубы и очень смахивалъ на буфетчика изъ восточныхъ «человѣковъ».

— Васъ бы всѣхъ повѣсить на первомъ деревѣ.. — кричалъ, захлебываясь, военный врачъ. — Такъ дѣлать не годится, да-а... Вы хотите, чтобы въ войскахъ эпидемія развилась, а? На то вы и интендантъ, чтобы у насъ все было!

— Мы здѣсь, сударь, вы, мой, совершенно не при чемъ...— цѣдилъ интендантскій офицеръ, пуская кольцо дыма.—По-просту, у насъ слишкомъ мало подвижного состава. Мы не успѣваемъ всего подвозить, а полки намъ вовсе не помогаютъ.

— А перевезти мебель изъ Харбина въ Телинъ для вашей «собственной» американки вы сумѣли? Подвижной составъ оказался, а?

— Это, сударь, мое личное дѣло. Интимности прошу не касаться...

— Въ чемъ дѣло? О чемъ шумите, господа?—спросилъ Шелонскій, сбросивъ полушубокъ и папаху.

— Представьте себѣ, Петръ Васильевичъ... — заторопился врачъ.—Я открываю ужъ четвертый случай цынги. Почему цынга, откуда цынга? Пища солдата прѣсна, пища солдата однообразна и мало питательна, нѣтъ зелени, нѣтъ сушеныхъ овощей, нѣтъ кислотъ... Интендантство всего этого не заготовило, интендантство ничего не доставляетъ, а небось содержанокъ себѣ завело!..

— А у васъ медикаменты да перевязочный матеріалъ есть?— засмѣялся интендантъ.—Нѣтъ! Ну, и молчали бы! Не стрѣляться же вамъ изъ-за этого... Что же касается содержанокъ, такъ я всенародно удостовѣрю, что вы, писаная скромница, недѣлю тому назадъ на вокзалѣ въ Мукденѣ таращили глаза передъ бѣлокурой американкой, миссъ Эленъ!

— Никудышный примѣръ!

— Оставьте, господа, спорить и отыскивать не-мно-гихъ виновныхъ. Въ концѣ концовъ всѣ мы виноваты—одинъ такъ, другой иначе, болѣе или менѣе... И, кажется, только мы на это и способны, что быть въ чемъ нибудь виновными... Здѣсь какъ-то чувствуешь себя безсильнымъ, руки опускаются, душа становится тряпкой... Простого письма въ Россію и то не напишешь...

— Вѣр-но, Петръ Васильевичъ... — подтвердилъ врачъ. — Въ этомъ болотѣ и среди этого царства бездѣлья совсѣмъ балдѣешь. Повѣрите ли, я не прочелъ за время войны ни одной серьезной книжки, ей-Богу! Хуже: въ Россіи совершаются великія событія, а я сталъ будто чужой имъ, словно они происходятъ въ тридесятомъ государствѣ. Только и думаешь, что о собственной шкурѣ, а шкура-то поганая!

— Ахъ, докторъ, докторъ... —вскрикнулъ съ какимъ-то глухимъ отчаяніемъ Шелонскій.—Какъ увидишь всю эту безсмыслицу, да подумаешь, что завтра ты, быть можетъ, будешь уже въ землѣ, такъ... такъ все покажется однимъ короткимъ мгновеніемъ... Захочется кричать, шумѣть, пѣть, страшно захочется жить... превратиться въ безумно пляшущее пламя, въ... эхъ, всего не высказать!.. Нѣтъ...

— Не сыграть ли намъ въ банчекъ, что? —осторожно спросилъ интендантскій офицеръ послѣ короткой паузы, въ теченіе которой онъ внимательно разсматривалъ дорогой перстень на мизинцѣ волосатой руки.

— Въ банчекъ?—точно очнулся капитанъ.—Ахъ, да... Что-жъ давайте! Лучше это, чѣмъ ничего! Григорій, тащи бутылки, живѣе!

— А вотъ и я! —заявилъ штабный офицеръ въ куцей фуражкѣ, входя въ землянку.—Сбѣжалъ отъ генерала, ха-ха! Что, банчекъ?!— весело взглянулъ онъ на распечатанныя интендантомъ колоды картъ.--Расчу-десно!

V.

Игра начинала принимать серьезный характеръ. Передъ интендантомъ-банкометомъ росла пестрая горка радужныхъ бумажекъ и золота.

Докторъ, послѣ двухъ стакановъ вина, охмелѣлъ. Всего его

подергивало отъ нервныхъ судорогъ. Онъ немилосердно теребилъ свою льняную бороду и запускалъ ее полной горстью въ ротъ, вскакивалъ, опять садился и близоруко всматривался въ кучу денегъ. Штабный офицеръ былъ съ виду спокоенъ и равнодушенъ, но по легкому дрожанію вѣкъ и по той медленности, съ которой онъ отодвигалъ отъ себя проигранныя деньги, было ясно, что и онъ волнуется. Банкометъ налился кровью, словно кораллы индюка, хрипло, съ затаенной радостью кричалъ: «бита» и сумрачно: «дана», и въ его глазахъ горѣла зоркая жадность.

— У меня въ карманѣ послѣдніе десять рублей!—заявилъ докторъ.—Везетъ же человѣку... Послушайте, въ сколькихъ вы сорочкахъ родились?

— Въ двухъ, сударь, и притомъ шелковыхъ!—острилъ интендантъ.—Бита-съ!—Докторъ сталъ рыться въ карманахъ брюкъ, напѣвая неровнымъ и невѣрнымъ альтомъ:

Проведемте друзья-а эту ночь весе-э-лѣй,
Пу-усть студентовъ семья-а соберется дружнѣй...

Шелонскій въ началѣ игры выпилъ залпомъ стаканъ краснаго вина и лихорадочно оживился. Онъ проигрывалъ и проигрывалъ, но ему былъ какъ-то безразличенъ выигрышъ, ему нужны были сейчасъ игра, карты, люди, вино для того, чтобы утихла эта невидимая, ноющая рана, чтобы совлечь съ души какую-то тяжесть, безпокойство. И дѣйствительно, одновременно съ тѣмъ, какъ кровь лилась быстрѣе и дѣлалась горячей и легкой. «то» прежнее, будто отходило, какъ отходитъ море во время отлива отъ береговъ. Шелонскій щурилъ глаза и сидѣвшіе за столомъ казались ему такими маленькими, далекими, ничтожными, полными такихъ же маленькихъ мыслей и желаній. Онъ, смѣясь, подливалъ этимъ людямъ въ ихъ рюмки и стаканы вино и золотистый коньякъ.

Карты мягко шелестѣли въ рукахъ банкомета. Штабный офицеръ впился взоромъ въ мелькавшія разноцвѣтныя масти. Докторъ ѣлъ бороду и неровно пѣлъ, фальшивя и сбиваясь, все то же:

Проведемте дру-у-зья э-эту ночь веселѣе...
Пу-усть студе-э-нтовъ семья-а...

— Ваша дама бита, докторъ, хе-хе...—жирно провозгласилъ интендантъ.—Валетъ тоже.

Офицеръ сказалъ:

— Чудесно!—и незамѣтно вздохнулъ.

Докторъ вскочилъ и крикнулъ:

— Въ пухъ и прахъ, ч-чортъ! Ну, и свинья же я... Двѣсти цѣлковыхъ продулъ, а тоже «сту-у-дентомъ» бы-ы-лъ... Свинья! Лучше бы я эти деньги, которыя попадутъ въ широкіе карманы

разныхъ миссъ, послалъ бы въ Россію: вѣдь, это два года науки... Ч-чортъ, пьяная свинья!

Шелонскій привсталъ, положилъ руку на кучу денегъ и спросилъ:

— Сколько здѣсь?

— Рублей, такъ, восемьсотъ...

— Валяйте на все, а?! Ну же?

Интендантъ еще больше вспыхнулъ и забѣгалъ глазами по сторонамъ. Потомъ шумно, какъ мѣхъ, вздохнулъ и вымолвилъ:

— Гмы... хорошо... согласенъ!

— Десятка пикъ налѣво. Сдавайте. Va banque!

Снова зашелестѣли карты. Всѣ смолкли и громко дышали. Мелькали черныя, какъ ночь, красныя, какъ закатъ, крапинки, странныя сине-желтыя фигуры съ мечами и букетами розъ. Зачернѣла десятка пикъ.

— Бита-съ!—торжествующе вздохнулъ банкометъ.

— Вы ошиблись, дана!—еще болѣе торжествующе заявилъ штабный.

— Ахъ, извините, дана!

— Молодецъ Шелонскій, ха-ха...—засмѣялся штабный.—За такое дѣло можно дать Владиміра съ мечами. Кстати, messieurs, сообщаю, что я къ нему представленъ...

— За что? За подобное же дѣло?—съязвилъ интендантъ.

— За то, что онъ побѣждалъ непріятеля бумагой и на бумагѣ...—кинулъ Шелонскій и вдругъ, возбужденный чувствомъ внезапнаго возвращенія «того», прежняго, сталъ быстро говорить:—Берите, докторъ, скорѣе эту подлую кучу и завтра же отправьте ее отъ своего и моего имени въ Россію... Да не благодарите, пожалуйста! Говорите, много? Ерунда! Эта кучка такъ ничтожна и безсильна въ сравненіи... съ однимъ, хотя бы, мгновеніемъ жизни.

— А я говорю:, спасибо, спасибо... Я—свинья, а вы...

— Послушайте! Ради Бога, не будьте, хоть вы, докторъ, шутомъ, я васъ прошу.. Чортъ возьми, мы здѣсь всѣ играемъ и жалкую, и страшную комедію, и каждое слово кажется мнѣ лишней каплей!

— Вѣр-р-но... вѣр-но-о...—пропѣлъ докторъ.

— Опять?! А вдругъ смерть, а? Сегодня мнѣ прямо мерещится одна строфа изъ стихотворенія Эдгарда По «Червь-побѣдитель»... Что, вы не знаете ея? Слушайте:

> Но что это тамъ? Между гаеровъ пестрыхъ
> Какая-то красная форма ползетъ,
> Оттуда, гдѣ сцена окутана мракомъ!
> То смерть, скоморохамъ онъ гибель несетъ.

Онъ корчится!—корчится!—гнусною пастью
Испуганныхъ гаеровъ алчно грызетъ,
И ангелы стонутъ, и червь искаженный
Багряную кровь ненасытно сосетъ.

— Н-не совсѣмъ понимаю, а все же... сильно!..—вскрикнулъ докторъ.

— Охота заниматься такими мрачностями...—заявилъ штабный офицеръ.—А мнѣ, какъ нарочно, вспоминается другая пѣсенка. Ее чудесно поетъ одна пѣвичка въ харбинской «Колхидѣ», знаете:

Nous finissons, nous finissons, trou-la-la, trou-la-la!..

— Я думаю, господа, что игру слѣдуетъ продолжать!—предложилъ интендантъ, успѣвшій уже отсопѣться послѣ пораженія.

— И въ самомъ дѣлѣ...—сказалъ Шелонскій.—Однако, японцы продолжаютъ стрѣлять...—прислушался онъ къ учащавшимся глухимъ звукамъ выстрѣловъ.—На ночь глядя... А, отче, здравствуйте! Вотъ, мы его спросимъ, слѣдуетъ ли намъ продолжать игру, а?

Вошедшій инокъ прислонился къ косяку двери и обвелъ всѣхъ строгимъ, странно мерцавшимъ взглядомъ. Потомъ тихо вымолвилъ:

— Вы лучше меня, господинъ капитанъ, знаете, чего не надобно дѣлать. Да что толку-то? Вотъ, хотя бы сейчасъ: вино, карты, все для угожденія плоти... А японцы вонъ какъ стрѣляютъ: на дворѣ всѣ-то попрятались...

Какъ бы въ подтвержденіе его словъ, къ землянкѣ сталъ приближаться противный шипящій гулъ, словно сверлившій нѣдра воздуха .. Мгновеніе... Что-то на дворѣ ударило, рявкнуло, съ трескомъ бацнуло.

— Проведемъ-те, друзья-а... фальшиво запѣлъ докторъ, оборвалъ и многозначительно выговорилъ:—Н-да... шимозами пускаютъ черти!

— Перелетъ!—глухо сказалъ Шелонскій и зачѣмъ-то оглянулся, точно ему шепнулъ кто-то на ухо:—Тасуйте карты! Скорѣе! Ерунда все это...

— Намъ опасаться нечего!—поддержалъ штабной офицеръ.—Землянки выстроены основательно.

А монахъ стоялъ, черный, блѣдный и неподвижный, у косяка двери и тихій, мерцавшій свѣтъ былъ въ зрачкахъ его бѣлесоватыхъ глазъ.

Шелестѣли карты. А къ землянкѣ снова летѣлъ буравящій гулъ и противное шипѣніе и снова рявкнуло, бухнуло, разорвалось что-то И опять шелъ далекій гулъ... Все ближе и рѣзче ..

— Недолетъ!—по прежнему глухо кинулъ Шелонскій и его объяло чувство страшнаго ожиданія.

— Не прекратить ли, однако, игру?—съ безпокойствомъ предложилъ штабной офицеръ, озираясь на черного монаха.

— Ерунда! Сдавайте...

— На какую вы карту? —спросилъ банкометъ, блѣднѣя.

Но прежде чѣмъ Шелонскій успѣлъ открыть ротъ, какъ сверху посыпалось что-то, ужасно загремѣло и треснуло, что-то сверкнуло снопами ослѣпительнаго огня и дыма, и всѣхъ придавило, какъ ничтожную горсть муравьевъ.

VI.

Когда инокъ Михаилъ очнулся, онъ увидѣлъ себя лежавшимъ на широкой, удобной койкѣ въ незнакомой ему землянкѣ. У изголовья его на столикѣ горѣла свѣча. И золотисто-желтый пламень ея, съ синеватымъ сердечкомъ внутри, жадно лизалъ душный, спертый, съ запахомъ какой-то лѣкарственной снѣди—воздухъ. За столикомъ сидѣлъ и читалъ книгу безусый, молоденькій фельдшеръ, похожій на румяное яблоко.

— Что со мной, братъ? —слабымъ голосомъ спросилъ инокъ.

— А-а, очнулся, наконецъ, отче! Славу Богу... Ничего особеннаго...

— А гдѣ другіе, братъ?

— Всѣ, отче, кромѣ Вячеслава Ивановича, тяжело раненаго, убиты. Вы счастливо отдѣлались: васъ только вышвырнуло, да о землю ударило. Ну, полежите маленько, а я схожу къ доктору скажу, что вы очнулись.

Но монаху не лежалось. Въ головѣ былъ страшный шумъ и порванныя нити мыслей. Все тѣло болѣло и ныло, мускулы были натянуты, какъ веревки, и тяжелы. Но монахъ преодолѣлъ себя, черезъ силу сползъ сь койки и, держась за холодныя стѣны землянки, вышелъ изъ нея, качаясь, какъ пьяный.

Надъ сопкой распростерла свои огромныя крылья голубая ночь. Въ высотѣ, въ черномъ, бархатномъ небѣ пылало холоднымъ, острымъ пламенемъ созвѣздіе Оріона. Глубокая тишина парила всюду, и только мѣрный ходъ невидимаго часового нарушалъ ее. Внизу, въ туманной тьмѣ безконечной равнины, обозначалась толпой тусклыхъ огней ставка главнокомандующаго.

Инокъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ. Слѣва страшно зіяла пустотой разрушенная землянка. У нея, на землѣ, лежали въ рядъ чьи-то неподвижныя тѣла, прикрытыя сѣрѣющимъ кускомъ брезента.

И монахъ со стономъ опустился у брезента на колѣни и, глядя на пышный Оріонъ, сталъ шептать:

— Господи, прими ихъ во царствіе твое.. Господи, прости имъ...

К. А. Ковальскій.

ИЗЪ ЭРНСТА ШЕРНБЕРГА.

Пер. съ нѣмецкаго.

Только лишь въ буряхъ взрывается страстно
Съ крикомъ «Живи» молодая весна.
Только лишь въ буряхъ земля полновластно
Рушитъ неволю холоднаго сна.
Пусть разобьются желѣзныя звенья,
Рѣки воспрянутъ изъ мертваго льда.
Крикни, коль жаждетъ душа обновленья—
Вешнія бури, ломитесь сюда!

Вешнія бури бушуютъ сурово
Въ дни пробужденья народныхъ страстей.
Вешнія бури намъ чуются снова
Въ голосѣ нашихъ пророческихъ дней.
Кто передъ ними слабѣетъ душою!
Въ утреннемъ свѣтѣ блѣднѣетъ звѣзда.
Вѣстники блага гремятъ надъ землею:
Вешнія бури, ломитесь сюда!

Братья! Сроднило насъ мысли сіянье.
Въ буряхъ, потомки усталыхъ отцовъ,
Твердо стоимъ мы безъ мукъ колебанья
Съ дружною клятвой отважныхъ бойцовъ.
Пусть мы сегодня сраженные ляжемъ,
Пусть насъ схоронитъ зима:—Не бѣда!
Солнце побѣды мы міру укажемъ.
Вешнія бури, ломитесь сюда!

А. Өедоровъ.

МАХАОНЪ.

Три довольно высокія стѣны изъ сѣраго камня стискивали небольшое пыльное пространство, на которомъ кое-гдѣ, до жуткости скучно, стояли деревья полуоблѣзлыя и плѣшивыя, какъ бы преждевременно состарившіяся отъ безсонныхъ ночей, мелкаго разврата, дешеваго вина, дешевой музыки и лихорадочно голубого электрическаго свѣта, который лился отъ круглыхъ шаровъ фонарей, какъ на висѣлицахъ укрѣпленныхъ на верхушкахъ тонкихъ деревянныхъ столбовъ.

Четвертую стѣну представляла собою эстрада, закрытая до начала представленія размалеванной занавѣсью со сфинксами и пальмами, склонившимися надъ водой.

Однообразныя окна, открытыя и со спущенными занавѣсками, глядѣли извнутри на этотъ дворъ.

За каждымъ изъ оконъ были до тошноты похожія одна на другую комнаты гостиницы, гдѣ жили чужіе другъ другу и совсѣмъ не похожіе другъ на друга люди.

Нѣкоторыя окна были освѣщены; за ними колебались призрачные силуэты на занавѣскахъ. Иногда занавѣска распахивалась и, вся освѣщенная, какъ въ панорамѣ, вырисовывалась фигура, мужская или женская, съ апатичнымъ, скучающимъ лицомъ.

Было около полуночи и программа вечера подходила къ концу. Визгливые голоса, визгливая музыка; безстыдныя тѣлодвиженія женщинъ, способныя возбудить любопытство или чувственность развѣ только у монаха,—все это, вмѣстѣ съ духотой іюньской ночи, съ запахомъ кухни и пота, способно было привести въ отупѣніе даже обезьяну.

Тѣмъ не менѣе, всѣ столики были заняты, и толпа, какъ бы выросшая здѣсь, среди грязныхъ стѣнъ, тощихъ деревьевъ и сквернаго развлеченія, переполняла весь этотъ загонъ, хохотала надъ пошлѣйшими выходками артистовъ, хлопала, разговаривала, ѣла и уничтожала спиртные напитки, вносившіе въ это настроеніе кафэшантаннаго двора болѣзненно раздражающій хмѣль и животную жадность, если не наслажденія, то забытья. Кажется, не

будь здѣсь клочка высокаго звѣзднаго неба, сіявшаго надъ головами этой толпы, не будь этого таинственнаго сумрака, падавшаго оттуда вмѣстѣ съ звѣздными лучами,—толпа совершенно утратила бы человѣческій обликъ.

Но звѣзды были такъ чисты и небеса такъ божественно прозрачны, что у каждаго, при взглядѣ на нихъ, вспыхивали искорки тоски и грусти о далекомъ и несбыточномъ; поднимались непонятные упреки совѣсти, вносившіе ѣдкую, отравляющую горечь въ голоса и взгляды.

Между столиковъ то и дѣло проходили женщины изъ числа этихъ же артистокъ и пришлыя,—намазанныя, съ перетянутыми таліями, съ готовыми улыбками и вызывающими взглядами. Покачивая и вздрагивая бедрами, онѣ поворачивали головы направо и налѣво, ожидая кивка, движенія пальцевъ, приглашенія, посланнаго черезъ лакея, чтобы продать за ужинъ, за нѣсколько рублей, остатки своей красоты и молодости.

Вся эта ночь, какъ двѣ капли воды, была бы похожа на десятки ночей, что завсегдатаи проводили здѣсь, если бы отъ времени до времени, вмѣстѣ съ гуломъ жизни, доносившимся снаружи, съ улицы, не звучали иногда сухіе и отрывистые звуки, похожіе на отдаленное щелканье бичей—разорванные ружейные залпы; отъ нихъ тревожно на мгновеніе вздрагивалъ воздухъ и, казалось, ярче вспыхивали огни. Тогда лица вдругъ сосредоточенно застывали и вырывались досадныя восклицанія:

— Однако, все еще не кончилось!..

— Это начинаетъ надоѣдать.

И каждый разъ, послѣ выстрѣловъ, широкій голубой лучъ свѣта, какъ длинное и острое жало сказочнаго чудовища, вонзался во мракъ, точно нащупывая въ немъ то жестокое зло, отъ котораго гремѣли выстрѣлы и лилась кровь. И голубой лучъ, бросавшій блѣдность на лица, казался едва ли не страшнѣе выстрѣловъ. Онъ направлялся съ взбунтовавшагося корабля, гордо и свободно стоявшаго на рейдѣ у самаго города. Это была сильная пловучая крѣпость, не только хорошо защищенная желѣзной броней, но и вооруженная настолько, что въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ могла превратить въ груду развалинъ огромный торгашескій городъ.

Маленькія бѣлыя бабочки роемъ кружились вокругъ голубыхъ стеклянныхъ шаровъ-фонарей, ударяясь о нихъ и падая на залитыя соусомъ и винами скатерти, и подъ ноги толпы, которая давила ихъ. Онѣ осыпались, какъ лепестки съ круглыхъ мертвыхъ цвѣтовъ. Казалось, онѣ кружились, летали и умирали подъ стенящіе звуки скрипокъ и флейтъ, сновавшіе въ воздухѣ, такъ же какъ легкіе спутанные рои ночныхъ мотыльковъ.

Фанни Ла-Розъ или Махаонъ, какъ прозвали ее завсегдатаи— воздушная и бѣлая, какъ пѣной окутанная газомъ, вылетѣла на эстраду, и эстрада сразу погрузилась во мракъ.

Одно мгновеніе—бѣлая фигура смутнымъ пятномъ задрожала на черномъ фонѣ занавѣса и тутъ же ярко вспыхнула фантастическимъ свѣтомъ, невѣдомо откуда падавшимъ на всю ея фигуру. Затрепеталъ бѣлый газъ, распускаясь, какъ легкія крылья, обнажая всю ея фигуру обтянутую трико, поразительно напоминавшую бабочку, готовую взвиться и улетѣть.

Въ самомъ дѣлѣ, она была похожа на Махаона, и это сходство особенно придавали ей черные банты на груди, скрестившіеся на подобіе костей. Ея красивая черная головка замерла только на одно мгновеніе. Взвизгнули скрипки и вскрикнули флейты, встрепенулись крылья и, точно повинуясь сначала тягучимъ переливамъ музыки, Махаонъ зашевелилъ крыльями и сдѣлалъ нѣсколько плавныхъ движеній.

Съ каждымъ новымъ мгновеніемъ музыка становилась живѣе и напряженнѣе, точно въ тихо тлѣющее пламя бросали порохъ, который съ трескомъ вспыхивалъ и зажигалъ танцовщицу. Она быстрѣе и быстрѣе начинала носиться и кружиться по эстрадѣ, переливаясь то голубымъ, то оранжевымъ сіяніемъ, на мгновеніе погружаясь во мракъ и пропадая въ немъ, чтобы затѣмъ вспыхнуть еще ослѣпительнѣе и прекраснѣе. Но, каждый разъ, какъ она замирала неподвижно, и черные банты ея зловѣщимъ узоромъ своимъ кололи глаза, взгляды толпы съ жуткимъ любопытствомъ останавливались на этихъ узорахъ, и на лицахъ опять появлялось тоже выраженіе, какъ и при ружейныхъ залпахъ.

Но вотъ она окончила свой танецъ; въ легкомъ граціозномъ движеніи, застыла на эстрадѣ, и подъ трескъ аплодисментовъ и крики: «браво! бисъ!» исчезла за черной занавѣской.

Повинуясь желанію публики она скоро выскочила оттуда, музыка заиграла снова, но какъ разъ въ это мгновеніе воздухъ опять вздрогнулъ и длительно разорвался съ трескомъ, какъ крѣпкая ткань.

И опять голубое жало вонзилось въ темноту, гася звѣзды въ выхваченной имъ полосѣ и заставляя блѣднѣть красныя отъ вина и духоты лица.

— Браво! Браво! Бисъ!—возбужденно закричали голоса, заглушая опять охватившую всѣхъ тревогу.

Музыка продолжала играть, но танцовщица сдѣлала рѣшительный жестъ рукою и опять упорхнула за занавѣску.

Публика зашумѣла еще упрямѣе и настойчивѣе; оборвавшаяся музыка заиграла снова, какъ бы вызывая манящими звуками крылатое созданіе. Фанни опять появилась въ глубинѣ эстрады.

Публика, думая, что она сейчасъ будетъ танцовать, готова была умолкнуть, но танцовщица сдѣлала отрицательный жестъ рукой и уже опять намѣревалась исчезнуть, когда покрывая слабые хлопки, раздались сильные рѣзкіе аплодисменты, заставившіе даже публику оглянуться.

Высокая, запыленная фигура офицера, лавируя между столиковъ, приближалась къ эстрадѣ, вытянувъ впередъ руки и хлопая съ такой силой одной ладонью о другую, какъ будто между ними разрывались дѣтскія хлопушки.

Это нѣсколько развеселило публику и отвлекло вниманіе отъ танцовщицы. Кивая ей и продолжая хлопать, онъ какъ бы говорилъ съ фамильярной улыбкой всѣмъ своимъ красивымъ молодымъ лицомъ: ну-же, Фанни, не упрямься, танцуй.

Но артистка явно отказывалась и, если осталась одно лишнее мгновеніе на эстрадѣ, такъ единственно затѣмъ, чтобы особеннымъ привѣтствіемъ отвѣтить на привѣтствіе своего знакомаго, можетъ быть любовника.

Онъ сдѣлалъ недоумѣвающую гримасу и повернулся спиной къ сценѣ. Лакей услужливо подставилъ ему стулъ около ближайшаго столика, его столика, и офицеръ шумно занялъ мѣсто, кивая направо и налѣво, повидимому, чувствуя себя здѣсь, какъ дома, несмотря на свой запыленный и черезчуръ воинственный видъ. Черезъ нѣсколько минутъ, когда онъ съ аппетитомъ принялся за ѣду и напитки, къ его столику подошла женщина, уже съ блекнущимъ лицомъ, но съ прекрасными глазами и волосами, по которымъ сразу можно было узнать ослѣпительнаго Махаона.

— Это глупо, Фанни,—встрѣтилъ онъ ее, отлично выговаривая по-французски и пожимая ей руку.—Почему ты не захотѣла танцовать?

Она сдѣлала движеніе лѣвымъ плечомъ и, съ досадой шевельнувъ тонкими правильными бровями, отвѣтила:

— Не могу-же я танцовать, когда тамъ стрѣляютъ.

— Какое тебѣ до этого дѣло?

Она изумленно на него взглянула.

— Но, мой другъ, я хотя и танцовщица,—но у меня есть не только ноги, а и сердце.

Она произнесла эту фразу съ нѣсколько сценичной афектаціей француженки, привыкшей цѣнить добрыя чувства, только тогда, когда они являются въ хорошей оправѣ

Онъ съ равнодушнымъ недоумѣніемъ уставилъ на нее глаза, потомъ перевелъ ихъ на меню, но танцовщица отрицательно покачала головой и стала пить бѣлое вино со льдомъ, разбавляя его содовой водой изъ сифона.

На эстрадѣ программа вечера заканчивалась убого поставлен-

ными живыми картинами, среди которыхъ, особенный успѣхъ имѣлъ апоѳеозъ войны: два врага, очевидно, за минуту передъ тѣмъ грызшіеся, какъ звѣри, раненые, на полѣ битвы, дѣлаютъ другъ другу перевязки.

Музыка заунывно гудѣла при этой чувствительной сценѣ, щекотавшей сытые желудки, и, отъ времени до времени, сквозь тягучіе звуки оркестра, подсвистываніе пьяныхъ, хлопанье пробокъ и стукъ посуды, прорывались разсыпавшіеся выстрѣлы и ощупывалъ темноту голубой лучъ.

— Да объясни-же мнѣ наконецъ, что это такое?—хмуря брови, обратилась артистка къ офицеру.

— Ахъ,—съ досадой отвѣтилъ онъ,—я пришелъ сюда для того, чтобы отдохнуть минуту, такъ какъ цѣлый день провелъ въ пыли, въ поту изъ-за этой рвани, а ты заставляешь меня разсказывать.

Онъ залпомъ выпилъ стаканъ вина и, несмотря на то, что она не настаивала на своей просьбѣ, раздраженно заговорилъ:

— И что тутъ разсказывать! Ну, пьяный сбродъ поднялся на дыбы. Ну, присталъ тамъ къ голоднымъ рабочимъ, подстрекаемымъ жидами и разными, тамъ, проходимцами.. Ну, вся эта дикая орава стеклась туда, въ портъ, знаешь, какъ грязная вода стекаетъ въ канавы съ улицы. Они сами себѣ устроили западню. Они слетѣлись, какъ вотъ эти мотыльки летятъ на свѣтъ. Да, да. Имъ прескверную услугу оказалъ этотъ бунтъ на кораблѣ, этотъ мертвый матросъ, котораго они вытащили на берегъ, чтобы вызвать сочувствіе такихъ же негодяевъ, эта падаль, надъ которой произносились разныя возмутительныя рѣчи! Она объединила вокругъ себя всѣхъ ихъ и, такимъ образомъ, осудила на кару.

— Но нельзя же разстрѣливать гражданъ только за то, что они собрались толпой?

— Гражданъ! Гражданъ!—брезгливо отвѣтилъ онъ.—Въ Россіи нѣтъ гражданъ. Это не граждане, а сволочь.

Онъ слегка опьянѣлъ, и его голосъ, и безъ того охрипшій отъ дневной команды, надъ растрѣливавшими людей солдатами, звучалъ иногда какъ шипѣніе. Онъ какъ будто мстилъ этими словами тѣмъ, кто заставилъ его цѣлый день томиться въ пыли и знѣ, но сквозь это раздраженіе и злобу пробивалось что-то такое виноватое и жалкое, что онъ, видимо, хотѣлъ заглушить и этой бранью, и этимъ черезчуръ рѣзкимъ негодованіемъ.

Оперши голову на руки, она смотрѣла на него неподвижными усталыми глазами, и ему казалось, что эти глаза видятъ то, что онъ такъ ревниво скрывалъ въ глубинѣ.

— Это надолго отучитъ ихъ бунтовать!—воскликнулъ онъ съ натянутымъ, сиплымъ смѣхомъ и стукнулъ своимъ стаканомъ о ея стаканъ, и звонъ стекла прозвучалъ, какъ: «Аминь».

— Ты думаешь?—неопредѣленно спросила она.

— О, да. По крайней мѣрѣ, три четверти изъ нихъ останутся тамъ. Солдаты раздражены за то, что ихъ заставляютъ изнемогать отъ голода и жажды, задыхаться въ пыли и поту. Притомъ же эта озвѣрѣлая рвань иногда пробуетъ даже стрѣлять въ насъ и бросаетъ камни.

— Но чего же они хотятъ?

— Чего? Чего?—повторилъ онъ.—Спроси ихъ. Они едва ли сами знаютъ чего. И развѣ это только здѣсь? Это вездѣ, даже въ деревняхъ. Они поднимаются, какъ стадо, встревоженное грозою, разразившеюся тамъ, на Востокѣ. Эта ужасная, несчастная для насъ война! она подняла какое-то дикое недовольство, заразительное какъ чума.

Танцовщица все продолжала слушать, не сводя съ него глазъ, и, вѣроятно, въ послѣднихъ вспышкахъ его голоса было что-то, внушавшее ей сомнѣніе; она сдѣлала неопредѣленное движеніе головой, легкая соломенная шляпа ея закачалась, запрыгали тѣни на лицѣ, и красные цвѣты, спадавшіе на черные волосы около ушей, засвѣтились въ электрическомъ свѣтѣ, какъ бокалы, налитые пурпурнымъ виномъ.

— Это страшно!—вырвалось у нея.—Это страшно!

Онъ сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Страшно? О, нѣтъ. Это, можетъ быть, страшно у васъ, во Франціи, но не у насъ. Это могло бы быть страшно, если бы они знали, чего они хотятъ, но повторяю тебѣ, это... это безсознательно... Это только стихія. Если бы это было страшно, люди не сидѣли бы здѣсь такъ спокойно.

— Тѣмъ страшнѣе,—настойчиво повторила она.—Да, мнѣ кажется, тѣмъ страшнѣе, что это безсознательно, что это стихія. Среди нихъ есть же и такіе, которые знаютъ... Чего же хотятъ они?

Онъ передернулъ плечами, такъ быстро, что сверкнули его эполеты, и съ преувеличенной рѣзкостью отвѣтилъ:

— Я солдатъ, не мое дѣло мѣшаться въ эти разсужденія. Отъ меня требуютъ, чтобы я стрѣлялъ, и я стрѣляю. Это—война, къ сожалѣнію, мало опасная для насъ, и потому-то противно сражаться съ этимъ безпорядочнымъ сбродомъ.

Онъ съ какимъ-то болѣзненнымъ выраженіемъ въ лицѣ снялъ бѣлую, запылившуюся фуражку и провелъ рукой по гладкому молодому лбу и коротко остриженнымъ волосамъ.

Она налила вина въ оба стакана и въ сентиментальномъ порывѣ звонко ударила стекломъ о стекло.

— Знаешь,—сердечно обратилась она къ нему.—Я еще менѣе чѣмъ солдатъ. Я...

Она сдѣлала легкую паузу и съ извинявшей ея фразу искренностью выговорила:

— Я дитя другой страны, но я хочу выпить за то, чтобы этого не было на твоей бѣдной родинѣ.

Онъ молча чокнулся съ ней.

Среди маленькихъ бѣлыхъ мотыльковъ, какъ бы танцовавшихъ легкими хороводами вокругъ фонарей, въ лучахъ свѣта, падавшаго отъ голубыхъ шаровъ, появилась большая бабочка, растерянно кружившаяся въ этомъ колодцѣ, гдѣ хмѣлѣла и развлекалась тупая городская праздность. Ее никто не замѣчалъ, и иногда, усталая и какъ бы опьянѣвшая отъ поднимавшихся со столовъ винныхъ испареній и отравленнаго дыханія, она перелетала съ одного мѣста на другое и боязливо опускалась на плечи, на шляпы сидящихъ, сдвинутыя на затылки съ потныхъ головъ мужчинъ, сбившіяся съ распускавшихся причесокъ женщинъ.

Это былъ Махаонъ. Его легко можно было узнать по траурнымъ полосамъ на бархатной головѣ, по этимъ мягкимъ узорчатымъ крыльямъ. Онъ принялъ электрическій свѣтъ за дневной. И каждый разъ, какъ бабочка вспархивала на воздухъ, трепетала крыльями и опускалась на кого-нибудь изъ присутствующихъ, чуялся странный зловѣщій намекъ въ ея прикосновеніи.

Вотъ она слетѣла съ легкой шляпы дамы, покружилась въ воздухѣ, какъ бы намѣчая новую жертву, и, вѣроятно, привлеченная блескомъ офицерскаго эполета, лѣниво махая пушистыми крыльями, опустилась на плечо офицера.

Фанни обратила вниманіе на эту гостью. Офицеръ осторожно повернулъ направо голову и лѣвой рукою накрылъ бабочку.

— Это твоя сестра, Фанни,—обратился онъ къ танцовщицѣ и, перегнувшись черезъ столъ, выдернулъ съ ея груди булавку, державшую цвѣтокъ большой красной розы, и прикололъ этой булавкой къ столу бабочку.

Трепеща своими пышными, темными крыльями, бабочка забилась на столѣ, зловѣще чернѣя на бѣлой скатерти, свѣтившейся отъ электричества, какъ снѣгъ.

— Ахъ, какъ ты можешь? Это жестоко!—воскликнула танцовщица и рванулась, чтобы освободить плѣнницу; но та сама сдѣлала усиліе и вмѣстѣ съ булавкой поднялась надъ столомъ. Тотчасъ же упала, опять поднялась и поволоклась по пыли, еле поднимаясь и падая снова.

Фанни бросилась за ней, привлекая общее вниманіе. Но бабочка испуганно металась въ стороны, попадая подъ стулья, столы, и танцовщицѣ пришлось ползать за ней на колѣняхъ въ своемъ нарядномъ сиреневомъ платьѣ. Наконецъ, подоспѣвшій ей на помощь лакей накрылъ бабочку салфеткой, и Фанни, выдернувъ изъ

бабочки булавку, положила ее на ладонь, стараясь оживить ее своимъ дыханіемъ.

Но крылья бабочки были измяты и стерты. Она была полумертва.

Офицеръ хохоталъ.

— Дай ей вина. Брось ее въ стаканъ. Пускай напьется передъ смертью, какъ та рвань, которая зажгла вчера портъ и купалась въ бочкахъ съ виномъ. Ну-же, Фанни, скорѣе!

Но танцовщица съ негодованіемъ выпрямилась и глядѣла на него уничтожающимъ взглядомъ.

Она не видѣла, какъ тамъ, по его приказанію, разстрѣливались толпы людей. Можетъ быть, это и въ самомъ дѣлѣ такъ надо было въ огромной чужой и непонятной ей странѣ, но безцѣльная жестокость ее возмутила, и, держа на лѣвой ладони умирающаго Махаона, она гордымъ движеніемъ правой руки выбила изъ его руки протянутый ей стаканъ и, не сказавъ ни слова, опустивъ голову, направилась къ выходу.

Офицеръ вскочилъ со стула, поблѣднѣвъ отъ бѣшенства, по привычкѣ схватившись за рукоять сабли.

Фанни выпрямилась, продолжая держать на ладони бабочку и, смѣло поднявъ голову, глядѣла на него холоднымъ злымъ взглядомъ.

Опять звякнули выстрѣлы, и опять ворвался въ темноту голубой лучъ. И потомъ стало тихо. Слышно было, какъ шипитъ электричество да на кухнѣ рубятъ котлеты.

Онъ вздрогнулъ, точно стряхивая съ себя какую то тяжесть, стиснувъ зубы и ни на кого не глядя, опустился угрюмо и тяжело на стулъ.

— Марсель-е-зу!—неожиданно заоралъ чей-то пьяный голосъ.

А. Ѳедоровъ.

---

* * *

Какъ звѣздъ на темномъ небосводѣ,
Погибшихъ жертвъ не сосчитать...
Стремились смѣлые къ свободѣ,
Чтобъ за свободу умирать!

Съ благоговѣніемъ колѣни
Склонить предъ ними мы должны,
Всходя на свѣтлые ступени
Подъ знамя новое страны!

Сибири глубь, снѣговъ пустыни,
Темницы, цѣпи, эшафотъ—
Для насъ нетлѣнныя святыни,
Въ крови зардѣвшійся восходъ!

И будетъ тамъ могучей силы
Источникъ вѣчный для сердецъ,
Гдѣ безымянныя могилы
Хранятъ безсмертія вѣнецъ!

А. Лукьяновъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Манифестъ 17-го октября.—Дикое недоразумѣніе бюрократіи.—Визиратъ гр. С. Ю. Витте.—Конецъ мечтамъ, какъ первый актъ «объединеннаго правительства».—Частичная амнистія.—Привѣтъ выходцамъ изъ могилъ.—Памяти мертвыхъ: эпизодъ изъ романа «Андрей Кожуховъ».—Опять забастовка.

Я пишу безъ цензуры. Обликъ цензора не витаетъ предо мною въ эту минуту. А между тѣмъ, между тѣмъ... я не испытываю ни малѣйшаго радостнаго чувства. Въ первую минуту я хотѣлъ, было, воспѣть радость освобожденнаго раба. Но это былъ только минутный порывъ. Онъ быстро прошелъ, и его смѣнило смѣшанное чувство—тревоги, недовѣрія и гнѣва.

Что же произошло?

Было три часа дня. Солнце свѣтило такъ ярко, все ликовало и пѣло, красные флаги, какъ цвѣты, вѣнчали радостно и торжественно настроенную многотысячую толпу. Кого-кого тутъ не было! были юноши, старцы и дѣти, женщины, рабочіе, студенты, военные, чиновники, солдаты—словомъ, все живое высыпало на улицу, а кто не могъ—изъ оконъ привѣтствовалъ шествіе, первый праздникъ свободы на улицахъ Петербурга.

И вдругъ... Какъ громъ съ яснаго неба, безъ сигнала, безъ предупрежденія, безъ промежутка—три залпа со стороны казармъ семеновскаго полка... Я былъ тамъ, вмѣстѣ съ толпой окаменѣлъ на мѣстѣ, видѣлъ паническое бѣгство, видѣлъ конную гвардію, ринувшуюся неизвѣстно откуда на бѣжавшихъ людей... А въ редакціи, куда я пришелъ потрясенный совершившимся преступленіемъ—разстрѣломъ людей, повинныхъ только въ довѣрчивости, — я узналъ, что товарищъ нашъ по долголѣтней совмѣстной работѣ въ журналѣ—Ев. Вик. Тарле лежитъ въ ближайшей лечебницѣ при смерти, съ разрубленной головой...

Такъ было въ первый день русской «свободы». А потомъ—этотъ сплошной потокъ крови, въ теченіе недѣли заливавшей улицы всѣхъ городовъ Россіи, извѣстія о смерти Гольдштейна, тоже стараго товарища по журналу, и другихъ товарищей по тюрьмѣ и ссылкѣ, арестъ товарища-сотрудника Сѣрошевскаго, черносотенно—казацкіе погромы евреевъ, интеллигенціи, учащихся, учениковъ-подростковъ,—наконецъ, объявленіе всего царства Польскаго на военномъ положеніи,—всякая радость исчезла.

Что это? Сознательный обманъ или дикое недоразумѣніе?

Надо разобраться, вдуматься въ этотъ кошмаръ «безумія и ужаса», найти руководящую нить. Иначе отвращеніе къ жизни овладѣваетъ умомъ и чувствами.

До 17-го октября все было ясно. Народъ и власть стояли другъ противъ друга, оба готовые бороться на жизнь и смерть. Власть безъ нравственнаго

* * *

Какъ звѣздъ на темномъ небосводѣ,
Погибшихъ жертвъ не сосчитать...
Стремились смѣлые къ свободѣ,
Чтобъ за свободу умирать!

Съ благоговѣніемъ колѣни
Склонить предъ ними мы должны,
Всходя на свѣтлые ступени
Подъ знамя новое страны!

Сибири глубь, снѣговъ пустыни,
Темницы, цѣпи, эшафотъ—
Для насъ нетлѣнныя святыни,
Въ крови зардѣвшійся восходъ!

И будетъ тамъ могучей силы
Источникъ вѣчный для сердецъ,
Гдѣ безымянныя могилы
Хранятъ безсмертія вѣнецъ!

А. Лукьяновъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Манифестъ 17-го октября.—Дикое недоразумѣніе бюрократіи.—Визиратъ гр. С. Ю. Витте.—Конецъ мечтамъ, какъ первый актъ «объединеннаго правительства».—Частичная амнистія.—Привѣтъ выходцамъ изъ могилъ.—Памяти мертвыхъ: эпизодъ изъ романа «Андрей Кожуховъ».—Опять забастовка.

Я пишу безъ цензуры. Обликъ цензора не витаетъ предо мною въ эту минуту. А между тѣмъ, между тѣмъ... я не испытываю ни малѣйшаго радостнаго чувства. Въ первую минуту я хотѣлъ, было, воспѣть радость освобожденнаго раба. Но это былъ только минутный порывъ. Онъ быстро прошелъ, и его смѣнило смѣшанное чувство—тревоги, недовѣрія и гнѣва.

Что же произошло?

Было три часа дня. Солнце свѣтило такъ ярко, все ликовало и пѣло, красные флаги, какъ цвѣты, вѣнчали радостно и торжественно настроенную многотысячую толпу. Кого-кого тутъ не было! были юноши, старцы и дѣти, женщины, рабочіе, студенты, военные, чиновники, солдаты—словомъ, все живое высыпало на улицу, а кто не могъ—изъ оконъ привѣтствовалъ шествіе, первый праздникъ свободы на улицахъ Петербурга.

И вдругъ... Какъ громъ съ яснаго неба, безъ сигнала, безъ предупрежденія, безъ промежутка—три залпа со стороны казармъ семеновскаго полка... Я былъ тамъ, вмѣстѣ съ толпой окаменѣлъ на мѣстѣ, видѣлъ паническое бѣгство, видѣлъ конную гвардію, ринувшуюся неизвѣстно откуда на бѣжавшихъ людей... А въ редакціи, куда я пришелъ потрясенный совершившимся преступленіемъ—разстрѣломъ людей, повинныхъ только въ довѣрчивости, — я узналъ, что товарищъ нашъ по долголѣтней совмѣстной работѣ въ журналѣ—Ев. Вик. Тарле лежитъ въ ближайшей лечебницѣ при смерти, съ разрубленной головой...

Такъ было въ первый день русской «свободы». А потомъ—этотъ сплошной потокъ крови, въ теченіе недѣли заливавшей улицы всѣхъ городовъ Россіи, извѣстія о смерти Гольдштейна, тоже стараго товарища по журналу, и другихъ товарищей по тюрьмѣ и ссылкѣ, арестъ товарища-сотрудника Сѣрошевскаго, черносотенно—казацкіе погромы евреевъ, интеллигенціи, учащихся, учениковъ-подростковъ,—наконецъ, объявленіе всего царства Польскаго на военномъ положеніи,—всякая радость исчезла.

Что это? Сознательный обманъ или дикое недоразумѣніе?

Надо разобраться, вдуматься въ этотъ кошмаръ «безумія и ужаса», найти руководящую нить. Иначе отвращеніе къ жизни овладѣваетъ умомъ и чувствами.

До 17-го октября все было ясно. Народъ и власть стояли другъ противъ друга, оба готовые бороться на жизнь и смерть. Власть безъ нравственнаго

* * *

Какъ звѣздъ на темномъ небосводѣ,
Погибшихъ жертвъ не сосчитать...
Стремились смѣлые къ свободѣ,
Чтобъ за свободу умирать!

Съ благоговѣніемъ колѣни
Склонить предъ ними мы должны,
Всходя на свѣтлые ступени
Подъ знамя новое страны!

Сибири глубь, снѣговъ пустыни,
Темницы, цѣпи, эшафотъ—
Для насъ нетлѣнныя святыни,
Въ крови зардѣвшійся восходъ!

И будетъ тамъ могучей силы
Источникъ вѣчный для сердецъ,
Гдѣ безымянныя могилы
Хранятъ безсмертія вѣнецъ!

А. Лукьяновъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Манифестъ 17-го октября.—Дикое недоразумѣніе бюрократіи.—Визиратъ гр. С. Ю. Витте.—Конецъ мечтамъ, какъ первый актъ «объединеннаго правительства».—Частичная амнистія.—Привѣтъ выходцамъ изъ могилъ.—Памяти мертвыхъ: эпизодъ изъ романа «Андрей Кожуховъ».—Опять забастовка.

Я пишу безъ цензуры. Обликъ цензора не витаетъ предо мною въ эту минуту. А между тѣмъ, между тѣмъ... я не испытываю ни малѣйшаго радостнаго чувства. Въ первую минуту я хотѣлъ, было, воспѣть радость освобожденнаго раба. Но это былъ только минутный порывъ. Онъ быстро прошелъ, и его смѣнило смѣшанное чувство—тревоги, недовѣрія и гнѣва.

Что же произошло?

Было три часа дня. Солнце свѣтило такъ ярко, все ликовало и пѣло, красные флаги, какъ цвѣты, вѣнчали радостно и торжественно настроенную многотысячую толпу. Кого-кого тутъ не было! были юноши, старцы и дѣти, женщины, рабочіе, студенты, военные, чиновники, солдаты—словомъ, все живое высыпало на улицу, а кто не могъ—изъ оконъ привѣтствовалъ шествіе, первый праздникъ свободы на улицахъ Петербурга.

И вдругъ... Какъ громъ съ яснаго неба, безъ сигнала, безъ предупрежденія, безъ промежутка—три залпа со стороны казармъ семеновскаго полка... Я былъ тамъ, вмѣстѣ съ толпой окаменѣлъ на мѣстѣ, видѣлъ паническое бѣгство, видѣлъ конную гвардію, ринувшуюся неизвѣстно откуда на бѣжавшихъ людей... А въ редакціи, куда я пришелъ потрясенный совершившимся преступленіемъ—разстрѣломъ людей, повинныхъ только въ довѣрчивости, — я узналъ, что товарищъ нашъ по долголѣтней совмѣстной работѣ въ журналѣ—Ев. Вик. Тарле лежитъ въ ближайшей лечебницѣ при смерти, съ разрубленной головой...

Такъ было въ первый день русской «свободы». А потомъ—этотъ сплошной потокъ крови, въ теченіе недѣли заливавшей улицы всѣхъ городовъ Россіи, извѣстія о смерти Гольдштейна, тоже стараго товарища по журналу, и другихъ товарищей по тюрьмѣ и ссылкѣ, арестъ товарища-сотрудника Сѣрошевскаго, черносотенно—казацкіе погромы евреевъ, интеллигенціи, учащихся, учениковъ-подростковъ,—наконецъ, объявленіе всего царства Польскаго на военномъ положеніи,—всякая радость исчезла.

Что это? Сознательный обманъ или дикое недоразумѣніе?

Надо разобраться, вдуматься въ этотъ кошмаръ «безумія и ужаса», найти руководящую нить. Иначе отвращеніе къ жизни овладѣваетъ умомъ и чувствами.

До 17-го октября все было ясно. Народъ и власть стояли другъ противъ друга, оба готовые бороться на жизнь и смерть. Власть безъ нравственнаго

***

Какъ звѣздъ на темномъ небосводѣ,
Погибшихъ жертвъ не сосчитать...
Стремились смѣлые къ свободѣ,
Чтобъ за свободу умирать!

Съ благоговѣніемъ колѣни
Склонить предъ ними мы должны,
Всходя на свѣтлые ступени
Подъ знамя новое страны!

Сибири глубь, снѣговъ пустыни,
Темницы, цѣпи, эшафотъ—
Для насъ нетлѣнныя святыни,
Въ крови зардѣвшійся восходъ!

И будетъ тамъ могучей силы
Источникъ вѣчный для сердецъ,
Гдѣ безымянныя могилы
Хранятъ безсмертія вѣнецъ!

А. Лукьяновъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Манифестъ 17-го октября.—Дикое недоразумѣніе бюрократіи.—Визиратъ гр. С. Ю. Витте.—Конецъ мечтамъ, какъ первый актъ «объединеннаго правительства».—Частичная амнистія.—Привѣтъ выходцамъ изъ могилъ.—Памяти мертвыхъ: эпизодъ изъ романа «Андрей Кожуховъ».—Опять забастовка.

Я пишу безъ цензуры. Обликъ цензора не витаетъ предо мною въ эту минуту. А между тѣмъ, между тѣмъ... я не испытываю ни малѣйшаго радостнаго чувства. Въ первую минуту я хотѣлъ, было, воспѣть радость освобожденнаго раба. Но это былъ только минутный порывъ. Онъ быстро прошелъ, и его смѣнило смѣшанное чувство—тревоги, недовѣрія и гнѣва.

Что же произошло?

Было три часа дня. Солнце свѣтило такъ ярко, все ликовало и пѣло, красные флаги, какъ цвѣты, вѣнчали радостно и торжественно настроенную многотысячую толпу. Кого-кого тутъ не было! были юноши, старцы и дѣти, женщины, рабочіе, студенты, военные, чиновники, солдаты—словомъ, все живое высыпало на улицу, а кто не могъ—изъ оконъ привѣтствовалъ шествіе, первый праздникъ свободы на улицахъ Петербурга.

И вдругъ... Какъ громъ съ яснаго неба, безъ сигнала, безъ предупрежденія, безъ промежутка—три залпа со стороны казармъ семеновскаго полка... Я былъ тамъ, вмѣстѣ съ толпой окаменѣлъ на мѣстѣ, видѣлъ паническое бѣгство, видѣлъ конную гвардію, ринувшуюся неизвѣстно откуда на бѣжавшихъ людей... А въ редакціи, куда я пришелъ потрясенный совершившимся преступленіемъ—разстрѣломъ людей, повинныхъ только въ довѣрчивости, — я узналъ, что товарищъ нашъ по долголѣтней совмѣстной работѣ въ журналѣ—Ев. Вик. Тарле лежитъ въ ближайшей лечебницѣ при смерти, съ разрубленной головой...

Такъ было въ первый день русской «свободы». А потомъ—этотъ сплошной потокъ крови, въ теченіе недѣли заливавшей улицы всѣхъ городовъ Россіи, извѣстія о смерти Гольдштейна, тоже стараго товарища по журналу, и другихъ товарищей по тюрьмѣ и ссылкѣ, арестъ товарища-сотрудника Сѣрошевскаго, черносотенно—казацкіе погромы евреевъ, интеллигенціи, учащихся, учениковъ-подростковъ,—наконецъ, объявленіе всего царства Польскаго на военномъ положеніи,—всякая радость исчезла.

Что это? Сознательный обманъ или дикое недоразумѣніе?

Надо разобраться, вдуматься въ этотъ кошмаръ «безумія и ужаса», найти руководящую нить. Иначе отвращеніе къ жизни овладѣваетъ умомъ и чувствами.

До 17-го октября все было ясно. Народъ и власть стояли другъ противъ друга, оба готовые бороться на жизнь и смерть. Власть безъ нравственнаго

*
* *

Какъ звѣздъ на темномъ небосводѣ,
Погибшихъ жертвъ не сосчитать...
Стремились смѣлые къ свободѣ,
Чтобъ за свободу умирать!

Съ благоговѣніемъ колѣни
Склонить предъ ними мы должны,
Всходя на свѣтлые ступени
Подъ знамя новое страны!

Сибири глубь, снѣговъ пустыни,
Темницы, цѣпи, эшафотъ—
Для насъ нетлѣнныя святыни,
Въ крови зардѣвшійся восходъ!

И будетъ тамъ могучей силы
Источникъ вѣчный для сердецъ,
Гдѣ безымянныя могилы
Хранятъ безсмертія вѣнецъ!

А. Лукьяновъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Манифестъ 17-го октября.—Дикое недоразумѣніе бюрократіи.—Визиратъ гр. С. Ю. Витте.—Конецъ мечтамъ, какъ первый актъ «объединеннаго правительства».—Частичная амнистія.—Привѣтъ выходцамъ изъ могилъ.—Памяти мертвыхъ: эпизодъ изъ романа «Андрей Кожуховъ».—Опять забастовка.

Я пишу безъ цензуры. Обликъ цензора не витаетъ предо мною въ эту минуту. А между тѣмъ, между тѣмъ... я не испытываю ни малѣйшаго радостнаго чувства. Въ первую минуту я хотѣлъ, было, воспѣть радость освобожденнаго раба. Но это былъ только минутный порывъ. Онъ быстро прошелъ, и его смѣнило смѣшанное чувство—тревоги, недовѣрія и гнѣва.

Что же произошло?

Было три часа дня. Солнце свѣтило такъ ярко, все ликовало и пѣло, красные флаги, какъ цвѣты, вѣнчали радостно и торжественно настроенную многотысячую толпу. Кого-кого тутъ не было! были юноши, старцы и дѣти, женщины, рабочіе, студенты, военные, чиновники, солдаты—словомъ, все живое высыпало на улицу, а кто не могъ—изъ оконъ привѣтствовалъ шествіе, первый праздникъ свободы на улицахъ Петербурга.

И вдругъ... Какъ громъ съ яснаго неба, безъ сигнала, безъ предупрежденія, безъ промежутка—три залпа со стороны казармъ семеновскаго полка... Я былъ тамъ, вмѣстѣ съ толпой окаменѣлъ на мѣстѣ, видѣлъ паническое бѣгство, видѣлъ конную гвардію, ринувшуюся неизвѣстно откуда на бѣжавшихъ людей... А въ редакціи, куда я пришелъ потрясенный совершившимся преступленіемъ—разстрѣломъ людей, повинныхъ только въ довѣрчивости, — я узналъ, что товарищъ нашъ по долголѣтней совмѣстной работѣ въ журналѣ—Ев. Вик. Тарле лежитъ въ ближайшей лечебницѣ при смерти, съ разрубленной головой...

Такъ было въ первый день русской «свободы». А потомъ—этотъ сплошной потокъ крови, въ теченіе недѣли заливавшей улицы всѣхъ городовъ Россіи, извѣстія о смерти Гольдштейна, тоже стараго товарища по журналу, и другихъ товарищей по тюрьмѣ и ссылкѣ, арестъ товарища - сотрудника Сѣрошевскаго, черносотенно—казацкіе погромы евреевъ, интеллигенціи, учащихся, учениковъ-подростковъ,—наконецъ, объявленіе всего царства Польскаго на военномъ положеніи,—всякая радость исчезла.

Что это? Сознательный обманъ или дикое недоразумѣніе?

Надо разобраться, вдуматься въ этотъ кошмаръ «безумія и ужаса», найти руководящую нить. Иначе отвращеніе къ жизни овладѣваетъ умомъ и чувствами.

До 17-го октября все было ясно. Народъ и власть стояли другъ противъ друга, оба готовые бороться на жизнь и смерть. Власть безъ нравственнаго

авторитета, безъ довѣрія, безъ вѣры въ ея силу, олицетворенную исключительно въ штыкѣ и нагайкѣ. Народъ—сознательно противопоставившій лѣсу штыковъ отказъ отъ всякой работы, сознательно прекратившій всякую дѣятельность, сознательно порвавшій всякую связь съ властью, создавшій вокругъ нея пустоту, уединившій власть, какъ зачумленную. Въ результатѣ—манифестъ 17-го октября... Власть сдалась, признала себя побѣжденной и обѣщала народу права человѣка и гражданина. Но при первой же попыткѣ «свободныхъ и полноправныхъ гражданъ» осуществить на дѣлѣ эти права—разстрѣлъ, черносотенно-казацкіе погромы, военное положеніе.

Что это—обманъ? Разберемъ первое положеніе.

Мы не думаемъ, чтобы это былъ сознательный обманъ со стороны власти: это—бюрократическій недосмотръ одной простой вещи. Бюрократія, въ лицѣ графа С. Ю. Витте, искренно думала, что обѣщаніе свободъ вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ момента. Лишенная *государственнаго* пониманія всей опасности переживаемаго страною кризиса, бюрократія искренно думала отписаться канцелярскимъ отношеніемъ: «въ отвѣтъ на заявленныя страною требованія, имѣю честь увѣдомить, что таковыя будутъ удовлетворены, для чего образовано объединенное правительство, на обязанность коего возлагается разработка мѣропріятій въ указанномъ направленіи. А посему всѣ благомыслящіе элементы страны да успокоятся». И бюрократія не могла не вознегодовать, когда въ отвѣтъ на такое, съ ея точки зрѣнія, многообѣщающее заявленіе, она услышала громовый кликъ: «да здравствуетъ свобода»! Въ этомъ ликованіи бюрократія усмотрѣла «безчинство и безпорядокъ» и отвѣтила залпами штыками, нагайками и призывомъ къ содѣйствію подонковъ народа.

Тутъ не было сознательнаго обмана, а одно дикое, громадное недоразумѣніе. Народъ въ манифестѣ 17-го октября увидѣлъ признаніе свободы, какъ необходимой потребности переживаемаго момента, а бюрократія понимала его какъ обѣщаніе, осуществленіе котораго обусловлено успокоеніемъ страны. Если народъ успокоится, тогда въ тишинѣ и на досугѣ бюрократія займется разработкой обѣщанныхъ свободъ. А до тѣхъ поръ все должно пребывать по старому—и усиленная охрана, и военное положеніе, и цензура, и политическія тюрьмы. Для успокоенія же нетерпѣливыхъ «безпокойныхъ»—залпы, штыки, нагайки и погромы.

Словомъ, въ большемъ только масштабѣ, соотвѣтственно потребностямъ минуты, *разыгралось* тоже, что было послѣ эры довѣрія и указа 12-го декабря. Этотъ указъ провозгласилъ законность, а вслѣдъ за нимъ настало царство треповщины. На протяженіи десяти мѣсяцевъ въ странѣ царили неудержно произволъ и насиліе, тѣнь законности исчезла, страна покрылась висѣлицами, тюрьмы переполнились политическими, мѣста ссылки увидѣли въ числѣ государственныхъ преступниковъ такихъ «злодѣевъ», какъ бывшій одесскій городской голова Ярошенко или окулистъ Лурье, генералы Карангозовы вершили однимъ маніемъ руки судьбы сотенъ тысячъ людей. Коммиссія Кобеко трудолюбиво разрабатывала уставъ для печати на началахъ законности, а цензора прекращали самое существованіе печати. Еще не далѣе, какъ въ моихъ замѣткахъ для октябрьской книги цензура изъяла все, что говорилось о со-

временности въ сопоставленіи ея съ записками Флетчера. Понадобились-бы томы, чтобы записать подвиги одной цензуры за эти десять мѣсяцевъ «законности», возвѣщенной указомъ 12-го декабря.

Народъ, извѣрившійся, наученный горькимъ опытомъ за эти только десять мѣсяцевъ царства треповщины, уставшій ждать и переставшій надѣяться, принялъ манифестъ 17-го октября, какъ дѣйствіе, какъ актъ свободы, какъ осуществленіе его правъ. Со стороны народа тутъ не было ошибки въ пониманіи: когда голодному подносятъ хлѣбъ, онъ беретъ его и ѣстъ. Ошиблась бюрократія. Въ лицѣ графа Витте она понесла страшное пораженіе, еще разъ доказывающее, что не бюрократіи суждено успокоить и устроить Россію. «Прямота и искренность», о которыхъ говоритъ графъ Витте въ объяснительной запискѣ къ манифесту, доказаны ею въ теченіе двухъ ближайшихъ недѣль послѣ манифеста—съ такой убѣдительностью, что если еще была искра довѣрія въ робкихъ сердцахъ, то теперь она залита безповоротно потоками крови. И какъ не воскресить никакому чудодѣю безчисленныхъ жертвъ, павшихъ въ роковые дни этихъ двухъ кровавыхъ недѣль, такъ не зажгется никакое довѣріе къ бюрократическому правительству, подъ чьей-бы эгидой оно ни объединялось.

И что такое для насъ это объединенное правительство? Это — визиратъ. Когда вся страна превращена въ военный лагерь, гдѣ корнеты Фроловы безнаказанно палачествуютъ надъ мирными профессорами, когда амнистированныхъ политическихъ безнаказанно истребляютъ Хрипуновы, когда весь Петербургъ, столица—мѣстопребываніе высшей власти, два дня и двѣ ночи трепещетъ подъ угрозой разгрома интеллигенціи, евреевъ и учащихся,—тогда «объединенное правительство» не обѣщаніе свободъ, а новая страшнѣйшая угроза культурѣ, свободѣ, праву. Что намъ до того, что во главѣ визирата стоитъ графъ Витте? Развѣ въ этомъ имени скрытъ залогъ великой освободительной силы и значенія? Развѣ графъ Витте не главный виновникъ гибели и позора, переживаемаго Россіей? Развѣ за десять лѣтъ своего министерства онъ не сдѣлалъ всего, чтобы растлить правительство и администрацію? Развѣ не ему принадлежитъ извѣстная записка о самодержавіи и самоуправленіи, въ которой онъ такъ доблестно топчетъ послѣднее? Въ чемъ же залогъ его освободительныхъ стремленій? Пусть въ его дѣятельности укажутъ намъ хотя бы одинъ фактъ, рисующій его какъ борца за право и свободу. Такого факта мы не знаемъ. Поэтому видѣть какую-либо гарантію въ имени графа Витте, значитъ быть слѣпымъ. Визиратъ, кто бы ни стоялъ во главѣ его, есть только визиратъ, не больше. Для гибнущей бюрократіи въ немъ, быть можетъ, лишній шансъ—не спасенія, а нѣкоторой отсрочки, и только. Для народа—новое препятствіе на тернистомъ пути къ свободѣ и праву. Что это дѣйствительно такъ, доказываютъ факты. Первымъ актомъ «объединеннаго правительства» явилось распространеніе военнаго положенія на все царство Польское,—и это послѣ того, какъ Финляндіи дарована полная автономія! Угрожающій тонъ правительственнаго сообщенія о Польшѣ ясно говоритъ, что объединенное правительство готово залить кровью и Польшу, какъ залило ею всю Россію.

Въ тотъ моментъ, когда мы пишемъ эти не столько «критическія», сколько

*

печальныя замѣтки (1-го ноября), мракъ и тучи сгущаются надъ нашей многострадальной родиной. Манифестъ 17-го октября не далъ ничего реальнаго, на чемъ мы могли бы строить будущее. Даже обѣщанія, торжественно въ немъ высказанныя, берутся назадъ фактами дѣятельности объединеннаго правительства. Поэтому возлагать какія бы то ни было надежды на манифестъ и на правительство мы не можемъ. Если годъ тому назадъ мы съ нѣкоторой радостью встрѣчали эру довѣрія и говорили о веснѣ, то нынѣ мы ни о какой веснѣ не мечтаемъ. Мы стоимъ предъ роковой загадкой, что насъ ждетъ. Всю вѣру нашу мы полагаемъ только въ силу движенія народа, который не дастъ загнать Россію снова въ «дортуаръ участка» и на реакцію сверху отвѣтитъ дѣйствіями снизу.

Вся сила—въ единеніи народныхъ массъ и общественныхъ группъ. Иначе то, что мы вырвали уже у растерянной бюрократіи, будетъ отнято, и бюрократія, объединенная въ визиратъ, въ союзѣ съ хулиганами, справитъ кровавую тризну по своемъ манифестѣ, какъ справила кровавую баню первыхъ дней русской свободы.

Единеніе всѣхъ, кому дорога культура, право, свобода, такова задача момента. Всѣмъ этимъ устоямъ порядка грозитъ разгромъ. Бюрократіи терять нечего. Она все уже потеряла—честь, достоинство, силу. Ей еще остались хулиганы, черная сотня, руководимая извѣстной частью духовенства, и казацкія орды. Общество и народъ должны противопоставить имъ—союзы всѣхъ сознающихъ опасность элементовъ, рабочія организаціи и комитеты общественной безопасности. Самооборона во имя права и свободы—вотъ лозунгъ ближайшихъ дней. Только вѣра въ себя дастъ намъ силы выдержать борьбу и побѣдить. Насталъ часъ, когда никто не въ правѣ отказываться отъ участія въ борьбѣ. Ужасы пережитыхъ дней на всемъ пространствѣ нашей родины — отъ Крыма до Архангельска, отъ Томска до Одессы—вотъ что ждетъ впереди, если, положившись на «прямоту и искренность» объединеннаго правительства, мы довѣрчиво сложимъ руки и будемъ спокойно ждать обѣщанныхъ свободъ. Польша уже дождалась военнаго положенія. Что это значитъ, мы знаемъ. Похоронившіе свою воинскую честь, герои Мукдена — всѣ эти Каульбарсы, Церпицкіе, Бильдерлинги, Мейендорфы и какъ ихъ тамъ еще — начнутъ свою кровавую работу въ нашихъ городахъ, въ нашихъ домахъ, въ нашихъ семьяхъ. Уже отправлены храбрые генералъ Сахаровъ и адмиралъ Дубасовъ въ Саратовскую и Черниговскую губерніи, усмирять и насаждать безпорядокъ. Въ Кронштадтѣ военные суды угрожаютъ сотнями смертныхъ приговоровъ. Вотъ что насъ ожидаетъ въ ближайшіе дни.

Въ единеніи—сила. Въ ряды и колонны, если мы не хотимъ повторенія ужасовъ въ Одессѣ, Томскѣ, Минскѣ, Москвѣ, Петербургѣ и т. д.

Частичная амнистія открыла двери безчисленныхъ тюремъ. И хотя радость за освобожденныхъ борцовъ омрачается мыслью о тѣхъ, кто еще погребенъ въ стѣнахъ Шлиссельбурга и Петропавловки, тѣмъ не менѣе—привѣтъ и братство вамъ, товарищи и братья! Сколько мученій, сколько жестокости, сколько неизъяснимыхъ издѣвательствъ выпало вамъ на долю! Вы твердо вы-

несли все и съ яснымъ челомъ вступаете въ ряды народа и общества, почтительно разступающіеся предъ вами. Нѣтъ словъ, чтобы выразить вамъ всю силу благодарнаго удивленія предъ вашей стойкостью, мощью духа и не знающей преградъ дерзновенностью. Предъ изумленнымъ міромъ въ вашемъ лицѣ оживаютъ легенды о мученичествѣ за святую вѣру въ добро и благо народовъ. Нѣтъ, вы больше, чѣмъ легенда, животворящая восторгомъ сердца. Вы живые, вставшіе изъ могилъ, чтобы живымъ нести благовѣстъ свободы. Еще нѣтъ ея, этой святой свободы, но уже раскаты ея воскрешающаго голоса разбили тюрьмы ваши, и вамъ предстоитъ вмѣстѣ съ народомъ довершить вами же начатое дѣло освобожденія. Мы еще не можемъ, въ гордомъ упоеніи побѣдой, сказать вамъ: «придите и займите первое мѣсто на нашемъ празднествѣ!» Не сбылось для васъ пророчество поэта: «свобода васъ приметъ радостно у входа». Въ траурѣ русская земля, похоронный звонъ и печальное пѣніе, слезы и кровь,—вотъ что васъ встрѣтило у выхода изъ вашихъ могилъ. Но васъ-ли можетъ смутить эта послѣдняя судорога самовластья? Вы смѣло вступили въ борьбу съ нимъ, когда оно казалось непобѣдимымъ, и только вы одни безстрашно подняли мечъ за свободу и право.

Но не забудемъ и тѣхъ, кто остался еще похороненнымъ въ Шлиссельбургѣ и Петропавловкѣ. Ихъ немного, въ Шлиссельбургѣ 13, въ Петропавловкѣ—не знаемъ сколько. Первые большею частью—отягченные годами одиночнаго заключенія, изнуренные муками, уже не люди,—это тѣни былого. Къ чему эта безцѣльная жестокость? Даже съ точки зрѣнія гибнущаго абсолютизма эти люди принадлежатъ прошлому. Свобода для нихъ—долгъ страны. Остальные—это тѣ, чья рука нанесла послѣдніе могучіе удары зарвавшейся бюрократіи: Карповичъ, Гершуни, Сазоновъ, Сикорскій, Куликовскій. Свобода для нихъ—ничтожная плата страны за освобожденіе. Не можетъ быть свободы, пока хотя одинъ изъ борцовъ за нее томится въ заключеніи. Мы требуемъ амнистію, полной для всѣхъ, кто совершилъ такъ называемое «преступленіе» во имя свободы политической или религіозной. Это требованіе должно стать лозунгомъ текущихъ дней, если мы хотимъ, чтобы свобода стала фактомъ, а не мечтой.

Оглянемся немножко назадъ. Вѣдь это—не преданья старины глубокой, которымъ вѣрится съ трудомъ, а—дѣла вчерашняго дня, которыя могутъ еще стать и сегодняшнимъ днемъ, если только мы на минуту поддадимся довѣрію къ власти. О, она еще существуетъ, и кто знаетъ, какія ковы готовятся въ тиши канцелярій! Этотъ вчерашній день да будетъ ежечаснымъ напоминаніемъ, неизгладимымъ memento mori сегодняшнему, и вотъ почему въ первые дни нашей колебающейся свободы святой долгъ благодарности обязываетъ насъ вспомнить тѣхъ, кого ужъ нѣтъ, но чьи имена запечатлѣны на вѣки на «могилѣ самовластья», по слову поэта.

«— Ѣдутъ, ѣдутъ!—пронесся шопотъ тысячи голосовъ.

«Всѣ разговоры мгновенно прекратились на полусловѣ. Среди мертваго молчанія вдали послышался бой барабана.

«Вѣстовой проскакалъ по направленію къ мѣсту казни. Рысью проѣхалъ отрядъ казаковъ, гарцуя на своихъ горячихъ коняхъ. Толпа провожала ихъ

взглядомъ, но никто не обернулся за ними вслѣдъ. Всѣ глаза были обращены въ одну сторону, съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ страха и ожиданія. Наконецъ, то, для чего собрались и чего съ такимъ напряженіемъ ждали эти тысячи людей, показалось вдали, и нервная дрожь пробѣжала по многоголовой толпѣ, составлявшей въ эту минуту одно тѣло.

«На блѣдномъ фонѣ неба Андрей увидѣлъ волнующуюся линію черныхъ киверовъ и лѣсъ пикъ, а сквозь нихъ туманныя очертанія, напоминающія человѣческія головы и плечи. Все это—туманныя очертанія и щетина пикъ, и черная волнистая линія подъ ними—казалось частью какого-то огромнаго чудовища, подвигавшагося впередъ тихо, тихо, какъ черепаха.

«Вотъ процессія подошла ближе, и уже можно разглядѣть ее лучше. Андрей видѣлъ теперь колесницу, лошадей, кучера, даже лицо кучера; но какъ онъ ни напрягалъ зрѣнія, онъ не могъ разглядѣть лицъ четырехъ человѣческихъ фигуръ, возвышающихся надъ поѣздомъ. Наконецъ, онъ понялъ, почему.

«Осужденные были обращены къ нему спиной, сидя на высокой скамьѣ, съ плечами привязанными къ спинкѣ широкими черными ремнями. На всѣхъ было надѣто что-то сѣрое, неуклюжее, безформенное, точно они были завернуты въ одѣяла. Но вотъ фигуры еще приблизились, все такія же безформенныя и одинаковыя; Андрей различалъ теперь цвѣтъ ихъ волосъ и узналъ по каштановымъ волосамъ Василія, по темнорусымъ Бориса и по болѣе свѣтлымъ Бочарова. Но онъ все еще не могъ признать Зины въ фигурѣ, сидѣвшей по правую сторону Бориса. Съ развѣваемыми вѣтромъ кудрями на непокрытой головѣ, она казалась мальчикомъ.

«—Ее остригли, чтобы удобнѣе было повѣсить,—догадался онъ наконецъ.

«Надъ головами осужденныхъ пролетѣла какая-то птица, безцвѣтно окрашенная безцвѣтнымъ колоритомъ сѣраго неба: не то голубь, не то воронъ, не то кобчикъ. Она, казалось, заглянула въ эти четыре обращенныя къ ней лица и увидѣла съ высоты четыре столба съ перекладинами, ожидавшіе ихъ тамъ, на черномъ помостѣ, и, точно охваченная паническимъ страхомъ, она понеслась прочь, какъ только могли нести ее сильныя крылья. О, какъ онъ позавидовалъ этому счастливому созданію, которое могло улетѣть далеко, далеко отъ грѣшной, залитой кровью земли! Будь у него даже крылья, онъ не могъ бы теперь двинуться съ мѣста. Дрожа какъ въ лихорадкѣ, со страшно бьющимся сердцемъ, онъ стоялъ, несмѣя моргнуть, чтобы не пропустить того момента, когда онъ сможетъ обмѣняться взглядомъ съ осужденными. И въ тоже время онъ боялся этого мгновенія, предчувствуя, что съ нимъ связано что-то ужасное. Онъ убѣжалъ-бы, если-бы его ноги не были пригвождены къ землѣ, какъ глаза его были прикованы къ этимъ четыремъ высоко поднимавшимся фигурамъ.

«Борисъ повернулся на скамьѣ, подвинувъ своими сильными плечами связывавшіе его ремни, и обратился лицомъ влѣво. Андрей видѣлъ его въ профиль, и по движенію его губъ догадался, что тотъ говоритъ что-то толпѣ. Борисъ нѣсколько разъ уже пытался это дѣлать въ продолженіе пути. Но бой барабановъ сталъ такъ оглушителенъ, что нельзя было разобрать ни одного слова. Борисъ оставилъ напрасныя усилія и гнѣвно откинулся назадъ. Еще

нѣсколько поворотовъ колесъ, и Андрей увидѣлъ ихъ всѣхъ прямо въ лицо. Они сидѣли въ рядъ, опираясь на одну и туже доску.

«Лицо Борисо дышало гнѣвомъ бойца, пересиленнаго числомъ, скованнаго, но не покорившагося до конца. Василій тихо разговаривалъ съ Бочаровымъ, сидѣвшимъ съ краю. Онъ говорилъ, очевидно, что-то ободряющее, такъ какъ на губахъ юноши показалась слабая улыбка. На этомъ возвышеніи черты Василія потеряли свойственный имъ оттѣнокъ грубости. Безгранично спокойный, серьезный и мужественный, онъ казался Андрею совсѣмъ не тѣмъ человѣкомъ, котораго онъ прежде зналъ.

«Но со всякихъ подмостковъ надъ толпою царитъ женщина. Всѣ эти тысячи глазъ, казалось, смотрѣли на одно лицо, видѣли одну фигуру,—ту, что сидѣла по правую руку Бориса. Прекрасная, какъ только можетъ быть прекрасна женщина, съ головой, окруженной какъ бы ореоломъ свѣтлыхъ развѣвающихся волосъ, она обводила добрымъ, жалостливымъ взглядомъ тѣснившуюся у ея ногъ толпу, у которой въ эту минуту было къ ней одно чувство. Она кого-то тамъ искала глазами. Въ своемъ прощальномъ письмѣ, еще не полученномъ Андреемъ въ то время, она писала, что всѣ они были-бы рады, если бы кто-нибудь изъ друзей сталъ на видномъ мѣстѣ на пути къ эшафоту, чтобъ они могли увидѣть другъ друга. Она ожидала, что придетъ именно Андрей, и, наконецъ, нашла его въ толпѣ. Онъ стоялъ совсѣмъ близко внизу, съ поднятой къ ней головою. Ихъ глаза встрѣтились.

«Ни тогда, ни послѣ Андрей не могъ понять, какъ это сдѣлалось; но только въ эту минуту все измѣнилось въ немъ, точно въ этомъ добромъ, жалостливомъ взглядѣ были какіе-то чары. Тревога и страхъ, негодованіе, жалость, месть—все было забыто, все потонуло въ какомъ-то великомъ, невыразимомъ чувствѣ, охватившемъ все его существо. Это было нѣчто большее, чѣмъ энтузіазмъ, большее, чѣмъ готовность на всякія жертвы. Это была положительная жажда мученичества, внезапно пробудившаяся въ немъ. Онъ всегда порицалъ это чувство въ другихъ и считалъ себя самого совершенно къ нему неспособнымъ; но теперь оно переполнило его душу и сердце, трепетало въ каждой фибрѣ его существа. Быть тамъ, среди нихъ, на этой черной, позорной колесницѣ, съ плечами, привязанными къ деревянной доскѣ, подобно этой женщинѣ, склоняющей надъ толпою свое лучезарное лицо, — это была не казнь, не жертва, а выполненіе страстнаго желанія, осуществленіе мечты о высочайшемъ счастьѣ! Забывши мѣсто, толпу, опасность, все, повинуясь лишь неодолимому порыву,—онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, протянувъ къ ней обѣ руки. Если онъ не крикнулъ громко что-нибудь, что безповоротно погубило бы его, то только потому, что голосъ отказался повиноваться ему. А можетъ быть, его слова были заглушены барабаннымъ боемъ, точно также, какъ его движеніе затерялось въ общей толкотнѣ толпы. Съ обѣихъ сторонъ улицы народъ рынулся впередъ, присоединившись къ громадной толпѣ, шедшей слѣдомъ за процессіей»... *).

---

*) „Андрей Кожуховъ". Романъ изъ исторіи 70-хъ годовъ. С. К—го. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

Я извлекъ одинъ эпизодъ изъ великой драмы, разыгравшейся на всемъ пространствѣ страны, драмы, длившейся свыше сорока лѣтъ, начавшейся непосредственно за великимъ актомъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, и продолжающейся до сихъ поръ: драмы освобожденія русскаго народа отъ оковъ самовластья. Героическая борьба, начатая самоотверженной интеллигенціей, молодежью и рабочими, въ то время единичными ея участниками, охватила теперь весь народъ, въ передовыхъ рядахъ котораго сталъ нынѣ объединенный рабочій классъ вмѣстѣ съ тою же молодежью и интеллигенціей, объединенной въ союзы. Великія жертвы 70-ыхъ годовъ не пропали. Онѣ посѣяли сѣмена, давшія богатые всходы. Слава имъ и безконечная благодарность! Новыя поколѣнья борцовъ, въ несмѣтныхъ рядахъ и колоннахъ, идутъ теперь на штурмъ послѣднихъ твердынь самовластья.

Споръ уже рѣшенъ судьбой, но предстоитъ еще новой бой за утвержденіе завоеванныхъ позицій, которыя самовластная бюрократія не отдастъ даромъ. Но, взирая на великія имена, увѣковѣченныя въ исторіи борьбы за свободу русскаго народа, видя въ рядахъ своихъ героевъ, переживщихъ начало этой борьбы, уцѣлѣвшихъ и вышедшихъ изъ могилъ Шлиссельбурга, Петропавловки, Акатуя, изъ ледяныхъ тундръ Якутской области,—мы съ вѣрой и надеждой смотримъ въ будущее!

Споръ рѣшенъ. Царству рабства положенъ конецъ . . . .

Только что опубликовано рѣшеніе рабочаго совѣта о новой политической забастовкѣ во имя свободы Польши и для спасенія сотенъ жизней матросовъ, приговариваемыхъ къ смерти въ Кронштадтѣ.

Итакъ, началось скорѣе, чѣмъ мы думали. Самодержавная бюрократія въ лицѣ новаго великаго визиря, гр. Витте, сбросила маску. «Нагайка, завернутая въ конституцію», приняла свой «исконный» видъ—просто нагайки, безъ всякихъ конституціонныхъ украшеній.

Что-жъ, оно и лучше. Ибо яснѣе. Свобода, подавленная въ Польшѣ, это—отрицаніе свободы и въ Россіи. Право, попранное въ Польшѣ, это отрицаніе права и въ Россіи. Борясь за самостоятельность Польши, мы боремся за нашу самостоятельность. Если мы хоть на минуту забудемъ это, мы дѣйствительно забудемъ урокъ 63-го года, на который указываетъ «правительственное сообщеніе». Растоптавъ Польшу, абсолютизмъ на 40 лѣтъ задержалъ развитіе свободы въ Россіи. Но если тогда была у него хотя тѣнь оправданія въ видѣ дѣйствительно вспыхнувшаго возстанія,—то теперь нѣтъ и этой тѣни. Польша современная не стремится къ отдѣленію отъ Россіи, польскій народъ желаетъ того же, чего жаждетъ и русскій—свободы и права: свободы быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть—культурнымъ *польскимъ* народомъ, и права, на которомъ онъ хочетъ основать свою свободу.

И въ союзѣ другъ съ другомъ, объединенные общей цѣлью и общими интересами, оба братскіе народа добьются свободы,—на этотъ разъ свободы безъ обмана.

А. Богдановичъ.

2-го ноября.

ПОДЪ КРАСНЫМЪ ЗНАМЕНЕМЪ.

Въ эти бурные и тревожные дни Россія сводитъ свои послѣдніе счеты съ вѣковыми традиціями крѣпостничества. Кончился монгольскій періодъ русской исторіи и обозначился рѣшительный поворотъ ея влѣво, отъ чужевластія, освященнаго насильничествомъ татарской нагайки, къ культурнымъ формамъ Запада, къ высшему изъ выработанныхъ на Западѣ началъ—къ народовластію.

На долю намъ выпалъ завидный жребій—быть современниками и участниками великаго историческаго момента въ судьбахъ нашего изстрадавшагося отечества.

Умираетъ старая, а ей на смѣну выступаетъ молодая Россія.

Правда, роды еще не кончились. Роженица не стала еще родильницей. Но во всякомъ случаѣ это была одна изъ тѣхъ послѣднихъ мучительныхъ родовыхъ схватокъ, отъ которыхъ все тѣло роженицы содрагается потрясающей болью и за которыми ясно чувствуется неизбѣжная близость конца. Быть можетъ, надобно готовиться къ новой, еще болѣе мучительной, но теперь уже послѣдней схваткѣ, а, можетъ быть, и сдѣланныхъ уже организмомъ напряженныхъ усилій было достаточно, чтобы дальнѣйшій процессъ разрѣшился относительно спокойно и безболѣзненно. Можетъ быть. Но гадать о бо́льшей вѣроятности того или иного исхода начавшагося процесса теперь безполезно, потому что поздно. Завтрашній же день можетъ положить конецъ гаданіямъ, и надобно быть готовымъ ко всякимъ возможностямъ.

Положеніе вещей опредѣлилось быстро и—надо сознаться—совершенно неожиданно. Подъ дружнымъ натискомъ въ два-три дня развернувшейся политической забастовки остановилась вся дѣловая жизнь Россіи. При слабости дѣйствующихъ у насъ партійныхъ, профессіональныхъ и союзныхъ организацій, въ которыхъ вопросъ о всеобщей политической забастовкѣ задолго передъ тѣмъ обсуждался и муссировался, не воплощаясь однако въ реальныя формы какого-нибудь однообразнаго и обязательнаго рѣшенія, внезапно осуществленная желѣзнодорожными рабочими и служащими забастовка приняла характеръ какого-то стихійнаго движенія. Никѣмъ не организованная, никѣмъ не руководимая стачка распространилась съ силою и быстротою эпидеміи, увлекая за собою даже такіе элементы, которые, казалось бы, являются всего менѣе пригоднымъ для политической забастовки матеріаломъ. Фабрично-заводскіе рабочіе и сенатскіе чиновники, банковскіе служащіе и учащіеся среднихъ школъ, мастеровые и адвокаты, учителя и фармацевты и т. д., и т. д., все это спѣшило примкнуть къ «революціи скрещенныхъ рукъ», чтобы полной остановкой дѣловой жизни заявить о своемъ протестѣ противъ самодержавно-полицейскаго режима. И чѣмъ шире распространялся застой въ будничной, дѣловой жизни страны, тѣмъ напряженнѣе бился пульсъ ея политическаго сознанія.

Митинги, собранія, смѣнялись одно другимъ, накаляя атмосферу и въ тоже время создавая благопріятныя условія для того, чтобы партійныя и союзныя

организаціи, бывшія дотолѣ въ хвостѣ движенія, оказались способными если не овладѣть имъ, то по крайней мѣрѣ, помочь ему влиться въ одно общее русло. И надо замѣтить, что задача эта оказалась не изъ трудныхъ. Стихійное въ своей безформенности, разлившееся по всей странѣ движеніе, ничѣмъ не связанное извнѣ, внутри было плотно спаяно однимъ общимъ освободительнымъ лозунгомъ. Страна требовала созыва учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, при условіи необходимыхъ для предвыборной агитаціи свободъ и неприкосновенности личности и жилища.

Къ серединѣ октября нервный подъемъ настроенія всей огромной массы участниковъ стачечнаго движенія достигъ такой высокой степени напряженія, что, во избѣжаніе самыхъ серьезныхъ потрясеній всего государственнаго организма, правительство рѣшило такъ или иначе разрядить токъ.

Но какъ?

Въ распоряженіи правительства было два средства, между которыми, какъ извѣстно, и колебался выборъ вліятельныхъ при дворѣ лицъ. Одно изъ этихъ средствъ—военная диктатура—рекомендовано было, какъ сообщаютъ газеты, придворной партіей во главѣ съ Побѣдоносцевымъ, гр. Игнатьевымъ, Стишинскимъ и др. И, конечно, самодержавное правительство прежде всего должно было остановиться на этомъ предложеніи, прежде всего оцѣнить степень его практичности и цѣлесообразности. Безспорная выгода военной диктатуры вся на лицо: она не только не упраздняла существующій, основанный на насиліи строй, но просто и логически вытекала изъ него. Немножко больше тюремъ и висѣлицъ, немножко больше распустить казацкія нагайки и солдатскіе штыки, усилить ихъ пушками и пулеметами; вообще немножко больше крови, и ни одинъ камень зданія, въ которомъ такъ прекрасно чувствовали себя всѣ эти Побѣдоносцевы, Стишинскіе, Игнатьевы et tutti quanti, не тронется съ мѣста. Идея—геніальная по своей простотѣ.

Правда, при массовомъ возбужденіи населенія, осуществленіе ея могло оказаться, пожалуй, нѣсколько рискованнымъ, но развѣ *они* не доказали уже своей отваги, когда рисковать приходится не своею, а чужой жизнью? Развѣ не *они* рискнули отправить подъ Цусиму тысячи жизни въ «калошахъ» вмѣсто кораблей, на явный разгромъ и гибель? И развѣ *они* не подготовили себѣ на всякій случай отступленія въ видѣ простого бѣгства за-границу? Нѣтъ, они умѣютъ рисковать судьбой народа и тысячу разъ доказали это. И если бы въ одномъ только рискѣ заключалось все дѣло, то, повѣрьте, что эти господа не постѣснялись бы украсить улицы столицъ и другихъ городовъ рядомъ висѣлицъ, не постѣснялись бы залить все огромное пространство Россіи потоками человѣческой крови. Къ счастью, не въ одномъ рискѣ состояли затрудненія.

Военной диктатурой, вооруженной картечью, можно бороться противъ возставшаго народа. Пулеметы можно выставить противъ массы, выступившей на защиту своихъ правъ на улицу. Но что могутъ сдѣлать даже двѣнадцати дюймовыя орудія противъ опустѣвшихъ мастерскихъ, базаровъ и площадей?

Даже разрывные снаряды не заставятъ ходить паровозы, если министръ путей сообщенія самъ не возьметъ на себя обязанности машиниста; они не пустятъ въ ходъ машинъ, не оживятъ торговли, сколько бы ихъ не разрывалось надъ головами забастовщиковъ.

Намъ вспоминается страстная рѣчь Эмиля де-Жирардена въ защиту политической забастовки, рѣчь, которую Викторъ Гюго воспроизводитъ въ «Исторіи одного преступленія»:

«Устроимъ пустоту вокругъ Луи Наполеона—говорилъ онъ—провозгласимъ всеобщую забастовку! Пусть купецъ перестанетъ торговать, потребитель—покупать, рабочій—работать; пусть мясникъ перестанетъ бить скотину, булочникъ печь хлѣбъ; пусть все забастуетъ, не исключая и національной типографіи, чтобы Луи-Бонапартъ не могъ найти ни одного журналиста, чтобы составить *Moniteur*, ни одного типографщика, чтобы его отпечатать, ни одного афишера, чтобы наклеить его на стѣнахъ. Полное одиночество и пустота вокругъ—вотъ что нужно для этого человѣка. Пусть нація отстранится отъ него. Всякая власть, отъ которой отшатнулся народъ, падаетъ подобно дереву, отъ котораго бы отдѣлился корень. Оставленный всѣми въ его преступленіи, Луи Бонапартъ долженъ будетъ исчезнуть. Станемъ только вокругъ него, скрестивши руки, и онъ упадетъ».

Вотъ это именно пустое мѣсто, которое вслѣдствіе политической забастовки образуется между правительствомъ и народомъ, не заполнятъ никакія пули, никакія пушки въ мірѣ. Отвѣтить на забастовку военной диктатурой значило бы объявить войну не забастовкѣ, которая пушечному воздѣйствію не подлежитъ, а забастовщикамъ, на которыхъ дѣйствительно можно было бы бѣлымъ терроромъ сорвать безсильную злобу и удовлетворить чувству мести.

Какъ видите, этотъ аргументъ противъ военной диктатуры въ достаточной мѣрѣ серьезенъ, но мы думаемъ всетаки, что рѣшающая роль въ данномъ случаѣ принадлежитъ не ему, а другому, еще болѣе сильному и краснорѣчивому.

Въ прошломъ году извѣстный французскій историкъ Сеньобосъ, высказываясь о политическомъ положеніи нашей родины, замѣтилъ, что самодержавный строй Россіи поддерживается всецѣло и исключительно западно-европейской буржуазіей. Щедрою рукою подписываясь на русскія займы, которые сулятъ ей значительныя матеріальныя выгоды, она дѣлаетъ русское правительство совершенно независимымъ отъ народной воли. Населеніе страны можетъ выражать правительству свое полное недовѣріе, можетъ открыто негодовать на него за его безсмысленныя авантюры, какъ это было во время японской войны, но въ его распоряженіи нѣтъ реальной силы, способной подчинить правительство голосу народной воли, потому что въ каждый данный моментъ правительство, помимо русскаго народа, находитъ открытые кошельки у западно-европейскихъ буржуа, соблазняемыхъ огромными выгодами русскихъ правительственныхъ займовъ.

Но—замѣтимъ мы—будь европейская буржуазія во сто кратъ болѣе алчна, чѣмъ она есть, долженъ же быть предѣлъ, за который не рискнетъ перешаг-

нуть никакой ростовщикъ въ мірѣ, какъ бы ни были соблазнительны возможныя, но сомнительныя выгоды, которыя ему предлагаются. И такой предѣлъ есть, онъ на лицо—въ томъ именно пустомъ мѣстѣ, который всеобщая политическая забастовка создала между правительствомъ и народомъ нашей родины. Мы ни на минуту не сомнѣваемся, что самодержавное правительство весьма склонно было бы поразить европейскихъ банкировъ своей щедростью и по небывало сходной цѣнѣ запродать ему впередъ благосостояніе десяти грядущихъ поколѣній русскаго народа, но... Но недаромъ же бѣжали изъ Петербурга приглашенные для этой цѣли графомъ Витте европейскіе и американскіе банкиры, когда увидѣли, что заманчивыя золотыя перспективы сулитъ имъ тотъ, кто не только не смѣетъ загадывать на десять поколѣній впередъ, но кто и сегодня съ безсильной злобой, съ безчеловѣчнымъ приказомъ «не жалѣть патроновъ», стоитъ передъ пустымъ мѣстомъ.

И что же должны были сказать банкиры, улепетывая отъ соблазнительныхъ обѣщаній графа Витте?

«Да, мы охотно вѣримъ, что вы готовы были бы «не жалѣть патроновъ», но вѣдь вамъ не въ кого разстрѣливать ихъ. Мы вѣримъ, что вы готовы продать намъ десятки поколѣній вашего народа, но вѣдь даже наличныя поколѣнія не признаютъ, не замѣчаютъ васъ и не желаютъ считаться съ вами».

И вотъ тѣ, кто до сихъ поръ бойко торговали нами, какъ битой птицей на базарѣ, теперь, подъ давленіемъ всеобщей забастовки, въ полной растерянности стоятъ передъ своей пустѣющей кассой.

Деньги нужны, а ихъ нѣтъ, и очевидно, военная диктатура этой бѣдѣ помочь совершенно безсильна.

Къ тому же треповщина, даже въ ея будничномъ составѣ, съ огромной арміей шпіоновъ и сыщиковъ, полицейскихъ и казаковъ, съ арміей, постоянно готовой къ военнымъ дѣйствіямъ, направленнымъ противъ русскаго народа, даже эта треповщина черезъ чуръ чувствительна для нашего государственнаго казначейства. А какихъ же невѣроятныхъ тратъ потребовала бы треповщина праздничная, треповщина, возведенная въ квадратъ?!

Словомъ, военная диктатура не состоялась и не могла состояться по обстоятельствамъ, отъ самодержавнаго правительства совершенно не зависящимъ.

Съ чувствомъ нескрываемой радости мы констатируемъ фактъ, что «независящія обстоятельства», которыя до сей поры преслѣдовали только русскую печать, стали, наконецъ, знакомы и самодержавному правительству. И съ удвоенной радостью мы констатируемъ, что «независящія обстоятельства», съ которыми теперь ознакомилось самодержавное правительство, созданы не самодурствомъ какого-нибудь полицейско-цензурнаго вѣдомства, а волею пробудившагося къ политической жизни народа.

Постыдная и бурная кончина придворныхъ утопистовъ военной диктатуры естественно вызвала на сцену авторовъ другого проекта—конституціоннаго.

Петербургъ, какъ и его биржа, удивительно чутокъ ко всякимъ политическимъ настроеніямъ и нестроеніямъ верхнихъ правящихъ круговъ.

Весь день 17-го октября, когда въ Петергофѣ шла рѣшительная борьба между военными диктаторами и конституціоналистами, Петербургъ былъ полонъ слухами самаго противоположнаго свойства.

— Слышали? объявлена военная диктатура.

— Слышали? къ десяти часамъ будетъ провозглашенъ созывъ учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія и объявлены будутъ необходимыя свободы и неприкосновенность личности.

Этотъ послѣдній слухъ къ вечеру 17-го настолько распространился, что когда мы въ 8 часовъ пріѣхали въ Вольно-Экономическое Общество на соединенное засѣданіе бюро всѣхъ функціонирующихъ въ Петербургѣ союзовъ, то всѣ присутствовавшіе уже знали о немъ и говорили, какъ о фактѣ.

Нельзя сказать, чтобы мы уловили на лицахъ союзниковъ выраженіе какихъ-либо восторговъ. «Фактъ» принятъ былъ какъ единственный и неизбѣжный выходъ изъ того положенія, до котораго довело несчастную страну монгольское иго самодержавнаго режима. Нѣкоторая разноголосица замѣчалась лишь въ оцѣнкѣ правительства, ставшаго на этотъ путь.

— А, вѣдь, это *они* ловко придумали. Этакъ *они*, пожалуй, обезпечатъ дальнѣйшее существованіе монархіи—говорили довѣрчивые люди.

— Погодите,—отвѣчали скептики—не можетъ быть, чтобы дѣло обошлось безъ какой-нибудь болѣе или менѣе хитрой каверзы.

Приступили къ очереднымъ дѣламъ.

Дебаты шли нервно, постоянно сбиваясь съ намѣченнаго русла. Ждали документа, который бы разрѣшилъ сомнѣнія.

Наконецъ, манифестъ принесенъ, его читаютъ.

— Ага, опять обѣщанія!

Настроеніе всего собранія сразу опредѣлилось. Всѣ, почти всѣ, за немногими исключеніями, почувствовали жгучую потребность сейчасъ же, немедленно, заявить во всеуслышаніе, что сущность дѣла нами понята и оцѣнена. Намъ надо заявить, что документъ вынужденъ,—и въ этомъ наша, Россіи, побѣда, но въ то же время мы ни на іоту не вѣримъ обѣщаніямъ, хотя всѣми средствами будемъ осуществлять провозглашенныя, но не данныя свободы.

Прибывшіе къ намъ члены совѣта рабочихъ депутатовъ обрадовали насъ извѣстіемъ, что точно также къ документу отнеслись и рабочіе.

Между прочимъ, въ наши бесѣды о текущихъ дѣлахъ и по поводу манифеста, десятками клиньевъ врывался эпизодъ, тогда нѣсколько не ясный, загадочный, но потомъ много свѣта внесшій для насъ въ цѣлый рядъ трагическихъ исторій, явившихся въ результатѣ манифеста.

Дѣло въ томъ, что запаздывавшіе члены собранія союза союзовъ, а затѣмъ и посторонніе лица, своими отрывочными разсказами, нарисовали намъ слѣдующую картину.

Вечеромъ 17-го октября полиція по неизвѣстнымъ никому поводамъ два раза закрывала всѣ ведущія къ Технологическому Институту улицы, а потомъ раскрывала ихъ. Она же днемъ уже распустила слухи о томъ, что изъ института будутъ брошены бомбы въ окружающія институтъ войска. Поздно вече-

ромъ съ улицы кѣмъ-то дѣйствительно брошена была на площади бомба или петарда. Бросившій, очевидно, провокаторъ, задержанъ не былъ, а полиція поспѣшила убѣдить окружавшія институтъ войска, что «бомба» брошена изъ оконъ института, хотя уже мѣсто паденія «бомбы» должно было убѣдить всякаго здравомыслящаго, что здѣсь то именно изъ института и не могло упасть бомбы.

Войска, окружавшія институтъ, гдѣ находилось 83 студента и непрерывно дежурили профессора, стали обстрѣливать институтъ. Началась правильная канонада.

Для насъ, находящихся въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, было ясно, что «бомба» или петарда явно провокаторскаго происхожденія и брошена съ улицы, что студенты ни духомъ, ни тѣломъ не повинны въ ней; что войска разстрѣливаютъ или пытаются разстрѣлять ни въ чемъ неповинныхъ людей и т. д.

Союзъ союзовъ, слыша въ ближайшемъ сосѣдствѣ энергичную стрѣльбу войскъ и вынужденный выслушивать потрясающіе разсказы прибывающихъ въ Вольно-Экономическое Общество очевидцевъ канонады, не могъ удержаться отъ того, чтобы, вопреки своимъ прежнимъ постановленіямъ—не вступать ни въ какія сношенія съ правительствомъ,—но послать отъ себя депутацію къ гр. Витте и градоначальнику съ требованіемъ принять мѣры къ прекращенію возмутительнаго разстрѣла высшей школы.

И вотъ, въ итогѣ всѣхъ этихъ депутацій, сообщеній многочисленныхъ очевидцевъ и сношеній по телефону съ правительственными учрежденіями и съ осажденными и атакуемыми студентами и профессорами технологическаго института *уже* ночью съ 17-го на 18-е октября выяснилась слѣдующая картина, которую дальнѣйшія событія, разыгравшіяся на пространствѣ всей Россіи, сдѣлали лишь болѣе яркой, разцвѣтивъ ее потоками человѣческой крови.

Выяснилось именно, что въ тотъ же вечеръ, а, можетъ быть, даже и въ тотъ же часъ, когда манифестъ провозглашалъ серьезныя уступки освободительному движенію или—выражаясь языкомъ манифеста—«смутѣ», въ полицейскихъ застѣнкахъ готовилась провокаторская бомба, имѣвшая цѣлью натравить вооруженныя войска на безоружную учащуюся молодежь. Провокація удалась. Войска подвергли учебное заведеніе жестокой канонадѣ. Какую же роль заняли въ этомъ дѣлѣ представители правительства?

Графъ Витте принялъ депутацію союза союзовъ очень любезно и, подъ громомъ ружейныхъ выстрѣловъ, взывалъ къ обществу о довѣріи, категорически завѣряя, съ своей стороны, что мѣры къ прекращенію нелѣпой канонады уже приняты. При всемъ нашемъ желаніи повѣрить хоть на этотъ разъ правительственному сообщенію, мы сдѣлать этого никакъ не могли, потому что, несмотря на «уже принятыя» мѣры, сухой трескъ ружейныхъ залповъ долго еще доносился до стѣнъ Вольно-Экономическаго Общества.

Достойно замѣчанія, наконецъ, что въ цѣломъ рядѣ послѣдовавшихъ послѣ 17-го октября анонимныхъ сообщеній, въ которыхъ правительство и прямо и косвенно выражало свои порицанія по адресу освободительнаго движенія, тайна бомбы, брошенной на площади технологическаго института, осталась

скрытой отъ русскаго общества, какъ скрыты были и всѣ другія подобныя бомбы, вызвавшія страшные пожары и ужасы въ Одессѣ, Томскѣ, Казани, Ярославлѣ и т. д. и т. д.

Наступило 18-е октября.

Утромъ, выйдя изъ дому, мы отправились прежде всего къ технологическому институту, куда, по словамъ извощика, «рядилъ ѣхать весь Петербургъ». Всѣхъ, очевидно, тянуло прежде всего взглянуть на мѣсто, гдѣ совершено первое преступленіе противъ возвѣщенныхъ манифестомъ началъ «дѣйствительной неприкосновенности личности».

На площади противъ института мы застали митингъ въ полномъ разгарѣ. Окруженный толпой слушателей говорилъ ораторъ на злободневныя темы Это осуществлялась возвѣщенная вчера свобода собраній. Вся обстановка митинга мало однако располагала къ конституціонному настроенію: она не столько говорила о возвѣщенной свободѣ, сколько кричала о вчерашнемъ ея поруганіи. Объ этомъ свидѣтельствовали и пронизанныя пулями окна института, и расположенные у воротъ патрули, а главное, постоянно прибывающіе съ разныхъ сторонъ все новые и новые военные отряды, молчаливо, въ полномъ боевомъ снаряженіи вступавшіе во дворъ института.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этой обстановкой было, повидимому, и настроеніе участниковъ митинга,—тревожныя, мрачно-сосредоточенныя лица, провожающія глазами то и дѣло дефелировавшія здѣсь войсковыя части, говорили о полномъ недовѣріи къ словамъ манифеста, словамъ, съ такой злобной поспѣшностью опровергнутымъ здѣсь вопіющими фактами реальной дѣйствительности.

Съ недобрымъ чувствомъ покинули мы институтскую площадь, а нѣсколькими часами позже мы узнали о новомъ совершенномъ здѣсь преступленіи. Вскорѣ послѣ нашего ухода на мирную толпу внезапно напалъ отрядъ конногвардейцевъ, при чемъ начальникъ отряда, корнетъ Фроловъ, въ сладострастномъ упоеніи легкой побѣды надъ безоруженнымъ врагомъ нанесъ шашкой весьма тяжкія пораненія въ голову ближайшему сотруднику нашего журнала проф. Евгенію Викторовичу Тарле.

Мы направились къ университету и здѣсь узнали что сборнымъ пунктомъ на праздникъ завоеванной свободы назначена площадь у Казанскаго собора. Кѣмъ именно и дѣйствительно ли «назначенъ» этотъ пунктъ, мы не знаемъ, но намъ показалось такъ естественнымъ въ данную минуту тяготѣніе къ этому историческому мѣсту, гдѣ подъ ударами казацкихъ нагаекъ и шашекъ, подъ ружейными выстрѣлами, мужественные борцы за свободу не разъ уже, съ красными знаменами въ рукахъ, собирались для заявленія громкаго протеста противъ капитулировавшаго теперь, хотя бы и на словахъ лишь пока, самодержавнаго режима.

Когда мы дошли до собора, митингъ уже начался. Въ центрѣ толпы виднѣлось нѣсколько красныхъ знаменъ съ освободительными девизами. Съ паперти говорили ораторы.

Ни полицейскихъ отрядовъ, ни войсковыхъ частей нигдѣ вблизи на виду

не было. Но и въ рѣчахъ ораторовъ, и въ настроеніи собравшихся чувствовалась та же тревожная напряженность, какую мы только что отмѣтили у Технологическаго института. Эти люди еще не рѣшили вопроса о томъ, куда и зачѣмъ они пришли. И отправляясь праздновать свободу, они на всякій случай принесли съ собой и готовность жертвовать за нее. И пока оставался неяснымъ вопросъ, праздникъ ли, тризна ли здѣсь готовится, и настроеніе было неясное, тревожное.

А тѣмъ временемъ толпа все росла и росла. Подъ красными знаменами прибывали все новые и новые отряды, и Боже мой, сколько было среди нихъ отмѣченныхъ особой одухотворенной красотою лицъ. Очутись здѣсь хорошій жандармъ, понаторѣвшій по части государственныхъ преступленій, да онъ бы умеръ отъ безсильной злобы въ сознаніи, что слишкомъ мала Сибирь, слишкомъ мало казематовъ у самодержавія, чтобы поглотить всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ «крамольниковъ». Вѣдь десятый изъ этой толпы несетъ на челѣ своемъ всѣ признаки героическаго упорства, готоваго на подвиги во имя одушевляющей его идеи.

Толпа росла. Пересчитать число красныхъ знаменъ и флаговъ становилось невозможнымъ. Мѣстами они сливались въ одинъ сплошной, какъ будто макомъ засѣянный цвѣтникъ, мѣстами одиноко развѣвались надъ только что прибывшей свѣжей группой, еще не успѣвшей раствориться въ общей массѣ демонстрантовъ.

Съ одной стороны, этотъ быстро растущій потокъ людей, объединявшихся на Невскомъ подъ красными знаменами, съ другой, продолжающееся отсутствіе вооруженнаго оплота стараго режима постепенно проясняли положеніе. И, наконецъ, оно для всѣхъ стало яснымъ такъ же, какъ былъ ясенъ этотъ солнечный октябрьскій день, улыбнувшійся вѣчно хмурой столицѣ:

Не тризну, а праздникъ свободы будетъ въ этотъ день справлять Петербургъ.

Знамена заколыхались и двинулись; съ ними вмѣстѣ всколыхнулась и двинулась толпа. Началось шествіе.

Десятки крупныхъ художниковъ-беллетристовъ сломаютъ свои перья прежде, чѣмъ имъ удастся воспроизвести этотъ не поддающійся словесной передачѣ моментъ. Главная трудность его воспроизведенія заключается въ полной, намъ кажется, невозможности сохранить въ картинѣ то, что называется couleur locale.

И сейчасъ какъ то не вѣрится, что дѣйствіе происходило не въ Парижѣ, а въ Петербургѣ, что въ дѣйствіи участвовали не экспансивные южане, а русскіе, тѣ русскіе, которыхъ мы привыкли видѣть на похоронахъ и никогда не видѣли участниками карнавала.

Намъ казалось, что непринужденная веселость не въ характерѣ русскаго человѣка и что во всякомъ случаѣ онъ можетъ обнаружить эту рѣдкостную свою особенность или ужъ въ очень интимномъ кружкѣ или въ кабакѣ. «На народѣ» русскій человѣкъ какъ-то особенно сдержанъ. Онъ всегда на сторожѣ и стѣсняется шумно или даже просто замѣтно проявлять свое настроеніе,—

то ли изъ опасенія возможнаго начальственнаго окрика, то ли изъ боязни убійственно скептической товарищеской усмѣшки. На этотъ разъ русскій человѣкъ какъ будто выскочилъ изъ надѣтой на него оболочки. Онъ утратилъ и боязнь и робость и сталъ самимъ собой, сталъ человѣкомъ. Онъ не старался скрывать слезъ восторга, которыя невольно выступали изъ глазъ и даже съ открытою дерзостью скатывались по щекамъ, когда онъ, выйдя изъ какой-нибудь боковой улицы, неожиданно сталкивался съ этой праздничной толпой. Онъ не стѣснялся затѣмъ, слезами разрядивъ свое настроеніе, превращаться въ ребенка, которому какъ будто совсѣмъ незнакомы всѣ сдерживающія условности русскаго общежитія. Онъ весело раскланивался съ появляющимися въ окнахъ и на балконахъ домовъ лицами, на которыхъ онъ могъ прочитать сочувствіе демонстраціи, онъ влѣзалъ на ворота, чтобъ сорвать съ нихъ національный флагъ и превратить его въ красный, онъ вступалъ въ длинные дружескіе разговоры съ совершенно незнакомыми ему людьми, онъ уморительно надрывался, стараясь и остатки своего голоса слить въ одномъ могучемъ аккордѣ молодыхъ революціонныхъ хоровъ. И если въ эти хоры, какъ будто давно уже спѣвшихся спеціально для этого случая голосовъ, онъ вторгался иногда замѣтнымъ диссонансомъ, то съ толпой, съ ея праздничнымъ, торжествующимъ настроеніемъ, съ ея дѣтски-наивнымъ задоромъ, онъ сливался вплотную. Онъ былъ здѣсь не «отдѣльнымъ посѣтителемъ», а необходимою органическою частью цѣлаго. А все это цѣлое, хотя и пестрѣло сотнею тысячъ головъ, жило одною общею мыслью, однимъ общимъ чувствомъ.

Красное знамя объединяло всѣхъ, но оно никого не порабощало. Въ этой коллоссальной массѣ, растянувшейся на широкихъ улицахъ столицы по крайней мѣрѣ версты на полторы—на двѣ, каждый двигался не по инерціи, не по чувству стадности, какъ это наблюдается въ толпѣ, созданной какимъ либо стихійнымъ движеніемъ. Здѣсь каждый участникъ демонстраціи сохранялъ всю свою индивидуальность, каждая группа, если бы вы пожелали мысленно отдѣлить ее отъ толпы, жила и двигалась въ полномъ самообладаніи, ни мало не подчиняясь гипнозу массовой психологіи. Поэтому въ каждой части этой огромной толпы можно было наблюдать удивительный порядокъ, какого, разумѣется, не въ силахъ была бы создать никакая полиція въ мірѣ. Каждый чувствовалъ, что въ этой сплоченной массѣ онъ отвѣчаетъ морально не за себя только, но и за всѣхъ, и каждый немедленно же бралъ на себя иниціативу возстановленія порядка, разъ, по его мнѣнію, что либо угрожало нарушеніемъ такового. Ни одного, даже случайно разбитаго стекла, ни одного рѣзкаго замѣчанія, ни одной угрозы на всемъ длинномъ пути массоваго шествія. Въ качествѣ единственной формы правонарушенія можно отмѣтить развѣ игру съ флагами, которые срывались съ домовъ и тутъ же изъ національныхъ превращались въ красные. Но надобно замѣтить, что подобныя правонарушенія совершались чаще всего по иниціативѣ самихъ же жильцовъ дома и всегда при благосклонномъ и веселомъ попустительствѣ дворниковъ. И, мы думаемъ, что если бы по пути демонстрантовъ встрѣтился какой-нибудь суровый дворникъ или домовладѣлецъ, который бы рѣшительно воспротивился этому копеечному

нарушенію права собственности, то, конечно, собственность, которою домовладѣльцы по распоряженіямъ полиціи выражаютъ «патреотическіе» восторги, осталась бы нерушимой.

Словомъ, шествіе подъ красными знаменами совершалось удивительно стройно, дружно и весело. Праздновалась побѣда *идеи* надъ крѣпостными пережитками, надъ традиціей, а потому все то раздраженіе, которое годами накапливалось въ душѣ противъ *лицъ*, представляющихъ то или иное учрежденіе, не находило здѣсь выраженія. Напротивъ, къ военнымъ и полицейскимъ мундирамъ толпа относилась даже съ тѣмъ благодушіемъ, съ которымъ культурный человѣкъ относится къ своему побѣжденному врагу, желая сколько-нибудь смягчить тяжесть пораженія. Мы говоримъ, конечно, не о тѣхъ военныхъ, офицерахъ и солдатахъ, которые примыкали къ демонстраціи и которыхъ толпа шумно привѣтствовала, какъ новыхъ своихъ друзей. Мы имѣемъ въ виду лишь случайныхъ встрѣчныхъ, по адресу которыхъ летѣли изъ толпы безобидныя замѣчанія и шутки.

— Ну,—какъ? не раздражаетъ васъ теперь этотъ цвѣтъ, г. приставъ?—спрашиваетъ кто-то, съ благодушной улыбкой показывая на красное знамя.

— Я не быкъ—отвѣтилъ приставъ.

Скорый и находчивый отвѣтъ былъ оцѣненъ и награжденъ сочувственными замѣчаніями. Но реабилитируя себя, остроумный приставъ въ одномъ удачномъ словѣ характеризовалъ и осудилъ, не только старое правительство, но и новое, разумѣя послѣднее въ смыслѣ все тѣхъ же старыхъ знакомцевъ, разсаженныхъ лишь въ нѣсколько иной комбинаціи.

Въ очень еще недавнемъ прошломъ, которое слишкомъ свѣжо, чтобы изгладиться изъ памяти, достаточно было появиться небольшой группѣ демонстрантовъ, съ краснымъ флагомъ, чтобы взбудоражить и поднять на ноги все правительство отъ высшихъ и до самыхъ низшихъ его агентовъ. Небольшія демонстраціи учащейся молодежи у Казанскаго собора каждый разъ неутомимыми стараніями русскаго правительства возводились на степень событій міровой важности. Еще наканунѣ назначеннаго для демонстраціи дня войска петербургскаго гарнизона получали распоряженія, указывавшія на возможность серьезнаго боя. Нѣкоторыя войсковыя части должны были проводить ночь во дворахъ частныхъ домовъ въ полномъ боевомъ снаряженіи. Дворникамъ и шпіонамъ давалась подробнѣйшая инструкція, гдѣ, въ какихъ мѣстахъ и въ какихъ смыслахъ они должны изображать народъ, физически протестующій противъ «мятежниковъ». И когда наступалъ день демонстраціи, улицы столицы буквально наводнялись войсками разныхъ видовъ оружія. Свистъ нагаекъ, ружейные залпы, стоны и вопли избиваемой безоружной молодежи составляли обычный финалъ появленія краснаго знамени, а въ окончательномъ итогѣ «престижъ власти» якобы поднимался, а русскіе фонды уже не якобы, но и на самомъ дѣлѣ падали.

Таковъ былъ обычай «стараго режима». Казалось бы, что «новый режимъ», списавшій, хотя и не безъ серьезныхъ логическихъ дефектовъ, свою програму какъ разъ именно со знамени вчерашнихъ «преступниковъ», долженъ былъ бы выказать во всякомъ случаѣ не столь острую чувствительность къ крас-

ному цвѣту. Казалось бы, что даже и при застарѣлой, трудно излечиваемой воспріимчивости къ этому цвѣту, правительству необходимо было понудить себя къ большей сдержанности хоть въ этотъ день, 18-го октября, когда даже полиція сочла необходимымъ *праздновать*, заставляя дворниковъ вывѣшивать на домахъ національные флаги и не останавливаясь передъ насиліемъ въ немногихъ случаяхъ дворницкаго скептицизма и недовѣрія.

Казалось-бы. Этого по крайней мѣрѣ требовала логика. Такую линію поведенія должно было бы подсказать и искреннее чувство, потому что искренность логична сама по себѣ, хотя бы внѣшнимъ образомъ она и не была связана ни съ какими законами логики.

День 18-го октября въ Петербургѣ, какъ и послѣдующіе дни въ цѣломъ рядѣ провинціальныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ городовъ показали, что поведеніе правительства не опредѣляется ни искренностью, ни логикой. То-есть, если хотите, логика здѣсь есть, и даже весьма послѣдовательно проведенная логика. Но это логика «стараго режима», который какъ будто бы актомъ 17-го октября былъ окончательно и безповоротно осужденъ. Выходило такъ, что уста провозглашали свободу, провозглашали «дѣйствительную» неприкосновенность личности, а руки по старой привычкѣ невольно тянулись къ шиворотy этой «неприкосновенности» и съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ впивались въ него, чѣмъ меньше склонности проявляла личность активно отстаивать свое новое законное право.

Въ полномъ порядкѣ прошли демостранты съ красными знаменами по Невскому проспекту, свернули по Владимірскому проспекту на Загородный, сопутствуемые восторженными привѣтствіями изо всѣхъ боковыхъ улицъ и переулковъ. И вдругъ у Гороховой улицы толпа всколыхнулась, на мгновеніе застыла въ мертвой неподвижности, снова всколыхнулась и затѣмъ сразу шарахнулась назадъ и въ стороны. Причины этого неожиданнаго смятенія были ясны, потому что всѣмъ былъ слышенъ этотъ хорошо знакомый петербуржцамъ сухой трескъ ружейныхъ залповъ.

Когда Загородный проспектъ опустѣлъ, т.-е. когда значительная часть толпы свернула на Гороховую улицу, а остальные участники демонстраціи жались на панели къ домамъ и заборамъ, мы увидѣли вдали, сажень за 150 отъ насъ, возлѣ Царскосельскаго вокзала, взводъ пѣхоты, въ боевомъ угрожающемъ порядкѣ занимавшій всю середину улицы. Осмотрѣвшись кругомъ, мы убѣдились, что ни убитыхъ, ни раненыхъ на улицѣ нѣтъ. Очевидно, стрѣляли холостыми патронами,—рѣшили мы и въ этомъ смыслѣ стали успакоивать тѣхъ, которые поддались паникѣ и въ ужасѣ метались съ мѣста на мѣсто.

Однако, мы ошиблись. Въ мирную и безоруженную толпу стрѣляли настоящими боевыми патронами. На мѣстѣ остались и убитые и тяжело раненые. И если эти новыя жертвы новаго режима оказались не въ полѣ нашего зрѣнія, то потому лишь, что стрѣляли въ толпу не въ «лобъ», стрѣляли не тѣ, которые загородили проспектъ, угрожая толпѣ, а разстрѣливали ее *изъ засады*, изъ переулка, такъ что пули попадали въ спины тѣхъ, которые, уклоняясь отъ встрѣчи съ войскомъ, свернули на Гороховую улицу.

Такова была первая встрѣча оффиціальной и народной Россіи послѣ объявленія манифеста 17-го октября.

Мы детально останавливаемся на всѣхъ этихъ подробностяхъ, полагая, что онѣ имѣютъ не только мѣстный петербургскій интересъ. Дѣло въ томъ, что если народная Россія въ разныхъ областяхъ ея имѣетъ свои мѣстныя рѣзко очерченныя особенности, то всей оффиціальной Россіи тонъ несомнѣнно даетъ Петербургъ. И поэтому намъ кажется, что исторія Россіи, въ той ея части, которая объясняетъ линію поведенія правящихъ классовъ по отношенію къ населенію страны, повторяетъ лишь съ небольшими варіантами исторію Петербурга. Это положеніе мы считаемъ безспорнымъ и въ нѣсколько расширенномъ его толкованіи, вмѣстѣ съ Россіей оффиціальной захватывающемъ и Россію оффиціозную.

Эту послѣднюю составляютъ тѣ, въ общемъ ничтожныя, группы населенія страны или, точнѣе, городовъ (такъ какъ о нихъ собственно мы и говоримъ въ данномъ случаѣ), которыя при благосклонномъ попустительствѣ, а то и содѣйствіи, прямомъ или косвенномъ, агентовъ правительственной власти служатъ для инсценированія общественнаго мнѣнія. Полностью отражая господствующія въ оффиціальной Россіи теченія, эти группы въ экстренныхъ случаяхъ брали на себя задачу фальсифицировать яко бы свободно высказываемый голосъ истинно-русскихъ людей.

Въ недавнія еще времена, когда на роль выразительницы общественнаго настроенія могла претендовать у насъ только пресса и когда именно поэтому на прессу обрушивались всѣ ужасы настоящаго цензурнаго террора, оффиціозная Россія проявляла себя если не исключительно, то главнымъ образомъ, въ повременной печати. При помощи щедрыхъ субсидій и подачекъ изъ средствъ государственной казны, а то и просто изъ кошельковъ высокихъ покровителей, оффиціозная Россія свила себѣ нѣсколько теплыхъ гнѣздъ въ нѣкоторыхъ всѣмъ извѣстныхъ органахъ печати. И въ то время, когда вся русская пресса буквально изнывала подъ гнетомъ безчисленныхъ циркуляровъ и административныхъ репрессій, наши оффиціозы совершенно эманципировались даже отъ общеуголовныхъ законовъ. Подъ прикрытіемъ самодержавныхъ и націоналистическихъ лозунговъ они до самозабвенія упивались дарованной имъ свободой человѣконенавистничества и клеветы. Сегодня они звали «бить жидовъ», назавтра влекли къ алтарю своего самосуда студенчество и интеллигенцію. Разгромы Финляндіи, Польши, Кавказа были ихъ излюбленными темами. Это была настоящая погромная литература, и на нее то, вмѣсто судебныхъ каръ, сыпался золотой дождь правительственныхъ подачекъ.

А тѣмъ временемъ, несмотря на всѣ полицейскія рогатки, русская жизнь не останавливалась въ своемъ развитіи. Пресса постепенно теряла монополію единственнаго выразителя общественнаго мнѣнія. Молодая Россія, мужественно подставляя свою грудь подъ солдатскія пули, вышла на улицу, и здѣсь, подъ краснымъ знаменемъ, заявляла непосредственно о своихъ настроеніяхъ и требованіяхъ. О томъ, какъ реагировала на эти новые факты нашей дѣйствительности оффиціальная Россія, мы уже знаемъ. Она не жалѣла патроновъ,

чтобы въ корнѣ подавить этотъ вопіющій, съ ея точки зрѣнія, безпорядокъ. Но, увы! корень укрѣплялся и пускалъ новые, все болѣе и болѣе могучіе ростки.

Дѣлать нечего, пришлось уступить. Не имъ, конечно,—не «крамольникамъ» и «преступникамъ»—а духу времени. Пришлось вывести на улицу и оффиціозную Россію, создать то, что теперь извѣстно всему міру подъ характерной кличкой «черной сотни».

Первый грандіозный опытъ черносотенныхъ манифестацій сдѣланъ былъ послѣ объявленія русско-японской войны. Надо было показать всему народу русскому, Японіи, Европѣ, всему человѣчеству, наконецъ, что коварный японецъ возмутилъ народную русскую душу въ самыхъ ея глубинахъ и что русскій народъ, въ полномъ согласіи съ правительствомъ, не остановится въ своемъ движеніи до той поры, пока не дойдетъ до Токіо и не подпишетъ тамъ условія позорнаго для Японіи мира. Иносценированы были манифестаціи очень остроумно. Мобилизованы были всѣ наличныя силы, причемъ, для большаго эффекта картины, въ одну толпу съ хулиганами и другими подонками городского населенія втиснуты были даже дѣти — учащіеся среднихъ и низшихъ школъ. Все шло, какъ по нотамъ. Толпа подходила къ полицейскому участку (въ нѣкоторыхъ городахъ къ думѣ), требовала царскихъ портретовъ и національныхъ флаговъ и «въ ихъ предшествіи»,—какъ сообщалось въ оффиціальныхъ отчетахъ,—и съ пѣніемъ національнаго гимна торжественно проходила по улицамъ. Повидимому, этимъ манифестаціямъ предполагалось придать вполнѣ мирный характеръ. Кое-гдѣ это и удалось. Но въ большинствѣ случаевъ манифестаціи оканчивались подъ аккомпаниментъ звона разбиваемыхъ стеколъ и воплей избиваемыхъ гражданъ.

Тревогой исполнилось сердце обывателей отъ этихъ первыхъ патріотическихъ шествій подъ національнымъ флагомъ. И ужасъ, ужасъ за человѣка, за его моральную сущность, охватываетъ насъ теперь, при одномъ воспоминаніи о тѣхъ эксцессахъ грабежа, насилія и убійствъ, которыми запятнала себя оффиціозная Россія, снова манифестировавшая подъ національнымъ флагомъ въ эти недавніе позорные дни.

Мы собственно, петербургскіе жители, знаемъ о черносотенномъ движеніи больше по слухамъ и разсказамъ очевидцевъ, чѣмъ по личнымъ наблюденіямъ. Являясь центромъ, или, такъ сказать, дѣловымъ кабинетомъ Россіи оффиціальной, Петербургъ для оффиціозной Россіи представляетъ мало удобствъ. Какъ ни нужна лакейская челядь высокопоставленному бюрократу, но до панибратства съ лакеемъ онъ все-таки не снизойдетъ. Мѣсто для лакея не въ кабинетѣ, а въ передней, гдѣ онъ и долженъ быть наготовѣ къ услугамъ своего господина. Вотъ почему всѣ эти явные и больше всего раболѣпствующіе оффиціозы печати, въ родѣ Грингмута, Шарапова и имъ подобныхъ, не держатся въ Петербургѣ, а гдѣ-нибудь подальше, въ Москвѣ, а то и совсѣмъ на задворкахъ далекой провинціи, въ Кишиневѣ, Тифлисѣ etc. Къ тому же и по составу населенія Петербургъ недостаточно воспріимчивъ въ оффиціознымъ восторгамъ. Правда, здѣсь въ изобиліи водится шпіонъ и дворникъ, но эта разновидность

самодержавной власти способна фальсифицировать народъ лишь въ той степени, въ какой къ этой роли способенъ и всякій иной полицейскій агентъ, совлекшій съ себя мундирную пару. Поддѣлка, какъ показали производившіеся раньше опыты, выходитъ слишкомъ откровенной и грубой.

Очень полезны для этихъ цѣлей хулиганы, воры и сутенеры, но пользоваться ими приходится съ большой осторожностью, потому что эти ребята, по самому свойству своей натуры, не способны ни къ какимъ систематическимъ дѣйствіямъ, не подчиняются никакой дисциплинѣ. У первой же винной лавки они швыряютъ въ грязь національные флаги и всѣ другіе реликвіи полтинничнаго патріотизма и предаются распутству, отъ котораго такъ называемые друзья порядка страдаютъ едва ли не въ большей степени, чѣмъ занесенные въ проскрипціонные списки «крамольники». Само собою разумѣется, что эти маленькія неудобства не могутъ служить достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы контръ-революція пренебрегла хулиганскими отрядами своей боевой арміи. Отнюдь нѣтъ. Но для внѣшняго успѣха черносотеннаго дѣла существенно необходимо, чтобы оффиціальные и хулиганскіе элементы этой арміи хоть въ нѣкоторой, сколько-нибудь замѣтной степени восполнялись искренно убѣжденными защитниками стараго режима. Только эти послѣдніе и могутъ внести въ неблагодарную разрушительную работу черной сотни необходимые во всякомъ политическомъ движеніи идеалистическіе элементы.

Пусть они тоже грабятъ, убиваютъ и жгутъ, но ихъ страстное участіе въ массѣ холодныхъ наемныхъ насильниковъ и профессіональныхъ распутниковъ все-жъ-таки кладетъ на эти ужасы хоть нѣкоторую печать подобія человѣчности. И когда мы, прочитывая кровавыя страницы черносотенной лѣтописи, въ безмолвномъ отчаяніи останавливаемся передъ бездной, въ которую палъ человѣкъ, палъ нашъ соотечественникъ, насъ все же съ нѣкоторымъ подобіемъ правды могутъ успокоить словами: «нѣтъ, это не просто убійство, это борьба».

Кто же они, эти идеалисты черносотеннаго движенія, несущіе въ него вмѣстѣ съ мускулистыми руками и загрубѣвшую душу свою?

Это тѣ представители старыхъ формъ жизни, которымъ каждый шагъ впередъ сулитъ гибель и смерть. Это представители ремесла и главнымъ образомъ той паразитарной формы мелочной торговли, которымъ капиталистическій строй давно уже объявилъ безпощадную войну. Гибелью грозятъ ему эти грозно и мрачно вздымающіяся надъ городомъ трубы заводовъ и фабрикъ, гибель сулятъ ему картели и синдикаты предпринимателей, ихъ универсальные магазины, гибель чудится ему и въ проясняющихся сознаніемъ взорахъ потребителя, его давнишняго кліента, который все чаще и чаще заговариваетъ о пользѣ союзовъ, объединеній и потребительныхъ товариществъ. Жизнь проносится мимо него съ какой-то смутной, но постоянно растущей угрозой, и онъ становится все болѣе и болѣе одинокимъ. Наединѣ съ сладостно-тоскливыми воспоминаніями о давно изжитыхъ временахъ, когда все было спокойно и мирно, когда каждый наступавшій день такъ удивительно былъ похожъ на минувшій и не грозилъ никакими неожиданностями, онъ все больше и больше проникается злобою къ новымъ формамъ жизни. И кто докажетъ ему, что новыя формы неизбѣжны,

что онѣ съ логической необходимостью вытекаютъ изъ всѣхъ наличныхъ условій текущаго дня? Его мысль глубоко не проникаетъ, она скользитъ по поверхности и изъ всего скрытаго процесса жизни она улавливаетъ лишь его внѣшніе признаки и симптомы. И къ этимъ внѣшнимъ симптомамъ онъ поэтому особенно чувствителенъ.

Онъ убѣжденный сторонникъ порядка, всякаго порядка. Пусть тамъ, въ глубинѣ народнаго сознанія, происходятъ какіе угодно перевороты, онъ къ нимъ равнодушенъ, потому что, оторванный отъ жизни, онъ не замѣтитъ ихъ. Только бы не нарушался покой улицы. Онъ достаточно состоятеленъ для того, чтобы при всякомъ политическомъ режимѣ обезпечить себѣ, при помощи договорнаго соглашенія съ участкомъ, извѣстный кругъ конституціонныхъ правъ. Но въ то же время онъ слишкомъ не обезпеченъ для того, чтобы безбоязненно выдержать тѣ колебанія кліентуры и цѣнъ, которыя неизбѣжны при всякомъ общественномъ движеніи, въ чемъ бы послѣднее ни выражалась. И вотъ еще новая причина, дѣлающая его врагомъ, заклятымъ врагомъ, всѣхъ тѣхъ «смутьяновъ», которые, по его мнѣнію, являются виновниками современнаго освободительнаго движенія. А виновники смуты—всѣ на лицо. Ихъ знаютъ теперь не одни только Шараповы и Грингмуты, но всякій, самый послѣдній лавочникъ легко перечислитъ ихъ. Это жиды, армяне, студенты, интеллигенція и, наконецъ, въ послѣдніе годы, рабочіе, соблазненные общими усиліями всѣхъ перечисленныхъ выше крамольниковъ.

Таковы эти единственно убѣжденные дѣятели черносотеннаго движенія, грубо обманутые своими же собственными идеологами. Отъ нихъ скрыли, что судьба ихъ предрѣшена внѣ всякой зависимости отъ политическихъ формъ; что, въ условіяхъ капиталистическаго строя, они все равно обречены на гибель, каковы бы ни были принципы, положенные въ основу русской государственности. Ни самодержавіе, ни народовластіе одинаково не защитятъ ихъ отъ неизбѣжнаго крушенія, потому что для ихъ даже только временнаго спасенія надо было бы продѣлать абсолютно невозможную операцію,—надо было бы повернуть колесо русской исторіи по крайней мѣрѣ на полстолѣтія назадъ.

Въ Петербургѣ можно было бы искусственно создать огромное по размѣрамъ оффиціозное или, какъ принято его называть, черносотенное движеніе. Но оно не было бы внушительнымъ по существу, потому что въ немъ не хватало бы того внутренняго жара, той души, при помощи которыхъ убійство, хотя бы въ глазахъ наивныхъ простецовъ, можно замаскировать въ узорчатую ткань междуусобной брани. Петербургъ—городъ по преимуществу крупнаго торгово-промышленнаго оборота, и мелкій ремесленникъ, мелкій лавочникъ играютъ въ немъ, даже по сравненію съ Москвой, весьма и весьма ничтожную роль.

Неудивительно поэтому, что черносотенныя нападенія изъ-за угла, даже при благосклонномъ попустительствѣ полицейскихъ и казаковъ, ограничились въ Петербургѣ единичными случаями, а столкновеніе краснаго и національнаго флаговъ на Невскомъ проспектѣ 18-го октября быстро окончилось бѣгствомъ въ разсыпную черносотенныхъ манифестантовъ.

Совсѣмъ иная картина рисуется провинціальными корреспондентами сто-

личныхъ газетъ. Тамъ, подъ эгидой національнаго знамени и другихъ символовъ полицейско-самодержавнаго режима, происходили событія, ужаснаго подобія которымъ надо искать даже не въ средневѣковьи, а гдѣ-нибудь еще дальше, на первоначальныхъ ступеняхъ существованія звѣроподобнаго человѣка. Поведеніе войскъ и полиціи, мѣстами пассивно, а гдѣ и активно, выступавшихъ на поддержку озвѣревшихъ насильниковъ, показывало, что подъ національнымъ флагомъ совершается сознательный, цѣлесообразный, съ точки зрѣнія властей, актъ въ защиту стараго порядка. И мы глубоко убѣждены, что нигдѣ еще, ни на поляхъ Манчжуріи, ни подъ Цусимой, національный флагъ, какъ символъ самодержавнаго строя, не скомпрометировалъ себя такъ сильно, какъ онъ успѣлъ скомпрометировать себя въ Одессѣ, Томскѣ Твери и другихъ городахъ въ эти послѣдніе дни. Старый порядокъ—скажемъ мы, нѣсколько перефразируя слова цитированнаго уже нами писателя,—совершилъ преступленіе, но сила обстоятельствъ превратитъ его въ орудіе прогресса.

«Необходимо было, чтобы «порядокъ» дошелъ до конца своей логики. Необходимо было, чтобы убѣдились вполнѣ и разъ навсегда, что на языкѣ поклонниковъ отжившаго строя это любимое ими слово «порядокъ» означаетъ: клятвопреступленіе, казнокрадство, междуусобіе, военное положеніе, конфискаціи и секвестры, ссылки и казни, разстрѣлы, полицію и цензуру, деморализацію арміи, униженіе народа, подавленную прессу, поруганіе всѣхъ правъ и законовъ, побоища и измѣну. Зрѣлище, которое у всѣхъ на глазахъ—полезное зрѣлище, и это есть именно оргія порядка».

Можно подумать, что строки эти вылились изъ-подъ пера только вчера и вылились подъ живымъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ нашихъ русскихъ событій. Потому что именно у насъ въ Россіи, совершалась эта дикая оргія порядка, именно у насъ она приняла такіе ошеломляющіе, такіе чудовищно-постыдные размѣры. И если наканунѣ еще можно было представить себѣ людей, искренно любящихъ родину, и въ то же время еще колеблющихся въ выборѣ знамени, къ которому надо примкнуть, то теперь уже выборъ для нихъ долженъ быть рѣшенъ безповоротно.

Раздоръ и смуты, насиліе и смерть несетъ съ собою трехцвѣтный символъ. Раскрѣпощеніе и культуру возвѣщаетъ Россіи красный цвѣтъ.

Надѣемся, что здѣсь нѣтъ надобности говорить о томъ, подъ какимъ знаменемъ станемъ мы лично, какъ и журналъ, къ составу редакціи котораго мы имѣемъ честь принадлежать.

Выступая впервые со словомъ, не урѣзаннымъ и не искаженнымъ придирчивыми агентами цензурнаго застѣнка, мы думаемъ, что наша свободная рѣчь останется въ смыслѣ идейнаго содержанія, тою же, какой была она и раньше, въ цензурныхъ путахъ. Какъ ни безпощаденъ былъ вчера еще не знавшій никакихъ предѣловъ цензурный терроръ, вырывавшій изъ заготовленнаго для печати матеріала даже не строки только, но страницы, листы и цѣлыя статьи, намъ кажется, что отъ этого террора страдала больше форма, чѣмъ содержаніе и что внимательный читатель даже сквозь всѣ эти кровавыя

пятна цензорскихъ чернилъ легко могъ уловить и мысль и настроеніе журнала. Конечно, сплошь и рядомъ бывали случаи, когда мысль проникала въ журналъ или слишкомъ обнаженною отъ облекавшей ее аргументаціи или, напротивъ, черезъ чуръ прикрытой фіоритурами эзоповскаго стиля; бывали случаи, когда отъ мысли и настроенія оставались лишь одни намеки на нихъ. Все это теперь устранено. Освобожденное слово открываетъ намъ возможность новой, прямой и открытой постановки вопросовъ, облегчаетъ задачу ясной ихъ формулировки, но самые вопросы, опредѣляемые основными пунктами нашихъ философскихъ, литературныхъ, соціальныхъ и политическихъ взглядовъ и въ свою очередь опредѣляющихъ направленіе журнала, остаются тѣже.

Когда намъ какъ-то, удовлетворяя любознательность одного нѣмецкаго писателя, пришлось подробно характеризовать направленіе журнала, причемъ мы иллюстрировали наши объясненія ссылками на помѣщенныя въ журналѣ художественныя произведенія и статьи по разнымъ отраслямъ знанія, критики и публицистики, нѣмецъ резюмировалъ наши объясненія въ слѣдующемъ вопросѣ:

— Значитъ «Міръ Божій» отражаетъ взгляды одной изъ группъ соціалъ-демократической партіи?

Съ своей, нѣмецкой, точки зрѣнія нашъ собесѣдникъ былъ безусловно правъ. И нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что въ Германіи редакціонный кружокъ «Міра Божія» вошелъ бы цѣликомъ въ соціалъ-демократическую партію, нисколько не считаясь съ тѣмъ, что даже въ предѣлахъ его самого существуютъ нѣкоторыя теоретическія разногласія, не мѣшающія однако совмѣстной практической работѣ.

Но мы живемъ и работаемъ не въ Германіи, а въ Россіи. Наша соціалъ-демократическая партія, сформировавшаяся въ исключительныхъ условіяхъ нелегальнаго существованія, только теперь, вступая въ новую, легальную фазу своей дѣятельности, стоитъ передъ огромной задачей широкой массовой организаціи пролетаріата. Въ связи съ этимъ надо предвидѣть серьезную реформаторскую работу и внутри самой партіи. И при наличныхъ условіяхъ даннаго момента мы можемъ только констатировать и лишній разъ подчеркнуть нашу идейную и моральную связь съ русской соціалъ-демократіей, не предрѣшая вопроса объ организаціонномъ сліяніи съ нею, какъ партіей.

Вл. Кранихфельдъ.

«НО БРУТЪ ВѢДЬ ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ».

For Brutus is an honourable man.
Изъ рѣчи Антонія въ „Юліѣ Цезарѣ"
Шекспира, д. III, сц. 2.

Кто не помнитъ обращенія Брута къ Кассію и заговорщикамъ передъ убійствомъ Юлія Цезаря въ трагедіи Шекспира:

Не будемъ мы, Кай Кассій, мясниками,
Мы Цезаря лишь въ жертву принесемъ...
... О если бы, его не убивая,
Могли его мы духомъ овладѣть!

Нынѣ — старинное пожеланіе Брута отчасти осуществилось: абсолютизмъ принесенъ въ жертву побѣдой надъ «духомъ», который, по словамъ Шекспира, — «у людей вѣдь не имѣетъ крови», и хотя много крови пролилъ и еще продолжаетъ проливать русскій народъ въ переживаемый великій переворотъ общественнаго строя, новѣйшимъ заговорщикамъ противъ абсолютизма удалось «овладѣть духомъ» носителя неограниченной власти настолько, чтобы вызвать манифестъ 17-го октября, обѣщающій населенію—«незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ»...

Есть обѣщанія, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть взяты назадъ, иначе они падутъ всей тяжестью на голову тѣхъ, кто ихъ произнесъ, раздавятъ сулившаго, но не сдержавшаго слово, безпощадной Немезидой исторіи, обѣщанія, которыя, разъ они произнесены, равнозначущи съ реальностями, ибо они заключаютъ въ себѣ реальный отказъ отъ прошлаго и оставляютъ подъ вопросомъ лишь способы осуществленія обѣщаннаго. И въ первыя минуты оглашенія акта 17-го октября не могла не закружиться голова у многихъ отъ чувства упоенія одержанной побѣды надъ режимомъ гнета, безправія и насилія надъ личностью, надъ тѣмъ, противъ чего боролись у насъ лучшіе люди не менѣе полутора вѣка; политическая и гражданская свобода, эти запретныя слова, за которыя еще вчера сажали въ тюрьму, ссылали, привлекали къ отвѣтственности,—нынѣ провозглашены во всеуслышаніе, даны какъ лозунгъ всему населенію россійскаго государства, призваны лечь въ основу водворяемаго новаго порядка!

Ликованіе, однако, длилось недолго—для нѣкоторыхъ одинъ лишь вечеръ, для другихъ и того менѣе, ибо уже съ полуночи 17-го числа раздалась ружейная пальба на улицахъ Петербурга, а утромъ 18-го и самый текстъ манифеста и сопровождавшій его «всеподданнѣйшій докладъ статсъ-секретаря графа Витте», при болѣе внимательномъ чтеніи, представились уже въ иномъ свѣтѣ: интервалъ отъ словъ къ дѣлу всталъ тревожнымъ призракомъ. Послѣдовавшія затѣмъ трагическія происшествія, при сопоставленіи съ редакціей правительственныхъ актовъ, стали вызывать сильныя опасенія относительно того, какъ будетъ осуществлена политическая и гражданская свобода въ Россіи, въ

какомъ видѣ «незыблимыя основы» новаго строя будутъ проводиться въ жизнь, какое значеніе придавать указанной и въ манифестѣ отсрочкѣ выполненія правительствомъ непреклонной воли монарха, и какія гарантіи представлены обществу въ точномъ, безъ ограниченій, скорѣйшемъ признаніи, что возвѣщенное—морально уже дано? На послѣднемъ мы настаиваемъ: слово конституція не произнесено въ манифестѣ, но моральное обязательство считаться съ волей народа принято, также какъ санкціонированы и прочія свободы, обезпечивающія незыблимость правъ человѣка и гражданина для всего населенія, безъ различія вѣроисповѣданій и національностей. Слѣдовательно всякое отступленіе отъ соблюденія этихъ правъ представляется уже нарушеніемъ даннаго слова.

Правительство оставило за собой только условный промежутокъ времени: отъ объявленія свободъ—до ихъ реализаціи, промежутокъ, когда оно можетъ формально ссылаться на то, что все обѣщанное будетъ «со временемъ», а пока мы остаемся на прежнемъ положеніи и даже можемъ оказаться въ худшемъ положеніи, что оно поторопилось доказать для Польши. Общество на компромиссъ не согласилось и не могло согласиться: оно потребовало немедленныхъ гарантій и, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ областяхъ дѣятельности, немедленнаго осуществленія вполнѣ исполнимыхъ свободъ, достиженіе которыхъ обусловлено лишь простой отмѣной прежнихъ законоположеній. То, чего ей не давали добровольно, оно брало самостоятельно; и первое, что общество потребовало отъ правительства,—это была амнистія за политическія и религіозныя преступленія; первое, чѣмъ оно овладѣло самочинно, это была свобода печати и свобода союзовъ.

Въ теченіе съ лишнимъ двухъ недѣль по обнародованіи манифеста, уже восполненнаго нѣсколькими новыми манифестами и рядомъ правительственныхъ сообщеній—идущихъ то въ униссонъ съ объявленіемъ свободъ, то въ рѣзкой оппозиціи съ ними, происходитъ оригинальная торговля между представителями различныхъ общественныхъ группъ и главой вновь формируемаго «объединеннаго» правительства, которое все еще находится въ стадіи формаціи: правительство усиленно взываетъ къ довѣрію общества, проситъ оказать ему это довѣріе, соглашается на частичныя гарантіи, лишь бы общество повѣрило, какъ указано въ докладѣ графа Витте — его «прямотѣ и искренности въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и установленіи гарантій сей свободы».

Припомнимъ, что годъ тому назадъ вопросъ поставленъ былъ совсѣмъ иначе: тогда, въ управленіе мин. вн. дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскаго, въ правительственныхъ сферахъ заговорили о довѣріи *къ обществу*, а теперь взываютъ о довѣріи общества *къ правительству*. Означаетъ ли это, что правительство уже въ достаточной мѣрѣ оказало довѣріе населенію и въ тоже время сознало, что единственно правильная постановка вопроса должна быть обратной, т.-е. именно въ довѣріи нуждается прежде всего правительство, какъ это явствуетъ изъ ряда вотовъ въ европейскихъ конституціонныхъ государствахъ, ибо не народъ существуетъ для правительства, а послѣднее должно обезпечить законо-

мѣрную жизнь народа? Такое открытіе представляется во всякомъ случаѣ отраднымъ явленіемъ и кое-что сулитъ въ будущемъ.

Но въ свое время, годъ тому назадъ, призывъ къ довѣрію общественнымъ силамъ, раздавшійся какъ первый крикъ агоніи «приказнаго строя» или полицейско-бюрократическаго режима, не возымѣлъ надлежащей силы. Всѣмъ, конечно, памятно, что этотъ призывъ стоялъ въ связи съ первымъ, оффиціально признаннымъ съѣздомъ земскихъ дѣятелей, но также памятно и то, что разрѣшеніе устроить съѣздъ земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ было сперва дано, потомъ отнято, наконецъ, съѣздъ состоялся лишь конспиративнымъ путемъ на частныхъ квартирахъ. Потомъ уже ни о какомъ довѣріи и помину не было. И не смотря на внѣлегальный характеръ съѣздовъ постановленія земскихъ дѣятелей получили широкую огласку среди интеллигентныхъ и правящихъ слоевъ русскаго общества. Отвѣтомъ на заявленныя требованія явился указъ 12-го декабря, въ которомъ, однако, оказалось одно существенное упущеніе: выкинутъ былъ пунктъ о народномъ представительствѣ и объ участьи выборныхъ отъ народа въ законодательной работѣ страны. Это было роковой ошибкой, что нынѣ общепризнано и подтверждается манифестомъ 17-го октября. Взывая о довѣріи къ общественнымъ силамъ, правительство не оказало этого довѣрія въ надлежащей степени и произошелъ новый, болѣе рѣзкій, чѣмъ во всѣ предшествовавшія эпохи, разрывъ между правительствомъ и народомъ; война внутренняя разгорѣлась параллельно войнѣ внѣшней; понемногу вся страна оказалось въ заговорѣ противъ горсти сторонниковъ стараго режима, угрожавшаго окончательной гибелью раззоренной, расшатанной, очутившейся въ положеніи полнаго «нестроенія» несчастной нашей родины. Если бы правительство на самомъ дѣлѣ повѣрило голосу общества тогда, когда оно само заговорило о необходимости довѣрія,—много бѣдъ было бы отвращено: не было бы ужасовъ январьскихъ дней, не произошли бы возстанія и междоусобная рѣзня на нашихъ окраинахъ, предупреждено было бы кровопролитіе во многихъ городахъ Россіи и національное самолюбіе не страдало бы въ такой мѣрѣ, какъ теперь, отъ позорныхъ по результатамъ, преступныхъ по тѣмъ условіямъ, при которыхъ они были допущены,—сраженіяхъ съ непріятелемъ, которыя были сплошными нашими пораженіями.

Но довѣрія не было оказано—ни въ ноябрѣ 1904 года, когда выступили земскіе дѣятели, ни въ январѣ 1905 года, когда поднялась вся масса рабочихъ петербургскаго района и, безоружная, въ праздничной одеждѣ, направилась къ «своему» царю съ полной вѣрой, что ея ходатайства будутъ выслушаны, что рухнетъ стѣна «средостѣнія» между верховной властью и народомъ. Не было оказано довѣрія и къ заявленіямъ многочисленныхъ общественныхъ группъ, которыя быстро формировались въ союзы и общества, твердо рѣшившись добиться осуществленія элементарныхъ условій гражданской свободы, несмотря на все противодѣйствіе правительства. А теперь правительство требуетъ довѣрія къ себѣ, оно, сдавшееся, но не шедшее впереди движенія, морально побѣжденное, но не внявшее голосу народа тогда, когда было еще время заключить нѣкоторый «союзъ довѣрія». Понятно, что общество теперь вправѣ

требовать чего-то больше, чѣмъ обѣщаній, требовать, какъ кѣмъ-то остроумно было замѣчено, валюты, а не векселей.

Но кто же наши Бруты, Кассіи, Цинны, Метеллы, Каски и т. д., одержавшіе побѣду надъ «духомъ, не имѣющимъ крови»? Въ заговорѣ оказалась вся мыслящая, сознательно живущая часть населенія страны. И форма борьбы теперь значительно разнится отъ прежней системы заговоровъ; не даромъ заговорили объ «эволюціи революціи» т.-е. о новыхъ пріемахъ совершенія государственныхъ переворотовъ, которые должны привести и къ инымъ, болѣе устойчивымъ результатамъ достигнутаго.

Не вдаваясь здѣсь въ анализъ различныхъ элементовъ общества, учавствовавшихъ въ освободительномъ движеніи, мы не можемъ не отмѣтить существенныхъ заслугъ соціалъ-демократической партіи въ ея стремленіи, отчасти выполненномъ, вовлечь въ движеніе широкіе слои народной массы, пробудить сознаніе въ раньше инертныхъ классахъ городского и сельскаго пролетаріата, дѣйствовать не путемъ единоличныхъ или мелко-групповыхъ заговоровъ, а именно путемъ распространенія идей въ нѣсколько упрощенной, но удобоусвояемой формѣ, чтобы заинтересовать въ освободительномъ движеніи всѣхъ, чьи интересы съ ними, по существу, связаны органически, хотя бы данная связь и не была всѣми сознана. Не нужно быть самому соціалъ-демократомъ для того, чтобы оцѣнить произведенную представителями партіи колоссальную работу пропагандированія освободительныхъ идей. Не слѣдуетъ, въ тоже время, закрывать глаза и на то, что пріемъ «упрощенія» доходилъ порой до крайностей... Но, во-первыхъ, побѣдителей, говорятъ, не судятъ, а, во-вторыхъ, учетъ историческаго хода движенія—дѣло будущаго. Пока оно наглядно представляется намъ теперь лишь въ трехъ этапахъ, послѣдовательно пройденныхъ эволюціонной и въ тоже время революціонной волной движенія. Во главѣ его стоитъ русская интеллигенція, которой принадлежитъ починъ. Пусть заслуги ея во многомъ—заслуги прошлаго, но если-бы не было интеллигенціи, то не было бы такой сознательности. Вторымъ этапомъ является выступленіе земскихъ дѣятелей, этихъ «устроителей земли», при поддержкѣ и подъ инспираціей тѣхъ же «интеллигентовъ»—теоретиковъ движенія. Земцы сумѣли придать общенародный характеръ своимъ заявленіямъ и все общество прислушалось къ ихъ голосу, который былъ понятъ, какъ голосъ земли. Но земскія депутаціи привели лишь къ акту 6-го августа... Послѣднимъ моментомъ, и наиболѣе дѣйственнымъ въ реализаціи освободительныхъ идей, является общее, дружное движеніе среди рабочаго класса, которому и принадлежитъ окончательная побѣда надъ «старымъ режимомъ» *).

Пріемъ всеобщей политической забастовки, примѣненной сплотившимися рабочими, подъ эгидой тѣхъ интеллигентовъ—вожаковъ, которые самоотверженно отдали себя служенію интересамъ пролетаріата, есть, по принципу, конечно,

*) Ограничиваемся указаніемъ внѣшнихъ, показныхъ моментовъ движенія, не входя въ разсмотрѣніе сущности тѣхъ или иныхъ историческихъ процессовъ, которые его подготовили и обусловили.

пріемъ безкровной борьбы. И результаты этой борьбы далеко превзошли спеціально классовые интересы пролетаріата, осуществивъ свободы для всѣхъ слоевъ населенія. Пріемъ смущалъ тѣхъ, которые судятъ о настоящемъ и будущемъ исключительно глазами историческаго прошлаго человѣчества. Рискованный тезисъ, что то, чего никогда не было въ исторіи и не можетъ быть, оказался опрокинутымъ новѣйшими событіями. Но, дѣйствительно, стачки и забастовки сами по себѣ еще не производятъ переворота, а только обусловливаютъ его необходимость. Реагировать на нихъ правительство можетъ двоякимъ путемъ: пулеметами или уступкой. Невольными союзниками дѣятелей освободительнаго движенія, исполнителями программы всероссійскаго заговора противъ режима гнета и безправія—явились тѣ облеченные властью лица, которые стали на сторону необходимыхъ уступокъ.

Все общество называло при этомъ одно имя: но это не былъ Брутъ по своей преданности идеямъ республиканской свободы, ибо слишкомъ памятны многократные случаи, когда тотъ же человѣкъ, который теперь выступалъ съ лозунгомъ либерализма, былъ дѣятельнымъ сторонникомъ абсолютизма. Могло ли внушать довѣріе провозглашеніе хотя бы свободы слова въ устахъ сановника, который десять лѣтъ тому назадъ такъ «обошелъ» писателей, выступившихъ со скромнымъ ходатайствомъ о дарованіи *нѣкоторыхъ* облегченій совершенно невыносимому положенію, въ которомъ была у насъ поставлена печать *)? Ходатайство было принято, а отвѣтъ «съ острастной» врученъ черезъ городового! И все же этотъ сановникъ совершилъ дѣло Брута, въ той новой формѣ идейнаго переворота, о которомъ римскій гражданинъ лишь мыслилъ, но не въ силахъ былъ осуществить. Эту силу дала теперь народная волна. Да, дѣло Брута было выполнено, но затѣмъ послѣдовала рѣчь Антонія, рѣчь человѣка, который ищетъ сочувствія толпы, но истинныя намѣренія его намъ пока неясны. Онъ восхваляетъ дѣятелей, которые вчера еще считались врагами правительства, признавъ теперь, что «всѣ они—почтенные и доблестные люди»; но это высказывалъ и Антоній. Онъ зоветъ давнихъ сторонниковъ свободы раздѣлить съ нимъ власть для осуществленія идей правового порядка, завѣряя въ искренности и прямотѣ своихъ намѣреній. Но и у Антонія рѣчь прерывалась неизмѣннымъ припѣвомъ, что «Брутъ, вѣдь, честный человѣкъ»; а толпа отвернулась отъ Брута и пошла за Антоніемъ совсѣмъ въ другую сторону. Каковы же настоящія намѣренія графа Витте?

Передъ нами сложная психологическая загадка: въ одномъ лицѣ, волею судьбы, воплотились два противоположныя направленія вчерашняго бюрократическаго абсолютизма и вновь объявленныхъ идей гражданской свободы; въ немъ слились какъ бы два человѣка, изъ которыхъ одинъ—по своей прошлой дѣятельности, по много разъ заявленнымъ симпатіямъ и взглядамъ, близокъ Антонію; другой,—свершившій дѣло Брута, не прочь облечься и въ духовный обликъ убѣжденнаго сторонника свободы. Которому изъ нихъ повѣрить? Мы ясно видимъ изъ послѣдовав-

---

*) См. „Всеподданнѣйшее прошеніе русскихъ писателей", напечатанное заграницей въ брошюрѣ—„Самодержавіе и печать", Берлинъ. 1898 г.

шихъ распоряженій за послѣдніе дни, до объявленія Царства Польскаго на военномъ положеніи включительно, что «прямота и искренность», о которыхъ сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 17-го октября, поставлены въ полную зависимость отъ настроеній минуты и что они далеки отъ грубоватой, но дѣйствительно непоколебимой «прямолинейности» Брута. И тѣмъ не менѣе мы не хотимъ отворачиваться сразу отъ тѣхъ посулъ, которые указываютъ на идейный переворотъ во вчерашнемъ сторонникѣ абсолютизма. Переворотъ можетъ быть и искренній, ибо ходъ событій обратилъ не одного консерватора и даже ретрограда въ новую вѣру освободительныхъ идей, подобно тому, какъ мы видѣли превращеніе парнасцевъ-декадентовъ въ соціалъ-демократовъ. Внезапность обращенія не служитъ сама по себѣ опроверженіемъ ея искренности. По общему признанію, графъ Витте обладаетъ выдающимися способностями, умомъ, талантами, и ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что онъ понялъ, что спасеніе Россіи не въ охранительной, а въ широко-прогрессивной политикѣ, и выступилъ искренно ея сторонникомъ въ данный историческій моментъ. Но это—искренность момента, а не программа дѣятельности. Антоній привлекъ толпу разсказомъ о щедротахъ Цезаря. Не слишкомъ ли хорошо знакомъ этотъ пріемъ и бывшему министру финансовъ, въ свое время пытавшемуся расположить къ правительству даже независимую прессу учрежденіемъ особаго фонда, для раздачи ежегодныхъ пособій и пенсій литераторамъ и ихъ семьямъ? Правда, изъ этого ничего не вышло и учрежденный фондъ при академіи наукъ сталъ просто рессурсомъ для благотворительности и не пріобрѣлъ политическаго значенія: министръ выказалъ достаточно ума, чтобы не настаивать на «благодѣяніи» правительственной опеки и, понявъ все различіе между средой писателей и римскимъ плебсомъ, предоставилъ контроль надъ выдачами, особой коммиссіи «внѣ партій». Молва много разъ сообщала и о другихъ проявленіяхъ «щедротъ» за счетъ казны, но мы, конечно, не будемъ опираться на слухахъ и толкахъ, доискиваясь ихъ источника.

Антоній рѣшаетъ аграрный вопросъ: помѣстья, рощи и сады Цезаря предоставлены, дескать, по его завѣщанію, римскому народу: «Навсегда онъ завѣщаетъ вамъ свои владѣнія, чтобы вы и ваши поздніе потомки могли бы ими пользоваться». Такъ говорилъ Антоній о Цезарѣ.

Новое правительство не такъ щедро по отношенію къ раздачѣ земель, но оно сохраняетъ за собой иниціативу въ «облагодѣтельствованіи» податнаго населенія снятіемъ выкупныхъ платежей: зачѣмъ,—можетъ потомъ спросить народъ,—законодательная дѣятельность Думы, зачѣмъ созывъ представителей, когда правительство, въ отвѣтъ на требованіе скорѣйшаго созыва собранія уполномоченныхъ отъ всего населенія и немедленной реализаціи свободъ,—само рѣшаетъ вопросы, касающіеся государственнаго бюджета и раздаетъ милости народу? Не будетъ ли это поставлено на видъ крестьянскому населенію въ предстоящихъ выборахъ?

Мы не хотимъ предрѣшать направленія возвѣщенной политики «прямоты и искренности», но рѣшительно не усматриваемъ почему общество, которому въ свое время не было оказано надлежащаго довѣрія и все же оно шло не-

уклонно къ цѣли—создать лучшія условія жизни для всего русскаго народа и всѣмъ живущимъ въ русскомъ государствѣ иновѣрцамъ и иноплеменникамъ, и продолжаетъ понынѣ указывать средства достиженія этой цѣли, «при сохраненіи государственной цѣлостности», и въ концѣ концовъ вынудило правительство внять голосу страны, почему это общество должно теперь слѣпо довѣриться даннымъ новымъ обѣщаніямъ? Рѣшать психологическіе загадки—дѣло досужихъ моментовъ, которыхъ теперь у насъ нѣтъ. Можно только указать на наличность такой загадки; можно и должно далѣе считаться съ неясностью двойственнаго характера обѣщаній о дарованіи «благъ», съ наступившимъ затѣмъ, увы, реальнымъ расколомъ между обѣщаніями и дѣйствительностью, съ отсутствіемъ гарантій въ прошломъ для обезпеченія незыблимыхъ основъ будущаго. И выводъ отсюда одинъ: оставимъ всякіе сентиментальные разговоры о довѣріи или недовѣріи и будемъ считаться лишь съ фактами. Пусть Брутъ, желающій осуществить свободы,—«честнѣйшій человѣкъ», мы помнимъ, что это говоритъ Антоній и отъ Антонія мы требуемъ не словъ, а дѣла, не политики «довѣрія», а реализаціи обѣщаній.

А за всѣмъ тѣмъ, конечно, данныя обѣщанія не могутъ быть взяты ни вполнѣ ни даже частью назадъ: отъ этой побѣды русское общество и русскій народъ никогда не откажется, какими бы призраками реакціи теперь его не смущали. Слишкомъ дорого она ему обошлась, да и положеніе теперь иное, чѣмъ въ эпоху Цезарей и Августа: одряхлѣвшій и испорченный римскій народъ утратилъ живое пониманіе гражданской свободы; заговоръ немногихъ отдѣльныхъ личностей, хотя бы между ними былъ и подлинный Брутъ, не могъ поднять толпу, одушевивъ его вѣрой въ то, во что она сама перестала вѣрить. Пріемъ отдѣльныхъ заговоровъ не создаетъ общественнаго движенія. Иное дѣло, когда масса населенія сама почувствовала необходимость встать на борьбу за свободу, когда главная опора и крѣпость экономической жизни страны—рабочій классъ въ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. и живущіе интеллигентнымъ трудомъ и фабричные рабочіе и сознательная часть земледѣльцевъ, и представители всякихъ свободныхъ и даже не свободныхъ профессій (вспомнимъ возникшіе союзы чиновниковъ) единодушно и громко заявляетъ о своихъ требованіяхъ въ общей атмосферѣ сочувствія давно назрѣвшимъ потребностямъ пользоваться законными правами человѣка и гражданина,—тогда никакіе Антоніи не страшны, ибо самъ народъ не отступится отъ своихъ завоеваній.

Не должно подчиняться и страхамъ гражданской войны, несмотря на всѣ ужасы произошедшихъ въ разныхъ городахъ Россіи погромовъ, избіеній и междоусобныхъ распрей, при благосклонномъ «попустительствѣ», а по нѣкоторымъ сообщеніямъ и подстрекательствѣ мѣстныхъ властей. Тотъ, кто вѣритъ, что свобода есть благо, не можетъ допустить неизлѣчимой слѣпоты въ средѣ тѣхъ, которые пока не только отворачиваются отъ этого блага, но и возстаютъ противъ него по крайнему неразумію. Если есть искренніе люди между заблуждающимися, ихъ сознаніе скоро должно проясниться. Только органически-прочнымъ натурамъ никакого излеченія нельзя сулить, но всякое уродство носитъ кару въ себѣ самомъ. И среди такъ называемыхъ «черносо-

тенцевъ» многіе дѣйствуютъ исключительно по неразумію, потому, что не вѣдаютъ того, что творятъ. Намъ сообщали очевидцы о такомъ случаѣ въ Одессѣ во время еврейскаго погрома: въ то время, какъ войска смотрѣли съ преступнымъ безучастьемъ на производимые ужасы, повинуясь приказу «невмѣшательства», одна молодая дѣвушка, народная учительница, вступившая въ общину сестеръ милосердія, отважно бросилась на встрѣчу громиламъ и однимъ лишь крикомъ,—не угрозой, не воплемъ негодованія, а крикомъ глубокой боли и состраданія, какъ къ жертвамъ, такъ и къ палачамъ.—«Голубчики, что вы дѣлаете!»—остановила десятки рукъ, занесенныхъ надъ головой съ цѣлью убійства. Картина какъ бы по волшебному знаку моментально перемѣнилась: громилы поникли головой пристыженные, въ недоумѣніи; убійцы, обагренные кровью, держа еще въ рукахъ ножи, ломы, топоры и т. п. оружія невыразимыхъ звѣрствъ, которыя они только что чинили въ иступленіи безумія,—«стали прикрывать сестру отъ толпы, когда она обматывала марлею головы совершенно здоровыхъ, перепуганныхъ еврейскихъ ребятишекъ, помогали ей выносить ихъ до извозчика, приносили ей воду, когда руки ея были въ крови, держали треногій стулъ, когда измученная сестра не могла больше стоять на ногахъ, собственными платками вытирали ей щеку, куда попала кровь отъ совершеннаго тутъ же рядомъ убійства». Я цитирую дословно письмо, полученное отъ весьма почтеннаго жителя Одессы, занимающаго видное положеніе и безусловно достовѣрнаго свидѣтеля. Я желалъ бы имѣть возможность громко провозгласить имя этой самоотверженной сестры, которая оказала больше чѣмъ помощь раненымъ, предупредивъ въ одномъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ новое преступленіе. И какое вѣрное пониманіе «психологіи толпы», какая героическая находчивость въ роковую минуту! «Увѣренность въ безнаказанности, звѣрскіе инстинкты безъ сдерживающихъ элементовъ—пишетъ далѣе нашъ корреспондентъ,—вотъ что дало ужасные результаты». И они тѣмъ болѣе ужасны, что была возможность ихъ предотвратить.

Были случаи предупрежденія кровопролитія и иными способами. Намъ пишутъ изъ Самары, гдѣ образовался комитетъ общественой безопасности изъ горожанъ, что одна войсковая часть, утомленная и раздраженная подневольной караульной службой подъ руководствомъ полиціи, рѣшила дѣйствовать заодно съ Комитетомъ обороны независимо отъ полиціи. Высокоразумный начальникъ части совершенно вѣрно понялъ, что настоящій долгъ воина—не формальное подчиненіе оффиціальной власти, а дѣйствительное огражденіе населенія отъ могущихъ произойти погромовъ, кровавыхъ столкновеній и всякихъ безчинствъ. И вотъ, дѣйствуя заодно съ представителями обороны, офицеры совѣтывались съ ними и освѣдомлялись по нѣскольку разъ въ день о всякихъ попыткахъ къ погромамъ, о подготовленіи шествія съ бѣлымъ флагомъ при явно аггрессивныхъ намѣреніяхъ и т. п., о чѣмъ развѣдчики немедленно сообщали, и столкновенія предупреждались своевременно принятыми мѣрами. Городъ, всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ, признанный въ осадномъ положеніи, слышавшій пальбу на улицахъ, насчитывающій нѣсколько жертвъ разстрѣловъ, миновалъ критическій моментъ объявленнаго погрома и все это—

благодаря единенію общественныхъ силъ, на сторону которыхъ стало войско, чуткое къ исполненію дѣйствительнаго а не формальнаго долга. На этомъ пути разумнаго соглашенія падутъ и тѣ препоны, которыя создаютъ искусственное и глубоко пагубное дѣленіе общества по кастамъ, которое, конечно, несовмѣстимо съ провозглашенными и незыблемыми основами гражданской свободы для всѣхъ безъ различія гражданъ освобожденной страны.

Народъ,—сказали мы,—не отступится отъ завоеваннаго, и сознаніе блага свободы должно широко распространиться и среди тѣхъ, которые не были участниками освободительнаго движенія, но пользуются добытыми результатами. Мудрость же тѣхъ, которые провозгласили эти свободы, стоя временно у кормила правленія, должна выразиться лишь въ томъ, чтобы, какъ говорилъ Раблэ объ идеальномъ педагогѣ,—сумѣть сдѣлать себя болѣе не нужными. Въ этомъ требованіи заключается и высшій идеалъ государственнаго дѣятеля, который захотѣлъ бы доказать созрѣвшему народу, вступившему на путь самостоятельной жизни, свои моральныя качества прямоты, искренности и—безкорыстія.

Ѳ. Батюшковъ.

---

† МИХАИЛЪ ЮЛЬЕВИЧЪ ГОЛЬДШТЕЙНЪ.

18-го октября, въ Архангельскѣ, во время политической манифестаціи, звѣрски убитъ дикой озвѣрѣвшей чернью нашъ товарищъ Михаилъ Юльевичъ Гольдштейнъ.

Во всякой культурной странѣ Михаилъ Юльевичъ занялъ бы видное общественное мѣсто, какъ крупная интеллектуальная сила. Это былъ рѣдко одаренный человѣкъ: тонкій музыкантъ, прекрасный лекторъ и ораторъ, большой эрудитъ, хорошій ученый—химикъ и врачъ, наконецъ талантливый популяризаторъ и публицистъ. Надъ чѣмъ бы онъ ни работалъ, онъ во все вкладывалъ воодушевленіе и порывъ и во всей своей дѣятельности стремился навстрѣчу общественнымъ запросамъ родины. Это былъ прежде всего общественный человѣкъ; онъ могъ жить только въ обществѣ и для общества. Кабинетная работа не могла его удовлетворить...

Въ условіяхъ болѣе или менѣе нормальной политической жизни, напр. въ Западной Европѣ, Михаилъ Юльевичъ сталъ бы, вѣроятно, большимъ ученымъ и крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Но къ сожалѣнію онъ родился и жилъ въ Россіи, которая въ 70—90-ые года—зрѣлые годы Гольдштейна—представляла изъ себя все еще ужасный застѣнокъ. Въ такой странѣ человѣкъ съ тонкими запросами научной творческой работы и въ тоже время съ развитой общественной совѣстью долженъ находиться въ трагическомъ положеніи: природныя склонности тянутъ его въ библіотеку и лабораторію, къ научному анализу и синтезу, а возмутительный произволъ и насилія самодержавнаго правительства зовутъ на революціонную самоотверженную борьбу, борьбу от-

чаянія, такъ какъ борцы ясно видѣли, что побѣда далеко, вблизи же тюрьма, каторга и висѣлица.

Счастливы тѣ, въ комъ сразу запросы общественной совѣсти побѣдили запросы творческой мысли; ихъ судьба часто была трагична, но они не испытали длительной муки сомнѣній и колебаній, которая измотала тѣхъ, кто не могъ однимъ ударомъ разрубить гордіева узла—и цѣлые годы пытался совмѣстить несовмѣстимое—и научную дѣятельность, и общественную борьбу.

Михаилъ Юльевичъ испилъ эту чашу.

Его не могла удовлетворить работа врача, но не могли доставить «успокоенія» и научныя изслѣдованія химика, свои общественные запросы онъ только отчасти погашалъ лекторской и популяризаторской дѣятельностью и публицистикой.

Университетскіе слушатели Михаила Юльевича (онъ былъ долгое время приватъ-доцентомъ Петербургскаго Университета) и его многочисленные ученики въ среднихъ школахъ, всѣ съ удовольствіемъ вспоминаютъ его лекціи и уроки: онъ умѣлъ и заинтересовать предметомъ, умѣлъ и ясно и изящно изложить его. Многіе молодые химики—бывшіе его слушатели—еще недавно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, говорили мнѣ, что лекціи Гольдштейна были наиболѣе интересными изъ всѣхъ читавшихся тогда (конецъ 90-хъ годовъ) курсовъ по химіи.

Также интересны, доступны и легки были его статьи, какъ популяризація, такъ и публицистика. Покойный работалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ, въ журналахъ, и въ газетахъ (подъ псевдонимомъ Cardanus). Въ нашемъ журналѣ онъ принималъ дѣятельное участіе: въ 1896 году помѣстилъ цѣлый рядъ статей («Свѣтопечатаніе посредствомъ видимыхъ и невидимыхъ лучей», «Живое и мертвое», «Ученіе объ энергіи и его роль въ философіи»), въ 1897 г. велъ отдѣлъ «Научная Хроника», въ 1898 г.—напечатался его переводъ книги Фр. Даннемана «Очерки исторіи естествознанія». Кромѣ того онъ помѣстилъ въ «Мірѣ Божьемъ» много рецензій по отдѣлу естествознанія.

Для научнаго позитивнаго міровоззрѣнія М. Ю. Гольдштейна характерно его отрицательное отношеніе къ атомной теоріи—онъ видѣлъ въ ней только педагогическій пріемъ и ничего больше,—а съ другой стороны—его горячая проповѣдь энергетики, какъ ученія, въ которомъ наиболѣе полно и обще выражаются законности, установленныя наукой.

Съ конца 90-хъ годовъ, несмотря на усиленіе правительственной реакціи, общественная борьба начала выходить изъ революціонныхъ тайниковъ и захватывать болѣе широкіе круги общества. Михаилъ Юльевичъ принималъ живое участіе въ этомъ политическомъ оживленіи нашего общества.

4 го марта 1901 г. произошла на Казанской площади извѣстная политическая демонстрація учащейся молодежи и нѣкоторой части прогрессивнаго общества. Демонстранты были избиты казаками и полиціей, около 1000 человѣкъ было арестовано и заключено въ тюрьмы. Общество протестовало;

*

первымъ и однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ протестовъ было заявленіе союза писателей. Михаилъ Юльевичъ былъ въ числѣ подписавшихъ это заявленіе. Затѣмъ послѣдовали нѣкоторыя другія выраженія общественнаго протеста, онъ принималъ въ нихъ самое горячее участіе и вскорѣ былъ высланъ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ—Сипягинымъ—въ Новгородъ. Здѣсь онъ пробылъ около года и сильно бѣдствовалъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ достать соотвѣтственный заработокъ въ новгородской глуши было, конечно, трудно. По истеченіи года М. Ю. получилъ разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ, но за нѣсколько дней до его отъѣзда у него въ квартирѣ былъ сдѣланъ жандармами обыскъ и были найдены нѣкоторыя принадлежности тайной типографіи; онъ былъ арестованъ и перевезенъ въ Петербургъ, въ Домъ Предварительнаго Заключенія. Въ этой проклятой тюрьмѣ, въ которой томились почти всѣ борцы русскаго освободительнаго движенія, тогдашній самодержецъ и палачъ—Плеве—продержалъ М. Ю. почти цѣлый годъ, а затѣмъ осенью 1903 года отправилъ въ ссылку въ Архангельскъ. Опять отсутствіе заработка, острая нужда, особенно тяжелая при большой семьѣ Михаила Юльевича, наконецъ надвигающаяся старость—ему въ это время было уже 50 лѣтъ. И не смотря на все это, вотъ какъ характеризуетъ Гольдштейна въ Архангельскѣ его товарищъ по изгнанію г. Лавриновичъ *).

«М. Ю. поражалъ всѣхъ своей духовной и физической бодростью. Все время своего изгнанія онъ былъ проникнутъ такою сильною вѣрою въ скорое освобожденіе Россіи отъ гнета и въ раскрѣпощеніе русскихъ гражданъ, что не только самъ жилъ этою мыслью, а вдохновлялъ ею и всѣхъ его окружавшихъ. Когда судьба занесла меня въ Архангельскъ, М. Ю. жилъ тамъ въ ожиданіи приговора Плеве по дѣлу о найденныхъ у него въ Новгородѣ типографскихъ принадлежностяхъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Годы изгнанія и тюремнаго заключенія сильно измѣнили его внѣшность: изъ брюнета, какимъ я зналъ его въ Петербургѣ до 1901 г., онъ превратился въ сѣдого старика, но, взглянувъ въ его глаза, я увидѣлъ все того же бодраго, молодого и жизнерадостнаго человѣка. Его бодрость передалась и мнѣ, и первый вечеръ, проведенный въ Архангельскѣ въ его обществѣ, остался лучшимъ воспоминаніемъ моей жизни. Съ первыхъ же дней водворенія въ Архангельскѣ, М. Ю. сдѣлался центромъ, вокругъ котораго группировалась почти вся колонія политическихъ ссыльныхъ. Обширныя свои научныя познанія, недюжинный литературный даръ, выдающіяся музыкальныя способности и всю отзывчивость своей души онъ беззавѣтно отдалъ на служеніе товарищамъ по ссылкѣ: всякій изъ насъ находилъ въ немъ добраго совѣтчика и друга, готоваго для насъ на всякія жертвы. По истинѣ можно сказать, что общеніе съ такимъ человѣкомъ облегчало для многихъ тягость ссылки, и въ квартирѣ М. Ю. царило постоянное оживленіе, всегда толпился народъ...»

Манифестъ 17-го октября—это неполное, но все же всенародное отреченіе отъ самодержавнаго деспотизма—вызвалъ всюду такой взрывъ общественнаго

---

*) „Сынъ Отеч.“ 29 окт. 1905 г.

энтузіазма, такое упоеніе, казалось, уже полной побѣдой, что врядъ ли даже при окончательномъ торжествѣ свободы надъ произволомъ и насиліемъ, мы переживемъ вновь такія чистыя минуты общей радости общему освобожденію. Въ предстоящей борьбѣ будутъ моменты болѣе глубокаго трагизма и болѣе серьезнаго торжества,—но ту дѣтскую, непосредственную радость, которая охватила сознательную Россію 18-го октября, врядъ ли мы переживемъ снова—уже по одному тому, что она насъ грубо обманула и красные флаги свободы потонули въ рѣкахъ народной крови.

Волна радостнаго энтузіазма докатилась и до Архангельска. И тамъ, какъ всюду, митинги и манифестаціи.

18-го октября на митингѣ Михаилъ Юльевичъ «пѣлъ восторженный гимнъ свободѣ, заставивъ все собраніе поклясться, что оно не отдастъ ея снова въ руки ея палачей. Это была его лебединая пѣснь. Враги свободы и свѣта не простили ему этой побѣды и натравили на него дикую, несчастную въ своей закоснѣлости чернь... и свѣтъ въ его очахъ угасъ».

Очевидцы говорятъ, что смерть М. Ю. была ужасна: прежде чѣмъ убить, толпа вдосталь издѣвалась надъ нимъ; тѣло покойнаго представляло почти безформенную массу...

Организаторами и вдохновителями архангельскихъ убійствъ явились, по слухамъ, какъ и вездѣ, мѣстные администраторы.

Да будетъ же проклята въ народной памяти эта шайка убійцъ и грабителей во вѣки вѣковъ! Несмываемое пятно позора будетъ лежать на насъ, если мы не сумѣемъ отдать эту шайку злодѣевъ народному суду. И судъ этотъ будетъ справедливъ, но ужасенъ...

Издѣвательство администраціи не кончилось и послѣ смерти М. Ю. Тѣло его должно было прибыть въ Петербургъ 29 октября. Большая толпа личныхъ друзей покойнаго, его учениковъ, его товарищей по освободительной и литературной дѣятельности, собралась на вокзалѣ Николаевской жел. дороги. Вѣнки съ красными и черными лентами. Ждали долго, ждали упорно, нѣсколько часовъ, но ни одинъ изъ приходившихъ поѣздовъ не привозилъ дорогихъ останковъ... Гробъ былъ задержанъ въ пути.

Похороны пришлось отложить. Увѣдомить о днѣ погребенія было поздно,—и большинство желавшихъ почтить память покойнаго уже не могло исполнить своего долга.

Михаилъ Юльевичъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ своимъ старымъ вождемъ Николаемъ Константиновичемъ Михайловскимъ.

Почетная могила, и къ ней «не заростетъ народная тропа».

В. Агафоновъ.

ПО ПОВОДУ.

(Изъ жизни въ провинціи).

Великая русская революція и ея первый этапъ.—Контръ-революціонная нація.—Контръ-революціонное духовенство.—Амнистія.—Голосъ „общественнаго порядка“.—Вторая фаза русской революціи.—Движеніе въ войскахъ.—Двѣ октябрьскихъ картины.

«Самодержавіе подписало актъ самоотреченія»,—таково было мнѣніе одной изъ самыхъ радикальныхъ нашихъ газетъ, «Сына Отечества», по поводу манифеста 17-го октября *). За нѣсколько дней до этого манифеста на одномъ изъ университетскихъ митинговъ въ Петербургѣ гимназистъ-ораторъ заявилъ въ революціонномъ восторгѣ, что самодержавіе уже пало и осталось только свергнуть «освобожденцевъ». Не знаемъ, съ кѣмъ еще осталось бороться «Сыну Отечества», но несомнѣнно, что почтенную газету охватило слишкомъ радостное волненіе, и она второпяхъ стала въ позицію юнаго гимназиста.

О паденіи самодержавія еще рано говорить, а о самоотреченіи и никогда нельзя будетъ сказать. Въ жизни стараго порядка былъ день 17-го октября, но это только одинъ день. Кто увѣровалъ въ его долговѣчность, пролилъ свою кровь. Этотъ день важенъ не обѣщанными свободами, на этотъ разъ «дѣйствительными» свободами, а своимъ глубокимъ революціоннымъ значеніемъ. Онъ освѣтилъ организованную контръ-революцію,—какъ мы это увидимъ ниже,—и всѣ свободы развязали руки прежде всего самому правительству. Онъ зоветъ не къ радости и ликованію, а тѣснѣе сомкнуть революціонныя колонны. Борьба стала открытой. Послѣ 17-го октября стало видно, что революціонное общество отстоитъ отъ позиціи самодержавія лишь на длину штыка. И въ слѣдующую недѣлю вся Россія это почувствовала.

Въ революціонномъ натискѣ общество *захватило* свободу союзовъ, собраній, осуществляемыхъ на многочисленныхъ чисто—демократическихъ митингахъ, и свободу слова. 17-го октября самодержавіе только констатировало фактъ и заставило себя увидѣть то, что есть. Можетъ быть, оно еще увидитъ какую-нибудь свободу,—для великой русской революціи это не важно. Для революціи важно самой не видѣть самодержавія. Но этой свободы отъ себя старый порядокъ уже не сможетъ закрѣпить въ какомъ-либо правительственномъ актѣ.

Не видѣть абсолютизма! Это было первымъ требованіемъ первой стадіи революціонной борьбы. 9-го января о немъ возвѣстили залпы самодержавія. Ни одинъ русскій гражданинъ не смѣетъ забыть этого проклятаго дня, когда знамя національнаго освободительнаго движенія зардѣлось алой кровью. Это былъ разстрѣлъ всѣхъ вѣрноподданныхъ, и старый порядокъ остался безъ поддержки. Мирные рабочіе, не затронутые революціонной пропагандой, либе-

---

*) „Сынъ Отечества“ отъ 22-го октября.

ральные участники банкетовъ и члены союзовъ,—все лойяльное населеніе вдругъ увидѣло себя въ мрачной тѣни: надъ головами величаво колыхалось красное знамя. Уже не къ реформѣ оно вело, его девизъ не гласилъ туманно: «такъ дальше жить нельзя»,—оно призывало, пламенѣло мученической кровью и указывало путь къ политическому и соціальному перевороту. 9-го января россійская законность сама себя убила на точномъ основаніи всѣхъ тайныхъ и явныхъ циркуляровъ. Открытое насиліе,—вотъ единственная почва, на которой еще могъ устоять старый порядокъ. И твердой ногой онъ вступилъ на нее. Революція,—вотъ что осталось обществу. И красное знамя было поддержано милліонами рукъ.

За 9-ымъ января послѣдовало время сильнѣйшаго роста всякаго рода общественно-политическихъ группировокъ, забастовокъ и отдѣльныхъ революціонныхъ вспышекъ. Революція щедро разбрасывала сѣмена общественныхъ организацій и взращивала ихъ пышнымъ цвѣтомъ. Революція—прежде всего великая творческая сила. Она нахлынула на страну, какъ волна жизни, и создала націю. Только въ этотъ бурный періодъ жизни русскаго общества нація выступаетъ, какъ дѣйствительно существующее активное цѣлое. И мы видѣли воочію эту націю во всеобщей политической забастовкѣ. Пролетаріатъ, профессіональные, академическіе и иные союзы, буржуазія, наконецъ, правительственные чиновники,— всѣ одинаково возстали, одушевленные однимъ чувствомъ. Этотъ эффектъ,—показать націю въ силѣ историческихъ дѣяній,— не можетъ произвести никакое правительство. И когда образъ націи вызванъ къ жизни, онъ предвѣщаетъ гибель старому порядку. Это значитъ, что произошло первое раздѣленіе силъ, и народъ сталъ противъ самодержавія. Кто не хочетъ этого понять, тотъ стоитъ внѣ революціи, другими словами, внѣ совершающейся исторіи, внѣ времени.

Организующая по преимуществу сила революціи самымъ очевиднымъ образомъ выяснилась именно изъ характера уже пройденнаго Россіей перваго этапа движенія: образованіе націи совершилось чисто стихійномъ путемъ. Безсознательно, никѣмъ не направляемое общество быстро сжалось въ одну компактную массу подъ давленіемъ таинственныхъ силъ. Вся многострадальная русская исторія въ долгомъ процессѣ заряжала кровью и скорбью русскій народъ, и наконецъ, превратила его въ сильный аккумуляторъ—націю. Одинъ незначительный толчокъ,—и получился взрывъ, взрывъ *соціальной* энергіи. Можно ли его предупредить *механическимъ* давленіемъ пуль и штыковъ?

Правда, слѣдуетъ признать, что никакой иной связи, кромѣ механической между правительствомъ и націей не осталось.

За первымъ явленіемъ, явленіемъ націи, въ исторической драмѣ выступятъ и другія дѣйствующія лица, которыхъ революція же одѣнетъ и пошлетъ на сцену. Но мы сейчасъ отмѣтили это созидающее значеніе переворота. Революція не разрушаетъ. Она строитъ будущее, она творитъ во что бы то ни стало, и не ея вина, если старыя формы не выдерживаютъ буйнаго органическаго роста общества. Кто не можетъ итти вровень съ жизнью, отстаетъ и выбрасывается за бортъ исторіи. Революціи нѣтъ времени ждать отстаю-

щихъ. И, если мы теперь присутствуемъ при распадѣ стараго режима, то это значитъ только, что онъ самъ падаетъ, что онъ захлебывается въ волнѣ жизни. Самодержавіе—саморазрушеніе.

* *
*

Съ завоеванными свободами революціонная организація общества пойдетъ, конечно, еще болѣе быстрымъ темпомъ. Но прежде всего этимъ качествомъ свободы воспользовался старый порядокъ. Исторія и ея уроки чрезвычайно импонируютъ правительству.

Сплачивающій, организующій характеръ революціи сталъ извѣстенъ всѣмъ правительствамъ уже послѣ великой французской революціи. И съ 1848 года они стали подражать революціоннымъ пріемамъ и сочинять общественныя группы и партіи. Правительства натравливали въ Вѣнѣ одну національность на другую, соединяли въ Италіи лаззорони, организовывали въ Парижѣ мобилей, мелкобуржуазную молодежь и босяковъ,—и все это съ цѣлью противопоставить стихійнымъ оппозиціоннымъ организаціямъ свои контръ-революціонныя. Не стѣснялись даже снабжать эти шайки легкимъ соціалистическимъ багажомъ.

Наше правительство использовало всѣ эти пріемы. Черныя сотни—это тѣ же отбросы пролетаріата и невѣжественные мѣщане. И они были пущены въ ходъ на другой же день послѣ 17-го октября. Какъ бы по данному сигналу, во всѣхъ концахъ Россіи въ теченіе послѣдовавшей недѣли произошли «патріотическія» манифестаціи черныхъ сотенъ, заканчивавшіяся избіеніемъ евреевъ, интелигентовъ и учащихся. Телеграммы отовсюду гласили почти одно и то же: населеніе приняло манифестъ восторженно... процессіи... трехцвѣтные флаги... погромъ... убито столько-то, ранено столько-то.

Чтобы судить, въ какомъ большомъ масштабѣ самодержавіе воспользовалось революціоннымъ опытомъ, приведемъ только списокъ городовъ, гдѣ по свѣдѣніямъ до 27-го октября произошли указанныя событія.

Александровскъ (21 окт.) *), Арзамасъ (21), Архнгельскъ (19), Ананьевъ Херсонской губ. (21), Аккерманъ Бессарабской губ. (22), Балахна (22—24), Бѣлая Церковь (22), Батумъ (20), Бѣлостокъ (18), Бердичевъ (22), Баку (91—23), Бахмутъ Екатериносл. губ. (20), Брянскъ Орловской губ. (22), Балта Подольской губ. (22), Двинскъ (21), Веневъ (24—25), Владикавказъ (19), Вольскъ (19), Воронежъ (22), Васильковъ (23), Великій Устюгъ (24), Витебскъ, Варшава (19—21), Великія Луки Псковской губ. (19), Вязьма Смоленск. губ., Вильна (19—21), Винница Подольск. губ. (21 — 22), Глуховъ Черниговск. губ., Городокъ Бѣлостокскаго уѣзда (23), Геническъ Таврической губ. (21—22), Голта Херсонской губ. (22), Измаилъ, Екатеринодаръ (19), Егоровскъ Рязанской г., Евпаторія (20), Екатеринбургъ (19), Екатеринославъ (22), Елизаветградъ (18—20), Золотоноша Полтавской губ. (18), Иваново-Вознесенскъ Владимірской губ., Камышинъ, Калуга (22), Красноярскъ, Кострома (19), Калишъ (19), Кременчугъ Полтавской губ. (20—22), Казань 19—23), Каменецъ-Подольскъ

*) Въ скобкахъ приблизительно дни погромовъ.

(18—19), **Кролевецъ Черниговской губ,** (22—23), **Клинцы Черниговской губ.** (21), **Козелецъ Черниговск. губ.** (22), **Кіевъ** (18—20). **Кишиневъ** (19—21), **Курскъ** (19—20), **Маріуполь** (20—22), **Москва** (18—22), **Могилевъ-Подольскій** (21), **Минскъ** (18), **Мардаровка Херсонск. губ.** (23), **Нижнеудинскъ** (22), **Николаевская Слободка Черниговск. губ.**, **Новгородъ-Сѣверскъ** (19); **Новочеркасскъ** (19—21), **Новгородъ** (23), **Никополь Херсонской губ.** (23), **Новозыбковъ Черниговской губ.**, **Нѣжинъ** (19—20), **Николаевъ** 19—21), **Орелъ** (18—19), **Орша Могилевской губ.** (21), **Одесса** (18 — 23), **Обухово Кіевской губ.** (22), **Ольвіополь Херсонск, губ.** (22), **Полтава** (18), **Пермь** (23), **Пенза** (24), **Петербургъ** (18—19), **Рязань** (23), **Рига** (23), **Рѣжица** (22), **Раздѣльная Херсонской губ.** (22), **Ростовъ-на-Дону** (19—21), **Ромны Полтавской губ.** (18—22), **Стародубъ Черниговск. губ.**, **Севастополь** (18), **Сарапуль** (21), **Ставрополь Кавказскій** (19), **Суражъ Черниговск. губ.** (20—23), **Саратовъ** (19—21), **Смоленскъ** (19), **Симферополь** (18), **Тифлисъ** (22), **Тула** (22), **Ташкентъ** (19), **Таганрогъ** (19—20), **Тверь** (19), **Томскъ** (20—24), **Тирасполь Херсонской губ.**, **Уфа** (23), **Умань Кіевской губ.** (21); **Херсонъ** (18—19), **Ярославль** (19—20), **Юзовка Екатериносл. губ.** (19—21), **Ѳеодосія** (20—23), **Царицынъ**.

Нѣтъ сомнѣнія, что списокъ далеко не полонъ. Но и онъ показываетъ, что правительство попыталось сорганизовать не болѣе и не менѣе, какъ контрреволюціонную націю. Эта организація по скуднымъ подцензурнымъ телеграфнымъ извѣстіямъ,—которыя для многихъ городовъ ограничиваются глухимъ указаніемъ «есть убитые и раненые», «много убитыхъ» и пр.,—стоила подлинной націи *не меньше 3.000 убитыхъ и не меньше 10.000 тяжело раненыхъ*. Это за одну недѣлю съ 18-го по 23-е октября. Для общаго подсчета мы не пользовались упомянутыми «есть убитые», и въ итогѣ вышли лишь опредѣленные цифровыя указанія. Можно было бы полученныя числа убитыхъ и раненыхъ безъ всякой ошибки увеличить въ двое, но и въ такомъ видѣ они достаточно краснорѣчивы. Все, что свыше, пусть остается на совѣсти самодержавія.

Изъ наиболѣе пострадавшихъ городовъ отмѣтимъ Одессу, которая одна принесла въ жертву самодержавному строю 1.100 убитыхъ и около 3.000 раненыхъ. Звѣрства, чинимыя тамъ, не поддаются описанію. Черная сотня доходила до такого патріотизма, что рвала на части дѣтей.

Въ Томскѣ до 700 погибшихъ. Манифестировавшая черная сотня двинулась къ зданію театра, гдѣ происходилъ митингъ. И здѣсь, на площади, произошло первое столкновеніе. Участники митинга стали спасаться, кто куда могъ. «Такимъ образомъ,—сообщаетъ корреспондентъ Рос. Тел. Агенства,—много народа, по приблизительному подсчету до шести сотъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ было много женщинъ и дѣтей, попало въ громадное трехъэтажное каменное зданіе о 228 окнахъ управленія службъ пути и тяги сибирской дороги и въ театръ, имѣющій одинъ дворъ съ управленіемъ дороги. Манифестанты обложили эти зданія и требовали, чтобы укрывшіеся въ этихъ зданіяхъ вышли. Послѣдніе на эти требованія отвѣтили выстрѣлами.

Полиція и войска въ это время отсутствовали, но пока манифестанты

свободно и грозно расправлялись съ своими противниками, въ казармахъ солдаты уже спѣшно строились въ ряды и получали патроны. Наконецъ, сотня казаковъ и рота солдатъ выступили и оцѣпили театръ и управленіе дороги. Манифестанты не унимались и ярость ихъ дошла до того, что разбивали окна проникали во внутрь зданій, обливали все керосиномъ и начали жечь, стараясь огнемъ заставить сдаться скрывшихся. Тогда получилась ужасная картина. Театръ и управленіе дороги превратилось въ море огня, и въ немъ горѣлъ скрывшійся народъ на глазахъ войскъ и около сорокатысячной собравшейся въ этомъ мѣстѣ толпы изъ жителей города. По мѣрѣ того, какъ языки огневаго моря охватывали этажъ за этажомъ, осажденные подымались все выше и выше и взбирались даже на крышу, стрѣляли въ толпу, дорого продавая, такимъ образомъ, свою жизнь.

Многіе выбрасывались въ окна, спасались по водосточнымъ трубамъ, всячески стараясь спастись, но манифестанты не давали пощады. Они ловили, избивали и пристрѣливали спасавшихся. Явившаяся пожарная команда манифестантами не была допущена къ тушенію пожара. Анархія воцарилась во всей своей силѣ, поглотивъ жертвы, количество которыхъ можно считать сотнями. Манифестанты безпощадно жгли, какъ спрятавшихся, такъ и самое зданіе управленіе службы пути и тяги сибирской желѣзной дороги, которое, по ихъ мнѣнію, являлось гнѣздомъ всѣхъ смутъ и забастовокъ, потому что служащіе въ этомъ управленіи всегда первыми выступали въ новомъ движеніи. Въ 11 часовъ вечера, когда обрушились крыши и потолки, манифестанты допустили пожарную команду къ дѣлу, а сами съ громовымъ «ура» отступили и направились по домамъ».

Въ Кременчугѣ казаки и полиція ворвалась въ аудиторію, гдѣ былъ митингъ, и разстрѣливали толпу залпами.

Въ Баку «провокація артистическая», ведущая къ обстрѣливанію армянскихъ домовъ, какъ телеграфируетъ въ Петербургъ директоръ бакинскаго машиностроительнаго общества.

Въ Твери 17-го черная сотня ворвалась въ губернскую земскую управу, стала выволакивать оттуда служащихъ по одному и убивать. «Вотъ за ногу тащутъ молодого человѣка, голова его бьется о желѣзную лѣстницу. Онъ выкидывается толпѣ, которая топчетъ его ногами, обезображиваетъ лицо. Городовые не вмѣшиваются и даже не заступаются за избиваемаго и даже поощряютъ толпу—«давно бы ихъ надо всѣхъ убить», вторятъ онѣ толпѣ. За молодымъ человѣкомъ вытаскиваютъ новыхъ лицъ и съ ними также расправляется черная сотня. Вотъ вытащили молодую дѣвушку. Голова ея разбита о ступени желѣзной лѣстницы, платье перервано и ее полуобнаженную мнутъ и бьютъ разсвирѣпѣвшіе хулиганы, а затѣмъ въ безчувственномъ состояніи увозятъ на извозчикѣ» *).

Оставшіеся забаррикадировались. Тогда черносотенцы подожгли управу, и

---

*) „Русь", отъ 22-го октября.

выбѣгавшихъ служащихъ увѣчили. Войска и полиція одобряли громкими криками, губернаторъ Слѣпцовъ благосклонно взиралъ.

Въ Ярославлѣ губернаторъ Роговичъ благосклонно взиралъ же, когда въ его присутствіи избивали съ нимъ же говорившаго студента.

Архангельскій вице-губернаторъ Хрипуновъ лобызался съ хулиганами.

Въ Одессѣ градоначальникъ Нейдгартъ неблагосклонно взиралъ на редакторовъ газетъ и предложилъ имъ «поставить на этомъ дѣлѣ крестъ», въ противномъ случаѣ онъ «за послѣдствія не отвѣчаетъ». («Рус. Слово»).

Въ Ставрополѣ Кавказскомъ атаманъ кавказскаго отдѣла Братковъ выдалъ толпѣ учительницу Дугенцову, послѣ того, какъ Дугенцова была ужъ подъ конвоемъ казаковъ «и могла быть, такимъ образомъ, выведена изъ толпы невредимой. Мало того, Братковъ разжегъ страсти толпы, издѣваясь надъ избитою передъ этимъ Дугенцовой, подвергая ее особому экзамену въ присутствіи толпы для испытанія степени ея благонадежности. Имъ, въ концѣ концовъ, Дугенцова объявлена неблагодежной. Дугенцова была убита молотками и сапогами, ея тѣло бросали на воздухъ и надъ нею издѣвались самымъ звѣрскимъ образомъ, пока въ тѣлѣ ея не исчезла послѣдняя искра». (Р. А. 25-го октября). Все это въ присутствіи Браткова, имѣвшаго двѣ сотни казаковъ.

Пензенскій губернаторъ Хвостовъ... Впрочемъ, много ихъ.

Вездѣ погромы и избіенія происходили не только при попустительствѣ войскъ и полиціи, но и при ихъ участіи. Губернаторское отношеніе къ насиліямъ тоже говоритъ объ ихъ близости къ черносотенной организаціи. Если же принять во вниманіе, что среди случайно раненыхъ патріотовъ были обнаружены переодѣтые городовые, что въ Москвѣ, напр., «народъ», разстрѣливавшій возвращавшихся съ похоронъ Баумана, вбѣгалъ въ манежъ, сбрасывалъ полушубки и превращался въ казаковъ, и тому подобные факты, то отсюда слѣдуетъ только одинъ выводъ.

Правительство объявило войну націи.

Пользуясь уроками революціи, правительство, въ свою очередь, приступило къ организаціи контро-революціонныхъ черныхъ сотенъ. Для облегченія организаціонной работы правительство заполнило черносотенные кадры своими же войсками, своими городовыми и, вообще, представителями своей власти на мѣстахъ. Всѣ прочіе наняты. Такимъ образомъ, черная сотня, состоящая изъ охотнорядцевъ, лабазниковъ и разнаго рода лавочниковъ и босяковъ, въ своемъ основномъ ядрѣ является буквально военно-полицейской. Не отбывающіе этой воинско-патріотической повинности не пользуются никакими привиллегіями, хотя бы они были тоже военными. Вотъ что сообщаетъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» г. прапорщикъ (см. № отъ 22-го окт.).

«Проѣзжая мимо Александровскаго сада, я былъ очевидцемъ, какъ спѣшенные драгуны и казаки, стоящіе по угламъ проѣзда, что у манежа, безъ оружія, но съ нагайками, избивали мирно проходившихъ людей. Я остановилъ извозчика и подозвалъ гнавшагося за убѣгающимъ драгуна съ нагайкой. Драгунъ не подошелъ. Тогда я слѣзъ съ пролетки и подошелъ къ стоящимъ солдатамъ. Они стояли съ папиросками, смѣялись, ругались и на требованіе

позвать старшаго отвѣтили смѣхомъ. А изъ заднихъ рядовъ послышались угрозы, что и *заступниковъ, кто бы они ни были, слѣдуетъ бить.* Когда я приказалъ стать «смирно», то стоявшій возлѣ казакъ сказалъ мнѣ: «Ваше благородіе, лучше проходи». Въ это время послышался крикъ избиваемаго на другой сторонѣ, и я поспѣшилъ туда, оставивъ объясненіе съ казакомъ».

Слѣдовательно, мы можемъ высказаться короче и опредѣленнѣе. Контръ-революціонными организаціями, черными сотнями тожъ, являются по преимуществу спеціальныя военныя и полицейскія команды. Это единственная поддержка самодержавія. Это его нація. Больше за нимъ никого нѣтъ. Предъ нимъ революціонный народъ.

Опираясь на эту организованную силу, самодержавіе одновременно во всей Россіи мобилизовало ее на другой же день послѣ 17-го октября. Оно первое въ свою пользу употребило свободу собраній. Что насилія и ужасы по случаю неприкосновенности личности имѣли въ виду показать вредъ отъ «дарованныхъ» свободъ, — ясно изъ многихъ деталей кровавой бани. «Что, хороша свобода?»—спрашивали публику ярославскіе черносотенцы *). Въ Томскѣ въ «народѣ» говорили, что «намъ де новыхъ порядковъ не нужно, дѣды наши управлялись царемъ и имѣли царя, и мы безъ царя жить не желаемъ и не будемъ». Ростовскій-на-Дону градоначальникъ графъ Пиларъ, когда къ нему обратились съ просьбой о защитѣ, отвѣтилъ; «вотъ, вотъ ваша свобода!» **).

Таково организованное преступленіе саморазрушающагося строя. Вся до сихъ поръ пролитая кровь великой русской революціи падаетъ на его голову. Днемъ 17-го октября открывается новая страница въ великой борьбѣ. Какъ 9-е января возвѣстило о формальномъ началѣ революціи, такъ и 17-е октября служитъ формальнымъ началомъ контръ-революціи.

* *
*

Считаемъ долгомъ посвятить нѣсколько строкъ одной сословной группѣ, ставшей въ контръ-революціонные ряды на защиту самодержавія. Часть духовенства, вѣроятно, тоже вродѣ спеціально наряженной церковной команды, поспѣшила омыть свои руки въ мученичеческой крови.

14-го октября въ «Моск. Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Листкѣ» и «Московск Листкѣ» было опубликовано постановленіе «союза русскихъ людей», призывающее къ составленію по приходамъ боевыхъ дружинъ и участію въ нихъ духовенства. На другой день «къ свѣдѣнію духовенства» въ «Русск. Словѣ» было напечатано заявленіе Московскаго митрополита Владиміра, что «столичное духовенство обязывается на воскресной литургіи, имѣющей быть 16-го октября, къ точному исполненію лишь того, о чемъ получитъ опредѣленное распоряженіе отъ епархіальнаго начальства. Допущеніе производства какихъ-либо выборовъ въ храмахъ епархіальное начальство признаетъ неудобнымъ».

---

*) „Русское Слово“ отъ 22-го октября.

**) Донская Рѣчь“ отъ 22-го октября.

Вечеромъ того же числа по церквамъ было разослано чрезъ благочинныхъ слѣдующее распоряженіе:

«1905 года, октября 14-го, № 9.514. Въ воскресенье, 16-го октября, во всѣхъ церквахъ г. Москвы послѣ литургіи, по распоряженію его высокопреосвященства, долженъ быть совершенъ молебенъ о прекращеніи тяжелой народной смуты, при чемъ должны быть вознесены особыя прошенія и произнесено предъ началомъ молебна особое поученіе, текстъ коихъ при семъ прилагается».

Познакомившись съ приложеннымъ поученіемъ, большинство пастырей было возмущено его содержаніемъ. Оно звало къ насиліямъ и разжигало страсти. «Пастырская совѣсть и сознаніе своего долга,—говорится въ заявленіи 76 московскихъ священниковъ въ «Русск. Словѣ»,—не позволяли пастырямъ, какъ служителямъ Христа, въ точности исполнить отданное имъ распоряженіе епархіальной власти. Поэтому одни изъ пастырей произнесли собственныя поученія, совсѣмъ въ иномъ духѣ — въ духѣ Христовой любви и мира: другіе сократили приложенное поученіе, выпустивъ изъ него все, что могло возмутить, по ихъ сознанію, религіозно-христіанское чувство слушателей; третьи совсѣмъ не стали произносить никакого поученія. Но нашлись и такіе пастыри, которые, не рѣшившись пойти противъ отданнаго распоряженія, произнесли приложенное поученіе цѣликомъ. Въ виду заявленія городской думы, что «во всѣхъ церквахъ священники звали къ насилію темную толпу» («Русск. Вѣд.», № 272), нижеподписавшіеся московскіе пастыри открыто заявляютъ о своей полной несолидарности съ тѣмъ возмутительнымъ и по содержанію, и по тону рѣчи поученіемъ, которое ихъ обязывали читать. И самое обязательство читать подобныя поученія они считаютъ насиліемъ надъ ними не меньшимъ, чѣмъ и извѣстное «постановленіе» союза русскихъ людей».

Къ этой характеристикѣ поученія можно присоединить только напоминаніе о кровавыхъ событіяхъ 18-го и 19-го въ Москвѣ.

Начало ярославскихъ событій корреспондентъ «Русск. Слова» ведетъ отъ 17-го октября.

«Въ этотъ день мѣстнымъ епископомъ Сергіемъ къ народу на площади было обращено слово; слово ужасное, если его сопоставить съ тѣмъ долгомъ, во имя котораго епископъ, какъ проповѣдникъ любви, долженъ бы умиротворять волнующіяся страсти. Онъ говорилъ о необходимости прочной организаціи въ защиту самодержавнаго монарха, на котораго ополчились революціонныя силы; что послѣднія должны быть уничтожены. Онъ прямо указывалъ на зданіе Демидовскаго лицея, которое, по его мнѣнію, и есть очагъ революціи *).

И было по его слову въ Ярославлѣ...

Въ Саратовѣ начало заложилъ епископъ Гермогенъ. Онъ раздавалъ народу

---

*) „Рус. Слово“ отъ 22-ге октября.

напечатанное ночью въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ воззваніе, призывающее сплотиться въ защиту самодержавія. И по его слову было...

Замученная въ Ставрополѣ Кавказскомъ учительница Прасковья Григорьевна Дугенцова погибла «по подстрекательству властей и духовенства»...

Мы уже не упоминаемъ знаменитаго путешественника по Русскому уѣзду епископа Никона и епископа Трифона. Приведенные нами факты имѣли мѣсто совсѣмъ недавно въ связи съ днемъ 17-го октября или незадолго до него.

Всѣ эти, по выраженію Герцена, во Христѣ Бозѣ нашемъ жандармствующіе, заслуживаютъ вѣчной памяти. Они осуществили въ Россіи даже не воинствующую церковь, а полицействующую. Да будетъ же имъ... хоть слабое религіозное утѣшеніе, въ которомъ они такъ нуждаются. Пусть они найдутъ въ себѣ мужество обратиться когда-нибудь къ любвеобильному источнику христіанской религіи... Впрочемъ, и источникъ загрязненъ постоемъ солдатъ и ночевкой конницы, и мужество, — откуда же взять мужества смиреннымъ отцамъ? У нихъ былъ только одинъ мужественный человѣкъ, да и тотъ былъ К. П. Побѣдоносцевъ, не имѣвшій никакого отношенія къ вопросу о вѣчномъ спасеніи души.

* * *

Въ такой обстановкѣ родилась свобода на Руси. Хотя объявленіе объ этомъ событіи увѣряло въ своей искренности, въ томъ, что это такъ и въ дѣйствительности есть, но къ несчастью, въ дѣйствительности это не такъ. Напр., амнистія. Кажется, ужъ чего легче осуществиться полностью этому акту? Однако, и тутъ слѣдуетъ различить двѣ части. И вторая заключается въ томъ, что всѣ, замурованные живьемъ въ Шлиссельбургской крѣпости, Германъ Лопатинъ, Поповъ, Фроленко, Ивановъ и др., отправляюсся по «амнистіи» на поселеніе, что всѣмъ, преданнымъ военному суду, наказаніе сокращается на половину, а безсрочная каторга и смертная казнь замѣняются каторжными работами на 15 лѣтъ. Много еще другихъ невиданныхъ по своей жестокости чертъ украсило этотъ актъ милосердія.

Интересны еще слѣдующія подробности. Послѣднее правило, касающееся смертной казни, относится и къ уже осужденнымъ. Самодержавіе даруетъ всю жизнь... Въ свою пользу оно оставляетъ только 15 лѣтъ каторги. Но, оказывается, что этой дробью милосердія можетъ воспользоваться даже *меньше половины* осужденныхъ, такъ какъ прочихъ успѣли уже казнить. Въ заявленіи Д. Н. Жбанкова, принятомъ въ засѣданіи Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова 11-го октября, приводится такая справка: «за 7 мѣсяцевъ намъ извѣстно 45 смертныхъ приговоровъ для 83 лицъ; изъ нихъ 22 лицамъ казнь замѣнена другимъ наказаніемъ, о 33 лицахъ исходъ приговоровъ оеизвѣстенъ и 28 лицъ казнены». Изъ 83 лицъ «амнистія» пала на долю тридцати трехъ! 28 человѣкъ старый порядокъ успѣлъ пожрать, торопливо, давясь, какъ это было съ Никифоровымъ, казненнымъ въ Нижнемъ-Новгородѣ за нѣсколько часовъ до того, какъ пришло помилованіе. Имъ, конечно, всесильная власть не можетъ вернуть жизни. Но, вѣдь, и отнимать жизни старый порядокъ не можетъ: de jure у насъ не существуетъ смертной казни.

Въ тьмѣ ночной, въ обстановкѣ, почти символизирующей характеръ падающаго строя, совершается это скверное дѣло. Намъ довелось прочесть въ «Бессарабской Жизни» описаніе казни четырехъ матросовъ черноморской эскадры. Тутъ все полно значенія:

«Темная ночь. Звѣздное небо надъ Севастополемъ. На рейдѣ гигантскіе силуэты броненосцевъ. На броненосцахъ все спокойно... Бьетъ два часа. На мачтахъ судовъ вспыхнули сигнальные электрическіе огоньки. Отъ броненосцевъ отваливаютъ катера. Ведутъ командированныхъ съ каждаго судна матросовъ для присутствованія на казни.

«На «Длинной косѣ» около Михайловской крѣпости четыре крѣпкихъ столба. Противъ нихъ рота матросовъ съ «Чесмы». За матросами три батальона брестскаго полка.

«Половина шестого. Ведутъ приговоренныхъ. Трое идутъ тихо, покорно· Четвертый взываетъ къ товарищамъ. Хриплымъ голосомъ онъ говоритъ имъ о томъ, за что свою душу отдалъ. Онъ заклинаетъ ихъ не стрѣлять...

«На подсудимыхъ надѣли особыя холстинковыя рубашки, въ родѣ мѣшковъ, совершенно закрывающія голову (правымъ) длиннымъ рукавомъ и, загнувъ ихъ лѣвую руку за спину, а рукавъ правой завернувъ спереди справа налѣво, привязали каждаго изъ нихъ къ столбу.

«Раздалась команда; командовавшій ротой офицеръ махнулъ платкомъ... и залпъ дрогнулъ. Какъ подкошенныя, сползли, пригнулись къ землѣ замертво пронзенныя пулями тѣла осужденныхъ. Казнь кончилась...

«Тотчасъ пріѣхали двѣ телѣги, на каждой изъ которыхъ находился простой деревянный ящикъ-гробъ, куда казненные и были сложены по двое въ одинъ гробъ.

«Печальная процессія тронулась по направленію къ братскому кладбищу (около котораго тѣла были погребены), при чемъ телѣги, проѣзжая, оставляли страшный слѣдъ: то кровь человѣческая капала изъ плохо сколоченныхъ досокъ...»

* *
*

Плохо сколоченная телѣга стараго порядка все ѣдетъ, и кровь человѣческая все сильнѣе льетъ изъ нея. Но страшные слѣды превратились въ революціонные потоки. Контръ-революція стремится урвать свою кровавую долю отъ каждаго возставшаго народа. Національное движеніе встрѣчаетъ черносотенный «народъ», гражданская свобода наталкивается на дикій разгулъ войскъ, амнистія дополняется жестокостью.

Что же это? Это революція,—вотъ единственный отвѣтъ. Это состязаніе въ силѣ, какъ слѣдствіе революціи,—вотъ единственное объясненіе.

Но насъ очень искренно увѣряютъ, что все это—просто «недоразумѣніе». Графъ С. Ю. Витте на свиданіи съ редакторами газетъ разсыпалъ небрежно очень много важныхъ идей и, между прочимъ, на указаніе, что необходимо удалить войска и казаковъ, отвѣтилъ:

— Я самъ возмущенъ насиліями... Помогите мнѣ. Дайте нѣсколько недѣль. Всѣ неустройства, всѣ безпорядки въ мірѣ и революціи всегда происходили отъ *недоразумѣній*. Вѣдь я знакомъ съ вожаками и мнѣніями крайнихъ.

У гр. Витте есть репутація (неизвѣстно, откуда) либеральнаго человѣка. Вѣроятно, во взглядѣ на революцію, какъ на недоразумѣніе, повиненъ этотъ чрезмѣрный либерализмъ въ обращеніи съ словами. Любопытно отмѣтить, что амнистію политическую онъ считаетъ, наоборотъ, вопросомъ очень сложнымъ; и даже ссылается на земскаго дѣятеля,—«а онъ докторъ правъ»,—который ему говорилъ: «Это вотъ можно, а то вотъ нѣтъ».

Будемъ считать, что гр. Витте говоритъ то, что думаетъ. И, если ему, т.-е. правительству, угодно быть у власти только по случаю недоразумѣнія,—это его дѣло. И, хоть гр. Витте очень долго не удается составить кабинета недоразумѣнія, онъ, во всякомъ случаѣ, знаетъ, что дѣлаетъ.

Но зачѣмъ же такъ жестоко обращаться съ не менѣе либеральной группой, представляемой газетой О. К. Нотовича «Новости?» Вѣдь, г. Нотовичъ ужъ, навѣрное, не вѣдаетъ, что творитъ. На томъ же свиданіи редакторъ «Новостей» пылко сказалъ гр. Витте:

— Мы (?) вамъ вѣримъ. Вы совершили рядъ (?) подвиговъ (!?), которые даютъ вамъ право на довѣріе. Но народъ не вѣритъ, Россія не вѣритъ!

И г. Нотовичъ двинулся на помощь премьеръ-министру и сталъ уговаривать Россію.

— Я ее умолю, какъ говорилъ скромный чеховскій попикъ.

Въ первомъ же «свободномъ» номерѣ своей газеты г. Нотовичъ сталъ умолять. Какъ это дѣлается въ самыхъ лучшихъ Европахъ, г. Нотовичъ на сей случай постарался сдѣлать «Новости» даже не министерскимъ, а премьеръ-министерскимъ органомъ. Гр. Витте считаетъ вопросъ объ амнистіи сложнымъ, г. Нотовичъ сказалъ въ статьѣ «Къ амнистіи»:

— Ахъ, какъ сложно, ваше сіятельство! То-есть такъ сложно!.. Съ одной стороны, «опубликованіе амнистіи должно быть встрѣчено радостнымъ чувствомъ» и пр. Но, съ другой стороны, «по нашему крайнему разумѣнію (только самому—самому крайнему, ваше сіятельство, не извольте безпокоиться... ахъ, какъ я васъ понимаю!), гораздо справедливѣе (не безпокойтесь, ваше сіятельство, это я такъ, самъ отъ себя) и полезнѣе было бы даровать *полную* амнистію» и пр. (обратили, ваше сіятельство, вниманіе на сослагательное наклоненіе?) Съ третьей же стороны, «намъ кажется, (кажется, кажется, ваше сіятельство!), что излишекъ милосердія никогда никому не можетъ повредить и что правительство не совершило бы никакого грѣха», ежели бы амнистія была чуть-чуть пополнѣе. Но, съ четвертой стороны, долго ли до грѣха, ваше сіятельство? Позвольте предложить выходъ. Пускай «преступниковъ» судитъ еще разъ судъ присяжныхъ! Авось, ихъ еще разъ закатаетъ само общество въ лицѣ своихъ представителей, присяжныхъ? Тогда получится и амнистія, и Шлиссельбургъ, и ужъ «сидѣть» будутъ по амнистіи, а пожалованы будутъ крѣпостью... Ахъ, какъ сложно, ваше сіятельство! Какъ это вы, ваше сіятельство, счастливо выразились, что вопросъ очень сложный!..

Гр. Витте бросилъ мысль о «недоразумѣніи», г. Нотовичъ пустилъ въ свою газету сплошное недоразумѣніе.

— Позвольте, ваше сіятельство, я насчетъ недоразумѣнія. Монархія теперь

у насъ ограничена. Но въ манифестѣ это не выражено. И, ахъ какъ удачно вы это придумали! «Это умолчаніе было внушено только желаніемъ (не подсказывайте, ваше сіятельство, я самъ знаю... ахъ, какъ я васъ понимаю!) облегчить самое осуществленіе реформы». Но эта реформа для насъ осталась непонятной, «вслѣдствіе намѣренной недомолвки», и рабочій классъ намѣренъ снова продолжать политическую борьбу «подъ вліяніемъ этого недоразумѣнія» (политика «недоразумѣнія?» такъ, ваше сіятельство?). «А между тѣмъ (г. Нотовичъ оборачивается умоляюще къ рабочимъ, къ Россіи) борьба эта сдѣлалась безцѣльной, такъ какъ *конституція уже дѣйствительно дана*». Ахъ, какое великолѣпное недоразумѣніе! Съ этакимъ недоразумѣніемъ, ваше сіятельство, жить да поживать. Желаю вамъ отъ Бога, ваше сіятельство, побольше недоразумѣній! Величайшаго ума вы человѣкъ, ваше сіятельство! Но я васъ понимаю.

И все-таки г. Нотовичъ въ министерство недоразумѣній не попадетъ. Просто потому, что еще слишкомъ рано взывать къ «общественному порядку». Онъ очень спѣшитъ. Спѣшитъ и гр. Витте, прибѣгая за помощью къ общественнымъ группамъ, которыхъ онъ подозрѣваетъ въ тайномъ пристрастіи къ «порядку». Для гр. Витте, т.-е. для правительства, такое воззваніе естественно. Но, къ сожалѣнію премьеръ-министра и его одинокаго слабаго подголоска «Новостей»,—которыя еще, пожалуй, напортятъ своимъ вмѣшательствомъ,—революція еще обязываетъ всѣ общественныя группы. Онѣ должны съ революціей считаться, чтобы не утерять своего значенія, каково бы оно ни было. Революція сильна и, соотвѣтственно, сильны и имѣютъ шансы на успѣхъ политическія группировки только въ томъ случаѣ, если онѣ революціонны. Въ настоящій моментъ нужно выбирать одно изъ двухъ: либо революцію, либо контръ-революцію. Ничего третьяго.

* * *

Революція прошла первый этапъ. Всемогущество стихійности, выразившееся въ минувшей стадіи соціально-политическаго движенія, сдѣлало все, что въ предѣлахъ такого всемогущества. Изъ нѣдръ обывательской Россіи вышла активная гражданская *нація*. Нація нанесла старому анти-національному порядку страшный ударъ своимъ оружіемъ всеобщей *политической* забастовкой. Иного оружія и иного лозунга, кромѣ политическихъ, у націи нѣтъ.

Но соціальныя отношенія въ буржуазномъ строѣ, стремительно развернувшемся послѣ великой французской революціи, сдѣлали невозможной только политическій переворотъ. То, что все-таки съ немалымъ трудомъ — могло быть замазано въ концѣ XVIII-го вѣка, все яснѣе и ярче прорывалось въ слѣдующихъ европейскихъ революціяхъ. Соціальный переворотъ, стремленіе къ уничтоженію капиталистическихъ отношеній, вотъ что въ нихъ выступало и выступаетъ на другой же день послѣ политической катастрофы. Чѣмъ позже, тѣмъ опредѣленнѣе, тѣмъ сознательнѣе. Пролетаріи всѣхъ странъ, эти истинные вершители судебъ всякой революціи, все больше сплочивали постоянно присущую имъ революціонную силу и съ каждымъ разомъ давали этой силѣ все болѣе точное соціалистическое направленіе.

Великая русская революція является прямымъ продолженіемъ всѣхъ бывшихъ до нея европейскихъ революцій. И русскій пролетаріатъ оказался на гребнѣ европейской революціонной войны. Его возгласъ «да здравствуетъ соціализмъ!» звучалъ съ той же силой, какъ и «да здравствуетъ демократическая республика!» Ростъ его классовой мощи былъ уже грознымъ предупрежденіемъ въ то время, когда ни о какомъ національномъ освободительномъ движеніи не могло быть и рѣчи. Іюльскіе дни въ Лодзи и Одессѣ показали міру невиданную въ исторіи сознательность русскаго пролетаріата и его вѣру въ свое соціалистическое будущее. И, когда, наконецъ, вся нація возстала, ей пришлось только присоединиться къ революціонному классу, положившему начало октябрьской политической забастовкѣ, ей пришлось признать пролетарскіе лозунги. Національная борьба съ самодержавнымъ строемъ въ то же время стала болѣе или менѣе ,— но соціалистической. Она получила ясную классовую окраску, которую ничто не въ силахъ стереть. Русская революція соціалистична, или ея совсѣмъ нѣтъ. Соціализмъ противъ самодержавія,—вотъ ея содержаніе. Партійная организація класса противъ всероссійскаго наряда городовыхъ,—вотъ ея форма.

Требованія вытекающія изъ такого вида революціи, такъ называемая реальная политика относитъ къ области утопій. Но реальная политика, которая мирится на монархической конституціи, хотя бы и самой радикальной, является въ этомъ случаѣ сама утопической, ибо она меньше всего считается съ дѣйствительностью. Революція требуетъ прежде всего ясности и полноты удара. Что ударъ великой русской революціи направленъ соціализмомъ, это всякому видно. Пусть пролетаріатъ въ конечномъ итогѣ, при наступленіи «общественнаго порядка», не окажется побѣдителемъ. Все равно, для того, чтобы побѣдила революція, необходимо итти рядомъ съ пролетаріатомъ. Необходимо «утопически» стремиться дальше отъ тѣхъ результатовъ, которые исторія впослѣдствіи закрѣпитъ, какъ соотвѣтствующіе даннымъ соціальнымъ отношеніямъ. Это законъ революціонныхъ эпохъ. Всегда и вездѣ, начиная съ англійской революціи XVI-го столѣтія, буржуазія принуждена была выставлять соціалистическіе лозунги, чуждые своему классу. Тѣмъ болѣе, это слѣдуетъ имѣть въ виду русской буржуазіи. Мириться и приспособляться она еще успѣетъ,—и, навѣрное, не останется въ накладѣ, — но торгъ съ прошлымъ наступаетъ лишь послѣ побѣды.

Теперь, именно, послѣ «побѣды» 17-го октября революція яснѣе вступаетъ во второй періодъ развитія. Ея національное лицо получаетъ рѣзкія соціальныя черты. И вмѣстѣ съ тѣмъ стихійность движенія входитъ въ русло классовыхъ организацій. Партіи, организующія и представляющія классы, получаютъ рѣшающее значеніе. И среди нихъ россійская соціалъ-демократическая рабочая партія, какъ наиболѣе чистое выраженіе пролетарскихъ интересовъ и, слѣдовательно, какъ революціонная по преимуществу, должна служить и служитъ на самомъ дѣлѣ путеводнымъ маякомъ для всѣхъ остальныхъ группъ и партій, желающихъ довести революцію до побѣдоноснаго конца. Уже теперь буржуазное населеніе нѣкоторыхъ городовъ въ лицѣ своихъ думъ добровольно

прибѣгало къ содѣйствію мѣстныхъ соціалъ-демократическихъ комитетовъ и къ авторитету партіи, дабы направить освободительное движеніе гражданъ къ болѣе планомѣрной и организованной дѣятельности. А въ Севастополѣ, напр., по сообщенію «Русскаго Слова», значеніе соціалъ-демократическаго комитета было засвидѣтельствовано даже и въ весьма оригинальной формѣ. Адмиралъ Чухнинъ,—тотъ самый, который объяснялъ успѣхъ соціалъ-демократіи «моментальнымъ помѣшательствомъ» массъ,—въ расклеенныхъ по городу воззваніяхъ къ гражданамъ благодарилъ вожаковъ рабочей партіи за ихъ дѣятельность послѣ 18-го октября. Мѣстный комитетъ взялъ на себя трудъ подавить безпорядки, подготовленные чинами полиціи, и успокоить населеніе. Севастопольскія власти пошли на встрѣчу желанію партіи и согласились снять военные патрули и удалить казаковъ и полицію. Рабочіе организовались въ милицію, и въ теченіе двухъ дней порядокъ былъ возстановленъ. Мы уже не говоримъ о всѣмъ извѣстной Гуріи, единственной мѣстности на всемъ земномъ шарѣ, управляемой соціалъ-демократической партіей въ лицѣ батумскаго комитета, власть котораго признаетъ все населеніе. Поэтому-то генералъ Алихановъ и завоевываетъ теперь Гурію пушками и штыками.

Если даже считать, что во многихъ мѣстахъ значеніе партіи проявилось весьма слабо, и она не могла контролировать движенія, то всеобщая рѣшающая роль идей соціалъ-демократіи врядъ ли можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Кромѣ того слѣдуетъ принять во вниманіе первый стихійный размахъ революціи, ея національную фазу, чтобы признать, что настоящая партійная дѣятельность только впереди. Она именно теперь на очереди, когда революцію начинаютъ двигать чисто-соціальныя силы. Этотъ періодъ немыслимъ безъ партійной организаціи движенія и прогрессируетъ лишь сообразно съ силой и сознательностью партій.

Послѣ 17-го октября главными дѣйствующими лицами великой русской революціи являются ужъ не нація, а рабочій классъ въ своей сознанной соціальной солидарности и пролетарская партія, какъ наиболѣе организованное ядро класса.

Всѣ прочія общественныя группы и партіи могутъ имѣть свою роль въ великой исторической драмѣ, лишь поскольку онѣ также ясно организованы и также открыто признаютъ свои классовые интересы. Тѣмъ болѣе страннымъ является рожденіе на свѣтъ какъ разъ въ моментъ революціоннаго перелома, 12-го—18-го октября, новой партіи конституціоналистовъ—демократовъ. Эта партія, какъ видно изъ ея программы, утвержденной на московскомъ съѣздѣ, рѣшительно не желаетъ принять во вниманіе, что въ Россіи революція. Конечно, «основныя права гражданъ», поставленныя передъ ихъ конституціей, звучатъ чрезвычайно революціонно для стараго порядка. Но, надо полагать, старый порядокъ не испугается ихъ, хотя бы потому, что ему некогда такими пустяками заниматься: у него слишкомъ много хлопотъ съ гражданами, которые не пишутъ основныхъ правъ, а захватываютъ ихъ. Только разъ въ исторіи, въ 1789 г., сочиненіе Деклараціи правъ убило старый порядокъ. Съ тѣхъ поръ, сколько ни сочиняли,—во Франкфуртскомъ парламентѣ даже весь

1848-ой годъ,—ничего изъ этого не выходило. Не тѣ литературные вкусы, не та читательская впечатлительность. Въ лучшемъ случаѣ московская декларація будетъ прочитана съ удовольствіемъ. И только.

Можно было бы сказать о конституціоналистахъ-демократахъ, что они все же будутъ имѣть значеніе жирондистовъ въ русской революціи. Чѣмъ они въ сущности отъ нихъ отличаются? Не менѣе либеральны, не болѣе демократичны, столь же революціонны и такъ же опаздываютъ. Но и тутъ русскіе жирондисты слишкомъ ужъ запаздываютъ: французскіе дѣйствовали съ очень малымъ опозданіемъ. И нашимъ, пожалуй, не угнаться ни за русской современностью ни за французской исторіей.

* * *

Выше мы указывали, что единственной поддержкой падающаго режима остаются спеціальныя военно-полицейскія команды. Сейчасъ въ этой формѣ выражается и политическая, и соціальная контръ-революція. Впрочемъ, иного вида контръ-революціонная организація и не можетъ имѣть до тѣхъ поръ, пока она дѣйствуетъ въ рамкахъ стараго строя, пока она защищаетъ именно этотъ строй.

Намъ слѣдуетъ подчеркнуть выраженіе «спеціальныя». Армія и флотъ *вообще* точно также не могутъ служить опорой стараго порядка, какъ и все гражданское населеніе Россіи. Команда броненосца «князя Потемкина-Таврическаго» и либавскіе матросы доставили только крупные эпизоды изъ революціоннаго движенія, охватившаго военную Россію. Совершенно не задаваясь мыслью, обрисовать интенсивность этой части движенія, мы сообщимъ только тѣ факты изъ военной среды, которые имѣютъ связь все съ тѣмъ же днемъ 17-го октября или случились послѣ.

Въ Асхабадѣ 21-го и 22-го октября, по сообщенію Р. А., по улицамъ ходила толпа забастовщиковъ и солдатъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и съ красными знаменами. Въ городскомъ саду происходятъ сходки, «все болѣе и болѣе привлекающія нижнихъ чиновъ».

21-го октября въ Кронштадтѣ была демонстрація учащихся и интеллигенціи съ цѣлью протеста противъ петербургскихъ избіеній. Многіе матросы и солдаты присоединились къ ней. 23-го былъ устроенъ митингъ гимназистами и рабочими. Предсѣдательствовалъ унтеръ-офицеръ одного изъ флотскихъ экипажей. На митингѣ присутствовало до 4-хъ тысячъ человѣкъ, преимущественно матросовъ и солдатъ. Собраніе, по словамъ «Новостей», рѣшило употребить всѣ средства для устройства цѣлаго ряда военныхъ митинговъ. Первый такой митингъ былъ назначенъ на 30-е октября, и, какъ говорятъ, послѣ него предполагалось произвести возстаніе. Но стихійное развитіе событій предупредило эти планы. 26-го октября въ нѣкоторыхъ ротахъ крѣпостной артиллеріи произошли волненія изъ-за пищи и обмундированія. Какъ видно, этотъ обычный толчокъ для возстанія нижнихъ чиновъ имѣетъ всероссійское значеніе. Бунтовщиковъ связали и отправили на форта. Связанные артиллеристы крикнули о помощи, къ нимъ бросились на выручку матросы и произошла перестрѣлка. Къ вечеру 1400 матросовъ, артиллеристовъ и солдатъ крѣпостного

2-го кронштадтскаго батальона вооружились и приняли участіе въ возстаніи. Мятежъ въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ былъ направленъ главнымъ образомъ противъ офицеровъ и чиновниковъ. Но волненіями воспользовались и многочисленные кронштадтскіе хулиганы, которые произвели значительныя опустошенія въ городѣ, поджоги и грабежи. Есть факты, указывающіе, что матросы безпощадно уничтожали грабителей и сами, въ значительной массѣ, по крайней мѣрѣ, не принимали участія въ этихъ погромахъ. Несомнѣнно также, что попытка кронштадтскихъ нижнихъ чиновъ арміи и флота имѣетъ тотъ же революціонный характеръ, какъ и возстаніе на «Потемкинѣ Таврическомъ». Но въ какой формѣ выражалась ихъ революціонная организованность и дѣятельность сейчасъ трудно судить по скуднымъ извѣстіямъ объ этомъ событіи. Мятежъ продолжался два дня. Присланныя войска и пулеметы произвели, наконецъ, «общественный порядокъ» въ Кронштадтѣ. Матросовъ разоружили и потребовали выдачи зачинщиковъ. Большинство экипажей, за исключеніемъ четвертаго и седьмого, подчинились требованію. Зачинщики, четвертый и седьмой экипажи отправлены въ плавучую тюрьму и ужъ на 29-го октября былъ назначенъ полевой судъ. Предполагаютъ, что будетъ разстрѣляно до 300 матросовъ.

Какъ бы дезорганизованы и неудачны ни были эти отдѣльныя вспышки, но уже грандіозность ихъ размѣровъ является залогомъ того, что вопросъ о планомѣрномъ движеніи разрѣшится въ недалекомъ будущемъ. Напомнимъ при этомъ, что всюду военныя движенія происходили по крайней мѣрѣ съ лозунгами организованныхъ партій. И матросы «Потемкина Таврическаго», напр., съ самого начала признали себя членами россійской соціалъ-демократической рабочей партіи.

* * *

Изъ эпизодовъ во время всеобщей политической забастовки обратили на себя особенное вниманіе Россіи, между прочимъ, харьковскія событія и похороны предательски убитаго въ Москвѣ на демонстраціи Н. Е. Баумана, одного изъ представителей соціалъ-демократической партіи. Эти эпизоды важны не своимъ рѣшающимъ революціоннымъ значеніемъ, а яркостью картины, показывающей организаціонную борьбу пролетаріата и силу его идей.

10-го октября вечеромъ харьковскіе рабочіе двинулись по окончаніи митинга стройной толпой по Екатеринославской улицѣ. Рабочіе, шедшіе впереди, залпами изъ ружей и револьверовъ разгоняли патрули и драгуновъ. Въ началѣ восьмого часа былъ разобранъ оружейный магазинъ Тарнопольскаго, и оружіе распредѣлено въ переднихъ рядахъ. Начались непрерывные залпы между рабочими и солдатами. Въ 8 часовъ былъ разобранъ еще оружейный магазинъ «Охота». До 12 час. ночи раздавалась перестрѣлка. На слѣдующій день съ 10 час. утра громадныя толпы народа съ пѣснями заняли Николаевскую и Павловскую площади и сгруппировались около университета и старыхъ присутственныхъ мѣстъ. Здѣсь находились главнымъ образомъ рабочіе и студенты, которые и начали спѣшно строить баррикады: около университета—со стороны Павловской площади и Соборной площади и со стороны Горяиновскаго, Шляпнаго и Собор-

наго переулковъ. Телеграфные столбы въ этомъ раіонѣ были срублены и уложены вдоль улицы, ихъ проволоками скрѣпляли остальной матеріалъ: желѣзныя ворота, ставни, рѣшетки, ящики отъ товаровъ и всевозможныя доски и бревна. Баррикады около университета, въ постройкѣ которыхъ принимали главное участіе студенты-технологи, были особенно хорошо укрѣплены фундаментомъ изъ камней. Сюда пошла вся масса бревенъ, заготовленныхъ университетомъ на зиму для пилки на дрова. Сверху этихъ бревенъ были навалены вывороченныя всюду тяжелыя тротуарныя плиты. Забаррикадированы были также и окна и проходы университета, куда вошли преимущественно рабочіе студенты и женщины. Профессорская комната и аудиторіи, прилегающія къ окнамъ, были завалены грудами камней съ мостовой, дровъ и угля. На баррикадахъ и зданіяхъ университета были укрѣплены красные флаги различныхъ величинъ. Около 12 час. дня на Николаевской площади толпа, несмотря на выстрѣлы войскъ, разобрала третій ружейный магазинъ «Спортъ. Часть ружей и револьверовъ отсюда была отнесена въ университетъ на баррикады» *).

Приблизительно въ это же время власти рѣшили превратить борьбу на баррикадахъ въ еврейскій погромъ. Для этого былъ мобилизованъ базарный людъ, человѣкъ 50, съ царскимъ портретомъ и всѣмъ, что полагается для еврейскаго погрома. Но вылазка съ баррикадъ въ 5 минутъ смяла манифестантовъ и ихъ трехцвѣтный флагъ обратили въ красный.

Революціонеры держались до 12-го октября, когда, вынужденные голодомъ и лишенные помощи рабочихъ паровозо-строительнаго завода, отрѣзанныхъ войсками отъ центра города, они сдались на почетныхъ условіяхъ. Въ 3 часа дня они вышли изъ университета, сохранивъ карманное оружіе (ружья они сломали передъ сдачей), и отправились на Скобелевскую площадь, гдѣ имъ разрѣшенъ былъ митингъ.

20-го октября московскій пролетаріатъ хоронилъ своего передового борца Н. Е. Баумана. Вотъ извлеченія изъ описанія похоронъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

«Каждый районъ организованныхъ рабочихъ соціалъ-демократовъ несъ красное знамя съ отдѣльною надписью. Мы замѣтили надписи: «Да здравствуетъ единая соціалъ-демократическая рабочая партія!», «Долой самодержавіе!», «Да здравствуетъ временное революціонное правительство и демократическая республика!», «Требуемъ учредительнаго собранія; всеобщаго, равнаго, прямаго и тайнаго голосованія!», «Свобода—слава павшему за свободу», «Да здравствуетъ соціализмъ» и др. Позади гроба была масса вѣнковъ. Процессія тронулась около часа дня и пошла по Нѣмецкой улицѣ. Впереди и сзади процессіи шли летучіе отряды съ Краснымъ Крестомъ на рукавахъ. Въ самомъ хвостѣ ѣхали три фуры Краснаго Креста изъ Старо-Екатерининской больницы. Безконечная процессія съ обѣихъ сторонъ охранялась двумя цѣпями людей, крѣпко державшихся за руки; въ числѣ ихъ были военные, нижніе чины и офицеры. Шедшіе въ процессіи, видимо, разбивались на группы, нѣ-

*) „Русь“, № 4.

сколько отдѣленныя другъ отъ друга, что давало возможность избѣгнуть тѣсноты при остановкахъ, поворотахъ и т. п. Остановки и движеніе производились по согласованной командѣ распорядителей.

Знаменъ, надписей, вѣнковъ было много, во всякомъ случаѣ, не менѣе 140—150. Въ процессіи принимали участіе, кромѣ членовъ соціалъ-демократической партіи, обѣихъ фракцій, также представители соціалистовъ-революціонеровъ, конституціонно-демократической партіи и множество лицъ, желавшихъ въ лицѣ покойнаго выразить свое сочувствіе борцамъ, положившимъ свою жизнь за освобожденіе Россіи. Каждая партія представлена была отдѣльными знаменами, плакатами и флагами. Толпа была раздѣлена на десятки и шла группами человѣкъ 300 въ каждой. Впереди гроба несли красное бархатное съ золотой каймой знамя московскаго комитета россійской соціалъ-демократической рабочей партіи. Гробъ несли на рукахъ члены партіи; они же были и распорядителями. Одно время гробъ несла группа военныхъ, все время шедшая за знаменемъ партіи. Съ крышъ домовъ, съ балконовъ, изъ оконъ процессію привѣтствовали граждане красными флагами и платками. Толпа постепенно разрослась до грандіозныхъ размѣровъ.

На театральной площади къ процессіи еще присоединилась громадная толпа. Впередъ къ бархатному знамени прошла группа солдатъ и офицеровъ человѣкъ 30. Народъ восторженно ихъ привѣтствовалъ криками «ура». Въ толпѣ было замѣтно много военныхъ и одинъ сѣдой старый генералъ. Процессія подошла къ университету и повернула на Никитскую».

На кладбище пришли уже въ 9-мъ часу. По пути толпы все присоединились, и въ процессіи участвовало не меньше 100.000 человѣкъ. Красный гробъ опустили въ могилу, и раздались рѣчи надъ покойнымъ борцомъ. Одной изъ первыхъ говорила жена Н. Е. Баумана:

«Передъ вами женщина, оплакивающая не только мужа, но и друга, товарища, въ которомъ она всегда находила поддержку въ борьбѣ. Я плакала здѣсь, какъ человѣкъ, потерявшій одну сторону своей жизни, — личную жизнь. Теперь я—только гражданка и буду жить для другихъ. Враги наши хотѣли нанести намъ ущербъ этой смертью, совершенной наемнымъ убійцей, но вышло совсѣмъ на оборотъ. Несмѣтная толпа пролетаріата вышла на улицу, организовалась тамъ, произвела грандіозную манифестацію; она расправила крылья и показала свои силы врагамъ».

Такимъ образомъ, и смерть борцовъ за пролетарское дѣло отражается на разрушающемся строѣ еще большей растерянностью.

Не менѣе торжественныя похороны жертвъ были 20-го октября въ Севастополѣ, какъ сообщаетъ «Сынъ Отеч.».

Послѣ преданія землѣ убитыхъ и произнесенія превосходныхъ рѣчей городскимъ головой Максимовымъ и г. Мельниковымъ, къ братской могилѣ подошелъ лейтенантъ П. П. Шмидтъ. Когда водворилась гробовая тишина, этотъ ораторъ, утомленный многочисленными почти безпрерывными занятіями въ думѣ, началъ тихимъ, но полнымъ глубокой вѣры голосомъ:

«У гроба подобаетъ творить однѣ молитвы; но да уподобятся молитвѣ

слово любви и святой клятвы, которую я хочу произнести здѣсь вмѣстѣ съ вами. Когда радость переполнила души усопшихъ, то первымъ ихъ движеніемъ было идти скорѣе къ тѣмъ, кто томится въ тюрьмѣ, кто боролся за свободу и теперь въ минуты общаго великаго ликованія, лишенъ этого высшаго блага. Они, неся съ собой вѣсть радости, спѣшили передать ее заключеннымъ, они просили выпустить ихъ и за это были убиты. Они хотѣли передать другимъ высшее благо жизни—свободу и за это лишились самой жизни... Страшное невиданное преступленіе! Великое, непоправимое горе! Теперь ихъ души смотрятъ на насъ и вопрашаютъ безмолвно: «Что же вы сдѣлаете съ этимъ благомъ, котораго мы лишены навсегда; какъ вы воспользуетесь свободой; можете ли вы обѣщать намъ, что мы — послѣдніе жертвы произвола»?

«И мы должны успокоить смятенныя души усопшихъ, мы должны поклясться имъ въ этомъ!..—Клянемся имъ въ томъ,—зазвенѣлъ окрѣпшій его голосъ—что мы никогда не уступимъ, никому ни одной пяди завоеванныхъ нами человѣческихъ правъ! — Клянусь — сказалъ ораторъ, поднявъ обѣ руки.

— «Клянусь!» — пронесся за нимъ многотысячный голосъ народа.

— Клянемся имъ въ томъ, что всю работу, всю душу, самую жизнь мы положимъ за сохраненіе нашей свободы? Клянусь!

— Клянусь!—повторила толпа.

— Клянемся имъ въ томъ, что свою свободную общественную работу мы всю отдадимъ на благо рабочаго, неимущаго люда! Клянусь!

— Клянусь—пронеслось въ толпѣ.—Послышались рыданія.

— Клянемся имъ въ томъ, что между нами не будетъ ни еврея, ни армянина, ни поляка, ни татарина, а что мы всѣ отнынѣ будемъ равные, свободные братья великой свободной Россіи. Клянусь!!—И повторенное народомъ «Клянусь!» раскатилось по всѣмъ прилегающимъ холмамъ.

— «Клянемся имъ въ томъ, что мы доведемъ ихъ дѣло до конца и добьемся всеобщаго избирательнаго, равнаго для всѣхъ права! Клянусь!

И народъ загремѣлъ—«Клянусь»!

Передъ народомъ былъ уже не ораторъ, а властный трибунъ, за которымъ готова идти десятитысячная толпа—«Клянемся имъ въ томъ,—звенѣлъ сталью голосъ оратора,—что если намъ не будетъ дано всеобщее избирательное право, мы снова провозгласимъ великую россійскую забастовку».

«Клянусь!» — окончилъ ораторъ. — «Клянусь!» раскатилось громомъ по всѣмъ окрестностямъ. Ораторъ кончилъ: его цѣловали, обнимали, одинъ солдатикъ бросился ему на шею, забывъ дисциплину и офицерскій чинъ оратора.

П. П. Шмидтъ скрылся въ толпѣ.

Въ тотъ же вечеръ лейтенантъ Шмидтъ былъ арестованъ по приказанію главнаго командира Чухнина и подъ конвоемъ, какъ преступникъ, отправленъ на броненосецъ «Три Святителя», гдѣ и содержится подъ стражей.

Доступа къ лейтенанту Шмидту никому и никакого, кромѣ сына-реалиста,

причемъ за каждымъ словомъ слѣдитъ въ качествѣ «агента» адм. Чухнина, командиръ корабля, капитанъ 1-го ранга Вѣницкій.

Въ томъ же «Сынѣ Отечества» напечатано и письмо того же лейтенанта Шмидта.

«Мнѣ удалось, несмотря на мое одиночное заключеніе, прочесть манифестъ о помилованіи политическихъ. Этимъ манифестомъ умирающая бюрократія бросаетъ новый вызовъ къ борьбѣ съ ними отживающимъ послѣдніе дни режимомъ. Русскому народу предстоятъ послѣднія усилія для дѣйствительнаго осуществленія правового порядка и дѣйствительной свободы. Средство къ окончанію этой борьбы и взятію послѣднихъ позицій одно и другихъ нѣтъ,—это фактическое осуществленіе всѣми русскими людьми всѣхъ неотъемлемыхъ человѣческихъ правъ. Посылаю упрекъ тѣмъ органамъ печати и тѣмъ русскимъ людямъ, которые будутъ ждать «разъясненій и положеній» о пользованіи манифестомъ. Такое смиреніе грозитъ великой опасностью всему народу русскому, грозитъ опасностью самой свободѣ. Мы не имѣемъ права ждать, пока бюрократія истолкуетъ, что надо разумѣть подъ правами свободнаго гражданина. Ея толкованіе можетъ привести къ новому гнету. Ждать этихъ разъясненій (которыя начали уже сводиться къ ограниченіямъ) преступно. Каждый, кто дорожитъ счастьемъ народа, долженъ, не выжидая, осуществлять права человѣка такъ, какъ они поняты всѣми свободными народами міра.

«Граждане, помните, что я арестованъ за свободное слово послѣ манифеста 17-го октября. Помните это, и пусть это нарушеніе свободы произволомъ напоминаетъ вамъ, что дѣло далеко не кончено, что нужны теперь послѣднія усилія, чтобы владѣть разъ на всегда человѣческими правами. Усилія эти должны выразиться дѣйствительнымъ пользованіемъ дѣйствительной свободой. Всѣхъ, кому дорога свобода, кому дорого счастье страны, призываю, помогите мнѣ сдѣлать судъ надо мною гласнымъ, въ обширномъ помѣщеніи, при широкомъ доступѣ всѣхъ слоевъ населенія, при представителяхъ всѣхъ органовъ печати. Для того, чтобы судъ былъ таковымъ, нужно теперь же поставить въ извѣстность о произволѣ надо мной всѣ органы печати, путемъ телеграммъ, корреспонденцій, статей и т. д. Тогда сила общественнаго мнѣнія потребуетъ гласнаго суда. А если таковой будетъ, то скамья подсудимыхъ превратится для меня въ трибуну, съ которой я нанесу новый тяжкій ударъ ненавистному режиму. У меня для этого достаточно силъ. Помогите же мнѣ и теперь же, немедленно займитесь широкой оглаской происшедшаго со мною. Помните, граждане, что мое дѣло—это дѣло народа. Моя побѣда—это побѣда свободы надъ произволомъ.

Гражданинъ лейтенантъ Шмидтъ (соціалистъ внѣ партій).

22-го октября. Корабль «Три Святителя».

I. Ларскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Европа о событіяхъ въ Россіи. — Отношеніе европейской печати къ Россіи прежде и теперь.—Борьба за всеобщее избирательное право въ Австріи и Венгріи.— Конгрессъ мира.—Германская печать и англо-японскій договоръ.—Германскій колоніальный конгрессъ и др. съѣзды.

Россія была и остается загадкой для Европы, но никогда еще Европа не была такъ близка къ пониманію Россіи, русскаго народа, русской интеллигенціи, какъ въ данный моментъ. Пренебрежительный тонъ, который такъ часто звучалъ прежде въ отзывахъ европейской печати, обсуждавшей русскія дѣла, теперь совершенно исчезъ, и, наоборотъ, во всѣхъ статьяхъ иностранныхъ газетъ выражается сочувствіе русскому освободительному движенію и русскимъ борцамъ за свободу. Побѣда Россіи въ войнѣ съ Японіей, быть можетъ, вызвала бы въ офиціальной европейской печати диѳирамбы русскому военному могуществу, но никогда бы она не могла породить такого сочувствія русскому народу, какое теперь замѣчается въ Европѣ, никогда бы не вызвала такого уваженія къ нему, къ его силѣ, какое обнаруживается въ данный моментъ въ сужденіяхъ европейской печати по поводу послѣднихъ событій въ Россіи. И при этомъ особенно поражаетъ единодушіе во взглядахъ европейскихъ газетъ на сущность и значеніе этихъ событій. Появленіе манифеста было неожиданностью для Европы, но въ сужденіяхъ о немъ не расходится ни одинъ изъ органовъ европейской печати, являющейся представительницей европейскаго общественнаго мнѣнія. Никто не смотритъ на этотъ актъ иначе, какъ на великую побѣду русскаго народа. Германская печать обсуждаетъ его болѣе сдержанно, но англійскія газеты всѣхъ направленій, быть можетъ, впервые съ такимъ единодушіемъ привѣтствуютъ русскій народъ и радуются его побѣдѣ. «Откуда взялась у него такая сила, которая сплотила весь народъ и воодушевила его однимъ горячимъ желаніемъ и рѣшимостью? Откуда явилось у него такое моральное величіе и такая духовная мощь, которыхъ до сихъ поръ никто и не подозрѣвалъ у него?»—восклицаютъ газеты.—«Юноши и дѣвушки, учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, оказались сильнѣе генераловъ,—говоритъ «Star»—и голоса рабочихъ и писателей заглушили громъ пушекъ. Слова свободы зазвучали громче трубныхъ звуковъ, издаваемыхъ тираніей!» «Times» находитъ, что русская конституція явилась слишкомъ поздно и что она никого не можетъ удовлетворить, кромѣ самыхъ умѣренныхъ элементовъ, не пользующихся въ Россіи никакимъ вліяніемъ. «Россія охвачена пожаромъ изъ конца въ конецъ,—говоритъ «Times»,—а графъ Витте толкуетъ о людяхъ, которые могутъ быть опасны общественному порядку, какъ будто Россія все еще продолжаетъ апатично влачить тяжелыя цѣпи своего рабства!..» Газета осуждаетъ поведеніе русскаго правительства и въ частности графа Витте, который ничѣмъ еще не доказалъ, что онъ оцѣниваетъ должнымъ образомъ размѣры движенія, охватившаго Россію, и ничего до сихъ поръ имъ не сдѣлано такого (кромѣ отставки Побѣдоносцева), что

могло бы убѣдить русское общество въ искренности его намѣреній. Онъ только даетъ обѣщанія, пустыя завѣренія, которымъ никто не вѣритъ, а между тѣмъ репрессіи продолжаются и бюрократія поступаетъ такъ, какъ будто манифестъ никогда не былъ написанъ. Можно ли обвинять народъ за то, что онъ не вѣритъ пустымъ фразамъ о гражданской свободѣ, когда кругомъ раздается свистъ нагаекъ и льется кровь мирныхъ манифестантовъ?..

Такъ говоритъ консервативный органъ «Times» и другія газеты. Когда 9-го января была пролита кровь безоружныхъ рабочихъ, шедшихъ съ хоругвями и крестнымъ ходомъ и съ прошеніемъ къ царю въ рукахъ, то разумѣется европейское общественное мнѣніе было возмущено этимъ актомъ насилія. Но въ этомъ возмущеніи не было слышно той ноты, которая слышится теперь. Колѣнопреклоненные рабы, ожидавшіе милости свыше и расплатившіеся жизнью за свою вѣру въ милосердіе престола, возбуждали, конечно, глубокую жалость и состраданіе. Но о тѣхъ, кто теперь проливаетъ свою кровь въ разныхъ концахъ Россіи и гибнетъ отъ руки казаковъ или черносотенцевъ, европейская печать отзывается съ чувствомъ не только горячей симпатіи, но и уваженія. Она называетъ ихъ «борцами за свободу» и у свободнаго англійскаго народа сочувствіе этимъ борцамъ сквозитъ почти во всѣхъ разсужденіяхъ печати о русскихъ событіяхъ.

По поводу пріема, оказаннаго манифесту русскимъ народомъ и обществомъ «Times» говоритъ, что ничто такъ не указываетъ на громадную перемѣну, совершившуюся въ мысляхъ и чувствахъ русскаго народа, какъ именно этотъ пріемъ. Повсюду встрѣтили манифестъ безграничнымъ энтузіазмомъ и ликованіемъ, но это былъ далеко не тотъ энтузіазмъ, который могъ бы возбудить этотъ самый манифестъ, если бы онъ появился нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Это не былъ энтузіазмъ благодарности, наполнявшей сердца народа,— благодарности за избавленіе отъ притѣсненій, подъ тяжестью которыхъ такъ долго страдалъ русскій народъ. Нѣтъ! Это былъ энтузіазмъ побѣды, радость побѣдителя, испытываемая дошедшимъ уже до полнаго отчаянія народомъ, который, показавъ всю свою силу и мощь, сломилъ, наконецъ, сопротивленіе своихъ правителей, глухихъ ко всякому призыву и къ мольбѣ о помощи и недоступныхъ состраданія; онъ добился отъ нихъ уступокъ! Это былъ не тотъ народный энтузіазмъ, который облекается въ національные цвѣта и поетъ славословіе монарху, а тотъ, который поднимаетъ красный флагъ и побѣдоносно поетъ рабочій гимнъ, прекращая его лишь для того, чтобы пропѣть «вѣчную память» погибшимъ борцамъ за святое дѣло свободы. Грандіозная процессія, прошедшая по Невскому проспекту, является однимъ изъ тѣхъ важныхъ и грозныхъ предостереженій по адресу монархіи и бюрократіи, какими были такъ богаты страницы русской исторіи послѣдняго времени. Это— предостереженіе правительству, которое должно теперь дѣйствовать очень осмотрительно и быть искреннимъ и честнымъ въ своихъ отношеніяхъ съ народомъ, доведеннымъ имъ самимъ до такого опаснаго состоянія броженія. Народный инстинктъ вѣрно понялъ и оцѣнилъ практическое значеніе уступокъ, сдѣланныхъ правительствомъ. Что онѣ были вырваны у правительства стра-

хомъ—въ этомъ никто не сомнѣвается, но въ этомъ, именно, и заключается великій тріумфъ народа, какъ бы ничтожны не оказались на практикѣ сдѣланныя уступки. Великій шагъ сдѣланъ на пути къ свободѣ! Однако народъ, своимъ отношеніемъ къ этому факту, указываетъ, что онъ отлично сознаетъ, какимъ образомъ была достигнута эта побѣда, и намѣренъ, если понадобится, снова произвести подобное же давленіе, только еще болѣе могучее, вслѣдствіе усовершенствованія организаціи и опыта. Нельзя осуждать народъ, что послѣ всѣхъ тѣхъ испытаній, черезъ которыя онъ прошелъ, онъ чувствуетъ глубокое недовѣріе ко всякимъ офиціальнымъ завѣреніямъ и подозрѣваетъ ловушку въ каждомъ офиціальномъ обѣщаніи.

Въ такомъ же родѣ высказываются консервативныя газета «Standard» и либеральная «Daily News», но и та, и другая пессимистически смотрятъ на ближайшее будущее Россіи. Въ неистоствахъ «черной сотни», которую администрація всюду призываетъ къ себѣ на помощь, газеты видятъ серьезное препятствіе мирному проведенію реформъ и предостерегаютъ администрацію, что она сама себѣ уготовляетъ гибель своими дѣйствіями, разнуздывая народныя страсти и вызывая гражданскую войну. Замѣчательно то, что ни одна изъ англійскихъ газетъ не принимаетъ «черносотенныя» манифестаціи за выраженія народныхъ чувствъ и желаній, и всѣ, въ одинъ голосъ, указываютъ на роковую ошибку администраціи, организующей эту травлю. Вообще, пониманіе Россіи сдѣлало громадные успѣхи въ европейской печати за послѣднія двѣ недѣли. Англійскія газеты заявляютъ также, что русское правительство, не опирающееся на народъ и не способное возстановить порядокъ въ странѣ и поддерживать правильное желѣзнодорожное и почтовое сообщеніе, а также защищать имущество и личность своихъ гражданъ, не заслуживаетъ международнаго признанія, тѣмъ болѣе, что оно само занимается натравливаніемъ одного племени на другое и одного класса на другой. «Съ такимъ правительствомъ не можетъ быть никакого соглашенія,—говоритъ «Daily News».—Россія, съ которою мы желаемъ сближенія, должна быть свободна и во главѣ ея правительства должны стоять люди, которые будутъ отвѣтствовать передъ народомъ, въ состояніи будутъ руководить имъ». «Только такое отвѣтственное правительство можетъ спасти Россію,—говоритъ другая газета, только такое правительство можетъ внушить довѣріе Европѣ. Но то, которое опирается на «черную сотню» (black gang) и поддерживаетъ свой авторитетъ казацкими нагайками, такое правительство не найдетъ въ европейскихъ государствахъ ни защитниковъ, ни сторонниковъ и врядъ ли найдетъ союзниковъ, такъ какъ никто не повѣритъ въ его прочность».

Въ Германіи извѣстіе о манифестѣ вызвало чувство облегченія, въ особенности въ коммерческихъ кругахъ, гдѣ появленіе этого акта встрѣчено было большою радостью, такъ какъ кризисъ, переживаемый Россіей, отразился чрезвычайно неблагопріятно на германскомъ рынкѣ. Германія слишкомъ близко заинтересована въ поддержаніи порядка и спокойствія въ Россіи, какъ съ политической, такъ и съ коммерческой точки зрѣнія. Германія должна желать,

чтобы Россія какъ можно скорѣе вступила въ ряды конституціонныхъ государствъ и царство кнута и насилія уступило бы мѣсто законности.

Коммерческія отношенія между обѣими сосѣдками настолько тѣсны, что малѣйшіе безпорядки въ Россіи тотчасъ же отражаются на германской промышленности, которая, по словамъ газетъ, терпитъ большіе убытки въ данный моментъ. Само собою разумѣется, что германская печать должна, поэтому, привѣтствовать рѣшеніе царя ввести либеральныя реформы въ Россіи. Но въ сужденіяхъ германскихъ консервативныхъ газетъ уже проглядываетъ опасеніе, что если Россія приметъ окончательно принципъ всеобщаго голосованія, то почти невозможно будетъ ввести въ Германіи какое-нибудь ограниченіе избирательныхъ правъ, о чемъ такъ мечтаютъ консерваторы. Вотъ почему германская консервативная печать хоромъ предостерегаетъ царя не увлекаться радикальною реформой, приводя противъ нея обычные аргументы, касающіеся неграмотности и невѣжества русскихъ народныхъ массъ. Другія газеты, хотя и сдержанно, но все-таки привѣтствуютъ новую эру въ Россіи. «Большія надежды возлагаются въ промышленныхъ и торговыхъ кругахъ Берлина на полную отмѣну «стараго режима»,—говоритъ биржевая берлинская газета «Börsen Courrier».—Нѣтъ сомнѣнія, что національный кредитъ Россіи тотчасъ же поднимется, какъ только кровавыя избіенія прекратятся; подчиненіе же бюджета парламентской гласности и парламентскому контролю должно будетъ поддержать этотъ кредитъ». Однако, все же, въ сужденіяхъ германской печати, какъ консервативной, такъ и либеральной, проглядываетъ скептицизмъ въ отношеніи манифеста. Нѣмецкія газеты не вѣрятъ въ силу тѣхъ обѣщаній, которыя заключаются въ бумажной конституціи, исторгнутой у русскаго правительства, не столько подъ вліяніемъ страха,—думаютъ онѣ,—сколько подъ вліяніемъ отказа нѣмецкихъ банкировъ вести переговоры о займѣ со страной, находящейся въ состояніи революціи. Манифестъ былъ актомъ, исключительно направленнымъ къ тому, чтобы задержать развитіе революціоннаго движенія, и тѣ репрессіи, которыми сопровождалось его опубликованіе, служатъ наилучшимъ показателемъ, какова искренность правительства въ данномъ случаѣ.

Также скептически относится къ манифесту и французская печать. Даже такія умѣренныя газеты какъ «Temps», «Journal des Débats», находятъ, что въ немъ заключаются много неясностей и неточностей, и, противъ своего обыкновенія, не разсыпаются въ похвалахъ «мудрости правителя, идущаго на встрѣчу желаніямъ своего народа», хотя «Journal des Débats» все-таки полагаетъ, что верховная власть возстановила посредствомъ этого манифеста свой подорванный престижъ. «Temps», однако, сомнѣвается, чтобы народъ могъ успокоиться на однихъ обѣщаніяхъ, которыхъ уже было такъ много! По поводу назначенія графа Витте премьеромъ, «Temps» говоритъ между прочимъ: «Можно было бы предположить пожалуй, что назначеніе это будетъ встрѣчено либералами, какъ удовлетвореніе. Но мы не думаемъ, чтобы это было такъ. По странной случайности графъ Витте пользуется за границей совсѣмъ другою репутаціей, нежели въ своемъ отечествѣ...» Въ другихъ газетахъ высказы-

вается даже опасеніе, что реакціонеры попытаются воспрепятствовать проведенію реформъ и что въ этомъ именно и заключается главная опасность даннаго момента.

Изъ всѣхъ странъ Европы самое сильное впечатлѣніе русскія событія произвели въ Австріи, гдѣ они послужили толчкомъ къ широкому развитію движенія въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Идея всеобщей политической забастовки также начинаетъ прививаться. Газеты указываютъ на то, что Россія нашла новое революціонное средство, быть можетъ, наиболѣе могущественное и дѣйствительное. Въ Австріи, на всѣхъ митингахъ въ пользу всеобщаго избирательнаго права, произносятся теперь восторженныя рѣчи по адресу Россіи, «показавшей примѣръ Европѣ». Въ этихъ рѣчахъ прославляется побѣда «изумительно организованныхъ русскихъ массъ», при чемъ русскій народъ предостерегается отъ слишкомъ радужныхъ упованій. «Народъ долженъ помнить, говоритъ одна изъ австрійскихъ газетъ, что деспотизмъ умираетъ не легко и что полуживая автократія часто находитъ себѣ бюрократическихъ союзниковъ, еще болѣе грозныхъ и опасныхъ». «Эта мысль должна невольно омрачить радость, испытываемую народомъ, празднующимъ свою побѣду»,—прибавляютъ газеты. Почти то же самое говоритъ итальянская печать, не довѣрявшая сначала извѣстіямъ изъ Россіи. Ожиданія Италіи столько разъ были обмануты русскимъ революціоннымъ движеніемъ, что когда началась всеобщая забастовка, то въ Италіи съ трудомъ вѣрили, что она можетъ быть доведена до конца. Потомъ уже газеты стали называть стачку послѣднимъ актомъ борьбы между либерализмомъ и автократіей. Итальянская печать, однако, находитъ, что народная партія въ Россіи еще не одержала окончательной побѣды. Въ общемъ, въ итальянскихъ газетахъ преобладаетъ пессимистическій взглядъ на ближайшія событія, но ни одна изъ нихъ не сомнѣвается, что для Россіи началась новая эра. Такимъ образомъ, мы видимъ, что европейская печать единодушна въ своей оцѣнкѣ русскихъ событій и русской бумажной конституціи, и въ первый разъ европейскіе народы, всѣ безъ различія, объединились въ общемъ чувствѣ симпатіи къ Россіи въ ея героической борьбѣ за свое освобожденіе.

Событія въ Россіи, конечно, отодвинули на задній планъ всѣ другія злобы дня въ Европѣ. Европейская печать удѣляетъ этимъ событіямъ наибольшее вниманіе, что вполнѣ естественно, и поэтому съ особеннымъ интересомъ слѣдитъ за развитіемъ событій въ Австріи и Венгріи, гдѣ эти событія должны были отразиться самымъ непосредственнымъ образомъ. Въ обѣихъ этихъ странахъ началось движеніе въ пользу всеобщаго избирательнаго права еще до грандіозной всеобщей политической забастовки въ Россіи. Это движеніе, само собою разумѣется, должно было усилиться подъ вліяніемъ русскихъ событій и поэтому въ манифестаціяхъ, происходившихъ въ Вѣнѣ и другихъ городахъ Австріи, раздавались возгласы: «Да здравствуетъ русская революція!» и ораторы указывали на примѣръ Россіи. Освободительное движеніе началось и оно не можетъ остановиться. Первая большая манифестація, устроенная въ Вѣнѣ,

вызвала столкновеніе съ полиціей и избіеніе мирныхъ гражданъ, напоминающее русскіе порядки, но тотчасъ же, вслѣдъ затѣмъ, была устроена рабочими вторая, еще болѣе грандіозная манифестація въ Вѣнѣ и на этотъ разъ полиція воздержалась отъ всякаго вмѣшательства и, только выстроившись шпалерами около нѣкоторыхъ зданій и улицъ, безмолвно смотрѣла, какъ мимо нея дефилировали сто тысячъ рабочихъ съ красными знаменами. По пути манифестанты украшали красными флагами всѣ статуи и памятники, и стѣны парламента, какъ только около него собралась толпа, тотчасъ же были покрыты красными афишами съ громадными надписями: «Да здравствуетъ всеобщее избирательное право!» Тутъ же, на ступеняхъ громадной лѣстницы, ведущей въ парламентъ, произносились рѣчи, доказывавшія, что правительство не можетъ противостоять требованіямъ пролетаріата тогда, когда эти требованія выражаются столь внушительнымъ образомъ. И дѣйствительно австрійское правительство поторопилось уже офиціально заявить о своемъ намѣреніи внести въ парламентъ проектъ избирательной реформы, что, разумѣется, коментируется огромнымъ большинствомъ нѣмецкой печати какъ уступка могучему народному движенію, на которую не оказались безъ вліянія и событія за границей (т.-е. въ Россіи). Прогрессивная печать предостерегаетъ однако народъ не слишкомъ довѣрять правительству, приглашающему къ успокоенію, а добиться реальной побѣды, а не однихъ только обѣщаній.

Внѣшній обликъ венгерскаго кризиса измѣняется съ каждымъ днемъ, но это отнюдь не ведетъ къ разрѣшенію проблемы, которая все усложняется. Порою даже можетъ показаться, что австро-венгерскіе государственные дѣятели нарочно стараются усложнить ее, какъ бы для собственнаго удовольствія. Дѣйствительно, всѣ извѣстія, получаемыя изъ Буда-Пешта и Вѣны, указываютъ на настоящую правительственную анархію. Возстановленіе кабинета Фейервари, конечно, не можетъ содѣйствовать измѣненію этого взгляда на положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи, такъ какъ коалиціонное большинство венгерскаго парламента попрежнему считаетъ кабинетъ Фейервари незаконнымъ. Въ Венгріи къ этому назначенію отнеслись съ неудовольствіемъ, а въ Австріи съ недовѣріемъ и въ обѣихъ странахъ смотрятъ на него какъ на «плохой выходъ изъ плохого положенія». Ни корона, ни коалиціонная оппозиція, повидимому, не желаютъ отступить отъ принятой ими точки зрѣнія. Никто не сомнѣвается въ томъ, что кабинетъ Фейервари будетъ боевымъ кабинетомъ. Ему терять нечего, да и выиграть многое онъ врядъ ли можетъ, но онъ удовольствуется, конечно, тѣмъ, если ему удастся разрушить единство коалиціи и будетъ считать, что его задача выполнена. Знаменательны въ этомъ отношеніи заявленія одной полуофиціальной мадьярской газеты, которая говоритъ, что кабинетъ долженъ завоевать всѣ голоса на предстоящихъ выборахъ, такъ какъ онъ выступитъ съ программой, «которая должна будетъ объединить милліоны людей подъ своимъ знаменемъ». Государственныя должностныя лица конечно будутъ поддерживать министерство, потому что они знаютъ, что правительство принимаетъ близко къ сердцу интересы чиновниковъ. Духовенство также присоединится къ Фейервари, потому что Фейервари католикъ и еще потому, что

низшее духовенство будетъ многимъ обязано новому кабинету; слѣдовательно и религіозныя школы будутъ имѣть всѣ основанія поддерживать его программу. Словомъ, правительство надѣется теперь одержать побѣду надъ коализированной оппозиціей, но безъ сомнѣнія ему надо будетъ позаботиться о томъ, чтобы печать, своими неосторожными разсужденіями, не помѣшала его торжеству. Но для этого, пока, у министерства есть средства въ рукахъ, которыми оно и намѣрено пользоваться. Однако и оппозиція, конечно, не дремлетъ и готовитъ серьезный отпоръ правительству, но то, что Фейервари выдвигаетъ на сцену избирательное право, осложняетъ ея задачи. Національный вопросъ можетъ быть отодвинутъ на задній планъ, и, уступивъ народнымъ желаніямъ, императоръ Францъ Іосифъ выигрываетъ время, но врядъ ли этимъ разрѣшится сложная венгерская проблема. Во всякомъ случаѣ любопытно то, что какъ ни старался императоръ избѣжать необходимости прибѣгнуть къ такому героическому средству, какъ избирательное право, онъ все-таки долженъ былъ это сдѣлать. Лучше поздно, чѣмъ никогда, но все же результаты могутъ получиться совсѣмъ не тѣ, на которые разсчитываетъ правительство, рѣшившееся слишкомъ поздно идти на уступки. Императоръ Францъ Іосифъ долженъ былъ убѣдиться, что рѣзкія мѣры и упорство не могутъ привести къ благополучному разрѣшенію кризиса. Это доказала ему послѣдняя аудіенція вождей венгерской коалиціи, которымъ онъ объявилъ свою непреклонную волю. Результатъ получился совсѣмъ не тотъ, который онъ ожидалъ. Онъ назначилъ Голуховскаго своимъ довѣреннымъ лицомъ для веденія дальнѣйшихъ переговоровъ съ коалиціей и въ своей программѣ, переданной имъ Кошуту, исключалъ возможность какого бы то ни было компромисса. Это было категорическое заявленіе императора, на которое, какъ извѣстно, послѣдовалъ со стороны оппозиціи столь же категорическій отказъ принять предложенія короны, при чемъ вожди коалиціи объявили, что они считаютъ дальнѣйшіе переговоры возможными только въ томъ случаѣ, если они будутъ имѣть дѣло съ венгерскимъ гражданиномъ, такъ какъ «только венгерецъ можетъ вмѣшиваться въ венгерскія дѣла». Сдѣлавъ это заявленіе графу Голуховскому, вожди коалиціи ушли и всѣ были увѣрены, что сношенія между ними и короной прерваны окончательно. Но... корона пошла на уступки и поручила дальнѣйшіе переговоры венгерцу, графу Чираки. Однако, и тутъ не обошлось дѣло безъ инцидента, характеризующаго положеніе вещей и общее настроеніе въ Венгріи: Чираки на десять минутъ запоздалъ и венгерцы не стали дожидаться его и уѣхали изъ Вѣны. Когда Чираки явился въ отель, черезъ десять минутъ послѣ ихъ отъѣзда, то ему сказали, что никого уже нѣтъ!

Въ Буда-Пештѣ вождямъ коалиціи устроена была грандіозная овація. Еще до прибытія поѣзда, на которомъ они должны были пріѣхать изъ Вѣны, начала собираться толпа на площади; раздавались революціонныя пѣсни и крики: «Долой династію! Да здравствуетъ революція!» Кошутъ сказалъ рѣчь, обращаясь къ толпѣ и приглашая народъ объединиться въ одинъ лагерь, такъ какъ только соединенными силами можно достигнуть цѣли!

Какъ бы то ни было, но теперь дѣйствительно вся Венгрія превратилась

въ одинъ лагерь, требующій удовлетворенія обиды, нанесенной парламенту страны. Борьба тутъ идетъ съ абсолютизмомъ, и ясно, что венгерскій народъ не намѣренъ уступать, такъ какъ его представители не стали дожидаться королевскаго уполномоченнаго Чираки, который опоздалъ на десять минутъ, а поручили прислугѣ отеля сообщить ему только, что они уѣхали!

Въ венгерской печати усилились въ послѣднее время нападки на графа Голуховскаго, который принадлежитъ къ числу ярыхъ защитниковъ системы дуализма и не хочетъ, повидимому, видѣть, что дни этой системы сочтены. Онъ возстаетъ также и противъ той мѣры, къ которой хочетъ прибѣгнуть австро-венгерское правительство, которое готово даже ввести всеобщее избирательное право въ Венгріи и само является иниціаторомъ этой важной реформы. Графъ Голуховскій еще раньше высказывалъ опасеніе, что агитація въ пользу избирательнаго права въ Венгріи непремѣнно должна будетъ перекинуться въ Австрію. Такъ и случилось теперь. Въ рейхсратъ были внесены шесть такъ называемыхъ «настоятельныхъ предложеній», касающихся введенія всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права. Но всѣ эти предложенія были отклонены, что и дало поводъ нѣкоторымъ газетамъ спрашивать, почему то, что считается необходимымъ и полезнымъ для Венгріи, не можетъ быть введено въ Австріи? О реформѣ избирательнаго права давно уже говорятъ въ Австріи и требуютъ этой реформы, но въ этомъ направленіи ничего еще не было сдѣлано, такъ какъ правительство оставалось глухо ко всѣмъ подобнымъ заявленіямъ. Только событія послѣдняго времени заставили его встрепенуться. Въ Вѣнѣ происходили собранія-митинги, на которыхъ читались рефераты объ интересующемъ всѣхъ вопросѣ и говорилось о великомъ значеніи реформы, которая должна будетъ вывести пролетаріатъ на арену великой борьбы. Въ рейхсратѣ также говорились рѣчи въ пользу всеобщаго избирательнаго права, и на нихъ отвѣчалъ баронъ Гаучъ. Конечно, онъ началъ съ увѣренія въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ и въ искреннемъ желаніи содѣйствовать всѣмъ благимъ начинаніямъ, имѣющимъ цѣлью благополучіе страны. Но въ томъ-то и бѣда, что взгляды на эту благую цѣль сильно расходятся. До сихъ поръ, однако, баронъ Гаучъ не могъ похвастаться особеннымъ счастьемъ и задуманныя имъ комбинаціи никогда не удавались. Вѣдь ужъ какъ онъ старался оградить престолъ отъ опасности! Съ этою цѣлью онъ и ввелъ искуственныя загородки—привилегіи, которыя должны были отдѣлить народъ отъ власти, но, тѣмъ не менѣе, власть, которую онъ такъ старался утвердить, сильно пошатнулась. Устои ея поколеблены теперь окончательно и, конечно, Гаучу не удастся сохранить ихъ въ неприкосновенности. Народныя массы стоятъ уже у самыхъ воротъ парламента и войдутъ въ него, хочетъ или не хочетъ этого баронъ Гаучъ, и онъ это понимаетъ отлично. Онъ теперь уже изыскиваетъ способы отдалить роковое рѣшеніе, которое, по его мнѣнію, должно будетъ сгубить Австрію. Вопросъ только въ томъ, насколько ему удастся это. Несмотря на крайне неблагопріятный составъ австрійскаго парламента, большинство въ 155 голосовъ, противъ 114, высказалось въ пользу реформы избирательнаго права. Разумѣется, это голосованіе еще не имѣетъ рѣшающаго значенія, въ особен-

ности для правительства, однако, все же оно является знаменательнымъ фактомъ, указывающимъ на эволюцію австрійскаго общества и народа. Врядъ ли народъ удовольствуется теперь «призракомъ правъ», какъ это было раньше и примирится съ «постепенностью», составляющею излюбленное средство многихъ государственныхъ дѣятелей. И въ Австріи, какъ и въ Венгріи, приближается моментъ категорическихъ рѣшеній, и небольшихъ подачекъ, которыми до сихъ поръ удовлетворяли народъ, теперь окажется мало. Баронъ Гаучъ долженъ былъ понять это тотчасъ же, какъ только появился въ рейхсратѣ, гдѣ группа соціалъ-демократовъ встрѣтила его криками и свистками. Гаучъ долженъ былъ защищаться отъ обвиненій въ томъ, что онъ противникъ всеобщаго избирательнаго права и въ этомъ смыслѣ оказалъ рѣшительное вліяніе на отклоненіе плановъ Фейервари. Но о реформѣ избирательнаго права въ Австріи онъ не обмолвился ни однимъ словомъ. Нѣмецкія же партіи Рейхсрата очевидно, опасаются, что введеніе всеобщей подачи голосовъ можетъ очень невыгодно отразиться на положеніи нѣмцевъ въ Австріи. По словамъ одной нѣмецкой газеты, можно опасаться, что тогда въ очень многихъ округахъ, не только въ Богеміи и Моравіи, но и въ нижней Австріи, гдѣ теперь выбираются депутаты, нѣмцы, послѣ введенія всеобщей подачи голосовъ, будутъ выбираться славяне, слѣдовательно, нѣмцы потерпятъ значительный ущербъ въ политическомъ отношеніи. Германская печать одобряетъ поэтому поведеніе барона Гауча, который такъ рѣшительно сталъ на сторону нѣмецкихъ партій и откровенно высказалъ тѣ опасенія, которыя внушаетъ ему всеобщее избирасельное право, въ своихъ словахъ: «Флагъ всеобщаго избирательнаго права прикрываетъ собою весьма различный политическій товаръ». Предводитель большой нѣмецкой партіи въ рейхсратѣ, д-ръ Дершатта, также заявилъ по поводу внесенныхъ предложеній объ избирательной реформѣ, что «нельзя же требовать отъ нѣмцевъ, чтобы они затянули у себя петлю на шеѣ», и поэтому умѣренныя нѣмецкія партіи должны высказываться противъ реформы избирательнаго права, которая можетъ лишить ихъ вліянія и значенія въ странѣ. Иное дѣло Венгрія. Тамъ австрійцы готовы привѣтствовать реформу, которая даетъ возможность и другимъ національностямъ бороться противъ мадьяръ, столь ревниво защищающихъ свои парламентскія права. Но любопытно, что въ пользу избирательной реформы въ Австріи высказался въ рейхсратѣ вождь католическаго центра, баронъ Мореей. Онъ отвергалъ существованіе реакціонной вѣнской камарильи и доказывалъ, что австрійское духовенство имѣетъ очень передовые взгляды на этотъ вопросъ. Реформа избирательнаго права необходима для того, чтобы парламентъ дѣйствительно былъ выразителемъ общественнаго настроенія. Вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ правильнымъ образомъ теперь же, раньше, чѣмъ рѣшеніе его будетъ навязано снизу. Такъ или иначе, но вопросъ этотъ уже назрѣлъ и требуетъ своего разрѣшенія. Распущеніе парламента въ Венгріи неизбѣжно и, по всей вѣроятности, платформою новыхъ выборовъ будетъ служить избирательная реформа. Во всякомъ случаѣ правительство имѣетъ въ виду именно эту платформу для спасенія своего положенія и уже принимаетъ мѣры для организаціи грандіоз-

ной агитаціи въ печати и изданія дешевыхъ народныхъ газетъ, разсчитывая на то, что такая широкая пропаганда правительственной платформы, идущей навстрѣчу народнымъ желаніямъ, поможетъ правительству въ его борьбѣ съ коалиціей.

Около четырехсотъ человѣкъ, представителей почти всѣхъ европейскихъ народовъ, полсотни американцевъ и одинъ монголъ собрались на международный конгрессъ мира, происходившій недавно въ Люцернѣ. На этотъ разъ конгрессъ удѣлилъ особенное вниманіе рабочему движенію и его отношенію къ пасифизму. Профессоръ Прюдомо изъ Нима прочелъ докладъ о рабочемъ движеніи въ пользу мира, въ которомъ привелъ доказательства возрастающаго интереса къ международнымъ вопросамъ. Но буржуазное движеніе въ пользу мира не привлекаетъ ихъ; они сторонятся отъ него и не выступаютъ въ организаціи пасифистовъ. Такимъ образомъ, рабочее движеніе мира развивается совершенно самостоятельнымъ путемъ, и для того, чтобы объединить его съ общимъ движеніемъ, необходимо изучить рабочую программу. Эти слова вызвали пренія и самая интересная рѣчь была произнесена при этомъ англійскимъ делегатомъ Эпильмономъ, бывшимъ рабочимъ. Эпильмонъ состоитъ въ настоящее время секретаремъ рабочаго союза и находится въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ со своими бывшими товарищами. Онъ сказалъ, что большинство англійскаго народа было введено въ заблужденіе передъ началомъ бурской войны разсказами о томъ, какой опасности подвергаются англійскіе рабочіе, ихъ жены и дѣти въ Іоганнесбургѣ. Это заставило англійское общество воспылать негодованіемъ на притѣснителей и поэтому объявленіе войны было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ. Англійскій народъ ринулся въ эту войну, не думая о тѣхъ ужасахъ, которые всякая война влечетъ за собой. Теперь рабочіе увидали съ какими страшными потерями связана война, какой ущербъ терпитъ торговля и какъ она отражается на положеніи рабочихъ, вызывая вздорожаніе хлѣба и повышеніе налоговъ. Рабочіе были шовинистами до войны и даже во время войны, такъ какъ англійскіе имперіалисты увѣрили ихъ, что рабочій классъ непремѣнно долженъ выиграть съ утвержденіемъ англійскаго господства въ Южной Африкѣ. Послѣ этого, однако, они рѣзко измѣнили свое отношеніе къ войнѣ, такъ что несомнѣнно теперь наступаетъ моментъ для широкой пропаганды идей мира. Но прежде всего надо позаботиться о томъ, чтобы не было недоразумѣній и чтобы рабочіе ясно сознали, какое зло приноситъ имъ война. «Наше положеніе трудное, прибавилъ ораторъ, такъ какъ къ намъ и къ нашей пропагандѣ относятся очень недовѣрчиво. Но надо бороться съ этимъ незнаніемъ и непониманіемъ нашихъ мотивовъ и пропаганду идей мира должны взять на себя члены организацій».

Послѣ преній была вотирована слѣдующая резолюція: «Въ виду того, что параллельно съ движеніемъ мира, имѣющемъ представителей на теперешнемъ конгрессѣ, существуетъ и рабочее движеніе, тоже въ пользу мира, пріобрѣтающее съ каждымъ днемъ большее значеніе и преслѣдующее тѣ же цѣли, но лишь при помощи другихъ способовъ и исходя изъ другихъ основаній, конгрессъ предлагаетъ учредить особую комиссію, которая занялась бы подробнымъ

изслѣдованіемъ рабочаго движенія въ пользу мира и обратила бы особенное вниманіе на тѣ его стороны, которыя совпадаютъ съ программою пасифистовъ». Результаты такого изслѣдованія и сдѣланные изъ нихъ выводы и заключенія должны будутъ служить главною темой обсужденій на предстоящемъ международномъ конгрессѣ мира. Рѣшено также, чтобы бернское бюро мира отправляло своихъ представителей на рабочіе конгрессы.

Опубликованіе англо-японскаго союзнаго договора продолжаетъ обсуждаться европейской печатью. Особенно оживленно коментируетъ его германская печать, причемъ замѣчается нѣкоторая разница между сужденіями руководящихъ полуофиціальныхъ газетъ и болѣе или менѣе независимой печати. Сквозь эти коментаріи въ офиціальной печати проглядываетъ надежда на то, что англо-японскій договоръ побудитъ Россію тѣснѣе сблизиться съ Германіей. Берлинская газета «Post», говоря по поводу чрезвычайно восторженнаго пріема, оказаннаго германскимъ императоромъ графу Витте, выдвигаетъ на сцену вопросъ о сближеніи Россіи съ Германіей и даже обсуждаетъ возможность заключенія обѣими державами формальнаго союзнаго договора. Эта консервативная газета утверждаетъ даже будто вопросъ о союзѣ поднимался уже въ Бьеркѣ, во время свиданія двухъ императоровъ, но во всякомъ случаѣ теперь, по мнѣнію газеты, идея такого сближенія должна найти поддержку въ опубликованіи англо-японскаго договора.

Франкфуртская газета утверждаетъ, что договоръ этотъ явится неожиданностью для Европы, такъ какъ въ послѣднее время объ англо-японскомъ союзѣ уже совсѣмъ перестали говорить. Англійскіе же либералы полагаютъ, что Бальфури приберегалъ опубликованіе англо-японскаго договора до послѣдняго времени лишь для того, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ такой важный козырь и увеличить этимъ заслуги консервативнаго министерства въ глазахъ англійскаго народа. Міровое положеніе, по мнѣнію франкфуртской газеты, очень мало измѣняется этимъ договоромъ, но въ немъ находятся такіе пункты, которые указываютъ, что Англія очень дальновидна и даже предвидитъ такой случай, когда Японія сдѣлается для нея опаснѣе всякаго другого конкурента. Къ числу такихъ пунктовъ принадлежитъ тотъ, который касается укрѣпленія Сингапура. Эта мѣра не можетъ быть направлена напротивъ одной изъ европейскихъ державъ, и такъ какъ англійская міровая политика не страдаетъ близорукостью, то она уже теперь старается оградить себя отъ возможной случайности въ будущемъ, когда Японія превратится изъ ея друга, въ ея соперника и противника.

Другія германскія газеты видятъ все-таки въ этомъ союзномъ договорѣ угрозу и вызовъ всѣмъ тѣмъ державамъ, помимо Россіи, которыя заинтересованы въ развитіи восточной Азіи. Англійская печать оспариваетъ это и съ своей стороны указываетъ, на усиленныя старанія Германіи найти опору своей политики въ Россіи, не взирая на то, что Россія переживаетъ теперь тяжелый внутренній кризисъ. По поводу этого кризиса газеты разсказываютъ, будто императоръ Вильгельмъ, въ разговорѣ съ графомъ Витте высказалъ нѣсколько пессимистическихъ замѣчаній насчетъ положенія монархіи вообще,

страдающихъ отъ неспособности и недостатковъ своихъ слугъ. «National Zeitung», цитируя эти замѣчанія императора Вильгельма, дѣлаетъ предположеніе, что Вильгельмъ говорилъ подъ впечатлѣніемъ своего недавняго опыта, чѣмъ и обусловливается его пессимистическое настроеніе. «Въ Германіи, прибавляетъ газета, монархія потеряла многое изъ своего прежняго престижа и репутаціи только потому, что профессіональные совѣтники ея не выказали достаточной ловкости и искусства въ управленіи государственнымъ кораблемъ и не проявили достаточно серьезнаго взгляда на обязанности и на выполненіе того, что требуетъ отъ нихъ долгъ службы». Вообще, въ послѣднее время, въ разсужденіяхъ націоналъ-либеральной печати, часто проскальзываетъ недовольство германской правительственной политикой. Это въ особенности замѣтно въ статьяхъ, касающихся взаимныхъ отношеній Франціи, Англіи и Германіи. Тѣмъ не менѣе, германская офиціозная печать, въ виду предстоящаго въ въ ноябрѣ открытія рейхстага, уже начала кампанію въ пользу князя Бюлова, котораго она старается выставить въ роли спасителя европейскаго мира. Можно теперь уже нарисовать картину того, что будетъ въ рейхстагѣ. Бюловъ непремѣнно заявитъ, что въ марокксскомъ инцидентѣ ему пришлось имѣть дѣло съ такимъ положеніемъ, которое заключало въ себѣ зародышъ опасности для европейскаго мира. Конечно ему будетъ возражать Бебель и произойдетъ обычная между двумя краснорѣчивыми ораторами словесная дуэль, а затѣмъ... затѣмъ рейхстагъ разойдется въ прежнемъ убѣжденіи, что иностранная политика страны находится въ искусныхъ рукахъ, и въ Фоссовой газетѣ и другихъ соотвѣтствующихъ ей органахъ станутъ проливать слезы умиленія надъ результатами засѣданій рейхстага и ловкости Бюлова. Только нѣкоторые изъ пессимистически настроенныхъ наблюдателей будутъ все-таки стоять на своемъ, что германская внѣшняя политика не увѣнчалась никакими реальными успѣхами, хотя во многихъ направленіяхъ она обнаруживала уже совершенно неожиданныя честолюбивыя стремленія и замыслы. Въ сущности вѣдь даже тогда, когда ей удалось объединить Германію, Россію и Францію въ общемъ усиліи изгнать Японію изъ Ліотонгскаго полуострова, германская внѣшняя политика не достигла ничего положительнаго, такъ какъ вѣдь Японія теперь еще прочнѣе прежняго утвердилась въ Портъ-Артурѣ. Попытка Германіи измѣнить равновѣсіе державъ въ Азіи въ ущербъ Англіи также не увѣнчалась успѣхомъ. Разсчеты Бисмарка, что англійская оккупація Египта и французская оккупація Туниса будутъ постоянно мѣшать примиренію французскихъ, британскихъ и итальянскихъ интересовъ въ Средиземномъ морѣ, также оказались невѣрными. Мысль, что Германія будетъ играть выдающуюся роль въ судьбахъ Южной Африки, также должна быть оставлена, а судьба ея собственной юго-западной африканской колоніи находится теперь въ зависимости отъ затяжной кампаніи, которую приходится вести Германіи въ Африкѣ, принося большія жертвы людьми и деньгами. Словомъ, ничего или очень мало было достигнуто всѣми этими предпріятіями, только вводящими страну въ огромные расходы на безконечное увеличеніе своихъ военныхъ и морскихъ силъ и на преслѣдованіе цѣлей, реализація которыхъ находится въ области мечтаній.

Научная и литературная Германія, конечно, возбуждаетъ къ себѣ симпатіи всѣхъ народовъ, но та, которая воплощается въ идеѣ «Weltpolitik» къ осуществленію которой такъ стремится на всѣхъ парахъ германскій императоръ, не можетъ конечно вызывать ничего иного, кромѣ недовѣрія и подозрительтельности въ другихъ націяхъ.

Однако, несмотря на то, что въ германской печати все чаще и чаще раздаются голоса, осуждающіе колоніальныя предпріятія германскаго правительства, на происходившемъ недавно въ Берлинѣ второмъ колоніальномъ конгрессѣ все-таки были внесены предложенія и резолюціи, поддерживающія колоніальную антрепризу и доказывающія необходимость организаціи германской колоніальной арміи. Защитники этого проекта говорятъ, что Германія должна обладать достаточными силами въ своихъ африканскихъ колоніяхъ и даже послѣ того, какъ будетъ подавлено возстаніе въ западной Африкѣ, ей придется содержать тамъ войско, которое могло бы во всякое время поддерживать господство и престижъ Германіи, на случай новыхъ возможныхъ случайностей.

Германское колоніальное общество, организовавшее этотъ конгрессъ, носитъ полуофиціальный характеръ, такой же, какъ и пресловутая морская лига. Какъ общество, такъ и лига стараются о поддержаніи священнаго огня патріотизма въ германскомъ обществѣ, преслѣдуя этимъ извѣстныя опредѣленныя цѣли, и вызываемое ими національное возбужденіе иногда выражается такъ шумно, что порою это представляетъ уже неудобство даже для офиціальной политики канцлера, который желалъ бы нѣсколько умѣрить пылъ германскихъ патріотовъ. Но такой, подчасъ неудобный, избытокъ рвенія искупается тѣмъ, что патріоты все же могутъ оказывать германскому правительству большія услуги, когда бываетъ нужно повліять и увлечь общественное мнѣніе страны.

На конгрессѣ присутствовали только члены, но ихъ набралось до 900 человѣкъ. Тутъ были принцы и представители прусскаго юнкерства, военные и статскіе, дамы и духовныя лица, монахи и профессора, словомъ, публика собралась самая разнородная. Въ кулуарахъ рейхстага была устроена интересная выставка различныхъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ колоніальному вопросу, принадлежностей лагерной жизни въ колоніяхъ и даже анатомическихъ препаратовъ, демонстрирующихъ различныя колоніальныя болѣзни. Что касается рѣчей ораторовъ конгресса, то онѣ большею частью носили академическій характеръ, лишь вскользь касаясь злободневныхъ вопросовъ. Только генералъ фонъ-Либертъ, бывшій губернаторъ германской восточной Африки, выступилъ изъ области академическихъ разсужденій и прочелъ докладъ о будущности германскаго флота и о необходимости постройки военныхъ судовъ въ 16.000 тоннъ и выше. Это предложеніе будетъ внесено въ законопроектъ о флотѣ въ предстоящую сессію. Либертъ, явившійся на конгрессъ какъ делегатъ морской лиги, развивалъ ея взгляды на положеніе германскаго флота, на настоятельную необходимость его усиленія. Слабость германскаго флота, по его словамъ, доказывается тономъ англійской печати, коварною пограничною

политикой въ юго-западной Африкѣ, а также британскою морокскою политикой. Только сильный флотъ можетъ служить залогомъ мира, будущности и могущества германской націи! — воскликнулъ онъ.—Безъ флота Германія не можетъ имѣть колоній, а безъ колоній она будетъ парализована въ коммерческомъ отношеніи и будетъ сведена на печальную роль Австро-Венгріи. Когда Германія и на морѣ, какъ теперь на сушѣ, будетъ внушать къ себѣ уваженіе, то тогда осуществится девизъ лиги флота: «двадцатый вѣкъ принадлежитъ нѣмцамъ!» Конгрессъ вотировалъ соотвѣтствующую резолюцію, поддерживающую предложеніе Либерта. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такъ поступитъ и рейхстагъ, и, несмотря на оппозицію соціалъ-демократовъ и краснорѣчивыя рѣчи ихъ ораторовъ, законопроектъ объ усиленіи флота будетъ вотированъ — слишкомъ глубокіе корни пустилъ милитаризмъ въ душѣ каждаго нѣмца и идея міровой политики находитъ себѣ среди нихъ много сторонниковъ.

Почти одновременно съ колоніальнымъ конгрессомъ состоялись въ Германіи еще нѣсколько другихъ съѣздовъ, въ томъ числѣ собраніе и всеобщаго женскаго союза въ Галлѣ и Берлинѣ.

Въ Галлѣ — 23-е собраніе членовъ общегерманскаго женскаго союза прогрессивныхъ союзовъ старѣйшей организаціи, явившейся продуктомъ женскаго движенія, а въ Берлинѣ—первое общее собраніе нѣмецкаго союза женскаго избирательнаго права. Этотъ послѣдній союзъ, организованный всего годъ тому назадъ, уже успѣлъ проявить свою дѣятельность въ различныхъ направленіяхъ. Одна изъ докладчицъ, Лиди Густава Гейманъ, изъ Гамбурга говорила объ участіи женщинъ въ политическомъ голосованіи. Она признала, что политическій инстинктъ у женщинъ гораздо менѣе развитъ, нежели у мужчинъ и по этой именно причинѣ она пропустила въ XIX вѣкѣ моментъ, когда могла добиваться гражданскихъ правъ и, быть можетъ, получить ихъ. Теперь онѣ должны наверстать потерянное. «До сихъ поръ, прибавала она,— политическія событія проходили совершенно безслѣдно для женщинъ. Принято говорить еще и теперь, что женщинѣ некогда заниматься политикой, такъ какъ время ея занято домашними дѣлами. Но пока женщины не получатъ избирательныхъ правъ, до тѣхъ поръ онѣ будутъ находиться въ полнѣйшей зависимости отъ мужчины, и только тогда онѣ сдѣлаются важнымъ факторомъ въ жизни страны, когда получатъ политическія права. Въ Германіи есть гораздо больше политически образованныхъ женщинъ, нежели во Франціи и въ Англіи, и все же онѣ обнаруживаютъ большой политическій индиферентизмъ. Это должно быть измѣнено. Женщины, прежде всего, должны помогать мужчинамъ въ практической политической работѣ. Во время выборовъ женщины оказали большую помощь, какъ соціалъ-демократіи, такъ и центру, и мы привѣтствуемъ каждую женщину, которая работаетъ политически, все равно къ какой бы партіи она ни принадлежала». Свою рѣчь ораторша закончила восклицаніемъ: «Довольно словъ! Пора перейти къ дѣлу», т.-е. къ серьезной политической дѣятельности.

Прогрессивная печать сочувственно отнеслась и къ этому союзу, и къ

идеѣ политическаго равноправія женщинъ, настаивая на необходимости отмѣнить всѣ законные шлагбаумы и полицейскія загородки, которые стоятъ поперекъ дороги политической дѣятельности женщинъ. «Женщины должны добиваться этихъ правъ и помнить при этомъ, говоритъ одна изъ газетъ, что за всякое право надо бороться, такъ же какъ и за женское избирательное право. Только въ борьбѣ можно обрѣсти его и мы увѣрены, что время это недалеко».

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Англійскіе журналы о русско-японскомъ мирѣ.—Императоръ Вильгельмъ и отношеніе къ нему нѣмцевъ.—Германскій генеральный штабъ и гуманитарныя идеи.

Иностранные журналы еще не успѣли высказать свой взглядъ на происшедшія въ Россіи перемѣны и продолжаютъ обсуждать русско-японскій миръ, который явился самымъ крупнымъ событіемъ послѣдняго времени. Главнымъ образомъ занимаются этимъ англійскіе журналы. Одинъ изъ сотрудниковъ «Fortnightly Review», пишущій подъ псевдонимомъ Spektor, изслѣдуя вѣроятныя послѣдствія мира для Россіи, приходитъ къ заключенію, что ея потери были слишкомъ преувеличены, а выигрышъ совершенно не принимается во вниманіе. Въ сущности Россія отдала въ Кореѣ лишь то, чѣмъ она никогда не владѣла настоящимъ образомъ. Она вынуждена была покинуть Портъ-Артуръ, но это является не столько дѣйствительною потерей, сколько униженіемъ. На Сахалинѣ она возвращаетъ японцамъ лишь то, что было взято ею недавно и что вовсе не составляетъ исторической русской территоріи. Не тутъ, слѣдовательно, надо искать истинныхъ потерь Россіи, не въ уступкѣ этихъ территорій и Портъ-Артура. Самымъ важнымъ послѣдствіемъ пораженія Россіи въ русско-японской войнѣ является болѣе тѣсное англояпонское сближеніе, которое будетъ парализовать всѣ русскія авантюры въ Азіи, а также тѣ смуты, которыя были вызваны внутри государства сознаніемъ, что самодержавный бюрократическій строй привелъ Россію на край гибели. Все это создало новыя условія въ странѣ, съ которыми бюрократія и автократія должны волей неволей считаться. Далѣе авторъ развиваетъ мысль о сближеніи Англіи съ Россіей и Франціей и находитъ что это сближеніе не только желательно, но даже возможно, такъ какъ въ сущности всѣ тѣ вопросы, которые раздѣляютъ Англію и Россію, могли бы быть разрѣшены дружественнымъ образомъ и сближеніе обѣихъ странъ создало бы новый политическій базисъ, не только въ Азіи и на дальнемъ востокѣ, но и въ восточной Европѣ. По мнѣнію автора, близко время, когда подымется вопросъ о наслѣдіи Габсбурговъ, и въ интересахъ Россіи обмануть ожиданія Германіи, разсчитывающей воцариться на развалинахъ австро-венгерской имперіи.

Нѣкоторые изъ англійскихъ журналовъ предсказали выступленіе гр. Витте на политической аренѣ и введеніе конституціонной свободы въ Россіи. Но само собою разумѣется, что никто изъ нихъ не предвидѣлъ того, что произошло, и

во всѣхъ статьяхъ, предшествовавшихъ послѣднимъ событіямъ, говорилось лишь о Думѣ 6-го августа и высказывалась увѣренность, что путемъ неизбѣжной эволюціи Россія превратится *постепенно* въ конституціонное государство и Дума принудитъ правительство дать ей необходимыя гарантіи для этого. Но какъ эти гарантіи, въ видѣ необходимыхъ свободъ, такъ и русская конституція казались лишь отдаленнымъ этапомъ. Во всякомъ случаѣ русско-японская война, по мнѣнію журналовъ приблизила Россію къ этому этапу. Нѣкоторые журналы, напр. «American Monthly Review» очень пессимистично смотрятъ на ближайшее будущее Россіи. Американскій журналъ обвиняетъ царское правительство и бюрократію въ томъ, что они, дѣлаютъ шесть шаговъ впередъ и шесть назадъ, вслѣдствіе чего дѣло реформы топчется на одномъ мѣстѣ. Борократія волнуется и суетится, и хотя дѣлаетъ видъ, что идетъ впередъ, но въ сущности совсѣмъ не двигается ни на одинъ шагъ. Всѣ мѣропріятія, которыя могли бы внести хоть какое нибудь успокоевіе въ смуту, обуявшую умы, погибаютъ въ самомъ зародышѣ. Въ сущности бюрократія преслѣдуетъ только одну цѣль—сохраненіе своихъ привиллегій и поэтому она старается показать, будто она работаетъ надъ переустройствомъ учрежденій, заранѣе рѣшивъ, что она не будетъ ничего въ нихъ измѣнять. Она желаетъ выступить въ роли спасителя имперіи, выдвигая свое стремленіе сохранить порядокъ и въ тоже время, подъ рукою, создаетъ безпорядки, чтобы оправдать репрессіи. Вслѣдствіе этого, какая то таинственная сила, которая постоянно находится въ дѣйствіи, методически натравливаетъ одни элементы населенія на другіе, подстрекаетъ къ грабежамъ, насиліямъ, убійствамъ и распространяетъ революціонныя прокламаціи, изготовляющіяся въ правительственныхъ типографіяхъ. Примѣромъ такой дѣятельности является рѣзня на Кавказѣ, гдѣ до послѣдняго времени армяне и татары жили въ мирѣ. Благодаря такой дѣятельности русскаго правительства и бюрократіи, анархія и произволъ воцарились во всѣхъ углахъ Россіи, повсюду классъ возстаетъ противъ класса, раса противъ расы и гражданская война вспыхнула одновременно въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ обширнаго русскаго государства. Бунтъ на Потемкинѣ, баррикады въ Лодзи съ грудами мертвыхъ тѣлъ и умирающихъ, все это очень знаменительные симптомы и указываютъ близость соціальной катастрофы. Кто спасетъ Россію отъ этой все возрастающей опасности? Авторъ статьи полагаетъ, между прочимъ, что англояпонскій союзъ окажетъ услугу русской интеллигенціи въ томъ отношеніи, что онъ поможетъ сокрушенію зданія самодержавія, которое непремѣнно рушится, когда не будетъ находить поддержки во внѣшней политикѣ. Ореолъ внѣшняго могущества помогалъ держаться въ Россіи самодержавному строю и только русскояпонская война нанесла ему смертельный ударъ, раскрывъ всѣ язвы этого одряхлѣвшаго организма. Бѣдствія и пораженія зачастую приносятъ гораздо большую пользу народамъ нежели блестящія побѣды, и развитіе конституціонной свободы будетъ для Россіи прекрасною компенсаціей за всѣ потери, понесенныя ею на дальнемъ востокѣ. Весьма возможно, что въ будущемъ Россія будетъ благодарить судьбу за то, что она не вышла побѣдительницей изъ войны съ Японіей.

Изъ всѣхъ европейскихъ монарховъ самый большой интересъ всегда возбуждаетъ германскій императоръ Вильгельмъ II, который чаще его заставляетъ говорить о себѣ и больше всего задаетъ работы дипломатамъ. Какъ внѣшняя, такъ и внутренняя политика германскаго императора отличается стремительностью и извилистостью; это «политика зигзаговъ». Но она не можетъ похвалиться блестящими успѣхами и по словамъ барона Гекедорна, напечатавшаго въ «La Revue» очеркъ посвященный Вильгельму II, этотъ послѣдній, вопреки существующему мнѣнію вовсе не пользуется популярностью въ своемъ государствѣ. Ни одинъ прусскій король никогда не вызывалъ столько насмѣшекъ и порицаній, сколько сыплется ихъ на голову Вильгельма II. Понадобились бы цѣлые томы, чтобы воспроизвести всѣ эпиграммы, которыя, въ той или другой формѣ, расточаются по адресу императора. Самомнѣніе императора вызываетъ постоянныя насмѣшки. Правда, что его характеръ весь состоитъ изъ контрастовъ и онъ желаетъ, чтобы имъ постоянно занимались, чтобы всѣ взоры были на него обращены и чтобы всѣ повторяли его слова. Но критики на свой счетъ онъ не допускаетъ никакой и поэтому-то въ Германіи постоянно возникаютъ процессы за оскорбленіе величества. Онъ не допускаетъ никакихъ сомнѣній, ни въ своихъ знаніяхъ, ни въ своемъ авторитетѣ.

Чтобы избѣжать довольно грубыхъ ударовъ нѣмецкаго правосудія, нѣмецкіе художники изобрѣли остроумный способъ: они изображаютъ германскаго императора подъ видомъ фантастическаго монарха, могущественнаго властителя, покровителя наукъ, литературы и искусствъ и «всего того, въ чемъ онъ не смыслитъ ни крошки, но что постоянно даетъ ему случай высказывать самые изумительные афоризмы и самые монументальныя глупости». Нѣмецкая публика отлично понимаетъ, кто скрывается за этимъ псевдонимомъ, но правосудіе придраться не можетъ и публика безнаказанно хохочетъ надъ выходками напыщеннаго и самонадѣяннаго потентата. Но нѣмецкая широкая публика придумала еще другой псевдонимъ для Вильгельма II и подъ именемъ «Siegfrid Mayer'а» насмѣхается надъ нимъ. Инициалы этой вымышленной личности: S. M. означаютъ «Seine Majestaet», намекъ довольно прозрачный, но все-таки германскіе суды не могутъ найти тутъ предлога ко вмѣшательству.

По словамъ автора статьи Вильгельмъ II и въ своей собственной семьѣ не популяренъ. Его родная сестра, принцесса Шарлотта Саксенъ-Мейнингенская называетъ его шарлатаномъ, а его зять говоритъ про него, что онъ совершенно невмѣняемъ. Даже императрица однажды пожаловалась на его рѣзкость и вообще всѣ члены его семьи сочиняютъ на него эпиграммы и насмѣшливые куплеты, императоръ долженъ былъ не разъ убѣждаться, что ему очень трудно угодить своимъ близкимъ. Отношенія между нимъ и его близкими родственниками очень натянутыя. Что же касается его подданныхъ, то вотъ что, напримѣръ, отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, почтенный, пожилой человѣкъ, автору этихъ строкъ: «Многіе изъ вашихъ соотечественниковъ восхищаются нашимъ императоромъ. Очевидно онъ вамъ былъ бы пріятнѣе, чѣмъ намъ, такъ возьмите же его себѣ!»

Французскій военный критикъ, полковникъ Пикаръ, извѣстный по дѣлу Дрейфуса, помѣщаетъ въ «Gazette de Lausanne» статью, въ которой разбираетъ изданную недавно германскимъ генеральнымъ штабомъ брошюру «Kriegsbräuche in Landkriege» (Военные обычаи въ сухопутной войнѣ). Эта брошюра была написана уже послѣ конференціи мира и оправдываетъ повидимому отвѣтъ одного делегатовъ, сказавшаго, что кромѣ учрежденія третейскаго суда, конференціей почти ничего не достигнуто кромѣ благихъ пожеланій. Памфлетъ очевидно былъ изданъ германскимъ главнымъ штабомъ съ цѣлью противодѣйствія тому, что авторъ его называетъ «дегенеративною формой гуманитарныхъ идей». Съ первыхъ же страницъ становится ясно, что въ офиціальныхъ военныхъ кругахъ Германіи желаютъ протестовать противъ нѣкоторыхъ параграфовъ женевской конвенціи и противъ развитія того духа, проявленіемъ котораго служитъ гаагская конференція. Такъ напримѣръ, въ этомъ памфлетѣ, изданномъ германскимъ генеральнымъ штабомъ признается законность разстрѣливанія военноплѣнныхъ, не только въ случаѣ возмущенія и попытокъ къ бѣгству, но просто съ цѣлью репрессій или возмездія за подобные же или иные поступки врага. Затѣмъ, допускается разстрѣливаніе плѣнныхъ и подъ давленіемъ обстоятельствъ, ради собственной безопасности когда невозможно ихъ прокормить или нельзя оставлять въ заключеніи. Полковникъ Пикаръ указываетъ на такія постановленія, какъ на явное нарушеніе резолюцій, принятыхъ на гаагской конференціи, не говоря уже о томъ, что такой принципъ является очень опаснымъ оружіемъ въ рукахъ полководца, не обладающаго достаточнымъ хладнокровіемъ и щепетильностью, съ чѣмъ согласится каждый, кто обладаетъ хотя бы только незначительнымъ военнымъ опытомъ. Полковникъ Пикаръ возмущается также еще и другимъ постановленіемъ германскаго генеральнаго штаба, заявляющаго, наперекоръ рѣшеніямъ гаагской конференціи, что «каждый, въ странѣ, съ которою ведется война, можетъ быть *вынуждаемъ*, даже если онъ и не носитъ оружія, выдать военные секреты врагу, если они ему извѣстны и сообщить свѣдѣнія о движеніяхъ войска». Даже прусскій генеральный штабъ, издавшій такое постановленіе, считаетъ все-таки нужнымъ оговориться, что «требованія войны вынуждаютъ часто къ такому насилію, хотя многіе и осуждаютъ его». Вообще памфлетъ этотъ указываетъ, что германскій генеральный штабъ готовъ поощрять въ лицахъ военнаго званія, (конечно лишь во время войны?), всякое насиліе и произволъ столь возмущающіе общественную совѣсть. Воспитанные въ такихъ традиціяхъ военные не представляютъ благопріятной почвы для развитія гуманитарныхъ идей и во всякомъ случаѣ въ германскомъ войскѣ по прежнему царитъ бисмарковскій принципъ: «сила преобладаетъ надъ правами!»

ІЕНСКІЙ СЪѢЗДЪ ГЕРМАНСКИХЪ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТОВЪ.

(Письмо изъ Германіи).

I.

Іенскій партейтагъ былъ 16-мъ со времени паденія «исключительнаго закона о соціалистахъ». Нѣмецкая соціалъ-демократія собирается ежегодно на свои съѣзды, на которыхъ подводятся итоги дѣятельности партіи, обсуждаются новые способы борьбы, разбираются недостатки организаціи, освѣщаются съ соціалъ-демократической точки зрѣнія внутреннія и внѣшнія событія германской жизни, критикуются теченія, выплывающія въ партіи и пр. Короче говоря, съѣзды германской соціалъ-демократіи—высшая инстанція партіи, на которыхъ открыто, передъ всѣмъ міромъ, разбираются всѣ вопросы, волнующіе германскую рабочую партію. Нужно присутствовать на этихъ партейтагахъ, чтобы видѣть, какимъ демократизмомъ проникнута вся организація партіи. Вы здѣсь не встрѣтите того «Personencultus'а», который вы можете наблюдать на съѣздахъ бюргерскихъ партій. Съ одинаковымъ вниманіемъ делегаты съѣзда прислушиваются къ рѣчи заслуженнаго вождя Бебеля и рѣчи какого-нибудь неизвѣстнаго делегата отъ восточно-померанскихъ сельскихъ рабочихъ.

Іенскій партейтагъ ожидался многими съ большимъ нетерпѣніемъ. И неудивительно—на очереди дня стояли 2 такихъ важныхъ вопроса, какъ отношеніе профессіональнаго движенія къ соціалъ-демократіи и политическая массовая стачка. Еще задолго до съѣзда сознательные рабочіе въ своей прессѣ, на многочисленныхъ собраніяхъ обсуждали эти вопросы и принимали соотвѣтствующія резолюціи, которыя затѣмъ ставились на обсужденіе партейтага. Нѣмецкая рабочая масса съ большой надеждой смотрѣла на іенскій партейтагъ; она знала, что на послѣднемъ будутъ рѣшаться вопросы первостепенной важности, и надѣялась, что коллективный разумъ партіи разрѣшитъ эти сложные вопросы успѣшно. Съ другой же стороны, и нѣмецкая буржуазія надѣялась получить отъ іенскаго партейтага благопріятные для себя результаты. Она ждала и надѣялась, что въ Іенѣ повторятся сцены дрезденскаго партейтага, сцены глубоко-непріятнаго свойства и лишь идущія на пользу буржуазіи. «Іена будетъ вторымъ Дрезденомъ»—то и дѣло раздавалось на столбцахъ буржуазныхъ газетъ. Іенскій партейтагъ будетъ Іеной (т.-е. пораженіемъ—имѣется въ виду пораженіе пруссаковъ при Іенѣ въ 1806 г.) для соціалъ-демократіи: съ такими надеждами и чаяніями готовилась бюргерская пресса къ съѣзду соціалъ-демократіи. Но результаты іенскаго партейтага удовлетворили лишь надежды рабочаго класса. Надежды же буржуазіи окончательно разбиты. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, что это дѣйствительно такъ.

Порядокъ дня іенскаго партейтага былъ слѣдующій: 1) партійная оргатація, 2) отчетъ правленія партіи, 3) отчетъ соціалъ-демократической фрак-

ціи о своей дѣятельности въ рейхстагѣ, 4) первомайское празднованіе, 5) политическая массовая стачка и соціалъ-демократія. Послѣдніе два вопроса были гвоздемъ партейтага; первые же 3 пункта не представляютъ особеннаго интереса для русской читающей публики, а потому мы ихъ коснемся лишь вкратцѣ.

По организаціонному вопросу представилъ докладъ Фольмаръ. Онъ явился докладчикомъ выбранной въ прошломъ году, на бременскомъ партейтагѣ, коммиссіи для выработки новаго организаціоннаго устава. Старый организаціонный уставъ партіи, выработанный на съѣздѣ въ Галле, въ 1890 г., оказался, въ виду усложнившейся и расширившейся партійной дѣятельности, непригоднымъ. Ростъ партіи, проникновеніе идей соціалъ-демократіи въ самые глухіе углы Германіи—все это потребовало болѣе централистической организаціи, болѣе тѣснаго сплоченія отдѣльныхъ частей партіи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и былъ составленъ новый организаціонный уставъ, выработанный коммиссіей.

Почти всѣ ораторы на партейтагѣ высказались за большій централизмъ; партейтагъ почти единогласно принялъ проектъ организаціоннаго устава, выработанный коммиссіей. Приведемъ нѣкоторые, наиболѣе важные, пункты новаго устава. § 1. Членомъ партіи считается тотъ, кто солидаренъ съ основными положеніями партійной программы и поддерживаетъ партію денежными средствами втеченіе продолжительнаго срока. § 4. Основу организаціи въ каждомъ избирательномъ округѣ составляетъ соціалъ-демократическій ферейнъ, членомъ котораго долженъ быть всякій членъ партіи, живущій въ данномъ избирательномъ округѣ. § 5. Соціалъ-демократическіе ферейны объединяются, какъ въ окружные союзы, такъ и въ союзы по отдѣльнымъ государствамъ Германской Имперіи. § 11. Партейтагъ представляетъ собою высшее представительство партіи.

Второй вопросъ, занимавшій партейтагъ, былъ разборъ отчета правленія партіи. Этотъ отчетъ, опубликованный еще за мѣсяцъ до съѣзда, содержитъ въ себѣ полный перечень всего того, что было сдѣлано партіей за время отъ прошлаго партейтага. Приведемъ изъ отчета нѣкоторыя данныя. Число членовъ соціалъ-демократическихъ ферейновъ значительно возросло въ теченіе отчетнаго года. Такъ, въ Вюртембергѣ въ 1902 г. было 7.211 членовъ соціалъ-демократическихъ ферейновъ; въ январѣ 1904 г. уже 11.839. Въ Гамбургѣ число политически организованныхъ рабочихъ было въ 1903 году 16.441, а въ 1904 г. — 18.186. Въ Саксоніи число членовъ соціальдемократическихъ ферейновъ превышаетъ 50.000. Но все-таки, признаетъ отчетъ, если сравнить число членовъ ферейновъ съ числомъ поданныхъ за соціалъ-демократію на выборахъ въ рейхстагъ голосовъ, то получится, что число политически организованныхъ рабочихъ не велико. Дальше отчетъ констатируетъ, что агитація, распространеніе брошюръ, первомайское празднованіе приняли въ отчетномъ году бóльшіе размѣры, чѣмъ въ прошлые годы. Разныхъ брошюръ и прокламацій было выпущено въ отчетномъ году около двухъ милліоновъ экземпляровъ. Центральный органъ партіи «Vorwärts» (Впередъ) имѣетъ около 90.000 подписчиковъ. Число подписчиковъ научнаго журнала «Neue Zeit» растетъ:

въ 1904 г. оно равнялось 3.700; въ 1905 г. — 5.100. Общее число подписчиковъ всей соціалъ-демократической прессы равнялось въ 1904 г. 620.282, а въ 1905 г.—679.152. Что касается состоянія кассы, то отчетъ рисуетъ его въ слѣдующемъ видѣ. Всего было получено въ партійную кассу въ теченіе отчетнаго года 723.069 марокъ; израсходовано было 499.118 марокъ. Изъ статей расхода отмѣтимъ: на агитацію — 111.284 марки; расходы по рейхстагу—39.827 марокъ. Молькенбуръ, одинъ изъ старыхъ и видныхъ членовъ партіи, дѣлалъ отъ имени Partei-vorstand'a комментаріи къ отчету. Онъ, главнымъ образомъ, указывалъ на все усиливающуюся реакцію въ Германіи и на необходимость рабочему классу вести болѣе усиленную агитацію. «Мы не должны терять ни одной минуты!» — восклицаетъ посѣдѣвшій въ бояхъ партіи Молькенбуръ. «Мы должны,—продолжаетъ онъ,—быть настороже̌, мы видимъ быстрое экономическое развитіе, мы видимъ, какъ все, что прежде казалось устойчивымъ, шатается. Мы должны напречь всѣ силы для борьбы съ ростовщическимъ тарифомъ, для отраженія покушеній на права рабочаго класса. Мы должны указывать на то, что капитализмъ гигантскими шагами ведетъ къ такому положенію вещей, при которомъ необходима будетъ экспропріація экспропріаторовъ... Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ партія можетъ и должна удвоиться!»

При обсужденіи отчета парламентской фракціи о дѣятельности въ рейхстагѣ касались многихъ темныхъ сторонъ нѣмецкаго парламентаризма. Бернштейнъ, Ледебуръ и др. указывали на хроническое отсутствіе требуемаго числа депутатовъ въ рейхстагѣ, на ничтожную роль интерпелляціоннаго права въ германскомъ рейхстагѣ, на отсутствіе діэтъ, на остающееся еще до сихъ поръ въ силѣ предпринятое во время извѣстныхъ парламентскихъ засѣданій въ декабрѣ 1902 г. нарушеніе основныхъ правилъ веденія дѣлъ въ рейхстагѣ и пр.

II.

Дебаты по вопросу о первомайскомъ празднествѣ продолжались $1^1/_2$ дня. Въ прежніе годы этотъ пунктъ не отнималъ на съѣздахъ столько времени. Чѣмъ же объяснить, что въ этомъ году этотъ вопросъ вызвалъ такіе продолжительные и оживленные дебаты? А объясняется это тѣмъ, что этотъ вопросъ разбирался въ связи съ другимъ, болѣе общимъ вопросомъ, вопросомъ объ отношеніи профессіональнаго движенія къ соціалъ-демократіи. Поводомъ къ обсужденію этого вопроса на іенскомъ партейтагѣ послужилъ послѣдній кельнскій конгрессъ такъ называемыхъ «свободныхъ» профессіональныхъ союзовъ. На этомъ съѣздѣ, какъ извѣстно, дали себя чувствовать разногласія между партіей и профессіональными рабочими союзами. Эти разногласія больше всего обнаружились въ вопросѣ о томъ, какимъ образомъ должны рабочіе праздновать первомайскій праздникъ. Какъ извѣстно, первомайскій рабочій праздникъ былъ установленъ парижскимъ международнымъ соціалистическимъ конгрес-

сомъ. На этомъ съѣздѣ была принята слѣдующая резолюція: «назначается великая международная манифестація въ разъ установленное число такимъ образомъ, чтобы разомъ во всѣхъ странахъ и во всѣхъ городахъ въ одинъ установленный день трудящіеся предъявили общественнымъ властямъ требованіе ограниченія закономъ рабочаго дня до восьми часовъ, а также выполненія всѣхъ другихъ постановленій международнаго конгресса въ Парижѣ». Всѣ послѣдовавшіе за парижскимъ конгрессомъ интернаціональные соціалистическіе съѣзды еще болѣе развивали эту мысль и установили, что наиболѣе достойная форма первомайскаго празднованія — это отдыхъ отъ труда въ день 1-го мая. Необходимо помнить, что на интернаціональныхъ конгрессахъ присутствуютъ и представители профессіональныхъ организацій и, стало быть, вопросъ о первомайскомъ праздникѣ рѣшался обѣими частями современнаго рабочаго движенія — и профессіональной, и политической организаціями. Въ Германіи первомайское празднество принимало во многихъ мѣстахъ форму забастовки и въ этомъ вопросѣ не существовало разногласій между соціалъ-демократической партіей и профессіональной организаціей. Но въ послѣдніе годы начала замѣчаться въ рядахъ членовъ профессіональныхъ организацій агитація противъ празднованія 1-го мая путемъ забастовки. Агитація въ пользу отмѣны забастовки исходила изъ того, что первомайское празднество не даетъ никакихъ реальныхъ результатовъ пролетаріату, что оно вызываетъ лишь репрессіи со стороны предпринимателей, что жертвы первомайскаго празднества обходятся классамъ союзовъ очень дорого, что, словомъ, оно, первомайское празднество, для профессіональныхъ организацій не имѣетъ никакой цѣны. На кэльнскомъ конгрессѣ эти мысли были высказаны многими ораторами. Референтъ по вопросу о первомайскомъ празднествѣ въ Кэльнѣ, Робертъ Шмидтъ, говорилъ: «мы считаемся не съ нашимъ настроеніемъ, а съ чисто практическими соображеніями». Одинъ изъ вожаковъ профессіональнаго движенія, Брингманнъ писалъ въ одной брошюрѣ: «первомайскій праздникъ, какъ самоцѣль, ни къ чему не годится... Отдыхъ отъ труда въ день 1-го мая дѣйствуетъ на профессіональные рабочіе союзы, какъ наростъ на человѣческій организмъ. Мы должны выступить противъ рѣшеній интернаціональныхъ конгрессовъ и соціалъ-демократическихъ партейтаговъ; мы должны объявить, что забастовка въ день 1-го мая крайне вредна для профессіональнаго движенія».

Такого рода отношеніе профессіональныхъ союзовъ къ первомайскому празднованію и другія подобныя явленія указывали на то, что въ нѣмецкое профессіональное движеніе начинаютъ проникать тенденціи, сходныя съ тенденціями англійскихъ трэдъ-юніоновъ. Въ Германіи профессіональное движеніе шло всегда рука объ руку съ политической организаціей рабочихъ, т.-е. соціалъ-демократіей. Первые профессіональные союзы были основаны членами соціалъ-демократической партіи. Въ отличіе отъ Англіи, гдѣ до самаго послѣдняго времени трэдъ-юніоны тащатся въ хвостѣ англійскаго либерализма, нѣмецкіе профессіонально-организованные рабочіе поддерживали соціалъ-демократію. Въ Германіи профессіональная борьба и политическая борьба рабочихъ тѣсно сплетены между собой. Вожаки нѣмецкихъ профессіональныхъ органи-

зацій являются вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятелями въ соціалъ-демократической партіи. Нѣмецкая соціалъ-демократія всегда признавала, что обязанность членовъ партіи основывать профессіональные союзы. Но если въ Германіи, въ противоположность Австріи и Даніи, профессіональное и политическое движеніе не объединены въ одной организаціи, то это объясняется тѣмъ, что въ Германіи закономъ запрещено заниматься политикой въ профессіональныхъ союзахъ. Это обстоятельство привело къ тому, что часть германскихъ соціалъ-демократовъ проповѣдывала теорію такъ называемой «нейтрализаціи» профессіональныхъ союзовъ; теорія, состоящая въ томъ, что профессіональные союзы должны быть «нейтрализованы» отъ политики, что они должны объединять рабочихъ различныхъ убѣжденій. У многихъ вожаковъ профессіональныхъ организацій защита «нейтрализаціи» доходила до того, что они старались всяческими мѣрами выгонять изъ сферы обсужденія профессіональныхъ организацій всякаго рода разсужденія о «политикѣ» и о конечныхъ цѣляхъ рабочаго движенія. Такъ получился въ Германіи типъ Nur-gewerkschaftler'а, типъ дѣятеля, для котораго состояніе и успѣхъ данной профессіональной организаціи отодвинули всѣ остальные элементы рабочаго движенія на задній планъ, для котораго профессіональное движеніе не палліативъ по сравненію съ конечной цѣлью пролетарскаго движенія, а самоцѣль. Такого рода взгляды, какъ мы уже видѣли защищались на кэльнскомъ конгрессѣ. Два антипода въ германской соціалъ-демократической партіи — ортодоксальный марксистъ Карлъ Каутскій и «ревизіонистъ» Эльмъ сошлись въ оцѣнкѣ обнаружившагося въ профессіональномъ движеніи новаго теченія. Каутскій писалъ: «тенденціи, обнаружившіяся на кэльнскомъ конгрессѣ, могутъ повести прямо къ тому мѣсту, гдѣ находятся англійскіе профессіональные союзы». Эльмъ же писалъ: «Послѣ Кэльна я могу только сказать: нѣмецкое профессіональное движеніе стоитъ передъ опасностью пойти по стопамъ англійскаго профессіональнаго движенія. Вожаки большихъ профессіональныхъ союзовъ начинаютъ, какъ въ Англіи, разсматривать свое отношеніе къ общимъ вопросамъ съ чисто коммерческой точки зрѣнія. Идеальный моментъ все больше и больше отступаетъ на задній планъ». Подъ идеальнымъ моментомъ подразумѣвается конечная цѣль пролетарскаго движенія.

Въ виду этого ясно, что соціалъ-демократическая партія должна была на своемъ партейтагѣ подвергнуть разбору вопросъ объ отношеніи профессіональнаго движенія къ соціалъ-демократіи, должна была принять мѣры къ тому, чтобы предотвратить ту опасность, о которой говоритъ Эльмъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ нѣмецкаго профессіональнаго движенія. На іенскомъ партейтагѣ по вопросу о первомайскомъ празднованіи реферировалъ депутатъ рейхстага Рихардъ Фишеръ. Послѣдній прежде всего критиковалъ доводы въ пользу отмѣны празднованія 1-го мая путемъ забастовки. Фишеръ привелъ слѣдующія данныя о числѣ пострадавшихъ рабочихъ за первомайскую забастовку въ 1901 году—1.593 рабочихъ; въ 1902 г.—4.378; въ 1903—3.710. «Да, говоритъ Фишеръ, это безспорно значительныя цифры, но все же никто изъ

профессіональныхъ дѣятелей мнѣ не будетъ противорѣчить, если я скажу, что въ сравненіи съ общимъ профессіональнымъ движеніемъ это такія ничтожныя цифры, которыя никакъ не оправдываютъ измѣненіе отношенія профессіональныхъ союзовъ къ первомайскому празднику». «Кромѣ того, продолжаетъ Фишеръ, первомайскій праздникъ есть часть соціалъ-демократическаго исповѣданія, которую вносятъ профессіональные союзы; онъ показываетъ, что профессіональные союзы объявляютъ свою солидарность съ интернаціональнымъ соціализмомъ, что они съ нами, несмотря на различіе задачъ и путей, имѣютъ одну общую цѣль: уничтоженіе буржуазнаго общества, сокрушеніе наемнаго труда, переходъ средствъ производства во владѣніе общества». Дальше Фишеръ доказываетъ на основаніи вѣскихъ данныхъ, что первомайское празднованіе съ каждымъ годомъ находитъ все больше и больше сторонниковъ среди нѣмецкой рабочей массы, что идея «праздника труда» вошла въ плоть и кровь нѣмецкихъ рабочихъ. «Первомайскій праздникъ, говоритъ Фишеръ, не имѣетъ такого большого экономическаго значенія; въ немъ больше всего обнаруживается религіозный, этическій моментъ; онъ выдвигаетъ на первый планъ культурный вопросъ и именно «потому этотъ праздникъ нашелъ такой живой откликъ въ сердцахъ нѣмецкихъ рабочихъ». «Отказаться отъ перваго мая значитъ совершить политическое самоубійство!»—восклицаетъ Фишеръ. Затѣмъ Фишеръ переходитъ къ отношенію профессіональнаго движенія къ соціалъ-демократіи и выражаетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ въ слѣдующихъ словахъ: «всякій, кто соціалистически мыслитъ и чувствуетъ, долженъ будетъ признать, что появившимся за послѣднее время теченіямъ въ профессіональномъ движеніи долженъ быть положенъ конецъ. По этому я думаю, настоятельный долгъ работающихъ въ профессіональныхъ организаціяхъ членовъ партіи все свое вниманіе обратить на то, чтобы наряду со строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей по отношенію къ профессіональнымъ организаціямъ, вести усиленную проповѣдь соціалъ-демократическихъ идей въ профессіональныхъ союзахъ. Они должны всегда знать, что вся ихъ дѣятельность въ области профессіональнаго движенія имѣетъ только значеніе палліатива». Въ послѣдующихъ послѣ реферата Фишера дебатахъ обнаружилось истинное мнѣніе подавляющаго большинства партіи. Почти и всѣ ораторы указывали на отчужденность профессіональнаго движенія отъ партіи, на враждебное отношеніе нѣкоторыхъ профессіональныхъ организацій къ политикѣ, на то, что нѣкоторые такъ наз. gewerkschaftsbeamte дѣйствуютъ принижающе на революціонное сознаніе пролетаріата, на развивающіеся въ профессіональныхъ организаціяхъ цеховые, узкіе взгляды и пр. Почти всѣ ораторы сходились въ томъ, что партія и профессіональное движеніе должны быть крѣпко связаны между собою, что въ ряды профессіонально организованныхъ рабочихъ нужно нести пропаганду идей соціализма, что идея первомайскаго праздника съ каждымъ годомъ расширяется и пр. Къ этому вопросу была почти единогласно принята резолюція, часть которой мы и приводимъ здѣсь: «первомайское празднованіе является демонстраціей для защиты классовыхъ требованій и классовой борьбы пролетаріата, а также стремленія къ

международному миру. Эта демонстрація должна быть общей задачей всѣхъ и профессіональныхъ рабочихъ».

III.

Слѣдующій вопросъ, занимавшій партейтагъ, былъ вопросъ о политической массовой стачкѣ. Этотъ вопросъ, столь волнующій въ настоящее время германскую соціалъ-демократію, получилъ свою остроту только втеченіе послѣдняго года. Исторія этого вопроса является нагляднымъ показателемъ того, что германская соціалъ-демократія не является слѣпой хранительницей старыхъ доктринъ и не желаетъ отказаться отъ новыхъ способовъ борьбы, если къ тому обстоятельства вынуждаютъ. Въ вопросѣ о политической стачкѣ обнаружилось, что соціалъ-демократія не можетъ и не должна удовлетвориться своими старыми способами борьбы. Когда въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ рядахъ германскихъ соціалъ-демократовъ появилось теченіе, извѣстное подъ именемъ «молодые», которые проповѣдывали необходимость генеральной стачки, то вся партія отнеслась самымъ отрицательнымъ образомъ къ этой пропагандѣ. Ауэръ, одинъ изъ главныхъ членовъ партіи, назвалъ генеральную стачку генеральной безсмыслицей (Generalstreik ist Generalunsinn), и съ этой характеристикой соглашалась вся партія. Правда, «молодые» и родственные имъ по духу современные «анархо-соціалисты» видѣли въ генеральной стачкѣ средство для соціальнаго переворота, средство, примѣненіе котораго можетъ окончательно разрушить капиталистическій строй и водворить на его мѣстѣ соціалистическій. Но и на *политическую* массовую стачку нѣмецкая соціалъ-демократія смотрѣла отрицательно. Доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что когда въ 1896 г. Парвусъ въ «Neue Zeit» разъяснялъ ту мысль, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ случаѣ «революціи сверху», пролетаріату нужно прибѣгнуть къ политической массовой стачкѣ, онъ, Парвусъ, былъ многими осмѣянъ. Что же мы видимъ теперь? Все то, что прежде казалось утопичнымъ, смѣшнымъ и вреднымъ, одобряется подавляющимъ большинствомъ партейтага. Какія же обстоятельства, какія же измѣненія въ соціально-политической жизни Германіи привели къ тому, что вопросъ о массовой стачкѣ сдѣлался для германскихъ соціалъ-демократовъ жгучимъ вопросомъ дня? Выясненію этого и былъ посвященъ рефератъ Бебеля на іенскомъ партейтагѣ.

Бебель нарисовалъ въ своемъ рефератѣ картину всего современнаго состоянія политическихъ и соціальныхъ отношеній въ Германіи. Остановимся подробнѣе на этомъ рефератѣ. «Что случилось, что вынуждаетъ насъ выяснить свое отношеніе къ политической массовой стачкѣ?»—спрашиваетъ Бебель въ началѣ своего реферата.—«Выборы въ рейхстагъ въ 1903 г. несомнѣнно вызвали извѣстное измѣненіе въ нашихъ политическихъ условіяхъ». На дрезденскомъ партейтагѣ былъ поднятъ вопросъ, должна-ли рабочая партія, въ виду колоссальныхъ успѣховъ на выборахъ, принять новую тактику, и многіе соціалъ-

демократы думали, что отношеніе партіи къ буржуазіи должно измѣниться. Бебель-же думаетъ, что, хотя число голосовъ, поданныхъ за соціалъ-демократіи, сильно увеличилось, а также и число мандатовъ возросло, все-же соціалъ-демократія въ рейхстагѣ занимаетъ то-же положеніе, что и прежде. «Соотношенія голосовъ въ рейхстагѣ,—говоритъ Бебель,—остались старыя. Какъ и прежде партія центра самая вліятельная». Дальше, всѣ надежды на образованіе «большой партіи лѣвыхъ», въ которую входили-бы весь буржуазный либерализмъ и соціалъ-демократія, разрушились. Образованіе либеральной партіи, по мнѣнію Бебеля,—утопія. «Классовыя противорѣчія, со времени 1903 г. настолько обострились, что капитализмъ и его политическій представитель, либерализмъ, всегда, когда онъ стоитъ передъ дилеммой: съ соціалъ-демократіей или противъ нея идти, всегда идетъ противъ нея; и это дѣлается изъ-за страха передъ соціалъ-демократіей». Что же касается партіи центра, то и послѣдняя не надежна въ вопросѣ о защитѣ народныхъ правъ. «У всѣхъ буржуазныхъ партій замѣчается отрицательное отношеніе къ соціальному законодательству; и это объясняется тѣмъ, что, по мнѣнію буржуазіи, соціальныя реформы не искореняютъ соціализма». «Если мы вносимъ, такъ думаютъ буржуазныя партіи, разумные законы, то соціалъ-демократія за нихъ голосуетъ, но мы отъ этого ничего не выигрываемъ». Всюду, доказываетъ Бебель, усиливается реакція. «Домъ господъ» недавно вынесъ резолюцію противъ всеобщаго избирательнаго права, а также выразилъ пожеланіе, чтобы въ рейхстагъ былъ внесенъ новый «каторжный законопроектъ». Что же касается союзовъ предпринимателей, то они съ 1903 года увеличились въ силѣ и значеніи. Имѣются союзы промышленниковъ, въ которыхъ всѣ промышленники данной отрасли производства объединены. «Классовой характеръ, классовое сознаніе нѣмецкой буржуазіи, говоритъ Бебель, превышаютъ классовое самосознаніе нѣмецкаго пролетаріата». И, сдѣлавши обзоръ всему соціальному положенію Германіи, Бебель приходитъ къ выводу, что классовыя противорѣчія обостряются. «И объ этомъ мы не должны жалѣть, доказываетъ Бебель, ибо вслѣдствіе этого создается ясная ситуація, при которой всякое колебаніе, всякое затушевываніе, всякій компромиссъ не имѣютъ мѣста. Наша агитація, продолжаетъ Бебель, принимала во многихъ случаяхъ не желательное направленіе. Мы на этомъ партейтагѣ, восклицаетъ вождь партіи, должны создать ясность, должны всѣ знать, что намъ предстоитъ дѣлать, мы должны знать, что мы стоимъ передъ такимъ положеніемъ вещей, которое съ необходимостью повлечетъ къ катастрофамъ, если только рабочій классъ, благодаря его числу, его развитію и силѣ будетъ такъ могучъ, что онъ разъ навсегда отобьетъ у противниковъ своихъ охоту вызывать катастрофы. Очень ошибаются тѣ, которые утверждаютъ, будто соціалъ-демократія подготовляетъ революціи. Ничего подобнаго! Развѣ мы можемъ быть заинтересованы въ томъ, чтобы вызывать катастрофы, во время которыхъ рабочіе больше всего страдаютъ?» Но не только экономическія классовыя противорѣчія растутъ; растутъ также и политическія. «Буржуазія никакъ не понимаетъ, какъ можно при все усиливающихся классовыхъ

*

противорѣчіяхъ оставить въ силѣ всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право». Промышленная буржуазія, благодаря своему могуществу, становится господиномъ положенія. «Либерализмъ, и главнымъ образомъ, національ-либералы, не является дѣйствительнымъ защитникомъ всеобщаго избирательнаго права. Центръ-же за всеобщее избирательное право до тѣхъ поръ, пока онъ имѣетъ большинство въ рейхстагѣ; но какъ только соціалъ-демократія пріобрѣтетъ большинство, центръ измѣнитъ своимъ принципамъ и будетъ за уничтоженіе всеобщаго избирательнаго права». «Мы видимъ, говоритъ Бебель, что всѣ буржуазныя партіи объединяются, что разногласія въ ихъ средѣ все больше и больше стушевываются. Классическимъ примѣромъ этому служатъ выборы въ 1903 году. Современное положеніе вещей таково, что существуетъ только два лагеря: соціалъ-демократія и буржуазія. О союзѣ этихъ двухъ партій не можетъ быть и рѣчи; и вотъ, исходя изъ этого, всѣ буржуазныя партіи, безъ различія направленій основали «имперскій союзъ для борьбы съ соціалъ-демократіей». Такова ситуація, заключаетъ Бебель; и всякій наблюдательный Genosse долженъ спросить себя, достаточны-ли тѣ тактическія средства, которыми мы пользовались до сихъ поръ. И вотъ такимъ-то образомъ и выплылъ на поверхность вопросъ о политической массовой стачкѣ. «Въ выясненіи этого вопроса одинаково заинтересованы какъ партія, такъ и профессіональные союзы; члены послѣднихъ потому, что они также граждане, и, какъ таковые, они живо заинтересованы въ состояніи политическихъ условій государства. Было-бы неслыханнымъ зрѣлищемъ, еслибъ такая могущественная сила, какъ современное рабочее движеніе, позволило-бы отобрать у себя элементарныя права». Затѣмъ Бебель переходитъ къ разсмотрѣнію всякихъ видовъ генеральной стачки. Что касается генеральной стачки, проповѣдуемой анархистами, то она является утопіей. Вопросъ о *политической* массовой стачкѣ уже обсуждался на интернаціональныхъ соціалистическихъ конгрессахъ. На конгрессѣ въ Цюрихѣ въ 1893 г. была принята слѣдующая резолюція: «Массовыя стачки могутъ быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ дѣйствительнымъ орудіемъ не только въ экономической, но и въ политической борьбѣ». Бебель доказываетъ, что въ Германіи могутъ наступить времена, когда придется прибѣгнуть къ политической массовой стачкѣ. «Политическая массовая стачка, говоритъ Бебель, имѣетъ не только теоретическое значеніе, но и практическое въ видѣ средства, которое можетъ быть употреблено при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Мы не провоцируемъ, мы только защищаемся!» На основаніи разныхъ историческихъ справокъ Бебель приходитъ къ тому выводу, что политическія массовыя стачки приносили пользу. Бельгійская стачка 1891 г. имѣла успѣхъ. Стачка австрійскихъ горныхъ рабочихъ окончилась успѣшно и достигла законодательнаго установленія 9-тичасового рабочаго дня. Шведская генеральная стачка тоже не безуспѣшно окончилась. «Конечно, говоритъ Бебель, необходимо предварительно хорошо съорганизоваться. Мы того мнѣнія: прежде чѣмъ выступить въ бой, мы должны основательно организовать, политически и экономически просвѣщать, сдѣлать массу сознательной и способной

оказать сопротивленіе; мы должны рабочую массу воодушевить и подготовить ее къ тому моменту, когда намъ придется рабочему заявить: «ты долженъ все на карту поставить, ибо дѣло идетъ о жизненномъ вопросѣ для тебя, для тебя, какъ человѣка, какъ отца семейства, какъ гражданина. И недостоинъ, ничтоженъ тотъ рабочій классъ, который позволитъ безнаказанно попирать себя! Вспомните іюньскую битву, коммуну, Россію!..» «И, добавляетъ Бебель, мы не думаемъ, что путемъ генеральной стачки разрушимъ буржуазный строй; нѣтъ, мы боремся за реальныя права, за необходимыя жизненныя условія рабочаго класса, безъ которыхъ онъ политически жить не можетъ».

Такова суть четырехчасовой рѣчи Бебеля. Въ дебатахъ только нѣкоторые выступили противъ выводовъ Бебеля. Гейне указывалъ, что политическая массовая стачка въ Германіи кончится неуспѣшно для рабочихъ; Робертъ Шмидтъ указываетъ на то, что въ случаѣ покушенія на права рабочихъ, соціалъ-демократія прибѣгнетъ къ тѣмъ же средствамъ борьбы, что и при «Socialistengesetz'ѣ т. е. къ подпольной дѣятельности. Подавляющее большинство ораторовъ высказывалось въ духѣ Бебеля. Самое лучшее впечатлѣніе произвела рѣчь Эльма. Этотъ видный дѣятель въ области профессіональнаго движенія и коопераціи понялъ, что въ Германіи «не все обстоитъ благополучно». «Не будемъ, говоритъ Эльмъ, обманываться, товарищи! Въ широкихъ кругахъ буржуазныхъ партій господствуетъ стремленіе отнять у насъ всеобщее избирательное право. Уже во время дебатовъ по поводу таможеннаго тарифа я замѣчалъ это. Шмидтъ говоритъ: «если это случится, мы будемъ употреблять практику, какую употребляли при «исключительномъ законѣ». Но вѣдь положеніе вещей теперь совсѣмъ другое Въ продолженіе 12 лѣтъ «исключительнаго закона» мы все же имѣли всеобщее избирательное право, мы могли открыто аггитировать. Съ лишеніемъ же избирательнаго права у насъ одновременно отнимутъ свободу печати, собраній и коалицій. Мы должны заранѣе быть готовы отразить нападенія противниковъ путемъ массовой стачки. Мы должны помнить, что къ намъ пристанутъ и неорганизованныя рабочія массы, и часть буржуазіи. Мы, конечно, не хотимъ проливать кровь, но враги наши толкнутъ насъ на это. Если ужъ дойдетъ до того, мы тогда своей жизнью пожертвуемъ за свободу».

Какъ извѣстно, резолюція Бебеля была принята подавляющимъ большинствомъ партейтага. Резолюція эта гласитъ:

«При стремленіи господствующихъ классовъ и властей не допускать рабочій классъ до законнаго вліянія на общественный порядокъ дѣлъ въ государствѣ, или лишать его этого вліянія, поскольку онъ уже пріобрѣлъ таковое черезъ своихъ представителей въ парламентскихъ представительныхъ учрежденіяхъ и сдѣлать такимъ образомъ рабочій классъ политически и экономически безправнымъ и безсильнымъ,

«Съѣздъ считаетъ необходимымъ высказаться, что настоятельная обязанность всего рабочаго класса состоитъ въ томъ, чтобы всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами выступать противъ всякаго покушенія на его

человѣческія и гражданскія права и всегда вновь требовать полнаго равноправія.

«Въ особенности же опытъ показалъ, что господствующія партіи, вплоть до самаго лѣваго крыла буржуазной, являются противниками всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, что они его только терпятъ, но постараются тотчасъ же отмѣнить или урѣзать, какъ только увидятъ, что оно составляетъ опасность для ихъ господства. Отчего и происходитъ ихъ сопротивленіе противъ распространенія всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права на отдѣльныя государства (Пруссію и др.) и даже урѣзываніе существующихъ отсталыхъ избирательныхъ законовъ изъ страха передъ такимъ еще незначительнымъ вліяніемъ рабочаго класса въ парламентскихъ представительныхъ учрежденіяхъ.

«Принимая въ соображеніе, что именно всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право является предварительнымъ условіемъ дальнѣйшаго нормальнаго политическаго развитія общества, какое представляетъ собою и полная свобода союзовъ для экономическаго подъема рабочаго класса, принимая затѣмъ во вниманіе, что рабочій классъ, благодаря своему постоянно возрастающему числу, своей интеллигентности и своему труду для экономической и соціальной жизни всего народа, а также и своими матеріальными и физическими жертвами, которыя ему приходится приносить ради военной обороны страны, составляетъ главный факторъ въ современномъ обществѣ,—онъ долженъ требовать не только сохраненія, но также и распространенія всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права на всѣ представительныя учрежденія въ смыслѣ соціалъ-демократической программы и обезпеченія полной свободы союзовъ.

«Согласно этому съѣздъ заявляетъ, что именно въ случаѣ покушенія на всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право или на свободу союзовъ, обязанностью всего рабочаго класса является настойчиво примѣнять всѣ подходящія средства для отпора.

«Однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ борьбы для предотвращенія подобнаго тактическаго преступленія по отношенію къ рабочему классу или для завоеванія себѣ важнаго, основного права для своего освобожденія, партейтагъ, въ данномъ случаѣ, считаетъ самое широкое примѣненіе массовой забастовки.

«Но для того, чтобы это средство борьбы было возможно и болѣе дѣйствительно, безусловно необходимо наибольшее расширеніе политической и профессіональной организаціи рабочаго класса и неустанное обученіе и просвѣщеніе массъ посредствомъ рабочей прессы и устной и письменной агитаціи. Эта агитація должна разъяснить важность и необходимость политическихъ правъ рабочаго класса, въ особенности же всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права и полной свободы союзовъ, съ указаніемъ на классовый характеръ государства и общества и на ежедневныя злоупотребленія, которыя совершаютъ господствующіе классы и власти, благодаря исключительному обладанію политической властью».

Принятіемъ этой резолюціи нѣмецкая соціалъ-демократія увеличила способы классовой борьбы еще однимъ новымъ способомъ. Нѣмецкая соціалъ-демократія своимъ обсужденіемъ вопроса о политической массовой стачкѣ имѣла двоякую цѣль; съ одной стороны, указать рабочимъ на серьезный и чреватый важными послѣдствіями историческій моментъ, ими переживаемый, вызвать у рабочихъ стремленіе къ организаціи и расширенію своей силы. Съ другой-же стороны, нѣмецкая соціалъ-демократія имѣла цѣлью объявить буржуазнымъ партіямъ Германіи: «остерегайтесь! Знайте, что рабочій классъ не позволитъ отнять свои элементарныя права!».

Все вышеизложенное, надѣемся, позволяетъ намъ сдѣлать тотъ выводъ, который мы сдѣлали уже въ началѣ статьи, а именно, что буржуазныя партіи жестоко ошиблись, надѣясь на «Іену» въ Іенѣ, на ростъ «ревизіонизма» въ партіи, на отдѣленіе профессіональнаго движенія отъ соціалъ-демократіи.

Ни одинъ соціалъ-демократическій партейтагъ не прошелъ такъ блестяще, съ такимъ сознаніемъ необходимости тѣснаго сплоченія всѣхъ элементовъ въ партіи, какъ іенскій; всѣ сознавали, что современныя соціально-политическія условія Германіи требуютъ усиленія старыхъ методовъ классовой борьбы и включенія новыхъ, болѣе дѣйствительныхъ орудій борьбы. Вся партійная пресса отмѣчаетъ глубокое удовлетвореніе результатами іенскаго партейтага и считаетъ, что послѣдній займетъ одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи германской соціалъ-демократіи.

К. Надевъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".

Ноябрь. 1905 г.

Содержаніе: Критика и исторія литературы.—Государственное право.—Исторія и воспоминанія.—Соціологія и политическая экономія.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

К. М. Өедоровъ. „Чернышевскій".—*Андреевичъ.* „Л. Н. Толстой".

К. М. Өедоровъ. Жизнь русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1905 г. Стр. 94. Цѣна 50 коп. Чернышевскій принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ русскихъ людей, которые еще не дождались и, можетъ быть, не скоро дождутся большихъ книгъ, посвященныхъ ихъ жизни и дѣятельности. Прошло болѣе пятнадцати лѣтъ послѣ смерти «великаго русскаго ученаго и критика», какъ назвалъ Чернышевскаго Карлъ Марксъ, и мы дождались всего только маленькой книжки, скорѣе брошюры, г. Өедорова. «Приступая къ выпуску настоящей брошюры,—говоритъ ея авторъ въ предисловіи,—мы имѣли въ виду, по мѣрѣ возможности собрать воедино появившіяся въ печати біографическія свѣдѣнія о Н. Г. Чернышевскомъ, а также и наши воспоминанія объ этой свѣтлой личности». Но личныя воспоминанія г. Өедорова, бывшаго у Чернышевскаго переписчикомъ въ Астрахани, очень незначительны, а біографическіе матеріалы использованы имъ далеко не всѣ. Вслѣдствіе этого однѣ главы біографическаго очерка изобилуютъ мелкими подробностями, а въ другихъ встрѣчаются существенные пропуски. Такъ, въ первой главѣ удѣлено много мѣста дѣтскимъ играмъ Чернышевскаго. Половина третьей главы, посвященной литературной дѣятельности Чернышевскаго, занята библіографическимъ указателемъ, а изъ отдѣльныхъ произведеній знаменитаго публициста сказано нѣсколько словъ объ «Очеркахъ гоголевскаго періода» да приведено нѣсколько цитатъ изъ статьи «Экономическая дѣятельность и законодательство». О положеніи Чернышевскаго среди современныхъ ему «отцовъ» и «дѣтей» сказано только, что вліяніе его было «громадное». А о роли его въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, о громадной популярности среди молодежи, о столкновеніи съ Герценомъ и о многомъ другомъ не сказано ни слова. Въ шестой главѣ подробно говорится о пребываніи Чернышевскаго на Александровскомъ заводѣ, но о двѣнадцатилѣтнемъ пребываніи въ Вилюйскѣ ничего не сообщается, если не считать упоминанія о попыткѣ Мышкина освободить несчастнаго узника.

Самыя цѣнныя главы очерка — четвертая и пятая. Первая изъ нихъ посвящена «дѣлу Чернышевскаго», но изложено оно здѣсь менѣе подробно, чѣмъ въ послѣдней книжкѣ «Всемірнаго Вѣстника» за 1904 годъ. Вторая—занята воспоминаніями Владиміра Соловьева о крайне удручающемъ впечатлѣніи, произведенномъ на общество осужденіемъ Чернышевскаго «на основаніи однихъ вымысловъ и подлоговъ». «Въ дѣлѣ Чернышевскаго—по словамъ покойнаго философа — не было ни суда, ни ошибки, а было только завѣдомо неправое и

насильственное дѣяніе съ заранѣе составленнымъ намѣреніемъ. Было рѣшено изъять человѣка изъ среды живыхъ,—и рѣшеніе исполнено. Искали поводовъ, поводовъ не нашли, обошлись *и безъ поводовъ*» (с. 67). Воспоминанія Соловьева, занимающія около печатнаго листа, придаютъ книжкѣ г. Ѳедорова особенный интересъ и до нѣкоторой степени искупаютъ ея недостатки.

С. Ашевскій.

Л. Н. Толстой. Монографія Андреевича Спб. 1905 г. Стр. 264. Цѣна 1 руб. Новая книга о Толстомъ принадлежитъ перу недавно умершаго писателя Е. А. Соловьева, знакомаго читающей публикѣ своими газетными фельетонами, журнальными статьями и отдѣльно изданными книгами и книжками. Для «біографической библіотеки» Павленкова Соловьевъ написалъ болѣе десятка книжекъ, въ томъ числѣ біографіи русскихъ писателей: Карамзина, Сенковскаго, Писарева, Достоевскаго, Тургенева, Гончарова и Льва Толстого. Изъ этихъ книжекъ наиболѣе цѣнной должна быть признана біографія Писарева, при составленіи которой Соловьевъ могъ воспользоваться письмами знаменитаго критика къ матери и воспоминаніями его сестры. Послѣ указанныхъ біографій, вышедшихъ въ первой половинѣ деваностыхъ годовъ, были напечатаны отдѣльныя книги Соловьева о Бѣлинскомъ, о Горькомъ и Чеховѣ, о Ницше. Наконецъ, въ послѣдніе годы вышли «Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка» и «Опытъ философіи русской литературы». Если упомянуть еще сборникъ очерковъ и разсказовъ изъ жизни русской интеллигенціи («Въ раздумьи»), то будетъ указано, кажется, все, что напечатано Соловьевымъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Въ эти книги вошла большая часть статей покойнаго писателя, частью цѣликомъ, частью въ переработанномъ видѣ.

Такимъ образомъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ Соловьевъ далъ русскимъ читателямъ не мало духовной пищи, преимущественно изъ области русской литературы. Читателей у Соловьева было много, судя по тому, что онъ сотрудничалъ въ распространенныхъ изданіяхъ («Новости», «Жизнь», «Научное Обозрѣніе», «Журналъ для всѣхъ» и др.), а нѣкоторыя его книги были напечатаны два и даже три раза. При жизни Соловьева указывали почти исключительно на его недостатки, какъ въ его собственныхъ интересахъ, такъ и въ интересахъ его читателей. Теперь было бы умѣстно указать, что кромѣ литературныхъ грѣховъ всякаго рода, у покойнаго писателя были и добрыя дѣла, которыя должны быть взвѣшены нелицепріятнымъ судомъ критики. Этотъ судъ прежде всего долженъ выслушать заявленіе самого Соловьева, который въ одной статьѣ («Жизнь», 1900 г., № 5) говоритъ: «Въ концѣ концовъ есть только одинъ разрядъ вредныхъ книгъ—это тѣ, которыя написаны съ завѣдомо-предательской цѣлью и переполнены лживыми поученіями для-ради выгодъ богатыхъ и сильныхъ» (с. 332). Такихъ книгъ и статей Соловьевъ, дѣйствительно, не писалъ—въ этомъ едва ли кто рѣшится его упрекнуть. Онъ могъ совершить недозволенное «заимствованіе», могъ невѣрно изложить факты и перепутать заглавія книгъ, могъ довести до абсурда чужую мысль, могъ увлечься «полемическими красотами», могъ наговорить много лишняго и не сказать того, что надо было сказать по существу темы, могъ, наконецъ, противорѣчить себѣ на одной и той же страницѣ; но всегда онъ писалъ вполнѣ искренно, всегда защищалъ интересы бѣдныхъ и слабыхъ, всегда, насколько могъ, боролся съ существующимъ зломъ и устремлялъ умы и сердца къ лучшему будущему. Пусть его статьи и книги иногда вносили путаницу въ юные умы читателей,—главное достоинство его сочиненій не въ фактическомъ и даже не въ идейномъ содержаніи, а въ томъ настроеніи, которое они вызывали въ молодежи. А настроеніе это было всегда боевое и непримиримое по отношенію къ существующему политическому и экономическому строю, свѣтлое и бодрое по отношенію къ грядущему господству «пролетарскаго индивидуализма», признающаго

«полную свободу и полную независимость интимной стороны человѣческой личности, т.-е. область вѣры и художественнаго творчества, и полное подчиненіе интересамъ мірового товарищескаго производства, выводамъ точной науки, общественной справедливости» («Опытъ философіи русской литературы», стр. 534). Будущій историкъ русской общественности, говоря о поворотѣ нашей интеллигенціи отъ «народа» къ рабочему, не забудетъ упомянуть и Соловьева.

Переходя къ послѣдней книгѣ Соловьева, прежде всего приходится отмѣтить, что русская литература, если не считать переводной книжки Цабеля, до сихъ поръ не имѣетъ цѣльнаго сочиненія, которое могло бы познакомить читателя съ жизнью и сочиненіями Толстого. Существуетъ масса книгъ и статей о Толстомъ, но всѣ онѣ знакомятъ насъ, такъ сказать, съ какой-нибудь частью великаго писателя. Собрать же эти части въ одно цѣлое еще никто не рѣшился. При первомъ взглядѣ на заглавіе послѣдней книги Соловьева можетъ явиться мысль, что мы наконецъ получили такую книгу, крайне необходимую для русскаго читателя. Но заглавіе не соотвѣтствуетъ содержанію: передъ нами не «монографія», а перепечатка старой книжки Соловьева изъ библіотеки Павленкова, да еще нѣсколько позднѣйшихъ статей о Толстомъ. Біографическій очеркъ, вышедшій впервые въ 1894 году, уже и въ то время не отличался должной полнотой и не былъ свободенъ отъ фактическихъ ошибокъ. Достаточно сказать, что въ книжкѣ, носящей заглавіе: «Л. Н. Толстой, его жизнь и литературная дѣятельность», объ «Аннѣ Карениной» сказано только нѣсколько словъ, а такія произведенія, какъ «Казаки», «Смерть Ивана Ильича», «Власть тьмы», «Крейцерова соната», только упомянуты. Этотъ очеркъ, выдержавшій три изданія, перепечатанъ въ четвертый разъ безъ всякихъ дополненій и поправокъ; на стр. 214-ой оставлено даже невѣрное указаніе о началѣ литературной дѣятельности Толстого въ 1851 году.

Изъ остальныхъ статей сборника наибольшаго вниманія заслуживаетъ «Борьба съ развратомъ культуры», гдѣ дается не новое, но все же интересное сравненіе Руссо и Толстого, которыхъ Соловьевъ справедливо считаетъ предтечами «крушенія или обновляющаго переворота». Но и въ этой статьѣ авторъ, по своему обыкновенію, не удержался, чтобы не приписать Толстому такихъ взглядовъ, какихъ тотъ совершенно не раздѣляетъ. Онъ заявляетъ, напримѣръ, что Толстой дошелъ до «полнаго атеизма», и считаетъ, что «всѣ счеты наши съ загробнымъ міромъ покончены» (с. 164). И такая странность напечатана послѣ знаменитаго «отвѣта» Толстого синоду, гдѣ ясно сказано, что отлученный отъ церкви писатель вѣритъ и въ Бога, и въ жизнь вѣчную, и въ загробное возмездіе. Да и самый «отвѣтъ» перепечатанъ Соловьевымъ въ приложеніяхъ къ разбираемой книгѣ.

Интересны и разсказы Соловьева о посѣщеніи имъ Толстого въ Ясной Полянѣ лѣтомъ 1903 года, но и тутъ не обошлось безъ курьезовъ. Въ этихъ разсказахъ, написанныхъ, очевидно, для разныхъ изданій, приводятся подлинныя слова Толстого, но каждый разъ въ новой редакціи. И всѣ эти статьи перепечатаны въ одной книгѣ, какъ бы для обличенія автора въ неуваженіи даже къ словамъ Толстого. Впрочемъ, Соловьевъ вообще не скупился на самообличенія. Въ тѣхъ же разсказахъ о посѣщеніи Толстого упоминается такой фактъ. Пріѣхавъ въ Ясную Поляну, Соловьевъ написалъ Толстому записку съ просьбой о свиданіи и написалъ ее (по какому-то странному недосмотру... «на томъ самомъ листкѣ почтовой бумаги, гдѣ дѣлалъ свои замѣтки о посѣщеніи Хитрова рынка» (с. 174). Такихъ странныхъ недосмотровъ очень много въ литературной дѣятельности Соловьева и въ нихъ слѣдуетъ видѣть своего рода біографическую черту.

Кромѣ указанныхъ статей въ книгѣ Соловьева помѣщена еще «Исторія одной интеллигентной колоніи», а въ приложеніяхъ напечатаны опредѣленіе

св. Синода о Толстомъ, отвѣтъ Толстого, отзывъ его о современномъ движеніи, а также нѣсколько замѣтокъ о Толстомъ, даже такая мелочь, какъ легенда о желѣзномъ перстнѣ.

Послѣднія страницы книги заняты «открытымъ письмомъ» Соловьева къ Толстому по поводу его статьи о современныхъ политическихъ событіяхъ въ Россіи. Этотъ горячій протестъ противъ высокомѣрно-пренебрежительнаго отношенія Толстого къ освободительному движенію нашихъ дней представляетъ собою достойное завершеніе литературной дѣятельности покойнаго писателя.

С. Ашевскій.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

Н. Сѣверный. „Государственный и общественный строй".—*А. Менгеръ.* „Новое ученіе о государствѣ".

Н. Сѣверный. Государственный и общественный строй въ Англіи, Франціи, Германіи и С.-А. Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 1905 г. Цѣна 1 руб. Спросъ вызываетъ предложеніе. Интенсивная потребность въ политическихъ и государственныхъ знаніяхъ, которая такъ ярко сказывается въ русской читающей публикѣ за послѣднее время и которая въ такой короткій періодъ создала уже довольно обширную популярную литературу,—повидимому, побудила и г. Сѣвернаго взяться за перо и написать ту странную книгу, которая лежитъ теперь передъ нами. Для кого написана эта книга,—очень трудно понять. По своей программѣ, она широко задумана: она пытается дать и картину историческаго развитія описываемыхъ странъ, и анализъ ихъ современнаго государственнаго и соціальнаго строя. Историческое изложеніе ведется въ такомъ стилѣ: «Вильгельмъ Завоеватель былъ очень могущественнымъ королемъ; онъ началъ вводить въ Англіи порядокъ; покоривъ и усмиривъ саксовъ, онъ затѣмъ уже не позволялъ норманнамъ обижать покоренныхъ. Ближайшими его помощниками по управленію страною были привезенные имъ изъ Франціи и поставленные во главѣ англійскаго духовенства «прелаты», т.-е. высшія духовныя лица. Послѣ смерти Вильгельма, при его наслѣдникахъ, снова начались раздоры и междоусобицы...» и т. д. (стр. 3). Или «...Четвертаго августа въ Національномъ Собраніи произошла безпримѣрная въ исторіи сцена. Нѣсколько молодыхъ дворянъ заявили, что отказываются отъ всѣхъ своихъ привилегій; тогда дворяне одинъ за другимъ также начинаютъ отказываться отъ привилегій, и въ это ночное засѣданіе всѣ крестьянскія повинности помѣщикамъ были уничтожены безъ всякаго выкупа. *Собраніе, между тѣмъ, назвавшись «Учредительнымъ»*, такъ какъ оно хотѣло учредить, создать новый строй, приступило къ положительной работѣ...» и т. д. (стр. 89).

Въ такомъ стилѣ Иловайскаго изложена вся историческая часть книги, составляющая добрую ея половину. Не менѣе странное и наивное впечатлѣніе производятъ историко-философскія разсужденія и характеристики автора.

Такъ о Луи-Бланѣ г. Сѣверный говоритъ: «Луи-Бланъ долженъ считаться основателемъ соціализма; самое слово это вошло въ употребленіе съ 1832 г. Но взгляды его не были научно обоснованы, какъ позже у нѣмецкихъ представителей—у Маркса и его послѣдователей; его соціализмъ носилъ *утопическій, т.-е. невозможный въ жизни характеръ*, такъ какъ онъ воображалъ, что стоитъ правительству захотѣть и оно можетъ измѣнить общественную систему производства и насадить всеобщее благополучіе; онъ не замѣчалъ того...» и т. д. (стр. 105).

Различіе въ міровоззрѣніяхъ Гегеля и Маркса г. Сѣверный характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «...Гегель признавалъ все существующее разумнымъ, какъ моментъ въ саморазвитіи идеи, а Марксъ, признавая необходимымъ извѣстную ступень общественнаго и политическаго развитія, *не считалъ это (?) разумнымъ* и находилъ этотъ процессъ чисто матеріальнымъ, т.-е. зависящимъ отъ матеріальныхъ причинъ, а не отъ какого-то таинственнаго саморазвитія всемірной идеи» (стр. 160).

Предоставляемъ читателю самому судить, насколько точное и ясное представленіе объ историческихъ событіяхъ, о соціально-философскихъ ученіяхъ и объ отдѣльныхъ историческихъ дѣятеляхъ получится у человѣка, который задумалъ бы знакомиться съ ними по книгѣ г. Сѣвернаго. О государственномъ строѣ книга тоже не даетъ яснаго понятія, чему особенно способствуетъ вялый, бѣдный и скучный языкъ автора.

Г. Сѣверный является въ своей книгѣ поборникомъ демократическихъ идей и, повидимому, полонъ добрыхъ намѣреній; но это нисколько не спасаетъ его книгу отъ наивности, а читателей—отъ скуки. Намъ остается только пожалѣть, что живая и интересная тема, избранная авторомъ, обработана имъ такъ неудовлетворительно, что лишаетъ насъ всякой возможности рекомендовать книгу г. Сѣвернаго нашимъ читателямъ. *В. Е.*

Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Б. Кистяковскаго. Изданіе С. Скирмунта. 1905 г. Ц. 1 р.

Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Переводъ Л. Жбанкова. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. «Всякая значительная политическая сила опасна для независимости ученыхъ, въ тѣхъ областяхъ знанія, которыя преимущественно касаются ея интересовъ. Такъ абсолютная или полуабсолютная монархія рѣшительнымъ образомъ вліяетъ на историческую науку, а также на науку о правѣ и о государствѣ; такъ, могущественная церковь дѣлаетъ просто невозможной свободную философію или естествовѣдѣніе.

«Не нужно думать, какъ это часто случается среди широкихъ народныхъ массъ, о сознательномъ вѣроломствѣ ученыхъ по отношенію къ истинѣ; но существующія продолжительное время соотношенія силъ создаютъ такую духовную атмосферу, отъ вліянія которой не легко избавиться отдѣльнымъ личностямъ. Случается также довольно часто, что научные взгляды, которые были выставлены извѣстными учеными первоначально изъ побужденій личнаго своекорыстія, превращаются у ихъ учениковъ въ теоріи, а у позднѣйшихъ послѣдователей въ политическія, соціальныя и религіозныя убѣжденія. Вслѣдствіе этого можно вполнѣ основательно утверждать: *тотъ, для кого пишутъ ученые* и судятъ суды, *вотъ* кто обладатель могущества въ странѣ (пер. Кистяковскаго, стр. 293)». Приведенныя слова А. Менгера, очень точно и ясно характеризующія вліяніе реальнаго соотношенія силъ на теоретическія построенія общественныхъ наукъ, какъ нельзя болѣе примѣнимы и къ современному государственному праву. Достаточно познакомиться съ нѣмецкой научной литературой государственнаго права, чтобы безошибочно сказать, что монархическая власть въ германскихъ странахъ еще очень большая сила, что ея интересы, причудливо сплетаясь съ интересами аграріевъ и капиталистовъ, опредѣляютъ курсъ государственнаго корабля. Для нихъ пишутъ ученые. Для нихъ создаются юридическія конструкціи, извлекаются историческіе аргументы, подыскивается философское обоснованіе.

Апологія правящихъ группъ и существующаго государственнаго порядка, въ явной или въ скрытой формѣ, составляетъ характерную черту современной государственной науки. Антонъ Менгеръ занимаетъ въ ней совсѣмъ особенное мѣсто. Авторитетный ученый, профессоръ и ректоръ вѣнскаго университета,

онъ, въ разрѣзъ со всѣми традиціями оффиціальной науки, является открытымъ и горячимъ послѣдователемъ демократическихъ идей. Его послѣдній трудъ, появляющійся нынѣ въ двухъ русскихъ переводахъ, представляетъ собою попытку пересмотра всего ученія о государствѣ съ послѣдовательно демократической точки зрѣнія.

Примыкая въ основныхъ пунктахъ къ соціалистическому міровоззрѣнію, авторъ отвергаетъ, однако, марксистскую доктрину въ ея теоретическихъ предпосылкахъ, а отчасти и въ ея практическихъ пріемахъ.

Исходя изъ справедливыхъ жизненныхъ интересовъ трудящихся классовъ, авторъ подвергаетъ детальной критикѣ современное индивидуалистическое государство, «которое своей важнѣйшей задачей считаетъ закрѣпленіе власти господствующихъ», и противополагаетъ ему народное трудовое государство, которое должно поставить себѣ цѣлью «организовать духовную и физическую работу согражданъ и распредѣленіе произведенныхъ этой работой благъ въ интересахъ всего народа» (58 стр.).

Исходя изъ этого основного различія, авторъ подвергаетъ подробному анализу отдѣльные институты современнаго публичнаго и частнаго права, намѣчаетъ тѣ измѣненія, которыя должно претерпѣть современное право въ трудовомъ государствѣ, и тѣ переходныя формы, которыя на ряду съ экономическими измѣненіями должны содѣйствовать превращенію современнаго индивидуалистическаго государства въ народное трудовое

«Новое ученіе о государствѣ,—говоритъ А. Менгеръ въ предисловіи своей книги,—должно ближе познакомить господствующіе и образованные классы въ Германіи и другихъ странахъ съ кругомъ соціалистическихъ идей». Несомнѣнно, что эта книга ученаго и профессора съ европейскимъ именемъ, проникнутая такимъ сочувствіемъ къ демократическимъ идеаламъ, написанная съ полнымъ знаніемъ предмета, должна сыграть очень замѣтную роль въ дѣлѣ популяризаціи соціалистическихъ идей. Но и для лицъ знакомыхъ съ литературой вопроса эта книга даетъ очень много, ибо еще ни въ одномъ произведеніи право не подвергалось такому детальному изслѣдованію съ послѣдовательно демократической точки зрѣнія, какъ въ настоящемъ трудѣ А. Менгера.

Правда, и общая конструкція автора, и отдѣльные его взгляды вызываютъ значительныя возраженія. Недостаточно глубокой представляется намъ критика анархизма съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ государству; нѣсколько расплывчато и неопредѣленно понятіе «рабочей группы», долженствующей стать основной ячейкой будущаго трудового государства. Въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ автора рядомъ съ соціалистомъ-теоретикомъ чувствуется нѣмецкій бюргеръ, что особенно сказывается въ его воззрѣніяхъ на брачныя отношенія въ будущемъ государствѣ. Но входить здѣсь въ детальный разборъ взглядовъ автора, мы не имѣемъ возможности, въ общемъ же итогѣ новая книга А. Менгера ставитъ и освѣщаетъ такъ много живыхъ, существенныхъ вопросовъ, даетъ такой богатый матеріалъ для работы мысли, что нельзя не пожелать ей самого широкаго распространенія и среди русской публики. Изъ двухъ русскихъ переводовъ изданію г. Скирмунта приходится отдать рѣшительное предпочтеніе.

При равной цѣнѣ (1 рубль) внѣшность изданія Скирмунта гораздо лучше изданія О. Н. Поповой. Что касается переводовъ, то переводъ Л. Жбанкова, изданіе О. Н. Поповой, сдѣланъ такъ небрежно, съ такимъ очевиднымъ незнаніемъ предмета, что его никакъ нельзя признать удовлетворительнымъ. Переводъ же подъ редакціей Б. Кистяковскаго, хотя нѣсколько тяжеловатъ, но въ общемъ вполнѣ удовлетворителенъ по вѣрности, литературности и умѣлой передачѣ терминовъ. Цѣна книги не очень высока и надо надѣяться не помѣшаетъ распространенію ея среди широкихъ слоевъ читающей публики.

В. Е.

ИСТОРІЯ И ВОСПОМИНАНІЯ.

А. Вандаль. „Возвышеніе Бонапарта".—*С. Пантелѣева.* „Нидерланды и Бельгія".—*К. Скальковскій.* „Мои воспоминанія".

Альберъ Вандаль. Возвышеніе Бонапарта. Происхожденіе брюмерскаго консульства. Переводъ съ XI французскаго изданія З. Н. Журавской. Спб. стр. 616. Эта книга является интереснымъ изслѣдованіемъ по исторіи гибели директоріальнаго правительства во Франціи. Вандаль весьма обстоятельно характеризуетъ тотъ памятный моментъ въ исторіи Франціи, когда люди думали уже не о спасеніи принциповъ революціи, а о спасеніи тѣхъ, которые «сдѣлали» революцію. Это было время, когда демократія, утомленная, отчасти разочарованная, отчасти достигшая исполненія тѣхъ требованій, которыя ей казались наиболѣе существенными, отошла въ сторону отъ политической жизни и якобинцы напрасно старались расшевелить въ рабочихъ массахъ сентъ-антуанскаго предмѣстья совершенно потухшій интересъ къ политическимъ дѣламъ.

Народъ уже выпускалъ изъ рукъ завоеванную съ такими жертвами свободу, буржуазія, крестьянство—думали только о сохраненіи пріобрѣтенныхъ во время революціи экономическихъ благахъ и нужныхъ для ихъ соціально-экономическаго процвѣтанія новыхъ принципахъ гражданскаго права, установленныхъ также въ эпоху революціи,—а о свободѣ политической продолжали безпокоиться лишь одинокіе и въ силу своего одиночества безсильные «идеологи». Почва для Бонапарта была вполнѣ готова. «Безспорно не было еще страны, болѣе созрѣвшей для диктатуры, чѣмъ Франція въ то время; но все же она шла къ этому безсознательно, увлекаемая скорѣе силою обстоятельствъ, чѣмъ обдуманнымъ соглашеніемъ умовъ, способныхъ хотѣть. Зоркіе наблюдатели, свидѣтели, не захваченные вихремъ бури, смотрѣвшіе на нее сверху и потому видѣвшіе дальше другихъ, давно уже предвѣщали появленіе диктатора и, еще не видя его, видѣли его тѣнь, поднимающуюся на горизонтѣ. Екатерина II съ геніальною прозорливостью предсказала это предъ смертью». Директорія сознавала грозившую ей опасность. Это развращенное и безпринципное правительство давно уже старалось править исключительно при помощи насилія, внезапныхъ уловокъ, хитростей и авантюръ,—и только и думало о своемъ самосохраненіи. Ему приходилось бороться и «справа» съ роялистами, желавшими возстановленія Бурбоновъ (въ лицѣ скитавшагося заграницей Людовика, графа Прованскаго),—и «слѣва»—съ якобинцами, стремившимися къ болѣе демократической конституціи. Балансируя между разными фракціями, не давая народу ни желаннаго спокойствія и чувства обезпеченности, ни внѣшняго мира, ни нормальнаго управленія, правительство было безсильно установить хотя бы порядочную администрацію, безопасность дорогъ, упорядоченіе финансовъ. Представительныя учрежденія (совѣтъ пятисотъ и совѣтъ старѣйшинъ) и de jure были несильны,—а de facto обратились въ пѣшки въ рукахъ директоровъ. «Совѣты состояли изъ революціонеровъ, болѣе и менѣе крайнихъ; директорія опиралась поочередно то на одну, то на другую фракцію, превращая ее въ большинство присоединеніемъ рабски угодническихъ голосовъ. Если директоріи угодно провести крутую мѣру,—она сейчасъ же находитъ поддержку у якобинцевъ. Если ей нуженъ мудрый законъ, она опирается на умѣренныхъ. Такимъ образомъ,—она больше хозяйка въ странѣ, чѣмъ покойный Людовикъ XVI, у котораго отняли всѣ полномочія. И все же положеніе ея съ каждымъ днемъ становилось болѣе критическимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ росли и насилія, ибо крутыя мѣры, повторяемыя до безконечности, оставались для нея единственнымъ закономъ». Вандаль убѣжденъ, что если бы только директорія, дѣйствительно, предоставила населенію свободно высказаться,—оно, «въ своей

ненависти къ правящей группѣ», никогда не удержалось бы на той точкѣ, на которой правительство желало ихъ удержать. Насиліемъ директорія жила,—и насиліемъ погибла.

Авторъ рисуетъ съ глубокимъ знаніемъ деталей—широкую картину нравственной растерянности, цинизма, безпечности и испорченности правящихъ круговъ,—индифферентизма населенія, общаго хаоса начатыхъ и неоконченныхъ дѣлъ,—и предъ читателемъ возникаетъ самъ собою грустный вопросъ: да тотъ-ли это народъ, который всего за десять лѣтъ до этого момента бралъ Бастилію и провозглашалъ принципы свободы, равенства и братства? Нужно замѣтить, что Вандаль слишкомъ разсказчикъ,—и слишкомъ мало соціологъ. Для него соціально-экономическіе корни упадка революціоннаго духа не вполнѣ ясны, и касается онъ этой стороны дѣла совершенно вскользь. Онъ историкъ старой школы,—и внутренняя связь событій у него начинается не отъ начала цѣпи,—а отъ одного изъ звеньевъ ея: онъ много говоритъ намъ о психологіи момента и очень мало о почвѣ, на которой эта психологія проявилась.

Но какъ разсказчикъ—онъ превосходенъ,—и лучшія его страницы ничуть не уступаютъ ни Тьерри, ни Маколею, ни Костомарову. Грозное *memento* можетъ извлечь изъ его книги общество, переживающее бурныя событія: стоитъ поддаться усталости, слишкомъ близорукимъ соображеніямъ,—и послѣ разцвѣта революціонизма и свободы легко очутиться подъ сапогомъ диктатора. И даже *правильно понятый* классовый эгоизмъ не долженъ былъ этого допускать, ибо потомъ той же буржуазіи пришлось послѣ ряда потрясеній и перемѣнъ опять завоевать власть, которая уже побывала въ ея рукахъ.

Прекрасно изображены у Вандаля тѣ рѣшительные дни Брюмэра 1799 г., когда Бонапартъ захватилъ власть. Еще лучше охарактеризовано настроеніе «свободомыслящаго» общества, которое все хотѣло обмануть себя пустыми фразами о свободѣ, стѣсняясь прямо сознаться въ своей радости по поводу наступленія, наконецъ, владычества «сильной руки». Вотъ одно изъ такихъ изъявленій (изъ одного письма къ г-жѣ Сталь): «Я не писалъ вамъ, дожидаясь, пока вы вернетесь въ Парижъ, но изъ газетъ мы узнали, что вы прибыли туда въ день торжества Бонапарта, которое мы считаемъ и торжествомъ свободы. Если возстановленіе законнаго правительства дѣло его рукъ, — онъ еще болѣе Фабія достоинъ того, чтобы на памятникѣ его красовалась надпись» и т. д. и т. д.

Республиканцы (даже искренніе) говорили: «Положеніе до переворота было невозможное; все равно, не было ни конституціи, ни свободы, республика умирала отъ гангрены. Примкнуть къ совершившемуся (т.-е. къ насильственному, беззаконнѣйшему вооруженному нападенію Бонапарта на конституцію) было единственнымъ шансомъ спасти республику и направить ее на лучшій путь». И это говорилось, когда штыкъ царилъ надъ молчаливой и покорной страною...

Это не только говорилось, но и чувствовалось: «рабочія массы выказывали сочувствіе Бонапарту», вообще же «въ городѣ почти у всѣхъ были довольныя лица. У каждаго отлегло отъ сердца... Финансовые, дѣловые, коммерческіе круги также вздохнули свободнѣе». Это все было въ странѣ, бурно и грозно свергшей абсолютизмъ всего за нѣсколько лѣтъ до того. Невольно вспоминаются старыя слова о французахъ, «умѣющихъ завоевывать, но не умѣющихъ сохранять свободу». Впрочемъ эти «расовыя» объясненія всегда являются не столько научнымъ выводомъ, сколько болѣе или менѣе хлесткимъ bon-mot. Вотъ почему и остальнымъ «расамъ», переживающимъ революцію съ ихъ сложными перипетіями не мѣшаетъ вспоминать о тѣхъ аберраціяхъ мысли и чувства, которыя могутъ возникать подъ вліяніемъ классоваго эгоизма, — и которыя бываютъ безконечно опасны и для такъ называемыхъ «отвлеченныхъ»

благъ—вродѣ свободы политической, и, *въ конечномъ счетѣ*, даже для тѣхъ же классовыхъ интересовъ. Имущіе круги, привѣтствовавшіе 18-е Брюмера, не предвидѣли ни почти сплошной пятнадцатилѣтней войны съ Европою, ни двойного нашествія внѣшнихъ враговъ, ни торговыхъ застоевъ, краховъ и разореній.

При всей слабости (или точнѣе,—отсутствіи) соціологическаго объясненія излагаемыхъ фактовъ,—Вандаль даетъ самое полное, насколько намъ извѣстно, въ исторической литературѣ изображеніе внѣшнихъ условій и обстановки конечнаго періода французской революціонной эпохи.

Переводъ очень хорошъ. *Е. Тарле.*

С. В. Пантелѣева. Нидерланды и Бельгія. Очерки стараго и новаго. Спб. 1905. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 340 стр. Эта книга передаетъ въ очень живой и доступной формѣ главныя и наиболѣе характерныя данныя изъ исторіи Нидерландъ и Бельгіи. Весь драматизмъ исторіи этихъ племенъ, вынужденныхъ отстаивать шагъ за шагомъ свое существованіе отъ натиска постоянныхъ морскихъ наводненій, всѣ ужасы иной не менѣе опасной борьбы, которую Нидерланды вели противъ иноземныхъ угнетателей,—все это разсказано весьма обстоятельно и изображено вполнѣ отчетливо.

Эти страны никогда не были «великими державами», никогда не рѣшали онѣ судебъ европейской политики, никогда изъ нихъ не исходило новыхъ лозунговъ соціальнаго характера,—и въ силу этихъ условій, ихъ исторія въ глазахъ большой читающей публики всегда оставалась въ тѣни. А между тѣмъ исторія эта полна глубокаго драматизма и захватывающаго интереса. Вѣчная борьба съ природой и иноземными притѣснителями—кончилась для этихъ странъ сравнительно недавно, потому что нельзя считать начало нормальной и спокойной эры ранѣе 1830—1831 г.г. Любопытна противуположность настоящаго и долгаго историческаго прошлаго—хотя бы Бельгіи: теперь—это, по выраженію Маркса, кроличій садокъ благополучно размножающейся буржуазіи, еще пока удерживающей въ рукахъ ненавидящій ее рабочій классъ; — въ былыя времена—это страна, вѣчно готовая къ возстанію, къ кровопролитной борьбѣ. Національно-политическій вопросъ разрѣшался тамъ долго и трудно,—но *уже* разрѣшился; соціальный вопросъ *еще* не дошелъ до стадіи открытой революціи. Вотъ этотъ-то *сравнительно* спокойный, уравновѣшенный моментъ и переживаютъ теперь Бельгія и Голландія.

Залитое-же кровью прошлое ихъ выступаетъ отъ этой противуположности въ еще болѣе трагическомъ величіи. Кромѣ прекрасной, но старой книги Мотлея о нидерландской революціи, русскій читатель мало что можетъ прочесть по исторіи этихъ странъ,—и книга г-жи Пантелѣевой является въ данномъ случаѣ весьма кстати. Начать съ того, что написана она чрезвычайно добросовѣстно и съ тѣмъ знаніемъ дѣла, съ тѣми бытовыми черточками, которыя даются только личнымъ и близкимъ знакомствомъ съ природою и населеніемъ описываемыхъ странъ; затѣмъ, живость тона при изображеніи самыхъ трагическихъ моментовъ нигдѣ не переходитъ въ тотъ слащавый и слезливый сантиментализмъ, который такъ часто портитъ популярныя историческія книжки. Историческій масштабъ также соблюденъ умѣло: событіямъ отведено столько мѣста, сколько слѣдуетъ по относительной ихъ важности. Среди массы разнороднѣйшихъ фактическихъ указаній,—мы нашли всего одну маленькую неточность (да и то по совершенно побочному вопросу): на стр. 251 авторъ пишетъ: «На англійскомъ тронѣ послѣ Елизаветы былъ Яковъ I, съ наклонностями къ католичеству». Іаковъ I, напротивъ, былъ врагомъ католичества, хотя, дѣйствительно, пресвитеріанъ преслѣдовалъ еще хуже, чѣмъ католиковъ,—и пресвитеріане обвиняли его (но неправильно) въ тайномъ сочувствіи къ католикамъ.

Замѣчательно «современно» звучатъ иныя страницы изъ исторіи испанскихъ усмиреній и гоненій,—т. е. совершенно не для нынѣшнихъ голландцевъ,—а для насъ. И все таки побѣдили не палачи, а ихъ жертвы.

Рекомендуя эту книгу вниманію читателей нашего журнала,—укажемъ еще, что г-жа Пантелѣева, повидимому, старательно избѣгала трудныхъ иностранныхъ словъ и терминовъ,—и благодаря этому обстоятельству работа ея доступна также для лицъ съ самымъ скромнымъ образовательнымъ уровнемъ. Умѣло выбранныя иллюстраціи, которыми снабжена книга, еще болѣе увеличиваютъ ея полезность. *Е. Тарле.*

К. Скальковскій. Воспоминанія молодости (по морю житейскому). 1843—1869. Спб. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 коп. Какъ «докторъ сравнительной кокоткологіи и ресторанныхъ наукъ» и какъ «Un homme d'état de chez Maxim's» (это—весьма мѣткія прозвища, данныя ему г. Дорошевичемъ), г. Скальковскій имѣетъ кафедру въ «Новомъ Времени». Въ аудиторіяхъ этого просвѣтительнаго учрежденія г. Скальковскій неоднократно выступалъ уже и въ роли доктора русской общественной и экономической исторіи. Рецензируемая книжка, есть одинъ изъ курсовъ такой исторіи. Читатель напрасно сталъ бы искать въ ней сколько нибудь связнаго изложенія событій той весьма интересной эпохи, которая охватывается въ заглавіи. Вся русская жизнь прошла мимо вѣчно порхавшаго по верхамъ г. Скальковскаго. Онъ всю свою жизнь жилъ жалкими отсѣвами этой жизни. Любое событіе, любое лицо, любое литературное произведеніе—все это проходило мимо г. Скальковскаго, точно нарочно задѣвая его самымъ неинтереснымъ краешкомъ. Книжка г. Скальковскаго очень похожа на ту исторію литературы, которую бы могъ написать хозяинъ большого и давняго переплетнаго заведенія: это было бы подробнымъ описаніемъ исключительно однихъ переплетовъ... Даже тѣхъ читателей, которые въ воспоминаніяхъ больше всего цѣнятъ характерныя мелочи, г. Скальковскій совершенно не удовлетворитъ: у него нѣтъ способности остановиться на мелочахъ сколько нибудь характерныхъ. Книжка его—просто на просто сбродъ газетныхъ фельетоновъ, писавшихся исключительно для легкаго выколачиванія строкъ и суворинскихъ гривенниковъ. *Мих. Лемке.*

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Изданія: „Молотъ", „Буревѣстникъ", „Козминъ", „Алексѣевой", „Демосъ", „Разсвѣтъ", „Впередъ", „Лучъ", и др.

Книгоиздательство «Молотъ»: К. Каутскій. «Аграрный вопросъ» («Аграрная программа»). Ц. 25 к. Э. Вандервельдъ. «Промышленное развитіе и общественный строй». Ц. 50 к. Клара Цеткина. «Женщина и ея экономическое положеніе» II изд. Ц. 7 к. Ф. Энгельсъ. «Къ критикѣ политической экономіи» II изд. Ц. 7 к. Его-же. «Отъ утопіи въ научной теоріи». Ц. 10 к. «Наемный трудъ и капиталъ», пер. съ нѣм., II изд. Ц. 5 к. «Итого 48-го года» (статья изъ «Новой Рейнской Газеты»). Ц. 10 к. Э. Вальянъ. «Кризисъ и безработица». Ц. 7 к. Ф. Лассаль. «Принципы труда въ современномъ обществѣ». Ц. 10 к. Его-же. «Сущность конституціи» (2 рѣчи). Ц. 8 к. Г. Краузе. «Происхожденіе антисемитизма въ Германіи». Ц. 7 к. «Идеи марксизма въ Германской рабочей партіи». Ц. 10 к. К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. «Философія исторіи». Ц. 5 к. «Ф. Энгельсъ». Біографическій очеркъ. Ц. 5 к. «Три біографіи». (Гедъ, Лафаргъ, Вальянъ). Ц. 5 к. К. Каутскій. «Экономическое развитіе и общественный строй» (Комментаріи къ положеніямъ Эрфуртскаго съѣзда). Полный переводъ съ послѣдняго нѣм. изданія, съ предисловіемъ

автора. Ц. 20 к. В. Либкнехтъ. «Робертъ Оуэнъ, его жизнь и общественно-политическая дѣятельность. Ц. 5 к. Его-же. «Наши цѣли». Ц. 7 к. А. Бебель. «Антисемитизмъ и коллективизмъ». Ц. 5 к. П. Лафаргъ. «Поклоненіе золоту». Ц. 5 к. Его-же. I. «Крестьянская собственность и экономическое развитіе. II. Комментаріи къ аграрной программѣ. Ц. 4 к.

Книгоиздательство «Буревѣстникъ»: «Экономическое ученіе Карла Маркса» въ общедоступномъ изложеніи К. Каутскаго. Полный переводъ: 2-е изд. Ц. 30 к. Карлъ Каутскій. «Пролетаріатъ и общественный строй». Комментарій къ положеніямъ, принятымъ на Эрфуртскомъ съѣздѣ въ 1891 г. 2-е изд. К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. «О коммунизмѣ». Съ предисловіями авторовъ и Г. Плеханова. Ц. 20 к. К. Марксъ. «Гражданская война во Франціи» (1871). Съ предисловіемъ Ф. Энгельса. Перев. съ нѣм. подъ ред. Ленина 2-е изд. Ц. 15 к. К. Каутскій. «Классовые интересы». Ц. 8 к. Ф. Энгельсъ. «Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи». Переводъ В. Перовой подъ ред. и съ пред. Г. Плеханова. Ц. 15 к. Ф. Лассаль. «О сущности конституціи». Съ предислов, Эд. Бернштейна. 2-е изд. Ц. 6 к. Ф. Лассаль. «О программѣ работниковъ». Ц. 10 к. Ф. Лассаль. «Гласный отвѣтъ» Центральному Комитету, учрежденному для созванія общаго германскаго конгресса въ Лейпцигѣ. Съ предисловіемъ Эд. Бернштейна. Ц. 10 к. А. Бебель. «Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ». 3-е изд. Ц. 8 к. А. Бебель. «О Бернштейнѣ». 2-е изд. Ц. 15 к. В. Браке. «Долой соціалъдемократовъ!» Переводъ съ немецкаго д-ра И. Аксельродъ. Ц. 8. к. Л. Аксельродъ (Ортодоксъ). О «Проблемахъ идеализма». Ц. 15 к. Н. Ленинъ. Аграрный вопросъ и «критики» Маркса. Ж. Гэдъ. «Коллективизмъ». Переводъ съ французскаго. Ц. 6 к. М. Шиппель. «Профессіональные союзы рабочихъ». Пер. съ нѣм. Ц. 15 к. Вильгельмъ Либкнехтъ. «Воспоминанія о Марксѣ». Съ портретомъ, факсимиле и снимковъ съ могилы Маркса. Ц. 20 к. В. Либкнехтъ, «его жизнь и дѣятельность». Очеркъ К. Эйснера. Съ портретомъ Либкнехта. Ц. 20 к.

Книгоизд. «М. С. Козмана». А. Бебель. «Грѣхи центра». Ц. 6 к. А. Бебель. «Покушенія и соціалъ-демократія». Ц. 8 к. А. Бебель. «Наши цѣли». Ц. 10 к. Карлъ Марксъ. «Наемный трудъ и капиталъ». Ц. 8 к. Густавъ Зидовъ. «Рабочее законодательство и рабочія реформы въ Германіи». Ц. 6 к. Бруно Шенланкъ. «Пролетаріатъ и его стремленія». Ц. 15 к.

Изданія «Е. М. Алексѣевой». Карлъ Марксъ. «Нищета философіи». Съ предисл. и примѣч. Фр. Энгельса. Изданіе 2-е, ц. 50 к. Фр. Энгельсъ. «Отъ классическаго идеализма къ діалектическому матеріализму». Съ 11 тезисами К. Маркса о Людвигѣ Фейербахѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, ц. 25 к. Поль Лафаргъ. «Женскій вопросъ». Переводъ съ французскаго, ц. 8 к. Карлъ Марксъ и Фр. Энгельсъ. «Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ». 3-е дополненное изданіе, съ 3 предисловіями авторовъ къ нѣмецкимъ изданіямъ, ц. 5 к. То-же. Съ предисловіемъ къ русскому изданію Г. Плеханова, ц. 20 к. Карлъ Марксъ. «Рѣчь о свободѣ торговли». Переводъ съ французскаго. 2-ое изданіе, ц. 8 к. Карлъ Каутскій. «Автобіографія». Переводъ съ нѣмецкаго, ц. 8 к. А. Бебель. I. «Профессіональное движеніе и политическія партіи». II. «Законъ противъ соціалистовъ». Переводъ съ нѣмецкаго, ц. 12 к. А. Бебель. «Соціализація общества». Переводъ съ нѣмецкаго, ц. 15 к. Карлъ Марксъ. «Изъ біографіи лорда Пальмерстона». Переводъ съ англійскаго, ц. 15 к. Карлъ Каутскій. «Комментарій къ Эрфуртской программѣ». Полный переводъ съ нѣмецкаго, ц. 20 к. Анатоль Франсъ. «Кренкебилль». Разсказъ. Переводъ съ французск., ц. 3 к. Фр. Энгельсъ. «Къ аграрному вопросу на Западѣ». Переводъ съ нѣмецкаго, ц. 8 к. Поль Лафаргъ. «Благотворительность». Переводъ съ французскаго. Карлъ Каутскій. «Къ критикѣ теоріи и практики марксизма». Полный переводъ съ нѣмецкаго. Карлъ Каутскій. «Къ столѣтнему

юбилею Шиллера». Пер. съ нѣм. Шиппель. «Профессіональные союзы рабочихъ». Пер. съ нѣмецкаго., ц. 10 к.

Книгоиздательство «Демосъ» Л. Гижицкая (Лили Браунъ. «Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ соціальномъ строѣ». Переводъ съ нѣм. М. Поляковой. 2-ое изд., ц. 10 к. В. Либкнехтъ. «Карлъ Марксъ». Біографич. очеркъ съ портр. К. Маркса и видомъ его могилы, 2-ое изданіе, ц. 15 к. Фр. Энгельсъ. «Отъ утопіи къ наукѣ». Съ портретомъ и біографіей Энгельса Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія, ц. 20 к. П. Лафаргъ. «Мои воспоминанія о К. Марксѣ». Пер. съ нѣм. М. Поляковой, ц. 10 к. К. Каутскій. «Интеллигенція и пролетаріатъ». Пер. съ нѣм. М. Левина, ц. 15 к. П. Лафоръ «За и противъ коммунизма». Ц. 5 к. Ж. Жоресъ. Идея мира и солидарность пролетаріата. Ц. 12 к. Р. Зейдель. «Норма рабочаго дня».

Изд. библіотеки «Разсвѣтъ». К. Каутскій «Капитализмъ и мелкое производство» ц. 10 к. Гедъ. «Коллективизмъ». Ц. 8 к. Лассаль. «Программа работниковъ. К. Марксъ и Ф. Энгельсъ «Общественные классы и коммунизмъ». Ц. 6 к.

Книгоиздательство «Впередъ». Ж. Гэдъ. «О коллективизмѣ». Ц. 5 к. «Двѣ рѣчи», произнесенныя Жоресомъ и Бебелемъ на рабочемъ конгрессѣ въ Амстердамѣ. Съ приложеніемъ рѣчи Вандервельде и резолюція дрезденскаго конгресса. Ц. 10 к. К. Каутскій. «Классовые интересы». Партія и классъ. Свобода и справедливость. Классъ и общество ц. 8 к.

Книгоизд. «Лучъ». СПБ. І. Я. «Избирательное право». По Г. Майеру, Миллю, Эсмену и др. Ц. 80 к. К. Каутскій «Возникновеніе рабочаго класса». Ц. 15 к. Его-же. «Рабочее движеніе въ средніе вѣка». Ц. 20 к.

Книгоизд. «Новая заря». Бебель. «Антисемитизмъ и пролетаріатъ». ц. 10 к. Ж. Лонгэ. «Ростъ соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ». Ц. 10 к.

Въ большинствѣ случаевъ — все старыя, хорошо знакомыя имена, неразрывно связанныя съ теоріей или практикой современнаго рабочаго движенія, вышедшія, наконецъ, на свѣтъ изъ цензурной тюрьмы, книжки, изъ-за которыхъ пострадало у насъ столько народу, испорчено столько жизней! Еще годъ тому назадъ за чтеніе, напр., коммунистическаго манифеста можно было угодить въ непріятную исторію, сейчасъ же онъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ расходится и читается на святой Руси, хотя, конечно, и не съ благословенія тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ. Въ добрый часъ!

Мы не станемъ говорить о тѣхъ или другихъ книжкахъ: имена говорятъ сами за себя, да и то, что говорили авторы этихъ книжекъ, давно уже извѣстно хотя бы по тѣмъ горячимъ спорамъ, которые велись и устно, и печатно во второй половинѣ 90-хъ годовъ, а начались—гораздо раньше. Экономическій матеріализмъ и практическіе выводы изъ него вызвали въ свое время рѣзкій расколъ въ русской общественно-исторической и философской мысли, затѣмъ новый расколъ въ самомъ лагерѣ побѣдителей,—расколъ, которому еще не подведены окончательные итоги, и едва ли будутъ подведены особенно скоро.

За ничтожными исключеніями во всемъ выше перечисленномъ предста влено одно направленіе—направленіе, вѣрное старому «ортодоксальному» марксизму; «ревизіонистское» теченіе еще не нашло своихъ переводчиковъ и издателей и, вѣроятно, найдетъ ихъ въ издательствѣ «Впередъ», если судить по недавно появившимся его объявленіямъ, ставящимъ себѣ цѣлью, помимо общеобразовательныхъ, «способствовать теоретическому обоснованію соціально-народническаго міровоззрѣнія». Соціалъ-народникъ! это звучитъ хоть и не особенно гордо, но, во всякомъ случаѣ, любопытно. Впрочемъ, имѣетъ ли это новое книгоиздательство что-либо общее съ одесскимъ «Впередъ», державшимся до сихъ поръ «ортодоксовъ», мы не знаемъ. Возможны будутъ обильныя qui pro quo.

*

Въ длинномъ рядѣ издательствъ и брошюръ, выпущенныхъ до сихъ поръ, были и qui pro quo другого рода: однѣ и тѣ же вещи покупались подъ разными названіями. Напр., манифестъ коммунистической партіи появляется подъ заглавіемъ «Философіи Исторіи» у «Молота», подъ заглавіемъ: «О коммунизмѣ» въ изд. «Буревѣстника», «Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ» въ изд. Алексѣевой, наконецъ, у «Разсвѣта» называется, «Общественные классы и коммунизмъ». Эрфуртская программа называется, то «Пролетаріатъ и общественный строй», то «Экономическое развитіе и общественный строй», то «Комментаріи къ эрфуртской программѣ». Извѣстная брошюра Энгельса: «Die Entwickellung des Socialismus von der Utopie zur Wissenschaft» фигурируетъ подъ слѣдующими названіями: «Отъ утопіи къ научной теоріи», «Отъ классическаго идеализма къ діалектическому матеріализму», наконецъ, «Отъ утопіи къ наукѣ».

Цензурныя условія и необходимость прилаживаться къ разнымъ вкусамъ разныхъ цензоровъ играли, конечно, значительную роль въ этой разноголосицѣ, но не меньшую роль играла и та неорганизованность производства, которая такъ ярко подчеркивается новаторами перечисленныхъ брошюръ. Спросъ на популярную литературу колоссальный, и издательства дѣлаютъ выгодныя дѣла. Отсюда, между прочимъ, и та поспѣшность, съ которой выбрасывается на рынокъ одинъ и тотъ же ходкій товаръ подъ различными названіями.

На качество перевода тутъ уже некогда особенно смотрѣть, и плохой редакціей страдаютъ *всѣ* безъ исключенія издательства. Впрочемъ, такіе перлы безграмотности, какъ «Освобожденіе угнетенной работы», встрѣчаются только у переводчика «Двухъ рѣчей». *В. Р.*

Книгоиздательство «Буревѣстникъ». Одесса. 1905 г. — К. Марксъ и Ф. Энгельсъ «О коммунизмѣ». Перев. и предисловіе Г. Плеханова. Ц. 20 к.— Ф. Энгельсъ. «Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи». Перев. В. Перовой подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Плеханова. Ц. 15 коп.— К. Каутскій. «Классовые интересы». Перев. съ нѣмецкаго. В. А. Поссе. Ц. 8 коп. — Ж. Гэдъ. «Коллективизмъ». Перев. съ французскаго. Ц. 6 к.— В. Браке. «Долой соціалъ-демократовъ!» Перев. съ нѣмецкаго д-ра И. Аксельрода. Ц. 8 к. — М. Шиппель. «Профессіональные союзы рабочихъ». Перев. съ нѣмецкаго. Ц. 15 к. — Л. Аксельродъ (Ортодоксъ) «О проблемахъ идеализма». Ц. 15 к. — В. Либкнехтъ. «Воспоминанія о Марксѣ». Перев. съ нѣмецкаго. Ц. 20 к. — А. Арну. «Мертвецы коммуны». Перев. съ французскаго. Ц. 4 к. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторые литературные круги торжественно хоронили русскій марксизмъ и его представителей, русскихъ «учениковъ». И, дѣйствительно, марксизмъ какъ будто исчезъ и пересталъ давать тонъ журнальнымъ статьямъ, а объ «ученикахъ» точно также стало мало слышно. Литературный марксизмъ въ видѣ легальнаго направленія въ русской періодической прессѣ умеръ. Это было несомнѣннымъ фактомъ. Но не менѣе несомнѣннымъ для всѣхъ, даже и принципіальныхъ противниковъ,—за исключеніемъ развѣ самыхъ недобросовѣстныхъ, — было и то, что легальная смерть и журнальныя поминки ничуть не помѣшали марксизму наслаждаться иной и болѣе полной жизнью въ другихъ сферахъ, не имѣющихъ спеціально литературныхъ интересовъ. Какъ извѣстно, оффиціальная обстановка похоронъ, производимыхъ въ ускоренномъ порядкѣ, не давала погребаемому никакой возможности опротестовать свою смерть. Вслѣдствіе этого для многихъ осталось тайной, что «покойное» направленіе и есть то направленіе массъ, которыя теперь поражаютъ своей сознательностью и сосредоточенностью. Недоразумѣніе еще болѣе усиливалось новой формой марксизма. Сдѣлавшись массовымъ онъ, естественно, принялъ партійный характеръ. Легальный марксизмъ сдѣлалъ все, что могъ, когда ему пришло окончаніе. Те-

перь онъ выступаетъ, какъ система общественно-политическихъ цѣлей и средствъ, какъ направленіе партіи. Конечно, не слѣдуетъ думать, что дозволенный цензурою Авраамъ родилъ нелегальнаго Измаила, о которомъ оффиціальная библія почти не говоритъ и котораго даже не беретъ въ разсчетъ. Авраамъ, дѣйствительно, родилъ только Исаака, и цѣпь литературныхъ рожденій шла своимъ чередомъ. Смѣна направленій въ русской печати происходитъ при помощи весьма слабаго запаса общественно-политической энергіи, и уже по одному этому не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы именно марксистская легальная литература дала жизнь мощной партіи. Связь между марксизмомъ русскихъ журналовъ и широкимъ общественнымъ движеніемъ заключается какъ разъ въ томъ, что только однимъ и первымъ по времени легальнымъ проявленіемъ послѣдняго было и соотвѣтственное литературное теченіе. Дальнѣйшіе шаги этого общественнаго движенія, его быстрое политическое самоопредѣленіе, его углубленіе въ массы и, наконецъ, процессъ партійной организаціи оставались неизвѣстными или очень мало извѣстными русскимъ читателямъ. Неудивительно, поэтому, что сущность марксизма, его революціонный методъ обрисовывались въ такихъ смутныхъ очертаніяхъ, что основнымъ нервомъ его считали «экономическій матеріализмъ»,—характеристика совершенно невѣрная.

Въ этомъ году завѣса, спущенная надъ соціалъ-демократіей, слегка приподнялась, по крайней мѣрѣ, надъ западно-европейской *). Нѣсколько книгоиздательствъ,—«Буревѣстникъ», «Молотъ», «Колоколъ», Е. М. Алексѣевой и пр.,—получили возможность дать русской публикѣ нѣкоторую часть изъ богатой литературной сокровищницы международной партіи. Небольшія по объему брошюрки, выпущенныя указанными книгоиздательствами, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ общій, теоретическій интересъ. Но все же, благодаря имъ, русская публика теперь можетъ познакомиться съ марксистской литературой уже не журнальной, а спеціальнопартійной.

Во главу угла, конечно, здѣсь слѣдуетъ поставить «Коммунистическій манифестъ», изданный «Буревѣстникомъ» подъ названіемъ «О коммунизмѣ». Этотъ важнѣйшій историческій документъ партіи, заключающій основныя положенія научнаго соціализма, снабженъ обширнымъ предисловіемъ г. Плеханова. Въ критическомъ сопоставленіи идеи «Манифеста» съ теоріями буржуазныхъ историковъ г. Плехановъ ясно вскрываетъ отличительный характеръ исторической теоріи Маркса. «Манифестъ»—блестящій образецъ памфлетической литературы. Его мысли отчетливы до рѣзкости, его слова ярки до ослѣпительности. Но, несмотря на это, вокругъ его фразъ до сихъ поръ идетъ путаница «критическаго» отношенія,—такова ужъ судьба безстрастнаго критика не понимать наиболѣе ясныхъ тезисовъ. Поэтому предисловіе г. Плеханова намъ кажется необходимымъ: для нуждъ критики оно переплавляетъ въ горнилѣ буржуазной учености основную идею «Манифеста», написаннаго слишкомъ демократически.

Важнымъ дополненіемъ къ общимъ теоретическимъ положеніямъ соціалъ-демократіи является и брошюрка Каутскаго «Классовые интересы». Она подробно разбираетъ одно изъ главнѣйшихъ понятій, не только входящее краеугольнымъ камнемъ въ систему исторической теоріи марксизма, но и организующее его партійную дѣятельность,—классъ, классовые интересы. Марксъ началъ въ 4-мъ томѣ «Капитала» изслѣдованіе этого понятія, но рукопись какъ

---

*) Рецензія писана до 17-го октября. Теперь и въ Россіи приподнялась завѣса надъ соціалъ-демократіей, съ выходомъ въ свѣтъ двухъ партійныхъ органовъ—„Начало“ и „Новая жизнь“. *Ред.*

разъ и обрывается на этомъ началѣ. Тѣмъ болѣе важно было продолжить это изслѣдованіе, и статья Каутскаго является одной изъ самыхъ интересныхъ по этому вопросу. Отношеніе партіи къ классу, класса къ обществу и особое значеніе соціалъ-демократической партіи, какъ представительницы особаго же класса пролетаріевъ выяснено Каутскимъ достаточно точно.

Еще болѣе интересной, а для насъ, русскихъ, въ настоящее время и принципіально важнѣйшей является работа Ф. Энгельса «Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи». Соціальныя отношенія въ области сельскохозяйственной отличаются чрезвычайной сложностью, а примѣненіе «Марксовой догмы» къ земледѣлію подверглось, какъ извѣстно, самымъ ожесточеннымъ нападкамъ. Опровергнута ли жизнью и критикой «догма» въ ея аграрной программѣ, здѣсь, конечно, невозможно разбирать. Мы отсылаемъ читателя къ предисловію г. Плеханова, отвѣчающему на этотъ вопросъ; въ немъ нашелъ себѣ мѣсто и мѣткій анализъ «аграрнаго» соціализма партіи соціалистовъ-революціонеровъ, возведшихъ теоретическое благополучіе своей аграрной системы на воображаемыхъ развалинахъ «догмы». Поскольку же предлагаемая брошюра Энгельса является и до сихъ поръ руководящей въ дѣятельности партіи можетъ свидѣтельствовать резолюція, принятая на сравнительно недавнемъ аграрномъ съѣздѣ бельгійской соціалистической партіи: «Пропагандисты, дѣйствующіе въ сельскихъ округахъ, никогда не должны упускать изъ виду, что рабочая партія есть, по самому опредѣленію своему, партія класса; что, слѣдовательно, она должна защищать интересы всѣхъ эксплуатируемыхъ, но прежде всего живущихъ въ деревняхъ промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и тѣхъ мелкихъ крестьянъ, условія жизни и труда которыхъ приближаются къ условіямъ существованія наемныхъ рабочихъ». Такимъ образомъ, здѣсь никто и не помышляетъ объ исключеніи мелкихъ крестьянъ изъ соціалъ-демократіи. Но это рѣшеніе съѣзда и является какъ разъ основной мыслью статьи Энгельса.

Чисто партійныя, агитаціонныя цѣли преслѣдуютъ двѣ брошюрки,—Гэда «Коллективизмъ» и Браке «Долой соціалъ-демократовъ»! Первая въ ясныхъ и простыхъ выраженіяхъ излагаетъ идеи наиболѣе ортодоксальной французской рабочей партіи объ экономическихъ причинахъ, «дѣлающихъ возможнымъ» и «неизбѣжно вызывающихъ» осуществленіе коллективистическаго строя. Вторая въ живой бесѣдѣ съ читателемъ разрушаетъ буржуазныя сказки, созданныя вокругъ соціалъ-демократической партіи, и съ неподдѣльнымъ воодушевленіемъ какъ бы «распропагандировываетъ» «любезнаго читателя».

Наконецъ, книжка М. Шиппеля касается исторіи и значенія одного изъ видовъ рабочихъ организацій, профессіональныхъ союзовъ. Изложивъ отношенія буржуазнаго законодательства Англіи, Франціи и Германіи къ рабочимъ союзамъ, Шиппель обрисовываетъ экономическія выгоды для рабочихъ отъ подобнаго соединенія силъ и выясняетъ воспитательную дѣятельность профессіональныхъ союзовъ рабочихъ, какъ одно изъ организующихъ началъ въ ихъ классовомъ самоопредѣленіи, указывая, такимъ образомъ, мѣсто профессіональнаго движенія въ общемъ партійномъ.

Остальныя три брошюрки не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ партійной дѣятельности, но той или другой частью своей темы онѣ все же претендуютъ на партійный интересъ. «Воспоминанія о Марксѣ» В. Либкнехта въ этомъ смыслѣ не требуютъ особыхъ разъясненій. «Мертвецы Коммуны» Артура Арну являются сильной, потрясающей надгробной рѣчью о герояхъ—мученикахъ парижской коммуны 1871 г., когда пролетаріатъ впервые въ исторіи попытался осуществить диктатуру своего класса. Статья Л. Аксельрода о «Проблемахъ идеализма» занята критикой этой такъ недавно нашумѣвшей книги и соціальной характеристикой неоидеалистическаго напра-

вленія съ точки зрѣнія ортодоксальнаго марксизма. Но въ настоящее время неоидеализмъ точно также канулъ въ Лету «литературныхъ» направленій, какъ въ свое время и его антиподъ, журнальный марксизмъ. Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, полемическія цѣли, статья Л. Аксельрода представляетъ историческій интересъ. Со времени появленія «Проблемъ идеализма» неоидеализмъ успѣлъ проявить болѣе точно и конкретно свои общественно-политическіе признаки, чтобы за отысканіемъ таковыхъ обращаться къ философской полемической литературѣ. *Л. Б.*

Карлъ Марксъ. Историческіе очерки. Германія въ 1848—1850 гг. Переводъ съ нѣмецкаго. Кіевъ. 1905. Изд. Е. Алексѣевой, 108 стр. Ц. 25 к. Карлъ Марксъ. Итоги 48-го г. Перев. съ нѣмец. Спб. 1905. Книгоиздательство «Молотъ» 39 стр. Цѣна 10 коп. Переводъ историческихъ очерковъ Карла Маркса, посвященныхъ Германіи 1848 года, появляется какъ нельзя болѣе кстати:—событія нѣмецкой исторіи, отдаленныя отъ насъ болѣе чѣмъ полувѣкомъ, получили для Россіи интересъ современности.

И блестящее изображеніе этихъ событій такимъ ихъ современникомъ, какъ Карлъ Марксъ, имѣетъ для теперешняго русскаго читателя не только историческій, но и живой практическій интересъ. Сжатыми и яркими словами описывая событія нѣмецкой революціи и контръ-революціи, Марксъ не ограничивается однимъ описаніемъ, а попутно выясняетъ основныя начала механики и тактики революціонныхъ періодовъ.

Съ безпощаднымъ сарказмомъ онъ обличаетъ трусость, запуганность, мелочность нѣмецкихъ либераловъ 48-го года, на слѣдующій день послѣ переворота смиренно склонившихъ свои головы передъ быстро оправившейся реакціей.

И это трусливое поведеніе нѣмецкой буржуазіи было продиктовано боязнью не только передъ правительствомъ, но и передъ рабочими. Когда французы совершали свою революцію, рабочій классъ не выдвигалъ своей обособленной политической программы и не пугалъ буржуазію краснымъ призракомъ. Благодаря этому настроеніе революціонныхъ слоевъ не раздваивалось, было яркимъ и цѣльнымъ, рождая иллюзію, что весь «народъ» борется съ кучкою привеллигерованныхъ.

Но нѣмецкая буржуазія и нѣмецкій пролетаріатъ 48-го года уже вкусили отъ древа познанія классовыхъ интересовъ, они недовѣрчиво косились другъ на друга, каждый изъ нихъ гнулъ свою историческую линію и революціонная энергія буржуазіи была благодаря этому сильно ослаблена. Она шла въ бой съ феодализмомъ и бюрократіей и въ тоже время тревожно и недовѣрчиво оглядывалась на свою армію—рабочія массы.

И какъ только завоеваны были основныя права, необходимыя для существованія буржуазіи, она сложила свое оружіе у ногъ бюрократіи. Марксъ далъ лучшую въ литературѣ характеристику позорной трусости нѣмецкихъ либераловъ 48-го года. Нѣмецкая буржуазія, говоритъ Марксъ, «землетрясеніемъ была выброшена на поверхность новаго общества. Безъ вѣры въ себя самое, безъ вѣры въ народъ, она брюзжала на то, что было выше ея, дрожала предъ тѣмъ, что стояло за ней, и была полна эгоистическихъ помысловъ. И съ яснымъ сознаніемъ своего эгоизма буржуазія рисовалась какъ революціонеръ предъ консерваторами и была консервативна съ революціонерами. Она потеряла вѣру въ собственные лозунги, и у нея вмѣсто идей остались фразы. Напуганная міровой бурею, она вмѣстѣ съ тѣмъ эксплуатировала ее. Безъ энергіи въ какомъ бы то ни было направленіи и съ заимствованіями по всѣмъ направленіямъ, она была пошла, потому что не оригинальна. Она барышничала даже собственными своими желаніями. Безъ иниціативы, безъ вѣры въ самое себя, безъ вѣры въ народъ, безъ всемірно-исторической миссіи—она походила на проклятаго старика, осужденнаго на то, чтобы, въ собственныхъ старче-

скихъ интересахъ, руководить первыми порывами молодости мощнаго народа. Слѣпой, глухой, беззубой и дряхлой, вотъ какой оказалась прусская буржуазія у кормила прусскаго государства послѣ мартовской революціи («Итоги 48-го года» стр. 14).

Будь въ это время въ Германіи прочно сложившаяся рабочая партія, она бы, конечно, толкала буржуазію влѣво и заставила бы ее принять широкую демократическую программу. Но отчеркивая свою политическую программу отъ программы буржуазіи, ведя свою самостоятельную историческую линію, рабочая партія ни въ коемъ случаѣ не могла бы исключительно путемъ противопоставленія классовыхъ интересовъ пролетаріата и буржуазіи придать политическому перевороту 1848 года болѣе широкій демократическій характеръ. На ряду съ этимъ противопоставленіемъ необходимо было разыскать и установить общее политическое русло, безъ чего мощь и ширь переворота была бы подорвана въ самомъ корнѣ.

Марксъ, всегда указывая на необходимость классовой программы и яснаго выставленія своей классовой позиціи, однако, подчеркивалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что «союзъ различныхъ классовъ» до «извѣстной степени всегда составляетъ необходимое условіе всякой революціи» (К. Марксъ. Германія въ 1848—50 гг. Стр. 36).

Блестяще написанные «Историческіе очерки» Маркса, мы усердно рекомендуемъ русскому читателю—онъ извлечетъ изъ нихъ не только знакомство съ интереснѣйшей эпохой прошлаго Германіи, но и поучительныя руководства относительно грядущаго родной страны. *П. Берлинъ.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Разсказы о родной странѣ и ея обитателяхъ. Издательство О. Поповой. № 53. На русскомъ привольѣ. Великороссы. Очеркъ Сно. Съ 3 рис. 72 стр. Ц. 13 коп. № 54. Въ степяхъ и садахъ Украйны. Малороссы. Очеркъ Е. Сно. Съ 1 рис. 28 стр. Ц. 6 коп. № 55. Въ болотахъ Полѣсья. Бѣлорусы. Очеркъ Е. Сно. 24 стр. Ц. 5 коп. № 56. На западной окраинѣ. Поляки и Литовцы. Очеркъ Е. Сно. Съ 3 рис. 32 стр. Ц. 6 коп. № 57. Въ странѣ скалъ и озеръ. Финны. Очеркъ Е. Сно. Съ 2 рис. 50 стр. Ц. 10 коп. № 58. Потомки золотой Орды. Татары. Очеркъ Е. Сно. Съ 2 рис. 28 стр. Ц. 5 коп. № 59. Чудный край и его жители. Кавказъ. Очеркъ Е. Сно. Съ 2 рис. 75 стр. Ц. 13 коп. № 60. У Ледовитаго океана. Самоѣды. Очеркъ Е. Сно. Съ 1 рис. 22 стр. Ц. 5 коп. № 61. За Уральскимъ хребтомъ. Инородцы Сибири. Очеркъ Е. Сно. Съ 2 рис. 51 стр. Ц. 10 коп. № 62. Среди знойныхъ пустынь и широкихъ степей. Народы Туркестана. Очеркъ Е. Сно. Съ 2 рис. 55 стр. Ц. 10 коп. Перечисленныя книжки написаны однимъ и тѣмъ же авторомъ и носятъ одинаковый характеръ, знакомя неподготовленнаго читателя съ бытомъ населенія разныхъ областей русскаго государства. Изложеніе почти вездѣ живое, порою, интересное, но не всѣ книжки равны по достоинству. На первомъ мѣстѣ надо поставить № 57, книжку о Финляндіи, написанную тепло и довольно обстоятельно затрогивающую различныя стороны жизни этой окраины. Къ сожалѣнію, авторъ ничего не говоритъ о государственномъ строѣ Финляндіи, дающемъ ключъ для объясненія того чувства законности, развитіе котораго отмѣчаетъ авторъ. Если будетъ 2-ое изданіе, то желательно прибавить къ книжкѣ одну главку объ этомъ предметѣ. Слабѣе другихъ № 53, На русскомъ привольѣ (Великороссы). Самое заглавіе неудачно, потому что никакого приволья нѣтъ, если не подразумѣвать прос-

торъ, который можетъ услаждать глазъ туриста. Читается эта книжка съ порядочной скукой, какъ самая заурядная географія.—№ 56, трактующій о полякахъ и литовцахъ, тоже изъ слабыхъ. № 54 о Малороссахъ много выигралъ бы отъ прибавки историческаго очерка, а въ № 58 необходимо внести поправку о времени возникновенія магометанства (стр. 12), появившагося будто бы «спустя около вѣка по Рождествѣ Христовомъ». Годъ рожденія Магомета 570—571; а смерти 632 по Р. Х.

Издательство О. Поповой. В. Анучинъ: Сибирскія легенды. Вѣчный скиталецъ. Тахмахъ. № 12. Стр. 19. Ц. 5 к.—Его-же (№ 17). Разсказъ—«Уважили». 18 стр. Ц. 2 к. Обѣ книжечки хороши. Въ первой авторъ въ поэтической формѣ передаетъ двѣ сибирскія легенды на одинъ и тотъ же сюжетъ: корыстолюбіе. Въ обоихъ случаяхъ оно ведетъ къ преступленію, за которымъ слѣдуетъ тяжелая кара. По своей морали эти легенды годны для дѣтей, а благодаря красивой фабулѣ и формѣ нравятся и взрослымъ.—Разсказъ: «Уважили» производитъ тяжелое и безотрадное впечатлѣніе. Дѣло идетъ о безобидномъ китайцѣ, служившемъ пастухомъ въ сибирскомъ поселкѣ и разстрѣлянномъ не менѣе безобидными русскими мужичками по слуху о «приказѣ перебить всѣхъ китайцевъ». Драматизмъ заключается въ томъ, что добродушный и любвеобильный китаецъ самъ проситъ покончить съ нимъ, предпочитая разстрѣлъ изгнанію на всѣ 4 стороны, о которомъ было думали сначала мужики... «добродушные мужички», опомнившись, что это было-бы «не по приказу», покормивъ и обласкавъ жертву, совершаютъ мерзкую казнь со слезами въ душѣ и на глазахъ, но въ полной увѣренности, что идти противъ начальства нельзя.

Изъ другихъ изданій О. Н. Поповой отмѣтимъ: **Гекторъ Мало. Безъ семьи. Переводъ (въ сокращеніи) съ французскаго О. Н. Поповой. 181 стр. Ц. 40 к.** Книжка должна нравиться дѣтямъ и подросткамъ. Въ ней очень тепло описываются различныя злоключенія мальчика «найденыша», переходящаго изъ рукъ въ руки, но вездѣ находящаго все-таки добрыхъ и благожелательныхъ людей, оказывающихъ ему ласку и любовь. Оторванный отъ пріемной матери корыстолюбіемъ ея мужа, «найденышъ» попадаетъ къ странствующему комедіанту, совершаетъ путешествія по разнымъ странамъ и въ концѣ концовъ находитъ родную семью. Самыя приключенія мало вѣроятны, но разсказъ о мальчикѣ такъ занимателенъ, что автору можно простить обиліе злодѣевъ и не меньшее обиліе прекрасныхъ людей, встрѣчающихся въ повѣствованіи. Книжка иллюстрирована 29 рис.; слогъ перевода отличный.

Двѣ другія книжки О. Н. Поповой тоже заслуживаютъ вниманія. Это: **«Годъ на материкѣ южнаго полюса»** (**Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ**) и **«Севастополь и его оборона» (№ 69). «Годъ на материкѣ южнаго полюса» (съ 18 рисунками и картой. 91 стр. Ц. 30 к.)** составленъ по отчету начальника экспедиціи «Южнаго Креста» Борхгревинка и запискамъ Луи Бернакки, ученаго физика и метеоролога той-же экспедиціи, отправившейся въ плаваніе въ августѣ 1898 г. и снаряженной англичанами. Пересказъ составленъ умѣло и читается съ интересомъ: читатель достаточно полно знакомится со всѣми трудностями путешествій въ полярныя страны. Большая часть книжки занята описаніемъ зимовки на материкѣ южнаго полюса (на Землѣ Южной Викторіи) и составляетъ естественное дополненіе къ путешествію къ сѣверному полюсу Нансена.

«Севастополь и его оборона». Съ 5 рис. и 2 картами. 126 стр. Ц. 30 к. Въ виду русско-японской войны нельзя не привѣтствовать книжки о Севастополѣ; это Портъ-Артуръ Крымской войны. Въ небольшомъ очеркѣ г-жа Попова разсказываетъ не только перипетіи военныхъ дѣйствій, но всюду вводитъ указанія на различныя темныя стороны русской общественной жизни 40-хъ го-

довъ. Нѣкоторыя цитаты изъ Аксакова, приводимыя авторомъ, съ полнымъ правомъ можно отнести и къ нашему времени и, перемѣнивъ годъ, помѣстить въ современной газетѣ.

Къ изданіямъ О. Поповой относится и книжка **Сабининой: «Изъ жизни земли» № 65 изъ серіи. Изъ жизни природы и человѣка 109 стр. Ц. 25 к.** Книжка г-жи Сабининой отличается крайней дешевизной и снабжена очень отчетливыми рисунками (64 рис.) различныхъ вымершихъ растительныхъ и животныхъ формъ; написана книжка вполнѣ популярно и ее слѣдуетъ рекомендовать всѣмъ желающимъ познакомиться хоть вкратцѣ съ предметомъ геологіи и палеонтологіи. Въ текстѣ замѣченъ одинъ недосмотръ: сказавъ, что образованіе горъ происходитъ вслѣдствіе сжиманія охлаждающейся земной коры, образующей при этомъ складки (стр. 12—13), авторъ въ другихъ мѣстахъ (напр., на стр. 78), какъ будто, забываетъ объ этой главной причинѣ горообразованія и говоритъ о прорывѣ и выбрасываніи чрезъ толщу земной коры огненно-жидкихъ массъ, изъ которыхъ выростаютъ мощныя горы тамъ, гдѣ ихъ прежде не было. Это не вѣрно.

Танъ. Изд. Глаголева. Пашенькина смерть. Разсказъ. 40 стр. Ц. 7 к. Черный студентъ. Разсказъ. 24 стр. Ц. 4 к. Литературная репутація Тана вполнѣ установлена и оба разсказа отличаются качествами, обычными для произведеній этого автора. Въ первомъ читатель вводится въ больницу, гдѣ среди чуждой холодной обстановки приходится умирать молодой женщинѣ. «Зачѣмъ рождается человѣкъ»? «Зачѣмъ умираетъ и куда уходитъ послѣ смерти»? И вспомнивъ непривѣтную жизнь безчисленнаго множества людей въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, молодая женщина спрашиваетъ: «За что, Господи»?

«Черный студентъ» переноситъ совсѣмъ въ другую сферу. Дѣло происходитъ въ Америкѣ и черный студентъ—никто иной, какъ негръ, жизнь котораго дѣлится между университетомъ, гдѣ онъ слушаетъ медицину, и ресторономъ, гдѣ въ качествѣ лакея ему приходится зарабатывать на ученье. Но и въ этомъ разсказѣ слышится трагическая нотка: расовая ненависть тяготеетъ надъ душой негра; лакей ли, студентъ ли, онъ одинаково презираемъ за цвѣтъ кожи... и одна наивная, но жгучая мысль занимаетъ его—есть ли средство выбѣлить свою кожу?

Очеркъ того-же автора: Землепроходъ (Изд. Глаголева. 45 стр. Ц. 8 к.) имѣетъ сценой дѣйствія тоже Америку, но на этотъ разъ предъ нами русскій мужичекъ изъ типа скитальцевъ по бѣлу свѣту, ищущихъ гдѣ лучше? «Рыба ѣстъ рыбу, а человѣкъ—человѣка», говоритъ *землепроходецъ*. «Вотъ и подумаешь часомъ: пойду-ка я на иное мѣсто, можетъ, тамъ жить просторнѣе»... И онъ идетъ съ юга Россіи, черезъ Европу до Гавра; черезъ океанъ, въ Америку... «Земля какъ неводъ, а люди, какъ рыбы»... въ Америкѣ же «петли *больше*»—оцѣниваетъ землепроходецъ Новый Свѣтъ. Однако и здѣсь петли для него оказываются тѣсны... скиталецъ неудовлетворенъ и его тянетъ все впередъ, все въ даль.

Очеркъ Тана: «Кто первый пролилъ на землѣ кровь» (изд. Глаголева, 24 стр. Ц. 4 коп.) принадлежитъ совсѣмъ къ другому порядку, чѣмъ предыдущіе разсказы. Сюжетъ очерка—взятъ изъ преданій полярныхъ инородцевъ. Дѣйствующими лицами являются животныя: медвѣдь, песецъ, горностай, бѣлка, сова, олень, которымъ лиственница повѣствуетъ, откуда пошло на землѣ зло: холодъ, голодъ, взаимная травля... Все было прекрасно въ природѣ, но между животными возникла борьба *за власть*. Состязаніе въ бѣгѣ должно было рѣшить споръ, за кѣмъ останется преобладаніе, и въ этомъ состязаніи олень распоролъ рогами брюхо волку. Первая кровь пролилась... и проклятіе пало на весь животный міръ, на растенія, на самую землю... Какъ поэтическая легенда, разсказъ пригоденъ не для всякаго читателя.

Сѣрошевскій. «Кули». Разсказъ изъ китайской жизни. Изд. Глаголева. 45 стр. Ц. 8 коп. Этотъ прекрасный разсказъ заслуживаетъ самаго широкаго распространенія: онъ поучителенъ и производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Засуха и неурожай выгоняютъ изъ родныхъ мѣстъ двухъ братьевъ, китайцевъ. Въ поискахъ за кускомъ хлѣба они проходятъ города и селенья родной страны, всюду встрѣчая вражду конкуррентовъ, столь же голодныхъ и нуждающихся въ работѣ, какъ и они сами. Эксплуатація, обманъ и неудача сопровождаютъ братьевъ вплоть до береговъ моря. Здѣсь, за ничтожную плату они отдаютъ себя въ безъисходную кабалу «бѣлымъ», которые нагружаютъ живымъ товаромъ корабль... Злополучія «кули» кончаются смертью на кораблѣ, разбитомъ бурей и предательски брошенномъ командой изъ «христіанъ»...

Разсказъ того же автора: «Чукчи» (изд. Глаголева, 43 стр. Ц. 7 коп.) переноситъ читателя въ снѣга Якутской области. Двое политическихъ ссыльныхъ дѣлаютъ неудачную попытку пробраться къ морю съ помощью чукчей. На этой канвѣ авторъ рисуетъ нравы инородцевъ, суровую природу края, опасности и трудность путешествія. Въ высшей степени драматична сцена, когда путники вмѣсто гостепріимства знакомыхъ чукчей, къ которымъ стремились, находятъ палатки, полныя труповъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сдѣлавшихся жертвой соплеменниковъ. Не менѣе драматичны заключительныя страницы, гдѣ бѣглецамъ приходится на нартахъ спасаться отъ вскрывшагося моря.

Э. Геккель. Подъ солнцемъ Индіи. Путевыя письма. «Библіотека Всходовъ». 159 стр. Ц. 35 коп. Имя Геккеля достаточно говоритъ за достоинство книжки: дѣйствительно, ее прочтетъ съ удовольствіемъ, какъ натуралистъ, такъ и простой любитель. Въ 1900 г. маститый ученый, на склонѣ лѣтъ, предпринялъ путешествіе на Малайскій архипелагъ, побывалъ на остр. Сингапурѣ, Суматрѣ, Явѣ и втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ изучалъ и наблюдалъ всѣ чудеса тропической природы. Отрѣшившись отъ узкой колеи спеціалиста, Геккель испыталъ въ непосредственномъ общеніи съ природой глубокій подъемъ мысли и чувства и это отражается въ описаніяхъ всего имъ видѣннаго и испытаннаго. Особенно хороша глава III, гдѣ изображается «Бунтерцоргъ»—ботаническій садъ, разведенный голландцами на Явѣ и открытый для изслѣдователей и ученыхъ всего міра. Въ этомъ чудномъ саду, существующемъ съ 1817 г., ботаникъ можетъ изучать «непосредственно у первоисточника тайны растительной жизни въ ея богатѣйшемъ расцвѣтѣ» и путемъ личныхъ наблюденій въ короткое время пріобрѣсти столько знаній, сколько не дадутъ цѣлые годы изученій въ кабинетахъ и оранжереяхъ.—Книжка иллюстрирована многочисленными хорошими рисунками; изложеніе простое и изящное. Цѣна очень умѣренная.

В. М. Б—въ. Война съ Японіей. Событія отъ начала войны до послѣднихъ дней. Выпускъ 2-ой (событія за вторые 4 мѣсяца) 16 стр. 7 коп. Книжка заключаетъ *голый* перечень военныхъ событій происходившихъ еще до сдачи Портъ Артура. Цѣна высока, а книжка можетъ годиться только для справокъ какому-нибудь спеціалисту. О характерѣ этихъ справокъ можно судить, напр. по слѣд. «20—22 (іюль) мелкія стычки. 3 ян. арміи соединились. 23—24 небольшія столкновенія на развѣдкахъ»... и т. д. на протяженіи всѣхъ 16 страницъ.

Ф. Мускатблитъ. Битва при Ляоянѣ. Критическій очеркъ съ 6 рис. 5 картами и 1 чертежомъ. 68 стр. Ц. 30 коп. Очеркъ г. Мускатблита, писавшаго военные обзоры въ «Южномъ Обозрѣніи», составленъ на основаніи оффиціальныхъ донесеній русскихъ и японскихъ главнокомандующихъ и генераловъ (Куропаткина, Сахарова, Оямы, Куроки и др.) и повременныхъ изданій: Русскій Инвалидъ, Новости дня, Русскія Вѣдомости, Московскія Вѣдомости

и т. д. Очеркъ имѣетъ спеціальный интересъ; обыкновенный читатель найдетъ въ немъ лишь немногія страницы болѣе общаго характера, напр. разсказъ объ оставленіи Ляояна мирными жителями (стр. 37—40) или описаніе событій 22—25 августа при отступленіи нашихъ войскъ. Въ общемъ книга не можетъ расчитывать на широкое распространеніе.

Е. Н. Тихомирова. Картинки изъ японской жизни. Библіотека для семьи и школы. 54 стр. Ц. 15 коп. Книжка составлена по Пьеру Лоти, Шрейдеру и др. источникамъ и годится лишь для самаго первоначальнаго знакомства съ бытомъ и нравами японцевъ: она явно расчитана на дѣтей и школьниковъ младшаго возраста и этой цѣли вполнѣ удовлетворяетъ,—однако совершенно не понятно, почему авторъ стыдливо умалчиваетъ о существованіи японской конституціи, хотя и говоритъ о микадо и его реформахъ. Авторъ даже упоминаетъ о дарованіи странѣ самоуправленія, но выговорить слово: конституція—онъ не въ силахъ.—Цѣна книжки довольно высока.

Очерки путешествій по Памиру—Тагѣева—Рустамъ—Бека: «Черезъ Алай и Памиръ» принадлежитъ къ той-же «Библіотекѣ для семьи и школы» и представляетъ довольно таки сухое описаніе этой «кровли міра», представляющей каменную мертвую пустыню, на которой господствуютъ страшные вѣтры и морозы и насчитывается около 2000 жителей въ двухстахъ кибиткахъ, разбросанныхъ въ рѣдкихъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается растительность. И однако-же въ этой суровой и бѣдной горной странѣ, высотой отъ 12—17½ тыс. футовъ, почти въ центрѣ памирской территоріи находится русское укрѣпленіе и русскій гарнизонъ: среди тяжелыхъ лишеній онъ зорко сторожитъ «кратчайшую дорогу въ Индію»... Тяжелое впечатлѣніе выноситъ путешественникъ по Памиру. «Вы никогда не можете позабыть испытанныхъ вами въ пути лишеній, а надорванное при этомъ здоровье даетъ вамъ большой поводъ помянуть Памиръ недобрымъ словомъ», говоритъ авторъ. Какимъ же словомъ поминаетъ Памиръ русскій гарнизонъ, можно только догадываться... Очеркъ содержитъ 42 стр. и стоитъ 15 коп.—это не дешево.

Д. Языковъ (Д. Я.-Ш.), студентъ московскаго университета, выпустилъ нѣсколько **біографій**, а именно, **артистки О. О. Садовской (27 стр. Ц. 25 к.)** и писателей: **А. Хомякова (29 стр. Ц. 20 к.), А. Сухово-Кобылина (28 стр. Ц. 20 к.) и Ѳ. Тютчева** (не считая библіографіи **34 стр. Ц. 20 к.**). Прежде всего слѣдуетъ сказать, что по количеству сообщаемаго матеріала, стоимость книжекъ велика, а достоинство самихъ біографій не высоко. **Біографія Садовокой**, написанная къ 25-тилѣтію ея артистической дѣятельности на сценѣ Малаго театра, составлена въ томъ приподнятомъ духѣ, въ какомъ обыкновенно пишутся подобныя произведенія и для широкой публики значенія не имѣютъ. **Біографія Хомякова** слаба, въ ней ни слова не говорится о славянофилахъ, хотя имя Хомякова невольно связывается въ умѣ каждаго съ именами бр. Кирѣевскихъ, Аксакова, Самарина; въ книгѣ громадныя поля (какъ и въ другихъ біографіяхъ г. Языкова), встрѣчаются пустыя страницы, на которыхъ 4½ строки или только полстраницы текста, такъ что пустой бумаги—пропасть. О характерѣ біографіи можетъ дать понятіе стр. 14, гдѣ авторъ съ видимымъ удовольствіемъ говоритъ о Хомяковѣ-офицерѣ: «среди своихъ сослуживцевъ и въ глазахъ начальства нашъ юный кирасиръ пользовался очень большимъ авторитетомъ». Далѣе слѣдуетъ похвальный отзывъ командира, графа Остенъ-Сакена, отмѣчающаго, что Хомяковъ «исполнялъ всѣ посты по уставу православному и въ праздничные и воскресные дни посѣщалъ всѣ богослуженія»... Для біографіи и литературнаго очерка о Хомяковѣ можно бы выбрать что-нибудь по-интереснѣе... **О Сухово-Кобылинѣ** авторъ говоритъ восторженно: не только «Свадьба Кречинскаго», но и пьесы: «Дѣло», «Смерть Тарелкина» вызываютъ его восхищеніе. Съ меланхоліей говоритъ онъ, что

«печальная судьба» двухъ послѣднихъ пьесъ, въ свое время не поставленныхъ на сцену, не могла не отразиться на творчествѣ Сухово-Кобылина и онъ уединился въ деревню, гдѣ занялся сельскимъ хозяйствомъ. Одно утѣшаетъ г. Языкова—это званіе почетнаго академика, которое было даровано его любимому писателю, какъ знакъ глубокаго почтенія общества къ крупному таланту драматурга. **Біографія** поэта **Тютчева** отличается тѣми-же качествами: обиліемъ пустой бумаги, дороговизной и... скудостью содержанія. Особенно замѣчательны стр. 30 и 31, гдѣ разсказывается анекдотъ о шубѣ Тютчева и исторія его послѣдней любви, когда «поглощенный новой страстью, поэтъ не обратилъ даже вниманія на неудовольствіе двора, сталъ смѣло бравировать общественнымъ мнѣніемъ и навсегда испортилъ себѣ блестящую карьеру».

Вѣра Фигнеръ.

С. Т. Семеновъ. I. Въ родной деревнѣ. Очерки. II. Гаврила Скворцовъ. Повѣсть. Изд. Посредника. 213 стр. Ц. 1 р.

Его же. Родныя души. Изд. Посредника. 143 стр. Ц. 10 к.

Его же. Крестьянскіе разсказы. Изд. Посредника. 257 стр. Ц. 90 коп. С. Т. Семеновъ—писатель очень плодовитый и фирма «Посредникъ» издаетъ множество мелкихъ разсказовъ его, цѣною отъ 1½ до 6 к. Деревенская жизнь, со всѣми ея неприглядными сторонами—вотъ главная тема произведеній этого автора. «Въ родной деревнѣ» задушевнымъ тономъ разсказывается жизнь и наблюденія человѣка, котораго можно причислить къ прогрессивнымъ элементамъ деревни. Въ описаніи нѣтъ ничего новаго, но за то нѣтъ и ничего выдуманнаго; простота и естественность невольно привлекаютъ читателя, который непрестанно чувствуетъ, что авторъ передаетъ быль. И въ этомъ смыслѣ очерки прочтутся не безъ удовольствія; быть можетъ, кое-чему даже научатъ; напр., глава XXX, гдѣ говорится о книгахъ и чтеніяхъ съ туманными картинами въ деревнѣ. Но никакъ нельзя похвалить повѣсти «Гаврила Скворцовъ», помѣщенной въ той же рублевой книжкѣ. Повѣсть эта, напечатанная отдѣльно въ дешевомъ изданіи подъ названіемъ «Родныя души» и изображающая душевное сродство, а затѣмъ платоническія отношенія крестьянина Гаврилы Скворцова и крестьянки Аксиньи, исполнена искусственно и лишена всякой художественности. Пожелать ей успѣха мы не можемъ.

Книжка того же автора: «Крестьянскіе разсказы» представляетъ довольно объемистый сборникъ, гдѣ читателю предоставляется переходить отъ одной удручающей картины къ другой. Въ «Хорошемъ житьѣ» предъ нимъ деревенскій парень, сбившійся съ пути на хорошемъ и легкомъ заработкѣ въ городѣ... Въ «Солдаткѣ» молодая крестьянка, уходящая отъ злой свекрови, работящая и любящая отсутствующаго мужа, но изъ прачки опускающаяся до проститутки, благодаря соблазнамъ городской жизни... Удручающія картины! но интеллигентному читателю онѣ извѣстны изъ произведеній геніальнаго бытописателя деревенскаго нестроенія Г. И. Успенскаго, а читатель изъ народа не скажетъ ли по поводу такихъ картинъ того же, что не разъ говорилось въ народныхъ театрахъ и аудиторіяхъ въ аналогичныхъ случаяхъ: «мы это знаемъ, мы это настоящее видимъ... мы устали отъ этого—дайте намъ что-нибудь болѣе новое, интересное и бодрящее»!.. Нѣкоторые разсказы сборника, напр., «Въ Рождественскую ночь», «Супротивникъ» страдаютъ той же дѣланностью, что и «Родныя души». Досадно и положительно смѣшно читать, напр., слѣдующія слова, вложенныя авторомъ въ уста судебнаго слѣдователя, говорящаго невинно пострадавшему «супротивнику»: «А, т-а акъ!.. т-а-акъ!.. Ну, что же дѣлать, молодой человѣкъ, вы этимъ не огорчайтесь. Хорошее дѣло безъ нападокъ никогда не обойдется; идите твердо по своему пути и вѣрьте, что правда всегда побѣдитъ неправду». Стр. 253 (изд. 2-е). Невольно думаешь: La vertu, où va-t-elle se nicher!

Человѣкъ-чудовище. Повѣсть съ французскаго изложенія А. Юрьева **№ 420. Изд. Сытина. 72 стр. Ц. 10 к.** Непонятно, почему бы не сказать, что это—передѣлка романа Виктора Гюго: «Человѣкъ, который смѣется»? Тогда тотъ, кто не одобряетъ передѣлокъ и уродованій великихъ писателей, прямо прошелъ бы мимо этой книжонки. Безъ фразеологіи и лирики французскаго романиста и поэта, оголенная фабула знаменитаго романа производитъ впечатлѣніе ужасной безлѣпицы, а сцена въ парламентѣ является смѣшной каррикатурой. По общему тону передѣлки эту сцену всего лучше бы перенести въ волостное правленіе, а для полной иллюзіи Гуинплэна назвать Гаврилой.

Передъ нами двѣ книжки изданія Посредника, предназначенныя для интеллигентныхъ читателей: «**Вопль дѣтей**» **Франка Герда** переводъ съ англійскаго) **50 стр. Ц. 25.** и разсказъ **П. Хотымскаго «На новомъ мѣстѣ» 67 стр. Ц 25 к.** «Вопль дѣтей» изображаетъ положеніе дѣтскаго труда въ Англіи въ различныхъ отрасляхъ производства, какъ-то: коробочномъ, поясовъ и зонтовъ, бумажныхъ и холщевыхъ мѣшковъ, искусственныхъ цвѣтовъ и нѣкоторыхъ другихъ. Эксплуатація, горе и нищета, падающія съ сокрушающей силой на дѣтскія плечи—вотъ что описываетъ Гердъ. Онъ не разбираетъ причинъ и не указываетъ средствъ, ограничиваясь лишь фактической стороной дѣла, но вездѣ сочувствуетъ самъ и вызываетъ сочувствіе другихъ къ маленькимъ страдальцамъ... Книга не безполезна, но дорога, а переводъ кое-гдѣ тяжеловатъ.

Разсказъ **Хотымскаго «На новомъ мѣстѣ»** не дуренъ, но тема—еврейскій фанатизмъ—довольно избита; ново только мѣсто дѣйствія—далекая Сибирь, куда попадаетъ уголовный ссыльный изъ евреевъ. Случай сводитъ послѣдняго съ единовѣрцами, но вполнѣ осибирячившимися и живущими земледѣльческимъ трудомъ. Новоприбывшій, обласканный и отлично устроившійся, въ скоромъ времени бѣжитъ, однако, съ семьей изъ поселка, давшаго ему пріютъ и ласку, потому что не можетъ перенести сближенія своего сына со средой, во многомъ отступившей отъ обычнаго еврейскаго быта. Чаша оказывается переполненной, когда родители, мечтавшіе сдѣлать изъ сына раввина, видятъ его работающимъ на молотилкѣ въ группѣ молодыхъ парней и дѣвушекъ, а въ промежуткахъ процесса молотьбы, барахтающимся въ мягкой соломѣ среди хохота и визга заигрывающихъ съ нимъ женщинъ...

Де-Турже-Туржанская. Сапожникъ. 32 стр. Ц. 7 к. Очеркъ изображаетъ поступленіе неиспорченнаго деревенскаго мальчика въ сапожную мастерскую, гдѣ царитъ непросвѣтное пьянство. Онъ долго сопротивляется дурному вліянію, но вслѣдствіе разочарованія и неудачной любви тоже начинаетъ пить. Очеркъ не отличается особенными достоинствами и ему вредитъ посвященіе: «нашему любимому писателю Максиму Горькому». Это славное имя сейчасъ же вызываетъ въ воображеніи полные реализма и яркихъ красокъ разсказы автора, которому посвященъ блѣдный «Сапожникъ» и отъ этого сапоставленія «сапожникъ» блѣднѣетъ еще болѣе.

Волостной сходъ. Разсказъ о томъ, какъ устроены и дѣйствуютъ, по закону, волостныя крестьянскія установленія. Н. П. Дружинина. 92 стр. Ц. 25 к. Г. Дружининъ написалъ цѣлую серію разсказовъ по крестьянскому управленію: «Новое сельское общество», «Сельскій староста», «Волостное правленіе и волостной старшина«. «Волостной сходъ» составляетъ продолженіе этой серіи. Мысль дать вмѣсто сухого перечня узаконеній изображеніе крестьянскихъ учрежденій въ дѣйствіи, въ формѣ вымышленныхъ, но возможныхъ случаевъ—сама по себѣ не дурна, но количество свѣдѣній, сообщаемыхъ въ разбираемой книжкѣ о волостномъ сходѣ, крайне скудно, особенно при цѣнѣ въ 25 к. Для читателей деревни такая цѣна прямо недоступна, а кругъ

дѣятельности волостныхъ сходовъ такъ разнообразенъ, что для крестьянина, который захотѣлъ бы пріобрѣсти знакомство съ узаконеніями крестьянскаго волостного схода и его дѣятельностью въ различныхъ практическихъ случаяхъ, полезнѣе было бы простое популярное изложеніе дѣловой стороны вопроса. Въ книжкѣ г. Дружинина разобранъ случай пріема пожертвованія на библіотеку-читальню и основаніе ея, выборъ учетчиковъ, вопросъ о продовольствіи и о земскихъ гласныхъ. Все это помѣстилось бы на очень немногихъ страницахъ, если бы авторъ не прибѣгнулъ къ полубеллетристической формѣ, и книжка стоила бы копѣекъ 5. Въ концѣ разсказа помѣщенъ списокъ 1) общедоступныхъ пособій по законовѣдѣнію и 2) оффиціальныхъ изданій книгъ законовъ. За это нельзя не поблагодарить автора.

Промыслы и торговля въ древней Руси (Образованіе русскаго государства). **Составилъ Владиміръ Лабунскій. Съ рисунками и картою 47 стр. Ц. 15 к.** Названный очеркъ выпущенъ **Исторической коммиссіей Учебнаго Отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній** и годится для болѣе или менѣе подготовленнаго читателя изъ народа. Изложеніе довольно сухое и цѣна высока. Подзаголовокъ «Образованіе русскаго государства» можно бы опустить, такъ какъ мысль о значенія торговли, какъ одного изъ факторовъ вліявшихъ на образованіе русскаго государства, проведена по всей книжкѣ слабо и находится въ простой формулировкѣ лишь въ концѣ брошюрки.

«Черноморскія степи» выпущены Географической Коммиссіей того-же общества и составлены Н. Дилевской. 127 стр. Ц. 40 к. Природа, почва, климатъ, естественныя богатства и промысловыя занятія жителей—вотъ содержаніе очерка Черноморскихъ степей, изложеннаго хорошимъ и живымъ языкомъ. Книжка снабжена двумя небольшими картами: Россіи (Евр.) и Чернаго моря, и иллюстрирована хорошими, довольно многочисленными рисунками. Какъ по предмету, такъ и по изложенію книга предполагаетъ нѣкоторую подготовку въ читателѣ и для начинающихъ представитъ мало интереса.

Вѣра Фигнеръ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го сентября по 15-е октября 1905 г.).

А. Луговой. «Цѣль вашей жизни»? Повѣсти и разсказы. Спб. 1905. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 1 р. 25 к.

А. Вербицкая. Сны жизни. Разсказы. Москва. 1904. Изд. 4-ое. Ц. 1 р. По новому. Вечеринка. Повѣсти. Москва. 1905. Ц. 1 р. Вавочка. Романъ въ 3-хъ част. Москва. 1905. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

Ѳ. Рунова. Утренники и друг. разсказы. Москва. 1905. Изд. «Посредника». Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе пѣсенъ Беранже въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Подъ редакц. С. Трубачева. Т. IV. Спб. 1905. Изд. П. Пантелѣева.

«Несчастныя». Сборникъ стиховъ. Сост. И. Горбуновъ-Посадовъ. Москва. 1905. Изд. «Посредника». Ц. 15 к.

М. Ватсонъ. Стихотворенія. Спб. 1905. Ц. 75 к.

А. Васильевъ. Друзьямъ, товарищамъ, любителямъ стиховъ. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Октавъ Мирбо. Плохіе вожаки. Драма въ 5-ти д. Перев. съ франц. Житоміръ. 1905. Изд. И. Н. Коварскаго. Ц. 25 к.

Н. Тимковскій. Повѣсти и разсказы. т. 3-й. Москва. 1906. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Ц. 50 к.

Л. О. Вейнбергъ. Новая русская хрестоматія, ч. I. Ц. 1 р. 25 к., ч. II. Ц. 1 р. 35 к. Москва. 1905. Изд. книжн. магаз. В. Думнова.

А. Л. Волынскій. Ѳ. М. Достоевскій. Спб. 1905. Ц. 3 р.

Таблица современныхъ конституцій. Спб. 1906. Изд. Л. Велихова. Ц. 20 к.

Курсъ географіи внѣевропейскихъ странъ. Состав. препод. А. Круберъ, С. Григорьевъ, А. Барковъ и С. Чефрановъ. Москва. 1905. Ц. 85 к.

Н. Рожковъ. Историческіе и соціологическіе очерки. Сборникъ статей. Ч. I. Москва. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

П. Перцовъ. Венеція. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Свящ. М. Поповъ. Арсеній Мацѣевичъ митрополитъ Ростовскій и Ярославскій. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Проф. Ѳ. Благовидовъ. Къ работѣ общественной мысли по вопросу о церковной реформѣ. Казань. 1905. Ц. 50 к.

Исторія какъ наука и какъ предметъ преподаванія. Историко-методологич. этюдъ Ильи Смоленскаго. Вып. 1-й. Одесса. 1906. Ц. 1 р.

Уставъ о цензурѣ и печати. Составили И. Н. Лодыженскій и И. В. Ратьковъ-Рожновъ. Спб. 1905. Ц. 50 к.

И. Д. Новикъ. Современныя конституціи Москва. 1906. Изданіе Д. П. Ефимова. Ц. 2 р.

Современныя конституціи. Перев. подъ редакціей съ вступит. очерками и примѣч. прив.-доц. В. М. Гессена и бар. Нольде. Спб. 1905. Изд. «Права». Ц. 3 р.

Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Истор. монографіи и изслѣдованія. Книга 7-я, т. XVII и XVIII. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Спб. 1905. Изд. О-ва для пособ. нужд. литерат. и ученымъ. Ц. 3 р. 50 к.

Памятная книжка Тенишевскаго училища въ С.-Петербургѣ за 1901/2 и 1902/3 учебн. года. Годъ II и III. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Ник. Вашкевича. Діонисово дѣйство современности *о* сліяніи искусствъ. Эскизъ. Москва. 1905. Изд. «Скорпіонъ». Ц. 30 к.

Н. Вигдорчикъ. Замѣтки сибирскаго врача. Очерки бюрократической медицины. Ниж.-Новгородъ. 1905. Ц. 40 к.

Г. Ф. Чурсинъ. Народные обычаи и вѣрованія Кахетіи. Тифлисъ. 1905. Ц.

А. Ярошъ. До университета. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Ечинацъ. Подготовка къ жизни и свободная школа. Спб. 1905. Ц. 30 к.

И. Кантъ. Вѣчный миръ. Философ. очеркъ. Спб. 1905. Изд. Библ. для самообразов. VI кн. Ц.

Томасъ Моръ. Утопія. Перевелъ съ латинск. яз. А. Генкель при участіи Н. А. Макшеевой. Спб. 1905. Изд. 2-е испр. и доп. Ц. 75 к.

Влад. Григорьевъ. Избирательное право и организація выборовъ. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Сибирскіе вопросы. Періодическій сборникъ, издав. В. П. Сукачевымъ подъ ред. прив.-доц. М. Головачева. № 1. 1905. Спб. Ц. отд. кн. 3 р.

Сочиненія Фердинанда Лассаля. Т. II. Спб. 1905. Изд. Н. Глаголева.

П. А. Некрасовъ. Государство и академія. (Синтезъ (сложеніе) авторитетн. сужденій добросовѣстнаго меньшинства съ мнѣніями моральныхъ силъ доблестнаго большинства). Москва. 1905. Изд. подъ ред. Вл. Исаенкова.

С. В. Мартынова. Печорскій край. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Лянцичао. Лихунчжанъ или политическая исторія Китая за послѣдніе 40 лѣтъ. Перевели съ китайск. А. Н. Вознесенскій и Чжанчинтунъ. Спб. 1905. Изд. В. Березовскаго. Ц. 2 р.

К. Мягкова. О положеніи народныхъ учителей. Устюгъ. Книгоиздат. «Сѣверное эхо». Ц. 25 к.

Проф. И. А. Сикорскій. Психологическія основы воспитанія. Кіевъ. 1905. Ц. 20 к.

Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій. Его жизнь, творенія, письма и статьи. Подъ редак. В. Стасова. Спб. 1905. Изд. Т-ва М. Вольфа. Ц. 4 р.

П. Кедринскій. Краткая физическая географія для 5 и 6 кл. женск. гимн. г. Устюжна. 1905. Ц. 25 к.

Б. Беккеръ. Геометрическое и инженерное черченіе. Руководство и школа для студентовъ, техниковъ и чертежниковъ. Текстъ. Чертежи. Спб. 1905. 2-е изд. Ц. по 1 р. 60 к.

Л. Сокольскій. У подножья агрономическаго перевала. Одесса. 1905. Ц.

В. Ф. Залѣсскій. Гражданская практика казанскихъ судебн. установленій начала XIX-го вѣка. Казань. 1905. Ц. 1 р.

Историческій очеркъ Учительской Семинаріи военнаго вѣдомства (1863 — 1885 г.). Сост. бывш. воспитан. Семинаріи Грековъ и Ладновъ. Москва. 1905. Ц. 3 р.

Ю. Лавриновичъ. Рабочіе союзы. Спб. 1905. Изд. О. Поповой. Ц. 50 к.

І. Давыдовъ. Историческій матеріализмъ и критич. философія. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Толкованіе на Новый Завѣтъ блаженнаго Θеофилакта архіепископа Болгарскаго, въ переводѣ на русскій языкъ. Т. V. Казань. 1905. Ц. 2 р.

Мэри Племмеръ. Руководство для небольшихъ библіотекъ. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Евгенія Де-Турже-Туржанская. Царевна Мечта. Трудъ и капиталъ. Сказка для взрослыхъ. Смоленскъ. 1905. Ц. 20 к.

А. Опалихинскій. Торговецъ-идеалистъ. Тюмень. 1905.

Ан-а Стояновская. «Современное значеніе и національный характеръ японцевъ». Москва. 1906. Ц. 25 к.

Къ вопросу о реформѣ общеобразовательной школы въ Царствѣ Польскомъ. Москва. 1905.

В. Малиновская. Азбука рисованія. Курсъ графической грамотности. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

Изданія И. Горбунова-Посадова и «Посредника». 1) «Другъ животныхъ». Ч. I. Москва. 1905. Ц. 85 к. 2) Для крошечныхъ людей. Москва. 1905. Ц. 85 к. 3) Для маленькихъ людей. Москва. 1905. Ц. 1 р. 20 к. 4) А. Буткевичъ. Обзоръ пасѣчнаго хозяйства. Москва. 1905. Ц. 20 к. 5) Н. Гусевъ. Разсказы объ инквизиціи. Москва. 1905. Ц. 30 к. 6) Пѣснь о матери. Сборникъ стиховъ. Москва. 1905. Ц. 12 к. 7) Во что вѣруютъ японцы. Москва. 1905. Ц. 10 к. 8) К. Θомушкинъ. Счастливый день Дудкина. Москва. 1905. Ц. 10 к. 9) Несчастныя. Сборникъ стихотвореній. Москва. 1905. Ц. 5 к. 10) И. Наживинъ. Въ стѣнахъ. Москва. 1905. Ц. 6 к. 11) Генри Джорджъ. Преступность бѣдности. Москва. 1905. Ц. 3 к. 12) Ив. Франко. Къ свѣту. Москва. 1905. Ц. 1 к.

Изданія книгоиздательства «Буревѣстникъ». 1) А. Бебель. Женщина и соціализмъ. Пер. В. А. Поссе. Одесса. 1905. Ц. 1 р. 2) В. Либкнехтъ. Два міра. Одесса. 1905. Ц. 15 к. 3) Ж. Лонге. Соціализмъ въ Японіи. Одесса. 1905. Ц. 10 к. 3) Карлъ Марксъ. Гражданская война во Франціи. Изд. 2-е. Одесса. 1905. Ц. 15 коп. 5) К. Эйснеръ. В. Либкнехтъ, его жизнь и дѣятельность. Одесса. 1905. Ц. 15 к. 6) Э. Вандервельдъ. Золотая свадьба международнаго соціализма. Одесса. 1905. Ц. 6 к. 7) К. Каутскій. Воспоминанія. Одесса. 1905. Ц. 5 к.

Изданія школьной библіотеки. 1) Ломоносовъ. Москва. 1905. Ц. 10 к. 2) Какъ живутъ пчелы. Москва. 1905. Ц. 10 к. 3) Русскимъ дѣтямъ. Сборникъ стихотвореній. Москва. 1905. Ц. 15 к.

Изданія О. Н. Поповой. 1) Э. Пименова. Анри Дюнанъ — другъ раненыхъ. Спб. 1906. Ц. 2 к. 2) Я. Берлинъ. Исторія книги. Спб. 1906. Ц. 15 к. 3) В. Измайловъ. «Одинокіе». Спб. 1906. Ц. 5 к. 4) Міръ микробовъ, съ рис. Спб. 1906. Ц. 5 к. 5) Э. Пименова. Георгъ Вашингтонъ. Спб. 1906. Ц. 2 к. 6) Ея же. Іоганнъ Гутенбергъ. Спб. 1906. Ц. 3 к. 7) Ея же. Джонъ Говардъ — другъ заключенныхъ. Спб. 1906. Ц. 3 к.

Изданія В. И. Раппъ и Е. А. Фальковскаго. 1) В. Тайербокъ. Дочь Пастора. Спб. 1905. Ц. 20 к. 2) Ив. Наживинъ. Плотоядные. Спб. 1906. Ц. 8 к. 3) И. Данилинъ. Довольно! Харьк. 1905. Ц. 3 к. 4) Вл. Короленко. Яшка. Харьк. 1905. Ц. 10 к.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. 17-го октября.—II. Несчастный край.—III. Аграрныя волненія.—IV. Хроника.

«Революціонное движеніе въ Россіи побѣдитъ только какъ рабочее движеніе»,—говорилъ на парижскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ 1889 г. Г. В. Плехановъ. Предсказаніе выдающагося теоретика международнаго соціализма и перваго учителя россійской соціалъ-демократіи оправдалось, какъ рѣдко оправдываются историческія предсказанія. 17-го октября 1905 года борющійся пролетаріатъ Россіи побѣдилъ старый порядокъ. Мы знаемъ, какова эта побѣда, не преувеличиваемъ ея значенія, не предаемся сладкому покою наивной довѣрчивости. Но мы не имѣемъ причинъ преуменьшать свое торжество. Пусть манифестъ 17-го октября—даже не «листъ бумаги», какъ говорилъ Фридрихъ Вильгельмъ, а только обѣщаніе листа бумаги съ конституціонными гарантіями. Пусть это такъ! Но 17-го октября рухнула вѣковая традиція, развѣялось зловѣщее тріединое суевѣріе. Самодержавіе, православіе и народность,—какъ исконныя и незыблемыя основы нашей государственной и общественной жизни, отошли въ область преданія. Россія рѣшительно вошла въ семью европейскихъ народовъ и безповоротно отвергла азіатскія формы государственнаго быта. И на эту широкую дорогу свободнаго и культурнаго существованія—ее вывелъ пролетаріатъ. Долгіе годы безплодно и мучительно разбивались о стѣну самодержавія самоотверженныя усилія героическихъ борцовъ за свободу; долгіе годы въ сибирской тайгѣ, въ мрачныхъ тюрьмахъ, на зловѣщихъ висѣлицахъ гибли лучшіе сыны нашей родины. Казалось, борьба безполезна, и роковая стѣна отразитъ всѣ приступы. Но это только казалось. Въ забытыхъ низахъ, въ атмосферѣ неимовѣрнаго гнета и хищнической эксплоатаціи родины, и выросъ могучій освободитель Россіи - рабочій классъ. Онъ поднялъ знамя борьбы за свои классовые интересы, за свое освобожденіе. Но борьба его не была и не могла быть борьбой за какія-либо привилегіи. Его борьба, какъ борьба самаго угнетеннаго класса современнаго капиталистическаго общества, была, есть и будетъ борьбой за свободу всего народа и, въ конечномъ счетѣ, за свободу всего человѣчества. Россія понимаетъ первые плоды этой соціалистической борьбы, интернаціональной по самому существу своему и въ то же время благотворно національной по своимъ ближайшимъ послѣдствіямъ. Россійская революція — дѣло пролетаріата. Историкъ рабочаго класса Россіи, описывая октябрьскій взрывъ, съ гордостью можетъ обратиться къ пролетаріату со словами поэта:

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ!

Безъ сомнѣнія, въ составѣ революціонной арміи, боровшейся въ славные октябрьскіе дни, видное мѣсто занимала и буржуазная демократія, — но не она заставила капитулировать самодержавіе, не она опредѣлила и содержаніе и форму борьбы. И лозунгъ движенія: всенародное учредительное собраніе для установленія демократической республики, и форма его—все-

общая политическая стачка принадлежатъ пролетаріату и впервые выдвинуты соціалъ-демократіей. Выясненіе первенствующей роли рабочаго класса въ россійской революціи имѣетъ важное практическое значеніе. Только пониманіе этой роли даетъ возможность оцѣнить актъ 17-го октября и опредѣлить какъ дальнѣйшій ходъ, такъ и ближайшія задачи революціоннаго движенія.

Мы сказали, что манифестъ 17-го октября представляетъ даже не «бумажную конституцію», а только обѣщаніе бумажной конституціи. Но и это обѣщаніе сопровождается такими оговорками и ограниченіями, которыя ясно показываютъ всю невозможность для силъ отжившаго порядка стать въ уровень съ требованіями новой жизни. Манифестъ обѣщаетъ гражданамъ «незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, собраній и союзовъ». Докладъ же графа Витте, опубликованный вмѣстѣ съ манифестомъ и составляющій необходимое къ нему дополненіе, спѣшитъ оговориться, что «предоставленіе населенію правъ гражданской свободы должно сопутствоваться законнымъ ограниченіемъ ея для твердаго огражденія правъ третьихъ лицъ, спокойствія и безопасности государства».

Въ настоящій моментъ, когда все царство польское отдано въ распоряженіе грубой военной силы, а шесть коренныхъ русскихъ губерній объявлены достояніемъ сатраповъ-генералъ-адъютантовъ, истинный смыслъ «твердаго огражденія» правъ частныхъ лицъ и государственной безопасности ясенъ для каждаго. Какъ и слѣдовало ожидать, правительство употребляетъ всѣ усилія и не останавливается ни передъ какими средствами, чтобы сократить неограниченную силу власти и подавить вспышки народнаго движенія.

Менѣе опредѣлились, но, въ общемъ достаточно выяснились и туманныя обѣщанія манифеста относительно реформы народнаго представительства. Эти обѣщанія покажутся особенно малыми и жалкими, если принять во вниманіе, что онѣ вызваны борьбою самаго непримиримаго общественнаго класса—пролетаріата. Манифестъ 17-го отказывается отъ печальной памяти булыгинской думы, онъ признаетъ необходимость расширенія избирательнаго права, но признаетъ въ предѣлахъ, до послѣдней степени не отвѣчающихъ народнымъ требованіямъ. «Не останавливая—гласитъ манифестъ — предназначаемыхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку». Такимъ образомъ, вмѣсто немедленныхъ гарантій гражданской свободы манифестъ устанавливаетъ длинный испытательный періодъ, въ который русскій народъ долженъ пріобрѣсти навыкъ свободной жизни; вмѣсто всенароднаго учредительнаго собранія ставитъ палату соглашенія, гдѣ представительство пролетаріата, очевидно, будетъ имѣть формальное значеніе и гдѣ имущіе классы употребятъ всѣ усилія, чтобы сторговаться съ монархіей за счетъ дѣйствительныхъ правъ широкихъ народныхъ массъ.

*

Такія перспективы, естественно, не могутъ удовлетворить тѣхъ, кто являлся до сихъ поръ самымъ главнымъ и самымъ рѣшительнымъ борцомъ за народную свободу. Отчасти инстинктивно, отчасти сознательно народныя массы улавливаютъ опасность, которая грозитъ пролетаріату и крестьянству на почвѣ манифеста 17-го октября. Въ низахъ совершается усиленное броженіе; революціонный процессъ не только не утихаетъ, но продолжаетъ развиваться. Вторая, ноябрьская, политическая забастовка убѣдительно показываетъ, какая громадная революціонная энергія скопилась въ рядахъ городскихъ рабочихъ, какъ выросла ихъ сознательность, ихъ организованность въ эти великіе дни революціи, когда каждый день равняется году. Съ другой стороны, крестьянскія волненія, вспыхнувшія въ небывало рѣзкой и бурной формѣ, хотя и не имѣютъ самостоятельнаго значенія, но являются мощнымъ пособникомъ сознательнаго и революціонно настроеннаго пролетаріата. Кривая революціи непрерывно поднимается. Она не достигла еще кульминаціонной точки, но она уже стремится къ ней.

Эти соображенія достаточно опредѣляютъ общія линіи той тактики, которую должны выработать истинные и честные друзья свободы по поводу обѣщаній 17-го октября.

Но, кромѣ того, необходимо еще принять во вниманіе и то, что творится и во вражескомъ лагерѣ реакціонеровъ и въ станѣ вчерашнихъ союзниковъ— на правомъ флангѣ освободительнаго движенія. Реакціонная армія послѣ 17-го октября сдѣлала, въ сущности говоря, попытку вооруженнаго возстанія, въ намѣреніи учинить которое она постоянно обвиняла и обвиняетъ революціонеровъ. Нужна была вся громадная сила революціи, чтобы парализовать эту отчаянную вспышку реакціи. Только *всенародный* характеръ революціоннаго движенія спасъ святое дѣло свободы отъ покушенія политическихъ хулигановъ, только онъ далъ силы безоружному, почти безпомощному населенію обратить въ ничто вооруженное и организованное нападеніе реакціи. Первая попытка контръ-революціи не удалась, но она можетъ повториться еще разъ и еще разъ. На сторонѣ и даже во главѣ реакціонныхъ шаекъ весь административный механизмъ стараго режима. Въ распоряженіи реакціи фактически оказались слѣпые, развращенные самодержавіемъ солдаты. Въ ужасныхъ октябрьскихъ погромахъ и насиліяхъ надъ евреями, интеллигенціей и сознательными рабочими и крестьянами, погромахъ, разсказы о которыхъ приводятъ въ трепетъ самыя холодныя сердца,—повсюду вырисовывается одна общая схема. Малочисленныя шайки босяковъ, отрядовъ городского населенія, всегда готовыхъ продаться реакціи, нѣкоторая часть тупоумныхъ мѣщанъ и торгашей, воспользовавшихся случаевъ свести счеты съ своими конкуррентами изъ мелкой буржуазіи и своими угнетателями изъ крупной буржуазіи, иногда толпа полудикихъ крестьянъ,—вотъ основные элементы жалкой арміи погромщиковъ. Реакція выпускала ихъ въ качествѣ передовыхъ отрядовъ. Борьба съ ними была бы не трудной при самой незначительной организаціи. Но за этою шайкою сволочи и мошенниковъ, за нею и среди нея, стояла во многихъ городахъ и селахъ мѣстная администрація, вплоть до губернаторовъ и командующихъ

войсками, привѣтствовавшихъ походъ черной сотни. Армія, покрывшая себя позоромъ на манчжурскихъ поляхъ, покрыла себя еще и въ тысячу разъ большимъ позоромъ на улицахъ русскихъ городовъ: она защищала не гражданъ отъ хулигановъ, а хулигановъ отъ гражданъ; она залпами очищала улицы для погромщиковъ и, по слухамъ, даже принимала участіе въ грабежѣ и дѣлила съ ворами кровавое наслѣдство убитыхъ. Повторяемъ: только всенародный характеръ революціи спасъ свободу отъ покушенія реакціи, снабженной всѣми средствами современной военной техники для того, чтобы залить кровью народное движеніе. Народъ, безоружный и безпомощный, устоялъ, несмотря на обильныя жертвы. Моральная сила революціоннаго народа сломила физическую силу самодержавія. Однако, неудача первой попытки контръреволюціи не обезпечиваетъ Россію отъ новой попытки. Реакція еще можетъ поднять гнусную голову, она пытается сдѣлать это, она угрожаетъ новыми кровопролитіями... И кто будетъ имѣть столько смѣлости, чтобы посовѣтовать народу встрѣтить новый напоръ реакціонной арміи только моральнымъ оружіемъ? Кто будетъ имѣть столько смѣлости, чтобы призвать къ успокоенію и порядку народъ, которому не сегодня-завтра грозитъ новое нападеніе?

Находятся и такіе политики. Мы не будемъ говорить о такъ называемыхъ хулиганствующихъ дѣятеляхъ и органахъ печати. Ихъ позиція ясна и понятна. Но не все обстоитъ благополучно или, вѣрнѣе, все обстоитъ неблагополучно и на правомъ флангѣ освободительнаго движенія, гдѣ такъ удобно и даже красиво размѣстились герои многочисленныхъ съѣздовъ, банкетовъ, обѣдовъ и ужиновъ во славу свободы. Сейчасъ, когда пишутся эти строки, предъ нами еще нѣтъ опредѣленныхъ рѣшеній земскаго и городского съѣзда. Но отдѣльныя резолюціи земствъ и думъ, отдѣльныя рѣчи видныхъ членовъ либеральной оппозиціи, вчера еще если не красно думавшихъ, то красно говорившихъ,— уже показываютъ, по какому руслу направляется значительная часть либеральной буржуазіи. Она, какъ и черная сотня, готовитъ *контръ-революцію*. «Я былъ революціонеромъ,—говоритъ, напримѣръ, предсѣдатель Черниговской губернской управы г. Свѣчинъ,—всѣ истекшіе 12 мѣсяцевъ... Но это обстоятельство не обозначаетъ того, чтобы я желалъ и впредь оставаться революціонеромъ».

«Манифестъ 17-го октября,—по мнѣнію г. Кузьмина-Караваева,—далъ основы всего того, что земскіе съѣзды требовали. Дальше начинается творческая работа».

Если гг. Свѣчины, К. Караваевы и многіе имъ подобные желаютъ перестать быть даже такими «революціонерами», какими они были, если они желаютъ отдаться творческой работѣ, то ясно, что это «творчество», направленное якобы къ тому, чтобы вырвать почву изъ подъ черной реакціи и революціонной лѣвой, прежде всего обратится противъ революціи. Борьба на два фронта въ данномъ случаѣ невозможна.. Земцы могутъ или бороться противъ реакціи вмѣстѣ съ революціоннымъ народомъ или противъ революціоннаго народа вмѣстѣ съ реакціей. При конкретныхъ условіяхъ настоящаго момента либералы неизбѣжно займутъ вторую позицію, уже потому, что съ редакціей

имъ сейчасъ не придется бороться. Разъ земцы войдутъ въ правительство гр. Витте и объявятъ войну крайней лѣвой, реакціонеры, какъ люди дѣла, спокойно спрячутъ оружіе въ карманъ и подождутъ, пока либералы задавятъ революціонное движеніе. И только тогда, когда оппозиціи удастся подавить революцію и либералы приготовятся торжествовать побѣду, реакція подниметъ руку и однимъ ударомъ смететъ построенное на пескѣ зданіе либерализма, отрекшагося отъ революціоннаго народа. Такъ было всегда и вездѣ, такъ можетъ быть и у насъ. Можетъ быть, но можетъ и не быть.

Высокая степень классового самосознанія россійскаго пролетаріата, не имѣвшаяся на западѣ въ соотвѣтствующіе историческіе моменты, напряженное недовольство русскаго крестьянства позволяютъ надѣяться на завоеваніе народными массами наибольшихъ правъ, возможныхъ въ современномъ буржуазномъ государствѣ и въ современномъ обществѣ, покоящемся на частной собственности.

Этотъ исходъ зависитъ не только отъ стихійныхъ, внѣ человѣческой воли находящихся условій, но и отъ степени сознательности, которую удастся внести въ стихійное движеніе. Поэтому всѣ демократическіе элементы общества ясно и твердо должны заклеймить, какъ предательство, попытки либеральной буржуазіи свести счетъ безъ хозяина. Задачи демократіи заключаются не въ постыдномъ торгѣ съ правительствомъ за спиною народа. Манифестъ 17 октября не далъ свободы, но онъ провозгласилъ свободы, а революціонный народъ осуществилъ ихъ внѣ юридическихъ нормъ, постольку, поскольку онъ обладалъ силой.

Но дѣло свободы находится въ опасности. Контръ-революція ждетъ своего часа. Борьба не замерла, даже не затихла; она продолжается съ прежнею страстностью и ожесточеніемъ. Слѣдовательно, первою очередною задачею демократіи является *укрѣпленіе и дальнѣйшее развитіе пріобрѣтеній революціи.*

Эта задача, очевидно, не можетъ быть разрѣшена правительствомъ стараго режима, даже подкрѣпленнымъ перебѣжчиками изъ лагеря оппозиціи. Эта задача можетъ быть разрѣшена только самимъ народомъ въ учредительномъ собраніи, которое явится результатомъ дальнѣйшаго развитія революціи. Въ интересахъ революціи и должна быть построена теперь тактика всѣхъ искренно демократическихъ группъ. *Всенародное учредительное собраніе*, это ближайшая цѣль, къ которой мы обязаны стремиться и въ соотвѣтствіи съ которой должна находиться вся текущая политическая работа.

Эта цѣль можетъ быть осуществлена только при прочномъ обезпеченіи революціоннаго народа отъ кровавыхъ покушеній контръ-революціи. Реакція должна быть разоружена, революція вооружена. Немедленная организація народной милиціи, немедленное снятіе военнаго положенія и усиленной охраны во всѣхъ городахъ и мѣстностяхъ, гдѣ онѣ объявлены, немедленное удаленіе войскъ изъ центровъ революціонной борьбы, немедленное увольненіе и отдача подъ судъ, всѣхъ представителей административной и судебной власти, запятнанныхъ грабежами и кровопролитіями,—эти задачи должны быть поставлены въ первую очередь. Проведеніе въ жизнь этихъ требованій является единствен-

ной вѣрной гарантіей того, что народная свобода и народныя права не будутъ отняты насиліемъ. Но вмѣстѣ съ этими политическими задачами сейчасъ же должна быть поставлена и соціально-экономическая, разрѣшеніе которой, однако, имѣетъ первенствующее политическое значеніе. Рабочій классъ, своей самоотверженной борьбой свергнувшій самодержавіе и показавшій себя беззавѣтнымъ защитникомъ народной свободы, долженъ сократить ту великую роль, которую возложила на него исторія. Являясь наиболѣе прочной и вѣрной опорой свободы, пролетаріатъ долженъ получить время и возможность дѣятельнаго участія въ дальнѣйшей политической борьбѣ на благо всего народа. Поэтому, требованіе немедленнаго введенія восьмичасового рабочаго дня, какъ для городскихъ такъ и для сельскихъ рабочихъ, является неотложнымъ и естественнымъ требованіемъ для всякаго искренняго демократа.

Народная милиція,

8-ми часовой рабочій день и

Учредительное собраніе на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія,

вотъ этапы дальнѣйшаго развитія революціи. Всякая иная постановка вопроса будетъ служить не дѣлу свободы, а дѣлу реакціи и приведетъ къ неизбѣжному и рѣшительному конфликту между народными массами и сторонниками «среднихъ линій». Съ правительствомъ противъ народа или съ народомъ противъ правительства! Третьяго пути нѣтъ.

II.

Въ понедѣльникъ 31-го октября русскіе читатели съ удивленіемъ и негодованіемъ прочли правительственное сообщеніе, которымъ всѣ 10 губерній Царства Польскаго объявлялись на военномъ положеніи. Содержаніе «сообщенія», несмотря на его пространность, совершенно не выясняло причинъ неожиданной отдачи цѣлаго края въ распоряженіе грубой военной силы, только что покрывшей себя кровью во внутреннихъ губерніяхъ. Уклончивое, двусмысленное, съ непристойными намеками на прежнія польскія возстанія, это сообщеніе, явившееся первымъ политическимъ актомъ сформированнаго, наконецъ, кабинета министровъ, излагаетъ въ началѣ всѣ благодѣянія, которыми правительство якобы осыпало Польшу. Для оцѣнки этихъ благодѣяній достаточно указать, что всѣ указы и манифесты послѣдняго времени, такъ мало приносившіе Россіи, Польшѣ приносили еще меньше, такъ какъ всѣ они для польскаго народа сопровождались спеціальными ограниченіями. Правительство гр. Витте, однако, судитъ иначе. Оно полагаетъ, что «начиная съ этого времени для польской народности открылась полная возможность доказать на дѣлѣ свою готовность участвовать совмѣстно съ другими народными представителями, въ въ широкой общей творческой работѣ; тѣмъ самымъ достигалось бы постепенно и собственное дальнѣйшее преуспѣяніе польской національности при содѣйствіи выборнаго учрежденія, которое, конечно, на ряду съ заботами и пользами цѣлаго государства сочувственно относиться будетъ и къ судьбамъ польскаго народа».

Но вмѣсто того, чтобы доказать свою готовность принять участіе въ общей творческой работѣ, польскій народъ сталъ на революціонный путь.

«Въ разныхъ городахъ Привислинскаго края совершаются многотысячныя уличныя шествія съ польскими знаменами и съ пѣніемъ революціонныхъ польскихъ гимновъ. На ряду съ этимъ начинается самовольное вытѣсненіе поляками государственнаго языка даже изъ правительственныхъ учрежденій, гдѣ употребленіе его установлено закономъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ банды рабочихъ и крестьянъ громятъ школы, казенныя винныя лавки и гминныя управленія, уничтожая въ нихъ всю переписку на русскомъ языкѣ. Представители мѣстной власти, твердо отстаивая порядокъ и общественную безопасность, уже цѣлый годъ обагряютъ землю своею кровью, падая жертвами политическихъ преступленій. Благоразумная часть польскаго общества безсильна противъ все возрастающаго напора революціонныхъ организацій.

Изъ этого графъ Витте и его чиновники дѣлаютъ выводъ, что «польскіе дѣятели, идущіе во главѣ современнаго политическаго движенія въ губерніяхъ Царства Польскаго, проявляютъ нынѣ вновь столь же опасную для населенія края, сколь и дерзновенную по отношенію къ Россіи попытку къ отложенію отъ государства».

Предъ лицомъ столь грозной опасности правительство считаетъ своимъ долгомъ перейти въ наступленіе. «Правительство не потерпитъ посягательства на цѣлость государства. Мятежные замыслы и дѣйствія вынуждаютъ его рѣшительно заявить, что пока въ Привислинскомъ краѣ не уляжется вновь вспыхнувшая смута, пока часть населенія, примкнувшая къ политическимъ агитаторамъ, не придетъ въ себя отъ овладѣвшаго имъ увлеченія, до тѣхъ поръ ни одно изъ благъ, вытекающихъ изъ Высочайшихъ манифестовъ 6-го августа и 17-го октября сего года, не сдѣлается достояніемъ края. Въ мятежной странѣ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи объ осуществленіи мирныхъ начинаній».

Такимъ образомъ, однимъ почеркомъ пера Польша лишается конституціи и предается на потокъ и разграбленіе политическимъ хулиганамъ. Губернаторы немедленно спѣшатъ отмѣнить выборы въ Государственную Думу, а въ одной изъ губерній подвергается административной высылкѣ мѣстный землевладѣлецъ за то, что онъ, послѣ объявленія военнаго положенія, прочелъ на сельскомъ сходѣ царскій манифестъ 17-го октября. Населеніе Царства Польскаго подвергается всѣмъ тягостямъ необузданнаго произвола, всѣмъ издѣвательствамъ героевъ отжившаго самодержавнаго режима.

«Сообщеніе» указываетъ на революціонныя демонстраціи, какъ на причину военнаго положенія. Но развѣ честь революціонныхъ демонстрацій принадлежитъ только Польшѣ? Развѣ вся Россія не откликнулась революціонными демонстраціями на манифестъ 17-го октября? Правительство гр. Витте дѣлаетъ изъ наличности революціонныхъ демонстрацій въ Польшѣ выводъ, будто польскій народъ стремится «къ отложенію отъ государства». Этотъ выводъ безусловно неправиленъ; онъ долженъ быть расширенъ и дополненъ. Революціонныя демонстраціи русскаго и польскаго народа показываютъ, что и русскій и польскій народъ одинаково стремятся «къ отложенію отъ государства», но ка-

кого государства? Полицейскаго и самодержавнаго государства, борьбу противъ котораго много лѣтъ уже ведутъ всѣ лучшія силы страны безъ различія національностей. Вотъ тотъ выводъ, который должно было бы сдѣлать правительство Витте, если бы оно считалось съ требованіями политической логики. Въ этомъ смыслѣ не только стремятся къ отложенію, но уже отложились отъ государства не только всѣ народныя партіи, но даже тѣ умѣренно либеральныя группы земской и думской оппозиціи, изъ которой гр. Витте такъ безплодно пытался навербовать себѣ министровъ. Если г.г. Стаховичъ и Гучковъ не сочли возможнымъ быть въ «государствѣ» Трепова и К°, то страшно ставить такое нежеланіе въ особую вину полякамъ. Правительство гр. Витте, понимаетъ, «что обвиненіе поляковъ въ стремленіи «отложиться» отъ полицейскаго и самодержавнаго государства не можетъ имѣть никакого успѣха. Поэтому, оно подмѣняетъ смыслъ польскихъ заявленій и говоритъ о стремленіи Польши порвать государственную связь съ Россіей. На это обвиненіе лучше всего отвѣчаютъ сами поляки. Вотъ что гласитъ заявленіе польской делегаціи, составленной изъ представителей различныхъ слоевъ польскаго общества:

«Царство Польское по своему географическому положенію, по составу населенія, по условіямъ своей культурной, экономической и правовой жизни, по своему прошлому, составляетъ особое цѣлое въ составѣ Русскаго государства. Этотъ край пользовался недавно еще автономнымъ устройствомъ, съ потерей коего не могъ никогда примириться: остатки этого устройства отмѣнены уже на глазахъ живущаго нынѣ поколѣнія, Даже въ послѣднее сорокалѣтіе объединительной политики оказалось необходимымъ сохраненіе въ краѣ нѣкоторыхъ правовыхъ институтовъ, какъ гражданскій кодексъ и ипотечное право, и устройство особыхъ учрежденій, въ видѣ безсословной гмины и гминныхъ судовъ. Укрѣпившійся затѣмъ режимъ систематически лишалъ край созданныхъ жизнью учрежденій, нарушалъ выработанныя народомъ правовыя понятія, оскорблялъ его религіозныя чувства, вытѣснялъ отовсюду родной языкъ, и, накопляя въ родной душѣ чувство озлобленія, подорвалъ всякое довѣріе общества къ правительству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ режимъ, подавляя всякое проявленіе инициативы и созидательныхъ силъ народа, самъ не былъ въ состояніи разрѣшать назрѣвшіе общественные и экономическіе вопросы и этимъ подготовилъ почву для внутренняго разлада и смуты. Съ той минуты, когда освободительное движеніе охватило населеніе всего государства, въ нашемъ краѣ, наряду съ горячимъ сочувствіемъ для стремленія русскаго народа къ гражданской свободѣ, усилилось еще озлобленіе къ господствующей системѣ управленія и укрѣпилась увѣренность, что начало неприкосновенности личности немыслимо безъ осуществленія начала неприкосновенности народа въ его священныхъ правахъ. Провозглашенныя затѣмъ Высочайшимъ манифестомъ отъ 17-го октября с. г. основы правопорядка неосуществимы безъ совмѣстнаго единодушнаго труда правительства и общества. Для Царства Польскаго эта новая эра немыслима при существующей до сихъ поръ системѣ управленія краемъ. Мѣстныя власти, не вышедшія изъ среды общества, чужды его духу, и поэтому, лишенныя его содѣйствія, не въ состояніи развить созидательную

работу. Въ этомъ кроется причина почему всѣ слои польскаго общества сознаютъ необходимость реформы, состоящей въ автономномъ устройствѣ края. Всѣ политическія партіи выставили своей программой автономію Царства Польскаго, съ сеймомъ въ Варшавѣ, при одновременномъ участіи представителей края въ государственной думѣ. Общественное мнѣніе высказалось въ послѣднее время въ пользу предоставленія *внутренняго* устройства края собранію его представителей, избранныхъ путемъ всеобщей, равной, тайной и и непосредственной подачи голосовъ. Стремленіе къ автономіи сопровождается глубокимъ сознаніемъ, что польскій народъ обладаетъ достаточнымъ количествомъ здоровыхъ элементовъ для созданія въ краѣ внутренняго порядка и направленія своей жизни по пути къ прогрессу.

«Высочайшій манифестъ отъ 17-го октября сего года осуществляетъ въ принципѣ условія, при которыхъ польскій народъ могъ стремиться законнымъ путемъ къ достиженію своихъ національныхъ правъ. Но прошло лишь нѣсколько дней со времени, какъ народонаселенію предоставлены были незыблемыя основы гражданской свободы, и эти основы, путемъ административнаго акта, нарушены пріостановленіемъ признанныхъ правъ на неопредѣленное время, Царство же Польское поставлено внѣ законовъ, предоставленныхъ всему населенію государства безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія.

«Эта мѣра подрываетъ въ населеніи довѣріе къ прочности правового порядка.

Мы категорически заявляемъ, что изложенные въ правительственномъ сообщеніи отъ 31-го октября сего года мотивы лишены основанія: понятія автономіи вовсе не противорѣчитъ идеѣ государственнаго единства, напротивъ, въ немъ вмѣщается понятіе о принадлежности къ государству. Польское общество далеко отъ мысли устранить себя отъ общей государственной жизни и отъ совмѣстныхъ съ русскимъ народомъ трудовъ въ государственной думѣ; неся общую воинскую повинность, уплачивая подати, и будучи связано съ другими частями государства сѣтью разнообразныхъ интересовъ, оно не можетъ отказаться отъ естественнаго права принимать участіе въ обсужденіи общихъ дѣлъ.

«Ни одно проявленіе общественной жизни въ Царствѣ Польскомъ не свидѣтельствуетъ о стремленіи къ отторженію; всѣ партіи, стремящіяся къ автономіи, высказались, что они стоятъ на почвѣ государственнаго единства. Царство Польское не только не находится въ состояніи мятежа, не только въ немъ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ вооруженнаго возстанія, но наоборотъ, провозглашеніе гражданской свободы было принято населеніемъ края со спокойной торжественностью. Если народъ носилъ по улицамъ знамена съ польскимъ бѣлымъ орломъ и пѣлъ свои національные гимны, то этими проявленіями чувствъ въ эту минуту онъ лишь подтверждалъ польскій характеръ страны въ противоположность космополитизму нѣкоторыхъ элементовъ съ одной стороны, и стремленію мѣстныхъ властей къ денаціонализаціи края съ другой. Появляющіеся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего края случаи насилія не составляютъ въ этомъ отношеніи отличія Царства Польскаго отъ другихъ частей государства.

«Исполняя свой долгъ, мы считаемъ необходимымъ заявить, что нормальное теченіе жизни въ Царствѣ Польскомъ возможно лишь при условіи введенія коренной реформы, состоящей въ автономномъ устройствѣ края; нынѣ же для выхода изъ настоящаго труднаго положенія неотложно необходимы:

а) Возвращеніе краю предоставленныхъ ему Высочайшими манифестами отъ 6-го августа и 17-го октября с. г. конституціонныхъ правъ.

б) отмѣна всѣхъ исключительныхъ мѣръ.

в) введеніе польскаго языка въ школу, судъ и мѣстную администрацію и предоставленіе полякамъ гражданскаго управленія краемъ».

Таковъ голосъ націоналистической польской буржуазіи. Но и польская соціалистическая партія, объединяющая часть польскаго пролетаріата, говоритъ о необходимости солидарныхъ дѣйствій революціонныхъ силъ Россіи.

Петербургскій комитетъ польской соціалистической партіи (P. P. S.) обратился 2-го ноября въ федеративный совѣтъ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, въ петербургскій комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ съ сдѣдующимъ заявленіемъ: «Стоя на почвѣ права каждаго народа на самоуправленіе, польская соціалистическая партія (P. P. S.) добивается въ настоящее время—наряду съ созывомъ учредительнаго собранія на основаніи извѣстнаго 4-хъ сложнаго выборнаго начала въ Петербургѣ для всей Россійской Имперіи, созыва такого же и на основаніи того же начала собранія въ Варшавѣ для Царства Польскаго, съ цѣлью установленія для него полной автономіи.

«Желая подавить это естественное стремленіе польскаго пролетаріата, царское правительство объявило все Царство Польское на военномъ положеніи.

«Петербургскій мѣстный комитетъ польской соціалистической партіи (P. P. S.) считаетъ своимъ долгомъ обратить вниманіе русскихъ товарищей на то, что введеніе военнаго положенія въ Царствѣ Польскомъ не только пагубно отзовется на польскомъ народѣ, но также въ высшей степени вредно повліяетъ и на русское освободительное движеніе. Необходимы, поэтому, энергичные шаги для совмѣстнаго солидарнаго противодѣйствія этому правительственному мѣропріятію.

«Важность момента и крайняя необходимость немедленнаго принятія соотвѣтствующихъ мѣръ не дала возможности петербургскому комитету польской соціалистической партіи (P. P. S.) заблаговременно снестись со своимъ центральнымъ рабочимъ комитетомъ въ Варшавѣ и заставила взять на себя иниціативу; мы обращаемся къ представителямъ русскаго пролетаріата съ предложеніемъ совмѣстно обсудить положеніе дѣлъ для выясненія отвѣчающаго данному моменту образа дѣйствій.

«Въ виду настойчивыхъ слуховъ, что въ стремленіи подавить революціонное движеніе въ Польшѣ, царское правительство нашло себѣ поддержку въ правительствѣ Вильгельма II, мы сочли также нужнымъ предложить нашему центральному рабочему комитету обратиться съ соотвѣтствующимъ заявленіемъ къ германской соціалъ-демократической партіи.

«Польскій вопросъ входитъ въ настоящее время въ тотъ фазисъ, когда мо-

жетъ и должна проявиться международная солидарность пролетаріата въ координированіи дѣйствій соціалистическихъ партій всѣхъ трехъ заинтересованыхъ народовъ».

Еще болѣе опредѣленно высказывается самая близкая по духу къ россійской соціалъ-демократіи партія польскаго пролетаріата: соціалъ-демократія Польши и Литвы. «Русь» сообщаетъ слѣдующій протестъ варшавскаго комитета этой партіи.

«Правительственное сообщеніе, мотивируя сепаративнымъ характеромъ движенія въ Польшѣ объявленіе военнаго положенія и лишенія насъ конституціи, является преступнымъ маневромъ націоналистической тактики правительства съ цѣлью отдѣлить польскую революцію отъ русской,

«Констатируемъ фактъ, что власти, потопивъ въ крови наши революціонныя шествія, дали полную свободу шествіямъ національно польскимъ съ бѣлымъ орломъ и патріотическими польскими пѣснями.

«Что на этихъ шествіяхъ Сенкевичъ и другіе ораторы призывали бастующихъ приступить къ работѣ и спокойствію.

«Правительство разсчитывало на эти манифестаціи, такъ какъ польскій революціонный пролетаріатъ не вѣрилъ правительству, ни польскимъ націоналистическимъ манифестаціямъ и всеобщей стачки не прервалъ.

«Правительство измѣнило польскимъ націоналистамъ, своимъ союзникамъ контръ-революціи, обосновывая бѣлый терроръ тѣми же націоналистическими лозунгами, при помощи которыхъ оно раньше надѣялось успокоить пролетаріатъ.

«Констатируемъ еще тотъ фактъ, что націоналистическое польское движеніе имѣетъ въ виду не отдѣленіе Польши отъ Россіи, а только цѣли контръ-революціонныя, что революціонный польскій пролетаріатъ стремится путемъ общей борьбы съ революціоннымъ русскимъ пролетаріатомъ къ общей свободѣ, а не къ сепараціи.

Варшавскій комитетъ соціалъ-демократіи Польши и Литвы».

Приводимый документъ бросаетъ яркій свѣтъ на истинныя причины объявленія Польши на военномъ положеніи. Правительство преслѣдовало въ данномъ случаѣ исключительно цѣли контръ-революціи. Оно стремилось бѣлымъ терроромъ подавить революціонное движеніе славнаго отряда международной соціалистической арміи—польскаго пролетаріата. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно разсчитывало пробудить въ темной части русскаго населенія низменные національные инстинкты и отвлечь вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ въ сторону пресловутой «польской интриги». Пріемъ совсѣмъ не новый. Онъ удался самодержавію въ 1863 году. Но теперь онъ не удался. Революціонный пролетаріатъ Россіи стоитъ вѣрнымъ стражемъ свободы всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ Имперіи. Въ то время, какъ либеральная буржуазія безпомощно металась отъ гр. Витте къ дѣятелямъ земскаго съѣзда, совѣтъ рабочихъ депутатовъ Петербурга на другой же день послѣ опубликованія правительственнаго сообщенія, обсудивъ заявленіе польскихъ товарищей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначеніе военнаго суда надъ кронштадтскими матросами и солдатами, рѣшительно отвергъ какія бы то ни было обращенія и ходатайства къ правитель-

ству и, не тратя лишнихъ словъ, рѣшилъ дѣломъ помочь угнетенному польскому народу. Резолюція совѣта кратко и ясно говоритъ:

1. Царское правительство продолжаетъ шагать по трупамъ, оно предаетъ полевому суду смѣлыхъ кронштадтскихъ солдатъ арміи и флота, возставшихъ на защиту своихъ правъ и народной свободы. Оно закинуло на шею угнетенной Польши петлю военнаго положенія.

2. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ призываетъ революціонный пролетаріатъ Петербурга, посредствомъ общей политической забастовки, уже доказавшей свою грозную силу, и посредствомъ общихъ митинговъ протеса, проявить свою братскую солидарность съ революціонными солдатами Кронштадта и революціонными пролетаріями Польши. Завтра, 2-го ноября, въ 12 час. дня рабочіе Петербурга прекращаютъ работу съ лозунгами:

1. Долой полевые суды.

2. Долой смертную казнь.

3. Долой военное положеніе въ Польшѣ и во всей Россіи.

Забастовка началась въ назначенное время и продолжалась до 12 часовъ дня 7 ноября. Она не могла превратиться во всероссійскую стачку.

Но даже не распространившаяся стачка сыграла громадную роль. Правительство вынуждено было заявить, что оно отказывается отъ разстрѣловъ и висѣлицъ въ Кронштадтѣ; вынуждено было смягчить суровый смыслъ перваго сообщенія по поводу Польши и опубликовать второе, наполненное жалкими и безсодержательными оправданіями.

Въ этой политической отзывчивости революціоннаго пролетаріата Россіи лежитъ залогъ благополучнаго разрѣшенія польскаго вопроса. Проклятый узелъ національной ненависти, завязанный самодержавіемъ, будетъ развязанъ руками рабочаго класса, и польскій народъ совмѣстно съ русскимъ мирно и честно выработаетъ формы свободнаго и культурнаго существованія.

III.

Снова заговорила деревня. Газеты полны извѣстіями о крестьянскихъ волненіяхъ, пожаромъ охватывающихъ одну губернію за другой. На этотъ разъ волненія принимаютъ очень острый и бурный характеръ. Помѣщичьи усадьбы разгромляются, имущество сжигается. Крестьяне, какъ сообщаютъ нѣкоторыя газеты, разсчитываютъ, стирая съ лица земли помѣщичьи усадьбы, предотвратить возвращеніе владѣльцевъ въ свои имѣнія. Правительство принимаетъ рѣшительныя мѣры. Въ наиболѣе опасныя губерніи командированы генералъ-адъютанты съ спеціальными полномочіями. На возставшихъ крестьянъ посылаются войска съ пулеметами. Землевладѣльцы, естественно трепещутъ; повсюду раздаются толки о новой пугачевщинѣ, о томъ, что «дикія орды» крестьянства погубятъ культуру. Эти опасенія слышатся даже въ либеральныхъ кругахъ. Однако, культурѣ не грозитъ никакой опасности. Несомнѣнно, крестьянскія волненія принимаютъ иногда очень безсмысленныя формы. Разрушеніе усадьбъ для того, чтобы помѣщики не могли возвратиться въ свои имѣнія, прежде всего, является нецѣлесообразнымъ дѣйствіемъ. Но необходимо, принять во вниманіе тѣ при-

чины, которыя обостряютъ крестьянскую борьбу. Втеченіе послѣднихъ лѣтъ, послѣ извѣстныхъ волненій въ Полтавской и Кіевской губерніяхъ, деревня подверглась цѣлому ряду воздѣйствій самаго возмутительнаго свойства. Политика Плеве и его преемниковъ вела только къ ожесточенію населенія. Усиленіе полиціи, которая въ Россіи становится тѣмъ невыносимѣе, чѣмъ ближе она соприкасается съ народомъ и чѣмъ меньше она встрѣчаетъ отпора, разгулъ безграничнаго произвола земскихъ начальниковъ и, наконецъ, отдача цѣлыхъ губерній, какъ, напримѣръ, Саратовской, полное распоряженіе дѣйствительно дикой казацкой орды,—всѣ эти «мѣропріятія» могли вызвать и вызвали невѣроятное озлобленіе, и нужно удивляться не тому, что крестьянскія волненія принимаютъ иной разъ рѣзкую форму, а тому, что эта рѣзкость не стала общимъ явленіемъ и не достигла еще бо́льшихъ размѣровъ. Что же касается смысла и содержанія крестьянскаго движенія, то въ нихъ нѣтъ ничего угрожающаго не только для культуры, но и для основъ современнаго буржуазнаго общества. Оцѣнка народныхъ движеній должна исходить не изъ случайныхъ впечатлѣній, оставляемыхъ отдѣльными конкретными фактами. Только общее соціологическое освѣщеніе данныхъ историческихъ явленій даетъ возможность отнестись къ нимъ должнымъ образомъ. И, разсматривая съ этой точки зрѣнія крестьянскія возстанія, мы признаемъ за ними созидательное, а не разрушительное значеніе. Россія переживаетъ періодъ буржуазной революціи. Народъ освобождается отъ пережитковъ крѣпостничества, усиленно поддерживавшихся самодержавіемъ, какъ въ политической, такъ и въ экономической области. «Естественныя права человѣка и гражданина» и свободная частная собственность—эти требованія лежатъ въ корнѣ всего современнаго движенія, за исключеніемъ только его пролетарскаго фланга, который борется за свободу классовой борьбы. При такихъ условіяхъ, движеніе направляется не противъ «основъ» современнаго общества, а противъ правительства, угнетающаго крестьянъ политически и противъ крупнаго землевладѣнія, угнетающаго крестьянъ и экономически и политически. И эти двѣ враждебныя крестьянству, какъ мелкой буржуазіи, силы неизбѣжно столкнутся съ нимъ и—мы надѣемся—будутъ побѣждены въ борьбѣ за демократизацію политическаго и экономическаго строя Россіи. Но демократизація политическаго и экономическаго строя, разумѣется, отнюдь не означаетъ гибели культуры. Наоборотъ, только демократическое государство и обезпечитъ развитіе культуры, только оно найдетъ силы обновить страну, столько лѣтъ подавленную гнетомъ деспотизма. Какъ бы ни были тяжелы формы крестьянскаго возстанія, его конечный результатъ окажется въ интересахъ всего народа.

IV.

27-го октября учреждено министерство торговли и промышленности. Его компетенція опредѣляется указомъ въ такихъ предѣлахъ. «...Повелѣваемъ 1) всѣ установленія по части торговли и промышленности, за исключеніемъ вѣдающихъ дѣла о промысловомъ налогѣ и о сборахъ, взимаемыхъ съ торговли и промышленности, равно за исключеніемъ агентовъ министерства финансовъ за границей, всѣ установленія по горной части, совѣтъ по тариф-

нымъ дѣламъ, тарифный комитетъ и департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, за исключеніемъ отдѣленій, вѣдающихъ финансовые разсчеты казны съ частными желѣзнодорожными Обществами, выдѣлить изъ состава министерства финансовъ и предоставить вѣдѣнію вновь образуемаго министерства торговли и промышленности; 2) сему же министерству передать изъ министерства внутреннихъ дѣлъ всѣ дѣла, относящіяся до купеческихъ обществъ и купеческихъ ремесленныхъ управъ; 3) включить въ составъ министерства торговли и промышленности главное управленіе торговаго мореплаванія и портовъ, подчинивъ его министру торговли и промышленности; 4) дѣла о государственномъ промысловомъ налогѣ и сборахъ, взимаемыхъ съ торговли и промысловъ, передать въ вѣдѣніе департаментовъ окладныхъ сборовъ, а дѣла о финансовыхъ разсчетахъ казны съ частными желѣзнодорожными Обществами—въ вѣдѣніе особой канцеляріи по кредитной части; 5) министръ торговли и промышленности озаботится представленіемъ на уваженіе законодательныхъ учрежденій проекта учрежденія и штата министерства торговли и промышленности.

— По поводу ужасныхъ погромовъ, возмутившихъ всю Европу, правительство опубликовало сообщеніе, которое нельзя разсматривать иначе какъ жалкую попытку защиты политическаго хулиганства:

«Въ обращенныхъ къ правительству заявленіяхъ по поводу происходящихъ безпорядковъ повторяется безпрестанно указаніе на искуственное возбужденіе для поддержки ихъ администраціей; правительство категорически объявляетъ, что со стороны центральныхъ учрежденій всѣ распоряженія клонились лишь къ одной цѣли—поддержанію спокойствія и порядка. Въ тѣхъ случаяхъ, когда представлены будутъ достовѣрныя свѣдѣнія объ организаціи или поощреніи полицейскими чинами насилія надъ личностью и имуществомъ кого-либо, произведено будетъ тщательное разслѣдованіе, и всѣ возможныя мѣры къ устраненію повторенія подобныхъ случаевъ будутъ приняты. Однако серьезность переживаемыхъ обстоятельствъ должна заставить всѣхъ отдать себѣ отчетъ въ происходившемъ. Какъ бы основательны ни были жалобы и нареканія на дѣйствія отдѣльныхъ чиновъ администраціи и полиціи и допуская, что они подтвердятся, такая дѣятельность названныхъ чиновъ не можетъ служить единственной или даже главной причиной тѣхъ поражающихъ явленій, которыя происходили на всемъ пространствѣ Россіи. Рядомъ донесеній и сообщеній рисуются совершенно тождественные повсюду ходъ безпорядковъ, внезапность ихъ и сила. Эти свѣдѣнія даютъ основаніе полагать, что люди, утомленные стачками и отсутствіемъ порядка и безопасности, не наступившихъ и послѣ изданія манифеста 17-го октября, проявляютъ свое недовольство въ такихъ рѣзкихъ и тяжелыхъ формахъ, въ которыхъ обыкновенно совершаются подобныя народныя движенія. Ко всѣмъ вопросамъ этимъ правительство считаетъ своей обязанностью относиться совершенно безпристрастно и оказать помощь и защиту въ равной мѣрѣ всѣмъ, кто въ нихъ нуждается, но признаетъ невѣроятнымъ, чтобы опасность дальнѣйшаго возбужденія дикостей народныхъ массъ не была для всѣхъ одинаково очевидна. Основаніемъ гражданской свободы должны быть уваженіе къ жизни, собственности и личнымъ правамъ другихъ и повиновеніе законности и порядку. Конечно, при отсутствіи въ

самомъ населеніи ярко проявленнаго въ этомъ направленіи настроенія никакія лучшія намѣренія правительства не могутъ возмѣстить этотъ недостатокъ, и гражданская свобода, дарованная въ принципѣ, можетъ остаться внѣ всякаго житейскаго примѣненія. Точно также враждебное отношеніе крайнихъ политическихъ партій и безучастіе умѣренныхъ, которыя проявились при обращеніи правительства къ активной ихъ поддержкѣ, создаютъ положеніе вещей, неблагопріятное для введенія реформъ. Но правительство не можетъ допустить мысли, чтобы русскій народъ или какая-либо его незначительная часть сознательно предпочитала безпорядокъ порядку, внутреннее междоусобіе мирному правомѣрному развитію. Поэтому совѣтъ министровъ, вступающій нынѣ въ дѣйствіе, приложитъ всѣ силы для осуществленія воли Государя Императора, но надо, чтобы онъ имѣлъ возможность работать, направивъ все свое вниманіе къ успѣшному выполненію возложенной на него задачи. Къ созданію условій, которыя обезпечивали бы возможность такой правильной работы, должны стремиться всѣ тѣ, кто желаетъ развитія началъ, указанныхъ Его Императорскимъ Величествомъ во Всемилостивѣйшемъ манифестѣ 17-го октября».

— Возмутительная роль арміи по отношенію къ революціонному народу также вызвало со стороны правительства попытку «объясниться».

— «По поводу происходившихъ въ послѣднее время событій въ газетахъ появились статьи, колеблющія авторитетъ военной власти и могущія внушить населенію враждебное отношеніе къ отдѣльнымъ войсковымъ частямъ, между тѣмъ долгъ военной дисциплины препятствуетъ воинскимъ чинамъ входить въ газетную полемику, хотя бы въ отвѣтъ на оскорбительное обвиненіе. Въ виду этого является необходимостью указать на односторонность появлявшихся до сего времени въ газетахъ извѣстій и отмѣтить неправильность основной мысли нѣкоторыхъ газетныхъ статей. Войско не можетъ и не должно быть проникнуто духомъ той или иной партіи въ поставленной ему трудной задачѣ поддержанія общественнаго и государственнаго порядка; оно руководствуется требованіями воинской дисциплины, преданностью престолу и патріотическимъ долгомъ. Очевидно, насколько въ этомъ случаѣ тяжело положеніе воинскихъ чиновъ, обязанныхъ дѣйствовать съ крайней сдержанностью и осмотрительностью, не поддаваясь весьма естественному, понятному чувству личнаго раздраженія; возможны, конечно, отдѣльные случаи отступленія отъ сего подъ вліяніемъ вызывающаго или прямо враждебнаго отношенія окружающихъ лицъ. Но исключительныя обстоятельства, при которыхъ такіе случаи происходятъ, требуютъ особой осторожности въ произнесеніи сужденій о нихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что войско не можетъ остаться внѣ вліянія новыхъ началъ, внесенныхъ въ строй государственной жизни Высочайшимъ манифестомъ 17-го октября Однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы когда-либо войска стали дѣйствовать не по указаніямъ начальства и не по долгу присяги, а соображаясь съ возможною оцѣнкою ихъ дѣйствій со стороны отдѣльныхъ группъ населенія. Простая справедливость побуждаетъ признать, что войска самоотверженно выполняютъ задачу, являющуюся во всѣхъ государствахъ наиболѣе для нихъ трудною,— подавленіе внутреннихъ безпорядковъ,—и что тѣмъ самымъ они уже много

разъ предупреждали кровопролитныя столкновенія между враждующими частями населенія. Въ общей оцѣнкѣ значенія дѣятельности войскъ не существуетъ разногласія въ составѣ высшихъ военнаго и гражданскаго управленій. Спокойное и безпристрастное отношеніе къ дѣлу несомнѣнно приведетъ большинство къ признанію заслуги войскъ въ происходящемъ умиротвореніи страны».

Такимъ образомъ, оказывается, что войска предупреждали кровопролитія?! Для кого пишутся эти сообщенія?

— Петербургъ. Согласно Высочайшимъ указаніямъ Государя Императора о необходимости улучшенія быта нижнихъ чиновъ, военнымъ министерствомъ съ Высочайшаго одобренія намѣчены слѣдующія мѣропріятія: 1) увеличеніе жалованья нижнимъ чинамъ; 2) улучшеніе прибавочнаго довольствія и установленіе во всей арміи постояннаго чайнаго довольствія, 3) снабженіе всѣхъ нижнихъ чиновъ одѣялами и постельнымъ бѣльемъ, отпускъ гимнастическихъ рубахъ съ погонами и увеличеніе годоваго отпуска на приборъ, черненіе и шитье сапогъ; 4) установленіе отпуска мыла. Разрабатывается еще вопросъ о сокращеніи сроковъ дѣйствительной службы нижнихъ чиновъ пока, примѣрно, на одинъ годъ, по сравненію съ нынѣшними сроками, что составитъ существенное облегченіе для населенія при отбываніи воинской повинности.

— Въ Руси напечатано слѣдующее заявленіе: «Юнкера Константиновскаго артиллерійскгао училища, какъ часть военной корпораціи, принимая горячее участіе въ національномъ праздникѣ родины, шлютъ свое товарищеское поздравленіе обществу, надѣясь, что въ новыхъ началахъ общественной жизни военная среда найдетъ возможность возстановить утерянную ею связь съ націей, въ чемъ она видитъ свою истинную силу и источникъ доблести».

— 28-го октября вечеромъ, какъ сообщаетъ «Нов. Вр.», обнаружена кража значительнаго количества пороха изъ склада русскаго общества для выдѣлки и продажи пороха въ домѣ № 31 по Безбородкину проспекту, въ Полюстровскомъ участкѣ. Сторожъ склада при обходѣ пороховыхъ погребовъ увидѣлъ, что сломанъ замокъ двери одного погреба и дверь полуоткрыта. При осмотрѣ погреба установлено, что изъ него исчезло четыре ящика съ порохомъ вѣсомъ по $3^1/_2$ пуда каждый. При какихъ обстоятельствахъ могли быть вывезены незамѣтно эти ящики со двора и въ какое время, ночью или днемъ, еще не установлено, не имѣется также пока никакихъ данныхъ для обнаруженія похитителей.

— Саратовъ. По распоряженію синода въ каѳедральномъ соборѣ епископъ Гермогенъ 19-го октября отслужилъ молебенъ по случаю дарованія свободы. На молебнѣ присутствовалъ и. д. губернаторъ І. Г. Кнолль. Предъ началомъ молебна епископъ Гермогенъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой высказалъ,

что: «Самодержавный Царь, заботясь о благѣ народа, даровалъ свободу русскому народу, но дурные элементы государства, которые всегда сѣяли смуту, раздоръ и всякую неурядицу, не такъ поняли Царскую милость: они утверждаютъ, что вырвали эту свободу». Это, по мнѣнію епископа,—«грубая, нахальная ложь» и «клевета». «Эти дурные элементы,—продолжаетъ далѣе

онъ,—прежде пропагандировали свои противоправительственныя идеи въ подпольяхъ и темныхъ мѣстахъ, а теперь вышли на улицу, площади и съ балконовъ изрыгаютъ ложно-клеветническія рѣчи. Для того, чтобы дать отпоръ этимъ дурнымъ, отрицательнымъ элементамъ, намъ нужно соединиться въ одинъ тѣсный и плотный союзъ, чрезъ который проводить здравыя понятія о той истинной свободѣ, которая возвѣщена Самодержавнымъ Царемъ русскому народу» (С. Дн.).

—«Петербургская Газета» сообщаетъ: «18-го октября съ преосвященнымъ Антониномъ во время богослуженія въ Петербургѣ произошло недоразумѣніе, всполошившее священнослужителей и потребовавшее явки преосвященнаго Антонина въ св. синодъ для объясненія. Преосвящен. Антонинъ, поминая на литургіи Государя Императора, выпустилъ изъ поминанія слова «Самодержецъ Всероссійскій». Въ синодѣ преосв. Антонинъ не призналъ своей ошибки и заявилъ, что по его понятію Государь Императоръ 17-го октября своимъ манифестомъ добровольно отказался въ пользу блага народа отъ своихъ самодержавныхъ правъ и рѣшилъ впредь править Божіей милостью и волею народа. Синодъ однако не раздѣлилъ взглядовъ преосв. Антонина и сдѣлалъ ему братское внушеніе, чтобы онъ впредь не измѣнялъ текста поминаній. Преосв. Антонинъ отказался это дѣлать, какъ несогласное съ его совѣстью».

— 31-го октября начальникомъ телеграфнаго вѣдомства полученъ слѣдующій приказъ начальника главнаго управленія за № 299 для разсылки по всѣмъ городамъ:

«Многіе чиновники почтово-телеграфнаго вѣдомства, не отдавая себѣ, повидимому, отчета о дѣйствительномъ значеніи проектированнаго на собраніи нѣкоторыхъ лицъ въ Москвѣ почтово-телеграфнаго союза, примкнули къ этой организаціи, поставившей себѣ задачей предъявленіе правительству различныхъ требованій не только экономическаго, но и политическаго свойства. Вслѣдствіе поступившихъ отъ мѣстныхъ начальниковъ запросовъ по этому предмету считаю нужнымъ разъяснить, согласно указаніямъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что лица, состоящія на государственной службѣ, не имѣютъ права объединяться въ кружки, группы и союзы для достиженія какихъ-либо цѣлей не въ установленномъ закономъ порядкѣ. А потому чиновники, объявившіе себя членами упомянутаго союза, не могутъ оставаться на службѣ по почтово-телеграфному вѣдомству. Всемилостивѣйшій манифестъ 17-го октября въ части, касающейся свободы союзовъ, къ лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, никакого отношенія не имѣетъ. Начальникъ главнаго управленія Севастьяновъ (Кор. «Русск. Вѣд.»).

— Намъ доставлена слѣдующая резолюція, принятая въ соединенномъ засѣданіи членовъ центральнаго бюро союза-союзовъ и всероссійскихъ и мѣстныхъ петербургскихъ бюро союзовъ 20-го октября 1905 г.:

«Выслушавъ рядъ сообщеній о происшедшихъ на этихъ дняхъ въ Россіи еврейскихъ погромахъ, союзъ союзовъ выражаетъ по этому поводу свое глубокое негодованіе и находитъ, что немедленное законодательное провозглашеніе равноправія евреевъ, удовлетворяя само по себѣ элементарнымъ требованіямъ

справедливости, является въ настоящее время безусловно неотложнымъ, такъ какъ лишь этимъ путемъ можно ослабить въ темныхъ массахъ народныхъ прививавшуюся имъ дотолѣ ограничительнымъ законодательствомъ и прямымъ подстрекательствомъ администраціи увѣренность, что еврейское населеніе—пасынокъ русской земли, на которомъ можно вымещать гнѣвъ свой противъ печальной дѣйствительности».

— Петербургскій градоначальникъ опубликовалъ слѣдующій приказъ:

«Группою злонамѣренныхъ лицъ распространяются среди обывателей слухи о предстоящемъ яко-бы избіеніи евреевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ появились тайно расклеиваемыя и разбрасываемыя по городу воззванія, призывающія къ преступному нападенію на евреевъ, студентовъ и лицъ, сочувствующихъ освободительному движенію. Не придавая серьезнаго значенія этимъ попыткамъ учиненія безпорядковъ, я считаю однако необходимымъ напомнить чинамъ столичной полиціи, что на нихъ лежитъ отвѣтственность за сохраненіе порядка и за огражденіе личной и имущественной безопасности каждаго жителя столицы. безотносительно къ его положенію, національности или вѣроисповѣданію. Я предписываю установить зоркое наблюденіе за подстрекателями къ насильственнымъ дѣйствіямъ и за лицами, расклеивающими или распространяющими преступныя воззванія, задерживая таковыхъ для привлеченія къ уголовной отвѣтственности. Категорически требую, чтобы всякія попытки къ насилію надъ личностью и имуществомъ были подавляемы въ самомъ началѣ и самыми рѣшительными мѣрами. Всякое проявленіе безучастнаго отношенія чиновъ полиціи къ производимымъ насиліямъ или обнаружившуюся медленность къ принятію должныхъ мѣръ къ прекращенію безпорядковъ я буду считать основаніемъ для наложенія на виновныхъ строжайшихъ мѣръ взысканія. Предлагаю гг. полицеймейстерамъ и участковымъ приставамъ сдѣлать всѣ зависящія отъ нихъ распоряженія къ точному и безусловному исполненію настоящаго приказа во ввѣренныхъ имъ районахъ».

— 1-й нумеръ газеты «Новая Жизнь» вышелъ съ прибавленіемъ программы россійской соціалъ-демократической партіи, принятой на второмъ съѣздѣ. Въ заголовкѣ этой программы стояло: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь». Въ 12 час. дня полиція обходила разносчиковъ и кіоски и отбирала это прибавленіе.

— Опредѣленіе святѣйшаго синода отъ 22-го октября 1905 года. За небытіемъ сего числа засѣданія въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ, членамъ онаго докладовано въ домахъ по поводу поступившихъ свѣдѣній о прискорбныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ средѣ московскаго населенія послѣ прочтенія 16-го сего октября въ столичныхъ храмахъ напечатаннаго и разосланнаго по распоряженію московскаго епархіальнаго начальства поученія подъ заглавіемъ: «Что намъ дѣлать въ эти тревожные дни». Приказали: усматривая въ нѣкоторыхъ частяхъ сего поученіи какъ бы призывъ мѣстнаго населенія къ самозащитѣ въ области политическихъ убѣжденій, что при одностороннемъ толкованіи могло послужить причиною междоусобнаго раздора среди населенія, проявившагося даже въ самыхъ храмахъ, и имѣя въ виду,

что пастыри православной церкви, призванные по заповѣди Спасителя къ дѣйствованію въ духѣ мира и любви, не могутъ оставаться безучастными къ современному нравственному состоянію своей паствы. святѣйшій синодъ опредѣляетъ: поручить епархіальнымъ преосвященнымъ пригласить подвѣдомственное имъ духовенство употребить все свое пастырское воздѣйствіе къ устраненію междоусобія среди населенія, поучая его въ своемъ поведеніи и въ отношеніяхъ своихъ къ ближнимъ дѣйствовать въ духѣ христіанскаго всенароднаго братолюбія, о чемъ, для исполненія по духовному вѣдомству напечатать въ журналѣ «Церковныя Вѣдомости», сообщивъ о таковомъ постановленіи для напечатанія и редакціи «Правительственнаго Вѣстника».

— Статсъ-секретарь графъ Витте повергалъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе полученную имъ нижеслѣдующую телеграмму за 235 подписями:

«Хозяева и служащіе Сѣнного рынка въ Петербургѣ, вполнѣ раздѣляя призывъ къ мирному труду, прекращенію забастовокъ и смутъ, просятъ васъ довести до свѣдѣнія Государя Императора, что всѣ попытки выставить ихъ какъ участниковъ какихъ бы то ни было активныхъ манифестацій и контръ-манифестацій безусловно ложны. Намъ, да и всей Россіи, какъ воздухъ для дыханія, сейчасъ необходимо успокоеніе, и мы всѣ вѣримъ Царскому призыву, обращенному къ недавно испытанному вѣрному слугѣ Отечества».

На подлинномъ Его Императорскому Величеству благоугодно было 28-го октября Собственноручно начертать: «Прочелъ съ удовольствіемъ».

— Волоколамскій уѣздъ, 30-го октября въ с. Марковѣ, Марковской волости состоялся крестьянскій митингъ.

На митингѣ присутствовало свыше 100 крестьянъ изъ 15-ти сосѣднихъ деревень Московской и частью Тверской губерній. Завѣдующій губернскимъ земскимъ складомъ агрономъ А. А. Зубрилинъ объяснилъ крестьянамъ исторію, характеръ и значеніе освободительнаго движенія послѣдняго времени. Митингъ пришелъ къ убѣжденію, что объявленныя манифестомъ 17-го октября основы гражданской свободы существуютъ пока только на бумагѣ и что осуществленіе ихъ обычнымъ бюрократическимъ путемъ не послужитъ на пользу народа. Въ виду этого митингъ призналъ необходимымъ примкнуть къ освободительному движенію и рѣшилъ для осуществленія дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы слова, собраній и союзовъ, полученныхъ силою манифеста 17-го октября, отказаться отъ исполненія распоряженій многочисленныхъ крестьянскихъ властей, клонящихся къ ограниченію упомянутыхъ свободъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая по чистой совѣсти полную несправедливость выкупныхъ платежей, митингъ рѣшилъ отказаться отъ дальнѣйшей уплаты ихъ впредь до разрѣшенія вопроса Государственной Думой, созванной на началахъ всеобщаго, прямаго, равнаго и тайнаго голосованія. А. А. Зубрилину крестьяне оказали восторженный пріемъ, встрѣтивъ и проводивъ его громомъ рукоплесканій.

Ник. Іорданскій.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

Физіократы, правленіе Тюрго и Жанъ Жакъ Руссо.

Врядъ ли въ исторіи человѣчества можно найти лучшій примѣръ скачкообразнаго развитія человѣческихъ идей и учрежденій, чѣмъ эпоха меркантилизма и послѣдующая эпоха. Послѣ односторонняго покровительства промышленности и торговлѣ стали вновь болѣе цѣнить сельское хозяйство, а препятствіе всякому свободному движенію пробудило стремленіе къ свободѣ. Свобода — вотъ лозунгъ философскихъ умовъ XVIII столѣтія, нашедшій свое литературное выраженіе въ знаменитой Энциклопедіи, собраніи статей выдающихся писателей того времени.

Представители этой новой школы называются экономистами или физіократами. Называются они такъ потому, что они все богатство страны выводятъ изъ природы. Только природа, только земля, учили они, производитъ дѣйствительныя блага. Только земледѣлецъ—рядомъ съ представителями менѣе важныхъ призваній рыболова, охотника и рудокопа—производитъ истинныя цѣнности въ видѣ излишка урожая надъ посѣвомъ. Промышленность не создаетъ ничего, а она только измѣняетъ и перерабатываетъ сырье, доставляемое ей сельскимъ хозяйствомъ, и живетъ на его счетъ. Ненависть главы этой школы, Франсуа Кенэ (1694—1774 гг.), была особенно направлена на торговлю, какъ и на столь чтимое до сихъ поръ вспомогательное средство торговли — деньги. Денежное богатство есть богатство тайное, непрочное, не знающее ни отечества, ни общаго блага. Благоденствіе государства зависитъ только отъ благоденствія крестьянъ: бѣденъ крестьянинъ, бѣдно государство, бѣденъ монархъ! — Всякія ограниченія мѣшаютъ развитію сельскаго хозяйства, запрещеніе вывоза хлѣба давитъ на цѣны, а пошлины, установленныя въ цѣляхъ покровительства промышленности, довели сельскаго хозяина до края гибели и помочь ему можетъ только свобода торговли: долой всѣ пошлины, всѣ цехи, всѣ ограниченія! Такъ какъ земля есть источникъ всякаго богатства, то, естественно, на нее должны падать и всѣ тяготы; поэтому справедливъ только одинъ налогъ и именно—налогъ на чистый доходъ земельнаго собственника.

Рѣзкая односторонность этой системы бросается въ глаза съ перваго же взгляда. Невѣрно, какъ это будетъ показано ниже, основное положеніе этой системы, что земледѣліе есть единственная производительная дѣятельность, а разъ падаетъ это положеніе, то, вмѣстѣ съ нимъ падаютъ и всѣ выводимыя изъ него положительныя требованія. Но физіократы имѣютъ большія научныя заслуги своей критической дѣятельностью: такова уже участь почти всѣхъ школъ, что лучшая часть ихъ дѣятельности заключается не въ созиданіи, а въ критикѣ. Каковы же эти заслуги физіократовъ? Они основательно опровергли теорію меркантилизма, идею о первенствующемъ значеніи торговли и промышленности, ученіе о деньгахъ, какъ самоцѣли. Они доказали, что вывозъ возможенъ только тамъ, гдѣ есть ввозъ, что излишекъ вывоза означаетъ не что иное, какъ пониженіе потребленія внутри страны, что выгоднѣе имѣть полезные товары, чѣмъ мертвый денежный капиталъ. Хотя они и были врагами торговли и промышленности, они все же помогли освободить послѣднія отъ оковъ пошлинъ и цеховъ, возстановили значеніе земледѣлія и первые стали разсматривать населеніе не само-по-себѣ, но и въ его отношеніи къ общему богат-

ству. Они распознали опасности неплодотворнаго скопленія капитала въ видѣ сбереженій, говоря, что этимъ часть богатства страны извлекается изъ обращенія; они же предвидѣли появленіе современнаго пролетаріата, говоря, что тотъ, кто ничего не можетъ сберечь, работаетъ лишь столько, сколько необходимо, чтобъ поддержать свое существованіе.—Винцентъ де-Гурнэ (1712—1759 гг.), который не былъ такимъ ожесточеннымъ врагомъ торговли, какъ Кенэ, защищалъ съ большой горячностью, какъ вполнѣ положительныя полезныя мѣры, свободу торговли, промышленности и сношеній; онъ отецъ знаменитаго изрѣченія «Laissez faire, laissez passer!» (пусть все идетъ, какъ идетъ)—изрѣченіе, ставшее впослѣдствіи лозунгомъ принципіальныхъ защитниковъ свободы торговли, сторонниковъ безусловной конкурренціи, такъ называемой «манчестерской школы», подвергшейся въ послѣднее время столь жестокимъ нападкамъ. Главная же заслуга физіократовъ заключается въ томъ, что они первые создали полную систему народнаго хозяйства, между тѣмъ какъ меркантилизмъ есть еще плодъ неясныхъ, неувѣренныхъ блужданій.

Этой системѣ сужденъ былъ такой успѣхъ, что не прошло и нѣсколько лѣтъ послѣ ея появленія, какъ она стала господствующей въ государствѣ. Основное сочиненіе Кенэ «Tableau Economique» было напечатано въ 1753 году отчасти при личномъ содѣйствіи въ печатаніи со стороны Людовика XV, который въ часы досуга занимался, какъ извѣстно, типографскимъ искусствомъ (Кенэ былъ придворнымъ врачемъ и любимцемъ короля). Въ 1774 году былъ назначенъ министромъ финансовъ Робертъ Жакъ Тюрго (1727—1781), прославившійся въ качествѣ интенданта въ Лиможѣ. Тюрго обладалъ большими познаніями и превосходнымъ характеромъ и поставилъ себѣ задачей осуществить въ государственной жизни теорію своей школы. Онъ хотѣлъ ввести полное самоуправленіе, произвести основательную реформу въ обложеніи и банковомъ дѣлѣ, уничтожить цехи, дорожную повинность, налогъ на съѣстные припасы, взимаемый городами, ввести свободу торговли, сначала хлѣбомъ и виномъ. Этимъ онъ возстановилъ противъ себя всѣхъ, привилегіямъ которыхъ онъ угрожалъ, и они сумѣли возбудить народъ противъ опаснаго новатора. Сначала Тюрго уничтожилъ пошлину на зерновой хлѣбъ, взимаемую при перевозкѣ изъ одной провинціи въ другую, и около этого же времени вздорожали съѣстные припасы. Этимъ воспользовались недоброжелатели Тюрго, чтобы поднять противъ него народъ. Произошло серьезное народное возстаніе, которое было подавлено силой оружія; изъ-за этого сопротивленія заинтересованныхъ лицъ Тюрго пришлось послѣ двухлѣтней государственной дѣятельности выпустить изъ рукъ кормило правленія.

Тюрго не былъ государственнымъ дѣятелемъ, какъ напримѣръ, Кольберъ: теоретикъ въ немъ подавлялъ человѣка дѣла, и въ этомъ онъ былъ схожъ со своимъ современникомъ, Іосифомъ II, императоромъ Австрійскимъ. Обладая обширными познаніями во всѣхъ областяхъ науки, высокимъ общимъ образованіемъ и благороднѣйшимъ характеромъ, онъ хотѣлъ возвысить свой народъ до идеала Платона. Онъ учреждаетъ для всего государства воспитательный совѣтъ, который долженъ былъ сломить и силу церкви, и въ его правленіе произошло нѣчто неслыханное до тѣхъ поръ: законы абсолютной монархіи были снабжены подробными объясненіями, излагающими ихъ значеніе и ихъ цѣль. Его противникъ, послѣдующій министръ Неккеръ, видитъ

въ этомъ начало революція; раньше, говорилъ онъ, писали: «car tel est notre bon plaisir» (ибо такова наша милостивая воля), а теперь пишутъ: «car telle est notre sagesse et notre bonté» (такова наша мудрость и доброта). Тюрго также первый провозгласилъ требованіе «права на работу» и защищалъ его. Послѣ его паденія, дѣла пошли прежнимъ порядкомъ, привелигированные опять стали во главѣ государства и шли навстрѣчу своей судьбѣ — насильственному ихъ устраненію.

Отъ физіократовъ не трудно проложить мостъ къ женевскому философу *Ж. Ж. Руссо* (1712—1778), духомъ котораго была запечатлѣна французская революція: ихъ объединяетъ, съ одной стороны, любовь къ природѣ, а съ другой стороны ненависть къ существующему неестественному строю общества. Руссо занимается соціальнымъ вопросомъ въ двухъ своихъ наиболѣе знаменитыхъ сочиненіяхъ. Въ изслѣдованіи «О причинахъ неравенства между людьми» онъ сводитъ этотъ вопросъ исключительно къ раздѣленію труда: желѣзо и хлѣбъ цивилизовали людей, но развратили человѣчество. Здѣсь земледѣлецъ нуждается больше въ желѣзѣ, а тамъ кузнецъ—въ хлѣбѣ: такъ болѣе изобрѣтательный, болѣе сильный и болѣе ловкій побѣждаетъ другого, уступившаго ему въ этомъ. Обработка земли ведетъ къ ея раздѣленію, а отсюда возникаетъ собственность. Человѣкъ становится рабомъ себѣ подобнаго: если онъ богатъ, онъ нуждается въ услугахъ другого, если онъ бѣденъ, онъ нуждается въ его помощи, да и среднее сословіе не можетъ считать себя независимымъ. Разъ была захвачена вся земля, то одни могли процвѣтать только на счетъ другихъ: бѣдняки должны были получить свое пропитаніе отъ богатыхъ добровольно или насиліемъ и разбоемъ; богатыхъ охватила страсть къ господству. Борьба стала общимъ лозунгомъ. Тогда богатые и могущественные пришли къ мысли о необходимости общей защиты, которая была, вѣдь, выгодна только для нихъ; государство должно было быть изобрѣтено богатыми, потому что разумнѣе допустить, что создаютъ что-нибудь тѣ, которымъ это полезно, а не тѣ, которымъ это вредно. Если правительства и были созданы для защиты свободы, то они все же служили только для того, чтобъ порабощать народъ. Такъ зарождается общество, а съ нимъ право и безправіе, война различныхъ обществъ и народовъ другъ противъ друга. Въ сравненіи съ этимъ состояніемъ цивилизаціи судьба народовъ нецивилизованныхъ весьма завидна: они наслаждаются полнымъ покоемъ и свободой; досугъ и миръ душевный—ихъ жизненный удѣлъ. Человѣкъ же общества трудится и раздражается, мучится безъ конца, чтобы найти еще болѣе мучительную работу, работаетъ до самой смерти, ускоряетъ эту смерть въ погонѣ за жизненными благами и отказывается отъ жизни, чтобы достичь безсмертія; онъ ухаживаетъ за великими, которыхъ онъ ненавидитъ, и богатыми, которыхъ онъ презираетъ. Дикій человѣкъ для себя самого, а цивилизованный устраиваетъ свою жизнь только сообразно съ мнѣніями другихъ. Эта теорія, дышавшая столь сильнымъ и глубокимъ чувствомъ, но полная поразительныхъ преувеличеній, вызвала, какъ извѣстно, слѣдующія слова Вольтера: «знакомясь съ ней, чувствуешь сильнѣйшее желаніе вновь начать ползать на четверенькахъ». Великое значеніе ея заключается въ серьезномъ указаніи на соціальный вредъ, которымъ сопровождается развитіе культуры.

Въ началѣ второй части «Изслѣдованія о происхожденіи неравенства» мы находимъ слѣдующее знаменитое мѣсто: «первый, кто,

*

оградивъ кусокъ земли, сказалъ: «это—мое», и кто нашелъ такихъ глупыхъ людей, которые ему повѣрили,—вотъ кто былъ истиннымъ основателемъ буржуазнаго общества. Отъ сколькихъ преступленій, войнъ и убійствъ, отъ какого моря отчаянія охранилъ бы родъ человѣческій тотъ, кто, вырвавъ столбы и засыпавъ рвы, громко крикнулъ бы своимъ товарищамъ: берегитесь, не вѣрьте этому обманщику! вы погибнете, если забудете, что плоды есть собственность всѣхъ, а земля ничья!».

Въ своемъ главномъ сочиненіи, въ «Общественномъ договорѣ», Руссо рисуетъ идеалъ государственнаго строя, основаннаго на договорѣ между народомъ и правительствомъ—договорѣ, который во всякое время можетъ быть прекращенъ. И въ этомъ сочиненіи Руссо видитъ источникъ всѣхъ соціальныхъ бѣдствій въ *частной собственности*, но онъ здѣсь считается съ данными условіями. Здѣсь Руссо допускаетъ уже владѣніе собственностью, но ставитъ это владѣніе въ зависимость отъ 3 условій: чтобы мѣсто, принадлежащее уже кому-нибудь, не могло быть захвачено другимъ; чтобы каждый владѣлъ лишь такимъ участкомъ земли, который ему нуженъ для жизни; чтобы собственность пріобрѣталась не захватомъ, а работой и культурой. У Руссо вполнѣ здравые взгляды на важность правильнаго распредѣленія богатства; онъ объявляетъ одной изъ важнѣйшихъ задачъ правительства предупрежденіе крайняго неравенства имуществъ, рекомендуя ему не отнимать у собственниковъ ихъ сокровища, а устранять условія, при которыхъ эти имущества скопляются въ немногихъ рукахъ, не устраивать пріютовъ для бѣдняковъ, а охранять всѣхъ отъ обѣдненія. Въ благоустроенномъ государствѣ ни одинъ гражданинъ не долженъ быть настолько богатъ, чтобы онъ могъ купить другого, и ни одинъ—на столько бѣденъ, чтобъ онъ долженъ былъ продавать себя. Кто въ жизни еле пробивается, тотъ не долженъ платить налоговъ, а ихъ долженъ платить только человѣкъ, имѣющій достатки, и въ случаѣ нужды это обложеніе можетъ быть настолько велико, чтобы у богатаго не оставалось ничего, кромѣ самаго необходимаго. Цѣль общественнаго договора онъ видитъ въ томъ, чтобы «найти форму, въ которой сила общества охраняла и защищала бы личность и благо каждаго изъ его членовъ и въ которой каждый, имѣя опредѣленныя обязанности передъ всѣми, повинуется лишь себѣ самому и, такимъ образомъ, остается свободнымъ, какъ и раньше», или, другими словами, его идеалъ: сочетанія благоденствія общества съ высшей мѣрой свободы и счастья личности.

Политическій идеалъ Руссо былъ руководящей идеей великой французской революціи, но приблизительное осуществленіе онъ нашелъ въ государственномъ строѣ лишь одной страны, въ отечествѣ Руссо, въ Швейцаріи. Въ мощномъ движеніи великой революціи его соціальные взгляды отступили вполнѣ на задній планъ. Міровая исторія скачковъ не знаетъ: прежде чѣмъ могла идти, вообще, рѣчь объ эмансипаціи четвертаго сословія, третье сословіе, буржуазія, должно было осободиться изъ оковъ феодальной эпохи.

Литература. *Clement, Jean Pierre*, „Histoire de la vie et de l'administration de Colbert". Paris, 1874. *Clement, Jean Pierre*, „Le gouvernement de Louis XIV". Paris, 1848. *Schmoller, Gustav*, „Der Merkantilismus in seiner historischen Bedeutung. Iahrbuch für gesetzgebung". Leipzig, 1871. *Heyman, Dr. I.* „Law und sein System". München, 1853. *Thiers, A.* „Law et son système de Finance, Encyclopedie progressive". Paris, 1826. *Law, Iohn*, „Oeuvres de Paris", Buisson, 1790. *Hildebrand, Bruno*, „Die National ökonomie der Gegenwart und

Zukunft". Francfurt a M., 1848. *Kellner, Dr. G.*, „Zur Geschichte des Physiokratismus". Göttingen. Dietrich, 1847. *Quesnay*. „Oeuvers economiques et philosophiques. A. Onken". Francfurt a M.. 1884. *Hugo, E.* „Der Sozialismus in Francreich im 17 u 18 Iahrhundert" VII Abschnitt in Band 1,2 Teil der „Geschichte des Sozialismus". *Rousseau, Jean Jacques*, „Contrat sociai". *Руссо, Жанъ Жакъ*, „О причинахъ неравенства между людьми".

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Вѣкъ экономическаго развитія въ Англіи.

Адамъ Смитъ, Рикардо, Мальтусъ, Кобденъ.

Законъ раздѣленія труда находитъ уже свое примѣненіе между націями древняго міра: стремленія къ свободѣ послѣднихъ столѣтій зародились въ религіозной области въ Германіи, въ политической—во Франціи и въ экономической области—въ Англіи. Подобно тому какъ въ древности греческая колонизація и римская завоевательная политика подкопали экономически тѣсно замкнутый государственный строй древности, создавъ идею гражданина міра, такъ открытіе новыхъ частей свѣта, расширеніе колонизаціи и все возростающее развитіе торговли и промышленности привели къ медленному разложенію патріархальнаго строя средневѣковой Европы. Этотъ процессъ ускоряется тѣмъ, что почти около этого времени было изобрѣтено искусство книгопечатанія, «уничтожившее для человѣка границы пространства и времени», благодаря чему открытія и изобрѣтенія, матеріальныя и духовныя пріобрѣтенія человѣчества гораздо быстрѣе становились общимъ достояніемъ всѣхъ.

Принимая во вниманіе современныя условія нашей жизни, трудно повѣрить, что еще въ началѣ XVI столѣтія продукты, какъ кофе, чай, рисъ, какао, табакъ и др., безъ которыхъ мы въ настоящее время и обойтись то не можемъ, были въ Европѣ совершенно неизвѣстны, что лишь въ XIII и XIV столѣтіи началась обработка хлопчатой бумаги и что приготовленіе хлопчатобумажныхъ матерій въ широкихъ размѣрахъ началось лишь въ XVI столѣтіи. Молодыя заморскія колоніи стали снабжать Европу новыми товарами, которыя быстро становились потребностью; съ другой стороны, оттуда шелъ въ Европу усиленный спросъ на произведенія промышленности, которыя тамъ произведены быть не могли, потому что промышленность была еще мало развита, и всѣ силы тратились на обработку земли. Этотъ спросъ на произведенія промышленности не могъ не вызвать въ Европѣ усиленія промышленной дѣятельности.

Для прежнихъ торговыхъ сношеній, столь простыхъ въ тѣсно ограниченномъ экономическомъ кругѣ, ремесло оказывалось еще достаточнымъ: ради чего сталъ бы ткачъ, портной, сапожникъ или кузнецъ добраго стараго времени производить больше, чѣмъ это было необходимо для удовлетворенія потребностей его деревни или города, т.-е., больше того, чему онъ имѣлъ вѣрный сбытъ въ вполнѣ опредѣленномъ кругѣ покупателей? Но вотъ, міръ сталъ гораздо шире: милліоны покупателей появились у купцовъ, торгующихъ въ морскихъ гаваняхъ и на большихъ торговыхъ дорогахъ; эти купцы, если они сами не были предпринимателями, побуждали другихъ къ массовому приготовленію фабрикатовъ, имѣющихъ спросъ на рынкѣ; съ объединеніемъ

многихъ ремесленниковъ и рабочихъ одного и того же, какъ и разнаго рода, съ переходомъ руководства всей работой въ руки предпринимателя, не участвующаго лично въ работѣ, и съ дальнѣйшимъ раздѣленіемъ труда зародилась мануфактура, предшественница современной крупной промышленности, которая и стала создавать фабрикаты для вывоза въ колоніи. Все возростающій спросъ на такіе товары вліялъ на производство, ускоряя и умножая его: все мельче и мельче становится раздѣленіе труда, придумываются орудія для замѣны человѣческихъ рукъ, для упрощенія, улучшенія и увеличенія работы; наука начинаетъ черезъ посредство техники служить промышленной жизни.

Если мы въ настоящее время осматриваемся на великолѣпные техническіе успѣхи прошлаго столѣтія, съ нами происходитъ то же, что и при взглядѣ на политическое развитіе человѣчества: какъ мы здѣсь связываемъ великіе перевороты съ именемъ какого-нибудь Цезаря, Наполеона или Бисмарка, такъ и тамъ намъ кажутся почти случайными виновниками прогресса какой-нибудь Аркрайтъ или Уаттъ. Но какъ тутъ, такъ и тамъ въ этихъ единичныхъ личностяхъ проявились лишь стремленія цѣлыхъ столѣтій. Все XVII какъ и XVIII столѣтіе охвачены стремленіемъ къ техническому усовершенствованію промышленности, но сотни даровитыхъ изобрѣтателей пали жертвой неудачъ, недостатка въ капиталѣ или упорнаго сопротивленія отстаивающихъ свое существованіе товарищей по призванію. Для иллюстраціи сказаннаго напомнимъ нѣсколько фактовъ. Возможность всего нашего промышленнаго развитія, напримѣръ, зависѣла, главнымъ образомъ, отъ массового производства желѣза. Но до 1750 года желѣзо добывали изъ рудъ исключительно съ помощью древеснаго угля. Не говоря уже о его дороговизнѣ, способъ этотъ ставилъ очень тѣсныя границы производству, если не желали уничтожить всѣхъ лѣсовъ. Уже въ 1620 году нѣкто Дудлей взялъ патентъ на выплавленіе желѣза посредствомъ каменнаго угля. Несмотря на финансовую поддержку могущественнаго покровителя его, Кромвеля, его предпріятіе вслѣдствіе противодѣйствія его товарищей по призванію потерпѣло полное крушеніе и возбужденный противъ него народъ разрушилъ его доменныя печи. Точно также потерпѣли неудачу нѣкоторыя другія попытки ввести усовершенствованія въ техникѣ. Лишь черезъ 100 лѣтъ удалось энергичному Дерби съ необычайными трудностями усовершенствовать этотъ способъ и добиться его признанія. Только въ 1796 году была построена въ Глайвицѣ первая доменная печь въ Германіи. Въ 1680 году Дени Папинъ (1647—1714) открылъ примѣненіе паровой силы. Въ 1690 году онъ построилъ полную паровую машину для корабля, но пароходикъ, на которомъ онъ въ 1707 году объѣхалъ Фульду, былъ разрушенъ завидовавшими ему лодочниками. Сто лѣтъ спустя, Наполеонъ еще смѣялся надъ человѣкомъ, предложившемъ ему построить пароходы, чтобъ сломить міровое могущество Англіи. Аркрайтъ, изобрѣтатель ткацкой машины, развилъ лишь далѣе изобрѣтенія, сдѣланныя 30—40 лѣтъ до него Уатомъ. Послѣ того какъ онъ, собравъ необходимый капиталъ, съ неимовѣрнымъ трудомъ построилъ свою фабрику, фанатическая чернь сожгла ее. Джемсъ Уатъ (1736—1819), отецъ нашей паровой машины, былъ до своего соединенія съ Фультономъ въ товариществѣ съ нѣкимъ Ребукомъ, который почему-то обанкротился, и надъ его имуществомъ былъ учрежденъ конкурсъ. Въ описи, составленной по этому случаю его кредиторами, патентъ паровой машины, которой суждено было произвести переворотъ на землѣ, былъ номинально оцѣненъ въ одинъ геллеръ. Такимъ

образомъ можно сказать, что машинѣ, ставшей въ настоящее время однимъ изъ наиболѣе необходимыхъ средствъ нашей культуры, пришлось болѣе 100 лѣтъ бороться за свое усовершенствованіе, а затѣмъ продолжать борьбу съ упорной косностью грубаго непониманія.

Приведемъ здѣсь нѣсколько чиселъ, выясняющихъ, въ какой мѣрѣ развитіе техники увеличило производство. Добыча желѣзной руды на всей землѣ была равна въ 1800 году 2 милліонамъ тоннъ, въ 1850 г. 11 мил. тоннамъ, а въ настоящее время достигла 60 милліоновъ тоннъ. Производство чугуна составляло въ Англіи: въ 1750 г.—10.000 тоннъ, въ 1770 г.—20.000 тоннъ, въ 1790 г.—68.000 тоннъ, въ 1800 г.—158.000 тоннъ, въ 1820 г.—400.000 тоннъ, въ 1830 г.—700.000 тоннъ, въ 1840 г.—1.400.000 тоннъ, въ 1860 г.—3.800.000 тоннъ, въ 1870 г.—6.000.000 тоннъ, а въ настоящее время составляетъ около 8 милліоновъ тоннъ. Ввозъ хлопчатой бумаги въ Англію до 1750 года рѣдко превышалъ 20.000 центнеровъ въ годъ и возросталъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 1764 году онъ былъ равенъ 40.000 п., въ 1786 г.—195.000 п., въ 1805 г.—600.000 п., въ 1825 г.—2.400.000 п., въ 1848 г.—7.000.000 п., а въ настоящее время онъ превышаетъ 15 милліоновъ центнеровъ. Такимъ образомъ за 150 лѣтъ производство чугуна увеличилось въ 800 разъ, а ввозъ хлопчатой бумаги увеличился въ 750 разъ. За короткое время отъ 1780 года до 1788 года количество чугуна, получающееся изъ одной доменной печи, удвоилось. Какъ только была введена ткацкая машина, количество хлопчатобумажной пряжи увеличилось въ 14 разъ сравнительно съ количествомъ, которое получалось при ручной работѣ. Такъ осуществились въ дѣйствительности сказанныя, въ иномъ смыслѣ, конечно, слова Аристотеля: ткацкія лодочки когда-нибудь сами пойдутъ, и тогда не будетъ надобности въ рабахъ.

Въ то время совершался громадный переворотъ въ положеніи рабочихъ классовъ: производство, которое до тѣхъ поръ оставалось еще въ тѣсныхъ предѣлахъ домашней промышленности, все болѣе и болѣе концентрировалось въ большія общія помѣщенія, въ особенности послѣ того, какъ паровая сила стала вездѣ вытѣснять въ качествѣ движущей силы человѣка. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ та или другая отрасль промышленности, напримѣръ, желѣзодѣлательная или хлопчатобумажная, особенно развивалась, появлялось фабричное населеніе съ новыми нуждами, физическими и нравственными. Рядомъ съ возрастаніемъ богатства отдѣльныхъ ловкихъ предпринимателей, крайняя бѣдность скученныхъ въ одномъ пунктѣ массъ, рѣзче бросалась въ глаза. Отсюда вполнѣ понятно, почему именно въ Англіи впервые появились изслѣдователи и друзья человѣчества, которые стали изучать проблемы новой экономической жизни. Ни капиталисты не имѣли никакого повода заниматься этими проблемами, ни появившійся на аренѣ исторіи пролетаріатъ не былъ въ состояніи, при его тогдашнемъ низкомъ образованіи, выдвинуть изъ своихъ собственныхъ рядовъ людей, которые могли бы придумать какія-нибудь дѣйствительныя мѣры самопомощи. Непредубѣжденному и неизантересованному наблюдателю должно было стать ясно, что шарлатанство, направленнаго только къ развитію торговли, меркантелизма здѣсь столь же мало можетъ помочь, какъ односторонность физіократовъ, заботящихся только о развитіи сельскаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, торговля, главнымъ образомъ, зависитъ отъ производства товаровъ, а земледѣліе промышленная дѣятельность оттѣсняетъ на второй планъ, какъ по общему

своему значенію, такъ и возростающему числу занятыхъ въ ней людей и по все возростающей величинѣ вложенныхъ въ нее капиталовъ. Золото и серебро все болѣе и болѣе теряютъ свое значеніе въ экономической жизни страны, и первенствующее значеніе начинаютъ получать желѣзо и хлопчатая бумага. Благо народовъ не зависитъ болѣе отъ развитія мощи ихъ князей; открывается новая арена мирныхъ завоеваній, болѣе плодотворная, чѣмъ арена военныхъ успѣховъ. Но не ведетъ ли этотъ новый путь промышленности на поле битвы, на которомъ гибнутъ милліоны людей отъ нужды и голода?

Гдѣ было зародиться такимъ идеямъ, если не въ Англіи, той европейской странѣ, гдѣ впервые начался переворотъ въ промышленности и гдѣ политическій строй, спокойно развивающійся въ теченіе 500 лѣтъ, привелъ къ большей свободѣ мысли и большей силѣ общественнаго мнѣнія? Естественно, что именно въ Англіи могли зародиться основы новой экономической науки, пытающейся устранить односторонности предшественниковъ и открыть истинныя основы народнаго благосостоянія. И въ этой области потребовалась предварительная работа сотенъ лицъ, чтобы эти основы были выяснены, но полученные результаты были обобщены и объединены въ одно цѣлое слѣдующими тремя мужами: шотландскимъ профессоромъ Адамомъ Смитомъ (1723—1790), англійскимъ священникомъ Томасомъ Робертмъ Мальтусомъ (1766—1834) и происходящимъ изъ португальскихъ евреевъ, лондонскимъ банкиромъ, Давидомъ Рикардо (1772 — 1823), развившимъ также весьма плодотворную политическую дѣятельность въ англійскомъ парламентѣ. Самымъ выдающимся въ научномъ отношеніи и наиболѣе глубокимъ мыслителемъ среди нихъ былъ, безъ сомнѣнія, Рикардо; кафедра политической экономіи въ лондонскомъ университетѣ и до настоящаго времени еще носитъ его имя. Но всего болѣе содѣйствовалъ распространенію новаго ученія ясностью и понятностью изложенія Адамъ Смитъ. Его главное сочиненіе: «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ народнаго богатства» въ 1776 году, книга Мальтуса: «Опытъ о народонаселеніи»—въ 1798 году, а главное сочиненіе Рикардо: «Принципы политической экономіи и налоговъ»—въ 1817 году. Хотя и существуютъ нѣкоторыя уклоненія въ основныхъ взглядахъ этихъ трехъ мыслителей, общія черты ихъ системъ, однако, такъ сходны, что въ общемъ ихъ можно разсматривать и обсуждать, какъ одну систему.

Всего лучше насъ познакомитъ съ сущностью новой теоріи изложеніе сочиненія Адама Смита. Книга эта—плодъ десятилѣтняго труда и личныхъ изысканій въ Англіи, Франціи и Швейцаріи—изложена въ высшей степени ясно и общепонятно. Врядъ ли другая какая-нибудь книга можетъ дать такой сильный толчекъ нашему мышленію о научныхъ вопросахъ.

По Смиту источникъ всякаго человѣческаго прогресса есть раздѣленіе труда, приводящее къ чрезвычайному усиленію производства. Такъ, напримѣръ, одинъ рабочій можетъ въ день приготовить не болѣе 20 булавокъ, тогда какъ 10 рабочихъ, соединившись вмѣстѣ, исполняя каждый только опредѣленную часть общей работы, могутъ въ день приготовлять 48 тысячъ иголокъ. Чѣмъ меньше раздѣленіе труда, тѣмъ медленнѣе прогрессъ, что всего лучше видно на сельскомъ хозяйствѣ. Это усиленіе производства обусловливается большею ловкостью отдѣльнаго рабочаго, экономіей времени, которое тратилось раньше при перемѣнѣ занятій, и примѣненіемъ машинъ, сберегающихъ человѣческій трудъ. Первоначальное изобрѣтеніе машинъ слѣдуетъ приписать только

удобству и случаю: такъ, напримѣръ, важнѣйшее улучшеніе въ паровой машинѣ, автоматическій винтиль, разсказываетъ Смитъ, былъ изобрѣтенъ однимъ мальчикомъ, приставленнымъ запирать каждый разъ винтиль между котломъ и цилиндромъ: изъ лѣни онъ связалъ этотъ винтиль веревкой съ другой частью машины, движеніе которой выполняло за него эту работу.

Этотъ ростъ производства и есть источникъ богатства, постепенно распространяющагося до низшихъ классовъ народа. Сколько людей должно работать въ различныхъ отрасляхъ промышленности, чтобы приготовить самую простую шерстяную куртку бѣдняка-поденщика. Но идея раздѣленія труда не развилась сама по себѣ, единственно, какъ плодъ человѣческаго разума, а есть скорѣе результатъ человѣческой склонности къ обмѣну, созданной обоюдными выгодами участвующихъ въ обмѣнѣ. Раздѣленіе труда приводитъ къ большимъ различіямъ между людьми—различіямъ, составляющимъ не столько его причину, сколько слѣдствіе. Въ періодѣ дѣтства будущій философъ мало чѣмъ отличается отъ будущаго носильщика.—Этимъ объясняется также то, что начатки высшей культуры зарождаются на берегахъ морей и вблизи большихъ рѣкъ: на берегахъ Средиземнаго моря, Нила и Ганга, у истоковъ рѣкъ восточнаго Китая. Здѣсь, благодаря судоходству, обмѣнъ развивается гораздо быстрѣе, чѣмъ на континенѣ, гдѣ недостаточныя средства сообщенія значительно стѣсняютъ его развитіе. Но для развитія обмѣна необходимы средства обмѣна: если одинъ не имѣетъ того, что нужно другому, никакой обмѣнъ произойти не можетъ. Отсюда возникаетъ необходимость въ общепринятой мѣрѣ цѣнностей; такой мѣрой становятся, въ концѣ концовъ, металлы и деньги, которыя изъ нихъ чеканятъ.

Что мы называемъ цѣнностью? Подъ цѣнностью мы понимаемъ или полезность какой-нибудь вещи, или ея способность быть обмѣненной на другіе товары. Въ первомъ случаѣ это будетъ потребительная цѣнность, а во второмъ—мѣновая цѣнность. Эти два вида цѣнности далеко не всегда покрываютъ другъ друга: есть множество вещей, имѣющихъ очень большую потребительную цѣнность, но никакой мѣновой цѣнности: такой вещью является, напримѣръ, воздухъ; съ другой стороны, есть вещи, имѣющія очень высокую мѣновую цѣнность, но почти никакой потребительной цѣнности; примѣромъ такихъ вещей можетъ служить алмазъ.

Человѣкъ богатъ или бѣденъ въ зависимости отъ того, насколько онъ въ состояніи удовлетворить свои жизненныя потребности; но, когда наступаетъ раздѣленіе труда, богатство его опредѣляется тѣмъ количествомъ труда другихъ, которое онъ можетъ себѣ присвоить. Трудъ, слѣдовательно, есть мѣрило мѣновой цѣнности всѣхъ благъ. Богатство есть лишь власть надъ трудомъ другихъ; не золотомъ и серебромъ, а трудомъ было создано первоначально всякое богатство. Но трудъ есть мѣрило цѣнности, которое съ трудомъ поддается опредѣленію, и поэтому мѣновую цѣнность большей частью выражаютъ въ деньгахъ. Это обстоятельство ведетъ, однако, ко многимъ заблужденіямъ, такъ какъ и цѣна благородныхъ металловъ далеко не такъ устойчива, какъ это обыкновенно принимаютъ; и золото и серебро суть товары, цѣнность которыхъ колеблется въ зависимости отъ эксплуатаціи рудниковъ и отношенія между спросомъ и предложеніемъ. Въ особой главѣ первой книги своего сочиненія Смитъ указываетъ на то, что отношеніе между цѣнностью золота и цѣнностью серебра измѣни-

лось со времени открытія Америки отъ 1 къ 10, на 1 къ 14—15. (Около четверти вѣка тому назадъ отношеніе это было равно 1 къ 16 и недавно возрасло отъ 1 къ 30). За одинъ фунтъ золота получали слѣдовательно: въ 1450 году—10 фунтовъ серебра, въ 1776 году—14—15, въ 1870—16 и въ 1896—около 30 фунтовъ серобра. Цѣнность серебра, такимъ образомъ, прогрессивно уменьшалась и это прогрессивное уменьшеніе его цѣнности Смитъ, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ—предвидѣлъ. Случай этотъ въ такой же мѣрѣ можетъ означать вздорожаніе золота, какъ удешевленіе серебра, или и то и другое вмѣстѣ, но онъ съ очевидностью доказываетъ непостоянную цѣнность денегъ, что ускользаетъ отъ нашего вниманія потому, что названіе денегъ остается тѣмъ же. Смитъ, поэтому, правъ, когда онъ говоритъ, что деньги составляютъ точное мѣрило мѣновой цѣнности всѣхъ благъ только въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ, почему земельная рента прочнѣе и съ теченіемъ времени становится цѣннѣе, чѣмъ денежная рента. Земельная рента, установленная во времена королевы Елизаветы, давала во время Смита, т.-е. лѣтъ черезъ 200, въ четыре раза большій доходъ, чѣмъ денежная рента, имѣвшая во времена Елизаветы ту же цѣнность. Наоборотъ, цѣна труда остается, по мнѣнію Смита, всегда, въ общемъ, постоянной.

Во времена патріархальныхъ отношеній, когда не были еще скоплены въ однихъ рукахъ ни большіе капиталы, ни большіе участки земли, единственной основой обмѣна былъ трудъ; если, напримѣръ, убійство бобра требовало вдвое больше труда, чѣмъ убійство оленя, то за одного бобра давали двухъ оленей. Но на болѣе высокой ступени культуры различные элементы цѣны получаютъ самостоятельное значеніе: рядомъ съ трудомъ получаютъ значеніе прибыль на капиталъ и земельная рента. Доходъ съ труда называется заработной платой, доходъ съ капитала—прибылью, а доходъ съ земли—рентой.

Когда отдѣльныя лица пріобрѣтаютъ извѣстный запасъ вещей, превышающій ихъ собственныя потребности, они начинаютъ нанимать на работу другихъ людей, чтобы воспользоваться излишкомъ между цѣнностью произведенныхъ ими товаровъ и ихъ заработной платой въ качествѣ прибыли на капиталъ. Эти отдѣльныя лица, становясь предпринимателями, руководятъ производствомъ и сбытомъ товаровъ, но прибыль ихъ опредѣляется при этомъ не ихъ трудомъ по надзору за работой или по продажѣ товаровъ, а количествомъ затраченнаго капитала. Объяснимъ сказанное на примѣрѣ. Допустимъ, что средяя прибыль на капиталъ въ какой-нибудь странѣ составляетъ 10%. Допустимъ далѣе, что на двухъ фабрикахъ рабогаетъ по 15 рабочихъ, заработная плата которыхъ въ годъ составляетъ 500 рублей, но одна изъ этихъ фабрикъ перерабатываетъ въ годъ сырья на 15 тысячъ рублей, а вторая переработываетъ своего сырья на 150 тысячъ рублей. Для первой фабрики оборотный капиталъ (считая, конечно, однократный оборотъ его въ годъ) будетъ составлять 22.500 рублей, (15.000 рублей на сырье и 7.500 на заработную плату), а для второй—157.500 рублей (150.000, затраченные на сырье и 7.500—на заработную плату); такимъ образомъ при одномъ и томъ же числѣ рабочихъ и равномъ ихъ трудѣ прибыль на капиталъ будетъ въ первомъ случаѣ 2.250 рублей (т.-е. 10% съ 22.500 рублей), а во второмъ случаѣ—15.750 рублей, т.-е. 10% съ 157.000 рублей).

Перейдемъ теперь къ земельной рентѣ. Какъ только земля становится частной собственностью, владѣльцы ея, которые, подобно всѣмъ

людямъ, готовы жать тамъ, гдѣ не посѣяли, требуютъ уплаты даже за естественный доходъ съ земли. Въ то время, какъ при господствѣ общинной собственности цѣнность дерева изъ лѣса, травы съ поля опредѣлялась только трудомъ доставшаго ихъ, теперь землевладѣлецъ долженъ быть вознагражденъ за разрѣшеніе собирать ихъ и этимъ вознагражденіемъ служитъ часть продуктовъ труда. Эту теорію земельной ренты Рикардо развилъ дальше, придавъ ей ясную, вполнѣ понятную форму. Въ основу всей теоріи онъ кладетъ слѣдующую мысль: въ странѣ, которая только начинаетъ заселяться, единственной задачей является полученіе необходимаго количества хлѣба; ясно, что люди станутъ выбирать лучшую землю, т.-е. ту землю, которая при наименьшей затратѣ капитала и труда даетъ наибольшій доходъ. Допустимъ, что при соотвѣтствующей обработкѣ получается съ опредѣленной площади такой земли извѣстное количество хлѣба, напримѣръ, 100 четвериковъ. Съ ростомъ населенія вся эта земля мало по малу завладѣвается и тогда переходятъ къ обработкѣ земли худшаго качества. Но съ этихъ пашенъ получается при одинаковой затратѣ капитала и труда и при равной площади обработки меньшій урожай, допустимъ 90 четвериковъ. Очевидно, что цѣна хлѣба должна опредѣляться этимъ худшимъ урожаемъ, потому что иначе эта худшая земля не была бы и обработана. Отсюда слѣдуетъ, что владѣлецъ лучшей земли станетъ теперь за 90 четвериковъ получать столько же, сколько онъ раньше получалъ за 100 и такимъ образомъ получитъ излишекъ въ 10 четвериковъ хлѣба. Этотъ излишекъ, выраженный въ деньгахъ, и образуетъ его ренту; худшая же земля можетъ дать только доходъ, покрывающій проценты съ капитала и расходъ на заработную плату. Съ дальнѣйшимъ ростомъ населенія приходится перейти къ обработкѣ земли еще худшаго качества, т.-е. такой земли, которая при той же величинѣ обрабатываемой площади и при тѣхъ же условіяхъ труда и капитала даетъ еще худшій урожай, примѣрно въ 80 четвериковъ. Въ такомъ случаѣ владѣлецъ земли второго сорта получитъ ренту въ 10 четвериковъ, а владѣлецъ земли перваго сорта получитъ ренту въ 40 четвериковъ и т. д. Другими словами, рента опредѣляется излишкомъ дохода даннаго участка земли сравнительно съ участкомъ, обработка котораго начались всего позже и который даетъ наименьшій доходъ.

Эта теорія, изложенная Рикардо въ самыхъ общихъ чертахъ, должна, разумѣется, при практическомъ ея примѣненіи потерпѣть коекакія измѣненія. Особенно важно въ ней указаніе на то, что земельная рента создается не самимъ владѣльцемъ, а ростомъ населенія и общаго благосостоянія страны. Всего яснѣй это бросается въ глаза въ нашихъ большихъ городахъ, гдѣ земельная рента неимовѣрно растетъ вслѣдствіе одного притока населенія. Это ненормальное положеніе дѣлъ вызвало къ жизни особое движеніе, представители котораго заявляютъ себя сторонниками, такъ называемой, земельной реформы; они ставятъ себѣ цѣлью передачу всей земли въ общественную собственность, частью непосредственно, а частью путемъ перевода ипотечнаго кредита въ собственность государства. Эти стремленія не увѣнчались покуда никакимъ успѣхомъ въ отношеніи сельской земли, такъ какъ здѣсь натолкнулись на значительныя затрудненія, но среди представителей городскихъ самоуправленій они встрѣтили очень дружественный пріемъ. Вздорожаніе городской земли, а слѣдовательно, и цѣнъ квартиръ вызвало постройки громадныхъ казармъ, состоящихъ

изъ множества квартиръ, что чревато весьма серьезными опасностями для нравственности и здоровья жителей. Если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибыль земли была обложена довольно высокими налогами, то эта мѣра могла только привести къ нѣкоторому финансовому уравненію, но не могла устранить коренного зла. Поэтому, многія общины стали въ послѣднее время ставить себѣ цѣлью пріобрѣтеніе участковъ земли, чтобы имѣть возможность съ одной стороны держать цѣны на низкомъ уровнѣ, а съ другой стороны содѣйствовать расширенію городскихъ владѣній. Стоитъ сравнить растянувшіеся на многія мили пригороды Лондона съ ихъ семейными домиками, окруженными садиками, съ безконечно длинными улицами и однообразными рядами домовъ другихъ большихъ городовъ Европы, чтобы благодѣтельные результаты такой политики общинъ стали вполнѣ очевидны. Въ наше время результаты этой политики могутъ быть еще болѣе улучшены устройствомъ уличныхъ и пригородныхъ желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ удобными сообщеніями пригороды съ городомъ, и пониженіемъ проѣздной платы. Этимъ было бы найдено дѣйствительное средство противъ роста земельной ренты, были-бы совмѣщены удобства городской и сельской жизни и было-бы дано здоровое направленіе современному «стремленію въ большіе города», небезопасному для нашей культуры.

Но вернемся къ Адаму Смиту.—Существуетъ всегда опредѣленная средняя норма для заработной платы, прибыли на капиталъ и земельной ренты. Та цѣна товаровъ, которая опредѣляется этими тремя цифрами, можетъ быть названа естественной цѣной товаровъ. Съ усиленіемъ спроса на товары цѣна эта повышается, а съ усиленіемъ предложенія—понижается, но это происходитъ только тогда, когда спросъ и предложеніе могутъ оказать свое вліяніе, т.-е., если они на самомъ дѣлѣ могутъ вести къ покупкѣ или продажѣ. Если на естественную цѣну вліяютъ спросъ и предложеніе, мы получаемъ рыночную цѣну, но такъ какъ высокія цѣны ведутъ къ развитію производства, а низкія тормозятъ это развитіе, то, въ общемъ, цѣна всѣхъ товаровъ стремится приблизиться къ естественной цѣнѣ. Всѣ монополіи, пошлины, цехи и т. д. нарушающіе этотъ естественный процессъ, вредны, такъ какъ они повышаютъ цѣны выше ихъ естественнаго положенія ради выгоды отдѣльныхъ лицъ.

Въ эпохи наиболѣе простыхъ экономическихъ формъ жизни, когда не было ни скопленія капиталовъ, ни земельной ренты, рабочему принадлежалъ весь доходъ съ его труда. Если бы эти прежнія экономическія формы не измѣнились, выгоды отъ раздѣленія труда еще болѣе увеличили бы ихъ преимущества для рабочихъ; всѣ товары были бы дешевле, но всегда лишь въ отношеніи къ сбереженной работѣ. Но разъ земля становится частной собственностью, владѣлецъ ея требуетъ уже свою ренту; какъ только появляется предприниматель, владѣющій сырьемъ и орудіями труда и доставляющій рабочему средства къ существованію, онъ требуетъ уже своей прибыли. Наступаетъ раздѣленіе дохода, появляется заработная плата, которая устанавливается соглашеніемъ; рабочіе съ одной стороны и предприниматели съ другой объединяются въ цѣляхъ достиженія наиболѣе выгодныхъ для нихъ условій соглашенія. Но предпринимателямъ это удается гораздо легче: ихъ гораздо меньше, они дольше могутъ выдержать, выжидая уступокъ со стороны рабочихъ, и къ тому же рычагъ законодательства въ ихъ рукахъ. Вотъ почему нѣтъ нигдѣ законовъ противъ работодателей, понижающихъ заработную плату, а есть вездѣ законы, на-

правленные противъ стремленія къ повышенію заработной платы. Соглашенія между предпринимателями происходятъ большей частью безъ шума, между тѣмъ какъ рабочіе при гораздо большемъ ихъ числѣ и болѣе низкомъ образованіи такъ тихо объединяться не могутъ. Вотъ почему ихъ попытки къ объединенію рѣдко имѣютъ успѣхъ: противники ихъ держатся одного и отказываются отъ уступокъ, а рабочихъ нужда вынуждаетъ къ уступкамъ и, кромѣ того, на сторону работадателя часто становится правительство. Но и ограниченіе требованій рабочихъ имѣетъ свои предѣлы — возможность сохраненія и размноженія рабочихъ. Какъ только эта граница превзойдена, число рабочихъ уменьшается, предложеніе рабочихъ рукъ понижается, и заработная плата повышается.

Адамъ Смитъ занимался вопросомъ о народонаселеніи лишь мимоходомъ, а Мальтусъ подвергъ этотъ вопросъ подробному научному изслѣдованію. Мы видѣли, какъ серьезно занимались этимъ вопросомъ уже въ древности, гдѣ его пытались разрѣшить государственнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла брачныя, устраненіемъ слабыхъ дѣтей, переселеніями и т. д. Въ средніе вѣка руководились библейскою заповѣдью: «плодитесь и множитесь». До самаго начала новаго времени сторонниками возможно большаго размноженія населенія были и князья: имъ хотѣлось имѣть возможно больше плательщиковъ налоговъ и въ особенности возможно больше солдатъ. Но населеніе все же не умножалось, такъ какъ безконечныя войны и постоянныя эпидиміи поглощали много жертвъ. Жизнь человѣческая цѣнилась очень низко и всего менѣе интересовались судьбой низшихъ классовъ. Но по мѣрѣ того, какъ значеніе труда возростало, это положеніе дѣла не могло не измѣняться. Развитіе естественныхъ наукъ и первые начатки статистики привели къ познанію извѣстной правильности въ измѣненіи состава и движенія населенія. Какъ ни свободна съ виду въ своихъ дѣйствіяхъ отдѣльная личность, все же была установлена необъяснимая до сихъ поръ правильность въ числѣ браковъ, рожденій и смертныхъ случаевъ. Такъ мало-по-малу стали посвящать больше вниманія жизни не только господствующихъ классовъ, но и массъ, и стали искать закономѣрности въ явленіяхъ роста и движенія населенія.

По теоріи Мальтуса люди, подобно растеніямъ и животнымъ, имѣютъ естественную склонность къ безграничному размноженію. Какъ это извѣстно изъ опыта, при нормальныхъ условіяхъ населеніе удваивается въ теченіе 25 лѣтъ. Но въ сравненіи съ этимъ ростомъ населенія количество средствъ пропитанія возростаетъ гораздо медленнѣе; чѣмъ выше культура и чѣмъ число людей увеличивается, тѣмъ труднѣй становится соотвѣтствующее увеличеніе средствъ пропитанія. Мальтусъ пытается это отношеніе выразить въ числахъ: между тѣмъ, какъ ростъ населенія можетъ быть выраженъ въ видѣ численнаго ряда 1, 2, 4, 8, 16, 32 и т. д. (т.-е. въ видѣ такъ называемой геометрической прогрессіи), увеличеніе средствъ пропитанія можетъ быть представлено въ видѣ ряда 1, 2, 3, 4, 5, 6, и т, д. (т.-е. въ видѣ такъ называемой ариѳметической прогрессіи). Такимъ образомъ, черезъ 200 лѣтъ количество жизненныхъ средствъ могло бы относиться къ числу населенія какъ 9 къ 256, черезъ 300 лѣтъ—какъ 13 къ 4096 и т. д.— Естественной помѣхой этому является то, что можетъ жить лишь столько людей, сколько можетъ найти себѣ пропитаніе. Отсюда Мальтусъ заключаетъ, что это стремленіе къ безграничному размноженію можетъ быть введено въ границы только при извѣстныхъ, стѣсняю-

щихъ его условіяхъ, какъ то добровольное воздержаніе, ограниченіе числа дѣтей, переселеніе и т. д., или такія внѣшнія причины, какъ неурожай, война или эпидемія. Если стѣсненія, устанавливаемыя людьми, недостаточны, природа сама уничтожаетъ излишекъ голодомъ и нищетой. Мальтусъ приходитъ къ слѣдующимъ тремъ выводамъ: 1) число населенія ограничено числомъ существующихъ средствъ пропитанія; 2) когда число этихъ средствъ пропитанія увеличивается, увеличивается само безъ всякихъ искусственныхъ средствъ и число населенія; 3) ограничиваютъ число населенія или воздержаніе, или порокъ и нищета.

Такое ученіе грозило бы страшными переспективами, будь оно чѣмъ то болѣе, чѣмъ одно указаніе на необходимость для человѣчества серьезнаго изслѣдованія этой важной задачи. Будь теорія Мальтуса вѣрна, она означала бы ничто иное, какъ регрессъ или даже гибель человѣческаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь только въ лучшемъ случаѣ лучшіе прибѣгали бы къ добровольному воздержанію, такъ что въ результатѣ размножались бы только худшіе, передавая свои свойства потомкамъ. Но эта мрачная теорія не менѣе одностороння, чѣмъ противоположный ей библейско-меркантилистическій оптимизмъ, опроверженіе котораго она ставитъ своей задачей. Не говоря уже о томъ, что цифры, которыя самъ Мальтусъ не считаетъ вполнѣ установленными, а пользуется ими лишь для выясненія своей основной идеи, неправильны, развитіе населенія въ отечествѣ самого Мальтуса съ очевидностью доказываетъ какъ разъ противоположное. Въ 1750 году Великобританія насчитывала 8 милліоновъ населенія, въ 1798 году, когда появилась книга Мальтуса «Опытъ о народонаселеніи», она насчитывала 10 милліоновъ, а въ настоящее время насчитываетъ около 40 милліоновъ населенія. Такимъ образомъ, число населенія Великобританіи возросло въ теченіе 100 лѣтъ вчетверо, а въ теченіе 150 лѣтъ—впятеро, но при этомъ оно стало несомнѣнно богаче и въ среднемъ живетъ гораздо лучше, чѣмъ раньше.

Мальтусъ слишкомъ мало обратилъ вниманія на тотъ фактъ, что человѣкъ, въ отличіе отъ растенія и животнаго, самъ увеличиваетъ средства своего пропитанія. Въ его время, когда не было еще ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, онъ не могъ знать, какъ весь міръ можетъ быть объединенъ въ одно единое цѣлое всевозможными путями сообщенія, такъ что дѣйствительный излишекъ населенія могъ бы явиться только тогда, еслибы на всемъ земномъ шарѣ былъ достигнутъ предѣлъ добычѣ средствомъ пропитанія. Но, какъ извѣстно изъ опыта, именно наиболѣе плотно населенныя страны большей частью и всего богаче: если даже собственная почва и отечественная промышленность оказывается не въ состояніи доставлять имъ необходимыя питательныя средства, они могутъ получить ихъ изъ другихъ странъ, обмѣнявъ ихъ на продукты своего труда. Въ этомъ положеніи находятся теперь жители большихъ городовъ, и при условіи мирнаго времени не трудно себѣ представить теперь процвѣтаніе цѣлой страны, совершенно не производящей средствъ питанія. Будь теорія Мальтуса вѣрна, попеченія о бѣдныхъ, забота о слабыхъ и больныхъ, мѣры общественной гигіены—мѣры, направленныя къ искусственному поддержанію населенія—были бы противъ интересовъ человѣчества. И Мальтусъ на самомъ дѣлѣ сначала высказался противъ всякихъ заботъ о бѣднякахъ, что вызвало очень рѣзкія нападки на него со стороны многихъ, и въ особенности со стороны церкви. Въ послѣдующихъ

изданіяхъ своего сочиненія онъ смягчилъ свои взгляды на дѣло призрѣнія бѣдныхъ, продолжая настаивать только на томъ, что принципъ поддержки работоспособныхъ бѣдняковъ вреденъ, толкая бѣдняковъ къ легкомысленному заключенію браковъ.

Несмотря на всѣ эти противорѣчія, въ теоріи Мальтуса заключается одна глубокая истина. Въ первые періоды капиталистическаго способа производства заработная плата очень низка, и эта низкая заработная плата не повышается, потому-что рабочее населеніе очень размножается. Радуясь этой низкой заработной платѣ, люди упускаютъ изъ виду нищету пролетаріата, низводящую его до животнаго состоянія и являющуюся и причиной и слѣдствіемъ этого столь выгоднаго на первый взглядъ размноженія населенія; они не видятъ опасности, которыми это положеніе дѣла грозитъ всему обществу. При всемъ развитіи средствъ сообщенія люди, и въ особенности бѣдные люди, гораздо менѣе подвижны, чѣмъ, напримѣръ, средства питанія; поэтому, можетъ во всякой странѣ рядомъ съ наибольшимъ богатствомъ оказаться величайшая нищета. Только при лучшихъ жизненныхъ условіяхъ и большемъ образованіи можетъ и въ рабочемъ классѣ появиться и развиваться та забота о будущемъ, которая заставляетъ высшія сословія согласовать число дѣтей съ возможностью ихъ прокормленія и воспитанія. Указаніе на эти, въ высшей степени важные для всей нашей культуры, вопросы составляетъ незабвенную заслугу Мальтуса, и не случайно, конечно, то, что вся богатая литература по вопросу о народонаселеніи за послѣднія 100 лѣтъ исходитъ исключительно изъ его теоріи.

Однимъ изъ основныхъ взглядовъ Адама Смита является положеніе, что съ ростомъ капитала ростетъ и спросъ на трудъ. При этомъ важно здѣсь не столько абсолютная высота капитала, сколько его постоянно возростающее движеніе, выражающееся именно въ ростѣ населенія. Въ Сѣверо-Американскихъ колоніяхъ Англіи заработная плата была выше, чѣмъ въ Англіи и на европейскомъ континентѣ, несмотря на то, что цѣны на жизненные припасы были ниже; это объясняется тѣмъ, что при тогдашнемъ состояніи населенія удвоеніе числа населенія могло быть допущено лишь черезъ 500 лѣтъ, между тѣмъ какъ въ Америкѣ населеніе удвоилось черезъ 25 лѣтъ. Въ богатомъ, но неподвижномъ Китаѣ заработная плата очень низка; въ Остъ-Индіи, гдѣ ежегодно умираетъ отъ голоду 300—400 тысячъ человѣкъ, заработная плата постоянно падаетъ. «Такова разница между духомъ англійской конституціи, подъ покровительствомъ и властью которой находятся американскія колоніи, и духомъ торговаго общества, угнетающаго Индію». Ростъ населенія и заработной платы находятся въ тѣсной связи съ ростомъ богатства: не можетъ процвѣтать то государство, большая часть гражданъ котораго живетъ въ крайней нищетѣ.

Поэтому, Смитъ ведетъ жестокую борьбу съ эксплуататорской колоніальной системой своего времени. Онъ рѣзко осуждаетъ ее, какъ съ общечеловѣческой, такъ и съ экономической точки зрѣнія. Это нарушеніе священнѣйшихъ правъ человѣка, когда мѣшаютъ народу извлечь изъ его продуктовъ возможно большую пользу. «Основать большое государство съ единственной цѣлью воспитать народъ, который покупалъ бы произведенія метрополіи—это предпріятіе, достойное лишь націи торгашей. Но даже съ точки зрѣнія такой націи подобное предпріятіе безсмысленно и можетъ появиться лишь въ государствѣ, правительство

котораго руководится интересами отдѣльныхъ купцовъ. Изъ всѣхъ мѣръ, могущихъ повредить колоніи, самой вредной является монополія большого торговаго общества. Англійскіе купцы жалуются на высокую заработную плату на родинѣ, затрудняющую имъ конкурренцію на международномъ рынкѣ, не о своей высокой прибыли на капиталъ, которая не менѣе, вѣдь, приводитъ къ вздороженію отечественныхъ продуктовъ, они не говорятъ ничего. Политикѣ этихъ купцовъ Великобританія обязана тѣмъ, что до настоящаго времени власть ея надъ ея колоніями приносила ей однѣ потери.—Дальновидный Адамъ Смитъ предлагаетъ, поэтому, дать колоніямъ самоуправленіе и даже представительство въ англійскомъ парламентѣ.

Будемъ, однако, продолжать изложеніе теоріи Смита. Чѣмъ производство какого-нибудь товара сложнѣе, тѣмъ больше въ немъ доли труда и капитала и тѣмъ не меньше доля земельной ренты. Высокая заработная плата приводитъ къ улучшенію работы, усиливая дѣятельность и ловкость рабочаго. Но, вмѣстѣ съ ростомъ богатства, уменьшается и прибыль на капиталъ, что выражается пониженіемъ учетнаго процента, отъ высоты котораго эта прибыль зависитъ. Такъ, напримѣръ, правительство въ Голландіи получало тогда деньги за 2%, надежные купцы—за 3%, а въ Англіи они платили 3—4% и во Франціи даже 5%.—Благодаря болѣе тѣсному общенію между собой и болѣе высокому образованію, жителямъ городовъ всегда удавалось ставить торговлю и промышленность въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ сельское хозяйство, чего они достигали, главнымъ образомъ, посредствомъ пошлинъ. Если эти пошлины приводятъ къ повышенію цѣнъ, то весь ущербъ отъ этого выпадаетъ на долю сельскаго хозяина. Этотъ послѣдній мирится съ такимъ положеніемъ, потому что купцы и фабриканты своими криками и ложными соображеніями стараются возбудить въ немъ мысль, будто частные интересы меньшинства, состоящаго изъ городскихъ жителей, покрываются общимъ благомъ всѣхъ. Всякій прогрессъ въ улучшеніи работы, удешевленіи фабрикантовъ и размноженіи населенія оказывается въ высшей степени полезнымъ и для сельскаго хозяйства: интересы рабочихъ и интересы землевладѣльцевъ вполнѣ покрываются интересами всего общества. Но того же нельзя сказать объ интересахъ капитала: хотя именно онъ приводитъ въ движеніе большую часть полезной работы, но онъ это дѣлаетъ исключительно для своей же наживы. Какъ рента, такъ и зарабатная плата, повышаются съ процвѣтаніемъ и падаютъ съ упадкомъ его благосостоянія. Не то—капиталъ его барышъ низокъ въ богатыхъ и высокъ въ бѣдныхъ странахъ и всего выше въ періоды хозяйства, ведущаго къ разоренію страны.

Тѣмъ не менѣе, пользуются сильнѣйшимъ вліяніемъ въ государствѣ именно крупные капиталисты, купцы и фабриканты. Больше занимаясь всевозможными дѣлами, они становятся болѣе сообразительными, чѣмъ помѣстное дворянство. Сама природа ихъ занятій такова, что они становятся, часто сами этого не сознавая, эгоистичными и своекорыстными, охотно считаютъ свои собственные интересы интересами всего общества, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности эти послѣдніе отъ первыхъ весьма отличны, а часто даже имъ противоположны. Въ интересахъ купца расширять рынокъ и ограничивать конкурренцію, но первое иногда совпадаетъ, а иногда и не совпадаетъ съ общими интересами, а второе этимъ послѣднимъ всегда противоположно.—Увеличеніемъ своего личнаго барыша капиталисты стараются изложить на

своихъ сограждан несправедливый налогъ. Вотъ почему законопроекты предлагаемые классомъ капиталистовъ, должны быть всегда провѣрены съ особенной тщательностью, чтобы убѣдиться въ ихъ полезности для всего общества.—Подобнымъ же образомъ и законы касательно землевладѣнія приспособлены къ особымъ интересамъ землевладѣльца, потому что въ прежнія эпохи законодательство было во всей Европѣ въ рукахъ землевладѣльцевъ.

Такъ Адамъ Смитъ во всѣхъ вопросахъ является защитникомъ экономической справедливости и свободы. Онъ противникъ всякой торговой монополіи: если естественный продуктъ можетъ и безъ монополіи быть дешевымъ, то монополія, очевидно, безполезна, если же удорожаетъ товары, то она, очевидно, вредна. Разумный семьянинъ не приготовляетъ дома того, что онъ на базарѣ можетъ купить дешевле; портной не готовитъ себѣ самъ ботинокъ, а покупаетъ ихъ у сапожника, который, въ свою очередь, заказываетъ себѣ платья у портного; крестьянинъ не готивитъ себѣ самъ ни платьевъ, ни ботинокъ, а покупаетъ ихъ у ремесленника. Но что разумно въ хозяйствѣ отдѣльнаго человѣка, не можетъ быть глупымъ въ хозяйствѣ цѣлой страны. Разъ другая страна можетъ доставлять намъ какой-нибудь товаръ за болѣе дешевую цѣну, чѣмъ та, которую онъ стоилъ бы у насъ, то будетъ лучше, если мы этотъ товаръ купимъ въ чужой странѣ, заплативъ за него другимъ товаромъ, хорошо и дешево приготовленнымъ у насъ. Можно, конечно, и въ Шотландіи разводить виноградъ, но это будетъ стоить въ 30 разъ дороже, чѣмъ во Франціи.— Обложеніе пошлинами и налогами необходимыхъ средствъ къ жизни имѣетъ такіе же результаты, какъ безплодная почва и плохой климатъ. Такъ называемой, таможенной войной противъ другого государства можно, пожалуй, обратно завоевать иностранный рынокъ и получить временныя выгоды, но, въ концѣ концовъ, такая политика не можетъ оказаться вредной: она основана не на дальновидныхъ экономическихъ соображеніяхъ, а на «ловкости того лукаваго и хитраго существа, которое привыкли называть государственнымъ дѣятелемъ или политикомъ и которое руководится только соображеніями даннаго момента».

Торговля естественная и правильная, выгодна всегда для обѣихъ, сторонъ, хотя, правда, не всегда въ равной мѣрѣ. Если англичанинъ покупаетъ во Франціи вино на выгодныхъ условіяхъ и доставляетъ туда свои шерстяные товары, то оборотный капиталъ увеличивается въ обѣихъ странахъ. Только мелкій лавочникъ полагаетъ, что онъ долженъ дать заработать только своимъ постояннымъ поставщикамъ; крупный коммерсантъ покупаетъ только тамъ, гдѣ ему выгодно. Основныя положенія меркантилизма привели къ мнѣнію, что выгоды націи заключаются въ томъ, чтобы сдѣлать сосѣдей нищими. Стали смотрѣть косо на благосостояніе тѣхъ націй, съ которыми находились въ тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ, такъ какъ въ ихъ барышѣ видѣли собственную потерю. Такъ торговля, которая должна же сближать и объединять націи стала, наоборотъ, источникомъ раздоровъ и ненависти. «Своекорыстіе и честолюбіе королей и министровъ были въ послѣднія два столѣтія менѣе гибельны для Европы, чѣмъ безстыдная зависть и соревнованіе купцовъ и фабрикантовъ. Это сословіе не должно, поэтому, властвовать надъ людьми, его низкая алчность и стремленіе къ монополіи должны быть настолько подавлены, что-бъ изъ-за нихъ не нарушался покой людей».

Такъ Адамъ Смитъ нападаетъ на бастіоны меркантилизма и оспариваетъ основы «торговаго баланса». Благосостояніе народа опредѣляется еще другимъ балансомъ, въ основѣ своей отличнымъ отъ такъ называемаго торговаго баланса: это—балансъ между ежегоднымъ производствомъ и ежегоднымъ потребленіемъ страны. Богатство народа, подобно богатству отдѣльнаго лица, растетъ, если количество произведенныхъ продуктовъ больше количества потребленныхъ: полученный излишекъ образуетъ новый капиталъ, которымъ производство расширяется. Но если траты общества превышаютъ доходы, то богатство этого общества уменьшается, и въ этой же мѣрѣ падаетъ и производство. Даже у народа, совершенно отдѣленнаго отъ остального міра и не ведущаго никакой иностранной торговли, этотъ балансъ существуетъ; мы находимъ его вездѣ и отъ него въ общемъ зависитъ ростъ и уменьшеніе богатства населенія, какъ и прогрессъ всей культуры. Этотъ балансъ можетъ у народа съ неблагопріятнымъ торговымъ балансомъ быть благопріятнымъ и прочнымъ. Если бы даже у такого народа ввозъ въ теченіе полустолѣтія превышалъ вывозъ, если онъ тотчасъ вывозилъ стекающіяся къ нему золото и серебро, если бы онъ ослабилъ обращеніе металлическихъ денегъ выпускомъ ассигнацій и даже увеличилъ свой заграничный долгъ, его дѣйствительное богатство, т.-е., мѣновая цѣнность его доходовъ съ земли и труда должно въ теченіе этого времени сильно увеличиться.

Съ той же рѣзкостью Смитъ критикуетъ односторонности системы физіократовъ, хотя онъ вполнѣ согласенъ съ ихъ практическимъ требованіемъ—требованіемъ освобожденія всѣхъ отраслей промышленности отъ искусственныхъ путъ, стѣсняющихъ ихъ развитіе—а съ ихъ главнымъ представителемъ, Кенэ, связывали его даже узы личной дружбы. Онъ указываетъ на отсталость чисто земледѣльческихъ государствъ, какъ Китай и Индія, и доказываетъ, что всякая система, которая льготами ли или ограниченіями стремится искусственно направить капиталъ на опредѣленную отрасль промышленности, въ концѣ концовъ, дѣйствуетъ противъ своей цѣли, мѣшая обществу достичь дѣйствительнаго богатства и дѣйствительнаго величія и не увеличивая, а уменьшая его доходы съ земли и труда.

Отъ проницательнаго взгляда Адама Смита не укрылся и вредъ, который приноситъ съ собой рабочимъ раздѣленіе труда въ промышленности, и на это печальное обстоятельство онъ отзывается съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Въ первой главѣ пятой книги своего сочиненія онъ описываетъ печальныя послѣдствія однообразнаго труда рабочаго, дѣйствующаго отупляющимъ образомъ на его умъ и душу. Онъ настаиваетъ, поэтому, на необходимости общаго народнаго образованія, считая, что въ цивилизованной и промышленной странѣ воспитаніе простого народа требуетъ къ себѣ даже большаго вниманія, чѣмъ воспитаніе высшихъ и имущихъ классовъ. Онъ требуетъ также освобожденія государства отъ вліянія духовенства и ратуетъ противъ двойственной морали, которую богатые создаютъ для себя и для бѣдныхъ. Онъ считаетъ основой государства справедливую систему обложенія, осуждаетъ государственныя имущества, полагая, что было бы лучше раздѣлить эти послѣднія, за исключеніемъ парковъ и общественныхъ садовъ, между бѣднымъ народомъ. Далѣе онъ ратуетъ противъ всякаго налога на заработную плату, который въ послѣднемъ счетѣ ложится, вѣдь, всегда на потребителя и землевладѣльца, какъ и всякіе налоги на средства первой необходимости. Съ другой сто-

роны, онъ защищаетъ налоги на всѣ тѣ предметы потребленія, которые не принадлежатъ къ средствамъ первой необходимости; эта система и составляетъ въ настоящее время основу англійскаго финансоваго хозяйства и въ видѣ акциза и пошлинъ на вино, пиво, чай, табакъ, кофе и т. д. доставляетъ казнѣ половину ея доходовъ. При всякомъ обложеніи Смитъ требуетъ самаго тщательнаго соображенія положенія низшихъ классовъ.

Самымъ рѣзкимъ образомъ онъ осуждаетъ мѣры, ведущія къ вздорожанію хлѣба. Въ его время Великобританія еще производила больше хлѣба, чѣмъ потребляла. Въ настоящее время положеніе это тамъ сдѣлалось обратнымъ: Англія ввозитъ теперь ежегодно около 80 милліоновъ центнеровъ муки и питательныхъ плодовъ. Таковъ путь развитія всѣхъ промышленныхъ странъ: и въ Германіи ввозъ хлѣба составляетъ около 30 милліоновъ центнеровъ ежегодно. Во времена Смита старались въ Англіи поддержать вывозъ хлѣба преміями. Если эта премія составляла пять шиллинговъ на одинъ квартеръ (= 2,9 гектолитровъ), то на ту же величину поднималась, конечно, цѣна отечественнаго хлѣба, что было въ интересахъ землевладѣльцевъ и что и имѣлось въ виду установленіемъ преміи. Смитъ полагаетъ, однакожъ, что цѣна повышается не на всю величину преміи, а только на 4 шиллинга на квартеръ. Народъ, такимъ образомъ, имѣетъ, кромѣ преміи, выплачиваемой государственной казной, повышеніе цѣны на 4 шиллинга на каждый, потребленный внутри страны, квартеръ хлѣба, а такъ какъ количество потребленнаго внутри страны хлѣба относилось къ количеству вывозимаго хлѣба какъ 31 къ 1, то, кромѣ выплачиваемой государствомъ преміи въ 5 шиллинговъ, народъ выплачивалъ еще изъ своего кармана $31 \times 4 = 124$ шиллинга = 6 фунтовъ стерлинговъ 4 шиллинга. Такой тяжелый налогъ долженъ, по мнѣнію Смита, привести или къ ухудшенію жизни бѣднаго рабочаго, а слѣдовательно, къ уменьшенію населенія и ослабленію его промышленной дѣятельности, или къ повышенію заработной платы.

Иной, пожалуй, подумаетъ, что этотъ вредъ исправляется тѣмъ, что сельскій хозяинъ получаетъ больше за свой хлѣбъ; но такое мнѣніе ошибочно: искусственное повышеніе цѣны всякаго другого товара ограничивается только предѣлами этого товара, тогда какъ хлѣбъ есть самое существенное мѣрило цѣнности, и измѣненіе въ его цѣнѣ вліяетъ на заработную плату, а, слѣдовательно, на цѣны всѣхъ другихъ товаровъ. Такимъ образомъ вздорожаніе цѣны хлѣба есть въ сущности лишь выраженіе для факта уменьшенія цѣнности денегъ: распространяясь на всѣ другіе товары, это вздорожаніе цѣны хлѣба отнимаетъ у сельскаго хозяина на одной сторонѣ то, что оно на другой сторонѣ ему даетъ. Вѣдь, во всемъ мірѣ цѣнность хлѣба опредѣляется тѣмъ количествомъ труда, которое можетъ быть произведено черезъ потребленіе его. Далѣе искусственное вздорожаніе хлѣба особенно вредно еще потому, что оно не можетъ возмѣстить этотъ вредъ усиленіемъ производства, какъ это бываетъ въ случаѣ вздорожанія продуктовъ промышленности. Выгодно это вздорожаніе, слѣдовательно, не земледѣльцу, а исключительно купцу; когда землевладѣльцы требовали вывозныхъ премій, они слѣдовали примѣру купцовъ и фабрикантовъ, не понимая истинныхъ своихъ интересовъ. Не повышая замѣтно собственныхъ своихъ доходовъ, они возлагали на народъ очень тяжелый налогъ; они надѣялись повысить цѣну хлѣба и только уменьшили цѣну серебра; причинивъ вредъ промышленности, они посредственно

нанесли вредъ своимъ собственнымъ интересамъ. Въ самомъ дѣлѣ, торговля между городомъ и деревней представляетъ собой въ послѣднемъ счетѣ обмѣнъ извѣстнаго количества сырья на извѣстное количество переработанныхъ продуктовъ; чѣмъ послѣдніе дороже, тѣмъ дешевле должно стать первое. Отсюда ясно, что все, что служитъ вздорожанію фабрикатовъ, приводитъ къ удешевленію продуктовъ земледѣлія и, слѣдовательно, вредитъ земледѣлію. Такъ всякая система, расчитанная на одностороннее покровительство опредѣленной отрасли хозяйства страны, въ концѣ концовъ дѣйствуетъ противъ собственныхъ интересовъ. Такъ, напримѣръ, введенная для содѣйствія развитію промышленности вывозная пошлина на шерсть, приводитъ съ одной стороны къ удешевленію цѣны шерсти, но съ другой стороны къ вздорожанію цѣны мяса. Такимъ образомъ, система премій и пошлинъ всегда приводитъ къ тому, что интересамъ фабрикантовъ приносятся въ жертву выгоды не только потребителей, но и многихъ производителей.

Съ небывалой еще до сихъ поръ въ исторіи идей быстротой и силой ученія Адама Смита и его школы распространились сначала въ Англіи, а затѣмъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Семьдесятъ лѣтъ спустя послѣ смерти Смита въ его отечествѣ всѣ монополіи, вывозныя преміи и охранительныя пошлины были отмѣнены, навигаціонный актъ и привилегія Остъ-Индскаго общества—упразднены, рабство во всѣхъ британскихъ колоніяхъ—уничтожено съ возмѣщеніемъ убытковъ рабовладѣльцевъ въ 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и всей торговлѣ и обложенію дано было направленіе, вполнѣ соотвѣтствующее основнымъ идеямъ Адама Смита. При своей скромности, характерной для истиннаго генія, самъ Смитъ никогда не надѣялся на такой успѣхъ своего ученія. Въ то время, какъ физіократы объявляли своего учителя, Кенэ, величайшимъ со времени Прометея благодѣтелемъ человѣчества и сравнивали его сочиненіе «Tableau économique» съ библіей, Адамъ Смитъ говоритъ о результатахъ своихъ трудовъ слѣдующее: «Надѣяться, что въ Великобританіи когда-нибудь будетъ введена свобода торговли, было бы такъ же глупо, какъ надѣяться, что въ этой странѣ когда-нибудь образуется такое государство, какъ Океанія или Утопія».

Полная свобода торговли была, однако, введена, но не безъ тяжелой внутренней борьбы, разгорѣвшейся всего сильнѣе по поводу упраздненія пошлинъ на хлѣбъ. Съ того момента, какъ Англія собственнымъ своимъ хлѣбомъ не могла удовлетворить существующей потребности, начался поворотъ въ ея таможенной политикѣ: вывозныя преміи на хлѣбъ были отмѣнены, ввозъ запрещенъ, покуда цѣна не превышала 80 шиллинговъ на квартеръ. Въ 1828 году была введена такъ называемая «подвижная скала», по которой пошлина повышалась или понижалась въ зависимости отъ цѣны хлѣба. Противъ обложенія наиболѣе необходимыхъ средствъ къ жизни, послѣдствія котораго осложнялись еще тяжелымъ положеніемъ промышленности, возникло цѣлое движеніе, источникомъ котораго былъ Манчестеръ. Рихардъ Кобденъ (1804—1865), купецъ и владѣлецъ нѣсколькихъ ситценабивныхъ фабрикъ въ этомъ городѣ, основалъ въ 1837 году съ нѣсколькими друзьями лигу для борьбы съ хлѣбными пошлинами (Anti-Corn-Law-League), во главѣ которой онъ оставался почти 10 лѣтъ до полной окончательной побѣды лиги. Врядъ ли можно найти въ исторіи другое

народное движеніе, которое велось бы въ такой блестящей формѣ и съ такимъ великимъ самопожертвованіемъ: было устроено безчисленное множество собраній въ городахъ и деревняхъ, милліоны пламенныхъ воззваній были распространены во всѣхъ слояхъ населенія; промышленнымъ рабочимъ доказывалось, что пошлины приводятъ къ вздорожанію хлѣба; сельскимъ арендаторамъ доказывалось, что пошлины выгодны не для нихъ, а для крупныхъ землевладѣльцевъ. Даже женщины были привлечены къ этой работѣ и, въ концѣ концовъ, движеніе приняло почти религіозный характеръ.

Выбранный въ парламентъ, Кобденъ не примкнулъ ни къ какой партіи, а, сначала поддержанный лишь немногими, всѣми силами боролся за свободную торговлю. Благородствомъ своего характера, яростью нападокъ и убѣдительностью доводовъ, ему скоро удалось завоевать уваженіе министровъ и стоящей у власти партіи торіевъ, которые сначала смѣялись надъ нимъ. Уже не смѣялись болѣе, когда Кобденъ съ яростью вдохновеннаго апостола доказывалъ консервативному большинству, какъ бѣдный людъ угнетенъ, какъ пошлина на хлѣбъ обременяетъ доходъ бѣднаго рабочаго налогомъ въ 20%, между тѣмъ какъ налогъ на доходы богачей не составляетъ и тысячной доли этой процентной нормы. При охватившемъ всѣхъ воодушевленіи было не трудно собрать громадныя средства для цѣлей лиги: одинъ базаръ въ Лондонѣ далъ 25.000 фунтовъ стерлинговъ (около четверти милліона рублей), а въ 1845 году, незадолго до послѣдняго натиска, лига собрала сумму въ 250000 фунтовъ стерлинговъ (около 2½ милліоновъ рублей), изъ которой четвертая часть была собрана на одномъ только собраніи въ Манчестерѣ, главной квартирѣ сторонниковъ свободной торговли.

Въ 1842 году консервативный первый министръ, сэръ Робертъ Пиль, подъ давленіемъ требованій народа, смягчилъ хлѣбныя пошлины, но эта реформа вожаковъ движенія не удовлетворила, такъ какъ она удовлетворяла лишь часть ихъ требованій. Неурожай 1845 года и вызванныя имъ очень высокія цѣны на хлѣбъ довершили то, что было сдѣлано лигой, и въ январѣ 1846 года само правительство внесло въ парламентъ проектъ о постепенной полной отмѣнѣ пошлинъ на хлѣбъ. Самый ожесточенный нѣкогда противникъ Кобдена, сэръ Робертъ Пиль, самъ, какъ глава министерства, внесъ это предложеніе и при этомъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ выразилъ свою признательность и уваженіе Кобдену: исключительно его уму и энергіи страна обязана тѣмъ, что и правительство поняло необходимость реформы.

Кобденъ распустилъ лигу и посвятилъ себя другимъ политическимъ задачамъ: реформѣ избирательнаго права, отмѣнѣ навигаціоннаго акта, заключенію торговаго договора съ Франціей и интернаціональному движенію въ пользу мира. Неоднократныя предложенія вступить въ министерство Кобденъ отклонялъ и незадолго до своей смерти отказался также отъ предложеннаго Гладстономъ почетнаго и богато оплачиваемаго государственнаго поста. И собственное его богатство значительно сократилось изъ за его почти десятилѣтней агитаторской дѣятельности, полной самопожертвованія. Когда объ этомъ стало извѣстно въ Англіи, національная подписка положила къ его ногамъ почетный даръ въ 100.000 фунтовъ стерлинговъ (около милліона рублей). Такъ великодушная нація, которую столь часто называютъ народомъ торгашей, почтила заслуги этого безкорыстнаго человѣка, котораго она и теперь еще чтитъ и любитъ, какъ одного изъ величайшихъ своихъ

благодѣтелей. Когда онъ умеръ, представители всѣхъ партій—Дизраэли, лордъ Пальмерстонъ и Джонъ Брайтъ — выразили въ парламентѣ печаль всего народа; была почтена память Кобдена въ французскомъ, какъ и въ прусскомъ парламентѣ; ему поставленъ памятникъ въ Манчестерѣ и въ память его основанъ клубъ его имени для распространенія идей свободы торговли. Но что всего важнѣе, во многихъ тысячахъ англійскихъ рабочихъ домиковъ можно и теперь еще найти стѣну, украшенную скромнымъ портретомъ Рихарда Кобдена.

Отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ образуетъ весьма важный поворотный пунктъ въ торговой и соціальной политикѣ Англіи и должна быть сведена къ ученіямъ англійской политической экономіи. Ученіе Адама Смита и его школы было названо промышленной системой. Поскольку классическая политическая экономія ярко освѣтила истинное значеніе труда, это названіе вполнѣ вѣрно. Но если этимъ хотятъ сказать, что система эта сознательно стремилась къ покровительству промышленности насчетъ другихъ отраслей хозяйства страны, то это—по крайней мѣрѣ, относительно родоначальниковъ этой системы—совершенно неосновательно: Смитъ, Рикардо и Мальтусъ были людьми независимыми и величайшей честности, исполненными чистѣйшаго стремленія къ истинѣ и благу человѣчества и совершенно далекими отъ того, чтобы занимать какіе-нибудь частные интересы. Если они, вполнѣ убѣжденные въ правильности своихъ идей, переоцѣнили значеніе капитала въ процессѣ производства, то это вполнѣ объясняется условіями того времени: въ виду низкаго развитія рабочихъ никому и въ голову не могло придти, что когда-нибудь рабочій сможетъ играть болѣе важную роль, чѣмъ предприниматель. — Если же на нихъ возлагается отвѣтственность за тѣ злоупотребленія, къ которымъ прибѣгаютъ капиталисты, злоупотребляя свободой конкуренціи, то это столь же несправедливо, какъ былобы несправедливо возложить на Вильберфорса, который первый сталъ ратовать за отмѣну рабства негровъ, отвѣтственность за всѣ преступленія, которыя впослѣдствіи совершали освобожденные рабы. — Далѣе, ни Смитъ, ни послѣдующіе представители его школы вовсе не желали возвышенія своего отечества насчетъ другихъ государствъ: они съ полнымъ убѣжденіемъ заявляютъ о благодѣтельности свободы для всѣхъ странъ и народовъ. Если Великобританія, благодаря значительно большему своему политическому развитію, географическому положенію страны и быстрому осуществленію экономической свободы, оставила далеко позади себя всѣ другія націи въ области промышленной, то это, пожалуй, заслуга этихъ великихъ политико-экономовъ, но не эта цѣль вдохновляла ихъ въ ихъ дѣятельности.

Въ теоретическомъ отношеніи и новѣйшая политическая экономія ведетъ свое начало отъ Смита, Рикардо и Мальтуса и отъ нихъ получила сильный толчекъ къ своему развитію: отъ нихъ исходятъ какъ противники современнаго соціализма, такъ и его сторонники. Такъ Фердинандъ Лассаль создалъ свой «желѣзный законъ заработной платы», основываясь на теоріи Мальтуса и Рикардо. Законъ этотъ гласитъ: «средняя величина заработной платы ограничивается минимумомъ, необходимымъ для обезпеченія, ставшихъ привычными въ данной странѣ, условій существованія рабочаго класса и его размноженія: если заработная плата временно поднимается выше этой нормы, она вскорѣ вновь падаетъ до этого минимума вслѣдствіе размноженія рабочаго класса». Впослѣдствіи отказалась отъ этого «желѣзнаго» закона не

только наука, но и рабочая партія, которая пользовалась имъ для своей агитаціи. И это вполнѣ понятно: въ основѣ этого закона лежитъ, вѣдь, не вполнѣ вѣрная теорія Мальтуса, и изъ него съ желѣзной необходимостью вытекала бы долголѣтняя власть капитала надъ рабочимъ классомъ. Но при иныхъ политическихъ условіяхъ, при болѣе высокомъ образованіи рабочаго класса и полной свободѣ коалиціи, участіе рабочаго въ результатахъ его труда можетъ подняться гораздо выше минимума, необходимаго для поддержанія его скуднаго существованія и его размноженія. Прибыль капиталиста слагается изъ процентовъ на вложенный въ дѣло капиталъ, вознагражденія за руководство предпріятіемъ и изъ дальнѣйшаго излишка, получаемаго предпринимателемъ. Но разъ рабочіе, объединившись въ ассоціацію, обзаводятся капиталомъ, разъ въ ихъ средѣ появляются люди, способные руководить производствомъ, они могутъ обойтись безъ предпринимателя и такимъ образомъ присвоить себѣ всю прибыль. Къ этой цѣли стремятся всѣ современные соціальные реформаторы и именно исторія англійскаго народа доказываетъ возможность такого экономическаго развитія.

Но хотя «желѣзный законъ заработной платы» давно всѣми оставленъ, какъ неправильный, онъ въ своемъ родѣ принесъ большую пользу, какъ раньше принесло свою пользу, тоже оказавшееся неправильнымъ, ученіе Мальтуса. Подобно тому, какъ это ученіе, при всей своей неправильности, впервые поставило на очередь весьма важный вопросъ о народонаселеніи и дало толчекъ къ основательной реформѣ призрѣнія бѣдныхъ въ Англіи, такъ желѣзный законъ заработной платы въ той формѣ, въ которой Лассаль выразилъ теорію заработной платы Рикардо, впервые пробудилъ къ политической дѣятельности рабочій классъ Германіи. Дѣятельность же эта сама по себѣ должна быть признана, на какой бы точкѣ зрѣнія мы не стояли, необходимой или плодотворной, такъ какъ при современныхъ условіяхъ жизни культурное развитіе наше можетъ быть тогда лишь прочнымъ, когда всѣ силы народа участвуютъ въ политической и соціальной работѣ. На теоріи Рикардо и Смита, что «цѣнность создается только трудомъ», основано ученіе Карла Маркса о «прибавочной цѣнности», легшее въ основу программы рабочей партіи Германіи.

Но главнымъ образомъ теорія великихъ англійскихъ политико-экономовъ составляетъ основу «манчестерской школы», партіи сторонниковъ свободной торговли, ученія которой до настоящаго времени опредѣляли торговую политику Англіи и до середины XIX столѣтія играла первенствующую роль въ теоріяхъ французскихъ и нѣмецкихъ политико-экономовъ. Наиболѣе выдающимися представителями этой школы являются въ Англіи Кобденъ, Джонъ Брайтъ и Мк. Куллохъ, во Франціи Жанъ Баптистъ Сэй и Фредерикъ Бастіа, а въ Германіи Принце-Смитъ, Бемертъ и Карлъ-Браунъ. Въ послѣднія десятилѣтія односторонность ихъ ученій была доказана и они были оставлены, но этотъ прогрессъ науки не долженъ насъ сдѣлать несправедливыми по отношенію къ этимъ ученымъ; за ними та великая заслуга, что они смели съ дороги соръ давно устарѣвшаго хозяйственнаго періода, проложили путь новымъ идеямъ свободы и подготовили почву для новаго строя жизни.

Въ Германіи далъ толчекъ движенію противъ ученія манчестерской школы Фридрихъ Листъ. Родившись въ 1789 году въ Рейтлингенѣ,

въ Вюртенбергѣ, этотъ талантливый человѣкъ изъ простого писца успѣлъ стать профессоромъ государственныхъ наукъ при университетѣ въ Тюбингенѣ. Преслѣдуемый правительствомъ, онъ въ 1819 году сложилъ съ себя званіе профсссора и вступилъ въ должность секретаря нѣмецкаго торговаго союза, сооснователемъ котораго онъ самъ былъ. Вступивъ въ парламентъ въ качествѣ депутата отъ родного города, онъ навлекъ на себя преслѣдованія правительства за свои свободомыслящія идеи. Выданный правительству угодливой палатой депутатовъ, онъ впослѣдствіи провелъ восемь лѣтъ въ Сѣверной Америкѣ, вернулся въ Лейпцигъ въ качествѣ американскаго консула, велъ въ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни крайне необезпеченную жизнь, полную скитаній, и, наконецъ, въ 1846 году въ отчаяніи самъ лишилъ себя жизни въ Куфштейнѣ.

Листъ—первый ученый, разсматривающій ученіе политической экономіи съ точки зрѣнія національной. Онъ признаетъ, что основныя положенія классической политической экономіи вполнѣ примѣнимы къ высоко развитому промышленному состоянію Англіи, но Германія, полагаетъ онъ, должна прежде развиться до этого основанія и только тогда ввести абсолютную свободу торговли. Выставленное Адамомъ Смитомъ положеніе о выгодности обмѣна для обѣихъ сторонъ можетъ оказаться правильнымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда обмѣнъ происходитъ между націями равнаго или все же сходнаго промышленнаго развитія, но при неравныхъ условіяхъ такой обмѣнъ мѣшаетъ развитію страны. Германія, полагаетъ онъ, должна сначала доразвиться у себя дома до могущества Англіи; оградивъ себя пошлинами отъ иностранной конкурренціи, она должна спокойно завершить свое промышленное развитіе и только тогда, какъ равная среди равоыхъ, выступить на аренѣ интернаціональной конкурренціи.

Такимъ образомъ, Фридрихъ Листъ сталъ отцомъ нѣмецко-національной торговой политики. При всемъ томъ онъ далекъ отъ того, чтобъ стать одностороннимъ сторонникомъ охранительныхъ пошлинъ. Отъ его дальновиднаго взора не укрываются выгоды соглашенія съ Англіей и въ будущемъ онъ даже предвидитъ торжество свободной міровой торговли на основѣ національнаго прогресса. Онъ также рѣшительный противникъ всякаго вздорожаиія необходимыхъ средствъ къ жизни и онъ въ особенности осуждаетъ, подобно Адаму Смиту, повышеніе хлѣбныхъ пошлинъ. Онъ предвидитъ могущественное вліяніе на развитіе промышленности молодого еще въ его время желѣзнодорожнаго строительства и развиваетъ планъ строго раціональной постройки сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Германіи. Если бы тогда послушались его совѣтовъ, Германія сэкономила бы громадныя суммы, безплодно потраченныя на безпорядочное желѣзнодорожное строительство.

Ученіе Листа въ высокой степени содѣйствовало блестящему развитію германской промышленности. Его основныя положенія сильно повліяли на образованіе и первые шаги таможеннаго союза. Когда въ 1878 году въ германской торговой политикѣ наступилъ поворотъ въ сторону современной охранительной таможенной политики, часто стали ссылаться на его авторитетъ, но иногда, конечно, безъ всякаго основанія. При жизни Листу дали гибнуть въ нуждѣ. Нѣмецкіе промышленники, столь многимъ ему обязанные, не нашли для него, хотя бы самаго маленькаго мѣста. Если сопоставить эту участь Листа съ тѣмъ признаніемъ заслугъ, которое Кобденъ нашелъ въ своемъ отечествѣ, сравненіе, разумѣется, не будетъ въ пользу нѣмцевъ.

Литература: *Адамъ Смитъ*, „Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ народнаго богатства". *Mohl, Robert von*, „Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften" III Band, Erlangen 1858, Enke. *Roscher, Wilhelm*, „Die Grundlagen der Natinaloekonomie", Band I. Stuttgart 1873. Cotta. *Рикардо, Давидъ*. „Начала политической экономіи". *George Henry*, „Fortschriftt und Armut", Berlin, Staube. *Мальтусъ Робертъ*. „Опытъ о народонаселеніи". *Lange, Friedrich Albert*, „John Stuart Mill's Ansichten über die Soziale Frage", Duistburg 1866 Falkund Lange. *Holzendorff, Franz von*, „Richard Kobden", Hamburg 1874, Verlags-Anstalt u. Druckerei. A.—9. *List Friedrich*, „Nationales System der politischen Oekonomie" 7 Auflage. Stuttgart. Cotta. *Goldschmidt, F*, „Friedrich List, Deutschlands grosser Volkswirt", Berlin 1878, Springer. *М. Туганъ-Барановскій*, „Очерки политической экономіи". 1905.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Соціалисты первой половины XIX столѣтія.

Сенъ-Симонъ, Фурье, Кабе, Овенъ.

Французская революція XVIII столѣтія передвинула центръ власти и могущества только въ верхнихъ слояхъ общества. Этотъ примѣръ не могъ остаться безъ противодѣйствія снизу, но онъ былъ слишкомъ поверхностнымъ и рѣзкимъ и потому не далъ никакихъ дѣйствительныхъ результатовъ. То, что проповѣдывали и хотѣли осуществить Сенъ-Жюстъ и Бабефъ было какимъ-то романтическимъ коммунизмомъ: республики Платона и Мора должны были, наконецъ, найти свое живое воплощеніе; въ такой странѣ, какъ Франція, должна была возродиться древняя Спарта. Мечтательный и несвоевременный радикализмъ привелъ ихъ на гильотину и далъ лишь желательный поводъ къ болѣе сильной реакціи со стороны господствующихъ классовъ.

Чтобы слова «равенство и братство» получили высшій смыслъ, чтобы они перестали служить фразой, скрывающей тотъ же гнетъ съ перемѣной однихъ угнетателей другими, сначала долженъ былъ быть уничтоженъ феодализмъ, и его мѣсто должна была занять буржуазія. Въ сущности великая революція перевернула только старую формулу: если до нея система привилегій служила лѣстницей богатству, то послѣ нея богатство стало степенью для новыхъ привилегій. Уже въ 1798 году, въ эпоху Директоріи, слышны жалобы на «паразитовъ, торгашей, новыхъ богачей, коршуновъ XVIII столѣтія». Съ помощью этого новаго привелигированнаго класса стали возможны всѣ такъ называемыя спасенія общества, всѣ случаи подавленія политической и соціальной свободы, отъ 18 брюмэра Наполеона I до 2 декабря Наполеона III. Этотъ классъ процвѣталъ и развивался, какъ въ эпоху реставраціи, такъ и въ правленіе короля-гражданина и короля-спекулянта, Луи Филиппа, министръ котораго, Гизо, далъ имъ открыто лозунгъ: «обогащайтесь!» Это новое привилегированное положеніе богатства не могло не возмутить лучшіе умы, и мы видимъ, какъ въ первую половину XIX столѣтія появляются такіе люди, какъ Сенъ-Симонъ, Фурье, Кабе, видимъ, какъ ихъ идеи и системы воодушевляютъ молодежь, объединяя ихъ въ намѣреніи воплотить реформы, предложенныя учителями, въ жизнь. Всѣхъ этихъ реформаторовъ объединяетъ одно философское направленіе, стремленіе связать соціальныя реформы съ попыткой религіознаго обновленія общества, горячее чувство призванія къ возрожденію міра.

Графъ Клодъ Сенъ-Симонъ родился въ 1760 году въ Парижѣ и

велъ крайне бурную жизнь, полную романтическихъ приключеній. Какъ наслѣдникъ милліоннаго состоянія, онъ получаетъ превосходное воспитаніе, девятнадцатилѣтнимъ юношей борется подъ начальствомъ Лафаэта за независимость соединенныхъ Штатовъ Америки, въ Мексикѣ и Испаніи замышляетъ постройку каналовъ въ стилѣ жившаго послѣ него Фердинанда Лессепса, теряетъ во время революціи все свое состояніе, отказывается отъ своихъ титуловъ, бросается въ товариществѣ съ однимъ нѣмецкимъ дворяниномъ въ спекуляціи земельными участками, и, наживъ этимъ довольно солидное состояніе, проматываетъ его въ одинъ годъ, живетъ затѣмъ въ качествѣ чиновника ссудной кассы на содержаніи въ 1.000 франковъ и, попавъ, наконецъ, въ сильнѣйшую нужду, находитъ пріютъ у благодарнаго прежняго слуги и умираетъ въ 1825 году въ крайней бѣдности и одиночествѣ. Съ того времени, какъ онъ отказался отъ своихъ дѣлъ, онъ, несмотря на величайшія лишенія, отдается исключительно своимъ изслѣдованіямъ, весь увлеченный задачей, которую онъ себѣ поставилъ, поднять человѣческое общество на высоту, достойную его назначенія.

Сенъ-Симонъ не оставилъ цѣльной системы, а только богатый матеріалъ философскихъ идей, разработанныхъ его учениками въ одну систему. Согласно его философіи исторіи, основой организаціи средневѣковья были завоеванія и руководящимъ началомъ—вѣра; въ основу-же организаціи современнаго общества долженъ быть положенъ трудъ и руководиться оно должно наукой. Въ будущемъ свѣтская власть должна быть въ рукахъ промышленниковъ, а духовная—въ рукахъ ученыхъ.

Цѣль общества заключается въ производствѣ вещей, необходимыхъ для жизни. Системы прошлаго дѣйствовали на индивидуальность людей, подавляя и раздѣляя ихъ; система будущаго должна быть направлена на объединеніе и освобожденіе человѣческаго труда и на подчиненіе природы человѣку. Всякій человѣческій трудъ имѣетъ одну цѣль—эксплуатацію земли, а средствомъ для этого служитъ ассоціація. Въ такомъ обществѣ только трудъ можетъ имѣть значеніе, власть въ немъ должна принадлежать не трутнямъ, а пчеламъ. Задача науки—найти средства къ прогрессу, а задача политики—воплотить въ жизнь теоріи, найденныя правильными. Высшимъ принципомъ должно быть признано положеніе, что общество должно управляться въ формѣ, наиболѣе выгодной для большинства. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, «Новое христіанство» Сенъ-Симонъ выставляетъ требованіе общей морали на мѣсто господствующихъ догматовъ и религіознаго углубленія въ противовѣсъ матеріалистическому направленію его времени.

Школа Сенъ-Симона возникаетъ года черезъ четыре послѣ смерти учителя. Сенъ-симонисты серьезно указываютъ на то, что одна политическая свобода не устраняетъ еще зависимости рабочаго. Великая революція оставила неприкосновенной величайшую изъ привилегій—привилегію рожденія; нищета наслѣдственна. Но, чтобы общество благоденствовало, всѣ блага земли должны быть эксплуатированы тѣми, которые наиболѣе къ этому способны. Этому требованію противорѣчитъ право наслѣдованія, и потому оно должно быть упразднено. Личная собственность остается въ рукахъ владѣльца всю его жизнь, но послѣ его смерти она переходитъ въ вѣдѣніе государства, которое и устанавливаетъ наиболѣе выгодный способъ управленія ее. Государство должно также разумно организовать мирную работу, какъ оно теперь уже организуетъ военное дѣло.—На практикѣ эта система сво-

дится къ строгому государственному соціализму: послѣ одного поколѣнія вся частная собственность исчезаетъ, и всѣ люди становятся государственными чиновниками.—Сенъ-симонисты отвергаютъ равномѣрное распредѣленіе имущества, считая его худшей еще несправедливостью, чѣмъ неравномѣрное распредѣленіе: они вѣрятъ въ естественныя различія между людьми и именно ихъ считаютъ основой ассоціаціи и прогресса. — Въ качествѣ переходныхъ ступеней къ своему идеальному государству, они предлагаютъ сначала отмѣнить право наслѣдованія болѣе отдаленныхъ родственниковъ, обложить всѣ наслѣдства высокими пошлинами, ввести налоги для уплаты государственныхъ долговъ и учрежденіемъ банковъ содѣйствовать кредиту, и въ особенности сельскохозяйственному кредиту.

Сначала число сторонниковъ этой школы было велико: многіе изъ первыхъ умовъ тогдашней Франціи, игравшихъ впослѣдствіи выдающуюся роль въ политической и экономической жизни страны, съ юношескимъ жаромъ примкнули къ новому ученію; сюда принадлежали, напримѣръ, Огюстъ Контъ, Мишель Шевалье, Сади Карно, Огюстъ Тьерри, Леонъ Галеви, братья Перейра и братья Родригесъ. Но вскорѣ сенъ-симонизмъ потерпѣлъ крушеніе изъ-за своей мистической и чувственно-религіозной стороны, воплотившейся, главнымъ образомъ, въ «отцѣ Анфантенѣ». Этотъ честный, но мечтательный человѣкъ чувствовалъ себя мессіей новаго возрожденія. Подъ его началомъ школа не удовлетворилась религіозно-философскими идеями и основаніемъ тѣснаго семейнаго союза, а въ вопросѣ эмансипаціи и уравненія правъ женщины пошла гораздо дальше: она не только хотѣла облегчить условія развода, но и уничтожить проституцію извѣстной легализаціей ея проявленій. Эти попытки, въ концѣ концовъ, довели сторонниковъ школы до суда и въ 1832 году окончились полнымъ распущеніемъ школы.

Врядъ ли можно найти большій контрастъ между жизнью двухъ людей, чѣмъ контрастъ между жизнью Сенъ-Симона и жизнью Фурье: у Сенъ-Симона мы видимъ дикое непостоянство судьбы, у Фурье—хотя и скудное, но обезпеченное и покойное существованіе. Шарль Фурье родился въ 1772 году въ Безансонѣ и всю свою жизнь былъ скромнымъ приказчикомъ. Но онъ всей душой ненавидѣлъ свое призваніе. Этому содѣйствовали самыя раннія впечатлѣнія дѣтства: когда ему было 5 лѣтъ, отецъ его наказалъ за то, что онъ сказалъ правду одному покупателю о плохомъ качествѣ товара и тѣмъ нарушилъ его торговые интересы. Впослѣдствіи его первый хозяинъ въ Марсели приказалъ бросить въ море большой грузъ рису, чтобъ затѣмъ искусственно повысить цѣну риса, и это обстоятельство еще болѣе усилило его ненависть къ торговлѣ. Такъ въ Фурье наростаетъ сильная ненависть противъ всѣхъ неправдъ и несправедливостей общественной жизни, и всѣ его стремленія опредѣляются желаніемъ эти несправедливости устранить. Гармонія—вотъ основной тонъ, опредѣляющій все его существо: онъ стремится къ гармоніи труда и наслажденія, гармоніи человѣка и природы, для достиженія которой необходимо, чтобы были изжиты всѣ своеобразныя особенности человѣка, его различныя склонности и страсти. Такъ Фурье становится соціалистомъ, такъ какъ цѣлью его является высшее счастье всего общества; но онъ остается при этомъ индивидуалистомъ, считая это состояніе достижимымъ только черезъ развитіе личности къ своему собственному высшему счастью.

Весь ходъ идей Фурье вращается около природы, около прелестей

сельской жизни, около земледѣлія. Тамъ онъ видитъ ращепленіе труда и его гибельныя послѣдствія; онъ хочетъ сохранить преимущества мелкаго владѣнія и устранить его недостатки. Такъ возникаетъ его планъ общинной конторы, прообраза сельскохозяйственныхъ обществъ. Общіе амбары и общіе погреба, общіе обмѣнъ и торговля должны были объединить самостоятельныхъ мелкихъ производителей и сдѣлать ихъ экономической силой. Совмѣстной дѣятельности должно быть отведено только все то, что именно она можетъ сдѣлать лучше.

Въ знаменитой фаланстерѣ Фурье живетъ населеніе, занимающееся сельскохозяйственной и промышленной дѣятельностью. Въ ней объединено 300 семействъ различныхъ призваній и степеней образованія; они образуютъ одну большую семью, ведутъ одно хозяйство и все же работаютъ по свободному выбору, раздѣленные на серіи, стремясь превзойти другъ друга въ содѣйствіи общему благу. Фурье развилъ свои любимыя идеи до мельчайшихъ подробностей и всю свою жизнь надѣялся на ихъ осуществленіе. Въ теченіе 10 лѣтъ онъ ежедневно въ полдень отправлялся домой съ непоколебимой увѣренностью въ томъ, что къ нему явится, наконецъ, богатый другъ человѣчества, который дастъ ему милліонъ, необходимый для устройства первой фаланстеры. Онъ умеръ въ 1837 году, такъ и не дождавшись этого друга человѣчества.

Три здоровыя идеи намъ особенно бросаются въ глаза въ сочиненіяхъ Фурье: тѣсная связь общественной жизни съ свободой всѣхъ отдѣльныхъ членовъ общества, постоянная связь этой жизни съ природой и высокое значеніе труда, труда самаго по себѣ, независимо отъ матеріальной его выгоды. Поколѣніе, говоритъ Фурье, которому удастся совмѣстить стремленіе къ личному счастью съ живѣйшимъ стремленіемъ къ общему благу, которое будетъ усматривать цѣль всякой индивидуальной жизни въ наибольшемъ трудѣ для общества—только такое поколѣніе будетъ достойно названія человѣческаго общества.

Надежды Фурье на преобразованіе міра этой системой не оправдались, но плоды его геніальныхъ идей мы находимъ вездѣ въ дѣйствительной жизни. Когда мы посѣщаемъ наши торговые склады и хлѣбные магазины, важнѣйшія отрасли нашего коммунальнаго хозяйства, наши народныя кухни и рабочія колоніи, мы вспоминаемъ Фурье. И фаланстеры мы видимъ: хорошія ихъ стороны мы находимъ въ современныхъ дворцахъ—отеляхъ, а худыя—въ домахъ-казармахъ нашихъ большихъ городовъ. Часто фантастическая внѣшняя сторона сочиненія Фурье, его вѣчныя повторенія были большой помѣхой тому, чтобъ его сочиненія стали извѣстны большой публикѣ. Фурье былъ мечтательной поэтической натурой, натурой пророка съ чрезвычайно практическимъ взглядомъ. Многія изъ его идей, которыя въ его время казались неосновательными и легкомысленными, въ настоящее время осуществлены: мы прорыли Суэцкій каналъ, улучшили гигіеническія условія, считаемъ излишекъ отъ вздорожанія городскихъ земель достояніемъ общества, съ помощью электричества освѣтили землю гигантскимъ вѣнкомъ яркихъ огней и съ помощью паровой силы дѣлаемъ себя независимыми отъ пространства и времени.

Но устройство болѣе или менѣе долговѣчныхъ коммунистическихъ общинъ еще не удалось. Въ концѣ царствованія Луи Филиппа было встрѣчено съ большимъ воодушевленіемъ во Франціи предпріятіе Этьена Кабе, устроившаго коммунистическую общину, Икарію, въ Техасѣ. Но это предпріятіе вскорѣ закончилось полной неудачей.

Февральская революція пробудила надежду, что Икарія, страна соціальнаго мира, зародится въ самой Франціи. Между колонистами Икаріи, собранными случайно, было мало единенія, и Кабе пришлось разочароваться въ своихъ гордыхъ ожиданіяхъ.

Подобныя же попытки колонизаціи, закончившіяся полной неудачей по тѣмъ же причинамъ, предпринималъ на старости лѣтъ и Робертъ Овенъ. Но своимъ историческимъ значеніемъ онъ обязанъ не этимъ попыткамъ, а своей гуманитарной дѣятельности. Робертъ Овенъ (1771—1858) происходилъ изъ бѣдной семьи. Въ 1800 году онъ сталъ во главѣ хлопчатобумажной фабрики въ Нью-Ланаркѣ, въ Шотландіи. Онъ нашелъ тамъ чрезвычайно испорченное рабочее населеніе, состоящее изъ подонковъ страны. Руководимый человѣколюбіемъ, съ одной стороны, и дальновидностью дѣлового человѣка, съ другой, онъ приступилъ къ энергичной реформаторской дѣятельности. Древнее рабство кажется намъ гуманнымъ учрежденіемъ, когда мы узнаемъ, что въ началѣ XIX столѣтія работа въ бумагопрядильняхъ производилась, главнымъ образомъ, дѣтьми въ возрастѣ отъ 6 до 8 лѣтъ, которыя должны были и зимой и лѣтомъ работать ежедневно по 13 часовъ и затѣмъ еще посѣщать школу.—Овенъ ограничилъ возрастъ дѣтей-рабочихъ 10 годами и рабочій день ихъ—10 часами, сократилъ рабочій день взрослыхъ, устроилъ дѣтскіе сады, школы, народныя кухни, больницы, сберегательныя кассы, заботился о доброкачественности и дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ, объ образованіи и нравственномъ возрожденіи взрослыхъ рабочихъ. Не прошло и 10 лѣтъ какъ населеніе въ 2000—3000 человѣкъ совершенно преобразилось: они стали нравственными, трезвыми, бережливыми, прилежными и въ извѣстной мѣрѣ зажиточными. При этомъ и доходъ фабрики значительно повысился.—Казалось, что Овенъ нашелъ средство, которое спасетъ человѣческое общество отъ гибели; общественное мнѣніе всѣхъ странъ превозносило его, и тысячи людей стали стекаться въ Нью-Ланаркъ, чтобы познакомиться съ его учрежденіями.

Теперь Овенъ развиваетъ великолѣпную пропагандистскую дѣятельность: въ безчисленныхъ статьяхъ и воззваніяхъ онъ заявляетъ о своихъ успѣхахъ. Онъ обращается съ подробной памятной запиской къ правительствамъ Европы и Америки, отправляется лично въ 1818 году на Аахенскій конгрессъ, чтобы подать представителямъ священнаго союза памятную записку, въ которой онъ излагаетъ слѣдующее: въ послѣдніе 25 лѣтъ производительная дѣятельность Англіи увеличилась, благодаря машинамъ, въ 12 разъ (одни изобрѣтенія Аркрайта и Уатта, ткацкой станокъ и паровая машина, возмѣщаютъ, согласно вычисленіямъ Овена, работу 200 милліоновъ человѣкъ); разъ могутъ создаваться такія огромныя богатства, то настало время, чтобы всѣ члены общества могли въ полной мѣрѣ наслаждаться жизнью. Онъ описываетъ опасности, которыми чревато появленіе пролетаріата, и указываетъ на важное значеніе воспитанія. Опираясь на поддержку многихъ выдающихся государственныхъ людей, онъ вырываетъ у парламента первый фабричный законъ, ограничивающій работу дѣтей на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ возрастомъ въ 10 лѣтъ. Изъ своихъ частныхъ средствъ онъ тратитъ болѣе полумилліона рублей на эту агитацію и на нѣкоторое время онъ становится самымъ популярнымъ человѣкомъ не только Англіи, но и всей Европы. Вражда нѣкоторыхъ круговъ въ Англіи, а именно духовенства и радикальной партіи, которыхъ онъ безъ нужды оскорбилъ, пугаетъ его, и онъ переѣзжаетъ

въ Америку. Здѣсь онъ развиваетъ свои взгляды передъ конгрессомъ Соединенныхъ Штатовъ и основываетъ свою колонію Нью-Гармони. И эта колонія скоро потерпѣла крушеніе, но вся работа Овена не пропала даромъ: она пробудила вездѣ, какъ по сю, такъ и по ту сторону океана, корпоративный духъ.

Ошибка Овена заключалась въ томъ, что онъ личный опытъ и личный успѣхъ считалъ возможнымъ обобщить. Великолѣпный успѣхъ его въ Нью-Ланаркѣ долженъ быть приписанъ его личности, его импонирующему, пробуждающему довѣріе мужеству, его воодушевленію и человѣколюбію. Но, къ сожалѣнію, такіе люди встрѣчаются въ жизни не какъ правило, а какъ рѣдкое исключеніе. Кромѣ того, ему благопріятствовало его привелигированное положеніе въ сферѣ своего вліянія, и вслѣдствіе этого онъ сталъ также защищать вмѣсто крупныхъ промышленныхъ центровъ мелкіе аграрно-промышленные союзы съ населеніемъ, не превышающимъ 1200 человѣкъ, чѣмъ онъ приблизился къ идеямъ Фурье.

Робертъ Овенъ умеръ съ сознаніемъ полной неудачи своихъ начинаній. И при всемъ томъ, врядъ ли когда нибудь отдѣльный человѣкъ оставилъ столь глубокіе слѣды въ развитіи своей страны, какъ именно онъ. Весь прогрессъ Англіи въ соціально-политической области за послѣдніе 50 лѣтъ исходитъ въ большей или меньшей степени изъ идей Овена: все фабричное законодательство, реформы въ обученіи и призрѣніи бѣдныхъ, профессіональные союзы, потребительныя и производительныя товарищества. Овенъ былъ воспріемникомъ перваго потребительнаго общества, основаннаго 28 бѣдными піонерами изъ Редчеля *). Англійскимъ капиталистамъ и аристократамъ онъ показалъ пропасть, въ которую должно ввергнуть общество наростаніе пролетаріата. Посредственно онъ оказалъ вліяніе на такихъ мощныхъ защитниковъ соціальныхъ реформъ, какъ Томасъ Карлейль и Шарль Кингслей. Однимъ словомъ, Робертъ Овенъ проложилъ широкій путь современной англійской соціальной политикѣ, ставящей цѣлью своихъ стремленій достиженіе справедливости.

Системы забываются, становятся отсталыми, но полезныя отдѣльныя идеи ихъ воплощаются въ жизнь: все, на что съ гордостью ссылались Сенъ-Симонъ, Фурье и Овенъ, чѣмъ они надѣялись преобразовать человѣчество, умерло вмѣстѣ съ ними; то, что казалось имъ побочнымъ, неважнымъ, развивается, становясь плодотворнымъ дѣломъ. И на нихъ оправдывается библейское изрѣченіе: «камень, отвергнутый строителями, сталъ краеугольнымъ камнемъ».

Литература. *Stein, Lorenz von.* „Der Sozialismus und Communismus des heutigen Frankreichs". Leipzig, Otto Wilgand. *Reybaud, Louis.* „Etudes sur les Reformateurs". Brüssel, Wouters. *Janet, Paul.* „Saint-Simon et le Saint-Simonisme". Paris, Germer Baillière. *Warschauer.* „Geschichte des Sozialismus". I Abteilung: St.-Simon und der St.-Simonismus, Berlin, 1892. Bahr's Verlag. *Fourier, Charles.* „Oeuvres choisies par Ch. Gide". Petite Bibliotheque. Paris. *Bebel August.* „Charles Fourier". Stuttgart, 1888. Dietz, Guillaumin et C-ie. *Lux, Dr. H.* „Etienne Cabet und der Ikarische Kamminismus". Stuttgart, Dietz. *Owen Robert.* „Life of Robert Owen, written by himself". London. 1857. *Owen Robert.* „A New View of Society, or Essays on the formation of the human character etc". London, 1818. *Carlyle, Thomas.* „Vergangen heit und Gegenwart, deutsch von P. Hensel". Göttingen, 1898.

---

*) Въ 1843 году 28 бѣдныхъ ткачей въ Редчелѣ объединились, внесли капиталъ въ 28 фунтовъ стерлинговъ и открыли потребительную лавку. Въ настоящее время изъ этого небольшого предпріятія развилось могучее потребительное общество съ милліоннымъ капиталомъ, собственными фабриками и великолѣпными образовательными учрежденіями.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Прудонъ.

Своеобразное и одинокое положеніе занимаетъ среди соціальныхъ реформаторовъ Пьеръ Жозефъ Прудонъ. Онъ родился въ 1809 году въ Безансонѣ, въ честной и бѣдной рабочей семьѣ. Вынужденный еще въ раннемъ дѣтствѣ самъ добывать себѣ средства къ жизни, онъ избираетъ занятіе наборщика, внушившее ему любовь къ занятію науками и давшее ему возможность получить нѣкоторыя познанія. Для пополненія своихъ знаній онъ послѣ двухлѣтнихъ странствованій въ качествѣ подмастерья отдается чтенію, а въ 1838 году ему удается получить стипендію отъ академіи родного города. Изданіемъ перваго своего сочиненія о собственности онъ теряетъ, однако, расположеніе своихъ друзей и открываетъ собственную типографію. Потерпѣвъ здѣсь скоро неудачу, онъ поступаетъ сначала въ бюро парижскаго адвоката, а затѣмъ въ торговый домъ въ Ліонѣ, занимающійся перевозкой товаровъ и торговлей углемъ, гдѣ ему удается многосторонне познакомиться съ практической жизнью. Революція 1848 года выдвигаетъ Прудона на политическую арену, на которой онъ блестяще проявляетъ себя въ качествѣ журналиста, и громаднымъ большинствомъ голосовъ онъ избирается отъ города Парижа въ палату депутатовъ. Какъ въ своихъ журналахъ, такъ и въ парламентѣ онъ борется за свои соціальныя идеи, но не въ состояніи достичь практическихъ результатовъ, потому что всѣ партіи относятся къ нему враждебно. Наступившая съ избраніемъ въ президенты Луи Наполеона реакція скоро кладетъ конецъ его общественной дѣятельности. Преслѣдуемый и осужденный за проступки противъ цензуры, онъ вынужденъ прожить 10 лѣтъ въ изгнаніи въ Брюсселѣ и лишь въ 1860 году онъ вслѣдствіе амнистіи можетъ вернуться въ Парижъ, гдѣ и умираетъ въ 1865 году. Послѣднія 15 лѣтъ своей жизни Прудонъ провелъ вдали отъ злободневной политики, отдавшись исключительно научнымъ занятіямъ и изданію своихъ многочисленныхъ сочиненій по экономическимъ, политическимъ, философскимъ и религіознымъ вопросамъ (всего 51 томъ).

Въ 1840 году Прудонъ обнародовалъ свое сочиненіе о собственности подъ заглавіемъ: «Qu' est ce que la propriété?» («Что такое собственность?»). Въ выборѣ этого заглавія онъ руководился примѣромъ аббата Сіэса, давшаго лозунгъ великой французской революціи своимъ знаменитымъ памфлетомъ: «Qu' est ce que le tiers-etat?» («Что такое третье сословіе?»).—Прудонъ различаетъ между собственностью, какъ исключительнымъ правомъ распоряженія имуществомъ, и владѣніемъ, подъ которымъ онъ понимаетъ пользованіе имъ. Онъ принципіально отрицаетъ всякую собственность, но не только по отношенію къ отдѣльному человѣку, но и по отношенію къ обществу. Человѣкъ имѣетъ право на продукты своего труда, но это право распространяется только на форму, которую онъ придаетъ тѣламъ природы, само вещество намъ не принадлежитъ, потому что мы его не создали. Это различіе касается не только всего сырья, обрабатываемаго промышленностью, но и земли.—Если человѣкъ до начала своей работы или въ теченіе ея былъ вправѣ присвоить себѣ необходимое вещество, какъ собственность, то это право онъ долженъ выводить не изъ труда, а изъ захвата. Когда земля была еще въ изобиліи, право пер-

ваго захвата могло имѣть еще силу, но только какъ право временное. Равномѣрное распредѣленіе земли должно существовать не только въ началѣ исторіи человѣчества, а во избѣжаніе злоупотребленій должно возобновляться отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Такимъ образомъ, Прудонъ вовсе не оспариваетъ права личнаго распоряженія участкомъ земли или сырьемъ, а онъ оспариваетъ только право на тотъ особый доходъ, который выражается въ собственности и проявляется въ различныхъ формахъ: въ видѣ земельной ренты, платы за наемъ и аренду домовъ и земельныхъ участковъ, процентовъ съ денегъ и прибыли на капиталъ. Онъ пытается показать, какъ возникъ этотъ побочный доходъ, по его мнѣнію, несправедливый. Характеръ римскаго и феодальнаго права былъ основанъ на томъ, что собственникъ самъ производилъ почти все, что онъ потреблялъ; онъ никогда не одалживалъ, ничего не покупалъ и не продавалъ, былъ свободенъ отъ оковъ распредѣленія труда, и употребленіе денегъ было ему чуждо. Раздѣленіе труда уничтожило это изолированное положеніе земельнаго собственника. Въ настоящее время земельный собственникъ сталъ промышленникомъ, крупнымъ производителемъ хлѣба, вина, масла и мяса, зависитъ отъ всѣхъ случайностей торговли и промышленныхъ кризисовъ и вынужденъ часто прибѣгать къ помощи кредита и банковъ. Такъ положеніе земельнаго собственника, нѣкогда столь прочное, стало въ настоящее время столь же непостояннымъ, какъ заработная плата рабочаго и доходы купца.

Въ собственности Прудонъ видитъ основную пружину исторіи человѣчества, и этимъ онъ является, въ сущности, однимъ изъ основателей, такъ называемаго, экономическаго матеріализма, желающаго объяснить всю исторію человѣчества съ точки зрѣнія его экономической жизни. Но онъ далекъ отъ односторонности историческаго матеріализма, указывая на взаимодѣйствіе, существующее между историческими событіями, съ одной стороны, и идеями—съ другой. Въ то же время онъ направляетъ всю свою ненависть на собственность: всѣ несправедливости, все насиліе, которыя направлены въ современномъ обществѣ противъ свободы, онъ выражаетъ въ одномъ словѣ «собственность».

Но если Прудонъ оспариваетъ собственность, то индивидуальное владѣніе онъ считаетъ условіемъ всякой соціальной жизни, доказательство чему онъ видитъ во всей исторіи человѣчества. Вотъ почему онъ такой же рѣшительный противникъ всякаго коммунистическаго направленія и объявляетъ войну не только частной, но и коллективной собственности. Всякую насильственную, слишкомъ рѣзкую, мѣру, всякую революцію онъ считаетъ зломъ: устраненіе собственности должно произойти на основѣ органическаго развитія. Общая закономѣрная экспропріація совершенно невозможна. Какъ Геркулесъ, говоритъ Прудонъ, схватилъ змѣя не за голову, а за хвостъ, такъ необходимо напасть на капиталъ, направляя свои удары не на ядро его, а на проценты и прибыль. Если непрестанно ограничивать проявленія собственности, какъ рента, процентъ и т. д., можно собственность почти свести къ нулю. Такимъ образомъ, Прудонъ хочетъ маленькими стычками, какъ онъ выражается, постепенно уничтожить собственность, вмѣсто того, чтобы вдохнуть въ нее новую силу, устроивъ варѳоломееву ночь противъ всѣхъ видовъ собственности. Его борьба, слѣдовательно, направлена не противъ личности собственника, а противъ собственности самой. Своимъ знаменитымъ изрѣченіемъ: «собственность есть воровство», которое, впрочемъ, уже до

